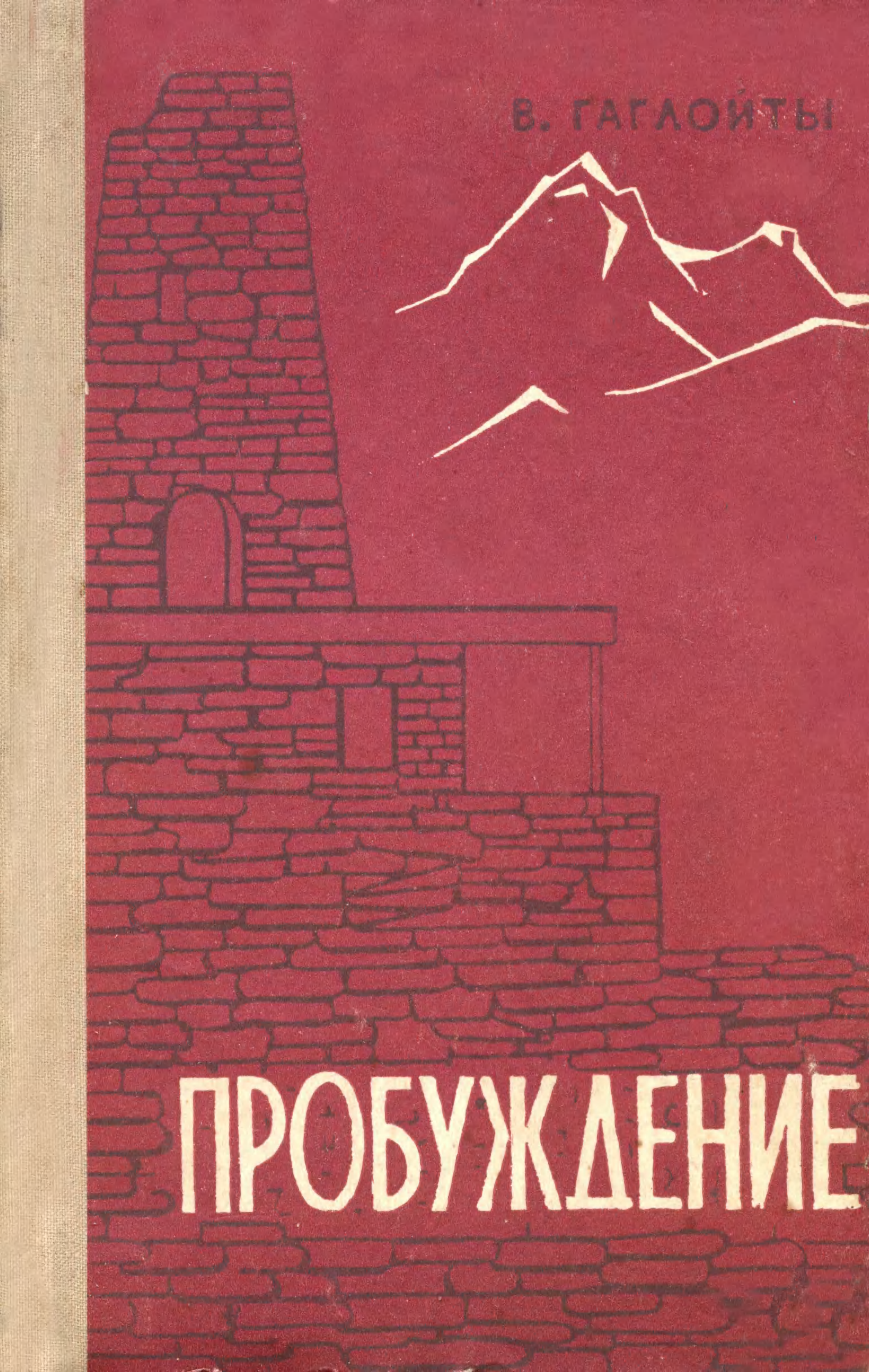

В. ГАГЛОИТЫ

ПРОБУЖДЕНИЕ

Отсканировано
в сентябре 2015 года
специально для эл. библиотеки
паблика «Бæрзæфцæг»
(«Крестовый перевал»).

Скангонд æрцыд
2015 азы сентябры
сæрмагондæй паблик
«Бæрзæфцæг»-ы чиныгдонæн.

<http://vk.com/barzafcag>

Известный осетинский писатель Владимир Гаглойты — автор многих романов, повестей и пьес. Роман «ПРОБУЖДЕНИЕ» — произведение большого социального звучания. История борьбы горцев за независимость, за клочок земли и, в целом, за право быть человеком рассказана психологически правдиво.

Действие романа охватывает период с конца XIX века до разгара первой русской революции.

Главные персонажи произведения вырисованы с большой художественной силой. Коварным и беспощадным хищникам типа Солыма и Зо-раевых автор противопоставляет вожака горских бедняков Ахсартага Бесолова и его товарищей.

Долго и тернист путь Ахсартага к заветной правде. Оклеветанный в убийстве, он сослан на каторгу в Сибирь. Там он знакомится с революционером-подпольщиком Василием и становится его единомышленником...

Острый, захватывающий сюжет романа развивается на фоне ярких зарисовок быта и нравов горцев, пленительной красоты природы Осетии.

ВЛ. ГАГЛОЙТЫ

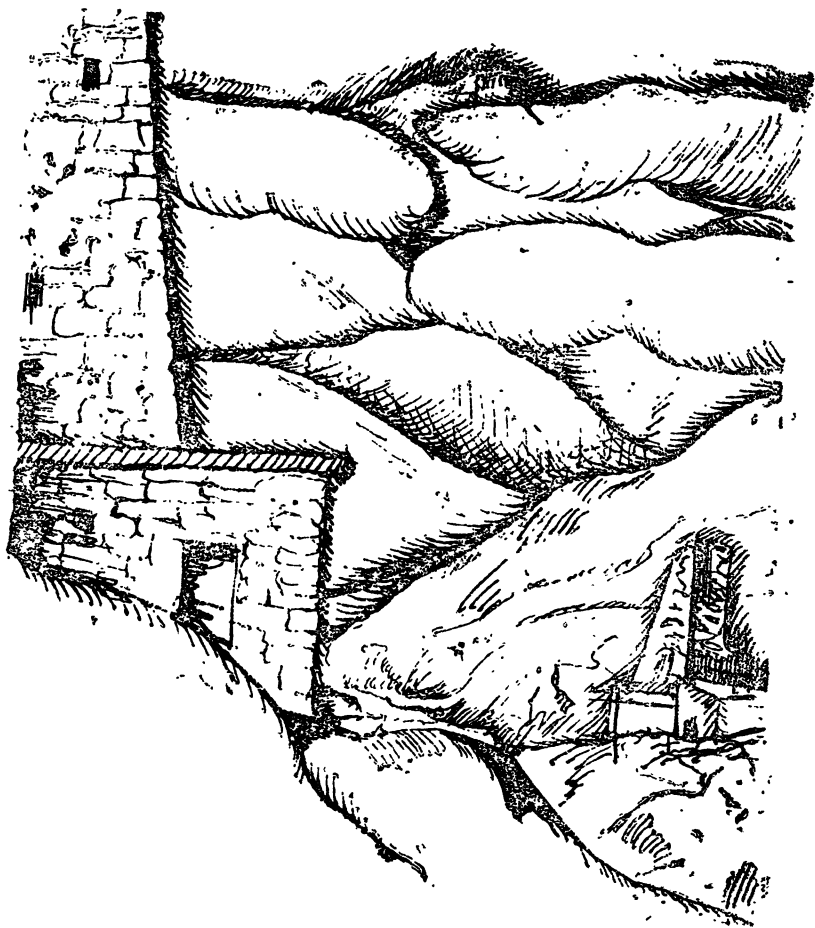
ПРОБУЖДЕНИЕ

РОМАН

Перевод с осетинского Е. М. ВОРОБЕЙЧИКА

**ИЗДАТЕЛЬСТВО „ИРЫСТОН“
ЦХИНВАЛИ 1973**

Редактор перевода Н. Г. Джусойты
Художник Ш. Г. Джоев

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРОЛОГ

Враг наш ликующий в бездну нас гонит.
Славы желая, бесславно мы мрем.
Родина-мать и рыдает и стонет...
Вождь наш, спеши к нам — мы к смерти идем.

К. Хетагуров

В глубине ущелья, вниз по берегу бурной реки, сквозь густой бурьян и кустарник, словно по тревоге, мчалась Саучызг. Ее ноги, изодранные колючей ежевикой, оставляли на листьях лопуха багровый след.

Давно потерял платок. Иссиня-черные длинные косы Саучызг расплелись, и волосы ее клочьями остаются на колючих кустах, а она вся устремлена вперед; пробивается, словно темные силы гонятся за ней.

Путаясь окровавленными ногами в зарослях ежевики, она падает, замирает, прислушивается, при малейшем шорохе, как лань, пугливо вздрагивает и снова стремительно шагает вниз по бурьяну. Перед ее мысленным взором проносятся: гора... скала... два рода — Санаговы и Цалоевы...

Цалоевы — большой род, а Санаговых — всего лишь три семьи. Между ними постоянно возникали распри. Ссоры эти вспыхивали чаще из-за крохотного клочка пахотной земли. Земля эта раньше принадлежала Берду Санагову, но Цалоевы силой отобрали ее и вспахали. Берд попытался восстать против них в одиночку, но Цалоевы сообща жестоко избили его, и он уже не мог оправиться, через год скончался. У него осталось три сына. Когда они подросли, поженились, обзавелись деть-

ми, то нищета заставила братьев затребовать клочок отцовской земли. Цалоевы их и слушать не хотели. Тогда братья Санаговы самовольно вспахали свою землю.

Созрел урожай. Цалоевы улучили момент, и в один день, когда братья Санаговы отправились на традиционный зиу,¹ они скосили хлеб и перевезли его в свой двор.

Вечером братья Санаговы вернулись домой и, увидев скошенную полосу, кинулись к дому Цалоевых. Навстречу им вышла самодовольная молодежь Цалоевых и — вспыхнула ссора. Один из Цалоевых, наглый и коварный Хиуа, подкравшись незаметно сзади, хватил младшего Санагова дубиной по голове.

Хлынула кровь. Прорвалась накипевшая злоба у Санаговых, сверкнули их кинжалы, и трое Цалоевых грохнули наземь. Так смерть черной гадюкой проползла между двумя родами: земля залилась их кровью. Санаговы убили еще нескольких Цалоевых, но их самих тоже изрубили на куски. После этого оставшиеся в живых Цалоевы ворвались в дома Санаговых и, убивая всех мужчин, подняли руку даже на грудных детей.

Спасая гибнущий род Санаговых, беременная Саучызг, жена младшего брата, незаметно вылезла через окно и потайными тропками ушла в лес.

Темная ночь прокралась в глубь леса. Не видя дороги, Саучызг то наталкивается на стволы деревьев, то падает на кусты. В один момент ей показалось, будто земля куда-то провалилась, и она повисла в воздухе. Она упала в обморок и долго не могла прийти в себя. Наконец очнулась. Голова болела, звенело в ушах, тошнило. «В такой темноте я могу провалиться в пропасть», — подумала она и, осмотревшись вокруг, не осмелилась шагнуть дальше.

Эту ночь она провела не сомкнув глаз. Вначале стояла мертвая тишина, затем зашумел лес и раздался жуткий вопль. У Саучызг от страха чуть сердце не разорвалось, она прижалась к дереву, и глаза ее забегали. А в какой-то момент что-то сверкнуло и тут же померкло. «Волк!» — закричала она в страхе, крепко зажмурившись, потом снова искала в ночной мгле огоньки

¹ Зиу — форма коллективной помощи во время сенокоса и уборки урожая.

Они исчезли, но теперь другая беда нависла над ней: что-то странное сверкает прямо над ней. Оно то гаснет, то снова загорается и будто выбрасывает язык и лижет землю. Саучызг не знает, куда ей деваться. Собрав остатки сил, она бочком отползла в сторону. Нащупала в темноте острый камень и, зажав его в объятиях, до утра настороженно прождала встречи с этим загадочным чудовищем.

Перед рассветом лес притих. Замолкла сова. Смеренная пережитым страхом и бессонницей, Саучызг крепко уснула.

Рассвело. Проснулись обитатели дремучего леса. Природа снова ожила. Птицы дружным хором запели гимн рождению нового дня. Вот первые лучи солнца осветили вершины гор. Проснулась Саучызг от тревожного шороха и треска сучьев. Прислушалась... Кто-то, грузно ступая, пробирался в ее сторону, ломая ветви. «Нашли меня! О горе моему очагу!» — забилося сердце, и она бросилась в сторону ущелья.

Саучызг давно сбилась с пути. И куда ее несет... А, впрочем, ей все равно куда, лишь бы подальше от убийц мужа.

Знойные лучи уже нещадно палили, и лес будто вспыхнул багровым пламенем, а над ним повисло темно-голубое марево.

Устала Саучызг, ноги перестали ее слушаться. Вдруг кольнуло в левом боку, будто ударили острием штыка. Боль была острой, мучительной, и у женщины потемнело в глазах, подкосились ноги, и она рухнула на широкие листья лопуха.

«Не-ет, надо идти, надо бежать... Если я в этом глухом ущелье потеряю сознание — некому будет помочь», — подумала она и привстала. Но долго ей не пришлось идти. Снова упала в обморок. Очнувшись, с трудом, на четвереньках, доползла до тенистой чинары. Начались родовые схватки. Женщина корчится от боли, извивается, рвет на себе волосы, царапает землю ногтями.

После долгих мук она разрешилась мальчиком. Присела с трудом и, завернув новорожденного ребенка в свое платье, прижала его к груди. Женщина истекала кровью, и поняла она, что пришел ей конец, и в этом глухом ущелье придется умереть. Эхом раздался в ущелье ее неистовый вопль:

— О святая богородица, помоги!

В это время известный охотник из аула Тедотикау¹ Цопан в теснице ущелья с заряженным ружьем ждал оленят, которые к вечеру, крадучись, спускались к реке. Услышав женский вопль, он подумал: «Наверное, похитители насилуют девушку», — и бросился вверх, вдоль реки.

Цопан дошел до чинары. Смотрит и — растерялся: рядом с женщиной, потерявшей сознание, на сухих листьях лежит новорожденный ребенок. Не мешкая, он принес в войлочной шляпе воды и побрызгал на мертвенно-бледное лицо женщины. Она приоткрыла глаза, поискала руками свое дитя; увидев незнакомого человека, резко изменилась в лице и в смертельном страхе с трудом выговорила:

— Не заруби моего ребенка!..

— Не бойся, сестра, — успокоил ее Цопан.

Когда Саучызг поняла, что он не из врагов ее, то еле слышно проговорила:

— Кто ты — не знаю... Наверное, бог тебя послал на счастье моему сыну. Умоляю: не оставь моего ребенка... — что-то она хотела еще сказать, но сердце ее остановилось.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

I

Дождь льет без конца, как будто хляби небесные разверзлись. Вздвухшиеся, вышедшие из берегов реки в ярости катят по ущелью огромные валуны. Их стелания слышны до самого перевала. Свинцовые тучи закрыли все небо, и не поймешь: то ли полдень, то ли сумерки.

Дзанг обеспокоен. Он промок до костей, и зуб на зуб не попадает. Сегодня он опять один с отарой. Его напарник Ацамаз ушел в аул еще утром, обещая тут же вернуться, но его все нет и нет. И что ему там надо? И чего он зачастил туда, ведь у него там нет ни родственников, ни знакомых?

¹ Осетинские аулы в основном были родовыми поселениями, поэтому их часто называли по имени рода.

Не прошло еще и трех месяцев, как Дзанг нанялся чабаном к алдару¹ Дзанхоту Елоеву. За это время Ацамаз более десяти раз побывал в ауле. Дзанг ему никогда не запрещал. Но сегодня... Видит же, какой дождь льет: кажется, что снесет горы. К тому же эти тяжелые тучи, как уставшие быки, развалились на склонах и не видно ни зги. Далеко ли до беды. Овцы могут отбиться от отары и, если дойдут до Чертовой скалы или ледника, что с северной стороны, то провалятся в пропасть.

Скрытным и замкнутым кажется Дзангу Ацамаз. Так-то он живой и находчивый парень, но, видно, сердце ему гложет какая-то печаль и тяжкие думы не дают ему покоя. Лицо у него часто мрачнеет, взгляд становится задумчивым. Улыбается — лишь по возвращению из аула. Но на другой же день, как мартовская погода, резко меняется выражение его лица: снова он ходит хмурым и слова от него не вытянешь.

Жизнь в горах делает людей наблюдательными. И Дзанг замечал в своем друге все эти перемены. Несколько раз он пытался поговорить с ним откровенно, но тот все отмалчивался. Должно быть, не зря он бежит в аул. На этот раз Дзанг его так не оставит: он должен узнать причину тайных страданий Ацамаза. А если он не откроется, то какой он товарищ Дзангу.

«Ох этот проклятый дождь! Перестал бы хоть на некоторое время, дал бы возможность проверить отару, — беспокоится Дзанг. — Хоть бы прошел этот день без беды... Целый день кручусь, как юла, — устал... И голод, и холод можно вытерпеть, но... Впрочем, одному богу известно, цела ли отара...»

С гор подул ветер. Постепенно рассеялся и стелющийся по земле густой туман. Теперь хорошо видно овец. Дзанг не стал их останавливать, поплелся следом.

Смеркалось, когда Дзанг с трудом пригнал отару. Встал у дверей овчарни и начал считать лениво входящих овец. Убедившись, что овцы целы, Дзанг вошел в шалаш, развел огонь, снял с себя мокрую одежду, выжал ее и развесил на просушку. Нашлась старая, разодранная, но сухая одежда — Дзанг переоделся, закутался в бурку и присел у огня. Уже совсем стемнело, когда

¹ Алдар — барин, господин.

появился и Ацамаз. Молча, с чувством вины, он присел у огня.

— Ради бога, прости меня, Дзанг, я виноват перед тобой, — наконец, произнес он, — торопился, но в ущелье разлилась река, снесла мост и невозможно было ее перейти. Но зная, что ты один мучаешься, решил пересечь реку вброд. До середины реки дошел удачно, но вдруг волна сбила меня с ног и понесла. С большим трудом удалось мне выплыть на берег... Ногу расшиб и... С палкой вот добрался... Прости.

— О боже, ты же себя губил! Кто взбесившуюся реку вброд переходит? — примирительно сказал Дзанг.

— Как отара?

— Цела, слава богу!

Ацамаз облегченно вздохнул.

— Ацамаз, прости, но я каждый раз спрашиваю тебя об одном деле, а ты мне не даешь ответа. Возможно, ты мне не доверяешь. Но если это так, если мы боимся довериться друг другу, то мне лучше уйти с другой отарой, — осторожно начал Дзанг. — Не понимаю, почему бы тебе не поделиться со мной. Пойми, ты меня обижаешь.

Лицо Ацамаза помрачнело. Он нервно покусывал нижнюю губу, зажав голову в ладонях и упершись локтями в колени.

— Постыдился бы, Ацамаз, ведь мы друзья-ровесники, — осторожно продолжал разговор Дзанг, — у нас и радость и горе общее. Одной ложкой из общей миски хлебаем... И ведь вижу я: мучаешься ты, какая-то печаль гложет тебя... А почему ты замкнул свое сердце... Открой его... Легче тебе станет... Клянусь, как друг, клянусь...

Ацамаз словно окаменел. И непонятно было: то ли печаль слишком тяжела, то ли тайна невыносимо сокровенна...

— Спасибо, Дзанг, я верю, — ты в беде рядом со мной, но ты не в силах мне помочь...

— Да, но почему бы не поделиться со мной.

— Если расскажу, сумасшедшим считаешь меня.

— Ты, наверное, влюбился?

— Да, — глубоко вздохнул парень.

— Поздравляю...

— Какое там поздравление... Горе мне...

Ну, а что в этом плохого? Кто она?

Колдунья.

Вот это да! Видно, ты уже по уши влюблен.

Хуже.

Я к твоим услугам.

Услуга? — простонал юноша. — В этом деле мне сам бог не поможет.

— Если девушка согласна, то... Похитим ее.

Похитить? Если солнце похитишь с неба, то и ее...

— Она в таком надежном месте спрятана, что ли?

— В неприступном...

— Скажи хоть, кто она.

Агунда, дочь алдара Дзанхота Елоева, — страх блеснул в горящих, как угольки, глазах Ацамаза, он словно испугался, что похитят его сокровище.

А у Дзанга волосы дыбом встали, когда он услышал имя Агунды. Он хотел что-то сказать, но слова застряли в горле, и мурашки поползли по телу. О красавице Агунде Дзанг часто слышал от пастухов. Слово песни, из уст в уста передавалась молва о ее чарующей красоте: ее сравнивали с солнцем, ставили в ряд со звездами. Говорили, что она дерзкая и надменная. Откуда только к ней не идут женихи, один прославнее другого, сыновья алдаров, побогаче ее отца, но она и смотреть на них не хочет. Поговаривали еще, что сын самого князя Эристави сватался к Агунде, все свое состояние отдавал в калым, но девушка и ему отказала.

Ее отец Дзанхот очень богат: у него столько имущества, что, наверное, во всей Осетии равного ему не сыщется. В три дня не обойти его поля, сады и виноградники. Немало податей собирает он в принадлежащих ему аулах. Особенно многочисленны его стада и отары. В Тифлисе и Гори у него свои лавки, в которых торгуют мясом, маслом, сыром и шерстью. Он скупает скот у бедных крестьян и продает его в два-три раза дороже.

У алдара пятеро сыновей и одна дочь. Сыновей приобщил к торговле. У него очень много слуг, но платит им гроши. Те жалуются на него мировому, но еще ни разу не выиграли. От писаря до губернатора все подкуплены Дзанхотом, и никто не осмеливается выступить против него.

Все это Дзанг слышал от пастухов, поэтомупеча-

лился он признанием Ацамаза. Как осмелился влюбиться в дочь алдара бедный батрак Ацамаз? Как сорвалось это признание с его уст?

— Погоди, погоди... Ты случайно не шутишь ли? — Дзанг никак не мог поверить своим ушам.

— До шуток ли мне...

— Ну, как же это случилось?

— Как? Я и сам не знаю. Три года тому назад она, на мое несчастье, приехала к нам в аул на свадьбу к родственникам. Там я ее увидел впервые. Увидел — и небо на меня обрушилось, мир перевернулся. Она, словно колдунья, вырвала из груди моей сердце и забрала его, чтоб играть им. Полюбил я ее странной любовью — все позабыл. Махнул рукой на свою жизнь и нанялся батраком к ее отцу, чтобы быть к ней поближе... Если я не вижу ее, весь мир для меня мраком покрывается... Знаю: я совершил глупый поступок, как сумасшедший повел себя. Узнают люди — всеобщим посмешищем стану, но что делать?! Сердце разбито и не подчиняется разуму. Знаю и то, что грезам моим не суждено сбыться. А если отец ее узнает об этом, он меня на кончик вертела насадит, и я свою любовь скрыл за семью дверьми крепко-накрепко. Никто не имеет права открывать эти двери. Кроме тебя, я никому не доверился и прошу — нигде не проговорись. Если проговоришься — быстрее птицы долетит до Дзанхота и — пропала моя головушка, — предупредил юноша. Порой мне кажется, что я краду чужое счастье. Я знаю, что не имею на нее прав. Но виновен ли я в том, что влюбился, что для меня она божество, и я тайно молюсь на нее. Теперь ты знаешь все, — закончил печальную повесть юноша и снова захопнул дверь сердца.

Дзанг был в возрасте любви, но любовь еще ни разу не тронула его сердце. Да и возможности у него не было. Он осиротел еще ребенком. Его приютил один бездетный богач. А когда он подрос, тот вручил ему посох и послал пасти скот.

Суров и беспощаден был его хозяин: за малейшую оплошность он жестоко избивал пастушонка. С большим трудом терпел Дзанг около пяти лет, затем в один день, оставив скот на пастбище, сбежал. Еще несколько лет он кочевал из аула в аул, нанимаясь батраком, и вот три месяца тому назад прибыл к Дзанхоту Елоеву.

Предметом его тяжких дум и переживаний была его беспросветная, унылая жизнь. У него не было ни настоящего, ни будущего. Будущее, как и настоящее, было неясным. Впрочем, ему не верилось, что он когда-нибудь полюбит. Дзанг знал, что где-то в аулах парни и девушки выбирают себе любимых, ночами сон теряют, днем встреч ждут. Понимал, что любовь — одна из лучших наград жизни, ее источник, но никогда не слышал и не поверил бы, что любовь может лишить мужчину разума, заставить его покинуть родной очаг и добровольно пойти в рабство. Какой-то невероятной показалась ему история Ацамаза.

«Ну, кто она, эта девушка, которая своей красотой парня до такого состояния довела? Да хоть бы надежда какая была?» — думал Дзанг и спросил друга:

— Ацамаз, ей-богу, я ничего не понял. Говоришь, что она не выйдет за тебя. В таком случае чего ты в жертву себя приносишь? Не сошелся же свет клином на Агунде?

— Я знал, что ты так скажешь. Но ты не знаешь Агунды... Много девушек, пригожих и прелестных, но сердцу не прикажешь, а оно других не замечает.

— Ну, тогда дай знать девушке... Может, и она полюбит...

— Эка, хватил, Дзанг! Когда это было, чтобы дочь алдара полюбила батрака, нищего... Если она узнает, оскорбится и прогонит меня.

До Дзанга только сейчас дошло, почему Ацамаз так часто бывает в ауле, и он спросил его:

— Отец не догадывается, почему ты так часто бываешь у них?

— Он даже доволен. В большом доме алдара всегда рук не хватает. А тут бесплатный работник. Ведь плата для меня — лишь взгляд Агунды, — ответил Ацамаз. — Прости, Дзанг, уж который раз я тебя одного с отарой оставляю. Из-за меня и ты мучаешься...

— Я-то что? Мучаешься ты...

— Если в этом ужасном мире кто-нибудь сошел с ума, так это я... Но что мне делать?.. Я борюсь с несбыточными надеждами, но я в плену у них и нет мне спасения. Прости...

Дзанг молчал. Он, с одной стороны, жалел этого удрученного парня, потерявшего из-за любви человечес-

кий облик, с другой стороны, упрекал его. Парень-джигит теряет голову из-за любви — этого Дзанг никак не мог простить Ацамазу.

Спустя три дня, Ацамаз снова пошел в аул. А на следующее утро, когда он вернулся, лицо его так сияло, словно на его долю выпала величайшая радость.

— Таким веселым ты никогда не возвращался. Наверное, тебя тесть приласкал, — подзадорил его Дзанг.

— Знаешь, друг, Агунда собирается сегодня с отцом прийти сюда, — поспешил Ацамаз поделиться своей радостью. — Я уговорил ее, описал красоту здешних мест.

Дзанг в душе вдоволь посмеялся над ним: «Оказывается, он еще совсем ребенок. Бедняга!.. Интересно, какие блага ждут его, если она придет?»

В этот день Ацамаз не взял посоха. И когда Дзанг спросил его на пастбище, где его палка, он слукавил:

— Потерял...

Но вдруг Дзанг обратил внимание на руки Ацамаза и сердце его дрогнуло от жалости. С ладоней парня была содрана кожа, они кровоточили, пальцы так распухли, что, казалось, вот-вот лопнут.

— О, господи, что ты с собой-то сделал?!

— Знаешь... Я не жалел сил, когда складывал ограду вокруг их двора, потому что Агунда была рядом, — отвечал Ацамаз, гордо улыбаясь, как будто отличился в ожесточенном бою на поле брани.

— Да провались ты ко всем чертям со своей Агундой, — взорвался Дзанг. — Ты что, решил сгубить себя? Если когда-нибудь еще услышу, что ты собираешься в аул, — берегись!

— Не сердись, ничего страшного не произошло, — Ацамаз взглянул на Дзанга искоса бесхитростными глазами, пряча руки за спину. — Знаешь, за столько лет впервые удалось поговорить с Агундой. И какое у нее доброе сердце! А голос... Глаза... Отца ее не было дома, и я заработался дотемна, так она не пустила меня в горы на ночь глядя. Жалко, говорит, тебя, отдохни.

— «Жалко, говорит, тебя». Глупец, лучше б она тебе перевязала израненные руки, — не смог Дзанг сдерживать своего гнева. — Хорошая девушка так не поступает.

— Она ничего не заметила: я их прятал.

— Провались тот, кто тебя такого породил: превра-

тил себя в игрушку. Ты же мужчина, черт возьми, нельзя же так. Стоит ли себя унижать из-за девушки с каменным сердцем?!

— Замолчи! Она не с каменным сердцем. И если ты не хочешь, чтобы мы поссорились, то не оскорбляй Агунду при мне, — обидой блеснули глаза парня. Лицо налилось кровью. Дзанг понял: еще одно слово и... Ацамаз кинется на него зверем.

— Прости, я Агунду не оскорбляю, — но руки твои...

— Руки что?.. Были б кости, мясо нарастет. Впрочем, если бы повторилась вчерашняя возможность, я бы за одну улыбку Агунды отдал обе руки.

Дзанг махнул рукой и пошел к овцам. Летнее солнце стало припекать, и овцы потянулись к леднику. Ледники, прогреваемые летними солнечными лучами, обычно оттаивают и местами становятся тонкими и хрупкими. Опасно пускать овец на ледник: лед может треснуть под их тяжестью и овцы провалятся. Дзанг опередил отару и отогнал их от ледника. А Ацамаз сел внизу на выступе скалы и глаз не спускает с тропинки у входа в ущелье.

Дзанг понимал состояние друга и оставил его наедине с его думами.

Утолив жажду, овцы пошли вниз в прохладное место. Солнце стояло высоко, над самой головой. Наступил полдень. Дзанг достал из котомки миску и позвал Ацамаза, чтобы тот попридержал овцу. Но Ацамаз и ухом не повел, не шелохнулся. Дзанг всердцах плюнул, поймал одну из самых дойных овец, подоил ее в миску, затем покрошил в молоко куски чурека и сел обедать. Не успел пообедать, как услышал тревожный голос:

— Дзанг! Дзанг! Она сдержала свое слово. Е-е-едет Агунда!

Дзанг привстал. Видит, Ацамаз стоит на выступе скалы внизу и, махая шапкой, показывает в сторону ущелья.

Дзанг отвел взгляд от Ацамаза, его внимание привлекла узкая извилистая тропинка, ведущая к перевалу. Но, никого не заметив, он подошел поближе и, прикрыв глаза ладонью, снова стал пристально вглядываться в ущелье. Там — ни души. Кругом мертвая тишина.

Лишь во все стороны разносится хриплый голос Ацамаза: «Е-е-едет! Е-е-едет!»

«Наверное, рехнулся», — затрепетало сердце Дзанга, и он бросил пристальный взгляд на друга. Ацамаз показывал не в ту сторону, куда смотрел Дзанг. Теперь Дзанг увидел всадника в глубине ущелья. Всадник кричал тревожно, что-то показывал, но невозможно было его расслышать.

«Лошады! Лошады!» — наконец уловил Дзанг. «Наверное, у кого-то пропала лошадь, и он ищет ее, — думал Дзанг. — Но почему же он сюда мчится и будто по тревоге?»

Мысль его оборвалась неожиданным появлением всадника. Что-то необдуманное, легкомысленное почудилось Дзангу в его поведении. Ну кто же так бешено гонит коня на перевале, где каждая скала опасна?! Интересно, кому это надоела жизнь? Кто это так быстро мчится к своей смерти?..

Лошадь приблизилась, и теперь Дзанг ясно мог разглядеть седока. Это был совсем юный наездник. Он судорожно вцепился в гриву коня, отпустив поводья, и конь, почувствовав волю, мчался, не разбирая дороги. Заметив, что лошадь на полном скаку устремилась к Чертовой скале, круто обрывающейся над бездонной пропастью, Дзанг догадался, что лошадь испугалась чего-то и понесла всадника в пасть смерти.

— Дзанг! Дзанг! Куда ты подевался? Пропадет! — услышал Дзанг нечеловеческий рев Ацамаза и тут же вскочив, рванул наперерез бешено скачущей лошади. И откуда только появилась у него такая сила! Он мчится к горке, под которой должна пронестись взмыленная лошадь. Вообще-то по склону быстрее и легче было выйти навстречу ей, но... Когда он добежал до скалы и взглянул вниз, то от ужаса похолодел: опоздал! Уже не догонит!

Так называемая Чертова скала как будто нарочно сделана. К ней тянется, словно приманка к западне, на редкость ровная, узкая полоса земли, внезапно обрывающаяся над самой пропастью. По обеим сторонам от нее стоят отвесными стенами, словно их рассекли мощным ударом сабли, обнаженные скалы, обрывающиеся, как и тропа, у края пропасти. Дух захватывает при виде этого глубокого, мрачного ущелья. Далеко

внизу громада валунов преградила путь горной реке, и образовалось бездонное озеро. Летом от потоков ледниковой воды оно вздувается, выходит из берегов, пробивает себе дорогу сквозь валуны. Странно и угрожающе рычит оно. Сюда не проникает солнечный луч, и поэтому здесь всегда стоит затхлый запах и вода в озере черным-черна. Немало людей, немало скотины падало с этой опасной скалы. Узкую дорожку, ведущую к этой скале, люди прозвали Обманчивой, а скалу — Чертовой.

Дзэнгу, заметившему, что лошадь мчится именно в ту сторону, нетрудно было догадаться, какая беда ждет ее. В сознании юноши внезапно блеснул луч надежды, и, резко изменив направление, он бросился к Чертовой скале.

Теперь судьба всадника зависела от того, кто первым дойдет до скалы. И Дзанг вступил в соревнование с взбесившейся от испуга лошадыо. Бежит, не разбирая дороги. По лицу ручьями струится пот, застилает глаза, и нет возможности стереть его.

В какое-то мгновение до него донесся лошадиный храп. Метнул взгляд назад: понял — догоняет. Собрав остатки сил, помчался вперед: даже не почувствовал, как очутился на скале.

Но здесь его поджидала новая беда. Площадка над обрывом оказалась слишком узкой и короткой. Остановить на ней испуганную лошадь будет невозможно. Лошадь растопчет его, раздавит о каменную стену или сбросит перед собой в бездну.

Пометался парень, потом взглянул на одну из двух отвесных стен, стоявших по обеим сторонам площадки, и в голове его молнией блеснул дерзкий замысел... Одним прыжком он очутился на одной из стен в том месте, где она понижалась до человеческого роста... Итак, место прицела он занял. Теперь или он осуществит свой замысел, или лошадь сбросит его вместе с седоком в пасть могилы. Другого выхода нет. Прижавшись спиной к скале, расставив ноги и ухватившись за острый выступ, чтоб стоять попрочнее, Дзанг решил рискнуть жизнью. И как только лошадь подскакала, Дзанг, собрав все свои силы, схватил правой рукой седока и вырвал его из седла... Вопль всадника и неслыханное ржа-

ние лошади, летящей в пропасть, донеслись еще до него, и он потерял сознание...

Спустя некоторое время он пришел в себя. Боле- ла голова, гудело в ушах: что-то навалилось ему на грудь, а он правой рукой прижимал его к себе... А левая рука все держала скалу, как будто прилипла к ней. Пытался раскрыть глаза, но что-то мешало ему. Отпустив скалу, он левой рукой провел по лицу. Смотрит и — чудо! Женские волосы... Девушка!.. Лицо без кровинки, белое, как полотно. Глаза закрыты, только изумительно черные вразлет брови покоятся, как подрезанные вороньи крылья. На ней мужское платье. Шапку, видимо, обронила. Девушка была в обмороке. Дзанг только хотел опустить ее на землю, как боль в ключице ударила в мозг, и он чуть не лишился сознания. Лишь теперь он понял, что ушибся.

К тому времени подбежал и перепуганный насмерть Ацамаз. На него страшно было смотреть. От мысли, что девушка сорвется в пропасть, лицо переко- шилось, а язык он будто проглотил. Зрачки застыли и глаза выпучились, как у мертвеца. Он не мог вымол- зить ни слова, лишь жестахми пытался что-то объяс- нить. Дзанг его и без слов понял.

— Ну, ладно, что ты оцепенел? Постыдился бы. Возьми ее!

— Жива? — наконец, вымолвил дрожащим голо- сом Ацамаз.

— Жива... Ну, бери же ее, я шевельнуться не могу.

Ацамаз протянул дрожащие руки и бережно опу- стил девушку на землю.

— Агунда! Агунда! — во весь голос ревел и метал- ся он. — Виноват я, виноват! Убейте меня, убейте!

Дзанг слез со скалы и велел Ацамазу отнести де- вушку в более безопасное место.

— Беги к леднику и принеси кусок льда! — велел он Ацамазу. И юноша со всех ног кинулся к леднику. Но лед не понадобился. Девушка зашевелилась и медлен- но открыла глаза.

— Где я? — чуть слышно прошептала она.

— В безопасном месте, не бойся.

— Кто ты, мой спаситель, скажи мне, — девушка вопросительно посмотрела на него.

— Дзанг — мое имя, я батрак твоего¹ отца.

— Дзанг, — девушка оглядела парня с головы до ног. — Спасибо.

Веки Агунды устало смежились. На лице медленно проступал румянец. Дыхание стало глубже: высокая грудь то поднималась, то опускалась.

К этому времени прибыл на место происшествия и Дзанхот, тяжело дыша, перепуганный насмерть. Ноги подкосились у него, как только он спрыгнул с коня. Дзанг подхватил его, успокоил, рассказал, как лошадь сорвалась в пропасть, как он девушку спас. От радости у Дзанхота слезы потекли ручьями. Пока возвращался Ацамаз со льдом, Агунда окончательно пришла в себя. Дзанхот усадил ее на своего коня, и они отправились домой.

II

С того дня прошло около недели. Боль в ключице Дзанга прошла. Да и сама история спасения Агунды им почти забыта. Зато Ацамаз сон потерял. Мечется. Терзает себя упреками: «Если бы не я, Агунда бы не поднималась на перевал и беды бы с ней не случилось». Боится Дзанхота: вдруг узнает дело и прогонит его. Дзанг его успокаивает, но до Ацамаза не доходят его слова.

Однажды на опасной извилистой тропинке из ущелья на перевал появился человек. Не было сомнения, что незнакомец направляется к пастухам. Первым его заметил Ацамаз и перепугался:

— Пропал я. Это Долат, слуга Дзанхота. Наверное, Дзанхот его за мной послал!

— Ацамаз, я начинаю злиться!.. Неужели ты не мужчина? Или Дзанхота... (Дзанг хотел сказать: «...взбалмошная девчонка ради своей прихоти устроила скачки у Чертовой скалы, а ты причем», — но вовремя прикусил язык)... дочь не допустит тебя обидеть.

— Как сказать... Если бы... Но она слишком беззаботна и горда. Я ее хорошо знаю.

Наконец, подошел к ним Долат. Он поздоровался с пастухами, затем обратился к Дзангу:

¹ У осетин нет обращения на вы к одному лицу: ко всем независимо от положения, возраста. обращаются только на ты.

— Дзанг, сейчас же поймай самого откормленного барана и следуй за мной

— Куда? — нерешительно спросил Дзанг.

— Алдар требует тебя к себе...

— Для чего?

— Об этом его самого спроси. Мне он о своих делах не докладывает.

Требование алдара надо выполнять, и Дзанг поймал самого большого и сткормленного барана.

— Если уж так необходимо идти к алдару, то пусть Ацамаз пойдет.

— Если бы хозяину нужен был Ацамаз, то он его имя тоже знает. Госпожа тоже тебя велела звать.

Что же, надо было идти. И Дзанг, накинув на шею барана пояс и волоча его за собой, пошел вниз.

Когда подошли к новой каменной ограде Еловых, Дзанг приостановился. Нетрудно было догадаться, что эта та самая ограда, которую сложил Ацамаз, разорвав руки в кровь. Забор был очень красив. Наверное, Ацамаз вложил в него всю свою безграничную любовь вместе с кусочками сердца и каплями крови.

Дзанг нехотя вступил во двор алдара. По всему двору сновали слуги. Видно было, что заняты очень важным делом.

— Обожди здесь, я сообщу алдару, — сказал Долат и исчез.

Дзанг привязал барана в тени и оглянулся. Двор ему был знаком. Три месяца тому назад он впервые вошел сюда. Алдар, лежа на ковре под тутовником перед крыльцом дома, догваривался с Дзангом о жалованье. Разговор был недолгим. «Сколько другим плачу, столько и тебе дам», — с такими словами алдар отправил его в горы. Тогда у Дзанга не было возможности, а теперь он внимательно осматривает двор. Справа — побеленный двухэтажный каменный дом. На втором этаже по всему фасаду гнется застекленная веранда. Вверх по окнам поползли виноградные лозы, с них между широкими листьями проглядывают зеленые гроздья. Перед крыльцом с высокого раскидистого тутовника сыпятся поспевшие ягоды. У ворот, со стороны дома, конура и конюшня. От конюшни тянется навес, под которым врыты в землю глиняные сосуды с вином.

По двору беззаботно разгуливают сытые куры и индейки.

Между тем из дома вышел алдар, зевая. Видно было, что он отдыхал после обильного обеда. Застегивая на ходу пуговицы на бешмете, Дзанхот медленно подошел к Дзангу. Парень успел окинуть его внимательным взглядом.

Годы оставили свой след на когда-то пригожем лице алдара. Будто выпал ранний снег на пашню, а суровый ветер сдул его с земли и намел сугробы вдоль заросшей кустами межи, так темя головы алдара оголилось, а лоб покрылся глубокими морщинами. Под ослепительно белыми густыми бровями, точно ящерицы, испугавшиеся мороза, припрятались зрачки глаз. А под носом топорщились горделиво, как два орлиных клюва, усы, побуревшие от чубучного дыма.

— Прощу прощения, молодой человек, ты спас мою дочь, а я и поблагодарить-то забыл, — на миг, словно мартовское солнце, появилась улыбка под кручеными усами. — Ей-богу, ты мне кажешься смелым и находчивым.

— Не стоит, господин, я ничего удивительного не совершил, чтобы меня так возносить, — запинаясь от волнения, вымолвил Дзанг.

— Нет, нет! То, что ты совершил — это чудо. И за то, что ты так предан своему алдару, я должен поблагодарить тебя среди равных мне людей. Ну, а сейчас у меня уйма дел. Вы пока займитесь этим бараном — зарежьте его... Сегодня я в великолепном настроении и щедрым буду! — и алдар вышел со двора.

Долат вынес ножи. Только принялись было за барана, как возле них появилась служанка.

— Молодой человек, тебя госпожа к себе зовет, — обратилась она к Дзангу.

— Девушка, прости, но я занят, — запутался Дзанг.

— Идем, идем, она ждет...

— Ступай, ступай: волю госпожи выполнять надо, — подбодрил Дзанга Долат, заметив, что он смущается.

Дзанг нехотя последовал за служанкой. По гранитным ступенькам поднялись на крыльцо второго этажа, откуда вошли в продолговатый зал.

— Обожди здесь, — сказала девушка и на цыпочках прошла в следующую комнату.

Дзанг как переступил порог, так и не сдвинулся с места, стоял как вкопанный. Зал был так красив, что Дзанг не мог оторвать взгляда от его убранства. На стенах дорогие персидские ковры, на коврах — разные доспехи: кинжалы с белой рукояткой в черных ножнах, турецкие булатные сабли крест-накрест, старинные ружья и пистолеты, отделанные серебром. Над доспехами на оленьих рогах висят отделанные золотом роги.¹ И пол устлан коврами. Посередине зала длинный стол, покрытый скатертью, вышитой яркими цветами. На столе, в посуде, напоминающей кувшин, украшенный рисунком полуобнаженной женщины, душистые розы, по обе стороны стола мягкие кресла. У окна еще одно кресло, только пошире. По обеим сторонам окон висят портреты царя и других важных персон. В этом роскошном зале было еще множество незнакомой ему утвари. Дзанг никогда еще не видел столько дорогих и красивых вещей. Все здесь дышало довольством и говорило о несметных богатствах алдара.

Отворилась дверь соседней комнаты, и из нее высунулась русая голова служанки.

— Входи, — кивнула она Дзангу.

И он вошел за ней в комнату, чуть меньше первой. Не успел опомниться, как со своей проводницей очутился в третьей, затем в четвертой комнате.

Дзанг ничего в жизни не боялся: ни диких зверей, ни чертей. Но сейчас, переступив порог четвертой комнаты, он задрожал от страха. На лбу выступили капельки пота, глаза остались широко раскрытыми, язык прилип к гортани. В глубине комнаты, у окна, возле трюмо, стояла девушка небывалой красоты. Каштановые волосы, разделенные прямым пробором, падали двумя косами: одна закинута за спину, другая — по левой груди. Лицо чуть худощавое. Высокий лоб обрамлен лентой с изумрудом посередине. Черные изогнутые брови, кажется, готовы взлететь, как два вороньих крыла. Ее удивительно большие глаза, словно два бездонных озера, а в середине озер зрачки сверкают.

¹ Роги — это отшлифованные и приспособленные для питья спиртных напитков рога. За осетинским столом пили из рогов.

как бусинки, и манят к себе, жгут колдовской силой.

На девушке длинное, до пят, платье из голубого шелка, узкую талию обхватывает пояс, сплошь усаженный драгоценными камнями. Высокая упругая грудь завершает сходство девушки с ангелом. Это — та самая Агунда, которую Дзанг неделю назад вырвал из когтей смерти.

Дзангу еще никогда не доводилось видеть подобной красоты. Он бы даже и не поверил в ее возможность. Чарующая красота парализовала его. Он стоял, как на углях. А Агунда, как нарочно, смотрит на него в упор, ни вопросов не задает, ни сесть не предлагает.

Наконец, красавица подняла правую руку и бросила на пол шелковый платок, затем, жестом указав Дзангу, сказала:

— Подними!

В этом слове была какая-то сила. Дзанг не заметил, как подскочил, поднял платок и протянул его госпоже.

Девушка снова бросила платок.

— Подними! — горделиво указала она опять жестом. Парень снова поднял платок, но девушка и в третий раз его бросила. Будто звонкую пощечину получил Дзанг, и это отрезвило его. Обидно ему стало, что Агунда издевается над ним. Он в эту минуту вспомнил Ацамаза. Наверное, и над ним так глумилась. Ярость закипела в груди Дзанга.

— Госпожа... — проговорил он сурово, сквозь стиснутые зубы.

— Подними, — презрительно говорит ему Агунда.

— Не подниму, — заговорила в нем гордость.

— Поднимешь.

— У самой есть руки... Нагнись, поясницу не сломаешь, — метнул Дзанг яростный взгляд.

— Не поднимешь — пеняй на себя, — девушка начала угрожать.

— Госпожа, потерять голову легко — гораздо труднее сберечь ее. Зачем звала? Если для этого — ошиблась. Позови кого-нибудь другого, — Дзанг повернулся резко к выходу.

— Стой! — требовательный тон приостановил его. — Вернись обратно!

— Что тебе надо, госпожа? — Дзанг пронзил Агунду ненавидящим взглядом, брошенным через плечо. — Мне некогда.

Слова Дзанга будто послужили ей уроком. Она дружелюбно посмотрела на него и облегченно вздохнула.

— Не слишком ли горд?

— Каков есть!..

— За то, что ты умеешь беречь мужское достоинство и честь, я прощаю тебя.

— Хорошо, что хоть понимаешь это. Но знай, госпожа, человеку голова дана не для того, чтобы топтать ее в грязи... Ну, зачем ты меня звала? Мне некогда — барана надо резать.

— Зарежут и без тебя, во дворе довольно много людей, — куда-то исчезла девичья надменность, и она указала на стул.

— Говорю же тебе, госпожа, мне некогда рассиживаться. Да, и прости, но моя одежда кизяком пахнет, испортится воздух в твоей комнате, — горькая обида Дзанга еще не прошла.

— Садись и много не говори. Я так хочу.

Пришлось сесть. Агунда снова отошла к зеркалу и опять принялась пристально смотреть на него. Почему она так смотрит? Что ей надо? Дзанг решительно ничего не мог понять.

— Прости, госпожа, но ты смотришь на меня, как на пойманную птичку, — снова не выдержал Дзанг.

— Мне приятно, что ты так горд, — сказала самодовольная Агунда и присела в кресло напротив Дзанга. — Я знала, что ты такой. Ну, ладно, прости.

— Зачем позвала? — сказал он, не обращая внимания на ее слова.

— Я должна поблагодарить тебя, — смягчился голос Агунды.

— Хорошо же ты меня отблагодарила, спасибо... Желаю тебе быть всегда такой приветливой и благодарной, — его рассмешили ее слова.

— Думала, что ты такой же, — сожалела о своей выходке, сказала Агунда. — А ты гордый... Не согнулся.

— И что из этого?

— Если бы ты и третий раз поднял платок — отдала бы тебя на съедение собакам.

Дзанг онемел. «С ней надо быть очень осторож-

ным, — подумал он. — Одно лишнее слово — и моя голова станет лакомством для собак». Дзанг ненавидел лесть и угодничество. Но в такие минуты лучше попридержать язык за зубами.

— В эту комнату ни один посторонний мужчина еще не входил, первому тебе позволено ступить в нее, и если бы мои надежды не оправдались — пылал бы на костре.

«Почему я? Что задумала эта проклятая?»

— Госпожа, слишком чиста твоя комната — я боюсь ее осквернить; слишком красива ее хозяйка, и я не вправе сидеть рядом с ней. Отпусти меня, — кольнул ее Дзанг.

— А те, кто имел права, не нашли сюда дороги, — девушка посмотрела на него искоса из-под опущенных черных ресниц.

— Госпожа, было бы лучше, если б ты меня отпустила, хотя говорят, что гость бесправен перед хозяином.

-- Непонятно, куда ты торопишься?

-- Однажды мне один поп рассказал притчу. Когда, говорит, бог создал людей, он каждому указал его место. Одних усадил на самое почетное место за столом, других — в конце стола, у двери. Затем стал раздавать всевозможные яства: первым — самые лучшие блюда, и чем дальше, тем беднее. А тем, кто сидел почти у двери, не хватило еды, и они стали прислуживать остальным, которые им за это объедки подбрасывали. Но если кто из них сам осмелился бы взять что-либо со стола, то бог его в кипящий котел бросал. Так вот, госпожа, я не забываю морали этой притчи: знаю свое место.

— Твой поп какой-то дурак. Посиди немного, я сейчас вернусь. — Агунда встала и вышла в соседнюю комнату.

Дзанг остался, как птичка в клетке. «Что ей надо? Зачем позвала его эта дерзкая избалованная девушка? Если действительно хочет отблагодарить, то почему с платка начала? Что означают ее слова: «Если бы и третий раз поднял платок, я бы тебя отдала на съедение собакам?..» — мысли юноши смешались.

Он вспомнил старинную сказку, которую ему рассказал старый пастух. Однажды дочь дьявола решила

выйти замуж за человека. Обернулась красивой девушкой, но забыла спрятать свои рога и в таком виде появилась среди людей. Женихи вначале засматривались на нее, но, заметив рога, подняли ее на смех. Как ни старалась она околдовать кого-нибудь из них — все зря. Огорчилась и, плача, прибежала к матери, рассказала ей, как люди осмеяли ее. Мать поняла промах дочери, спрятала ее рога под золотистыми волосами, превратила ее в красавицу, равную дочери солнца, наделила колдовским умом, змеиным языком и соловьиным голосом и снова отправила к людям.

И вот девушка снова среди людей. Слух о ней пошел по всей земле, и отовсюду хлынули к ней лучшие женихи. Кто хоть раз ее видел, навеки терял разум. Дочь дьявола решила мстить людям. Она рассекала грудь у плененных ее красотой мужчин и вынимала разбитые сердца — надумала из них построить для себя дворец. Вскоре он был готов. Она поселилась в нем, заманивала туда женихов, разбивала их сердца и закидывала далеко в омут мести.

Агунда напоминала Дзангу эту колдунью. Она ведь тоже своей красотой сводила с ума своих многочисленных женихов. Теперь он понял, почему Ацамаз покинул родной очаг, почему он попал в сети любви этой колдуньи.

Чем больше он думал, тем ненавистнее становилась Агунда. От девичьей комнаты на него вдруг повеяло ледяным дыханием. Ее богатства казались ему разбитыми сердцами из сказки.

Отворилась дверь, и вошла Агунда. На ней, вместо прежней дорогой одежды, было ситцевое платье. Оно, хоть и не подчеркивало ее фигуру, не могло скрыть красоту лица. В руках у девушки было мужское платье.

— Дзанг, — впервые обратилась она к нему по имени, — надень-ка вот эту одежду, она не новая, но все же...

— Зачем это мне, госпожа? — встревожился юноша.

— Надень ее, надень. Сегодня у нас гости будут. Мать и братья тоже придут: отец послал за ними.

— Спасибо за подарок, но пастуху не подобает носить такое дорогое платье.

— Бери, бери, не смущайся. Мне так хочется, и если ты не исполнишь моего желания, я обижусь, —

настойчиво просила Агунда. — Я выйду, переоденюсь.

Девушка вышла, оставив одежду в его руках. Нельзя было не выполнить требования госпожи, и Дзанг торопливо переоделся.

Агунда вошла и остолбенела, увидев Дзанга.

— Вот какой ты красавец! — Агунда, как дитя, закружилась вокруг него. Позвала служанку и велела унести его лохмотья, а его усадила напротив себя.

— Ну, кто может сравниться с тобой! — девушка залюбовалась им.

— Агунда, что скажет твой отец, если застанет меня возле тебя, — встревожился Дзанг.

— Он тебя еще поблагодарит за то, что развлекаешь его дочь.

— Я очень рад, что будучи неотесанным пастухом, могу тебя развлечь...

— Расскажи мне, кто ты, откуда родом?

— Это очень тяжелая и грустная история. Мало радости в ней для сердца.

— Нет, нет! Прошу тебя, ничего не скрой от меня, — настойчиво попросила Агунда, и Дзанг поведал ей историю своей тяжелой и безрадостной жизни.

Девушка очень внимательно слушала его и, когда он закончил, неожиданно спросила:

— Дзанг, ты не хочешь у нас работать?

— Госпожа, но я ведь у вас работаю.

— Ты не понял меня. Здесь, в доме моего отца. Братьев моих подолгу не бывает, и ты будешь помогать управлять хозяйством. Согласен?

Дзанг растерялся: он не был готов к ответу на такой вопрос. Казалось бы, чего лучшего можно желать в его положении? Но чем ежедневно смотреть на ненавистный дом и его хозяев, лучше держаться подальше от них, так спокойнее.

— Большое спасибо, госпожа, за такое доверие, но мне на пастбище легче, — отказался Дзанг.

— Легче? Не мучаешься?

— Мучаюсь, но я на свободе. Я люблю свободу.

— Мне очень жаль. В таком случае хоть скажи, чем отблагодарить тебя за то, что ты спас меня от гибели. Отец ничего не пожалеет.

— Дзанг лучшего подарка не желает, чем спасение своей госпожи.

— Не будь таким недоверчивым. Отец не всегда щедр. Может быть, отарой овец отблагодарит или участком земли?

Участок земли. Что могло быть лучше для Дзанга? Батрачить оставит и хоть немного отдохнет от страданий. Заведет семью и, быть может, как некоторые другие, заживет по-человечески. Мечты подняли его на своих крыльях и, радостный, с высоты он смотрел на грядущее счастье.

Но тут перед его глазами встал Ацамаз, и, подобно уставшему волу, свалился Дзанг. Что будет с ним? Как Дзанг оставит Ацамаза, страдающего, с разбитыми надеждами, с его горькими думами.

— Госпожа, даже не знаю, как отблагодарить тебя. Ум мой короток, язык не остер, и не нахожу слов. Но если ты хочешь доброе дело сделать, то прошу...

Дзанг прикусил язык, не досказав просьбы.

— Говори, говори! Что бы ты не потребовал, я на все согласна.

— Ну, если это так, то вели отцу привести в дом, вместо меня, Ацамаза. Ты же знаешь, как он предан вам.

Девушка задумалась.

— Ацамаз — хороший парень, только очень застенчив. Я таких не люблю. Но почему ты не хочешь, не понимаю. Или ты что-нибудь другое требуешь?

— Ничего не требую, и ничего мне не надо... Только, если приведете Ацамаза, повторяю еще раз, я вечно буду помнить это доброе дело.

— Ладно, если ты так хочешь. Но знай: ты оскорбляешь меня...

— Пойми меня правильно, госпожа, — Дзанг еще что-то хотел сказать, но со двора послышался басистый голос отца. — Прости, отец твой идет...

— Послушай, Дзанг, — донеслось до его слуха, когда он выходил из комнаты Агунды.

На крыльце он встретился с алдаром лицом к лицу. С Дзанхотом было еще несколько таких же знатных, как он сам. По исходявшему от них запаху араки¹ юноша понял, что они только встали из-за стола и направились сюда в веселом настроении.

¹ Арака — самогон, изготавливаемый из ячменя, кукурузы, изредка из пшеницы.

Чуть-чуть еще виднелось заходящее солнце, как послышался резкий звон бубенцов, вызвавший неистовый лай собак. Немного погодя у двора алдара остановилось три фазтона. Слуги сразу выбежали навстречу им и широко раскрыли ворота. Разгоряченные от быстрой езды кони очутились во дворе. Из фазтонов вышли, громко разговаривая, сыновья алдара с матерью и женами. Двор наполнился шумом. Вышли из дома и те, кто сидел за столом. Радости не было конца: будто век не виделись.

Жена алдара, старая госпожа с седыми кудрями, все благодарила святую богородицу за спасение дочери, не давая слова сказать сыновьям и невесткам. Кончились объятия, и все вошли в дом. Кучера распрягли лошадей и завели их в конюшню. Дзанг все это время стоял в стороне и наблюдал за возней и сумятицей.

Впрочем, ему было не до них. Его мысли были там, на пастбище. Дзанг беспокоился за Ацамаза. Он представлял, как Ацамаз стоит один на выступе скалы и устало смотрит на тропинку в ущелье. Алдаровы слуги сновали взад и вперед. Дзанг не знал, присоединиться ему к ним или нет. О нем как будто забыли.

Солнце закатилось. Из дома вышел один из сыновей алдара. Заметив Дзанга, стоящего в стороне, он направился к нему. Лицо его покраснело от араки, под глазами опухло.

— Незнакомый гость, прошу не отказать в любезности — войди в дом, — обратился он к Дзангу.

— Мне туда входить не полагается, господин.

— Как это не полагается? — мужчина покачнулся, но Дзанг не дал ему упасть. — Постой-ка, так ты кто? Почему я тебя не знаю?

— Я ваш батрак, господин, — представился Дзанг.

— Батрак? — его глаза чуть не выскочили из орбит.

— Да, ваш батрак, — подтвердил Дзанг.

— Тогда чего ты тут торчишь? Или уже отработал? — кровеносные сосуды алдара вздулись, и он уставился на Дзанга, как змея на свою жертву.

— Не знаю, что мне делать.

— Не знаешь, да, у-ух, осел!? А пышный отцовский

хлеб жрать любишь?! — взревел он. — Я вижу, отец совсем распустил вас. Ну, погодите, вшивые, я скоро вернусь и девять шкур с каждого сдеру!

— Прости, господин, но я даром хлеб не ем. Зачем оскорбляешь меня? — Дзанг еле сдерживал себя.

— Жрешь, сукин сын, и не болтай, — алдар поднес раздвинутые пальцы к глазам Дзанга. — Я выколю твой глаза.

— Не ошибись, господин, — пытался утихомирить его Дзанг.

— Что! Я ошибаюсь?! — на губах его выступила пена. — У-у, вошь, прочь с моих глаз! — Он размахнулся, но Дзанг увернулся, и тот, не удержавшись, повалился на пень. Дзанг решил держаться подальше от неприятностей, но алдар снова взревел:

— Стой, осел!

Дзанг остановился.

— Подойди поближе!

Парень подошел к нему.

— Это чья черкеска на тебе?

— Подарок это.

— И кто же тебе подарил ее? Паршивец, это же моя черкеска!.. Ты стащил ее, да?

— Не кричи, господин. Это подарок твоей сестры, — объяснил Дзанг.

— Вы только послушайте этого ублюдка! Снимай сейчас же! — Алдар вытащил из-за пояса пистолет. Дзанг осмотрелся вокруг: их обступили слуги и ждали, чем же все это кончится. Дзанг от стыда готов был провалиться сквозь землю.

— Сниму, только спрошу служанку, куда она мою одежду дела, — успокаивал его Дзанг.

Но сын алдара уже вцепился в него и силой срывал черкеску. Дзанг понял, что чувство злобы стало побеждать рассудок и что сейчас он разукрасит морду сыну алдара. В это время около него очутилась служанка Агунды с одеждой Дзанга под мышкой. Дзанг отстранил сына алдара в сторону и, выхватив из рук девушки свою одежду, кинулся к сараю. Переодевшись, он завернул одежду сына алдара и кинул ему.

— На, возьми!

Служанка объяснила молодому алдару, в чем было дело, и тот понемногу остыл.

— Одевай се снова. Я эту вшивую одежду больше не одену!

— Нет, алдар, каждому свое к лицу больше идет, — с неаппетитом посмотрел он на сына алдара.

— Одень! Коли это подарок сестры....

— Благодарю, господин. Но кто увидит на мне эту одежду, не поверит, что она моя. А я же постоянно за собой свидетелей не буду водить.

— Вы посмотрите на этого бездомного гордеца. Ха-ха-ха!

— Что поделаешь, такая уж у меня натура!

— Упрямец, скотина, погоди, я тебя скоро в бараний рог скручу, — пригрозил алдаров сын. — А, впрочем, правильно поступаешь. Лошадиное седло ослу не идет.

Вывалил из рук Дзанга свою одежду, бросил ее на колоду и стал кромсать топором, а потом швырнул куски в сторону и вошел в дом.

Дзанг только и думал о том, как бы вырваться отсюда, но без разрешения хозяина он не мог уйти. А Дзанхот сидел за столом, и Дзанг не осмеливался к нему подойти.

Опустилась темная ночь. В доме алдара усилился шум застолья. Раздавались смех и нестройное пение пьяных, напоминая рев испуганного стада. Этому реву дружно вторили собаки из аула.

Слуги, стараясь опередить друг друга, бегали туда-сюда: кто с кувшином, полным аракчи или вина, кто с шипящим шашлыком, кто с кусками вареного мяса, кто с пирогами, щедро начиненными сыром. Пир был в самом разгаре, когда старый алдар послал за Дзангом.

Дзангу очень не хотелось заходить к ним, но он вошел, надеясь отпроситься у алдара и вернуться на пастбище. Сидящие за столом уже порядком опьянели и пребывали в довольно веселом настроении. Разговор уже не клеился, один другого не слушал. Особенно усердствовали невестки. Каждая старалась перед свекром и свекровью выглядеть умнее, воспитаннее других. Выпивка развязала им языки, и они то и дело перебивали друг друга.

Никто не заметил, как вошел Дзанг. Юноша встал у двери и быстро оглядел сидящих за столом. Неожиданно он встретился взглядом с Агундой. Девушка

посмотрела на него вопросительно, быстро окинула его взглядом и опустила голову на грудь, словно почувствовала себя виноватой.

— Господин, мне сказали, что ты звал меня, — обратился Дзанг к алдару.

Дзанхот, держа в руках турий рог, полный красного вина, грузно повернулся в сторону Дзанга.

— А-а-а, батрак... Подойди, — раздался его голос, как из бочки.

Дзанг подошел к нему.

— Благородные, — густой бас алдара заглушил голоса спорящих. — Послушайте меня, благородные! Те, кто завидует моему богатству, моей жизни, нищие и некоторые алдары-гордецы, везде и всюду мелют всякий вздор, будто я, знаменитый алдар Дзанхот Елов, издеваюсь над своими слугами. Да, да, благородные, до меня дошли слухи, будто бы мои батраки, если бы им удалось, насадили меня на вертел. Но вот вам живое опровержение — мой батрак, — он показал на Дзанга. И сидящие за столом — кто с бокалом в руке, кто с набитым ртом — уставились на Дзанга. Невестки, готовые вцепиться друг в друга, как два бодливых барана, перестали спорить и с любопытством посмотрели на юношу. — Видите, благородные, он спас от смерти мою дочь, свою госпожу. О чем это говорит, благородные? О том, что мои слуги самоотверженно любят своего алдара, беззаветно преданы ему, готовы отдать за него свою жизнь. Так кто говорит, что Дзанхот Елов плохо относится к слугам? Кто? — алдар, словно ища своего кровника, обвел сверлящим взглядом всех сидящих за столом. Его выпуклые глаза прокатились по ним, словно два колеса арбы.

Гости притихли, опустили головы. Лишь изредка, как дождевые черви, вздрагивали на их шеях вены, вздувшиеся от красного вина.

Дзанг не понимал слов алдара. Он знал, что Дзанхот выше всего ставит свою честь и славу и что в борьбе с теми, кто покушается на его честь, он опаснее кровожадного зверя. Но не понимал, почему Дзанхот здесь говорит о своем враге.

— Скажи, отец, скажи, кто он, и вместо тебя отомстят ему твои сыновья, — повскакали с мест сыновья алдара и приготовились броситься на врага.

«Интересно, кто этот несчастный, от которого сейчас останутся одни обглоданные кости», — подумал Дзанг, и волосы у него встали дыбом. Он поискал этого человека, обведя гостей взглядом. Дзанг остановился на сидящем в конце стола худошавом, бледнолицем, безбородом молодом мужчине, отличавшемся от остальных и выражением лица, и манерой держаться.

— Кто это, отец, кто? — не унимались сыновья алдара.

— Тот, о ком говорю, сам поймет, — взгляд алдара на миг остановился на худошавом госте. — Но у меня сегодня хорошее настроение, и мне не хочется его портить. Так вот, благородные, при всех Дзанхот Елов преподносит рог своему батраку.

— Браво, браво!! — захлопал в ладони тот самый сын алдара, который сегодня вечером снял с Дзанга одежду. Ха-ха-ха! А я с него одежду снял, скотина! Хи-хи-хи! Нацепил черкеску, и я его за князя принял. Ха-ха-ха! Пардон, я не догадался, что это и есть наш благодетель.

— Возьми рог алдара, парень! Что стоишь, как истукан? — дошли до Дзанга слова.

— Алдар, я очень благодарен тебе за то, что удостоил меня чести почетного рога. Но коли вы меня почитаете, то пусть будет так, как требует обычай. Рог обладает большой силой, в нем мир и счастье, и я беру его, — парень взял из рук алдара турий рог. — Но я прошу слова. Алдар сказал, что я спас его дочь из-за любви к своему хозяину и преданности ему. Это неверно. Я спас твою дочь не потому, что тебя люблю, не потому, что она госпожа, а потому, что долг каждого — помочь человеку в беде. А за то, что вы преподнесли мне рог в благодарность, еще раз большое спасибо.

То, что слова Дзанга Дзанхоту пришлось не по душе, видно было по его потемневшему лицу. Но он заставил Дзанга опорожнить рог, потом взял его и велел слуге отнести его. Заметив это, Дзанг почувствовал себя отравленным, словно выпил вместо вина расплавленный свинец. Алдар, с одной стороны, хвастал своим слугой перед гостями, а с другой — брезгал им. Он считал ниже своего достоинства пить из рога, из которого выпил Дзанг.

— Между прочим, Дзанхот, тебе можно позавидо-

вать: у тебя такие преданные слуги. А мои — холера их унеси! — сплошные воры и один ленивей другого. Я плетью полосую им спины, но их ничем не согнешь. Если б у меня хоть один такой преданный нашелся, как твой, он бы для меня правой рукой стал, — завистливо сказал один из гостей.

— Я тоже, — подхватил другой. Мои слуги — чтоб все они подошли! — кричат: «С голоду умираем!» И впрямь мрут, как мухи. С прошлого года около пятнадцати из них подохло. Уже и земли на кладбище не хватает. Но ты, Дзанхот, правда, счастлив. Вон какую храбрость проявил твой батрак — позавидовать можно. Отпусти-ка его ко мне: может он моих уму-разуму научит.

— Нет, нет, Дзанхот, мне его отдай, и я в долгу перед тобой не останусь.

— Я его тоже даром не прошу. Моя гончая десяти батраков стоит. Во всем ущелье ей равной не найти.

— А что твоя гончая по сравнению с моей черной овчаркой? Ее десять волков не одолеют...

— Да какой с нее сторож? Старая облезлая сука без единого клыка.

— Ты оскорбляешь меня, господин...

— Ну, собак вы себе оставьте, господа! А кошельки достаньте, — прервал спорящих младший сын алдара.

— Согласен!

— Я тоже!

— Сколько?

— Пятьдесят рублей!

— Шестьдесят!

— Семьдесят!

— Восемьдесят!

— Сто!

Что это? Шутят или всерьез? Дзанг не раб алдара Елоева, а те какое отношение к нему имеют? Или они хотят его, как и своих рабов, променять на собак? Чем выше поднималась цена, тем ярче пылало сердце юноши. Кипящая в нем ярость бурлила, как горная река, и готова была выплеснуться наружу. Рука непроизвольно напряглась и потянулась к рукоятке ножа. На глазах Дзанга презренные и ничтожные душегубы вместо того, чтобы поблагодарить его за то, что он, рискуя

жизнью, почти из могилы вырвал девушку, задумали позорное дело. Они продают его, торгуясь, как на скотном базаре. Что может быть гнуснее такого глумления над совестью и достоинством человека!?

Только задумал Дзанг броситься на них и распотрошить их ножом по-одному, как раздался душераздирающий крик Агунды.

— Хватит! Душегубы! Будьте прокляты, мои мучители! — девушка схватила со стола глиняный кувшин и грохнула его оземь. От звона разбитой посуды и женского визга задрожали стены комнаты. Поступок Агунды отрезвил разъяренного Дзанга. Пальцы разжались, освободив нож, и он одним прыжком очутился во дворе.

Бежит, мчится, ничего не видя и не чувствуя во мгле ночи, только в ушах стоит пронзительный крик: «Хватит! Душегубы! Будьте прокляты, мои мучители!»

Дзанг не мог понять: это был крик раздраженной Агунды или вопль его униженной души.

ГЛАВА ВТОРАЯ

I

Дзанг решил бежать от алдара. Но один из товарищей, умный старый пастух Гриш, посоветовал ему остаться.

— Убежишь и что ты выиграешь? Это глупо.

— Отпусти ты меня, Гриш. Если я еще раз увижу этого проклятого алдара — будет пролита кровь. И вы еще из-за меня в беду попадете. Не задерживай меня, ради бога, — как ребенок, умолял Дзанг. — После такого унижения я от него ничего не хочу. Пусть он кровью выхаркает заработанное моим трудом.

— Не зря, мой мальчик, говорят: возьми золу у должника и засыпь ему в глаза. Я понимаю тебя. Но что поделаешь? Бог проклял бедного человека, и закрыты его уста, цепями связано его тело. Терпеть нужно, мой мальчик.

— Я уже не в силах терпеть! Слышишь, Гриш? С детства терплю. Били меня, я падал, но опять поднимался. Тогда терпел, потому что еще бессилен был и

одинок. Я полз по тернистой дороге жизни, оставляя на острых камнях капли своей крови. Но теперь уже не потерплю. Терпение лопнуло!

— Понимаю тебя, сынок, но судьба наша предначертана богом. Богу подчиняться надо.

— Если бог создал меня только для страданий, то почему я должен ему подчиняться? Смерть один раз приходит. И пусть бог отнимет мою жизнь. Не нужна она мне такой горькой и мучительной. Гриш, не удерживай меня: все равно не останусь.

— Никто тебя не удерживает, но иди хоть заработок свой получи. Куда бы ты не пошел, на подносе тебе никто ничего не поднесет, — говорил ему Гриш. — Ты мне люб своим умом и мужеством, так послушай старика.

«Гриш прав. Этот подлый алдар оскорбил меня, да еще ему впридачу и заработок оставлять?!» Дзанг решил на другой же день отправиться к алдару и спокойно потребовать свое жалованье.

Но ему не понадобилось ехать: алдар сам явился и был на сей раз сдержанным. Поздоровался с пастухами и, как ни в чем ни бывало, осведомился об отаре. Спросил, не нуждаются ли пастухи в чем-либо. Как же не нуждаются?! Но все промолчали, лишь покачав головами. Хоть бы «нет» сказали. Дзанхот тоже не очень-то расспрашивал.

Дзанг сказал ему о своем решении.

— Прости, господин, но выдал бы ты мне мой заработок. Я ухожу.

— Уходишь? — Дзанхот вздрогнул и искоса посмотрел на парня.

— Да, ухожу.

— Куда?

— Свет широк, господин. А я без очага, без угла, пойду, куда судьба поведет.

— А почему ты от меня уходишь?

— Знаешь, господин, почему и зачем еще спрашиваешь? Об одном лишь попрошу: вместо овец, как договорились, дай мне деньги.

— Решение твое твердое?

— Твердое, господин!

Дзанхот погрузился в думы, затем обвел взглядом пастухов и сделал им замечание.

— Что вы торчите тут? Солнце уже совсем высоко, гоните овец пастись.

Дзанг остался возле Дзанхота.

— Господин, ты так и не ответил на мой вопрос.

— Послушай-ка, парень, мне не хочется, чтобы ты уходил. Оставайся.

— Не останусь...

— Тебя обидели за моим столом позавчера. Прости, я этого не хотел. Все вышло как-то само собой. Но ты ведь моложе и не обижайся.

— Моложе, это верно. Но я не скотина, чтобы торговать мною, господин. Отдай мне заработанное.

— А если не дам, что тогда?

— Все равно уйду.

Дзанхот замолк, а потом осторожно начал:

— Слушай, тот вечер моей дочери не меньше горя принес. Тебе пощечину дали, а ей боль причинили. Болееет с тех пор.

— Госпожа ни в чем не повинна передо мной.

— Не повинна, но в долгу... Она поругалась с братом и прогнала его.

— Господин, я же для вас ничто, пустой звук. Вы же меня даже человеком не считаете, так зачем вам ссориться из-за меня?..

Видно было, что алдар еле сдерживается и осторожен в подборе слов.

— Ну, ладно, что было, то прошло. Да и не думай, что если уйдешь, то такого батрака я больше не найду... Но моя дочь... Не обижай ее... Силой я удерживать тебя не могу: ты ведь не крепостной... Но парень ты, кажется, ловкий... Я тебе жалованья прибавлю. Если хочешь, то заберу тебя работать в дом.

— Спасибо, господин, за такую честь.

— Я в долгу перед спасителем моей единственной дочери, дороже которой для меня нет ничего на свете. Ну, согласись же.

Ничто не могло приостановить Дзанга, но то, что Агунда послала к нему отца просить прощения, поколебало его. Ведь неспроста спесивый алдар склонил голову перед своим батраком. Это верно, что семья алдара перед ним в долгу. Но, говоря по совести, перед кем из слуг она не в долгу? Однако не перед каждым же он склоняет голову. Да и, как Гриш говорит, один бог

знает, какие обстоятельства ждут Дзанга в новом месте. Здесь его оскорбили, а там, возможно, запрягут. Его предпоследний хозяин Кудзан еще хуже и гаже был. Два года проработал у него, выхаживая стадо в одиночку, с ног сбился, так вымотался, что казалось, душа на волоске висела. И ко всему этому хозяин обманул его на половину жалованья. Поругались они, и Дзанг сбежал.

Поразмыслив, Дзанг дал согласие Дзанхоту.

— Хорошо, господин, передай госпоже, что я останусь. Только я об одном прошу... Агунда пообещала взять в дом прислуживать Ацамаза, напарника моего. Возьми его, господин: он более, чем я, предан тебе и госпоже.

— Возьму, если так хочешь, — без колебаний согласился Дзанхот. — А теперь пойдем со мной и скажи дочери моей, что прощаешь ее.

— А уж этого я не сделаю, господин, — резко сказал Дзанг.

— Сделаешь. Так хочет моя дочь.

— А я не хочу. Скажи ей, что гордость не позволила Дзангу согнуться.

Дзанхот от злобы то зеленел, то бледнел.

— Это что же? Моего слова не ценишь или...?

— Ценю. Но по твоим словам выходит так: ударили по одной щеке — подставь и другую. Этого я не могу сделать.

— Согну я тебя, сукин сын! Как ты осмеливаешься?! — вскипел алдар.

— Оставь меня в покое: я тебе ничем не обязан. А то сейчас же уйду.

— А я велю приставу приволочь тебя за ухо.

— Этим вы ничего не выиграете: ни ты, ни твоя дочь.

— Посмотрим! — пригрозил алдар и уехал.

Дзанг не сомневался, что алдар отомстит ему за то, что не удалось сломить его гордость, и решил бежать при первой же возможности. Но на следующий день все обернулось по-иному. Утром, после завтрака, явилась сама Агунда вместе со служанкой.

Дзанг остолбенел. Никогда бы он не поверил тому, что к бедному, недостойному батраку придет просить прощения гордая и своенравная девушка, чье положение

ние и богатство достойны песнопения. Горд был и парень. А, впрочем, он понимал, что эта гордость к добру не приведет. Агунда под предлогом сбора черники поднялась прямо на пастбище.

Увидев ее, Ацамаз растаял, как сливочное масло. От радости он не знал, что делать. Как ребенок выбежал ей навстречу, хотел что-то сказать, но язык одеревенел, и не смог он ни слова вымолвить.

— Эй, молодец! — крикнула Агунда Дзангу. — Вот твой товарищ что-то мне хочет сказать, но молчит, как молодая невестка при старших родственниках мужа.¹ И я ничего не пойму. Спустись к нам и помоги ему объясниться.

— Друг мой, — обратился Дзанг к Ацамазу. — Прояви мужество, скажи два слова. Более удобного случая не дождешься.

— Агунда... Как себя чувствуешь? Здорова ли ты? — с трудом развязался узел на языке Ацамаза. Девушка заметила, что он смущается, и ласково ответила:

— Спасибо, Ацамаз, здорова. Ну, а теперь, добрый день, джигиты!

— Здравствуй, госпожа, — приветствовал ее Дзанг сверху.

— Да вы и впрямь в раю живете... О, мой создатель, как красиво! И сколько здесь цветов! — удивляясь и восхищаясь, Агунда бросала взгляды по сторонам.

— Цветов — сколько хочешь, госпожа. А вот если б они были съедобны, тогда бы счастливее нас не было людей, — сверху вниз бросил реплику Дзанг.

— Не все для живота создано. Если б так было, и жизнь не была бы столь красивой и интересной... Дзанг, что ты издалека смотришь на меня? — обратилась Агунда к парню. — Спустись и вблизи скажи мне «Здравствуй».

Неожиданное появление Агунды запутало мысли Дзанга. Он помнил об угрозе алдара и недоверчиво отнесся к приезду девушки.

— Прости, госпожа, твое появление заставило меня глубоко задуматься, — говорил Дзанг, спускаясь к госте.

— Эх, напрасно я вас горными орлами посчитала.

¹ По осетинским обычаям невестка со старшими родственниками мужа объясняется через третье лицо.

Один из вас язык проглотил, а другой запутался в мыслях. Ха-ха-ха! — звонко расхохоталась Агунда. — Глянь-ка, глянь, Ацырухс, как они стоят, будто девицы, к которым похитители явились.

— Мы не ожидали тебя, госпожа, — Дзанг не хотел сдаваться.

— Подай мне руку, — Агунда протянула ему свою руку, как-то странно посмотрев на него.

Коснувшись нежных пальцев девичьей руки, Дзанг вспыхнул пламенем с головы до ног, едва не лишившись чувств.

— Ой, рука моя!.. Пальцы ломаешь.

— Извини, извини! Моя рука так же шершава и труба, как я сам, — юноша понял, что он слишком сжал руку девушки и залился краской.

— Ацамаз, а теперь покажи те красивые места, которые так расписывал. Прошлый раз мне было уже не до них. Проклятая лошадь!.. Такой пугливой, наверно, от роду не бывало: зайца испугалась... Кажется, вон там это было. Покажите мне эту скалу. Ацырухс, ты не желаешь ее посмотреть?

— Я знаю ее, видела. Она очень опасная. У входа к ней, говорят, черти сидят, — побледнела служанка. — Госпожа, лучше не ходить туда.

— Ха-ха-ха! Черти, дьяволы!.. Какие там черти! Вот Дзанг их сбросил со скалы. Если не веришь — посмотри. Ну, пойдем!

— Нам с Ацамазом вместе нельзя уходить, — сказал Дзанг. — Туда порядочно надо пройти, а вдруг в это время с отарой что-нибудь произойдет.

— Ты иди, а Ацамаз последит за овцами.

Дзангу ничего не оставалось, как выполнять желание капризной дочери алдара. Правда, ему самому тоже хотелось пойти с ней. Он не забыл нанесенной ему обиды и должен был сказать ей об этом наедине, чтобы не расстраивать Ацамаза.

Пошли... Удивительно, что произошло с Агундой. Ее как будто подменили: куда-то исчезла ее гордость. Девушка, которая три дня тому назад казалась дочерью дьявола, превратилась в земную: будто она не госпожа, а простая сельская девушка. Дзанг сопоставил прежнюю Агунду с этой, — звонко хохочущей, скачущей, как серна, — и ничего общего между ними не находил. Толь-

ко удивлялся, почему он больше не обижается на Агунду.

Счастливая Агунда бежала впереди, то и дело нагибаясь, чтобы сорвать цветок.

— Догони-ка, — кричала она и снова бежала вперед.

— Твоя госпожа всегда так весела? — спросил Дзанг Ацырухс.

— Она веселая девушка, но такой радостной я ее никогда не видела. Ума не приложу, что с ней случилось, — ответила Ацырухс.

— А почему бы ей не быть веселой? Как нам, ей не давят на плечи тяготы жизни... Я даже позабыл, когда последний раз смеялся, — сказал Дзанг.

— Не суди так строго. Агунда тоже редко бывает веселой. Чаще она, запершись у себя, сидит печальной у окна.

— От безделья, наверное. А хандра ее — от лени.

— Не говори так об Агунде, а то, клянусь матерью, обижусь на тебя. Она изнеженная и гордая девушка, но добрая и простая. В семье она ни на кого не похожа, — Ацырухс заступилась за свою хозяйку.

— Сейчас она еще безобидна, а вот выйдет замуж и, как кошка, покажет свои коготочки.

— Мне кажется, она никогда не выйдет замуж.

— Почему тебе так кажется?

— Ей никто не по душе. Она не выносит парней, теоряющих рассудок при виде ее красоты. Не любит она и хвастунов. Поверь мне, какая-то странная она. Ее невозможно понять. Порой она мне кажется слишком умной, а порой я пугаюсь за нее: похоже бывает на то, что она с ума сошла. Она нарисовала в своем воображении образ какого-то парня, похожего на сказочного богатыря. И верит в него. Я боюсь за нее.

— Где вы?.. Что вы там, как усталые волы, тащитесь, отмеривая каждый свой шаг... Шевелитесь, быстрее! — донесся голос Агунды.

Дзанг и Ацырухс ускорили шаги. Наконец, дошли до Чертовой скалы. Ацырухс не решилась подойти близко. Но Агунда пошла по обманчивой тропинке. Дзанг — за ней... Остановились над самой пропастью.

— Госпожа, умоляю, не подходи к краю, — в страхе предупредила Ацырухс.

— Не бойся, я не впервые гляжу с Чертовой скалы, — успокоила ее Агунда.

— Ты еще бывала здесь? — удивился Дзанг.

— И не раз. Это я нарочно говорила... Но я бы никогда не поверила, что именно здесь рубеж между жизнью и смертью. — Она взмахнула руками, словно крыльями, зажмурилась и во весь голос крикнула:

— Е-ге-гей! Подземные духи! Ваша погибель пришла! Человек оказался хитрее и сильнее вас. И слава ему! Слава!!!

Эхо ответило ей из темной бездонной пропасти бесчисленными голосами: «Сла-а-ва-а... Сла-а-ва-а». У Дзанга волосы на голове дыбом встали. Схватив девушку за руку, он оттащил ее от кромки обрыва.

— Ради бога, госпожа, уйдем отсюда. От одной беды удалось мне предостеречь тебя, боюсь, во второй раз ускользнешь из рук, — уговаривал Дзанг.

— Не бойся, Дзанг. Эта скала — или погибель моя, или счастье мое.

— Госпожа, что ты говоришь?

— Прошу тебя, не называй меня госпожой. Этим ты меня оскорбляешь. Я такое же земное существо, как и ты. Я Агунда, а не госпожа, и ты Дзанг, а не батрак.

— Нет, госпожа, жизнь так построена, что все люди делятся на господ и слуг, — прервал ее Дзанг.

— А почему это так?

— Не знаю.

Ацырухс стояла поодаль и от волнения себе места не находила.

— Госпожа, заклинаю: во имя святой богородицы, во имя отца и матери, отойди оттуда. Отойди оттуда! О, мой создатель!

— Не бойся, Ацырухс, не бойся! Я здесь второй раз родилась, и позволь мне отблагодарить своего спасителя, — успокаивала ее Агунда.

— Ацырухс права. Идем отсюда, — попросил и Дзанг. — Это место, кроме несчастья, ничего не приносит.

— Несчастье?.. Здесь небо надо мной раскрылось! Здесь я добродетеля нашла! А не горе... — глубоко вздохнула Агунда.

— Шутки шутками, но надо идти, — Дзанг властно потянул девушку за руку и увел ее.

— Постыдилась бы, госпожа, какой ты страх нагнала на меня, — укоризненно проворчала Ацырухс.

— Моя Ацырухс, не дрожи ты так, а то тебя надолго не хватит. Ты лучше вон тех цветов нарви.

— Цветов соберу, сколько хочешь, только не слишком самовольничай, а то, клянусь, отцу скажу, — лукаво улыбнулась Ацырухс.

— Не скажешь. Знаю, не осмелишься к нему подойти.

— Ты так думаешь? Ну посмотрим, — сказала Ацырухс и побежала за цветами.

Дзанг зашагал быстрее.

— Не спеши...

— Жалко Ацамаза. Он один с отарой.

— Ничего с ним не случится. Не ребенок же он.

Некоторое время шли рядом медленно и молча.

— Дзанг, что ты молчишь?

— А что говорить?

— Тебя не удивляет, почему я приехала?

— По правде говоря, да.

— Так почему не спрашиваешь?

— О чем?

— Ну, хотя бы о том вечере.

Дзанг не ответил.

— Тебя очень обидели, оскорбили. Да, прости.

И снова Дзанг не проронил ни слова.

— Не прощаешь обиды... Впрочем и я на твоём месте не простила бы тоже.

— Удивляюсь, как отец твой пришел извиняться, как снизошел до этого?

— Я так хотела...

— Он ушел, не получив ответа. Рассвирепел и угрожал.

— Если бы он вернулся с твоим извинением, да и ты бы пришел, я бы тебя сожгла, а пепел бы по ветру развеяла.

— Вторично я слышу от тебя эти слова. Что они означают? — насторожился Дзанг.

Девушка нагнулась, сорвала цветок и метнула быстрый взгляд на парня.

— Это, кроме меня, никому не дозволено знать.

— Ну, и глупец же я. Разве батракам дозволено знать, о чем думают знатные!? Когда это было, чтобы скотина спрашивала хозяина, куда он ее ведет: на убой или на ярмарку? — Дзанг не сдержал гнева и излил свою желчь. — Вот и сейчас ты говоришь: «Сожгла бы

тебя, а пепел бы по ветру развеяла». И не скажешь, в чем я виноват.

— Лучше бы ты не напоминал мне эту историю, — потемнело лицо Агунды.

— Прости, я не люблю говорить вокруг да около. Я хочу знать, что ты имела в виду. Почему бы ты меня сожгла?

— Ну, коли так хочешь — слушай. Если бы выполнил просьбу отца и пришел ко мне с прощением, то ты бы растоптал свое достоинство в грязи, и я бы не пришла к тебе просить извинения. А теперь я тебе благодарна за то, что ты убедил меня в том, что есть еще настоящие люди: не все скоты.

— Хороших людей немало. Ты просто их не знаешь.

— Возможно. Но в своем кругу я ни одного настоящего человека не встретила, за исключением одного, да и то... Это тот, о котором так сурово говорил мой отец. Он был моим домашним учителем, а теперь в школе работает. Он умен, много знает, но нерешителен и труслив. Как-то он мне сказал, что отец мой кровь у слуг высасывает, но смело высказать отцу свое мнение не смог, струсил... Может быть, среди простых людей есть честные и мужественные, но я их не знаю... Они боятся и откровенно не высказывают своих мыслей.

— Это правда.

— Но как же ты не струсил ни передо мной, ни перед моим отцом?

— Потому что я свободен. У меня нет ни семьи, ни крова. Мне нечего терять. Сегодня здесь — завтра там. А ведь у них есть жены, дети, матери: их кормить нужно, а голод не знает ни жалости, ни терпения. И всем известно, что горе обрушится на голову того, кто осмелится выступить против алдара. Вот и боятся, терпят, и слезы у них текут не по щекам, а по сердцу.

— Может, ты и прав. Но есть и состоятельные люди, которые тоже обманывают, льстят, а за глаза готовы глотку перегрызть друг другу. Я уж не говорю о чести и достоинстве... А еще себя благородными именуют.

— Что я могу сказать, Агунда. Мои дороги — горные перевалы, моя забота — чужой скот, мой удел — беспросветная жизнь. У тебя же другие мысли, мечты,

твой единственный долг — жить, весело проводить время. Диву даюсь, как только я осмеливаюсь говорить с тобой.

— У меня всего вдоволь, — это верно, но в богатстве я радости не нахожу. Мне кажется, что жизнь моя в этом мире — ошибка, меня влечет другая жизнь. Порой она, как видение, мелькает передо мной. И лишь только соберусь взлететь к ней, как, подобно птице в клетке, ломаю крылья и падаю. Нет мне выхода из клетки. Может быть, если б я получила широкое образование, судьба моя была бы другой. Впрочем, один дьявол знает, что будет со мной... Порой я задумываюсь и пугаюсь своих мыслей.

Ацырухс догнала их с огромной охапкой цветов.

— Госпожа, пора домой: отец будет беспокоиться, — напомнила она.

— Идем, идем, -- вяло ответила она. Затем взяла у Ацырухс объемистый сверток и протянула Дзангу.

— Возьми, Дзанг, я сама сшила. Откажешься принять — обидишь меня... И счастливо оставайся! — девушка загадочно посмотрела на Дзанга и сунула ему в руку сверток, затем схватила Ацырухс за руку, и они побежали вниз, как оленята. Дзанг не успел даже попрощаться с ней. Застыл на месте, пока девушки не скрылись из глаз, потом развернул сверток. В нем оказались войлочная шапка, черкеска с газырями, бешмет, суконные ноговицы и кожаные чуваки.

«Сама сшила». — вдруг прозвенел в ушах голос Агунды, и в сладостном томлении сжалось сердце юноши. Эта мысль встревожила парня. «Ну кто я для нее, почему она так беспокоится обо мне? Если она дает подарок за то, что спас ее, то почему не присылает со служанкой, а сама приносит? Может она думала, что откажусь от подарка? И, вообще, почему она ко мне так снисходительна? Ведь она обитает, подобно Бонварону¹, высоко в небе, а я где-то в грязи, на дне ущелья... И почему сегодня она была так откровенна со мной?.. Держалась так, будто мы равные, а не госпожа и слуга. Что это значит?»

На второй день аллар забрал Ацамаза к себе, сделал его домашним слугой.

¹ Бонварон — букв. звезда утренней благодати — Венера.

II

После ухода Ацамаза Дзанг остался один со своими горькими думами. Его новый напарник Гриш тих и добр, но у него полно своих семейных забот, и ему не до Дзанга.

Впечатления от встречи с Агундой постепенно стали стираться в памяти юноши. В одном он остался доволен собой: помог Ацамазу устроиться поближе к Агунде.

Но... Прошло около недели, и дочь алдара снова появилась на пастбище. Чего греха таить, Дзанг обрадовался девушке. Но он подумал, что ей тоскливо дома и поездки в горы для нее развлечение. После взаимного приветствия она присела на огромный валун, и Дзанг спросил ее:

— Твой приезд не напрасен. Что-нибудь случилось?

— Вчера мне приснился сон: будто бы с перевала на тебя скатился камень, и я не смогла больше уснуть, — девушка покраснела. Эти слова так тронули Дзанга, что сердце его растаяло, как весенний снег под лучами солнца.

— Спасибо, Агунда! Мне так приятно слышать это, словно ты спасла меня из-под лавины камней, — смутился Дзанг.

— Ты, видно, пренебрег моим подарком. Не надел... — девушка окинула его взглядом с ног до головы.

— Что ты! Огромное-преогромное спасибо тебе. Я просто не ждал тебя сегодня и...

— Завтра тоже приду... Хорошо?

— Неужели ты у меня разрешения просишь?

— А вдруг ты не хочешь...

— Что ты, Агунда! Для меня это великая радость.

— Не сидится мне дома... Все сюда тянет... Если я тебе не надоела, то...

— Пожалуйста... Только твой отец...

— Отец вчера отправился в Тифлис по делам, и около двух недель его не будет, — с радостью сообщила она.

— А как там Ацамаз? Справляется?..

— Справляется? Это не то слово. Он летает на крыльях. Отец очень доволен им,

— А ты?

Агунда сделала вид, что не расслышала его, встала с валуна и обвела взглядом горы.

— Как красиво! Сколько раз я здесь была, но такой красоты никогда не замечала.

— Здесь, вправду, красиво, только эта красота не всем доставляет радость.

Агунда замерла. Неожиданно спросила Дзанга.

— У тебя любимая девушка есть?

— Нет...

— И не было?

— Мне некогда было любить...

Агунда облегченно вздохнула.

— А почему ты меня спрашиваешь об этом?

— Так...

— Не познакомить ли хочешь с кем-нибудь?

— Нет, просто ты лишил сна девушку...

— Я? Не может быть. Девушки таких, как я, не любят.

— Это почему же?

— Потому что, выходя замуж, они стремятся устроить свою жизнь получше. А мне самому негде жить. Видишь, как живу. Открытое небо — моя крыша, высокие горы — стены моего жилища. Сено мне постелью служит, камень — подушкой, а укрываюсь ветром. Зимой сплю в чужом хлеву... И почему мир так устроен? Родился для жизни, а прав на нее не имею. В груди моей сердце, и оно не имеет права на любовь.

— Любить имеет право каждый.

— Полюбить не главное, главное — калым. В этом проклятом мире любовь покупается. И она порой так дорого стоит, что у покупателя ломается шея, а любовь превращается в сердечный недуг. А мое положение столь безвыходно, что я об этом и думать перестал, — грустно махнул рукой Дзанг.

— Если двое полюбят друг друга, то они и на голой вершине проживут.

— Да, но очень скоро сама любовь превратит их жизнь в ад. Любовь красива и сильна, когда не лишена подходящих условий. Цветок красив, но в объятиях ледника гибнет сразу. Так и любовь.

Девушка замолкла, терзаемая сомнениями. Затем, обратив внимание на самую высокую вершину над перевалом, спросила Дзанга:

— Дзанг, ты вон с той вершины вниз когда-нибудь смотрел?

— Смотрел.

— А я нет.

— Хочешь?

— Хочу...

Дзанг попросил Гриша присмотреть за отарой, а сам вместе с Агундой направился к вершине. Удивительно веселой и счастливой была в этот день Агунда. Смеялась, как дитя, от всего приходила в восторг. До самого обеда пробыли вместе, затем она ушла, пообещав прийти и завтра. На другой день она опять пришла и с тех пор приходила каждый день. Дзанг привык к ней, ждал ее всегда с нетерпением. Вначале он не придавал особого значения этому, считал, что дома Агунду утомляет скука и, чтобы развлечься, она поднимается в горы. И был доволен тем, что может разогнать ее хандру, веселить ее. Станный характер был у нее. То она, подобно горному орлу, взмывала в заоблачные выси, бегала так быстро, что Дзанг не мог ее догнать, то становилась беззащитной и слабой, точно малое дитя.

Эти встречи духовно обогащали парня, вселяли в него надежду, мир становился для него краше. Девушка вернула ему веру в себя, в то, что и он человек. Пробудились в нем давно заснувшие надежды, и жизнь стала для него удивительно красивой и приятной.

Агунда была жизнерадостна, умна, красноречива и откровенна. Она не скрывала своих мыслей, как многие девушки. Этому способствовало ее положение. Как госпожа она с детства привыкла быть свободной во всем. В отцовском доме, где множество слуг, она вела себя смело и непринужденно. Вот и теперь она разговаривает с Дзангом, нисколько не смущаясь, как с очень давним знакомым. Дзанг удивляется, откуда она черпает столько сил. Временами его даже страшили ее смелость, решительность, хотя она госпожа и имеет право на все. А порой он чувствовал себя перед ней слабым, скованным.

Как-то Гриш спросил Дзанга:

— Что госпожа здесь каждый день делает?

— Откуда мне знать?

— Не знаешь?.. Берегись ее, как бы в беду ты с ней не попал, — сурово заметил он.

— В какую беду? — восторженно воскликнул Дзанг. — Я что-то тебя не понимаю.

— Провалиться тебе в ад, коли ты не ослеп! Над тобой тучи, и берегись, чтоб молния не ударила.

— В чем дело?

— Не понимаешь?.. Любит она!

— Меня? — от удивления у парня чуть глаза не выскочили.

— Тебя. И знаешь, что это значит? Она поиздевалась над богатыми женихами и остановилась на тебе... И... не надо, парень. Я хорошо знаю ее отца и этих наглых кичливых братьев: они раздавят тебя, как червя. Не забывай своего места. Она слишком высока и опасна для тебя. Коснешься ее — в пепел превратишься.

Гриш говорил еще что-то, но Дзанг перестал его слушать. Сердце его бешено колотилось, в голове спутались мысли и, казалось, мир рухнул на него. Он встал. Не помня себя, вышел из шалаша, прошел через все пастбище и упал на землю. «Любит она тебя... Как это? Меня? Нет, нет! Это сон. Этого не может быть! Нет! Нет!»

Он вспоминал каждую встречу, взвешивал, оценивал каждое ее слово, движение, жест, взгляд и все больше убеждался в том, что старый пастух прав. Он теперь понял, почему девушка краснела, глядя на него. Вспомнил он один случай. Как-то раз они сидели рядышком. Девушка опустила голову на его плечо. Дзанг предложил ей:

— Если устала, приляг вот на бурку.

— Не двигайся, Дзанг, не двигайся, не буди меня: я красивые сны вижу. Ради бога, молчи и не шевелись.

Дзанг искоса посмотрел на нее. Агунда сомкнула веки, и на лице ее блуждала улыбка. Дзанг не мешал ей, думая, что она устала и отдыхает на его плече.

«Любит она тебя», — снова застучало в голове, и он весь запылал: «О великий боже! Не губи бедного человека. И откуда мне выпало такое большое счастье? Любит она меня, любит!»

Дзанг лежит пластом, обнимая землю, словно Агунду прижимает к груди. Но недолго длилось это блаженство. В тот миг, когда мечты подняли его до самых небес, в ушах прозвенел голос Гриша: «Берегись, высока для тебя девушка. Коснешься ее — в пепел превратишься». Заговорил разум и полоснул сердце острием ножа,

красивые грезы повисли в воздухе, сломались их крылья, и юноша упал с небес, больно ударился об землю, крикнув: «Нет, не бывает этому!»

Он сжался, будто его облили студеной водой. Остывшее сердце и холодный разум вступили в спор. Сердце говорило:

«Полюбила тебя красавица Агунда. Полюбила большой искренней любовью. Полюбила тебя за твою смелость, мужество. Такое счастье редко выпадает бедняку».

Разум противился: «Полюбила, это верно, но будет ли она счастлива с тобой?»

«Будет», — отвечало сердце.

«Ошибаешься. Девушка не знает, что такое бедность, не знает, что бедняцкий кусок хлеба пропитан потом и кровью. В ней не найдется столько силы, мужества, чтобы выдержать бедность... Она будет несчастной с тобой. Она еще юна, и твоя смелость пленила ее разум... Не надо! Кровавые дожди польются над тобой... Вырви ее из сердца, пока не поздно. Вырви, и пусть легит следом за своим конем в пропасть с Чертовой скалы».

«Не сделаю я этого. Не для того я отнял ее у смерти. Люблю ее, люблю!»

«Ты себя любишь, а не ее, иначе бы не обрекал ее на гибель».

«Она сама полюбила меня — бог свидетель!»

«Полюбила, но не подумала о будущем. Не простит тебе этого ее отец. Слишком далеко ты зашел: забыл свое место. Трепещи, несчастный! Трепещи! Быть тебе на острие ножа!»

Дзанг в эту ночь долго терзался. Все взвешивал, но все пути к счастью для него были закрыты, и разум решительно порвал звенящие любовью струны сердца.

III

В это утро он вышел на работу вялым, измученным, все тело ныло. Чувствовал себя скверно, но надеялся, что на свежем воздухе ему немного легче станет. Однако солнце поднималось все выше, а в его душе все больше сгущался мрак. В этот день и Агунда запаздывала, и Дзанг решил: «Наверное, Гриш боится алдара и выдумал все это, чтобы избежать беды».

От этой мысли парень немного успокоился. К тому же он вспомнил, как его оскорбили в доме алдара, и снова сердце охладело к девушке. Он начал верить, что Агунда, как и дочь дьявола, похищает сердца юношей. Скольким юношам она разбила сердца! Вот, например, Ацамаз. Он уже на человека не похож. Теперь очереди Дзанга. Нет, его она не сломит. Держись, мой друг, пойманное тобой на краю пропасти несчастье не ровит сбросить тебя туда. Сердце его освободилось от чар любви, и он облегченно вздохнул...

А Агунды все нет и нет. Это его и радовало, и огорчало. Незадолго до заката солнца в ущелье показался всадник. В самом начале перевала, у зарослей ольхи, он соскочил с седла, привязал коня к кусту и пошел напрямик к пастухам.

Это была Агунда. От злости лицо Дзанга покрылось пятнами. Зачем она явилась опять, да еще к вечеру.

А девушка издали кричит:

— Ну, спустись же навстречу, я не могу уже идти!

— Кто тебя заставляет, госпожа? Или места себе не находишь от безделья? В таком случае могла бы, вместо служанки, принести себе воды из родника, — Дзанг не сдержал гнева.

— Дзанг, брось капризничать, спустись, ну скорей! Помоги мне, — кротким и мягким голосом звала девушка.

— С меня и того хватит, что целыми днями, от зари до зари, брожу за стадами твоего отца. И лишних ног у меня нет, чтоб еще за тобой таскаться, так что поворачивай домой! — еще резче прозвучал голос парня.

Девушка ничего уже не ответила, ноги ее подкосились, и она как стояла, так присела на месте. Уперлась локтями в колени, а ладонями подперла скулы и уставилась в сторону ущелья.

— Ты не груби ей и не упрекай, а спокойно объясни. Если она рассердится на тебя — не простит, как отец.

— осторожно заметил старый Гриш. — Спустись к ней. Не забывай, кто она. Овец я загоню в овчарню.

Дзанг уже и сам сожалел, что надерзил ей. Как только напарник стал загонять овец, Дзанг не спеша спустился к девушке.

— Госпожа, прости мне мое необдуманное слово, но я хотел бы знать, для чего ты ходишь сюда каждый день?

— Для чего? Ищу ангела, который бы унес мою душу, — резко ответила она и круто повернулась к нему лицом.

Они встретились взглядом. По щекам девушки катились крупные слезы. Они потекли дальше, словно по сердцу Дзанга, и смягчили его. Он заговорил ласково:

— Госпожа, пойми меня правильно: неприлично ежедневно ходить сюда. Кто увидит — осудит тебя... А я не хочу, чтоб о тебе дурно говорили...

— А что плохого я делаю? — пуще прежнего залилась горячими слезами девушка.

— Ничего, но люди...

— Люди... Ну и пусть говорят. Кому какое дело, куда и зачем я хожу?

— Люди что... Твой отец...

— А что мой отец? Ты его боишься... Вот оно что! А я-то думала — мужчина ты, а ты трусливее зайца оказался!

— Не ходи сюда, слышишь! — твердил свое Дзанг.

— А кто тебя спрашивает, идти мне сюда или не идти? — гневно блеснули глаза Агунды. — Это отцовские земли, и какое право ты имеешь запрещать мне бывать здесь?

— Беду накличешь, госпожа, пойми!

— Ну, что ты размяк? Не бойся. Больше не приду. Никогда, никогда! — громко зарыдала Агунда. — Оказывается, ты такой же, как и все!

— Да, госпожа, да, такой же, как и все! А может, еще хуже, еще беспомощнее, никчемнее! И можешь надо мной смеяться, впрямь, как вола, в плуг, содрать девять шкур, если только пожелаешь. Ты госпожа, а я твой батрак. Захочешь — вытрешь ноги об меня. Да, да! Тебе все дозволено! Бог на твоей стороне, закон — твой защитник! Вы благородные, все знаете! Только одно забыли — забыли, что и у бедного батрака в груди есть сердце и что оно может болеть, ныть, если вы на него наступите! Я вас всех ненавижу: и тебя, и отца твоего, и братьев! Да, да, всех, кто отнял мою юность, весну мою и всадил мне в руки терновые колючки, а жизнь мою превратил в ад... Всех вас ненавижу. Слышишь? А теперь иди. И все это передай отцу. Не боюсь я ни отца твоего, ни кого-либо другого.

Дзанг ожидал, что Агунда разъярится и побежит

к отцу. Но где там! Она вытерла слезы и тихо промолвила:

— Прости, а я-то думала...

— Что? Думала, на коленях буду молиться или лицемерить?! Не думай!.. Ты от безделья сама не знаешь, чего хочешь. Но у меня от мучений и тягот из глаз, вместо слез, кровь сочится. Я не могу свободно вздохнуть. И тело мое, и мысль закованы в цепи! Слышишь?

— Слышу... Слышу...

— Вот так-то, госпожа, и не подливай в огонь масла. Я и без того уже сгорел почти дотла.

Солнце неохотно закатилось за горы.

Агунда поднялась.

— Мне пора идти... Проводи...

Они медленно начали спускаться по склону горы к ущелью. Дзанг торопился, чтобы Агунда засветло добралась до аула. Но Агунда не спешила. Начало темнеть.

— Дзанг, возьми меня за руку. Я в сумерках плохо различаю тропинку, — обратилась девушка к парню.

Дзанг подал свою руку и, осторожно ступая, пошел впереди Агунды. Тепло девичьей руки пронизало его тело, и ему казалось, что не он ведет Агунду, а она его... и что не идут, а плывут на сказочной ладье по морским волнам. Спуск так затянулся, что казалось, ему конца не будет. В какой-то миг девушка поскользнулась и очутилась в объятиях парня. От неожиданности Дзанга прошиб пот, но вскоре он овладел собой и отпустил девушку.

— Прости, но почему ты так поздно выехала?

— Отец из Тифлиса вернулся. С утра не было возможности, — еле слышно сказала девушка.

— Ой, а не будет ли он тебя искать?

— Нет, он снова в город уехал.

Уже совсем стемнело, когда они дошли до ущелья. Дзанг отвязал коня.

— Ты садись на коня, а я пойду впереди и поведу его, а то на этой неровной каменистой тропе он может споткнуться.

Девушка не ответила.

— Залезай, Агунда, или тебе надо помочь?

— Да, — кивнула девушка.

Она была взволнована. Как только юноша взял ее под локоть, чтоб подсадить, девушка резко повернулась и повисла у него на шее.

— Дзанг, звезда моих грез, я люблю тебя, люблю! — зарыдала она.

— Агунда! — испуганно вскрикнул юноша, затем сердце его неистово заколотилось, заглушило разум, и он, забыв про недавнее решение, покрыл девушку жгучими поцелуями. Парень чувствовал, что рано или поздно разум не устоит против любви, которая прорвется наружу, подобно вешним водам в горах. Он и боялся этой любви, и шел ей навстречу. И вот теперь прорвалась большая волна этой любви и захлестнула его.

— Агунда, это невозможно, нет! Слышишь?! Я недостойн тебя, нет!

— Я ничего не слышу и слышать нее хочу, Дзанг, мой свет, — голос девушки задрожал, и, она, трепеща всем телом, еще крепче прижалась к груди юноши.

— Ты госпожа, а я батрак, — все еще сопротивлялся разум Дзанга.

— Но разве я виновата в этом? Я ведь люблю тебя!

— Пойми, наша любовь на острие ножа.

— Ну, и пусть... Пусть я в аду сгорю, пусть меня отвергнут. Пусть...

— Послушай, Агунда...

— Молчи, молчи. Я знаю, что ты хочешь сказать... Не если ты не любишь меня...

Девушка плакала.

Дзанг взял ее на руки и опустил в высокую, по пояс, траву под ольхой. Затем снял черкеску и, набросив ей на плечи, укутал ее.

— О, лучше бы ты меня не спас. Если бы я слетела со скалы, то не узнала бы тебя и не страдала бы так, — не успокаивалась Агунда. — Я знаю ты не любишь меня.

— Агунда, любимая, если в этом мире кто-нибудь метал о счастье и был им щедро одарен, то это я... Люблю тебя... И не просто люблю, а жизнь свою готов отдать за тебя. Ты, ты... выше солнца, дороже жизни... Да разве найдется человек, который бы не любил солнце?! Но знай, наше будущее страшнее и опаснее Чертовой скалы. Я не о себе тревожусь, но ты... Борюсь за тебя, продаешь, — умоляющим голосом говорил Дзанг.

— Не говори мне об этом. Я знаю, что ждет меня. Я думала о нем и не страшусь его.

— Ты трудностей не видела, лишений не знала...

— Моя жизнь не легче твоей. Правда, нужды не знаю: блестящий дом — мое гнездо, одеваюсь в бархат. Но не думай, что жизнь только в этом заключается. Я младшая сестра пяти братьев. Избаловали они меня, прощали ошибки. Но они мне лгали. И я давно это заметила. Я обожала отца, да и он во мне души не чаял. Я думала, что нет человека честнее и добрее его. Но, подрастая, я поняла, что это не так. Мне запомнился случай, из-за которого я отца возненавидела. Один бедняк отдал ему деньги — подать. Позже отец вторично затребовал их. Я напомнила ему, что бедняк при мне дал ему деньги.

— Не дал, дочь моя, иначе бы у него была бумага от меня.

— Он просил, но ты не дал, дескать, не веришь что ли мне, — настаивала я.

Слишком дорого обошлось бедняку его доверие. Отец продал за долги корову — кормилицу его детей, а самого засадил в тюрьму.

Прошло три года. Однажды в наши ворота постучалась женщина в трауре. Я играла во дворе и выбежала ей навстречу. Она спросила меня, кто я. Я ответила. Женщина, посмотрев на меня с ненавистью, сказала:

— Передай отцу: будь, скажи, ты проклят за мои страдания. Чтоб, скажи, ты кровью харкал и семья твоя перевелась, как моя. Чтоб у тебя не осталось ни куска хлеба, ни глотка воды.

Женщина покачнулась, ухватилась за косяк и, опираясь на палку, поплелась прочь. Я спросила служанку, кто она. Та мне объяснила, что мой отец засадил ее мужа в тюрьму, где он и умер, а дети все с голоду поумирали. Это сообщение потрясло меня, и я выразила отцу свое возмущение.

— Дочь моя, ты еще мала и ничего не понимаешь. Жизнь такова: если ты не обманешь кого-то — тебя самого проведут, — ответил он.

Откуда было знать отцу, что в этот день он потерял любовь и привязанность единственной дочери и что никогда их вновь не обретет! Он мне стал ненавистен.

Порой, когда я ела, мне казалось, что на столе хлеб, отнятый моим отцом у детей этой женщины... Подрастая, я все больше убеждалась в лицемерии и подлости окружающих... Ложь, обман я возненавидела.

Прости, о родителях не принято говорить дурно... Но мой отец обманывает не только чужих, но и мою мать. Он ее отправил в Тифлис, чтобы она присматривала за сыновьями, а сам проводит время с какой-то гулящей женщиной.

Лгут и братья. Каждый из них норовит как бы побольше отцовского добра перетащить. Лгуны и мошенники и все знатные, кого я знаю. Именуют себя благородными, а между тем, ни капли благородства в них нет.

Врут, лицемерят даже слуги. Внешне проявляют такую любовь к отцу, будто он их кормилец и опора, а в душе его ненавидят.

Вот такова моя жизнь. Живу затворницей в четырех стенах. Ты покори мое гордое сердце мужеством и достоинством... Я понимаю, против кого восстаю, полюбив тебя. Трудно оторваться от среды, в которой выросла, и все же я не боюсь этого. Я отрекаюсь от них! Пусть сгорит моя головушка — другого пути у меня нет. А теперь прости. Я сделала то, чего никогда не случилось в Осетии — сама пришла к тебе и сказала: «Люблю».

Не гони меня, не обижай. Не назови меня дерзкой и бесстыжей... Знала, ты никогда бы мне не признался в любви, а я уже не в силах была таить свое чувство. Я тебе доверилась. Будь же моим судьей, но помни: если трусишь — моя дорога вновь по Чертовой скале пройдет.

— Агунда, мое счастье, кто однажды вернул тебя с этой дороги, второй раз не допустит к ней. И если небесам угодно, чтобы мы вместе вошли в завтрашний день, то смело пойдем вдвоем.

— Дзанг, свет моих очей! — простонала Агунда. Любовь в ней вспыхнула ярким пламенем, осветившим все ущелье, и девушка сгорела дотла от горячих поцелуев Дзанга.

Ночная мгла старательно расстелила над ущельем темное покрывало, утаив от людских глаз два юных тела, сплетенных в любовном объятии. Лишь мириады звезд, рассыпанных в небе, узнали о тайне возлюбленных. Стыдясь своего немощного света, звезды подмигивали вспыхнувшему в горном ущелье яркому пламени испепеляющей любви.

Горы дремали. Было тихо. Ветер затих на листве,

боясь потревожить чуткий сон двух обессилевших сердец. Временами тишину нарушали лишь близкий крик совы да раздававшийся в ответ приглушенный всхрап привязанного коня. Сквозь осторожную тишину послышался шепот Агунды:

— Дзанг, любимый, хватятся меня дома...

Он поднял ее на руки и понес по тропинке. Отвязал лошадь, и она покорно пошла за ними, постукивая копытами по острым камням в такт биению сердец влюбленных. Дзанг проводил Агунду до околицы аула. Трудно было, ой, как трудно было прощаться... Дзанг пожелал Агунде спокойной ночи и пошел назад, к перевалу.

Начало рассветать, когда Дзанг вернулся в кутан. Гриш не спал.

— Ну, парень, я вижу, ты влюблен по уши... Что сказать тебе, сынок? Большого счастья не пожелает себе человек. Я рад за тебя. Только страшно мне.. Слишком большое пламя раздул, как бы не спалило тебя...

— Если это моя судьба — пусть сгорю, — сказал Дзанг.

— Ну, спи. Ты уже две ночи глаз не смыкал, скотину я сам выгоню.

Дзанг прилег на подстилку из травы, но ему было не до сна... Сон смежил его веки, когда первые лучи солнца позолотили горы.

IV

После этой ночи Агунда не стала ходить на пастбище. Но сам Дзанг, пригнав стадо, отправлялся в условленное место, на небольшую лужайку над аулом, и здесь они встречались.

Однажды Дзанг, как всегда, пришел на место встречи. Ждал Агунду до самого рассвета, но она не пришла. Напрасно ждал ее парень и вторую ночь. Агунда опять не пришла. Дзанг терялся в догадках:

«Почему не пришла? Может обиделась на меня? А, может, заболела». Откуда было знать ему, что стряслась беда, да такая, что искры от кремневых скал посыпались.

Утром следующего дня на пастбище прибыл взволнованный Ацамаз и, не слезая с коня, сообщил Дзангу:

— Собирайся скорей, тебя алдар к себе требует.

— А какой подарок он мне приготовил? — Дзанг попытался обернуть в шутку слова Ачамаза.

— Не знаю. Он очень зол, рвет и мечет.

Дзанг почувствовал что-то недоброе.

— И все же, что произошло? Будь добр, Ачамаз, объясни?

— Клянусь, понятия не имею. Ну, иди же скорее.

Дзанг застал алдара во дворе. Заложив руки за спину он вышагивал по двору. Лицо его надилось кровью, брови надвинулись друг на друга. Молчит, словно в рот воды набрал. Увидев Дзанга, одним взглядом повелел ему следовать за ним. Дзанг, обеспокоенный, пошел за ним в погреб. Алдар запер дверь изнутри и заорал.

— Ты знаешь, ублюдок, куда ты, как вошь заполз?! — выпученные глаза алдара, как наконечники стрел,

впились в юношу.

— Что такое, господин, я ничего не знаю? — не выдержал Дзанг гневного взгляда алдара.

— Знаешь, немытая рожа, говори прямо, что у вас с моей дочерью? — откровенно заговорил алдар.

Дзанг понял: отпираться бесполезно.

— Ничего, кроме чистых отношений, — тихо ответил он.

— Врешь, вшивая тварь. Рассказывай все прямо, как произошло это, — алдар едва сдерживал себя.

— Поверь, господин, я не лгу. Ни перед тобой, ни перед твоей дочерью я ни в чем не виноват. Я никому на шею не вешался, спас твою дочь и...

— Заткнись! Лучше б не спасал ее, чем пережить такой позор!

— ...после этого ты за мной прислал, затем сам явился. Я уходил от тебя — ты меня не отпустил. Затем сама Агунда... И кто я такой, чтобы посметь. Меня не обвиняй. Еще раз повторяю, я ни в чем не виноват, клянусь богом!

Дзанхот некоторое время стоял молча, накапливая ярость. Левый ус начал подрагивать, затем пальцы правой руки сжались в кулак. Дзанг понял, что алдар хочет с ним расправиться и приготовился к «бою». Однако алдар не решился поднять на него руку и заскрежетал зубами в бессильной ярости.

— У-у, бесстыжая! Ума не приложу, как она, отвернувшись от множества знатных женихов, выбрала этого оборванца!

— Не знаю, господин... Я имею всего лишь две руки, и они тоже тебе приналежат.

— И я отрублю их, змееныш! — заорал алдар. — Давай выкладывай все — моя дочь уже во всем призналась.

— Чего ты требуешь, господин?

Дзанхот опустил руку в карман, вытащил кошелек и швырнул его Дзангу.

— Вот тебе деньги! Тебе хватит их на всю жизнь, и я требую: избавь от позора и меня, и дочь мою.

— Господин, говори прямо, что я должен сделать.

— Убеди Агунду в том, что другую любишь.

— Не понимаю тебя, господин.

— Если она увидит тебя со своей служанкой Ацырухс, то заподозрит измену. Для женщины нет большего оскорбления. Я сам создам вам условия для свидания. Ацырухс согласна во имя спасения чести своей госпожи. И вообще она хорошая девушка... Женись на ней. Не пожалеешь.

Дзанг понял, чего от него требует алдар, и по его телу прошел мороз. Это же подло! И для Агунды страшнее смерти. Ее сердце не выдержит, разорвется в груди.

— Господин, я даже под страхом виселицы не соглашусь на позорное дело. И, кстати, этим ты дочь не спасешь, а скорее в могилу отправишь, — еле сдерживая себя, сказал Дзанг. — Лучше другое решение... Я сегодня же уйду и исчезну навсегда.

— Я думал об этом, но не годится... Если она узнает, что ты жив, ночью сбежит. Где бы ты не спрятался — она все равно найдет тебя... Ничто не может ее поколебать, кроме твоей измены.

— Извини, господин, но ты не знаешь своей дочери. Ты убить ее решил.

— Лучше смерть, чем позор!

— Но тогда я не сделаю того, чего ты требуешь.

— Сделаешь, осел! А если нет — сгниешь в этом погребе.

— Лучше сгнить, чем сделать подлость.

— Ну и сгнивай, мерзавец, — алдар вышел, хлопнув дверью и повесил на нее замок.

В темном сыром погребе повеяло могильным холодом... Дзанг заметался из угла в угол. Понял он, что случилось несчастье, от которого предостерегал его Гриш. В этом мрачном подzemелье он найдет свою гибель.

Дзанг согласился бы отдать свою жизнь, если б знал, что Агунда будет счастлива. Но невозможно заглушить ту большую любовь, которая проснулась в девичьем сердце. Он вспомнил слова Ацырухс: «В этой любви она найдет или счастье, или гибель». Счастья он ей не дал, осталось второе — гибель. Парень продолжал метаться из угла в угол, барахтаясь в паутине горьких дум. Никогда ему так не хотелось жить, как теперь. И именно теперь в этом темном подвале должен погаснуть для него навсегда солнечный луч. Он стал задыхаться. Голова отяжелела. В ушах звенело.

Нет, Дзанг не сдается смерти. Он стал искать щели по углам, но наткнулся на холодные каменные стены. Подкопал бы, да нечем. Попробовал ногтями — пальцы заболели. Устал, голова закружилась, покачнувшись и... дальше не понял, что с ним произошло.

В какое-то время послышался лязг замка, за ним — скрежет металла. От этого шума очнулся Дзанг. Свежий воздух ворвался в подвал, и Дзанг вздохнул полной грудью. Вошел какой-то призрак.

— Дзанг, — послышался ему чей-то слабый голос.

— Кто ты?

— Позже узнаешь, а сейчас поскорее убегай, пока сторож не проснулся.

Призрак схватил Дзанга и вывел его из подвала, затем закрыл дверь на замок, и они, обогнув алдарский дом, вышли в сад. В ночной прохладе Дзанг окончательно пришел в себя и зашагал быстрее.

— Ну, дорогой брат, теперь иди сам. Я тебе больше не нужен. Только запомни: отныне ты мертв, и если воскреснешь, то алдар похоронит вместе с тобой еще нескольких из нас.

— Кто ты, мой спаситель? — спросил Дзанг. — Хотя имя свое назови. У меня нет друга — ты будешь моей правой рукой.

— Я Долат, слуга алдара. Ацырухс мне все рассказала... Если бы ты сделал то, что задумал алдар, я бы убил и его, и тебя. Но раз ты остался в подвале — значит не согласился. А в этом погребе человек долго не живет:

туда воздух не поступает, и человек задыхается. Алдар уже нескольких убил таким путем.

— Спасибо, Долат. Я этого доброго дела никогда не забуду.

— Добро от тебя самого исходит, а долг, говорят, платежом красен. Спасибо тебе, что не опозорил мою Ацырухс.

— Долат, будь добр, сделай еще одно доброе дело. Скажи, мой благодетель, что с Агундой... У них... был... разговор?

— Крупная ссора. Алдар готов был убить свою дочь. Агунда призналась отцу, что любит тебя. Про это, кроме меня и Ацырухс, никто не знает. И алдар, чтобы замять это дело, увез свою дочь в Тифлис. Уезжая, он поручил сторожу: «До утра он там сдохнет, и закрой его где-нибудь так, чтобы никто не увидел». Это о тебе шла речь. Я случайно подслушал их разговор, напоил сторожа и вытащил у него из кармана ключ от погреба.

— Если узнают, попадешь в беду, и все из-за меня, — встревожился Дзанг.

— Не волнуйся: я сейчас положу ему ключ обратно в карман. И если он хочет попасть на виселицу, то пусть попробует рассказать правду. А ты не вздумай показываться. Не забывай, что ты мертв, — просил он Дзанга.

— Об этой истории и Ацамаз ничего не знает. Алдар, видимо, испугался, что дело получит огласку, и Ацырухс вместе с Агундой забрал в Тифлис. Ну, мне пора, я слишком разговорился, как бы сторож не проснулся... Он алдару предан, как пес... Ну, счастливого пути!

— Будь счастлив и ты, Долат.

Дзанг и Долат обнялись и разошлись.

V

На рассвете Дзанг пришел в кутан и рассказал Гришу о случившемся с ним несчастье.

— Я же тебе говорил, берегись ее, — испуганно сказал старик. — Я хорошо знаю алдара. Слава богу, что вырвался из этого погреба. Теперь спасайся, как можешь. Мир широк и для тебя в нем найдется местечко.

— Мне нельзя уходить, пока не получу известий об Агунде, — решительно сказал парень.

— Какие тебе еще известия. Да пойми же, наконец, с огнем не шутят.

— Не боюсь я ничего. Только об одном прошу.. Днем мне здесь оставаться нельзя, а ночами я буду к тебе приходить... Может, какое известие...

— Ну ладно, бог с тобой — будь по твоему.

Дзанг скрывался в камышовых зарослях в северной стороне перевала. Юноша оставался наедине со своими горькими думами. Он таял изо дня в день в ожидании вестей об Агунде. Но вестей не было, и Дзанг терял надежду. Иногда приходила мысль отправиться в Тифлис, но, по словам людей, город этот большой и искать в нем человека, что иголку в сене. Иногда разум восставал против сердца: «Дзанг кроме большой любви ничего не может дать Агунде. И было бы лучше, оставить ее в покое, перестать о ней думать. Девушка погорюет, погорюет, а там раны сердечные зарубцуются, все пройдет. Она еще молода — полюбит другого».

Но неистовое сердце, подобно раненному на поле брани воину, вновь обретало силы и вступало в бой с разумом. Он вспоминал просьбу Агунды: «Дзанг, ненавистна мне моя жизнь! Я задыхаюсь в ней! Спаси меня, и я за тебя буду всю жизнь молиться святой богородице».

Способностью любить природа наделила всех равно, независимо от общественного положения, богатства и взглядов. Люди сотворены из одной крови и плоти. И нет ничего удивительного в том, что Агунда полюбила Дзанга. В большое море отваживается выходить большой корабль, а для большой любви нужны большие чувства. И они нашлись в Дзанге и покорили гордое сердце Агунды. Дзанг за свою большую любовь вступил в бой с теми чудовищными силами, которые перекрасили общество в разные цвета. И он победит, или его раздавят...

Прошло около двух недель. И вот, однажды, вечером, после ужина, в кошаре появился Ацамаз. Когда Дзанг при свете огня увидел бледное лицо бывшего напирника, затрепетало его сердце, словно молнией пораженное.

— Ацамаз, какая беда стряслась? — не скрываясь, бросился он к нему.

— Недобрая весть, — словно из могилы, глухо и отрывисто отозвался Ацамаз. — Агунду там в Тифлисе... богатый человек... выдали... Сегодня ночью свадьба.

— Свадьба? — ошеломлен Дзанг. — Где!

— Агунда не захотела справлять свадьбу в Тифлисе, и сегодня к обеду прибыли в алдаров дом.

— А Агунда согласилась?! — Дзанг схватил Ацамаза и бешено стал трясти его.

— Со-со-согласилась, — еле выдавил из себя Ацамаз.

— Врешь, сукин сын! — взорвался Дзанг, и из глаз его полетели искры гнева.

— Нет, не вру! Отпусти!

— Может, заставили? Скажи!

— Нет, не заставили... Сама хотела... Веселая была... Я сам видел, как она держала жениха под руку и громко смеялась.

— Ух, проклятый черт! — Дзанг изо всех сил швырнул Ацамаза оземь, выскочил одним прыжком из шалаша, как сумасшедший, помчался в северную сторону. Бежал, не различая дороги, споткнулся и упал без сознания. Когда пришел в себя, ощупал все вокруг и понял, что лежит в балке, покрытой галой ледниковой водой. Сразу не смог сообразить, как он здесь очутился. Потом вспомнил, как бежал из кошары.

С трудом он выполз из оврага, чувствуя боль в разбитом теле. Остановился. Теперь куда идти? В кошаре ему делать больше нечего. — «Пойду, куда ноги понесут». И пошел. Он не заметил, как ноги сами привели его к Чертовой скале. Тут разум вырвался из плена тяжких дум. Дзанг ощутил страшную усталость во всем теле и присел.

«А вообще-то зачем я сюда пришел? — размышлял он. — Что привело меня сюда? Это место какое-то несчастливое: недаром же его Чертовой скалой прозвали. И я поймал одного из этих чертей. Он перемолол мое сердце тяжчайшими жерновами и по ветру развеял... Ну почему она так поступила? Почему? Почему? Сама, говорят, тоже хотела. Ну, тогда чего еще надо мной так безжалостно издевалась?»

Этот вопрос клином застрял в голове и терзал его. «И все-таки какой же я глупец, что поверил ей! А как

ее отец сказал: «Ты, как вошь, влез на голову!» Но бог свидетель, сами меня выбрали, вознесли, но потом испугались, сбросили на грешную землю и раздавили сапогами, — мысли путались в голове Дзанга. — Да, зачем я в это проклятое место пришел? Что здесь хорошего для меня?.. О-о-о, много, очень много! В один день я здесь уснул и такие сны! Ах, если бы я не проснулся! Эти сны были самыми счастливыми в моей жизни. Они блеснули, как яркие звезды, и тут же погасли. Ничего у меня не осталось, кроме воспоминаний об этих блаженных днях. А теперь я уйду... Но куда? Не все ли равно, куда? Лишь бы подальше от этих проклятых мест».

Дзанг только собрался встать, как со стороны Обманчивой тропинки послышался шум. Смотрит — прямо к нему бежит какая-то женщина. При лунном свете он хорошо ее различал. Не верил Дзанг в чертей, но на сей раз у него волосы встали дыбом: Дьявол явился к нему в облике женщины. Он оцепенел. Но по мере того, как она приближалась, в его голове созревала страшная мысль: «Если умирать, то вместе с дьяволом: все равно моя жизнь не имеет уже смысла». Как только женщина приблизилась, он кинулся на нее. Она пронзительно закричала и в сильных руках юноши лишилась чувств. Он поднял ее на руки, посмотрел на нее внимательно и... ноги у него подкосились. Это была Агунда. Холодный пот выступил на лбу Дзанга... Снова он замер на месте... Лишь спустя некоторое время пришел в себя. Отнес девушку в более безопасное место, положил на траву, но не отпустил, боясь, что сбежит. Пока он размышлял, она очнулась.

— Где я?..

— В моих руках, сатана. На сей раз тебе нет спасения! — говорил парень, весь дрожа.

— Дзанг, я узнала тебя по голосу!.. Оказывается и ты, мой свет, в загробном мире. Как хорошо, что мы встретились. Теперь нас никто не разлучит, — словно в бреду говорила она, прижимая крепко к груди руку Дзанга.

Ладонью левой руки Дзанг тер глаза, чтобы разобраться, сон это или явь...

— Агунда! — Дзанг чуть с ума не сошел. — Что ты тут делала?!

— Отец меня насильно выдал замуж, и я сбежала,

чтобы сброситься с Чертовой скалы, — девушка говорила не совсем еще осознанно.

К этому времени страх парня прошел. Он понял, что встреча произошла совсем случайно.

Агунда, любовь моя, это я, Дзанг! Он схватил ее за руки и от счастья закружил девушку. — О, мой создатель, я, наверное, снова заснул! Агунда, жизнь моя, радость моя, солнышко ты мое! Открой глаза, открой! Открой!

Агунда медленно открыла глаза, долго смотрела на него, потом вырвалась из его объятий, отступила несколько шагов назад и встала, опершись о скалу.

— Близко не подходи! — испуганно крикнула она. — Ты черт в облике Дзанга!

— Какой я черт, Агунда! Ну, посмотри на меня. Или ты меня не узнаешь?

— Нет, нет, я слышала от самого сторожа, когда он говорил отцу, что ты умер в поребе и тебя похоронили.

— Хотели убить, но не удалось им. Долат спас меня.

— Лжешь!

— Не лгу, поверь!

— Так что ж ты тут делаешь? — девушка все-таки не верила ему.

— Я пришел на место первой встречи с Агундой, чтоб попрощаться с ней. Слышал, она сегодня замуж выходит, причем с радостью согласилась.

— Нет, нет! Она не изменила данному тебе слову. А веселой она нарочно держалась. И свадьбу потому в аул заставила перенести, чтобы была возможность бежать... Она хотела сброситься с той самой скалы, на которой ее поймали, чтобы потом на том свете, с чистой совестью встретиться со своим любимым, — Агунда бросилась к Дзангу.

— На том свете мне нечего делать: я тебя встретил на этом свете, моя Агунда! — он обнял ее.

Агунда окончательно пришла в себя и от радости то хохотала, то плакала.

— Дзанг, уйдем отсюда, уйдем!.. Пусть теперь ищут меня...

— Будут искать. А чтоб поверили, что ты погибла, сбрось свое платье.

—Почему?

— Когда увидят платье в крови, то поверят, что тебя уже в живых нет.

Девушка сняла с себя платье. Дзанг порезал себе руку, разорвал платье и смочил ее в своей крови, затем швырнул в ущелье, за ним сбросил ее платок и обувь.

— Пусть теперь ищет тебя твой отец. Ну, а теперь, прощай, Чертова скала! Спасибо тебе! Ты оказалась для нас скалой счастья.

Обнявшись, они пошли в кутан. Девушка осталась во дворе, а Дзанг зашел в шалаши попрощаться, но в нем никого не оказалось: видимо, все пошли его искать.

Задерживаться нельзя было. Дзанг вынес тот наряд, который получил в подарок от Агунды, девушка надела его, и они отправились в горы.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

I

Слишком рано отошли в том году теплые дни «бабьего лета». Люди не успели подготовиться к долгой зиме, как тяжелые мокрые тучи навалились на зияющие огромными рваными ранами ущелья и принялись обильно окроплять их холодными слезами затяжных дождей. А однажды ночью с вершин Бурхоха потянуло морозным, прозрачным до звона, ветром; не успевшие долететь до земли дождевые капли превратились в белые пушистые снежинки, и к утру горы оделись в сверкающий белизной саван.

Чуть свет поднялся в то утро Саго. Выглянул во двор. За ночь снегу намело по шиколотки. «Если и дальше будет такой снегопад, до весны не смогу перевезти к дому свои стога», — встревожился он и поспешно воротился в саклю. У очага уже возилась его жена Ахсарагон.

— Хозяйка, надо поторапливаться. Собирайся-ка, поедем за сеном. Снег все валит и валит, как бы не пришлось нам выкапывать стога из-под него, — сказал он жене, а сам, набросив на плечи облезлую овчинку, принес охапку сена скотине.

Наскоро позавтракали. Не мешкая, Саго и Ахсарагон собрались в дорогу.

— Отец, возьмите и меня с собой, я помогу вам, — уже на пороге услышал Саго просьбу своей дочери Калимат.

— Нет, доченька, не для тебя эта тяжелая работа, — ласково ответил отец. — Ты лучше к нашему приходу прибери в доме да приготовь нам с матерью обед, а там, глядишь, и мы воротились.

— Гыщи¹, ты останься, а я пойду с отцом.

— Слушай, что говорит отец, доченька. Ты уже невеста, и не твое дело стога таскать... Хватит тебе резвиться, как мальчишка.

— А что я такого сделала? Разве стыдно ездить верхом? — обиделась девушка.

— Не женское это дело — сидеть на лошади, да состязаться с парнями. Накличешь еще беду. От злых пересудов и скалы рушатся...

— Пусть болтают, моя дочь не чета балаболкам, — Саго резко оборвал жену.

— Все это твоя вина, ты ее избаловал, — укоризненно посмотрела на него Ахсарагон.

— И все равно я свою дочь на пятнадцать парней не променяю! — Саго обнял дочь.

— Не знаю, баба², но то, что на коне никто из парней нашего аула не обгоняет меня, в этом я уверена, — лукаво улыбнулась Калимат.

— Слышишь, хозяйка?.. А ты все о злых языках... Кое-кого зависть берет, когда смотрят на нашу красавицу, вот и судачат... Ну, доченька, нам пора. Приглядывай за коровой, как бы не ушла к речке. Там ее чужая скотина забодать может — беды не оберемся. Ты ей в хлев воды принеси... А когда отелится, продадим теленка, и я тебе куплю такое платье, что сама дочь алдара умрет от зависти!

— Правда, баба? — блеснули радостью глаза Калимат.

— Да, доченька, да, — Саго ласково провел жесткой ладонью по нежной щеке девушки. — А на мать не обижайся, добра она тебе желает.

¹ Гыщи — мама.

² Баба — отец, папа.

— Да я и не обижаюсь, — потупилась Калимат. — Я только не понимаю, почему она так говорит.

— Ты одна у меня, дочка, вот и волнуюсь за тебя, — ласково проговорила мать. — Однако, нам в самом деле пора идти.

Женщина закуталась в шаль, обвязала себя крест-накрест концами, соединив их узлом на спине. Сняла с гвоздя волосяную веревку.

Калимат проводила отца с матерью до калитки и вернулась в дом. Молча стояла у очага. Ей все еще слышался голос матери: «Ты уже невеста...». «Невеста»; — прошептала Калимат и вздрогнула. Неужели отзвенели дни безоблачной юности, и она уже на пороге чего-то неизведанного, манящего, которому и противиться-то не хочется... И Калимат отдалась во власть сладостных дум. Смотрит на очаг, и в ее воображении, словно угольки под слоем пепла, то вспыхивают яркие видения, то угасают.

Далеко не юношей женился Саго и привел в свою убогую саклю Ахсарагон. Бедняк днем и ночью молился богу, чтобы тот одарил его сыном, но всевышний не внял его мольбам. В урочный час жена родила ему дочь. Саго был на грани отчаяния, но потом, поразмыслив, он сказал: «Бог не пожелал, чтобы у меня был сын, но назло судьбе я воспитаю ее так, чтоб она ни в чем не уступала мужчинам».

Когда Калимат подросла, отец стал обучать ее тем премудростям, которым учат с ранних лет мальчиков. Он научил ее обращаться с оружием, а чтобы с малых лет познала мужской труд, изготовил для нее маленькую косу и топорик. А скакала она верхом действительно лучше любого сверстника-мальчишки.

Смелостью, выносливостью и ловкостью Калимат была наделена от природы, что не могло не радовать отца. А мать утешалась тем, что дочь отлично управляется и с женскими делами. Полакомиться пирогами, испеченными Калимат, мечтали многие односельчане.

— Бог тебе под видом дочери, славного парня дал, — говорили аульчане Саго. — Счастливым будет тот, за кого она замуж пойдет.

Любят девушку в ауле — отзывчивую, чуткую. Она всегда рядом, если нужно помочь. Особенно хорошо от-

носятся к ней парни, ее сверстники. Она красива и нежна, сильна и отважна, добродетельна.

Но убежало куда-то детство. По узким улочкам родного аула, на пастбище с ягнятами, на резвом коне расплескались быстротечные дни юности Калимат. С одной стороны это радует ее, а с другой — сердце сжимается от ощущения безвозвратной потери...

Пятнадцать лет... Что такое пятнадцать лет? Когда кончаются у человека дни юности и наступает пора возмужания? Нет, у Калимат еще не кончились дни беспокойной юности. Слишком она их любит и не спешит прощаться с ними. Но сегодня слова матери стали чем-то ощутимым, какой-то осязаемой, тревожащей душу вехой между прошедшим и будущим. Что ждет ее впереди? Калимат и боится завтрашнего дня, и стремится к нему...

«Правильно говорила гыцци, — размышляет Калимат, — не пристало мне теперь бывать с ребятами. Понимаю, почему мне больше не разрешают садиться на коня... Но что бы там ни говорили, Арфана¹ я никому не отдам!»

Калимат вспомнила о поручении отца. Зашла в хлев (далеко ходить не пришлось: в одной половине сакли жили сами, а в другой — были привязаны корова и лошадь).

— Арфан, мой Арфан, — она нежно провела по бархатной щеке лошади, — ты слышал, что сказала моя гыцци? Стыдно, мол, девушке садиться на лошадь. Лучше бы не наступало мое пятнадцатилетие! Арфан, мой Арфан, ты не знаешь, как я тебя люблю. Когда я натягиваю твои удила, и ты мчишь меня стрелой, мне кажется, что я превращаюсь в птицу, ты возносишь меня к небесам, и мы парим над горами... Эх, испытать бы нам еще разок свои силы в будущем году на скачках в дни праздника Рагдзуар²... Никому я тебя не отдам, Арфан, никому, — девушка обняла голову коня, потом отвязала поводья от яслей и повела его на водопой. Принесла воды и для коровы. Прибрала в доме, достала из погреба немного картошки, зарыла их в горячую золу. Из сеновала

¹ Арфан — кличка лошади.

² Рагдзуар — религиозный праздник в честь духа — покровителя гор.

приволокла большую охапку сена и разметала его в кормушке перед коровой.

— Ешь, Гарам, ешь и поскорее телись, а то платье, которое мне хочет купить отец, так мне и не достанется. Слышишь? Ну, что ты все киваешь да киваешь? Согласна? Ну и хорошо.

«Платье, самое красивое платье, — улыбается Калимат. — Какое оно, увидеть бы поскорее». И вдруг ей привиделось, что удивительно красивое платье уже на ней, голубой шелк струится до пят. Калимат зажмурила глаза: ее платье красивее даже того, что было на Косерхан недавно в день ее свадьбы. Голова повязана белой шелковой косынкой, талия стянута золотым поясом, на ногах чуваки из мягкого красного сафьяна. Вот во дворе дома, где играют свадьбу, танцует Косерхан. Но что это? Это уже не Косерхан, а сама Калимат! Как она завидовала в тот день Косерхан, а вот теперь завидуют ей самой... Калимат кружится в танце, руки раскинула, как два лебединых крыла, сквозь стыдливо опущенные ресницы мерцают агатовые глаза, которые она не смеет поднять... Среди восхищенных зрителей, стоящих вокруг, и ее отец Саго. Сощутив глаза в улыбке, он говорит окружившим его мужчинам: «Видите, это красивое платье я купил для своей дочери, как оно идет ей, как красиво она танцует». Очень счастлива Калимат. Кружится... Кружится по углам отчего дома...

В это время со двора ей слышались какие-то встревоженные голоса. Вот кто-то заплакал в голос, кто-то запричитал, зарыдало несколько женщин.

Очнулась от грез Калимат. Рывком распахнула дверь, и несколько мужчин внесли на растянутых бурках мать и отца Калимат. Положили их рядышком на полу. Дом наполнился плачем, стенаниями. Со всех сторон сбегались люди.

Калимат не сразу поняла, в чем дело. Она вся окаменела, потом, стряхнув с себя паутину сладких грез, бросилась к отцу и матери.

Тело Ахсарагон было изуродовано до неузнаваемости. Отец лежал, закрыв глаза, и казался бездыханным, только тяжелый стон вырывался временами из его груди.

Калимат закричала страшным голосом, потом на нее обрушился весь белый свет...

Поистине черен тот день, когда в дом приходит горе. Гаснет огонь в очаге, рушатся опорные камни дома... Слышатся душераздирающие стенания плакальщиц. У гроба, сжавшись в комочек, сидит Калимат. Голова покрыта черным платком, лицо мертвенно-бледно, исцарапано. Девушка простерла над гробом руки, онемела. Ничего не слышит, ничего не ощущает. Лишь смутные видения проходят перед ней: во дворе собрались мужчины, выпустили из хлева корову и повалили ее на снег, тотчас же ставший ярко-красным. Теленка, которого так ждала Калимат, вынули из чрева коровы и выбросили. Потом гишцы унесли на кладбище. Вернувшись, соседи накрыли столы, произносили тосты за упокой, долго пили и ели. Когда стемнело, разошлись в разные стороны. В доме остались лишь Калимат, лежавший пластом Саго, да несколько самых близких соседей. Отец открыл глаза, но не смог пошевелиться. Соседи стали кормить его бульоном с ложечки.

С трудом смог рассказать Саго, что произошло в горах. Он поскользнулся на склоне, и копна подмяла его под себя. Ахсарагон подталкивала сзади копну и не заметила, как копна потащила ее в обрыв...

Саго промучался несколько дней, а на седьмой, поминальный по Ахсарагон день, его начало рвать кровью, и он не смог больше открыть глаза. К полуночи его не стало...

Снова дом наполнился причитаниями плакальщиц. И природа будто скорбела со всеми вместе. Наутро той ночи, когда перестал дышать Саго, начался сильный снегопад. Крупные белые хлопья падали без перерыва два дня, а потом поднялся ветер, закружилась такая метель, что даже до порога соседской сакли нельзя было пройти. Пурга загнала людей в свои дома и подперла их двери огромными сугробами.

Покойник остался непогребенным. Соседи ждут, когда утихнет ветер, чтобы опустить Саго в навеки принадлежащий ему клочок земли.

Сидит Калимат каменным изваянием. И мерещится ей, что все происходящее в их доме — лишь тяжкий сон. Когда завывает ветер и бьет в стены сакли, когда врывается в дымсход и разбрасывает остывшие угольки

в очаге, то ей кажется, что это голодный волк подкапывается под шаткую кладку стен и вот-вот набросится на нее. И она, словно осинка на осеннем ветру, сотрясается всем телом, а пальцы впиваются в крышку проба, как бы ища защиты у отца.

Устала девушка. Замерзла, зуб на зуб не попадает. Измученные бессонницей глаза закрылись, и Калимат впала в забытие. И чудится ей, будто сидит она на коленях гыцци, и та укачивает ее, укачивает... А Калимат не пятнадцатилетняя, а маленькая девочка, прижалась к материнской груди: «Замерзла я, гыцци, закутай меня, согрей...»

Наконец снежная буря утихла. Аульчане проложили путь к кладбищу и отнесли Саго. Уано, брат Саго, выставил скромное угощение, и люди, помянув покойника, вскоре разошлись.

Калимат не помнит, как отца унесли на кладбище. У девушки сильный жар. Комиан, жена Уано, не успевает менять на ее лбу мокрые тряпки. Как только тела больной касается живительная прохлада, она успокаивается, дыхание становится ровнее, слегка приоткрываются воспаленные глаза. Но быстро высыхает салфетка на чистом девичьем лбу, опадают черные брови, и она начинает бредить: «Гыцци, моя гыцци, куда ты уходишь... Возьми меня с собой! На Оленьей поляне много земляники... Не тревожься за меня, гыцци, я уже большая... Арфан привык ко мне... О-о! Куда ты исчезла, гыцци, вся картошка обуглилась в золе... Отец, горе мне, ты весь в крови... Стога... Стога... нашу корову задрали волки... Верните моего теленка! Платье, голубое платье... Гыцци, помоги мне, едят мое платье!..»

На четвертый день жар спал, и Калимат погрузилась в глубокий сон. Утром солнышко заглянуло в окошко, провело лучом по лицу спящей девушки. Калимат проснулась, но не смогла сразу сообразить, где она. Потолок в их сакле был пониже, в углах потемнее, окно с северной стороны, солнце в него не заглядывало, так откуда же в нем появилось солнышко? Незнакомая горница... Погоди, погоди, она когда-то бывала здесь, но когда? Странно, а что случилось с моей ногой? Почему ей трудно пошевеливать ею? И почему гудит голова?

С трудом оторвала голову от подушки. Видит — в

ногах кто-то прикорнул, навалившись на ее ногу, так, что она онемела. Попыталась высвободить затекшую ногу. Женщина зашевелилась и перевернулась на другой бок. Да это же Комиан! А где же гищи? И отца тоже не видно...

И опять картины, одна страшнее другой, замелькали перед глазами. Мужчины на растянутых бурках вносят в дом отца и мать... Нет, это был не сон! Поняла Калимат все, заныло невыносимой болью сердце, рыдания вырвались из стесненной груди...

От плача девушки проснулась Комиан.

— Ну, как ты себя чувствуешь, золотко мое, да обрушится твое горе на мою голову, — женщина приложила ладонь ко лбу девушки, и в глазах ее мелькнула радость. — О, мать Марнам, слава тебе, избавилась бедняжка от болезни. Пойду-ка я принесу тебе поесть чего-нибудь. Подумать только, столько дней не евши!..

Комиан радостно засуетилась и вскоре принесла в миске теплого молока.

— Пей, золотко, пей, выздоравливай, — просунула она под голову Калимат руку и, приподняв ее, поднесла к губам миску.

Маленькими глоточками пила девушка. Слезы ее скатывались бусинками по щекам и одна за другой падали в миску. Она с трудом проглатывала их вместе с молоком.

III

Всю долгую зиму провела Калимат в постели. Лишь когда теплое весеннее солнце растопило снега и побежали звонкие ручейки, она окрепла настолько, что могла вставать. Вышла однажды за порог, обогнула дом Уаю и присела на нагретом солнцем камне у задней стены. Печально глядела на убогую отцовскую саклю. Да жилье ли это? Не выдержала снега прогнившая крыша и провалилась. И похожа хибарка на скелет околешней лошади с торчащими ребрами. Во дворе запустение, по нему давно не ступала нога человека. Тоска перехватила горло Калимат. Опираясь на палку, она доплелась до дома и остановилась перед дверью, заколоченной крест-накрест досками. Присло-

нила палку к стене, взяла метлу и медленно, с перерывами, подмела дворик. Отдохнув, отодрала приколоченные к дверям доски. Долго не решалась переступить порог дома, в котором родилась и прожила всю свою недолгую жизнь. Из дома на нее дохнуло могильной сыростью. Глинобитный пол в нескольких местах изрыт крысами. А очаг... Как любила греться возле него маленькая Калимат! Очаг давно безжизнен, цепь над очагом до потолка увита густой паутиной, зола окаменела от накапавшей в нее воды.

Застонало от боли сердце Калимат, подогнулись колени, и она без сил упала в стоящее у очага старое кресло. «Как жить дальше?» Эта мысль сверлила мозг девушки. Этот дом и жильем уж не назовешь, в такую негодность здесь все пришло без хозяина. Целую зиму лежа в постели, она вынашивала мысль о том, как весной приведет в порядок саклю, и пока жива, не допустит, чтобы потух очаг в отчем доме. Но не успела перешагнуть через порог, и, словно карточный домик, рассыпались ее планы. Беспросветным, лишенным радости видится ей будущее. Будто прошлой осенью сорвалась с вершины и с той поры все катится и катится в пропасть, а вот теперь ударилась о ее дно и рассыпалась на куски...

«Люди добры, они помогут», — лишь эта мысль смягчала ее отчаяние. Встала и принялась прибирать в доме. К вечеру с трудом управилась с уборкой. Притворила дверь и воротилась в дом Уано. Дядя встретил ее укоризненным взглядом.

— Зачем ты пошла в этот проклятый дом? — обрушилась на нее Комиан.

— Я прибирала там...

— Да что там убирать? Ведь там невозможно жить, зачем же утруждать себя?

— Но до каких пор я буду беспокоить вас?

Уано понял, на что решилась девушка, и спокойно заговорил:

— Калимат, мы вот взрослые и то не знаем, как жить дальше. а ты думаешь справиться с этой проклятой жизнью одна...

— Люди помогут...

— Кто в состоянии помочь, тот и кусочка хлеба не подаст, а кому нечего есть самому, тот и рад бы помочь,

да не может. К тому же, долго ли можно уповать на людскую милость? У тебя в доме пусто: ни муки, ни зерна, ни работника, ни скотины. Были у вас корова и лошадь, да пошли на поминки по твоим несчастным родителям. Да что говорить! Даже гот, у кого в доме есть и работник, и скотина, еле концы с концами сводит, как же ты собираешься жить?..

Уано помолчал, собираясь с мыслями.

— Если ты уйдешь из моего дома, что люди скажут?.. Да и не пристало жить молодой девушке одной... Люди кого угодно рады ославить. Загубишь свою жизнь, и позор первым делом падет на мою голову. Э, да ладно, чего толковать, живи, прокормимся как-нибудь. А там, глядишь, появится с божьей помощью хороший парень, такой же бедняк, как и ты, выйдешь замуж. Я тебе перечить не стану.

Уано говорил искренне. Правда, Саго недолюбливал своего брата за алчность, ненасытность. После смерти отца братья поделили оставшееся наследство, но Уано обманул его, отхватив себе лучшие участки земли. Чуть было не подрались... Саго знал, что дело может кончиться кровью, смирил свое сердце, проглотил обиду. Правда, порой вновь подступала к сердцу обида, но Саго был умный, выдержанный и рассудительный человек, умел вовремя натягивать поводья своего гнева.

Калимат знала о неприязни между братьями. Но слова Уано тронули ее. Чего не бывает, может, после смерти брата он раскаялся и сейчас искренне тревожится за судьбу осиротевшей племянницы. И она осталась у них. Той весной Уано вспахал и клочок земли Саго.

Никакого горя, никаких страданий не знала Калимат в семье дяди. Не могли на нее нарадоваться Уано и Комиан. В работе Калимат даже самым ловким мужчинам не уступала. И дрова колоть, и сено косить, и стряпать и шить — все умела девушка.

Люди заранее завидовали тому, в чью семью войдет Калимат невесткой. Многие женихи посылали сватов к Калимат, но Уано и слушать ни о чем не хотел.

Калимат и сама не торопилась замуж. Ни о чем не тревожилась она в доме дяди. Только иной раз ее

пугала жадность Уано. «Ах, к добру это не приведет», — думала она.

Уано мало что досталось в наследство от отца, и он не уставал завидовать тем, кто жил богаче. А как он мечтал всю жизнь иметь свое стадо! Две коровы да пара быков у него, и он доводил всю семью до изнеможения, заставляя холить и нежить скотину. Но от приплода двух коров скоро ли будет стадо? К тому же то корма не хватает, то время подходит алдару подать платить, вот и приходится продавать телят. Коровы телются, а толку от этого нет.

И вот теперь у Уано появилась, наконец, возможность осуществить свою давнишнюю мечту. Стал он исподволь подбираться к цели...

IV

Хунцел, мрачный, как грозовая туча, развалился в кресле, и не встает с самого утра. Часто сидит он так, уйдя в свои невеселые думы. Не приведи господь потревожить его в такую минуту — своей массивной, подстать хозяину, палкой хребет переломать может. Домашние знают об этом и тенью проскальзывают мимо него. Даже сверчок в углу и тот перестал стрекотать, затаился.

Сидит Хунцел. Размышляет. Прикрыл колени полами своей просторной шубы. Мягкая широкополая шляпа из козьей шерсти сползла на нахмуренные брови, глаза прикрыты тяжелыми веками. Руки повисли на подлокотниках кресла, как листья кукурузы в знойный день. Рот плотно сжат, лишь подрагивание уголков губ выдает напряженную работу мысли.

Богатое наследство досталось Хунцелу от отца. Не развеял его по ветру крепкий хозяин, а многократно приумножил. И вот подкралась старость, и нет достойного наследника его несметных богатств. Пятерых дочерей и одного сына родила ему жена. Дочерей выдавал замуж, присовокупил к своему добру немалый калым за них. А сын, столь долгожданный сын, оказался проклят богом, вырос слабоумным. Габа давно уже пора жениться. Куда только не посылал сватов Хунцел, пожалуй, ни одной невесты не осталось во всем уще-

лье, но как только узнавали, что жених придурковат, тотчас же отказывали. А время не ждало. Постарел Хунцел, и он не может уследить за многочисленными стадами, а пастухам-батракам не доверяет: голодранцы, только норовят обмануть, украсть. Раньше у них душа в пятки уходила, когда он внезапно появлялся на пастбище, мечя громы и молнии, а теперь уж нет сил часто наведываться к ним, и один только бог знает, чем они там занимаются... А что будет, когда он умрет? Свора нищих растащит его добро.

Так что же делать, как спасти богатство? Вот если бы удалось женить Габа, и у его жены родился бы сын, тогда Хунцел мог бы спокойно умереть. Но кто согласится? Хунцел готов предложить двойной калым, но охотника до такого добра не находит. Думает, перебирает в уме всех, кого знает. Мысли спутавшись, закружились в вихре... Наконец Хунцелу удалось зацепиться за одну из них. В прошлом году он гостил у дальних родственников в Сохтыкау. В том ауле он увидел девушку необычайной красоты. Но Хунцела привлекло другое: люди говорили, что она не хуже мужчины справляется с любой работой. Впрочем, Хунцел не особенно надеется, что девушка выйдет за Габа замуж.

Мысли опять закружились, но теперь двигались только вокруг этой девушки. Вдруг одна коварная мысль вырвалась из круга, и старик от радости закусил губу. Брови его разлетелись от переносицы, глаза забегали по углам просторной гостиной. «Решено», — облегченно вздохнул Хунцел и, вдруг, словно помолодев, легко оттолкнулся и встал с кресла..

V

Однажды вечером Уано привел домой пожилого незнакомца мужчину. В тот день Уано был веселым и щедрым, все старался угодить гостю. Велел зарезать барана, выставил вино, араку, добрую закуску. Незнакомец — это был Хунцел — глаз не сводил с Калимат.

На следующий день, когда гость уехал, Уано объявил Калимат, что обручил ее с сыном Хунцела. Девушка чуть руки не наложила на себя от горя, отказыва-

дась итти за незнакомого человека, но дядя и слушать не хотел.

Через несколько дней Уано пригнал большое стадо, которое он получил в качестве калыма за Калимат. С ним явился и «жених». Стройный, ладный, красавец-парень. Когда Калимат увидела его, сердце ее смягчилось. Таким она рисовала в воображении своего жениха, и вот неожиданно ее мечта сбылась. «Жених», погостив, уехал обратно, увозя с собой сердце Калимат и ее покой. Мечтала девушка увидеть его еще хоть разок, но до самого дня свадьбы он больше не появлялся.

Калимат увезли в дом жениха.

Всю дорогу невеста была весела, спокойна, молилась, вознося хвалу всевышнему, ниспославшему бедной сироте жениха по душе.

Ехали всю ночь. Утром с первыми лучами солнца они прибыли в Тедотикау. Прозрачный воздух огласился грохотом пальбы в честь невесты. Сельские мальчишки со всех ног бросились навстречу свадебной процессии. Не успели еще дружки невесты одарить гостинцами высыпавших им навстречу пострелят, как возле них появился Габа с пеной у рта.

— Жену мне привезли, жену, уарайда-уарира!¹ Пустите меня, дайте мне крепко обнять ее! — бросился он с радостными криками к Калимат.

Сопровождавшие невесту подружки и дружки остолбенели. Один из дружек, придя в себя, соскочил с коня и ударил Габа наотмашь по лицу.

— Ты что это болтаешь, идиот несчастный?!

— Отдай мою жену, не отдам я тебе ее! — заревел Габа, размазывая слезы по лицу. — Баба, где же ты, жену мою отняли!

Мальчишки окружили Габа и, подталкивая его со всех сторон, погнали вниз по склону.

От этого неожиданного происшествия подружки невесты растерялись. У Калимат начался озноб. С большим трудом дружкам удалось успокоить девушку, дескать, не стоит из-за бредней полоумного тревогу поднимать.

Во дворе Хунцела гости спешили и церемонно приветствовали хозяев. Дочери хозяина подхватили под руки невесту и ввели в дом. Всех сопровож-

¹ Уарайда-уарира — здесь: радостное восклицание.

дящих окружили вниманием и заботой, усадили за столы, и, пока они порядком не опьянели, не позволили встать. Затем, чтоб дать гостям отдохнуть, проводили их в спальни.

VI

Тревожно, будто взывая о помощи, разносится окрест голос заливистого фандыра¹.

Далеко по ущелью, по каменистым дорогам, рассыпается дружное хлопанье в ладоши в такт музыке.

Говор подвыпивших людей за длинными столами, накрытыми во дворе, неприятно режет слух, как скрежет пилы, наскочившей на гвоздь.

Песня сменяет песню...

Тост следует за тостом...

Свадебное торжество в самом разгаре.

Рядом с тамадой сидит Хунцел. Глаза его, словно ящерицы, бегают по лицам гостей. Он доволен собой как никогда. Его коварство еще не раскрылось. Пока все идет гладко. И хотя гости сидят за ломящимися от обилия яств и выпивки столами, все же нет того веселья, какое бывает обычно на свадьбах. Лица у людей задумчивы. Но Хунцела это мало беспокоит, его мысли сейчас заняты совсем другим. Да, пусть его сыну не дал господь ума, но что такое ум, когда есть богатство, а за деньги, как известно, можно купить все — ум, честь, дружбу и красавицу-жену!

Взять хотя бы сыновей Цопана Бесолова. Споры нет, умны, по силе и мужеству нет во всем ущелье равных им. Внешностью и благонравием тоже не обделены, но нет у них ни тучных стад, ни богатства, ни дома. Отец этих оборванцев, Цопан, подох где-то, даже останков не нашли, чтобы земле предать по христианскому обычаю. И сыновьям туда же дорога!.. Завидует их уму и стити Хунцел. Люто завидует. Как господь несправедлив, почему он дал этому нищему Цопану таких ладных сыновей? Эх, будь они его сыновьями, наследниками его добра, он весь мир загрыз бы своими зубами... Вон

¹ Фандыр — гармонь.

и сейчас они здесь, стоят неподалеку. За столы не садятся, не поют, не пляшут. Сбились в кучу с подобными себе голодранцами и о чем-то шепчутся...

* * *

Надрывно поет гармонь.
Раздается дружное хлопанье в ладоши..
Тосты следуют один за другим.
Песня сменяет песню...

В углу стоит светящаяся счастьем Калимат. Дочери Хунцела не могут нарадоваться и наглядеться на молодую невестку, все угощают ее сладостями, ни минуты не дают ей скучать. Калимат удивляется про себя: «И в своем селе много свадеб видела, но нигде не замечала, чтобы родственники жениха так радовались невестке... Что это значит? А где их брат, жених мой? О, увидеть бы его хоть краешком глаза. Какой-то он неразговорчивый. Всего два раза видела его, но толком и двух слов от него не слышала.

Ох, хоть бы скорее кончилась эта свадьба. Устала. Ноги еле держат меня. Вот сейчас, стоя, усну... Интересно, отчего так грустна вон та молодая женщина? Кем она им доводится? Она не назвала мне себя, поглядывает в мою сторону как-то странно, а встретившись со мной глазами, виновато их прячет, будто провинилась в чем... Вот уже сколько времени стоит у окна и беспокойно глядит куда-то.

Странно, фандыр играет, будто рыдает. Взглянуть бы на молодежь, как там, должно быть, весело, и самой пройтись бы с любимым в танце. Какие мои золовки недогадливые! Прячут меня от людей, словно сглазу боятся.

Вот опять свекровь моя появилась. Она тоже отводит глаза, ни разу открыто не взглянула на меня. Вот она своей дочери что-то прошептала на ухо. Золовки встали. О, мать божья, хоть бы они вышли! Уходят, уходят! И свекровь за ними. Нет, остановилась, обменялись взглядами с молодой женщиной у окна, та кивнула. За свекровью неслышно закрылась дверь. Мы остались одни».

Женщина, будто до этой минуты была прикована

цепью к оконной раме, одним прыжком бросилась к двери и закрыла ее изнутри на крючок.

— Душегубы проклятые! Эх, если бы я могла, всех бы тупым ножом прирезала!

«Горе очагу моему, почему она так сказала? Подошла ко мне вплотную, лицо взволнованно».

— Прости меня, сестра моя. Эти колдуньи скоро вернутся, боюсь, не успею сказать, — женщина метнула взгляд на дверь, затем обернулась к Калимат и торопливо, глотая окончания слов, заговорила.

«Что она мне хочет сказать? О, мать божья, сердце беду чувствует».

— Знаю я, ты сирота. Я тоже без отца и матери выросла. Я невестка той толстогубой женщины, что сидела возле тебя. Она дочь Хунцела. Они насильно увезли меня к себе, и я до сих пор жалею, что не перегрызла им глотки... А с тобой обошлись еще чудовищнее. Слушай же меня внимательно. Но заклинаю тебя светлой памятью твоих родителей, о том, что я скажу, никому ни звука! Узнают, что я замешана — за вертел насадят, живьем съедят. Хотя я их не боюсь...

«Ну говори же скорее, сердце мое не выдержит...»

— Сестра моя, они подло обманули тебя. Мужчина, который приезжал к тебе свататься — мой муж. А эта мерзкая женщина — его мать. Тебя же взяли за того полоумного, который сегодня утром встретил вас на дороге. Знали, что ты откажешься идти за него, вот и решили тебя обмануть. Потому и не выводят тебя к людям. Опасаются, что кто-нибудь преждевременно раскроет тебе эту ужасную тайну. Твои спутники тоже в неведении. Ну, а дружками жениха выбрали самых близких и верных... Теперь ты обо всем знаешь. Тебе не следует сейчас поднимать шум. Собери все свои силы и, как только стемнеет, я тебя под каким-нибудь предлогом выведу из дома. И — беги! Знай, что свекровь на твоей стороне. Это по ее просьбе я здесь. Она поможет тебе. Другого выхода нет... Ни о чем не спрашивай, я сказала все. Чу, идет кто-то... Открой дверь.

Внезапное горе обрушилось на Калимат. Свет померк в ее глазах. Мир, сиявший до этого всеми красками, повернулся к ней своей грязной и подлой изнанкой. Мать божья, неужели так гнусно жизнь устроена?

Как же так? И ласковые слова близких, и короткая, как вспышка, любовь ее — все это оказалось обманом? И как только у них поднялась рука на сироту?..

Вернулись к Калимат ее «караульные». А молодая благодетельница куда-то исчезла. Женщины что-то говорят ей, но она ничего не слышит и не понимает. Глаза невесты бегают по комнате, ищут хоть какую-нибудь лазейку из ужасного положения...

Взгляд ее скользнул по шелковой шали, брошенной на кровать. «Вот он выход! Нужно только собрать все силы...»

— Простите, я бы хотела немного побыть одна, — прибыв, что по обычаю, молодой невестке не подобает говорить со старшими, умоляюще обратилась она к толстогубой женщине.

— Пусть бог накажет меня, какой недогадливой я оказалась! — заметив смертельную бледность, разлившуюся по лицу Калимат, воскликнула золовка. — Может тебе что-нибудь нужно? Не стесняйся.

— Что-то голова кружится, и...

— Да, мое солнышко, да. Приляг на кровать, отдохни немного. Пойдем, Уардис, пусть отдохнет...

Женщины ушли.

Калимат свободно вздохнула, будто сбросила с себя цепи, на цыпочках подбежала к двери, набросила крючок. Лихорадочно пошарив глазами по комнате, остановилась на крепком деревянном клине, вколоченном в опорный столб посередине комнаты. Калимат схватила с кровати шаль и отдала себя в когти смерти...

VII

Крепкая арака — союзница Хунцела — делала свое дело. Забыты невеселые мысли, языки развязались. Все громче стали песни за свадебным столом, а фандыр уже не плачет, а хохочет пронзительно.

Хунцел повеселел. Такую щедрую свадьбу он устроил, что в устье ее надолго запомнят. Подозвал прислуживавшего за столом юношу Дзабидыра, велел ему наполнить роги и грузно поднялся. Он должен по-

благодарить сельчан и всех приглашенных за внимание к его семье.

— Люди добрые, дорогие гости! — прогремел его голос, перекрывая застольный шум.

Но в это мгновение чей-то пронзительный вопль, словно ударом кинжала, прервал его речь.

— Где вы, люди, молодая невестка повесилась!

Разомлевшие гости разом повскакали с мест, и, как перепуганное стадо, помчались к дому.

Хунцел выронил из рук полный рог и, как ужаленный, бросился вместе со всеми в дом. В комнате негде было яблоку упасть. Женщины с перепугу визжали.

— Замолчите же! — рявкнул на них Хунцел. Женщины притихли. Понемногу, подталкивая друг друга, стали выходить из комнаты.

На кровати лицом вверх лежит молодая невестка. Лицо бледное, как полотно. Губы беззвучно вздрагивают. Глаза застыли. Тонкая шея посинела. Временами из приоткрытого рта вырываются предсмертные хрипы.

Дочери Хунцела брызгают водой на безжизненное лицо. Растирают шею, массируют обнаженную девичью грудь. Увидев невестку в таком виде, Хунцел не решился подойти к ней, но набросился на дочерей:

— Чего вы тут смотрели, дуры! Я же велел не оставлять ее одну!

— Она попросила отдохнуть... Кто мог подумать...

— Кто мог, кто мог!.. Если с ней что-нибудь случится — ройте себе могилы! — отрезал старик и закрыл изнутри дверь.

Снаружи усилились пьяные крики. Обильные столы опрокинулись, и все угощение Хунцела вывалялось в пыли. Предусмотрительный Хунцел заранее напоил сопровождавших невесту гостей аракой, настоем на табаке, и они легли спать. А сейчас кто-то сообщил им о случившемся. Непротрезвевшие парни решили, что их сестру¹ убили и схватились за кинжалы.

— Где наша сестра, кто убил ее?! — кричали они.

Поняв, что дело не обойдется без большого кро-

¹ По осетинскому обычаю дружки невесты считаются ее братьями.

вопролития, Барсаг со своим братом Хасаной собрали вокруг себя молодежь.

— Ребята, позор обрушится на наш аул, если мы допустим, чтобы здесь пролилась кровь, — предупредили они друзей и подошли к спорящим.

Именно в этот момент появился Габа. Еще с утра Хунцел запер его в сарае и, пригрозив, велел не путаться у людей под ногами, зарыться в солому и не показываться на глаза, пока за ним не придут. Габа весь день следил через щель в сарае за тем, что происходило у них во дворе. Устав подглядывать в щелку, заснул на соломе. Проснулся от громких криков во дворе. Смотрит и видит, что какие-то чужие люди ломаются в их дом, видимо, хотят отобрать жену, которую баба привез для него. Дико закричав, вышиб плечом дверь сарая и выскочил во двор, прихватив с собой толстую палку. Подкрался сзади и хватил дубиной одного из дружек невесты, того самого, что утром на дороге обидел его. Гость пошатнулся, но удержался на ногах. Когда сумасшедший вторично занес палку, парень изо всех сил ударил его по лицу.

— Баба, где ты, они убили меня! — истошно завопил Габа и опрокинулся навзничь.

Зораевы выхватили кинжалы. Но молодежь аула, окружила стеной гостей и никого не подпускала к ним.

— Кто притронется к ним, будет иметь дело со мной! — шагнул вперед Хасана.

Зораевы поняли, что здешние парни выступили на стороне гостей, и вложили кинжалы в ножны.

Дверь дома приоткрылась, и из нее высунулась голова разгневанного Хунцела:

— Перестаньте лаяться, щенки, ваша сестра жива!

— Пустите нас, мы сами посмотрим! — рвались в комнату дружки невесты.

— Как не стыдно тебе, Хунцел, ты же человек, пусти их, пусть увидят свою сестру. Они ведь в ответе за нее перед всем родом и перед всем аулом, какое же право ты имеешь мешать им выполнять свой долг! — возмущенно обратился к хозяину дома старейшина аула Дзакко.

— Зораевы забыли о чести и достоинстве аула и издеваются над всеми нами, — гневно вставил Хаса-

на. — Им мало было одной подлости, теперь они ссориться с гостями вздумали!

Увы, случилось то, чего так опасался Хунцел. Свадьба не обошлась без неприятностей. И невестка не без причины наложила на себя руки. С большим трудом удалось привести ее в чувство. И если друзья Калимат узнают правду — он пропал. Здесь он криком и шумом не возьмет, надо действовать испытанным оружием — хитростью. И Хунцел заставил себя проглотить обиду.

— Я согласен с тобой, Дзакко, но мы ведь не убивали их сестру. Пусть войдут, убедятся.

Люди расступились, освобождая дорогу друзьям невесты.

Как ни пытался Хунцел сдержать себя, злость комком подкатила к горлу и вырвалась наружу.

— А ты, ублюдок Цопана, — яростно зашипел он на Хасану, — змееныш без роду и племени... Твоя мать где-то в безлюдном ущелье тобой ошенилась, даже неизвестно, чей ты выродок. Кто просил тебя выступать защитником моих гостей! Убирайся сейчас же из моего дома!

Горячая кровь Хасаны вскипела в жилах и ударила в голову:

— Это ты о ком говоришь?!

— О щенке бездомной суки, который сейчас тавкает в моем дворе!

— Старый вонючий шакал! — схватился Хасана за рукоятку кинжала, но чьи-то сильные руки тисками сжали его запястья:

— Молчать!

Это был голос Дзакко.

— Постой, Дзакко, постой! Теперь так уйти нельзя. Не в первый раз эта клевета исходит от него, и я хочу спросить: почему он, недостойный зваться человеком, обманом взявший за безумного сына чью-то бедную сиротку, попрекает нас нашей матерью? — вступился за брата Барсаг.

— Мой сын намного лучше вас обоих! Это ваша мать с голоду подыхает, и если вы такие хорошие сыновья, возьмите и хоть раз накормите ее досыта, а потом можете о моем сыне говорить, — не успокаивался Хунцел. — Если псы Цопана не насытились, бросьте

ним костей, чтобы перестали выть в моем дворе! — обратился он к зятям.

— Собака ты сам и еда твоя собачья! Хоть сыновья Цопана и бедны, но они, как ты, на падаль не бросаются. А наша мать никогда еще не приходила просить у тебя милостыню! И хоть раз если услышим подобное — вот народ свидетель — берегись, Хунцел, берегись! — пригрозил Хасана.

— Угрожать? Мне? У-у, вшивые бродяги! Ну, что вы онемели, Зораевы, или вам приятно слышать, как вашего старейшину собаки облаивают?

— Хунцел, одно несчастье уже стряслось в твоём доме, не накличь второе! — обрушил свой гневный взгляд на разъяренного старика Дзакко. — Не копай яму, говорю тебе! Потоки крови потекут по твоим дорогам! Не оскорбляй людей, как сварливая баба, не для того ты пригласил нас в свой дом, чтобы мы выслушивали твою брань. Если младший ошибается, старшему подобает быть мудрее, а тут выходит наоборот. Одумайся, Хунцел!

— Я же ничего больше не говорю, — примирительно сказал Хунцел. — От того, что сын мой обижен богом, больнее всего мне. Почему же какой-то щенок растравляет мою рану?

— Ты первым начал оскорблять, — закончил Дзакко и повернулся к молодежи. — Ну, парни, расходитесь по домам. Пусть хозяева наши отдохнут. А вы, Зораевы, присмотрите за этой девушкой, если с её головы хоть один волосок упадет, всем аулом на всю Осетию опозоримся. И не угрожай гостям своим. Хунцел, помни, гостя надо почитать, а о хорошем доме — и молва хорошая идет...

Люди разошлись по одному. Двор опустел. Лишь по опрокинутым столам бегали соседские собаки.

VIII

В низкое окно проник свет луны, коснулся ночной мглы над очагом и схватился с ним насмерть.

Давно уж потух огонь в очаге, жаркие угольки псдернулись пеплом.

Перевалило за полночь, но по скрипу кроватей в комнате чувствовалось, что в сакле ещё не спят.

Кызмыда разделяла страдания своих сыновей, и сердце ее разрывалось на части. Их бедная, но спокойная жизнь полетела кувырком. Чей-то подлый язык раскрыл то, что она скрывала долгие годы. Яд проник в самое сердце сыновей. Правда, матери они ничего не сказали. Но она сама слышала грязные слова Хунцела. Надеюсь, что сыновья заснут и забудут свое горе, но где там... Ворочаются в постелях, терзаясь и страдая. Кызмыда понимала, что они не решаются спросить мать. Да, теперь нельзя больше скрывать правду от сыновей...

Села в кровати. Накинула платье и засветила лампу. Присела возле сыновьих изголовий.

— Почему не спите, дети мои?

— Не спится что-то, гыщи...

— Пусть сердце разорвется у того, кто лишил вас сна. Слушайте меня, дети, только прошу вас, пока не закончу своей тяжелой исповеди, не перебивайте меня.

...Давно это было. Одному из вас (любящее сердце матери не позволило сказать, кому именно) не было еще и месяца, как однажды ваш отец в каком-то ущелье нашел умирающую незнакомую женщину и рядом с ней новорожденного младенца. Перед смертью женщина попросила приютить малютку. В тот день в нашем доме вместо одной стало две колыбельки, пришлось одной грудью кормить двух сыновей. Когда один из вас бывал сыт, другой плакал от голода. То у одной соседки просила молока, то у другой... Но все же вскормила вас...

Ваш отец не имел ни клочка своей земли, он был вынужден ходить на охоту, чтобы содержать семью. Он был знаменитым охотником, никогда не возвращался без добычи. Как-то раз, уходя в горы, он обещал вам принести в подарок голову тура, но обратно уже и своей не принес...

Осталась я с двумя мальчиками одна в пустом холодном доме. Высохли мои глаза от выплаканных слез. Сердце разрывается, когда вспоминаю то время. Какие страдания мы перенесли — врагу не пожелаю испытать такое. Но люди добры, помогли вырастить вас. Что дальше было, вы и сами хорошо знаете. Теперь я спокойна: хоть и нет у нас никакого добра, прокормить

себя и меня вы сможете... А эту историю я никогда не рассказывала, боясь причинить вам боль.

— Гыцци, кто из нас двоих тот ребенок, которого принес домой баба́? — со стоном выдавил из себя Хасана.

— Гыцци, не говори, не надо, — испуганно бросился к матери Барсаг, словно страшась, что самое дорогое в его жизни исчезнет. — Хаса, никого из нас не находил баба́. Будем считать, что гыцци видела сон и рассказала нам его.

— Оба вы дороги мне, оба одну грудь сосали... Свое сердце я разделила для вас на две равные доли. Никогда одного другому не предпочитала ваша гыцци. Теперь вы выросли, слава богу. Обоих вас я бесконечно люблю. Вы заменяете мне мои глаза, мои руки, я не делаю различия между вами. Умоляю вас, то, что вы сейчас слышали, не принимайте близко к сердцу. Не прислушивайтесь к злым языкам. Тот, кто желает вам добра, не станет злословить, а из-за ядовитых сплетен недоброжелателей не стоит горевать. Вот что я вам завещаю.

Кызмыда не назвала имени найденыша, но Хасана догадывался, что это его Цопан подобрал в горах. Незря Хунцел швырнул ему это в лицо.

— А кто та женщина? — спросил он гыцци.

— Неизвестно. В тот же день ваш отец с мужчинами принес на носилках тело несчастной, и ее похоронили по обычаю.

— Где она похоронена?

Мать поняла, чего требует от нее Хасана.

— Завтра я вас поведу туда...

— На дворе лунная ночь, гыцци...

Мать не стала больше возражать. Поднялась.

На кладбище они остановились возле могилы, что возвышалась скромным холмиком рядом с могилами Бесоловых. Хасана нагнулся и провел рукой по сухой земле. Комок подкатил к горлу и стеснил ему дыхание. Здесь поконится женщина, давшая ему жизнь... Сколько раз ребенком он играл возле этого холмика, не подозревая, кого скрывает земля. Он давно заметил эту могилу рядом с могилами усопших родственников, но почему-то никогда не интересовался, кто в ней погребен. Что заставило его несчастную мать бежать в безлюд-

ные горы? Где искать обидчика? Кто был его отцом? И где он сейчас? Эти вопросы он мысленно задавал могиле матери. Но могила молчала, навеки схоронив тайну его рождения...

— Мир праху твоему, сестра. Умирая, ты поручила нам вырастить твое дитя, и вот он перед тобой, уже мужчина. Прости, если я не смогла большего для него сделать. Что ж, на то воля всевышнего. Мне и самой бог не дал большой доли, — Кызмыда смахнула краешком шали слезинку. — Дитя мое, поплачь о матери своей... Хотя слез она достаточно унесла в могилу.

Кызмыда обратилась к Хасане. Хотя и не назвала его по имени, юноша понял ее. Но сердце окаменело, и слез не было.

— Мать моя, прости... — горло перехватило, и он больше не смог вымолвить ни слова.

Луна выкатилась на всю ширь небесного простора. Где-то на краю аула петух пропел гимн рождающемуся дню. Кызмыда с сыновьями вернулась домой.

IX

В темной комнате на кровати рядышком лежат свекровь и невестка. После вчерашнего происшествия Дуду никого не подпускает к Калимат, и с тех пор не стихает ее напряженный шепот:

— И почему ты так поступила, глупышка? Я же ту женщину просила предупредить тебя, что мы поможем тебе, а ты взяла да влезла в петлю. Это глупо. Ты окажись умнее. На обман ответь обманом. Меня тоже так обманули. Отец насильно выдал меня замуж. Замучили меня, заели, проклятые.. И дочери все в отца — такие же корыстолюбивые и лживые... Я знаю, что грешно матери так говорить о своих детях, но из-за отца и дети мои мне не милы. Хотя в том нет их вины, но ведь видят же, как я страдаю... А сыну бог ума не дал... У мужа много добра, ему нужен был наследник... Вот он и терзает меня. И тебя взял из-за наследника. У-у кровопийца, не дожить бы ему до завтрашнего дня! Я представляла тебя кривобокой уродиной и, когда увидела твою красоту, сердце заныло от жалости... Теперь ты все знаешь, пошли кого-нибудь

и своим дядей, вернет калым и заберет тебя обратно. Хотя пусть в крови захлебнется такой дядя, ведь он все знал. Потому-то он и потребовал двойной калым. Когда увидел наших откормленных коров, он, как волк, щелкал зубами от жадности...

Калимат думала, что и дядю ее обманули, и уж, конечно, узнав о случившемся, он непременно заберет ее обратно. Но теперь ей некуда было бежать, не у кого просить помощи...

Как высохшие осенние листья под первыми порывами морозного ветра, срывались одна за другой ее надежды... И щеки орошались горячими слезами.

— Не плачь, дорогая, — Дуду прижала голову Калимат к своей мягкой груди. — Пока я жива, не дам тебя в обиду. Я понимаю, если убежишь домой, твой дядя за косы приволокет тебя обратно. Он пожертвует тобой, чтобы сохранить полученный калым... Да, но чем помочь тебе? — Дуду помолчала, затем неожиданно предложила: — Вот что. Оставайся. Это лучший выход. Бедного Габа ты не бойся. Он не может жить с женой. Его отец не знает об этом, он живет одной надеждой, что невестка родит сына. Так оставайся здесь, коли муж мой этого пожелал. Нас с ним уже ненадолго хватит. Весь дом и богатства достанутся тебе. Будешь жить, как тебе хочется. Мой сын тебе не помеха. Я мать и знаю, что говорю. Да простит меня бог... Настралось мое сердце, и я не хочу, чтоб и ты была несчастной. Ну, а теперь решай, как знаешь, я тебе все сказала. Сейчас спи, утром обдумай все. Да, завтра у нас опять гости будут... Твои дружки тоже хороши: затеяли скандал, а сами поспешили скрыться... Хотя они спрашивали тебя, как все это случилось, но ты словно в рот воды набрала...

Как могла говорить Калимат, когда силы окончательно покинули ее. Сердце зывало о помощи, но горло, будто все еще в петле, не давало словам вырваться наружу. Вот и сейчас у нее нет сил шевельнуться, а то бы она встала, выбила окно и убежала бы прочь из этого волчьего логова. Да, но куда? Все пути ее закрыты. Похоже, что свекровь ее права. И вчера она той женщине что-то глазами показывала... Нет, она не обманывает. Наверное, и вправду не следует бояться ее умалишенного сына. Калимат и близко

не подпустит его к себе... А как только подвернется удобный случай, она сбежит. Затаив жгучую обиду, она решила положиться на судьбу.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

I

В Высоко забрались за черникой девушки аула Фасрагкауау. Здесь ее много в густой траве, которой порос южный склон хребта. Далеко по ущелью разносятся веселый девичий смех и перекликающиеся голоса. Впереди всех проворная Фардыг с изящной плетеной корзинкой в руках. Две тугие иссиня-черные косы легли вдоль ее спины, как крылья орла. Тонкая талия подчеркивает высокую грудь. Она вприпрыжку перескакивает от одного кустика к другому. Временами резко останавливается и кричит отставшим подругам:

— Э-гей! Куда вы подевались, черепахи?! Сюда, скорейте!

Фардыг сегодня особенно веселая и счастливая. Вчера ей привиделся сон, будто сын князя пришел в их аул, чтобы выбрать себе невесту. На смотрины собрались самые красивые девушки со всего ущелья, и он выбрал себе лучшую из лучших — Фардыг.

Фардыг вволю посмеялась над этим причудливым сном, но он не шел из головы. Что может означать он? Вон на вершине горы, так похожая на виденную во сне. Девушка стремится поскорее взобраться на нее и увлекает за собой подруг. Хоть бы поскорее добраться до вершины и взглянуть окрест. Кто знает, может и вправду ее там судьба поджидает? Но уже нет сил карабкаться выше. Присела на камень возле кустика черники, и песня сама вырвалась из груди Фардыг.

Поет Фардыг. Ее песенку подхватили подружки, и песня полетела по ущелью.

Вдруг, как из-под земли, перед девушками выросли четверо мужчин. Лица до самых глаз закутаны в башлыки. Девушки от ужаса онемели. Двое незнакомцев подскокнули к Фардыг, схватили ее, завязали рот и потащили в сторону леса. Двое других вытащили кинжалы и приставили их к онемевшим девушкам.

— Кто посмеет хоть пикнуть, ту мы так опозорим, что она на всю жизнь запомнит, — пригрозили они. — Не смейте бежать и сообщать в аул. Чтоб до вечера вы оставались здесь! Ну, а теперь занимайтесь своими делами и благодарите бога, что так легко отделались!

Похитители поспешили за своими товарищами.

Все это произошло так быстро, что девушки даже опомниться не успели. Придя в себя, они забыли об угрозах похитителей и со всех ног бросились в аул.

На этот раз Барсагу и Хасане на охоте повезло меньше, чем обычно. После событий минувшего дня Хасана чувствовал себя разбитым, и руки плохо повиновались ему. Всю ночь не сомкнул глаз, утром болела голова, тошнило. Не хотел идти на охоту, но Барсаг настоял, да и дома уже есть нечего. Отправились, но вчерашние тяжелые думы не дают ему покоя. Кто он? Где искать обидчика родившей его матери?

Вся прожитая жизнь прошла в это утро перед его глазами. Хоть Кызмыда и говорит, что не делала между ними различий, он вспомнил, как она баловала и ласкала его больше, чем Барсага. Лучшие куски еды и лучшая одежда всегда доставались ему. Да и работать она больше брата заставляла.

Теперь он понимает, почему соседи к нему относятся с большей теплотой, чем к Барсагу. Да, это его обязывает ко многому...

Откуда-то сверху раздался выстрел. Стрелял Барсаг. Хасана обернулся: на острове ледника осталась лежать серна.

Барсаг подбежал к серне и взвалил добычу на плечи. Братья отправились домой. Когда поравнялись с заброшенной медвежьей берлогой над калиновой рощей, они вдруг услышали пронзительный женский крик, моливший о пощаде. Подняли головы и видят: наверху, на гладком склоне, какой-то парень пытается насиловать девушку, а чуть поодаль еще трое мужчин, присев на корточки, покатываются со смеху, видимо, рассказывая грязные истории. Девушка вырывается, умоляет сжалиться над ней, зовет на помощь, но ее крики никого не трогают. Хасана не выдержал: вскинул ружье и спустил курок. От каменной стены пещеры брызнули осколки, чуть ниже с тихим шорохом посыпались сухие листья.

Услышав выстрел и шелест листьев, насильники подумали, что окружены преследователями и, подобно трусливым зайцам, бросились вниз, в темную чащу леса.

Девушка в изодранном на груди платье в беспмятстве метнулась к обрыву. Барсаг едва успел поймать ее.

— Не бойся, девушка, ты спасена! На твое счастье Уастырджи¹ повел нас этой дорогой, — ободряюще улынулся Барсаг и взглянул на нее.

Перед ним стояла девушка изумительной красоты, от одного взгляда которой можно было лишиться сна. Девушка не выдержала взгляда Барсага и залилась краской. Только сейчас она заметила, что сквозь прорехи в платье белеет тело.

— Горе мне! — девушка попыталась прикрыть рукой грудь, но убедившись в тщетности такой попытки, поспешила спрятаться за деревом. Барсаг сбросил с плеч бешмет и протянул его незнакомке.

— Пожалуйста, надень вот это.

— Благодарю, — слышался тихий голос из-за дерева.

— Ну, теперь скажи нам, кто ты и откуда? — спросил Хасана, когда девушка в бешмете Барсага вышла из-за укрытия.

— Я из Фасрагкау, Кацлаева я, зовут меня Фардыг.

— Меня зовут Хасана. Это мой брат Барсаг. Давай мы проводим тебя до дому.

— Даже не знаю, как мне благодарить вас, — смутилась девушка.

Хасана взвалил на плечи тушу серны, и они зашагали вниз. К полуночи дошли до дома Кацлаевых.

В глубоком горе застали они родных и близких девушки. Братья недавно вернулись, так и не догнав похитителей. Увидев сестру живой и невредимой, они от радости места не находили. Когда девушка рассказала, как было дело, счастливые братья бросились благодарить Хасану и Барсага.

¹ Уастырджи — покровитель мужчин и путников.

— От большого несчастья вы спасли нашу сестру. И наши головы уберегли от позора, отныне вы будете самыми дорогими гостями в нашем доме, — сказал старший брат Аца, и два дня сыновья Кызмыды гостили у Кацлаевых.

II

Очень изменился за последнее время Барсаг. Ходит тихий, задумчивый, отвечает невпопад. Хасана догадался, что брат страдает. Улучив минуту, спросил его:

— Барсаг, мне кажется, что ты что-то скрываешь от меня. Скажи мне, какое горе лишило тебя покоя?

Барсаг глубоко вздохнул.

— Понимаешь, девушка, которую мы спасли в горах, околдовала меня, и с тех пор я уже не жилец на этом свете...

— Что же ты сразу не сказал?

— Боюсь, она не согласится, вот и не хотел тебя зря тревожить...

— Не будь таким робким, Барсаг, — Хасана обнял брата за плечи.

— Узнай ее мнение!

— Чего проще! Завтра же отправлюсь в Фасраг-кау.

Наутро Хасана вышел пораньше из дому, чтобы к вечеру добраться до Кацлаевых. Его приходу обрадовались, зарезали барана в честь дорогого гостя. Славно попотчевали его. Ночью, за столом, Хасана рассказал о цели своего визита.

Аца, внимательно выслушав гостя, сказал:

— Хасана, ты знаешь, вы с братом спасли всю нашу семью от позора. Мы вас чтим, как благодетелей, и если судьбе так угодно, я ничего не имею против. Мы уважаем твоего брата. Много хорошего слышали о вашей семье.

Хасана искренне поблагодарил Ацу, затем они условились о дне, когда можно будет прислать сватов.

Бесоломы готовились к свадьбе. Кызмыда сварила пива и наготовила араки. Все, что нашлось в доме, было выставлено на свадебный пир.

За два дня до свадьбы Барсаг и Хасана отправились на охоту. Они должны были добыть серн к свадебному столу, но удача на этот раз не сопутствовала охотникам: не удалось даже обнаружить следов зверя.

— Видать, чем-то прогневили мы Афсати¹, увел от наших троп свои стада.

Солнце, утомившись за долгий день, поспешило закатиться на отдых за горы. На вершине противоположной гряды, еще ярко освещенной, вдруг появилась серна. Неподвижная, отчетливо очерченная на фоне светлого неба, она гордо глядела на закат, будто прощалась с дневным светом. Снизу, со дна ущелья, доносился до нее шум водопадов. Серны избегают тихих и спокойных мест, где за каждым кустом подстерегает их смерть. А здесь, на вершине, они смелы и беззаботны. Сюда, где скачут лишь серны да садятся орлы, враг не сможет добраться, не рискуя стать пленником вечных ледников.

Прекрасна жизнь горной серны. Она умеет наслаждаться радостями жизни. Любит солнце, любит сочную ароматную траву, которой устланы высокогорные луга, любит утолять жажду прозрачной слезой ледника, а насытившись, помериться силой рогов с подружками-сернами. Там, внизу, правда, и трава гуще, и потоки мощнее, и жить там было бы легче, но опасность ждет ее на каждом шагу. Более сильные оттеснили ее в объятия гор, туда, где безжалостный ветер воет, как стая голодных волков, где утренний холод пронизывает иголками все тело, где копыта разбиваются об острые камни. Никому не приносит зла, никому не досаждают горная серна. Но жизнь коварно расставляет ловушки. Сильные пожирают слабых. И хоть жизнь ее на вершинах нелегка, она свободна, и потому так гордо и уверенно смотрит на вечернюю зарю...

— Гляди, гляди, Хасана, кажется, Афсати не хочет нас обидеть! — кивнул Барсаг в сторону скалы.

— Какая она красивая! — зачарованно глядя на четкий профиль, воскликнул восхищенный Хасана.

— Скоро стемнеет, не мешкай, за мной! — прытко бросился вверх по склону Барсаг.

¹ Афсати — покровитель охотников и нехищных зверей в осетинской мифологии.

Серна стояла, не двигаясь, будто сама природа для полной гармонии с суровым очарованием голых скал, увенчала вершину прекрасной скульптурой. Откуда было знать бедному зверю, что смерть подкрадывается к нему снизу.

На расстояние выстрела подобрался к серне охотник. Прицелился и только собирался спустить курок, как снизу грохнул выстрел, эхом раскатившийся по ущелью. Вершина скалы вмиг опустела, и отчетливо послышался стук копыт убегающей серны.

Барсагу стало не по себе. Встретил вопросительным взглядом поднимающегося к нему Хасану. Брат стоял перед ним бледный, со странно подрагивающими губами.

— Почему ты так поступил?

Хасана стоял, не в силах отвести взгляд от вершины, вмиг лишившейся своего украшения. Наконец, он облегченно вздохнул и, пряча глаза, откликнулся усталю:

— Брат, не спрашивай меня об этом...

Барсаг не стал настаивать. Повесив ружья на плечи, они двинулись к пещере, в которой намеревались скоротать ночь.

Стемнело. Перед пещерой разожгли костер. Барсаг вынул из котомки чурек и сыр. Ужин прошел в молчании. В конце концов Барсаг не вытерпел:

— Все же, мне интересно, почему ты испугнул зверя?

— Не знаю...

— Ты что-то скрываешь.. Что случилось, в чем дело? Или мне не все дозволено знать?

— Да, раз уж так вышло, придется рассказать, — неохотно выдал из себя Хасана, подбросил сухих веток в костер и начал:

— Это было недавно. В тот день ты гостил в ауле Белых Туалов в доме брата гыцци. Я один отправился на охоту. Солнце уже стояло в зените, когда я решил попытать счастья в Оленьей балке. Смотрю, на лужайке пасутся три косули. Подкрался к ним на расстояние выстрела. Нажал курок. Одна из косуль упала. Я подбежал к ней. Косуля вскочила и, прихрамывая, бросилась бежать. Хотел выстрелить ей вслед, но на мое несчастье в стволе застряла пустая гильза, и мне не удалось ее выбить. В надежде догнать раненого зверя,

я бросился по кровавым следам. Но, видимо, рана оказалась не смертельной, косясь все не падала, заманивала меня все дальше и дальше. Она перевалила за гору, и я потерял ее из виду.

Преследуя косясь, я устал и, проклиная судьбу, присел отдохнуть на валун. Вдруг вижу, моя косясь выскочила из-под каменного карниза над ледником. Собрав силы, я бросился вслед. Понимая, что обходя ледник, я не смогу догнать беглянку, побежал наперерез ей. Дорогу мне преградил овраг, склоны которого были покрыты вечным льдом. Препятствие показалось мне не опасным, я уверенно пошел по леднику. Оставалось сделать несколько шагов до его края, как лед подо мной провалился, и я упал в глубокую, как могила, яму. Свалился прямо на острые глыбы льда да так, что искры посыпались из глаз. Придя в себя, попытался подтянуться до твердого края ледника, но ничего не вышло. Промучился я изрядно, вдобавок такой холод был в этой ледяной могиле, что кровь стала стывать в моих жилах. Понял, что если не успею выбраться отсюда дотемна, к утру превращусь в бесформенный кусок льда. И на помощь звать бессмысленно, — все равно никто не услышит. Делаю все новые и новые попытки выбраться. Вдруг в яроме показалась чья-то голова и тут же исчезла. Я уставился вверх, решив, что мне это привиделось. И опять надо мной появилась голова с испуганными глазами. «Кто ты, не знаю, но если ты желаешь мне добра, подай мне конец веревки или принеси шест, да подлиннее», — крикнул я незнакомцу. Голова вмиг пропала. С детства, ты знаешь, я не верил в чертей и прочую нечисть, но тут испугался не на шутку. Жду, никто не идет мне на помощь. Еще немного и начну превращаться в лед. Покорился судьбе, вдруг слышу сверху: «Если еще жив, вылезай». Вслед за этими словами в мою могилу опустился какой-то предмет. Ошупал — лестница! На миг сомнение закралось в мою душу: «А вдруг дьявол хочет подшутить надо мной». С трудом собрал силы и выбрался наружу.

— Кто ты, мой спаситель, назови мне свое имя? — спрашиваю незнакомца.

— На этот раз ты спасся, а в следующий раз смотри в оба, — буркнул он вместо ответа.

Боль в пояснице пронзила меня, я без сил опустился на землю.

— Кто ты, кого благодарить мне? — стуча зубами от холода, проговорил я.

— Что ты думаешь делать дальше? — ответил он вопросом на вопрос.

— Наверное, останусь здесь, поясница шевельнуться не дает, — сказал я.

Спаситель мой замолчал, видимо, колеблясь. Наконец, он решил:

— Пойдем со мной, здесь нельзя оставаться на ночь, замерзнешь.

— Куда?

— Это мое дело...

Что мне оставалось делать? Он крепко взял меня под руку и почти понес на себе, так как я едва двигался. Ночь была темная, хоть глаз выколи, и я не видел, куда мы идем. В одном месте мы спустились в ущелье, прошли вдоль реки, затем свернули в какое-то углубление. Здесь мой спутник оставил меня.

— Потерпи немного, я огонь зажгу.

Немного погода из пещеры блеснул свет. «Кто в ней живет, куда я попал?» — удивляюсь про себя.

— Входи! — послышалось из пещеры.

Я вошел. Оглянулся вокруг. Огромная пещера. Видно, что она давно обжита. Стены покрыты шкурами убитых зверей. На деревянных нарах вместо постели разостланы медвежьи шкуры. Вокруг очага — обтесанные камни, заменяющие скамьи. В углу разложена домашняя утварь — миски, ложки, котлы. Над очагом пробито отверстие для дыма, на цепи над огнем висит чугунный котел. От удивления я чуть язык не проглотил.

— Кроме тебя, здесь еще кто-нибудь живет? — спросил я.

— Да... Мой отец... — коротко ответил юноша и, собрав угли в очаге, стал разводить огонь.

— Поблизости живет еще кто-нибудь?

— Нет...

Он отвечал с явной неохотой, и я не стал больше расспрашивать его. Вскоре огонь в очаге весело заплясал. Не удержавшись, я снова спросил его:

— Как ты узнал, что я в ледник провалился?

— Видел тебя.

— Видел? Откуда?

— В этом ущелье я даже незнакомую птицу замечу, а ты ведь человек, — кольнул он меня. — Ну, садись поближе к огню, а то, боюсь, зубы твои раскрошатся во рту. Эх ты, горе-охотник, — губы юноши раздвинулись в белозубой улыбке.

У входа слышались чьи-то тяжелые шаги.

— Это мой отец, с охоты вернулся, — выбежал сын навстречу.

В пещеру вошел с тушей косули на плечах лохматый, как медведь, мужчина. Сбросил тушу у очага и уставился на меня своими огромными глазами так, будто собирался проглотить. Я понял, что ему неприятно мое присутствие. Я не выдержал его пронизывающего взгляда и отвел глаза.

— Если мой приход столь неприятен тебе, то мне лучше уйти, — сказал я, вставая.

— Кто ты и как попал сюда? — спросил он так, будто камни раскрошил зубами и швырнул их мне в лицо. У меня запылали щеки.

— Отец, я его привел сюда. Вон там... В ледник провалился... Чуть не погиб...

Сердитый блеск в глазах мужчины уменьшился, но лицо его оставалось неприветливым.

— Откуда ты родом, и чей ты сын? — не унимался он.

Я ответил. И — чудо! Недоверчивость, сковывавшая лицо старика, исчезла, морщины на широком лбу распрямились, брови взлетели вверх.

— В таком случае, добро пожаловать в мое жилище! Твоего отца Цопана я хорошо знал. Славный был охотник, мир праху его... Он много хорошего сделал для меня в трудный час. Ну, сынок, чувствуй себя, как дома, — горячо заговорил он.

Он сбросил с себя бешмет, закатил до локтей рукава темной рубахи и, вытащив нож, приступил к разделке туши. Я предложил ему свою помощь, но он отказался. В мгновение ока туша была разделана. Вскоре подоспел и шашлык.

— Хотя ты и почтенный гость у нас, но не обессудь, не можем попотчевать аракой, — извинился хозяин.

— Дай вам бог изобилия в доме, — смутился я.

После ужина разостлали медвежьи шкуры. Чего греха таить, в ту ночь я не сомкнул глаз, хоть и очень устал. Все думал о хозяине, что могло занести его в столь безлюдное и дикое место? Почему он так опасается людей? За ужином я задал ему этот вопрос, но он пропустил его мимо ушей, и это пуще распалило мое любопытство.

К утру наконец уснул. Проснувшись, обнаружил, что в пещере я один. Быстро оделся и вышел. Местность мне была незнакома. Вход в пещеру надежно укрывали густые заросли ежевики и ольхи. Вокруг, насколько хватал глаз, расстилался дремучий лес. Снизу доносился шум реки. К речке вела узенькая тропинка. Нагнулся, чтобы зачерпнуть студеной ледниковой воды, и вдруг до моих ушей донесся всплеск воды. Взглянул вверх по течению — и не поверил своим глазам. Из запруды вышла молодая девушка неопи-суемой красоты, высокая, стройная. Ослепительно белая кожа сверкала на солнце, только лицо было загорелым. Как дикая козочка, вскочила на камень во всем великолепии своей наготы, распустила тугой узел тяжелых волос, и они волной заструились до самых щиколоток, закрыв ее от моего восхищенного взора каштановым плащом.

Застыл я на месте. Опомнившись, на цыпочках поднялся по тропинке к пещере. «Кто эта красавица, почему я не видел ее вчера? — думал я.

— Уже поднялся? — раздался из пещеры голос хозяина. — Вон на том южном склоне у меня посажено немного картошки, сегодня буду пропалывать ее.

По знакомой мне тропинке легко взбежал мой вчерашний спаситель.

— Нехорошо гостя одного оставлять, дитя мое, это неприлично, — мягко упрекнул отец.

— Он еще спал, и... — из-под широкополой войлочной шляпы заискрились светло-карие глаза. И мне показалось, что от этой улыбки мир вокруг стал еще прекраснее, все вокруг озарилось дивным светом. У меня ёкнуло сердце: передо мной стояло утреннее видение, явившееся мне у ручья.

— Пойдем-ка, приготовь нам что-нибудь на завтрак, — велел отец дочери.

— Сейчас, баба́, — с готовностью откликнулась девушка в мужском платье и юркнула в пещеру.

Я стоял в оцепенении. Не мог вымолвить ни слова.

— Не удивляйся, мой мальчик... — почувствовав мое состояние, сказал хозяин. — Жизнь безжалостна. Одним она, как мать родная, другим доводится злой мачехой и хлещет их плетью. Вот и мне она поднять голову не дает.

Я, наконец, обрел дар речи.

— Прости младшему, мой дорогой хозяин, я знаю, что гостю не подобает быть излишне любопытным, но со вчерашнего вечера одна мысль не дает мне покоя. Какое горе, какая беда занесла тебя в эту дыру? Почему ты покинул общество людей и живешь отшельником среди диких зверей?

Мужчина провел шершавой ладонью по усам. Лицо его потемнело, взгляд стал жестким. На лбу легли морщины, и под густой бородой нервно задергалась левая щека.

— Не по желанию приходится нам порой устраивать свою жизнь, в этом проклятом мире ничто не должно удивлять человека. Тебе, должно быть, моя жизнь кажется странной, не правда ли? Да, здесь я очутился не от хорошей жизни... Я ведь тоже был когда-то молодым. Жил среди людей, слышал голос человеческий.

Мужчина помолчал, словно испытывал мое терпение. Молча, невидящими глазами смотрел перед собой, уйдя в свои тяжкие воспоминания.

— В твои годы, — наконец заговорил он, — я был, как ворон лесной, одинок. Никого у меня не было: ни родственника, ни друга преданного, потому что скитался по аулам, нанимался пастухом к богачам. И продолжалась бы моя кочевая жизнь неизвестно сколько времени, если бы не попал я к алдару Дзанхоту Елоеву.

Призносся это имя, рассказчик примолк, у него задергалась левая щека, глаза зловеще сверкнули, и он мне поведал такое, от чего волосы на моей голове встали дыбом.

...Как-то в горах он спас алдарову дочь Агунду от гибели. Девушка полюбила его. Когда Дзанхот узнал об этом, то решил убить Дзанга — так звали

моего гостеприимного хозяина, — но его спас от неминуемой смерти слуга алдара Долат. Агунда согласилась выйти замуж за богатого и знатного жениха, которого ей подыскал отец, но в свадебную ночь убежала в горы, и Дзанг вторично спас ее над Чертовой пропастью.

— Мы с Агундой ушли в горы, — продолжал свой рассказ Дзанг. — Найти себе пристанище в аулах мы не могли: слишком широко было известно имя красавицы Агунды. Так и попали сюда. Ацамаз, другой слуга алдара, давно и безнадежно любивший Агунду, помог нам первое время. Он знал, что это ущелье безлюдно и вокруг много дичи. До поры до времени мы укрывались здесь, решив, что когда люди позабудут о нас, мы переберемся поближе к ним.

Ацамаз был родом из аула Кадысар. Отсюда до него полдня пути. Он принес нам кое-что из домашней утвари. Вот так мы и жили с Агундой в этой пещере. Нам некого было бояться, и мы были свободные и счастливые.

А как довольна была своей судьбой Агунда! Лес, пещера, вой диких зверей по ночам, шум реки и свист ветра — все это казалось ей исполненным особой прелести. Нам верилось, что на земле нет людей счастливее нас.

Год спустя у нас родилась дочь Зарина. Радость молодой матери была безмерна. Но судьбе было угодно, чтобы наше счастье оказалось кратковременным. После рождения девочки Агунда простудилась. Изнеженная, не привыкшая к лишениям женщина не вынесла суровых условий. Нам часто приходилось и голодать и мерзнуть в пещере...

Перед смертью сказала мне: «Дзанг, моя любовь, мое сердце... Знаю, мне осталось прожить считанные дни. День, прожитый с тобой, для меня равен году, и я не жалею о том, что моя жизнь оказалась короткой. Только об одном прошу тебя: похорони меня здесь и уходи отсюда к людям. Оставляю тебе нашу крошку и завещаю: не перечь ее выбору спутника жизни, если даже он будет тебе не по сердцу!..»

К утру ее не стало. Казалось, весь белый свет обрушился на меня, земля разверзлась под ногами.

Унесла она с собой мою жизнь, и только слабым осенним стебельком остался я на земле...

Спустя неделю после смерти Агунды к нам поднялся Ацамаз. Он часто приносил Агунде поесть, когда она болела. Весть о смерти Агунды была для него как гром среди ясного неба. С простертыми вперед руками пошел он к могиле, упал ничком и обнял ее. Долго так пролежал. Я пытался увести его, но он прошептал: «Именем матери и отца твоих заклинаю, оставь меня... Я любил ее не меньше, чем ты... Любовь моя сгорела дотла ради ее счастья, и пока она была жива, я не мог открыть ей тайны своего сердца. Дай же хоть сейчас высказать ей свое горе. Богом прошу, сделай для меня добро, оставь меня одного...»

Я оставил его наедине со страданиями. Долго он еще лежал в одном и том же положении и что-то говорил, говорил... Потом неожиданно взревел нечеловеческим голосом, и я бросился к нему. Он скрючился на могиле, и когда я подбежал, он уже отдал богу душу.

Больно мне было смотреть на него. Любил он Агунду самозабвенно и преданно...

Самое дорогое в моей жизни осталось здесь. Вот почему я не могу уйти отсюда. Хотя, куда мне идти? Ни дома у меня, ни семьи. Богатый человек не поймет меня, а бедняку и без моего горя нелегко жить на свете. Тяжело мне, но я свободен. Вот так устроена жизнь, мой мальчик: есть у человека свобода, но нет земли... Без земли человек нищий... Единственное мое утешение — Зарина.

— Да, но как вы живете здесь, в глуши, без людей? — спросил я.

— Жизнь дорога, мой мальчик, — ответил он мне. — А бедняк, как говорят, на выдумки хитер, вот понемногу и перебиваемся.

Рассказ Дзанга глубоко тронул мое сердце. Сколько воли и силы нужно было иметь, чтобы предпочесть полную лишений, но свободную жизнь в диком ущелье рабскому существованию среди людей.

После завтрака, приготовленного Зариной, он проводил меня до знакомых мне троп, и я попрощался с ним. С тех пор сердце мое разорвалось на две части,

одна половина осталась в той пещере. Судьба этих двух людей не дает мне покоя. Я еще раз навещался к ним. Отнес Дзангу порох, соль и чурек. Они очень обрадовались мне.

В тот день я до самого вечера гостил у них. Пошли с Зариной собирать чернику. Девушка даже в мужском платье была грациозной, как газель, весело смеялась... Никогда мне не забыть этого дня... Когда я уходил, она умоляла меня чаще приходить к ним.

Так вот, когда ты сегодня прицелился в серну на вершине скалы, мне показалось, что это не гордое животное, а Дзанг, отец Зарины. Свободолюбивый, как серна, он убежал в горы от своих врагов и живет среди скал.

Барсаг внимательно слушал Хасану, ни разу не перебив его. Затем подбросил хворосту в костер и нарушил свое молчание:

— Да-а, удивительную историю ты мне рассказал. И что ты думаешь делать дальше?

— Не знаю...

— В таком случае я знаю. Завтра же мы отправимся туда и, если отец Зарины даст согласие, вместе справим две свадьбы.

Давно потух костер. Короткая летняя ночь пошла на убыль. Хасана и Барсаг быстро собрались и направились в сторону перевала.

III

В тот день Зарина никуда не выходила из пещеры. В последнее время она часто сидит задумавшись. Что-то стряслось с ее сердцем, но что именно — девушке невдомек.

С детства Зарина была предоставлена самой себе. Ее колыбелью были голые скалы, завывание диких зверей — колыбельной, шум водопадов и свист ветра — звуками музыки, пленившей сердце.

Отец часто уходил на охоту, оставляя ее одну. Девочку тяготило одиночество, и она все чаще выходила из пещеры. Сначала с опаской, а по мере того, как выросла, все смелее и смелее. Привыкла к вкрадчивому шороху листьев, к пению птиц на рассвете, к голодному вою диких зверей.

Когда она была маленькой, отец принес ей детеныша серны. Это была ее первая в жизни подружка. Девочка сдружилась с ней. Гонялись наперегонки по склонам, вместе шли к ручью напиться. Серна подросла и однажды исчезла, но через три дня появилась с тремя своими соплеменниками. Но серны, увидев Зарину, испугались и повернули обратно, покинув свою новую знакомую. Прирученная серна не ушла. Весной у нее родился детеныш. Так из года в год потомство увеличивалось, и спустя несколько лет Дзанг стал обладателем целого стада прирученных серн. Он сделал для них загон, заготовил к зиме сена. Но как-то в одну особенно суровую зиму стая голодных волков напала на мирных животных и перерезала всех до одной.

Зарина долго оплакивала друзей. Ее одиночество стало еще более невыносимым.

Зимой, когда ущелье заваливает глубоким снегом, когда выюга завывает голодным зверем и вход в пещеру замуровывает огромный сугроб, они с отцом месяцами остаются вдвоем. Отец рассказывает ей волшебные сказки. Зарина жадно внемлет ему, и мир разворачивается перед ней во всем своем многообразии.

Но больше всего любит Зарина весну. В горах тает снег, ручеек на дне ущелья превращается в бурную реку, ворочающую валуны, и солнце огромным огненным глазом заглядывает в ущелье. Лес одевается в зеленый наряд, оглашается птичьим гомоном. В это время печальные мысли убегают прочь, сердце раскрывается нежным бутонem, душа поет, радуясь вместе с лесными обитателями пробуждению природы.

Долго ей казалось, что кроме нее с отцом, нет на земле больше людей. Но однажды отец вернулся домой с какими-то мужчинами. Называли они себя охотниками. Несколько зим прожили у них, исчезая с наступлением весны. Из их разговоров Зарина поняла, что они убили каких-то алдаров и полицейских, бежали в горы, став абреками. А когда снова пришла зима, и эти люди не появились, Зарина спросила о них отца. Дзанг сказал, что их схватили полицейские и выслали куда-то.

А вот теперь появился в их пещере какой-то незнакомый юноша (растяпа, мог погибнуть ни за грош в ледниковой яме) по имени Хасана, и безмятежное, не-

искушенное сердце Зарины заволновалось. До сих пор предметом ее обожания был только отец. Но почему же этот Хасана, которого она видела всего два раза, стал так дорог ей?

Не раз слушала Зарина чарующее пение птиц, раскатистый хохот водопадов. Но теперь она прислушивается к другой песне, которая зародилась в ее груди и с каждым днем звучит все громче и громче. И от этой песни тревожно и сладко сжимается сердце и грезы на орлиных крыльях уносят ее в незнакомый мир.

Прошло две недели после второго появления Хасаны в их жилище, но девушке они кажутся двумя столетиями. Зарина ждет чего-то, но чего и зачем — сама толком не знает. Стала молчаливой, задумчивой. Утром встает рано, быстро управляетсЯ с хозяйством, а когда отец уходит на охоту, садится на камень у входа в пещеру и, не отрывая глаз от тропинки, ведущей к ним, просиживает так часами. Оттуда в прошлый раз появился Хасана... С утра до вечера ждет его и, не дождавшись, печальная возвращается в пещеру.

Вот и сегодня сидит на своем камне перед входом. Тревожные мысли не дают покоя ее душе. Прощальные лучи солнца ласково скользнули по лицу опечаленной Зарины и, совершая свой извечный путь, оставили ее наедине с грустными мыслями, а сами заскользили по верхушкам деревьев все выше, к самым макушкам гор.

Вернулся с охоты Дзанг. Застав дочь в глубокой печали, он заподозрил неладное, и сердце его тоскливо сжалось... Что-то происходит с дочерью. Последнее время она не выбегает встречать его с радостными криками и не повисает, как обычно, на его шее.

И вот опять она печальна. Дзанг не стал откладывать разговора и спросил без обиняков:

— О чем ты грустишь, Зарина?

— Баба, тебе показалось, вовсе я не грустна, — смущенно улыбнулась девушка.

— Нет, доченька, нет... Вот уже несколько дней я замечаю, что какие-то тайные мысли терзают тебя. Ничего не скрывай от меня, ведь между нами никогда не было тайн. — отец усадил Зарину возле себя и ласково провел по ее волосам своей жесткой ладонью.

Сердце Зарины, не привычное к ласкам сурового отца, смягчилось, и она, как маленький ребенок, зары-

лась лицом в его колени. Некоторое время отец и дочь сидели молча. Наконец у Зарины вырвался вопрос, все последние дни так мучивший ее.

— Баба́, родной, ты спрашиваешь, о чем я грущу... Я назову тебе причину моей печали: скажи мне, до каких пор мы будем так жить?

Дзанг задумался и, собравшись с мыслями, заговорил:

— Я знал, что ты когда-нибудь спросишь меня об этом. Я понимаю тебя, дитя мое. Что мне сказать тебе?.. Я лишил тебя общества людей, ты не почувствовала прелести детства среди таких же, как ты, детей и вынуждена среди лесных зверей проводить свои девичьи годы. Но что поделаешь, доченька, в том не повинен твой отец...

Нет, баба́, нет, я не виню тебя. Такова была наша участь... Но как долго это будет продолжаться? — дрожащим голосом повторила Зарина свой вопрос. — Устала я, ох устала, отец!.. — девушка не выдержала и разрыдалась. Сердце ее впервые вылетело из пещеры и не хотело возвращаться в эту мрачную обитель.

— Потерпи еще немного, радость моя. Вон, за теми горами, живет верный мне человек. Он обещал, что поможет нам, уведет отсюда. Ты теперь взрослая девушка, я не тревожусь за тебя. Да и времени прошло достаточно, и обо мне уже успели позабыть, — утешал Дзанг. — Ну, довольно, перестань плакать.

— Нет, баба́, я уже не плачу, — Зарина вытерла слезы. — Но почему Хасана больше не приходит к нам? — удрученно спросила она.

При упоминании имени Хасаны Дзанг вздрогнул.

— А ты хочешь, чтобы он чаще приходил к нам?

— Очень хочу, баба́, очень! Сама не пойму, почему мне так хочется... Не пойму, почему он вдруг стал так близок моему сердцу?.. Баба́, когда он еще придет, что он сказал?

Сердце Дзанга тоскливо защемило. Он понял, что дочь его полюбила, — и удивился: еще совсем недавно он носил на руках свою курчавую девочку и вот, пожалуйста, она уже полюбила... Ему было радостно, что дочь его уже взрослая, и в то же время его страшило, что если она уйдет от него, он лишится последней опо-

ры в своей жизни, последней надежды... Невольное признание девушки встревожило его, хотя он знал, что рано или поздно это случится. Он был несказанно счастлив в своей недолгой любви и не допустит, чтобы дочь была несчастна, не станет противиться ее желанию.

— Хасана обещал скоро прийти, доченька. А теперь пора ужинать...

Медленно поднялись и вошли в свое опостылевшее жилище.

IV

Огромная чинара, поваленная жестоким ветром еще зимой, высохла под жаркими лучами знойного солнца. Дзанг обрубил ее ветви, и до самого вечера они с Зариной таскали их к пещере. Затем, наколов дрова, сложили поленницу у входа. Устали. Присели передохнуть. Вдруг с противоположного берега ручья донесся незнакомый шум. Дзанг, прислушиваясь, встал. Шум приближался, и он одним прыжком очутился в пещере, схватил ружье и укрылся за выступом скалы.

На тропинке, ведущей к пещере, показались двое мужчин. На плечах они несли туши серн. Дзанг сообразил, что это охотники. Но почему они идут по тайной тропинке, скрытой от глаз посторонних?

Это обеспокоило Дзанга, палец лег на курок.

— Отец, смотри, один из них Хасана! — внезапно раздался ликующий голос Зарины, и она бросилась навстречу охотникам.

Дзанг опустил ружье. Подождал немного... «Кто это второй? Ведь я просил Хасану никому не говорить о нас, почему он ведет к нам постороннего?» — досадливо подумал Дзанг.

К тому времени охотники добрались до пещеры. Опустили на землю свою добычу и приветствовали хозяина.

— Добрый вечер, отец, — Хасана за руку поздоровался с Дзангом.

— Добро пожаловать, и пусть Афсати будет всегда благосклонен к вам, — традиционным приветствием встретил Дзанг гостей.

— Это мой брат, Барсаг, — представил своего спутника Хасана.

— Да продлятся ваши годы, — и пусть день нашего знакомства будет счастливым. Присядьте, отдохните с дороги, — предложил хозяин.

— Гордый человек, говорят, не признается в своей слабости, но мы не станем скрывать, что и вправду очень устали, — тяжело опустился на камень возле Дзанга Барсаг.

— Мы сегодня вспоминали тебя, Хасана. Давно ты у нас не был, и я уж начал подумывать, не обидели ли мы тебя чем-нибудь? — обратился к Хасане Дзанг.

— Как вы могли так подумать? Ты ведь знаешь, как мало времени в эту пору у простого человека, — оправдывался Хасан.

— Знаю, сынок, летом горцу-бедняку даже умирать некогда. Если летом не повертись волчком, то длинной и суровой зимой будешь лапу сосать. А зиму у нас долго ждать не приходится. Она, как любитель дарового угощения, — не успеют стол накрыть, как он тут, как тут, — улыбнулся Дзанг.

— Да, это верно, зима, как обжора, ее от стола силой надо отгонять, — поддержал хозяина Барсаг.

— Ну, какие у вас новости? В стороне от мира живу, не знаю, что на белом свете происходит.

— Ничего хорошего. Повсюду нищета. Те, у кого есть земля и скотина, еще кое-как могут прокормить свои семьи, а остальные под игом царя и алдаров на краю могилы стоят, — говорил Барсаг.

— Да, мой дорогой, мир на несправедливости держится, — со вздохом произнес Дзанг.

— Пригласи гостей в жилище, баба — слышался из пещеры голос Зарины.

— Увлечся разговором и совсем забыл, — поднялся Дзанг.

— Хасана, а мы займемся этими тушами, — удержал брата Барсаг.

— Вы устали, оставьте их, — запротестовал Дзанг. — И потом у нас не принято угощать гостей их же добычей.

— Нет, дорогой хозяин, Афсати не так уж скуп, чтобы и завтра не поделиться с нами, — решительно настаивал на своем Барсаг.

После ужина Зарина убрала фынг¹. Мужчины сели вокруг очага. Барсаг начал разговор.

Дзанг, заранее прошу прощения. Наш приход по такому важному делу выглядит чуть ли не дерзким. Но наши возможности не позволяют большего, и потому я прошу прощения. Мой брат Хасана... Не знаю, каким образом он попал к вам сюда, но полюбил твою дочь, и мы просим тебя породниться с нами, — при этих словах Хасана поднялся и, опустив голову, молча стал у выхода. — Не сочти нас дерзкими мальчишками, пренебрегшими обычаями. Мы себе позволили так смело обратиться к тебе лишь потому, что старше нас в доме мужчин нет. Мой брат бывает у вас. Вы имели возможность узнать его, и если ты и твоя дочь считаете его достойным, то я прошу, не отказывай нам в нашей просьбе. Прошу еще раз извинить нас, мы никого не взяли с собой, зная, что ты скрываешься... Ну, вот, я все сказал. Теперь хочу знать твое мнение. Если согласен, за тебя будем вечно молиться. Если нет — наше уважение к тебе от этого не уменьшится.

Дзанг понимал, что появление в его жилище Хасаны с таким предложением рано или поздно следовало ожидать. Знал и то, что дочь его полюбила этого, по всему видать, неплохого парня. И он решился:

— Хорошо, я согласен. Пусть будет счастливым этот союз, пусть до глубокой старости сохранят любовь свою! Только прошу вас, пусть все пройдет без излишнего шума. Может дойти до сведения властей. За себя я не боюсь, как бы Зарина от этого не пострадала. Да и у вас могут быть неприятности...

— Об этом не беспокойся. Да будет счастливым твой очаг! На днях состоится моя свадьба и было бы хорошо, если бы мы справили две свадьбы вместе.

— Да, но вы видите Зарину. Все, что на ней, и есть ее приданое. Ничего больше у нее нет к свадьбе.

— Это уже наша забота. Все, что нужно, мы сами принесем. Мы ведь знаем твои возможности...

До поздней ночи затянулась беседа у очага, и лишь к утру хозяева и гости прилегли отдохнуть.

¹ Фынг — столик на трех ножках.

Как и договорились, Хасана пришел через два дня. Все, что удалось раздобыть ему из одежды, он принес девушке. Захватил с собой еще кувшин араки и нехитрую снедь. Дзанг сделал шашлыки из мяса серны. Зарина накрыла фынг, и Дзанг поднял полный рог араки.

Много хорошего он пожелал дочери и зятю, вверив их судьбу святому — покровителю семейного очага...

Никогда еще таким оживленным не видела Зарина своего отца. Никогда еще не чувствовала девушка, как бесконечно дорог он ей. Зарина хорошо понимала, что творится сейчас на сердце ее бедного отца, хотя он и старается выглядеть веселым. Жалость к нему, обреченному на полное одиночество, сжала ее сердце, и она чуть не закричала: «Баба, я не оставлю тебя одного!» Но Дзанг в этот момент поднялся, и она сдержалась.

— Ну, дети мои, вам пора идти. Зарина, иди переодейся. У меня с Хасаной небольшой разговор есть, — сказал Дзанг, и они вдвоем вышли из пещеры. — Хасана, сынок, прости, что я не сделал для своей дочери того, что мне, как отцу, полагалось сделать. Ты знаешь, что мне это было не под силу. Перед богом прошу тебя, никогда не упрекай в этом Зарину... Я из своей груди сердце вынул и отдал его тебе. Никогда не обижай ее. Она чиста, как слеза, наивна, как младенец. Она хорошей женой тебе будет, ты будешь счастлив с ней. Умоляю, береги ее от обид. Она никогда не опозорит твое имя... Предупреждаю, хоть ты и сам знаешь, что она никогда не жила среди людей, не видела мира, не знает многих обычаев и нередко будет ошибаться, но ты направляй ее... Ну, сынок, я тебе вверяю Зарину, мою жизнь...

— Как перед господом богом, клянусь тебе: если когда-нибудь обижу твою дочь, пусть я буду проклят на веки вечные, — горячо поклялся Хасана. — О ней ты не беспокойся, но как ты станешь жить один? Было бы хорошо, если бы и ты отправился с нами.

— Это ничего хорошего вам не принесет... Еще немного поживу здесь, потом подамся куда-нибудь подальше, хотя... — из пещеры вышла Зарина в своем свадебном наряде, и Дзанг прикусил язык. Хасана

взглянул на девушку, и сердце его заколотилось, как тогда у ручья, когда он увидел купающуюся Зарину.

В белом длинном платье у входа в пещеру стояла, смущаясь, Зарина, и лицо ее светилось, подобно солнечному лику. Женская одежда так ладно облегла высокую грудь и тонкую талию девушки, что Хасана не в силах был отвести восхищенных глаз от своей невесты.

Дзанг собрал на дорогу нехитрые пожитки и проводил молодых до самого перевала.

— Ну, дорогие, дальше мне идти нельзя. Дальше идите сами, — сказал Дзанг, остановившись на гребне перевала. Повернулся к дочери:

— Я виноват перед тобой, дочь моя, и прости меня. Отпускаю тебя в новую для тебя жизнь, будь же счастлива. Никогда не опозорь имени своего мужа и не дай пасть позору на голову твоего отца. Никогда не жалей для людей своих знаний, чего не знаешь — научись у них. Сегодня — день твоего истинного рождения, до сих пор ты жила в темной яме. Теперь ты вырвалась из нее, и пусть божья мать примет тебя под свое покровительство, — едва удерживаясь от слез, Дзанг крепко обнял и поцеловал свою дочь.

— Баба́, мой родной баба́, как ты один без меня останешься? — повиснув на шее отца, со слезами в голосе говорила Зарина. — Идем с нами, идем, баба́. Может быть, никто не станет искать тебя, люди могли забыть, ведь прошло столько времени...

— Я скоро буду с тобой, дитя мое, — предательская слеза все-таки скатилась по мохнатой щеке Дзанга. — У меня еще здесь кое-какие дела остались. К зиме... Ну, все будет хорошо...

— Отец, я буду ждать тебя... очень... очень... — Зарина уже плакала навзрыд.

Дзанг обнял Хасану.

— Ну, теперь идите, пусть счастье и изобилие сопутствует вам в жизни!

— Прощай, Дзанг, будем ждать тебя, — сказал Хасана и решительно потянул за руку Зарину.

Давно скрылись из виду дочь и зять, но Дзанг все еще стоял на месте и долго смотрел им вслед. Сердце ныло, долго сдерживаемые слезы ручьем хлынули из глаз. И было чепонятно, от чего плачет этот суровый человек: то ли от счастья, что дочь его вырвалась из

дикого плена, или от того, что ему суждено теперь в полном одиночестве коротать свои дни.

Долго, очень долго, стоял Дзанг, надеясь хоть мельком, хоть издали увидеть еще разок Зарину с Хасаной, но они больше не показались.

—Счастливого пути, дитя мое!—раздался его громкий стон. Медленно повернулся и, понутив голову, поплелся обратно.

Тяжелы шаги Дзанга, будто пудовые гири прикованы к ногам. С тех пор, как он впервые поселился здесь, лишь сегодня он не спешит домой, никто не ждет его в пещере. Солнце уже клонилось к закату, когда он дотащился до своего жилища. Не смог заставить себя войти внутрь и тяжело опустился на камень у входа.

Тягостные мысли тисками сдавили голову. Единственный луч света, все эти годы согревавший его, теперь погас, и из пещеры дохнуло на него леденящим душу холодом. Стихло журчанье воды в ручье, замолкло пение птиц, закатилось солнце... Все вокруг предстало перед ним в каком-то новом, мрачном свете. Только сейчас он с ужасом ощутил, какой мучительной жизнью он жил все эти годы вдаль от людей, в этой дикой пещере. Как он смог это вынести, что удерживало его после смерти Агунды? Дочь, его дочь, частица его души. Теперь ее нет, и воля его надломилась, обмякло тело. Дзанга пронизала неведомая ему дрожь при мысли, что ему предстоит продолжать здесь эту ставшую бессмысленной жизнь.

Долго сидел он, окаменев, потом медленно поднялся и вошел в пещеру. Взял остатки снеди со стола и кувшин, в котором еще плескалась арака, и отправился на могилу жены.

Агунда была похоронена неподалеку от пещеры, в укромном месте на северном склоне ущелья, под высокой сосной.

—Прости, Агунда, я ни разу не устраивал поминок по тебе, не было у меня для этого ни пирогов, ни араки. Что ж, на то, видать, воля божья... Спи спокойно, любовь моя! Сегодня я выдал замуж нашу дочь, радуйся, моя бедная жена. Когда ты родила мне дочь, все волновалась, какой она вырастет. Сколько было у меня сил, все отдал ей. Теперь она ушла, и я остался один. Трудно мне, ох, как трудно... Что будет со мной?

Но я рад, что моя дочь счастлива, а уж я как-нибудь проживу. Ты завещала мне, чтобы... — словно гром грянул над головой Дзанга, рог выпал из рук, арака вылилась на могилу. — Горе мне! Серьги! Ты просила, чтобы в тот день, когда наша дочь будет выходить замуж, я подарил ей твои серьги!

Бросив кувшин у могилы, он бросился в пещеру. Из тайника в углу он вытащил завернутые в тряпочку золотые серьги и, даже не взглянув на них, побежал к перевалу, на котором он распрощался с дочерью.

Стремясь сократить путь, он бросился вверх по склону, затем свернул в сторону и, тяжело дыша, добрался до гребня перевала. Отсюда он рванулся вниз, в ущелье. Вот узкая каменистая тропа, выходящая по дну ущелья. Остановился посреди дороги, как вкопанный. Куда бежать — вверх или вниз? Усталые колени подкосились, и он упал на дорогу. Вспомнил, что Хасана намеревался увести молодую жену на первое время в дом дяди. Но где искать этот дом?!

Горе захлестнуло его, клещами сдавило сердце, раскаяние за свою забывчивость жгло его огнем. От боли Дзанг готов был грызть зубами локти... Затем в густой мгле сумерек по ущелью прокатился нечеловеческий вопль:

— Агунда, прости меня, что не исполнил твоей воли! Горе мне, несчастному! Прости! Прости!

ГЛАВА ПЯТАЯ

I

Очень много гостей пришло на свадьбу Барсага и Хасаны. Люди спешили посмотреть на избранниц братьев, из-за которых девушки всего ущелья давно лишились сна.

Никто не должен был узнать, откуда пришла их дочь Зарина. Поэтому братья отвели ее к дяде в другой аул. Досужие языки не теряли времени даром, и вскоре по всему ущелью разнесся слух, что какие-то насильники из Гудзарета похитили девушку, намереваясь везти ее через перевал за горы, а Хасана, охотясь недалеко от перевала, встретил их и отбил не-

счастную жертву негодяев. Девушка была в изодранной одежде, измученная, и Хасана не решился показать ее людям в таком виде, потому и отвел ее к родственникам матери...

Эта легенда поразительно быстро стала достоянием жителей всех аулов в ущелье, и к дому Бесоловых потянулись вереницы людей — от мала до велика, чтобы хоть краешком глаза взглянуть на добытую таким необычным путем невесту.

Первые лучи солнца только осветили верхушки деревьев, как со стороны ущелья послышались выстрелы. Это везли из Фасрагкау невесту Барсага. Вслед за этим раздалась ружейная пальба с перевала: дружки Зарины везли невесту Хасаны. Братья условились, что о своем приближении они известят друг друга выстрелами, чтобы обе свадебные процессии одновременно въехали в дом.

Аул загудел, как растревоженный улей. Ребятишки и молодежь помчались в разные стороны встречать кто Барсага, а кто Хасану. Вскоре к всеобщему восторгу обе процессии въехали во двор.

Перед растроганной Кызмойдой и старейшиной рода Бесоловых — Дзакко предстали Фардыг и Зарина, одна красивее и стройнее другой. Словно две голубки вылетели из райского сада и опустились во дворе бедняги Цопана. Кызмыда не могла оторвать глаз от своих невесток, по ее изможденному лицу струились слезы радости.

— Пусть сегодняшний день станет первым днем вашего счастья в этом доме, мои дорогие. Если женщине суждено быть счастливой в браке, то дай вам бог испить эту чашу до дна вместе с вашими мужьями, и да хранит вас господь и святая богородица! — торжественно приветствовал молодых старый Дзакко, не менее взволнованный, чем мать Хасаны и Барсага.

Не успел Дзакко завершить приличествующий случаю обряд поздравления, как молодые девушки окружили растерявшихся невест, подхватили их под руки и ввели в дом.

Много свадеб — и пышных и скромных — играли в Тедотикау, но такой веселой свадьбы не могли вспомнить даже самые старые люди аула.

— Бог не наградил богатством сыновей Цопана, но

он не пожалел для них счастья и мужества, — говорили одни.

— Посмотрите, посмотрите на них, как светятся от счастья их лица, — восхищенно показывали другие.

— Кымыда, бедняжка, ничего, кроме страданий, не видела в жизни, теперь вот большая радость пришла к ней, — судачили третьи.

Веселье перехлестнуло через невысокий плетень Цопанова двора, заполнило все сакли и улочки аула. Далеко по ущелью разносились залиvistые звуки фандыра и звонкие песни пирующих.

Счастьем молодых радовался весь аул.

Совсем по другому радовался счастьем дочери Дзанг. Он с перевала смотрел на аул, лежавший перед ним, как на ладони. Порывы ветра доносили снизу перебивы фандыра и обрывки песен, и, по мере того, как внизу нарастало веселье, слезы все неудержимее катились по задубевшему от горного солнца и ветра лицу Дзанга. Как мечтал он об этом дне! Эта мечта не покидала его ни летом, когда он бродил по одному ему ведомым тропам в поисках дичи, ни зимой, когда оставался наедине со своими мыслями.

Счастье Зарины было постоянной его заботой. Мрачной и безрадостной казалась ему ее судьба и сознание этого подавляло несчастного отца. И вот появился посланный самим богом человек и разом избавил его от страданий. Вон из аула доносятся звуки веселья — свидетельство того, что его дочь нашла свое счастье. Эх, жизни бы не пожалел, чтобы хоть краешком глаза взглянуть на нее за свадебным столом, сказать слова благодарности тем, кто желает добра его единственному утешению, его дочери!

Солнце, словно споткнувшись обо что-то в зените, быстрее покатилося вниз, подобно спускающемуся с горы подвыпившему гуляке.

«О, светило, не спеши, погоди еще немного. Пусть долго не смолкает внизу глас веселья, не обрывай звуков фандыра, ведь я так долго мечтал об этом дне, долго ждал этих ликующих звуков фандыра на свадьбе дочери! Молю тебя, всемогущее Солнце, не прерывай этих дивных звуков!» — молил Дзанг, возведя обе руки к небу.

Но, увы! Небесное светило не вняло его иступлен-

ной мольбе и продолжало свой бесстрастный бег, пока не закатилось за горы. И, словно подчинившись невидимой команде, разом умолк фандыр, снизу лишь доносились нестройные голоса и песни подвыпивших людей, расходившихся по домам.

И тогда Дзанг поднялся. Прощальным взглядом еще раз окинул Тедотикау. «Прощай, дитя мое, теперь я спокоен за тебя. Прости своего несчастного, страдавшего отца, быть может, мы больше никогда не увидим друг друга... Не дам я тебе и тех серег, что завещала тебе твоя мать. Оставляю их себе на память. Они не принесли счастья твоей матери... Кто знает, может, даже лучше, что я забыл их подарить тебе?»

Дзанг сделал несколько шагов, обернулся, взглянул в последний раз на аул. Кое-где в окнах затеплились огоньки: люди развели свои очаги, в воздухе заструились столбики дыма.

Там, внизу, живут люди со своими радостями и печалью. Живут той бедной, но спокойной жизнью, о которой так мечтал Дзанг. И решил окончательно: пока он жив и есть в нем сила, будет мстить тем, кто отрезал ему путь к этой жизни!

Завернул серьги в тряпочку, спрятал глубоко за пазуху и, повесив ружье на плечо, твердым шагом направился в путь, но не в свою пещеру, а в тот аул, где когда-то он был счастлив.

В тот год по Осетии разнеслась волнующая весть. Из аула в аул, из ущелья в ущелье кочевали слухи о том, что какой-то абрек по имени Кассай, обуреваемый жадной мщением, ворвался в дом алдара Елоева, разорил его и предал огню. Затем сколотил из подобных себе обездоленных батраков и охотников группу, с целью убивать алдаров, богачей, представителей власти, чиновников — всех тех, кто притесняет и грабит народ. Говорили, они даже грозились добраться до самого начальника Горийского уезда... И какие только чудеса не рассказывали о Кассе! Ни нож его не берет, ни пуля. О смелости его и мужестве слагали песни, молодежь бредила именем отважного абрека. Но никто толком не знал, кто этот бесстрашный Кассай, откуда он. Потом о нем стали забывать, но имя его не стерлось в памяти людей.

С первого же дня Фардыг и Зарина так подружились, что и дня не могли прожить друг без друга. Жена Барсага была смелее и расторопнее, а Зарина от чрезмерной застенчивости и боязни сделать что-нибудь не так, застывала в углу. Там, у себя в пещере, она сама управлялась с нехитрыми домашними делами, но здесь, среди людей, она впервые столкнулась с тем, что ее сверстницы давным-давно научились делать, и потому она терялась. Временами, когда непривычная обстановка чересчур утомляла ее, мысли уносили ее в пещеру, к отцу. И тогда у нее возникало желание убежать обратно. Но воспоминание о Хасане властно удерживало ее.

Первые дни она страдала от шума людей, особенно, если кто-нибудь начинал говорить громко. Она вздрагивала и порывалась бежать.

Однажды Барсаг рассказал Фардыг всю правду о Зарине и предупредил:

— Прошу тебя, никогда никому не говори об этом. Девушка выросла в лесу, не видела людей, не знает обычаев, и ты следи за ней, наставляй, мягко поправляй ошибки...

С тех пор Фардыг еще больше привязалась к Зарине. Учила ее, как вести себя среди людей, научила обращаться с ткацким станком, иглой и ниткой, словом, показала ей все, что нужно знать и уметь женщине-горянке.

В сплоченной семье не хранили тайн друг от друга. Кызмыда тоже знала все о прошлом невестки и, словно добрая, щедрая на ласку мать, берегла Зарину, воспитывала ее с любовью, нерастраченной на дочь, которой у нее никогда не было.

Зарина оказалась способной ученицей, жадно ловила каждое слово, и через несколько месяцев ее уже невозможно было узнать.

Однажды утром Хасана проснулся от звуков какой-то неведомой ему песни. У окна стояла Зарина. Темная волна ниспадающих до пят густых волос казалась золотистой в первых лучах солнца. Женщина пела удивительно красивым голосом. Хасана вскочил было, испугавшись, что кто-нибудь может услышать ее

молодой невестке не подобало даже вполголоса разговаривать, — но чудесные звуки очаровали его, и он присел обратно, любуясь красавицей-женой.

Зарина пела, и в ее голосе переплетались трели лесных птиц и журчание горных ручьев. Казалось, невидимый ветерок тронул листья на деревьях, зажужжала пчела над луговым цветком, припала к нему в долгом поцелуе, а вот и соловей, не помня себя, выводит рулады, вознося хвалу весне...

Зарина пела ту неповторимую мелодию природы, которую слышала с первых дней жизни и которая навеки поселилась в ее сердце.

Словно растворившись в звуках своего дивного голоса, Зарина смолкла, печально понурилась. Хасана, освободившись от сладостного плена чарующей песни, неслышно подошел к жене и заглянул в бездонные глаза, до краев наполненные трогательной душой грустью.

— Зарина, голубка моя... О чем ты печалишься? — ласково обнял ее Хасана. — Скажи, любимая, что тебя тревожит?

Зарина отвела повлажневшие глаза.

— Тебе, наверное, хочется повидать отца, да, Зарина? — догадался муж.

— Да, мой Хаса, да... Истосковалась я по нему, очень, очень! — вырвалось у Зарины. — Он, помнишь, обещал прийти, но...

— Видимо, не смог... Ну, хочешь, мы сами проведем его. Ты согласна?

— О, мой Хаса!.. Идем сегодня же! Вчера я видела во сне, будто в нашу пещеру забрался медведь и растерзал моего бедного отца, — рыдания перехватили ее горло.

— Что значат сны, Зарина? Пустое, не верь им, — Хасана прижал к груди жену и нежно поцеловал ее влажные глаза. Словно к ним прикоснулась волшебная палочка, глаза ее мгновенно высохли и радостно засверкали. Зарина выскользнула из объятий мужа и счастливая выскочила во двор.

Предупредив Барсага и Фардыг, они отправились в сторону перевала.

Дзанга в пещере не оказалось. Было видно, что она покинута давно. Какой-то зверь забрался сюда и изгрыз

шкуры, которыми были застелены пол и стены жилища. В углу валялась разбросанная утварь.

— Погас очаг мой! — царапая щеки, запричитала Зарина. — Баба́, где ты, баба́! Баба́! — громко крича, она выбежала из пещеры, птицей взлетела на огромный камень, нависавший над входом, и по ущелью разнесся ее тревожный крик:

— Баба́!.. Баба́, родной мой, баба́! Это я пришла, твоя дочь Зарина! Где ты, баба́?!

Лишь замирающее вдали эхо было ей ответом. Зарина охрипла от крика. Наконец, она поняла, что никто не откликнется на ее зов. Сошла вниз. Плач женщины слился с рыданием горного потока...

Хасана догадывался, что с Дзангом случилось какое-то несчастье, но опасался, как бы его волнение не передалось Зарине. Он подошел к ней с непринужденной улыбкой и принялся утешать:

— Да не бойся ты за него, ну что с ним сделается. Он, наверное, ушел к своему другу, о котором говорил нам. Как ты не понимаешь, здесь он жил ради тебя, а теперь он тяготился одиночеством...

— Не могу поверить, не могу... Ой, Хасана, чует мое сердце, беда с ним стряслась, — убивалась Зарина.

— Поверь мне, Зарина, помнишь, когда он на прощание вывел меня из пещеры, он сказал, что хочет перейти горы. Уверяю тебя, он у своего друга, — убеждал Хасана жену.

Зарина подошла к пещере и остановилась. Затем, будто бросаясь в объятия своего отца, обхватила руками большой камень у входа. Хасана не мешал ей, понимал, что она навеки прощается с местом, где прошли ее детство и юность. Жалость к любимой женщине, с которой судьба так сурово обошлась, сжала его сердце.

Когда они дошли до подножия перевала, Зарина остановила Хасану, пристально взглянула в его глаза и, едва сдерживая рыдания, сказала:

— Хасана, свет жизни моей, кроме тебя, никого у меня не осталось на этом свете... Знаю, я недостойна тебя, ничего не умею, ни к чему не способна. Вы все — ты и твоя родня — жалеете меня, сейчас все прощаете, но если придет день, когда вы перестанете прощать...

— В тот день Хасана умрет!

— Нет, нет! — узкая ладонь прижала губы Хасаны.

— Лучшие мне самой умереть! Хасана, сердце мое, слово даю: всему научусь, все научусь делать... Я уже много чего узнала... И Фардыг и твоя мать обучают меня всему. Какие они добрые и ласковые, как я их люблю! Я никогда не обижу вас. И тебя и их... Только ты люби меня, крепко-крепко люби, слышишь, Хасана! Сделаю все, что прикажешь, даже в могилу сойти не побоюсь. Ничего у меня нет, ничего я тебе не дала, кроме забот и волнений...

— Нет, любовь моя, нет, ты поларила мне самое большое богатство на свете! Ты подарила мне свою любовь, свое чистое сердце... И большего богатства Хасана не просит у бога...

К полудню они воротились домой.

С того дня Зарина больше не высказывала желания побывать в пещере.

III

На пороге весны Кызмыда слегла. День ото дня таяла уставшая от беспросветной нужды женщина. Однажды вечером она позвала сыновей и невесток.

— Дорогие мои, — заговорила она обессиленным голосом, — мечтала увидеть день вашего счастья... Бог не отказал мне в этом. Лучшие из девушек... стали вашими женами... Ах, как хорошо было бы повидать еще ваших детей, но... дни мои сочтены. Ненадолго меня хватит... Я вам завещаю: — Кызмыда обняла сыновей, — живите дружно. С детства вы, как два глаза, две руки одного человека, жили в согласии, так и дальше продолжайте... Покоя мне не будет в стране мертвых, если вас разведет обида. — Кызмыда перевела взгляд на невесток. — И вы, мои родные, живите дружно... счастливо с теми, ради которых вошли в этот дом... Ты, невестка, — указала она пальцем на Фардыг, — видела и знаешь больше... Помогай Зарине, будь ей доброй советчицей... Хоть бы еще немного мне прожить с тобой, — притянула к груди Зарину, — ты беспомощнее всех, тебе больше ласки нужно... — Кызмыда хотела говорить еще, но не хватило сил.

К утру женщина отошла. Барсаг и Хасана были в отчаянии. Рвали на себе волосы Фардыг и Зарина.

Сыновья с большим почетом похоронили мать.

После смерти Кызмыды все то небольшое, что было в доме, ушло на бесконечные поминки по усопшей. Вскоре в доме стало пусто, хоть шаром покати.

Если раньше, при жизни Кызмыды, все домашние заботы в основном лежали на ее плечах, то теперь они достались невесткам. Работали они, не зная устали. Семья еще больше сдружилась.

После годовщины смерти Кызмыды прошло два месяца, и Фардыг родила сына. Мальчика назвали Ахсартагом. Он принес в дом много радости. Маленький ребенок стал утешением и заботой всей семьи.

Барсаг и Хасана по-прежнему ходили на охоту, редко возвращаясь с пустыми руками. Но не всегда удача сопутствовала охотникам. Как-то раз они отправились в поисках дичи к Зеркальному леднику. Не прошли и половины пути, как опустился густой туман, и они уже не разбирали тропинки под ногами. Потом туман стал понемногу рассеиваться, но внезапно разразилась гроза. Барсаг и Хасана спрятались под выступом скалы. Лишь к вечеру дождь перестал, но туман так и остался лежать на земле.

— Так жить дальше нельзя. — безнадежно вздохнул Хасана. — Одной охотой человек семью не прокормит, тем более, что охотника повсюду подстерегает опасность. Раньше мы жили одни с матерью, а сейчас нас пятеро. В доме появятся еще дети. А урожая, который мы снимаем с клочка земли, и до зимы не хватает.

— Я тоже об этом все время думаю, — откликнулся Барсаг, — но что мы можем сделать...

— Что-то надо придумать, земля нам нужна.

— Верно, но где взять ее? В горах каждый клочек земли вдоль и поперек вымерян, людям и самим не хватает...

— У Дотти и Хунцела есть лишние земли...

— Они ничего нам не дадут...

— Даром — нет, но может быть продадут...

— Купить?! А деньги?

— Говорят, за перевалом, в Садоне, нашли какой-то металл. Там, в шахтах, заработать можно. Если нам удастся взять землю в долг, чтобы наши семьи с голо-

ду не померли, сами уйдем в Садон, заработаем деньги и вернем долг за землю.

Эта мысль понравилась Барсагу, и он даже забыл об отвернувшемся от них Афсати.

IV

Хунцел, нагло усмехаясь, не согласился продать братьям ни клочка земли. И другой богатей, Дотти, не только отказал, но вдобавок обрушил на их головы поток грязных оскорблений, и если бы не его сын Солим, кинжалы братьев не удержались бы в ножнах.

— Идите и запрягите в плуг ваших красивых жен, выродки Цопана, и пашите на них вон те голые скалы! А у меня для вас земли нет, — угрожающе потряс в воздухе своей палкой Дотти. — Вы только посмотрите на этих голодранцев, чего им захотелось! В их жалкой лачуге даже мышидохнут с голоду, а сами землю покупать вздумали... Или вы не знаете, что земля дороже золота и крови?

— Дотти, у тебя нет земли на продажу, так прямо и скажи, а оскорблять себя мы не позволим! — не сдержал гнева Хасана. — Хотя мы и бедны, но сыновья Цопана не падут так низко, как некоторые, чтобы уморить своих жен голодом.

— Что ты хочешь этим сказать, ублюдок?! — взревел, как раненый зверь, Дотти.

— Тот, о ком я говорю, поймет сам, — парировал Хасана.

Это окончательно разъярило Дотти. Его жену Кориан давно мучил телесный недуг, и под конец она слегла в постель. Когда Дотти убедился, что ее болезнь неизлечима, он перестал кормить ее, чтобы поскорее избавиться от ставшей ненужной жены и привести в дом другую, молодую. Но Кориан зубами вцепилась в жизнь. По ночам она тайком выползала из своей кровати и утаскивала чурек, чтобы, укрывшись с головой одеялом, без помех съесть его. Дотти это заметил. Однажды он смочил чурек забродившей беленой и оставил его на обычном месте. Расчет оказался верным. Кориан дождалась, пока муж уснул, стащила чурек и с жадностью насытилась им. Женщина провела ночь в страшных му-

чениях, и к утру судороги доконали ее. В ауле так и не узнали, от чего умерла Кориан. Но несчастная успела пожаловаться кому-то из соседей, что Дотти решил уморить ее голодом. Когда селяне узнали о смерти Кориан, они возненавидели жадного, скупого кулака. Дотти устроил поминки, но никто из жителей аула не пришел к его поминальному столу.

Дотти привел в дом новую жену. И вот теперь, когда Хасана посмел намекнуть на это, он обрушился на него:

— Кто ты такой, чтобы упрекать меня, собачий сын! Неизвестно, чей ты щенок, какого рода и племени! Как ты смеешь говорить, что я уморил свою жену голодом, когда даже деревенские собаки благодаря моему куску хлеба способны еще лаять на волков? Вот и ты приполз ко мне, чтобы свою утробу насытить, и как думаешь, у меня не нашлось бы куска хлеба для больной жены?

— Кто меня произвел на свет и что случилось с этой несчастной женщиной — одному богу известно, и если я еще хоть раз услышу от тебя подобное, запомни: не посмотрю, что ты старше меня, — глаза Хасаны налились кровью, правая рука стиснула рукоятку кинжала.

— Катись отсюда, пес, не твякай в моем доме, не то придется выносить тебя вперед ногами! — Дотти замахнулся своей суковатой палкой, но Солом успел схватить его за руку.

— Да что вы поносите друг друга почем зря! Люди на улице останавливаются. Стыдитесь!

— Стыдиться надо, когда старший достоин уважения! — бросил Хасана и, круто повернувшись, ушел, мечя от ярости искры.

— Тоже мне сын, чья-то бездомная собака лаяла на твоего отца, а ты не обломал палку на ее голове! — набросился Дотти на Солома.

Не только с чужими, но и со своей семьей Дотти обращался жестоко. По пустякам колотил жену, избивал сына. Жестокость и необузданность он не пытался даже унять. Не терпел возражений, моментально вскипал и сыпал оскорблениями. Жители аула знали об этом и избегали его.

Солом побаивался отца. Еще ребенком в его неокрепшую душу закралась ненависть к жестокосердному

отцу, особенно окрепло в нем это чувство после того, как Дотти погубил его мать. На другой день после похорон Солом упрекнул отца в смерти матери.

— Заткни глотку, слюняй, не то я сам тебе заткну! — замахнулся Дотти палкой, но Солом на лету перехватил его руку.

— Отец, не думай, что ты все еще имеешь дело с маленьким мальчиком, — твердо сказал Солом и пригрозил: — Я многое тебе прощал, и если ты еще когда-нибудь поднимешь на меня руку, — отомщу тебе за все твои обиды!

От ярости Дотти заскрежетал зубами. Готов был собственными руками задушить своего единственного отпрыска, но сильная рука Солома так больно сдавила ему кисть, что он с трудом, но заставил себя проглотить обиду. Понял, что на таком языке с сыном ему уже не разговаривать.

Солом знал, что нелегко будет стать полновластным хозяином в доме: отец никогда не советовался с ним, не считался с его мнением. Дотти жил среди людей бирюком, это сильно вредило им. Солом все это понимал, но никогда прежде не осмеливался сказать отцу. Впрочем, сыну нравилось, что свирепого Дотти все боятся, что повсюду он ведет себя, как хозяин. Но... толстая палка, которая часто угрожала другим, столь же частенько прогуливалась по его спине.

Вот и сейчас, когда пришел Хасана просить в долг земли, отец, не взвесив всей выгоды предложения, наотрез отказал сыновьям Цопана. На этот раз Солом не простил ошибки отцу и сердито заметил:

— Кошка, которая много мяукает, мышей не ловит, запомни это, отец.

— Что ты хочешь этим сказать?

— А то, что со всеми в ауле ты разговариваешь кулаками, а таким способом ты не много добра наживешь.

— А все это, — Дотти широко обвел рукой, — уж не ты ли скопил?

— Это все ты сколотил силой, но не умом, а то, что добыто силой, легко можно растерять...

— Не тебе меня учить, мальчишка, молоко еще на губах не обсохло!

— Ум не выбирает молодых или старых...

— Что ж, в таком случае я готов выслушать твои мудрые речи!

— Сегодня я на пастбище был. Наши пастухи оставили отары и стада на произвол судьбы и разбежались кто куда.

— У-у твари, почему я их вчера не прикончил!

— Потому-то они и убежали, не хотели умереть от твоей руки. Они ведь просили тебя отпустить их поводить с семьями. Мало ли какие дела могли быть у них, они ведь на полгода в Кизляр отправлялись... А ты не прислушался к их просьбе, затеял ссору с ними, и сегодня твои стада остались без присмотра. Так кто же проиграл от этого, ты или они? Конечно, ты! Они за такую плату работу найдут везде, но ты за такую плату пастухов уж не наймешь.

— А по-твоему, что я должен был сделать?

— Отец, одно ласковое слово приносит больше пользы, чем десять ударов палкой. Чем мягче язык, тем он легче пробивает путь. Овцу один раз напугаешь, в другой раз уж не подманишь к себе, но если ты из своих рук покормишь ее, потом снимай с нее девять шкур. Вот и выходит, что и сегодня зря ты прогнал сыновей Цопана.

— Что? Я еще должен был им в ножки поклониться?

— Поклонился бы, от этого твоя голова не ниже, а выше поднялась бы. Твоя жертва сама пришла к тебе, а ты не словчился зажарить из нее румяные шашлыки...

— Ты что, не слышал, чего он хотел? С пустым кошельком земли захотел, сукин сын! А потом еще эта наглая клевета!

— В том-то и весь секрет, отец, что с пустым кошельком хотел приобрести землю. Затребовал бы цену, а пока они заработают эти деньги, содрал бы с них в пятнадцать раз больше. Пчелу трудно заманить в паутину, но коли попала — ей уже оттуда не выбраться. А у тебя она уже в руках была... Что же касается оскорблений, ты, а не Хасана, первый начал. И клеветы не было. Я знаю, что гыцци убил ты. Впрочем, я не виню тебя... Знаю, что тебе нужна была жена, притом здоровая, вот ты и привел ее, молодую, красивую...

У Дотти чуть глаза не выскочили из орбит от неожиданности. С удивлением слушал он своего сына, ко-

торого считал размазней, повесой, бездельником. Боялся, что после его смерти тот все нажитое им добро пустит по ветру, потому и поторопился с женитьбой на другой, чтобы та родила ему достойного наследника. И что же сейчас слышит он? Сын, по всему виду, умнее его оказался!.. Но Дотти не хотел сдаваться:

— Говорю тебе, мальчик, нет у меня лишней земли!

— Есть... Вон она, заброшенный пустырь над селом, — показал Солом рукой.

— Пустырь? — не понял сына Дотти.

— Пообещай им его, только не за деньги.

— А за что?

— Наш скот на перевале без присмотра, говорю тебе. А там на пустыре, кроме камней, нет ничего. Эта земля нам ни к чему. Вот пусть они и очистят ее от камней, а когда-нибудь мы приберем ее к рукам. За эту землю три года пусть пасут наши отары. Каждый камень на пустыре превратится в барашка, и в конечном счете мы выиграем вдвойне.

— Уаллай¹, твои слова — истинная правда! Как эта мысль мне самому не пришла в голову? — алчно блеснули глаза Дотти, когда он представил себе всю выгоду дела.

— Умом надо действовать, отец. Знаю, умен ты, но иногда не мешало бы и ко мне прислушиваться, — чрезвычайно довольный собой, сказал Солом.

— Действуй! Ты порадовал мое сердце, мальчик, — Дотти словно впервые открыл для себя сына и по праву гордился им.

— О моих способностях ты узнаешь позже, отец. Ты только доверь мне самостоятельно вести дела. Если драться, то не кулаками! — угрожающе произнес Солом и неизвестно кому погрозил отцовской палкой.

— Ну чего ты вчера ввязался в спор с моим отцом? — говорил на другой день Солом Хасане.

— Что я плохого ему сделал? Нет у тебя земли для продажи — скажи спокойно, по-человечески. Зачем же швыряться оскорблениями? — не унималась обида в душе Хасаны.

— Прости, Хасана, отзываться худо об отце не достойно сына, но у Дотти в самом деле очень грязный

¹ Уаллай — здесь: восклицание, выражает удивление.

язык. Мало того, он еще и скупердяй, скареда, скопидом, — распалился Солом. — Ты про мою мать что-то сказал, у меня у самого ее смерть вызывает подозрения, если тут и вправду дело нечисто, — я зарежу своего отца!

«Люди об этом на каждом углу трубят, как же случилось, растяпа, что ты об этом не знаешь?» — хотел сказать ему Хасана, но сдержался, опасаясь навлечь беду, и перевел разговор на другую тему:

— Люди не всегда говорят правду. Хотя правду об отце ты лучше меня знаешь. Он меня оскорбил, и не подумай, будто я натравливаю тебя на него, но...

— Зачем эти слова, я и сам все хорошо знаю, — перебил Солом. — Как он вчера прогнал тебя... А земли у него, конечно, много. Не собирается же забрать ее с собой в могилу? Мне из его богатства нужен лишь небольшой клочок земли, чтобы жить, как все люди, — притворно вздохнул Солом. — Вчера я поругался с ним, мы сейчас не разговариваем даже...

— Зачем тебе такие неприятности из-за меня?

— Ты мне не чужой. Правда, немного старше меня и уже глава семьи, но это ведь не имеет значения?.. Говорил я отцу, чтобы дал тебе землю...

— Я даром не прошу!

— ...И знаешь, что он мне сказал? Встань, говорит, и убирайся из моего дома. Ты, говорит, мне пока не указчик. Ну, в таком случае, отвечаю я, поделим имущество. Вон, говорит, та заброшенная земля, что над селом, причитается тебе, делай с ней, что хочешь. Ладно, соглашаюсь я, тогда я свою долю дарю сыновьям Цопана. Он расвирепел и брякнул: «Три года с одним из сыновей Цопана ты будешь пасти моих овец». Я погорячился и выпалил: «Согласен!» Вот и хорошо, сказал отец, я не изменю своего решения. Ну, а ты знаешь, я тоже упрям, слов на ветер не бросаю. Моего отца нужно его же плеткой хлестать!

— Жаль, из-за меня ты на себя беду навлек, — Хасана поверил Солому.

— Он сам мне порядком надоел, а сейчас его глупая жена мне покоя не дает. Чем больше растет ее живот, тем длиннее становится язык. Отец надеется на маленького наследника, и потому он со мной так резок. Да пусть он хоть в преисподнюю провалится, мне от не-

то ничего не нужно! Завтра уйду на перевал. Если ты не согласен, сам буду пасти. А та земля, думается, если ее хорошенько обработать, окажется плодородной. Ребята из аула помогут мне, и за несколько дней мы очистим ее. Не обижайся на меня, я ведь хотел, чтобы тебе было лучше. Смотрю на тебя с Барсагом, как вы на охоте надрыгаетесь, чтобы семьи прокормить, жалко мне вас...

— Спасибо, Солым. Уж как-нибудь проживем.

— Ну, конечно, и без земли не все умирают с голоду. Но ведь земля нужна, брат, нужна. Без нее человек, как орел в неволе... Да еще если дети в семье появляются... Ну, забросал я тебя словами, мне пора на перевал. Заберу тот пустырь, подарю его кому-нибудь, а сам уйду отсюда подальше, опостылело мне все здесь. Прощай! — решительно сказал Солым и зашагал прочь.

Хасана слова Солыма принял за чистую монету и вечером, когда семья сидела за ужином, рассказал о предложении Солыма.

Никто, кроме Барсага, не заподозрил неладное в поведении сына Дотти. Рассказ Солыма его озадачил.

— Не иначе, как он замыслил какую-то хитрость. У отца, как у змеи, все пятна наружу, а у этого — внутри.

— Что дурного может быть в его предложении? — не согласился с братом Хасана. — С отцом он из-за нас поссорился, в горы к овцам пошел, я сам видел.

— Одному богу известно, поссорился или не поссорился, — стоял на своем Барсаг.

— Что вы все осложняете, не понимаю, — вмешалась в разговор мужчин Фардыг. — Для себя же он ничего не требует? А что постыдного в батрачестве, не знаю. Время так быстро пролетит, что вы даже не заметите. О семье не беспокойтесь, вот Зарина уже способна заметить в доме мужчину.

Замечание Фардыг сломило гордость братьев. Пришлось прославленным охотникам, сыновьям Цопана, взять в руки пастуший посох, чтобы пасти стада этого отвратительного кровососа Дотти. Бедность взяла верх.

Спустя несколько дней Хасана поднялся на перевал, где стояла овчарня Дотти. Солыма он застал там. Солым, действительно, присматривал за отарой, пока отец нанимал новых пастухов. Он ненавидел сыновей

Цспана за то, что они были мужественнее и отважнее его, за то, что люди их уважали, и молодежь готова была идти за ними в огонь и в воду. Особенно кололо ему глаза то, что у них были такие красивые жены. Открыто он никогда не высказывал им своей неприязни, но если бы мог добраться до них, перегрыз бы зубами их глотки... И, кажется, они попались в его лапы!

Солым встретил Хасану с безразличным видом:

— Раз вы так настаиваете, то делать нечего. Понимаю, вы нуждаетесь. Неплохо бы вам чем-нибудь помочь... Но что сказать мне своему отцу — зверю, даже близко к дому не подпускает...

— Спасибо, Солым, но у нас нет иного выхода. Будь проклята бедность!..

Вечером Солым хвалился отцу:

— Не я ли говорил тебе, что тут умом надо действовать? Видел бы ты, как эти надменные сыновья Цопана лизали мне ноги!.. Будут они ишачить у нас, будут, как миленькие! Еще раз повторяю тебе, дай мне действовать самостоятельно, и я всех в ущелье поставлю на колени перед тобой!

Дотти пришел в восхищение от слов сына.

Три года Барсаг и Хасана батрачили на Дотти. Летом на перевале, зимой — в Кизляре, на отгонных пастбищах. Не раз Дотти искал повода, чтобы придаться к братьям, но служба их была безупречной. Сын его оказался прав. За три года отара его увеличилась втрое. Действительно, каждый камень на пустыре превратился в жирного барашка.

Над аулом, где начиналась Большая равнина, среди тучных земель Дотти, сиротливо вклинился заброшенный пустырь. Каждой весной предки Дотти, владельцы этих земель, из поколения в поколение забрасывали камнями этот клин, очищая свое поле для пахоты, и на нем выросли внушительные груды камней. Клин мешал Дотти, он не раз намеревался очистить его от камней, но останавливался перед расходами: с одной стороны поблизости не было места, куда можно было бы перетащить камни, а с другой — никто не брался за эту тяжелую работу за гроши, которые он предлагал.

Бедность вынудила сыновей Цопана взяться за это дело. Они сколотили носилки, и всю весну, лето и

осень перетаскивали камни вниз, в ущелье. Надорвались на этой адской работе, изодрали в кровь руки, сбили ноги. Крупные глыбы, которые невозможно было унести, они дробили, мелкие тащили на носилках. И враг не задал бы им такой каторжной работы! Этот клочок земли и на следующий год не был годен для пахоты. Они пядь за пядью очистили пустырь от камней, затем удобрили навозом, который натаскали на тех же носилках из аула.

И вот, наконец, поле было готово к пахоте. Бывший пустырь народ окрестил землей сыновей Цопана, землей, купленной потом и кровью...

Надежда вновь поселилась в сердцах братьев. Теперь-то им, может быть, полегчает. Лишь одно не давало им покоя: у Зарины не было детей. Всю свою неистраченную материнскую любовь она отдавала маленькому Ахсартагу. Ночами мальчик оставался то у родителей, то у Хасаны, а днем Зарина соглашалась расставаться с ним лишь на то время, пока мать кормила малыша грудью.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

I

Хитростью и коварством вознамерился осуществить свои тайные замыслы Солым. Вон, по ту сторону Урсдона¹, доставшиеся им по наследству земли за последние годы не обрабатываются, заросли кустарником и сорной травой. Много раз бедняки аула приходили к Дотти с просьбой сдать им эти участки в аренду, но Дотти и слушать не стал, прогнал всех в шею.

Как-то раз Солым, сидя на Ныхасе², слушал нескончаемые жалобы сельчан на нищету. Осторожно вмешался в беседу:

— И как только моему отцу не стыдно! Верно говорят, сытый голодного не разумеет. Разве не обидно, что у нас хорошие земли по ту сторону Урсдона зря пропадают, а он, черт возьми, никого к ним не подпускает. Недавно я завел с ним разговор об этом. Убедил его сдавать в аренду земли, и он согласился, правда, с

¹ Урсдон — название реки («Белая река»).

² Ныхас — место сходки мужчин аула.

условием, что даст землю тому, кто будет отдавать третью часть дохода. Я долго внушал ему, что это много, но он уперся и ни о чем другом и слышать не захотел.

Мужчины наострили уши. От Соломы не ускользнуло, что в паутину, которую он искусно сплел, некоторые из них уже вот-вот готовы броситься, но какое-то сомнение все еще удерживает их. Солом поспешил окончательно заманить их.

— Я говорил ему, что земли давно не обрабатывались, трудно будет возделывать залежь, и после долгих раздумий он все же уступил. Сказал, что подсобит семенами и тяглом тому, кто захочет взять земли в аренду.

Стрела, пущенная Соломом, попала в самую точку. Безземельные крестьяне оживленно задвигались, облегченно вздохнули и заговорили.

— Да продлится твоя жизнь на долгие годы, Солом. Гоклон тебе за то, что ты так заботишься о нас. Это хорошо, что отец твой согласен дать волов и семена, но если он потом потребует оплатить их с лихвой, да еще отдать треть дохода, то что же останется нам? — заметил кто-то из мужчин.

Солом прикусил язык. И верно, слишком болезненным оказался для крестьян удар. Он попытался смазать рану целебным зельем:

— За волов он плату не возьмет, да и семена отдаст даром. Отец, если он считает меня своим сыном, пощадит меня. Вот все, что я могу для вас сделать...

— Пусть бог воздаст тебе за твое чуткое и отзывчивое сердце, Солом, — поблагодарил его старейшина Дзакко. — Эти задавленные нуждой люди будут молиться за тебя.

Той же весной пять безземельных семей взяли в аренду залежные участки Дотти. Давно необрабатывавшаяся почва была тверда, как камень, кустарники — густы и колючи, выполотые сорняки упрямо пускали корни. Только после долгих трудов люди привели землю в божеский вид.

Таким путем Солом постепенно прибирал к рукам бразды правления всем хозяйством Дотти. Но его смущало, что кто-то еще не сегодня-завтра станет претендовать на его добро. Этот соперник — дитя, которое день ото дня все больше растет в чреве его мачехи.

Нужно позаботиться, чтобы младенец никогда не открыл глаз и не потребовал в будущем полагающуюся ему долю наследства.

Красива мачеха Сольма — Ацырухс. Хоть и не первой молодости была, но свежестью лица и стройностью фигуры могла соперничать с двадцатилетней. Но всего удивительнее были ее глаза. Их быстрый взгляд заставлял таять сердце любого мужчины. Для всех был открыт ее взгляд — и для своих и для чужих. Улыбка не сходила с ее лица, голос приятно нежил слух. Она не смущалась, подобно сельчанкам, при встрече с незнакомыми мужчинами и не прятала лица, а гордо проплывала мимо.

Никто ничего не знал о ее прошлом. Не знал этого даже Дотти. Однажды он встретил ее в Чреба¹ и привез домой. Как согласилась выйти замуж за старого уродца женщина, похожая на ангела, этого не может уразуметь и сам Дотти.

Не меньше других поразился Сольм, когда отец привел в их дом Ацырухс. Женщина вскружила голову старику. Дотти словно совсем лишился рассудка. На склоне лет в его сердце проснулось доселе неведомое ему чувство, его крутой нрав смягчился, и нет у него сил сказать «нет» любому желанию молодой жены. Женщина постепенно стала прибирать власть в свои руки, и старик стал оттеснять сына от дел. Мало того, он строго-настрого предупредил Сольма:

— Если ты когда-нибудь хоть малую толику потребуешь эту женщину, я вышвырну тебя из дому в чем мать родила.

Отец и прежде недолюбливал сына, но теперь, с появлением молодой жены, он полностью оттолкнул его от себя. Понял Сольм: отец рано или поздно сдержит свое слово.

Как-то раз Ацырухс и Дотти сидели за домом и греясь на солнышке, вели задушевную беседу. Сольм в это время находился на пастбище. Муж с женой не заметили, как он вернулся домой.

Сольм, крадучись, приблизился к углу и подслушал их разговор.

— Пойми меня правильно, не натравливаю я тебя

¹ Чреба — старое название города Цхинвали.

на сына. Но ты должен войти в мое положение. Не могу я выносить взгляда его ненавидящих глаз. Смотрит так, будто в волчьей шкуре хожу... И потом, мне как-то не по себе жить под одной крышей с молодым мужчиной... — говорила Ацырухс.

— Он сын мне... наследник... как я могу прогнать его? — отрывисто отозвался Дотти.

— Зачем прогонять? Подбрось ему кое-что, он женится и будет жить себе самостоятельно. А о наследниках не тревожься. Хоть весь дом заполню ими... Вот один уже зашевелился у меня под сердцем.

С трудом удалось Солыму унять вспыхнувшую в груди ярость. Ах вот значит что! Эта ненавистная ему женщина, змеей вползшая в их семью, задумала коварством и подлостью убрать его с пути!

Так же незаметно он покинул свое укрытие. Ушел на берег реки, бросился ничком в заросли орешника, и скрытый от посторонних глаз, предался размышлениям.

Мысли, как муравьи в потревоженном муравейнике, метались в его разгоряченном мозгу. Беда стояла за спиной. Если вовремя не придумать верное решение, она разразится. Воевать в открытую с Ацырухс он не сможет. Не только внешностью одарил ее бог, но и умом и хитростью. Солом понял, что ядовитая змея, свившая гнездо в их доме, собирается ужалить его.

И Солом крепко задумал одну думу. А дума была столь коварной, что сначала он сам испугался ее, но иного выхода не было, и он поставил свою жизнь на карту.

— Увидим, шлюха, кто из нас двоих хитрее и умнее! Ты приготовилась проглотить мою голову, но скорее я проглочу твою! — решил он окончательно и в сумерках возвратился домой.

II

Прежде Дотти никогда не отпускал сына одного на базар в Чреба. Но с тех пор, как привел в дом молодую жену, часть хозяйственных дел он передал Солому. И, вообще, чем дальше от дома бывал сын, тем спокойнее чувствовал себя Дотти. Вот и на этот раз он снарядил пять вьючных лошадей с сыром, маслом,

шерстью и отправил Сольма с двумя работниками в Чреба.

Распродав свой товар, Сольм вместе с батраками зашел подкрепиться перед обратной дорогой в духан¹. Поели, выпили, уже собрались уходить, как неожиданно из-за стойки выплыл, тяжело переваливаясь, духанщик Маркоз. От него за версту несло вином.

— А-а-а! Это каво я вижу, каво! — хозяин радостно замахал своими мохнатыми, обнаженными до локтей руками.

Подойдя к столу Сольма, он грузно опустился на стул. Затем раздвинулись жирные складки вокруг щелочек глаз, и показались маленькие глаза. Маркоз окликнул слугу:

— Поддай сюда три буттилки и хашлама!²

Сольм знал Маркоза: каждый раз после распродажи товара они с Дотти заходили в этот духан.

— Ну, как ты живишь, твой отец привел новая жена... Некогда эму... Нэ приезжает болше... Нэ хочет оставлиять одну молодую жену, да? Ха-ха-ха! — безбожно коверкая слова, говорил по-осетински Маркоз.

— Оставь, пожалуйста, не напоминай мне о нем, — начал злиться Сольм. — Ребята, приготовьте лошадей, нам пора в путь!

Работники выскочили за дверь. Сольм положил деньги на стол, встал, но Маркоз удержал его за локоть.

— Не спеши, парень, разговор есть. С отцом твоим... Я твоего отца давно не вижу... Скажи ему от меня... — Сольм все порывался уйти, но армянин силой заставил его сесть. На столе снова появились вино и еда. Сольм чувствовал, что уже изрядно набрался. Ему хотелось скорее уйти, но слова духанщика насторожили его.

— Ацырухс я привез из Тбилиси. Много денег заплатил, — армянин вздохнул и рассказал, как встретил Ацырухс в каком-то тифлисском духане, где она подавала вино посетителям. Она была такой красивой, что Маркоз предложил ей жалованье вдвое больше того, что она зарабатывала в Тифлисе. И хитрый Маркоз не

¹ Духан — трактир.

² Хашлама — отварное мясо.

прогадал. В его духан хлынули искатели случайных развлечений, молодые повесы и состоятельные мужчины. У ловкого торгаша прибыли стало в три раза больше, но тут на беду появился Дотти и увел Ацырухс. После того, как ее не стало в духане, гуляки перестали посещать его.

— Твой отец ограбил меня, похитил мое добро. Как он мог жениться на ней, как снизошел до потаскушки? Не-ет, не прощу я ему своих убытков! Вай-вай-вай, сколько денег я по его милости потерял! — убивался армянин.

Солым мигом отрезвел и так жадно внимал Маркозу, будто из его толстогубого рта вылетали не слова, а кусочки золота. Другой сын на его месте не простил бы таких слов, но для Сolyма это было величайшей находкой. В душе он осыпал Маркоза тысячами благодарностей. «Ну, погоди, Ацырухс, теперь-то я постараюсь распутать клубок твоей тайны, теперь уж не отвертишься у меня».

— Хорошо, хорошо, предоставь это мне, за все твои обиды он заплатит своей головой, — стараясь поскорее отвязаться от собеседника, закруглил Солым разговор.

— Ты не сердись на меня... А отец твой — старый слепой буйвол! Что он натворил, что он натворил, вай, вай, вай! — уже за порогом донеслось до слуха Сolyма.

III

Из Чреба Солым привез Ацырухс зеленого шелка на платье, красивые сережки и в присутствии отца преподнес их мачехе.

— Баба́, из денег не́много потратилось... Я никогда ничего не дарил матери, и мне хочется, чтобы она на память обо мне послала эти недорогие вещи.

«Никто не просил тебя быть хозяином моих денег!» — хотел накричать Дотти на Сolyма. Но упреки, готовые посыпаться на сына, застряли между губами. замерли в пышных усах, когда он увидел, как радостно блеснули глаза жены при виде красивых подарков.

— Молодец, сынок, что подумал о матери, — сердце говорило одно, а губы выдавливали другое.

Ацырухс, забыв даже поблагодарить, вне себя от радости, схватила подарки и убежала в свою комнату.

На другой день Солым застал Ацырухс в ее комнате перед зеркалом, она все радовалась, что шелк на платье очень идет к цвету ее глаз.

— О, боже, как подходит тебе этот цвет! — восхищенно произнес Солым. — Господи, ты не земная, ты небесный ангел во плоти! Нет, не ангел! Ты самая прекрасная женщина на земле!

— Парень, тебе не положено входить ко мне без разрешения, — прикрывая обнаженные груди тонкой тканью, возмутилась Ацырухс.

— Прости, но разве нужно просить разрешения у матери, чтобы войти в ее комнату? Ну что из того, что ты слишком молода для матери такого олуха, как я? Правда, это часто смущает меня.

— Не слишком ли ты дерзок?

— Не упрекай меня. Причиной тому — твоя красота. В следующий раз, когда поеду в Чреба, я привезу тебе пояс и туфли такие, что все женщины в ауле лопнут от зависти.

— Если нужно будет, твой отец купит или я сама, а ты не трать попусту его деньги... Понял?

— Мой отец ничего не смыслит в красоте.

— Если бы это было так, он не выбрал бы меня.

— Эх, жаль, но ты достойна лучшего...

— Твой отец любит меня...

— Конечно, любит, и я его вполне понимаю. Но интересно, любишь ли ты его?

— В противном случае меня бы здесь не было.

— А долго ли ты еще будешь здесь? Если наш старик испустит дух, жаль будет тебя, райская птичка. У тебя, у вдовы, очень скоро увянут пышные груди, потухнет колдовской блеск твоих глаз, белым инеем покроются твои выющиеся косы, и никто уж не захочет даже взглянуть на тебя! Видишь, заранее жалею тебя... И об одном прошу, мать моя, хоть и свела тебя с ума любовь старика, все же после его смерти не убивайся, не царапай свои алые щеки, не рви в клочья свои густые волосы...

Ацырухс позеленела. Круто повернувшись, она пронзила Солыма ненавидящим взглядом:

— Позови своего отца и повтори при нем все, что ты сейчас сказал мне!

— Отец мой сейчас где-то греет свси старые кости, чтобы потом в стране мертвых не заоченеть. Мы ему сейчас нисколько не нужны, — нагледя с каждой минутой, ухмыльнулся Солом. — Лучше один поцелуй...

— Прочь, скотина! — Ацырухс тигрицей ринулась на него.

— Молчи, шлюха! — жестоко прикрикнул Солом. Слова зазвучали, как удары хлыста. — Сожрала разум моего старого отца, окрутила его, как хитрая лиса. Не думай, что я не знаю, что ты за птица и откуда к нам залетела. Я вчера не зря ездил в Чреба. Там мне твои любовники все про тебя рассказали. Теперь я понимаю, почему ты повесилась на шею старика! Надеешься его добро заполучить?!

— Клевета! Ложь! Сейчас людей позову! — истерически кричала Ацырухс.

— Не позовешь, шлюха, знаю твои грязные дела! Слышал я, как ты подговаривала отца выгнать меня из дому! — ярость заклокотала в груди Солома, и он поднес кулак к губам мачехи.

С лица женщины схлынула вся кровь, крик застрял в горле. Чуть придя в себя, она вновь ринулась в бой:

— Кто я — твоему отцу известно, а вот чей ты сын, ему до сих пор действительно неизвестно! Достаточно одного моего слова, и Дотти вмиг сотрет тебя в порошок!

— Нет, не знает отец всей правды о тебе. Если бы узнал, повесился бы на ближайшем суку!

— Вон из моей комнаты, слышишь? Сейчас закричу, что ты ворвался сюда, чтобы силой овладеть мною!

— Силой я ничего не собираюсь делать. Не считай меня таким бесстыжим. Но если дело дойдет до того, я скажу, что детеныш в твоём брюхе от меня, и тогда отец кинжалом вспорот тебе живот. А теперь иди, зови на помощь! Ну!

Такой чудовищной клеветы Ацырухс не ожидала. Оружие, приготовленное, как последнее средство против врага, разом выпало из ее рук, ноги подкосились, и женщина упала без чувств.

Солом поднял Ацырухс и отнес ее на кровать. Взгляд его жадно скользнул по обнаженному молодому телу женщины, он резко отвернулся и вышел, принес

воды, брызнул ей в лицо. Ацырухс, словно нехотя, приоткрыла глаза, но увидев возле себя Солыма, снова закрыла их.

— Вот так-то, матушка. Если ты не будешь держать язык за зубами, станешь подговаривать отца против меня, то тебе не поздоровится. Сегодня ты еще смогла открыть глаза, а в следующий раз не удастся!

— Никто не поверит в эту чудовищную клевету, никто, никто, — простонала женщина.

— Поверят... Людям известно, откуда ты взялась. Да, кстати, знаешь, кому покупают такие подарки? Любовницам. Ведь не зря я их преподнес тебе при отце. Он уже подозревает... Итак, тебе не следует восставать против меня. Те богатства, о которых ты мечтаешь, понадобятся для поминок по тебе. Так что слушай: отца не сегодня, так завтра не станет, после его смерти тебе жить в этом доме, и если ты вовремя не возьмешься за ум, один из нас окажется здесь лишним. Запомни это крепко! — пригрозил напоследок Солым, и дверь комнаты Ацырухс захлопнулась за ним.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

I

Уже пропели петухи, а сон все не идет к Ацырухс. «Нездоровится мне», — с вечера объявила она и постелила себе отдельно от мужа. Дотти лежит в углу и ошлушительно храпит. В другой раз Ацырухс не выдержала бы, растормошила бы старика, но сейчас она даже не слышит храпа.

Тяжелые мысли одолевают ее. Проплывают унылой пореницей давно минувшие дни...

...Узнав, что дочь сбежала в ночь свадьбы, алдар Дзанхот Елоев рвал и метал от злости. Когда же на второй день преследователи нашли на дне горного озера платье и белую свадебную шаль Агунды, он обвинил слуг в том, что они проглядели его дочь и выгнал их, ничего им не заплатив. Прогнал и Ацырухс.

Долат в это время находился на перевале, с одним из батраков алдара косили сено. Услышав от преследователей о смерти Агунды, не мог простить себе, что не

объяснил Агунде, как ему удалось спасти Дзанга. Кто знает, может быть, не решилась бы девушка на такой шаг и осталась бы жива! Но весть о свадьбе была так неожиданна, а Долат был так занят, что не было никакой возможности сообщить ей об этом, тем более, что косари оставались ночевать на перевале, чтобы с рассветом приступить к работе.

Дзанхот после гибели дочери совсем забросил хозяйство. Начал искать утешение своему горю на дне бокала. Присматривать за хозяйством он поручил сторожу. А сторож ненавидел Долата. Он подозревал, что не без его помощи исчез Дзанг из подвала. Он помнил, как вечером Долат напоил его вином с подмешанной к нему аракой, а когда мертвецкий сон сразил его, видимо, взял из кармана ключ. Но отомстить ему открыто сторож боялся: алдар, узнав правду о тайнственном исчезновении Дзанга, мог рассвирепеть, и тогда не сносить ему головы. А вот теперь появилась у него возможность отомстить. Нашептал и без того разгневанному алдару, что Долат ненадежный в хозяйстве человек, и Дзанхот прогнал Долата.

Ни тени сомнения не было у Долата в том, что по милости сторожа он остался без работы, но молчал, чувствуя за собой вину.

Долат решил просить руки Ацырухс. Вскоре они обручились, но никак не удавалось сыграть свадьбу. После долгих мытарств он смог, наконец, заплатить калым, но к тому времени тяжело заболела его мать, единственный близкий ему человек. Прошло несколько долгих лет, прежде чем они смогли пожениться.

Жили они в нужде, но крепко любили друг друга, и потому были дружны.

Спустя три года у них родился сын. Ему дали имя Таймураз. Мальчик стал единственной отрадой их жизни.

К тому времени сторож алдара, которого тот называл своей правой рукой, стал управляющим в доме дряхлеющего князя. Вчерашний раб, вдруг ощутив власть, придумывал самые изощренные способы притеснения крестьян и слуг алдара.

Обвинив Долата в том, что у него не заплачено податей за два года, управляющий отобрал у него корову, кормилицу семьи.

И это еще не самое страшное. Алдаров прихвостень намыслил против него более коварный план. Когда-то отец Долата снял у алдара небольшой клочок земли в аренду сроком на 15 лет. Постепенно он выкупил ее, и земля стала собственностью крестьянина. Но после смерти отца у алдара обнаружилась бумага -- договор об аренде. Купчую же на участок земли, принадлежащий семье Долата, сгрызли мыши в бедной сакле.

Долат был тогда еще несмышленищем и ничего не знал о бумагах. А теперь у него не осталось ни одного документа, доказывающего его право на землю, не нашлось и свидетеля составления купчей. И Долат остался без земли. Нищета горой обрушилась на семью и раздавила ее своей тяжестью. Рухнули в пропасть все радужные мечты и надежды Долата.

Вспоминает Ацырухс...

...Ветхая сакля. Изю всех углов вылезает безжалостная нищета. У очага лежит свекровь. Старуха так ужасно худа, будто, кроме костей, под кожей у нее ничего не осталось. Угасающим взором обводит она стены.

В люльке зашелся в плаче голодный ребенок. Ацырухс пытается успокоить его, всовывая в его ищущий ротик сосок пустой груди. Младенец с жадностью присасывается, но, разочаровавшись, выплевывает сосок и оглашает комнату еще более громким плачем.

Ацырухс уже не знает, что и придумать. Ребенок умирает от голода у нее на глазах. Из угла с мольбой смотрят на нее голодные глаза больной свекрови.

Что же предпринять, к кому пойти за горсточкой муки? Ведь в этом ауле, зажатом двумя горами, почти все связаны по рукам и ногам беспросветной нуждой.

Долат еще утром ушел в лес нарубить дров. Надеялся, что кто-нибудь одолжит ему упряжку волов, и он отвезет дрова на продажу в равнинное село, заработает немного денег. Что-то долго не видно его. Что с ним, куда он запропастился? Он ушел в лес голодный и без крошки хлеба. Ацырухс тревожится, не приключилось бы беды какой с ним в лесу.

Начало смеркаться. Ребенок устал от слез и заснул, жалобно всхлипывая и причмокивая губками во сне.

Долат внезапно возник в проеме двери. Голова не-

покрыта, дряхлая овчина повисла на нем лохмотьями. На мертвенно-бледном лице запеклись капли крови. Под глазом расплылся огромный синяк. Он закачался на пороге и свалился без чувств.

— Горе обрушилось на мой очаг! — царапая щеки, бросилась Ацырухс к мужу.

— Мне уже хорошо... не волнуйся, — с трудом приподнявшись, сказал Долат. Опираясь на жену, он дотянулся до лавки и прилег.

— Боже великий, за что ты так разгневался на нас, за что ты караешь очаг наш?! — запричитала в углу старуха, пытаясь встать.

— Не поднимайся, гыцци, если не умру, отомщу им за эту обиду...

— Кто надругался над тобой, да захлебнется он в крови своей?!

— Алдаровы прилипали... из тех, кто лижет ему пятки, застигли меня в лесу, отобрали топор и... Наперекор им выживу... У-у, негодяи! Оставили меня одного в лесу, решили, что я мертв... Очнулся — их уже не было...

— Будь проклят день, когда мы впервые увидели свет, о, святая богородица, какое горе свалилось на наши головы, почему ты не внемлешь нашим мольбам! — рыдала женщина.

Соседи сбежались на шум, узнав о случившемся, погоревали, поохали, но и они не в силах были чем-нибудь помочь.

Один из соседей — Уасил — служил в Тифлисе кучером у какого-то князя. Однажды утром он пришел к Долату, еще не оправившемуся от случая в лесу. Посочувствовав по поводу случившегося, он сказал:

— Долат, вижу, как тяжела и беспросветна твоя жизнь. В такой нужде твоя семья до нового урожая не дотянет... Если ты согласишься, я повезу в Тифлис твою жену. Там я знаю одного алдара. Он как раз ищет прислугу... Может, жена облегчит твои страдания...

Крепко задумался Долат. Предложение Уасила больно задело его. Как же так, ведь он и нужду-то терпел ради Ацырухс, а вот теперь взять и отдать свою жену чужим людям в услужение. Уж лучше он обе руки себе отрубит, но не допустит, чтобы жена батрачила на чужбине!

Голодный ребенок заплакал в люльке. Детский плач сразу остудил его гнев. Вчера кто-то из соседей занес им немного сыворотки и чурека, тем и поужинали, но что они будут есть сегодня?

— Не бойся за нее, Долат. Я не оставлю Ацырухс без внимания. Впрочем, воля твоя. Я ведь из сострадания к твоей семье предлагаю такой выход.

Долго совещались в семье. Наконец, бедность взяла верх...

Ацырухс отправилась с Уасилом в Тифлис. Безжалостная жизнь вынудила ее оставить в люльке плачущего ребенка, в постели большую свекровь, разбитого мужа и отправиться на поиски средств к существованию.

С помощью Уасила устроилась няней к богатому князю. Ацырухс, боясь вызвать недовольство хозяина, не знала отдыха ни днем, ни ночью. Другие служанки, зная, какая страшная нужда заставила Ацырухс пойти в услужение, жалели и старались подкормить ее, то тайком, то явно. Через некоторое время Ацырухс расцвела. Превзошла красотой и хозяйку и ее родовитых приятельниц. Сердце князя заиграло при виде распустившейся, как горный цветок, женщины, и в груди его свил гнездо гнусный замысел.

Как-то раз Ацырухс сидела с маленьким сыном хозяина во дворе под развесистой шелковицей и с грустью вспоминала родной аул. Как там ее несчастная семья, маленький Таймураз?

— О чем грустишь? — услышала она над собой голос князя.

Женщина вскочила.

— Сиди, сиди, — хозяин удержал ее за руку, сам уселся рядом на скамью. У Ацырухс запылало лицо, низко опустив голову, она уставилась себе под ноги.

— Что с тобой, может тебя госпожа наказала?

— Нет, нет! — дрожащим голосом выговорила она.

— А может, соскучилась по семье?

— Да! — вырвалось у Ацырухс. — Очень нуждается моя семья... Сегодня из аула приехал Уасил... Он принес весть: если мой муж к сроку не заплатит податей, его посадят в тюрьму. Если его заберут, то погибнет вся семья...

— Не беспокойся, — улыбнулся князь. Сунув руку в

карман, он достал деньги и, не считая, протянул женщине. — Вот тебе деньги, и если этот человек еще здесь, передай ему их.

— Нет, нет, как я расплачусь за них? — встревожилась Ацырухс.

— Возвращать деньги не надо. Ну, поторопись, как бы твой земляк не ушел! — хозяин сунул ей деньги в руку. — Беги, не то упрячут твоего мужа за решетку!..

Эти слова окончательно вселили решимость в Ацырухс.

— Спасибо, алдар, век буду молиться за тебя! — донеслось до князя уже из-за ворот.

С того дня князь стал для Ацырухс спасителем и благодетелем, ниспосланным ей милосердной судьбой. Хозяин понимал это и старался еще более расположить к себе служанку, подкупая ее бесхитростное сердце мелкими подарками.

Однажды хозяева отправились в гости. К полуночи князь воротился домой под хмельком и постучался к Ацырухс. Женщина испугалась, но, доверившись ласковому, тихому голосу князя, набросила на себя платье и отворила дверь. Войдя в комнату, он закрыл за собой дверь на ключ и положил его в карман.

— Зачем ты дверь запираешь, господин? — встревожилась женщина.

— Так спокойнее будет, — усмехнулся он и подхватил на руки Ацырухс.

Она поняла намерения хозяина и принялась отбиваться. Но он был сильнее, а желание удвоило его силу. Ацырухс взмолилась:

— Не делай этого, алдар, прошу тебя, пощади меня!

— Замолчи, несчастная, я спас твоего мужа от тюрьмы, и пусть он скажет мне за это спасибо! — озверел князь. — Слишком ты хороша для такого ничтожества, как он. Если бы он был мужчиной, не отправил бы такую красавицу из дому...

— Не делай меня несчастной, заклинаю тебя памятью твоих родителей! Я не смогу жить! — вырывалась из последних сил Ацырухс, но сердце князя осталось глухим к ее мольбам.

В ту ночь оборвалась нить любви, связывавшая Ацырухс с мужем.

Вместе с любовью оборвалась и вся жизнь ее.

Вскоре после этого случая к ней приехал из аула Долат. Лицо Ацырухс горело пламенем от стыда. Руки Долата, обнявшего жену, показались ей цепями, в которые ее заковали в наказание.

Поговорив о новостях, разузнав о маленьком сыне, Ацырухс бросилась на шею мужа, и долго сдерживавшиеся рыдания вырвались наружу:

— Забери меня с собой, не оставляй меня здесь, лучше возьми и сбрось по дороге в пропасть! — рыдала она, упав на грудь Долата.

— Ну, как я могу взять тебя, мое солнышко, потерпи еще немного, ведь мы живы твоим заработком, — с болью в сердце утешал он жену. — Я ведь за помощью приехал к тебе...

Ацырухс отпрянула от Долата и уставилась на него.

— Да, за помощью... Град побил наш будущий урожай. А на пороге зима... Опять не миновать голода. О себе я не думаю, но наш сын... Когда я уезжал, он плакал, просил хлеба...

Ноги Ацырухс подкосились, руки, как сухие листья дерева, безжизненно скользнули вниз и упали на колени. Там ее единственное дитя, свет ее очей, может, сейчас умирает от голода, и как она может позволить, чтобы Долат пришел домой с пустыми руками?

После испытанного ею позора она не раз порывалась уйти из княжеского дома, но каждый раз мысль о голодном маленьком Таймуразе удерживала ее. Эта же мысль удержала ее и сейчас. С усилием поднявшись, она пошла к хозяину.

— Алдар, заплати мне жалованье за два месяца вперед... Моему ребенку нечего есть.

Князь достал деньги и, улыбаясь, бросил ей.

Ацырухс, пошатываясь, вышла и протянула деньги мужу.

Долат, увидев деньги, обрадовался:

— Спасибо, моя хозяйюшка! Спасибо, мой ангел, спасла ты нас от гибели. Потерпи еще немного, потерпи...

— Буду терпеть, сколько смогу. О, будь проклята эта жизнь!

— Весной я заберу тебя, непременно заберу, — об-

надеживал Долат жену, но она уже ничего не слышала и не понимала.

Долат ушел, и угас последний луч надежды, согревавший Ацырухс.

II

Выпал снег, завалил дороги и похоронил под своим тяжелым покровом красивые мечты Ацырухс. Что-то неладное происходило с ней. Госпожа заметила ее округлившийся живот, не стала, а может, не захотела искать виновного и выгнала ее из дому в зимнюю стужу. Ацырухс очутилась одна на улице, в незнакомом городе, среди чужих людей. Одна из прислужниц князя сжалилась над ней и взяла к себе в дом. Она же привела какую-то женщину, та поколдовала, дала Ацырухс настойки каких-то трав, и вскоре Ацырухс родила мертвого ребенка. И сама чудом спаслась от смерти.

Слегка окрепнув, нанялась мыть посуду в одном духане, и здесь она привлекала взоры мужчин, которые не всегда оставались без ее внимания. После того, что произошло с ней, Ацырухс больше ничем не дорожила в жизни. Теперь ей было все равно. Так она стала катиться все ниже и ниже, пока не очутилась на самом дне жизни...

Суровая зима, наконец, кончилась. Весна всю буйствовала на узких и кривых улочках Тифлиса, когда в духане появился Долат. Налитыми яростью глазами он разглядел в глубине наполненного чадом и пьяными голосами подвала свою жену, схватил ее за косы и поволок среди застывших от изумления гуляк в выходу.

— Шлюха, я тебе покажу, как путаться нужно! Не за этим я тебя сюда послал! — с размаху ударив Ацырухс по лицу, он выхватил кинжал и только замахнулся, как полицейский схватил его за руку.

— Эй, дикарь, ты что это задумал? — выкрутив руку Долата, он отобрал у него кинжал.

— Пустите, я должен убить ее! — вырывался Долат, но несколько человек уже крепко держали его. Им насилу удалось оттащить его от женщины.

Ацырухс весь день не могла прийти в себя, а когда узнала, что Долат сидит в полицейском участке, бросилась выручать его.

— Прошу вас, господин начальник, освободите моего мужа! — в слезах молила она полицейского.

— Ха-ха-ха! Твоего мужа? Этот неотесанный медведь — твой муж? — у начальника от смеха чуть не вывихнулась челюсть.

— Поверьте, ваше благородие, это мой муж! Он не виноват. Я покрыла его позором, и если бы он даже убил меня, то это было бы справедливо, — лицо женщины залилось краской стыда. — Прошу вас, отпустите его, я сама во всем виновата... Лучше меня арестуйте...

Однако ее слова не трогали начальника полиции. Когда женщина достала деньги.

— Возьми и отпусти его, слышишь?

Полицейский довольно заулыбался.

— Хорошо, хорошо, только... Ночью я приду к тебе...

Грустные, опустив головы, вышли из полицейского участка Долат и Ацырухс. В конце улицы они присели на лавку.

— Почему ты похоронила меня заживо, почему? — после долгого мучительного молчания вдруг взорвался Долат. — Твоя хозяйка рассказала мне о твоих грязных делах... Скажи мне, кто поиздевался над моей мужской честью? Где мне искать этого мерзавца, где?

— Не ищи, не найдешь, — едва слышно выдохнула она.

— Шлюха! — вновь вскипела ярость в сердце Долата. Он занес над ней кулак, но встретился с ее презрительным взглядом, и рука бессильно опустилась.

— Эх ты! Еще грозисься, как ни в чем не бывало!.. А кто пустил меня по этой дороге? Кто уговорил меня бросить грудного ребенка и искать кусок хлеба в чужой постели? Кто? Кто?! Ты, ты один — причина моих несчастий!

— А ты не знаешь, почему я это сделал, подлая?

— Несчастный, ты еще спрашиваешь? Когда ты без конца просил денег, денег, денег, когда говорил, что умираете с голоду, откуда я по-твоему могла взять

столько денег?! — Ацырухс душили рыдания. — Как я умоляла забрать меня отсюда... А теперь нож к горлу приставил...

— О-о, проклятая нищета, какие беды ты обрушила на нас! — кусая сжатые в бессильной злобе кулаки, стонал Долат. — Кабы я знал, пустил бы разве тебя в этот грязный город?.. Но что мне оставалось делать? О, боже праведный, почему ты так несправедлив ко мне, мало тебе было нашей нищеты, так понадобилось еще растоптать в грязи нашу честь!..

Долго, очень долго сидели они, терзаясь горестными мыслями, затем Долат поднялся, потянул за руку Ацырухс:

— Пойдем домой...

— Прости, Долат, я тебе уже не попутчица... Слишком запачкано мое лицо... Уж не отмоеся, — Ацырухс осталась неподвижной.

— Да простит тебе бог этот грех, — проговорил Долат.

— Нет, Долат, если бог простит, люди не простят. Уж лучше мне умереть, чем кто-нибудь попрекнет тебя моим позором.

— Что ты говоришь, идем, идем!.. Все скоро забудется, я проглочу свою обиду. — уговаривал несчастный муж.

— Нет, Долат, я для тебя умерла. Ты дома по мне поминки справь, хотя, знаю, и денег у тебя нет для этого. Вырой на кладбище где-нибудь в сторонке могилу... Пусть мой сын никогда не узнает правду о своей матери...

— Ацырухс, не вынуждай меня наложить на себя руки... Я сам виноват в том, что случилось... Устал я... Мать помирает, ребенок без материнской ласки... Не оставляй меня, — глухо говорил Долат. Но женщина уже не слышала его, уйдя в свои тяжелые думы...

Прошло больше года с того дня, когда Ацырухс умоляла мужа взять ее обратно в горы, в аул. За это время она постепенно забыла своего ребенка. Свою нерастрченную любовь к родному беспомощному существу она отдала чужому младенцу. И сейчас, когда она хочет припомнить облик Таймураза, перед ней встает личико княжеского сына.

— Уходи!.. Вот деньги, они тебе понадобятся, —

женщина достала из-за пазухи деньги и протянула их мужу.

Долат выхватил смятые бумажки и швырнул их наземь.

— Ты и в самом деле потеряла совесть! — плюнул ей в лицо Долат и, круто повернувшись, зашагал прочь.

— Долат! — простонала Ацырухс, потянувшись бы-
ло за мужем, но бессильно упала на скамью. — Прощай... Прости меня! — беззвучно шептали губы, и слезы потоком лились из глаз.

И снова потекла — покатилась тифлисская жизнь Ацырухс. Она нанималась в услужение к городским богатым: то няней, то горничной, то прачкой... Потом познакомилась и подружилась с одной женщиной легкого поведения, и зловонная трясина окончательно затянула ее.

Так прошло несколько лет. Теперь Ацырухс мало напоминала горянку, которая впервые очутилась в большом и шумном городе. Жизнь научила ее быть хитрой и осторожной. Она осознала, что до такого порога ее довела нищета и всей душой возненавидела тех, кто своим богатством толкал бедных людей на дно жизни. Она решила мстить этим самодовольным богачам оружием, доступным женщине... Она даже умудрилась пару раз выйти замуж за состоятельных людей, но почему-то через месяц-другой снова оказывалась на улице.

Давно ушли в прошлое и бедность юности, и жизнь в ауле, и Долат с ребенком, но где-то в душе затаился страх перед будущим, когда увянет ее красота и она станет никому не нужна. Этот страх и привел ее в духан Маркоза. Здесь-то ей и подвернулся Дотти. Старый легкомысленный сом попался на ее удочку, опытная Ацырухс вскружила Дотти голову.

«Старик не долго протянет, — рассуждала она, а после его кончины не трудно будет распродать наследство, махнуть обратно в город и там доживать свой век в довольстве и утехах».

И вот когда выношенный план уже был готов к осуществлению, на ее добычу напала щука, готовая проглотить не только сома, но и рыболова. И кто мог подумать, что ее врагом окажется этот парень, внешне простодушный Солом. Думала, перебирала Ацырухс

разные способы избавления от опасности, но ничего путного придумать не могла. Наконец, она решила коварством и мягкостью обхождения перетянуть Солыма на свою сторону...

Солым опасался, что после вчерашнего разговора Ацырухс натравит на него отца, старик не станет разбираться, кто прав, а кто виноват, возьмет и выгонит Солыма из дому. Всю ночь он ворочался с боку на бок, встал рано утром и отправился на перевал. Вечером, когда он возвратился домой, навстречу ему вышла улыбающаяся Ацырухс.

— Скажи, пожалуйста, парень, где ты пропадал целый день?

Солым внимательно взглянул на матеку и понял, что его вчерашний удар оказался точным. Его охватила гордость, словно он одержал великую победу. Сказал ласково:

— Спасибо, мать моя, что ты так обо мне заботишься, — и впервые за долгое время с удовольствием сел за ужин, приготовленный Ацырухс.

Когда осоловевший от сытного ужина Дотти ушел на свою половину, Солым шепнул на ухо Ацырухс:

— Вот так-то, матушка, мне приятно, что ты взялась за ум. Отныне твой путь будет более гладким.

— Ты с такой ненавистью смотрел на меня, что я должна была тебя бояться, так что ты сам виноват, что мы не сразу поняли друг друга.

— Да, но теперь мы хорошо понимаем друг друга... Ты нужна мне, а я нужен тебе, давай жить без обид, дружно...

— Куда ты запропастилась, жена! — догнесся из соседней комнаты дребезжащий голос Дотти. — Ах, вы еще за столом... Не жгите керосин зря!

— Слышишь, стоит на краю могилы, а трясется над каждой копеечкой, — усмехнулся Солым.

— Не говори о нем так, — укоризненно взглянула на него Ацырухс.

— Ладно уж, иди, пока он не выскочил к тебе с палкой...

С того дня Солым и Ацырухс стали очень «дружны». Женщина думала: «Как только появится ребенок, заставлю мужа отделать Солыма, получу свою долю, а там уже опасаться нечего». Совсем иные мысли вол-

повали Сольма. Ни днем, ни ночью не давал ему покоя ребенок, который рос во чреве Ацырухс. Если он явится на свет, половины отцовского наследства не падать Сольму, как своих ушей. Нет, не мог он этого допустить! Долго думал, но не мог найти верного способа избавиться от еще не родившегося младенца. Но однажды такая возможность подвернулась.

Бочки с рассолом для сыра летом хранились в погребе, вырытом в сарае. В погреб спускались по лестнице. Доставать сыр из кадки было обязанностью Ацырухс. Сольм знал это и выбил одну ступеньку в лестнице, а потом незаметно положил ее на место. На следующий день из погреба раздался душераздирающий крик. Сольм и Дотти, мирно беседовавшие во дворе, бросились на помощь. Заглянули в погреб — Ацырухс лежала среди бочек, обливаясь кровью. Ступенька подвернулась под ее тяжестью, она полетела вниз и упала животом на бочку. Сольм, не раздумывая, прыгнул в подвал. Осторожно поднял на руки женщину и подал ее наверх Дотти. Ацырухс лишилась чувств. Ее занесли в комнату. Сольм позвал соседок. Женщины окружили несчастную, привели ее в чувство, и после долгих мучений у нее родился мертвый ребенок.

Целый год она проболела. Похудела, подурнела, детей у нее уже не могло быть.

Сольм радовался своему очередному успеху, приблизившему его еще на шаг к заветной цели. Без лишнего шума он избавился от своего неродившегося соперника.

Дотти тяжело переживал случившееся. Старик становился все более дряхлым. Ничего он не жалел для Ацырухс, даже врача привез из Чреба.

Рухнули надежды Дотти и Ацырухс. Ничего больше на радовало Ацырухс, ни к чему она больше не стремилась. Только рассказывалась в том, что соблазнилась добром этого старого осла и сама чуть не потеряла голову. Никогда прежде не страшило ее будущее так, как сейчас, болезнь подорвала ее веру в себя. Вспомнила, как Долат много лет назад уговаривал ее вернуться домой, и вот сейчас пожалела, что не согласилась уйти с ним. Долат и потом несколько раз искал с ней встречи, но Ацырухс избегала его. Интерес-

но, каким стал ее сын, которого она когда-то оставила в люльке грудным младенцем? Взглянуть бы хоть краешком глаза на него! Где-то в глубине души возник и тут же погас тусклый огонек надежды. Отыскать их? Но с какой совестью! Когда нужна была им, не пришла, а теперь, став немощной, возвратилась?

Ошиблась, очень ошиблась Ацырухс! Пошла она по несправедным дорогам жизни, оказалась среди хищных волков, пыталась уберечься от них, но они растерзали ее. Попробовала было бороться с ними и вот результат — сама разбита...

Она возненавидела мужа и пасынка лютой ненавистью. Чувствовала, что Солом задумал очередную гадость, но поди узнай, что именно, слишком хитер этот парень. И здоровье у нее уже не то, а то бы так легко она не сдалась... Эти тягостные мысли не давали покоя Ацырухс. Если раньше ей удавалось быть ласковой и нежной с Дотти, то теперь старик стал ей противен. Раньше она играла в любовь, и это так будоражило медленно текущую в жилах кровь Дотти, что он души не чаял в своей жене, возвратившей ему ощущение молодости. Но теперь Ацырухс больше не волновала пылкость старика. Этот похотливый козел ей больше не нужен. Ацырухс перестала его близко подпускать к себе. Дотти от этого окончательно лишился разума.

В том, что жена так круто изменила к нему отношение, Дотти обвинял сына. Какое-то чутье подсказывало ему, что несчастье с женщиной произошло не без участия Солома. В тот же день он сам осмотрел лестницу и убедился, что ступенька была выбита. Подозрение пало на Солома. Сын превратился в самого лютого врага, но объявить ему открытую войну он не решился. Лучше тайком от него составить завещание на имя Ацырухс. Старик понимал, что после его смерти Солом не даст ей житья в этом доме. Поделится своими опасениями с женой, но та сделала вид, что не понимает, о чем идет речь, и Дотти не получил никакого ответа. Из-за этого проклятого наследства Ацырухс чуть было не погибла, и нет у нее желания вторично испытывать судьбу. Да и сил для борьбы с Соломом у нее уже не осталось...

Но Дотти все же настоял на своем. Тайком пере-

говорил с сельским старостой Кази о своем желании оформить завещание в пользу Ацырухс. Документ еще не был составлен, как Кази, приятель Солыма, тут же сообщил ему о намерении отца.

Для Солыма это сообщение было как гром среди ясного неба. Попросив Кази исчезнуть на несколько дней, он твердо решил убрать с дороги последний камень...

III

На следующее утро Дотти заглянул в канцелярию, но писарь сказал, что Кази на рассвете уехал в Чреба. Старик не солоно хлебавши воротился домой. Во дворе он застал Солыма, торопливо седлавшего лошадей.

— Куда собрался? — нахмурился Дотти.

— В кошаре какое-то несчастье случилось и нам обоим надо ехать, не мешкай, отец! — взволнованно объяснил сын.

— Что еще там стряслось?

— Я сам толком ничего не знаю. Прибежал сын Барсага, маленький Ахсартаг, и принес эту весть. Ну, не медли, собирайся поскорее...

— Съездил бы сам.

— Э-э, нет! Отары принадлежат тебе, ты и так каждый раз упрекаешь меня, что вмешиваюсь в твои дела, вот и решаю сам, как знаешь. Я не стану отвечать за твое добро, — заупрямился Солым.

Спустя некоторое время в сторону перевала проехали два всадника. Углубившись в ущелье, они свернули на тропинку, ведущую к перевалу. Здесь Солым придержал коня.

— Отец, лошади некормлены, по этой тропинке им не взобраться. Поедем по дороге, по которой волокут лес, это немного длиннее, но зато там подъем менее крут, лошадям будет легче, — Солым повернул коня вглубь ущелья.

Едут по ущелью отец и сын. Обогнули у подножия Черную скалу и стали подниматься в гору. Эта дорога на перевал пологоа. Но зато опаснее. Тропа вьется по отвесной скале, на которой громоздятся груды огромных глыб. Громада камней едва держится на краю от-

коса. Стоит только потревожить их — лавина сметет все на своем пути. Избегая опасности, по тропе никто давно не ездит, и люди стали уж забывать о ней.

Угрожающе нависшая каменная громада бросилась в глаза Дотти, и сердце его сжалось в тревоге:

— Парень, почему ты повел меня по этой дороге? Или не видишь вон это? — старик указал плетью на край скалы.

— Вижу, отец, вижу, у меня все наперед обдуманно, — ответил сын и спрыгнул с коня.

— Назад! — Дотти круто развернул лошадь, но Солом крепко ухватился за поводья.

— Обратной дороги нет! Только по этой... Вперед поедешь ты!

— Почему?! — лицо Дотти искривилось. — Что все это значит?

— Слезай с коня!

— Прочь с дороги, сопляк! — не своим голосом взревел Дотти.

— Не ори! До сих пор ты властвовал, а теперь мой черед настал! — Солом резко рванул коня за узду, и старик, как куль муки, рухнул на землю.

— Что ты задумал, проклятый? — спросил Дотти, поднимаясь с земли и держась за ушибленные места.

— Ты должен умереть, — бесстрастно, словно общал отцу нечто обычное, ответил Солом.

— Я?! Умереть?! — дико вращая глазами, заорал старик.

— Да, ты!

— Что я плохого тебе сделал, отцеубийца, как могла прийти тебе в голову эта чудовищная мысль? — дрожащим голосом залепетал перепуганный старик.

— Что посеешь весной, то взойдет осенью, отец мой. Или забыл, что ты сделал с моей матерью? Ну, конечно, больная она тебе уже была не нужна, ты и угостил ее беленой. И правильно сделал, она камнем стояла на твоём пути, надо было избавиться от нее. Что же, теперь вот ты мешаешь мне... Привез какую-то шлюху и хочешь все свое наследство оставить ей! А меня, своего сына, сделать нищим! Но у меня нет желания подышать нищим, слышишь?! — шипел Солом. — Я еще жизни не видел, лучше умри ты! Ты прожил

свое. Бог свидетель, я не совершаю ничего плохого. На моем месте ты поступил бы точно так же...

— О-о, предатель! Змею ядовитую пригрел я на своей груди! — старик в бессильной злобе заскрежетал зубами. — Знал бы раньше, задушил бы собственными руками еще в колыбели!!

— Змея от змеи рождается, а волк от волка, — хладнокровно поддразнил Солым. — А когда змея начинает жалить, ей отрубают голову.

— Сжался надо мной, ведь я дал тебе жизни!.. Бог накажет тебя за такое зверство, не делай этого! Не обагрйай свои руки отцовской кровью! — старик уже ползал на коленях по каменистой тропе.

— Какое же ты ничтожество! — с ненавистью и презрением процедил сын. — Поднимись, и если ты мужчина, прими смерть, как подобает мужчине! Выбирай любую из двух дорог к смерти: пропасть или вот это, — Солым указал пальцем на нависшие над тропой камни. — Не устраивает? Тогда вот тебе третий способ умереть, — Солым вытащил из кармана склянку с настоем белены. — Это то, чем ты убил мою мать. Правда, мучиться тебе придется долго... Гыщи страдала всю ночь... Думаю, другие способы будут менее мучительны. Быстрее решай! Закрой глаза и ты очутишься в раю... или в аду...

— О, боже милостивый! — обреченный умоляюще простер руки к небу. — Воздай моему сыну по заслугам! Почему я позволил затащить себя сюда?

— Дома такой возможности не представилось бы. А здесь, люди скажут, прошла лавина и унесла всадника с конем в пропасть. Пора, отец. Умрешь, как мужчина, похороню тебя с честью. Если предпочтешь позорную смерть, не жди даже поминок. От своего большого добра ты даже куска хлеба не получишь в стране мертвых¹.

Дотти, наконец, осознал, что настал последний час его жизни. Ах, кабы была в его теле прежняя сила, он бы показал этому выродку!.. Но, увы, одряхлел он

¹ Стародавнее поверье: помпальный стол стоит и перед покойником в стране мертвых. Если время от времени не устраивать поминок, покойник будет голодать на том свете, просить милостыню.

уже... Хотя где-то в глубине души он понимает правоту сына, на его месте и он поступил бы так же. Яблоко от яблони недалеко падает... Сын пошел в отца... Но Ацырухс останется одна... О, свирепый хищник! Расправится с ним, затем примется за мачеху. Как она просила его держать ухо востро с сыном. Вот теперь-то ясно, по чьей вине Ацырухс упала с лестницы! Вмиг мысли об Ацырухс заслонили от старика нависшую над ним угрозу, и он завизжал:

— Парень, она не виновата! Не замышляй против нее дурного! Когда она умрет, похорони ее рядом со мною, — слезно молил Дотти. — Поклянись мне!

— Клянусь! Я и сам знаю, что к подлости, которую с Кази вы задумали против меня, она не причастна. О ней не беспокойся, я позабочусь. Ну, что ты еще хочешь сказать?

Старик медленно поднялся, еще раз обвел взглядом мрачные скалы. И вдруг одна смелая мысль осенила его. Если умирать, то вместе с тем, кто жаждет его гибели. Пусть все его добро останется Ацырухс. Молниеносно выхваченный из ножен кинжал разрезал воздух, старик ринулся на сына.

Но стремительный выпад оказался тщетным. Солым ловко увернулся. Старик не удержался и с разгону полетел в пропасть, снизу донесся его протяжный крик.

— Старый пес, не хотел умереть достойно, подыхай, как собака! — отряхнув пыль с одежды, он сплюнул вниз, вслед отцу. Чтобы предупредить возможные подозрения, Солым столкнул в пропасть и худшую из лошадей. А сам поспешил в аул поднять тревогу.

Соседи не особенно горевали по покойнику. На поминках посидели только для приличия и поспешили разойтись по домам.

Через неделю после похорон отца Солым сделал неплохой подарок Кази из отцовской отары, чтобы тот держал язык за зубами. О Дотти в ауле забыли навсегда.

IV

Теперь у Солыма были развязаны руки, и он хитростью и обманом стал доводить до конца задуманное.

Никто больше не препятствовал ему, никто не внушал опасения.

Не страшна была ему и Ацырухс. Она до конца осознала свое положение и со страхом ждала, когда Солым наконец скажет ей: ну, а теперь уходи туда, откуда пришла. Этот страх ожидания совсем доконал ее. Она с каждым днем теряла все больше сил. Угасала, олекла, подобно осенним листьям, ее бывшая красота. И здоровья прежнего не было, чтобы начать новую жизнь, попытаться найти какую-нибудь работу. Чем дальше катилось колесо времени, тем настойчивее подтачивала ее мысль о завтрашнем дне.

Несколько раз она пробовала заикнуться:

— Ну, а мне что делать?

— Живи себе, кров у тебя есть, никто тебя не гонит, — отвечал Солым. — Мне пока жениться некогда. Другие у меня сейчас заботы, а дом без хозяйки, что дом без добра. Знаю, ты ненавидишь меня, но нам нужно жить вместе, иного выхода нет...

— Боюсь, что и меня ожидает судьба твоего отца, — содрогнулась Ацырухс.

— Отец нашел то, что искал... Солым никого не потревожит, если его самого оставят в покое. Но не одобровать тому, кто вздумает обвести меня вокруг пальца!.. А о будущем не тревожься. Все будет зависеть от тебя самой...

И Ацырухс больше никогда не заговаривала с Солым об этом. Работала, не жалея сил и здоровья, была хорошей хозяйкой в доме. Она покорилась своей судьбе.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

I

В зените лета, в сенокосную страду, Солым поднялся на перевал проведать свои отары. Завтра, когда и на его луга выйдут косари, у него уже не останется времени для этого. На обратном пути он решил еще раз осмотреть свои луга, чтобы вернее расставить косарей. Не успел он дойти до зарослей белены, как снизу, где расстилались покосные земли Хунцела, до него донесся свист кос. Солыма задело, что эта старая

лиса обскакала его, наняв косарей из бедных безземельных крестьян. Не хотелось встречаться сейчас с Хунцелом, но нужно было узнать, кто у него работает. И он свернул к шалашу косарей.

Калимат принесла косарям обед. Дружный пошвист кос разбудил в ее сердце приятные воспоминания о давно минувшей поре отрочества, когда она с отцом ходила косить... Счастливое и веселое было время. Только недолговечны, как след падающей звезды, были те дни: промелькнули и угасли. Лишь память хранит радостное воспоминание о безвозвратно ушедшей юности...

Когда косари расположились в кружок и принялись за еду, Калимат как бы между прочим сказала:

— Было время, и я умела косить...

— А сейчас? — спросил молодой косарь Цора.

— Давно это было, — тяжело вздохнула женщина.

— Я сейчас даже имя свое забыла.

— А ну-ка попробуй, Калимат, — не отступал Цора.

— Ой, что ты, жалко косу портить, — испугалась Калимат.

— Не велика беда!

— Только не смейтесь, — Калимат взяла косу и пошла к краю луга.

Неуверенный взмах косой. Второй взмах, шире первого, но коса вонзилась в землю.

Неудача не остановила Калимат. Постепенно взмахи стали свободнее, размереннее, и вскоре густая сочная трава ароматной волной легла в прокосе.

Вначале, когда дело не ладилось, косари, не желая огорчить невестку хозяина, подбадривали ее криками одобрения, а когда в сильных руках Калимат коса заиграла, как живая, и трава целыми охапками стала валиться на землю, они от изумления рты пораскрывали.

— Вот это да! — почесал в затылке Цора.

Солым подошел к косарям.

— Кто эта женщина, что-то не узнаю?

— Хунцелова невестка, Калимат.

— Неплохо косит...

— Сильнее, видимо, женщины не рождалось...

— Сильна-то сильна, да несчастна, — вздохнул

Цора.

Солым продолжал смотреть вслед Калимат, напряженно прищурив глаза.

На согнутой спине женщины вздрагивали две толстые косы в такт движению рук. Тонкая талия, изгибаясь в размеренном ритме, казалось, вот-вот переломится.

Солым, не долго думая, схватил лежащую на свежескошенном валке косу. Зашагал к краю луга, откуда начинала свой прокос Калимат. Солыму не в новинку была косьба. Отец душу из него выматывал на сепокосу, выгадывая копейку на батраках.

Калимат не заметила, кто шел за ней. В эти минуты она мысленно перенеслась в свою юность. И казалось ей, будто с отцом косят наперегонки. Вот Саго догоняет ее, и коса в руках Калимат ходит все быстрее и быстрее, только и слышно: вжик! вжик! Счастливая гыщи на краю поля наблюдает за состязанием отца и дочери: «Скорее, доченька, он настигает тебя!»

И Калимат пошла еще сноровистее, сверкающая на солнце коса вспыхивала короткими ослепительными молниями. Вот и конец луга. Можно перевести дух. Оглянувшись — и враз развеялись сладкие сны! Ее настигал не отец, а Солым. Женщина смутилась, опустила глаза.

— Не смейся надо мной... Вспомнила свои юные годы, — пробормотала Калимат.

— Уаллай, я не знал, что ты такая!.. — протянул удивленный Солым. На мгновенье его взгляд встретился с ее быстрым взором.

— Какая «такая»? Обыкновенная... — еще больше смутилась она.

— Клянусь богом, говорю правду! Посмотри сама, даже лучший косарь не похвастается таким прокосом...

Калимат приятно была похвала Сольма. Давно не приходилось ей слышать добрые слова. Калимат благодарно взглянула на него.

— Пройдем-ка еще разок, — предложил он.

— Нет, нет, я не осмелюсь тягаться с тобой, — запротестовала она. — Лучше пойдем к шалашу, отобедай с нами.

— Спасибо, Калимат, времени нет. Но я с удовольствием выпил бы холодной водички. Здесь, говорят, родник есть...

— Сейчас я принесу тебе. Посиди пока с косарями.

Калимат взяла кувшин и отправилась за водой. Солым подсел к косарям. Крестьяне тоже предложили ему отобедать с ними, но Солым и на этот раз отказался.

Родник был недалек, и пока Калимат возвращалась с водой, косари уже спешили на дальний край луга. Солым торопился по делам, но какая-то неведомая сила удерживала его. Калимат с кувшином в руке подошла, запыхавшись, и подала его Солыму...

— Прости, Калимат, хлопот я тебе доставил...

— Гостя следовало бы угостить аракой, но мой свекор своих работников не балует, — оправдывалась она, словно в чем-то провинилась.

— И правильно делает, — Солым поднес кувшин с водой к губам. Запрокинув голову, встретился взглядом с Калимат и, будто пламя пробежало по его телу с головы до пят. Таких удивительных глаз он еще ни разу не видел ни у одной женщины. Светятся каким-то таинственным пламенем, прожигают насквозь, пленяют сердце... Что-то странное происходит с Солымом, не может он опустить кувшин, оторваться от этих глаз. Пьет студеной воду с жадностью, словно она может охладить жар, охвативший его.

Вода по усам стекала за распахнутый ворот бешмета. Женщина улыбнулась.

— Уаллай, облился, как ребенок, — сконфузился он и отряхнул капли воды с одежды. — Такой вкусной воды никогда в жизни не пил. Спасибо, Калимат.

Пока женщина не скрылась из виду, Солым завороченно глядел ей вслед. Потом рванулся за ней. Какая-то непонятная сила влекла его. Наконец, он отрезвел и круто изменил путь...

Давно пора жениться Солыму. Много на свете красивых девушек, богатых да знатных. Но ни одна женщина никогда не вызывала в нем таких сильных чувств. Калимат покорила его сердце. Чужая жена... Да чья она жена? Этого умалишенного Габа. И такому ничтожеству досталась такая женщина... Какие у нее глаза!.. Как он не замечал их раньше? Правда, Калимат нечасто выходит из дому. Всего несколько раз видел ее Солым... И каждый раз глаза ее были потуплены, лицо прикрыто шалью.

С того дня Солом стал искать встречи с Калимат. Долго не выпадал подходящий случай, не удавалось встретить ее одну. Но однажды весенним вечером во дворе Солома появилась Калимат и смущенно проговорила:

— Свекор послал меня... У нас на мельнице жернов сломался... А сам свекор болен, некому починить его... Если ваша мельница не занята, разрешите смолоть мешок пшеницы. Заплатим вам...

— Ты обижаешь меня, Калимат, о какой плате может идти речь! Завтра, правда, мельница будет занята: для араки мне немного муки смолоть нужно. Но сегодня весь вечер и ночь мельница будет в вашем распоряжении, — согласился Солом.

— Да отблагодарит тебя бог!

— Зайди в дом, — пригласил Солом.

— Спасибо, у меня нет времени. Пойду, подготовлю зерно...

Солому вовсе не нужна была завтра мельница. Он знал, что Хунцел нездоров, сегодня ночью на мельнице останутся Калимат и Габа. Свекровь Калимат Дуду почти потеряла зрение и совсем не выходит из дому, так что ее на мельнице не будет. Ну, а что касается Габа, то Солому безразлично, будет он рядом или не будет...

Но под каким предлогом он явится к ним?

В коварной голове Солома мелькнула хитрая мыслишка и достойно увенчала его коварный замысел.

II

Миновало время ужина, когда Солом постучал в дверь мельницы.

— Эй, хозяйева, не пугайтесь, гость к вам идет!

Дверь открылась, и Габа высунул голову наружу:

— А кто боится? Посмотри сюда, здесь мужчина есть!

— Добрый вечер, простите, что побеспокоил. Совсем забыл предупредить тебя, Калимат. В последний раз, когда молот зерно, я приподнял жернов. А сегодня вспомнил об этом и подумал: жаль, пропадет зерно, мука не получится, если вовремя не заметите. Ну вот, не зря я опасался, вон какой крупный помол...

— Горе мне, а ведь верно, — протерла муку между пальцев Калимат.

— Вот-вот, говорил же я тебе, невестка, а ты не слушаешь, — обиженно протянул Габа.

— Это кто тебе невестка? — удивился Солом.

— Да ну его, он меня так называет. Слышит, как свекор и свекровь обращаются ко мне, и повторяет... — смутилась Калимат.

— Солом, Солом... Не слушается она меня... Не верит... Я говорю ей, — вертелся Габа вокруг Солома. — Вон видишь? Кто крутит эти большие камни? Она говорит вода, а я — черт. Он сидит под камнем и крутит... Крутит... Слышишь?.. Скрежет его зубов... Не веришь?.. Пойдем, покажу, — несчастный Габа вцепился в руку Солома и потащил его наружу.

— Подожди-ка, Габа, закончим сперва работу...

— Мы будем молоть; а черти муку съедят... Знаешь, как зовут черта? Хунцел...

— Твой отец?

— Да, баба у них самый старший...

— Сядь вон там, слышишь? — Калимат не выдержала, и Солом понял, как тяжело ей слышать при постороннем глупую болтовню мужа.

— Пусть говорит... — успокоил он женщину.

— Надоело слушать... С ним скоро и сама с ума сойду! — женщина безнадежно вздохнула.

— Надо бы приподнять жернов, но чем?

На мельнице не нашлось длинной крепкой палки.

— Габа, а ну-ка сбегай к нам домой. Там, во дворе, лежат жерди. Принеси одну...

— Я! — вскочил на ноги Габа. — Лечу! Одна нога там, другая здесь...

И мгновенно скрылся за дверью.

— Спасибо за заботу, Солом. Пропало бы наше зерно. А потом слушай бесконечное ворчание свекра, все ему не так, все ему не этак, — поблагодарила Калимат. — Прости меня, даже присесть не предложила.

— Калимат, кто знает, может мне и неприлично было являться в столь поздний час сюда, но я догадывался, что свекор мог поругать тебя, и потому позволил себе такую смелость. Что мне делать, нет у меня сил видеть спокойно, как ты страдаешь...

— Да отблагодарит тебя господь за доброту, — заикаясь, проговорила Калимат. — Хоть ты меня пожалел...

— Господь не всегда справедлив. Недостойным счастье дарит, достойных без доли оставляет...

— Почему ты так говоришь? Ты-то уж будешь счастливым. Девушка, красивее и богаче всех, станет твоей...

— Сердцу не прикажешь, Калимат... Своенравно оно, непокорно. Поступи вопреки сердцу — и всю жизнь будешь раскаиваться...

Калимат молча слушала.

— Вот ты обманула свое сердце... Впрочем, у тебя и выхода не было... Разве ты счастлива?

Тяжкий вздох вырвался из груди молодой женщины.

— Молчишь?

— Ты же сам знаешь... — прошептала она.

— Тогда слушай... Я тоже боюсь ошибиться...

— Мужчины вольны в своих поступках... Выбирают, кого пожелают. Это женщины несчастны.

— О, нет, Калимат, коли сердце не выберет, я не смогу... Прости, если тебе неприятен такой разговор, но... У меня ведь сердце бьется в груди. Болит оно, вот я и говорю...

— Говори... Говори...

— Вижу, как страдаешь ты. Не обижайся, но ведь ты человек! У тебя из груди вынули сердце и... прости, украсили им грудь этого полоумного Габа...

— Ты оскорбляешь меня...

— Нет, не оскорбляю. Пусть тогда небо свершит свой праведный суд надо мной! Вот что я хочу сказать. Ты словно заснула, жизнь проходит мимо тебя. Проснись, пока молода. Завтра уже будет поздно!

— Была у меня одна жизнь и не стало ее. Второй я не хочу...

— Пойми, человек живет только один раз... Прости, но я должен сказать тебе...

— Что ты хочешь сказать? — насторожилась Калимат.

— Одному из нас не жить в этом ауле... Но чем тебе страдать, уж лучше пусть моя голова сгорит в пламени страданий.

— Горе мне, в чем я провинилась перед тобой?

— Это я, я сам во всем виноват!

— Не понимаю...

— Люблю тебя, Калимат...

— Что ты сказал, что? — оборвалось в груди сердце Калимат, и она газелью метнулась к двери.

— Постой, куда ты? — схватил ее за руку Солим.

— Я еще не кончил... Ты не убегай, я сейчас сам уйду... Слушай... с того дня, как я увидел тебя на твоей свадьбе, не мыслю жизни без тебя, вся жизнь моя превратилась в ад. Хотя бы знал, что ты счастлива, клянусь, вырвал бы любовь из сердца. Но вижу я твои страдания... И не могу больше сдерживать себя...

— Позор пал на мою голову!.. У меня есть муж, и мне не пристало выслушивать такие слова, — замерев от страха у двери, простонала Калимат.

— Разве моя любовь постыдна? В чем моя вина, коли бог наградил тебя таким прекрасным лицом, стройной фигурой и волшебными глазами? Это не моя вина, а твоя...

— Крови ты ищешь! Замолчи, замолчи!

— Не крови ищу, Калимат, нет! Жизни ищу для тебя и для себя тоже. И если ты согласна, — он приблизился к ней, — завтра вечером я буду ждать тебя на мельнице...

В дверях, тяжело дыша, появился Габа. Он тащил за собой несколько толстых жердей.

— На! С трудом дотащил... А отец говорит, хлеб даром ешь... Видите? — вне себя от гордости, Габа надулся, как индюк.

— А одной жерди недостаточно было? — не удержался Солим, чтобы не съязвить. Он рычагом поддел жернов и посадил его на место. Попрощавшись, Солим ушел.

Габа смотрел ему вслед с раскрытым ртом.

— А если бы одна сломалась, то пришлось бы за другой бежать, так, что ли?.. Почему драпанул Солим?

— Зачем же ему оставаться здесь?

— А разве он волк, чтобы от людей бежать?..

— Хуже волка! Убийцы, мучители мои, будьте прокляты! Прокляты! Прокляты! — разрыдалась Калимат и, как подкошенная, упала на мешок с зерном.

III

С самого вечера из щели в углу, не переставая, тревожно стрекочет сверчок, будто тревогу бьет: «Проснитесь, скорее, проснитесь! Задержите ее!»

Но никто не слышит его, никто не вскакивает с теплой постели. Храпит в углу темной комнаты Габа, за стеной, в соседней комнате, спят Хунцел и Дуду.

Устал сверчок. Нет больше сил верещать, замолк.

Мучается, не спит Калимат. То и дело вскакивает, на цыпочках крадется к двери, но не прикоснувшись к задвижке, вздрагивает и стремглав бросается обратно в постель.

Проснулась любовь в сердце Калимат!

С того дня, как она вошла невесткой в этот ненавистный дом, погасли ее красивые мечты о любви. Погасли под слоем коварства, как угольки под золой. Но вчера на мельнице Солом сдул с угольков пепел, они затеплились, и вдруг налетел ветер, раздул огонь, и жаркое пламя любви вспыхнуло в ее сердце. Напрасно Калимат пытается обуздать свое чувство. Оно, как необъезженный жеребец, рвет узду из рук, увлекая за собой Калимат — и тогда она вскакивает с постели... Но стыд и законы предков настигают ее у самого порога. Разгоряченные мысли и чувства разбиваются о порог, и Калимат вновь падает в постель.

И начинается все сначала...

Полюбила, ой полюбила Калимат... В пору ранней юности, когда чувства свежи, как распутившаяся на рассвете роза, хранящая в своей хрупкой глубине целомудренные слезы росы — в эту пору Калимат не довелось испытать любви.

Когда привезли ее в дом мужа, она положила на алтарь семьи свою любовь нетронутой, нерастраченной, чистой. Но Зораевы растоптали ее в грязи. С тех пор живет она без любви, с пустым, холодным сердцем.

Но вчера все перевернулось в ее душе. Явился гот, чей образ столько лет подряд приходил к ней по ночам со словами: «Люблю тебя!». Он сказал ей вчера эти слова.

«Любит, любит» — звенит в ее ушах.

О, святая богородица, услышь и ты! Она уж и

ждать перестала, что кто-нибудь когда-нибудь скажет ей: «Люблю тебя, люблю». И вот вчера...

«Любит меня, любит!» — звенит в ушах. «Из-за меня столько лет страдает, не женится... А я, глупая, убегаю от него. Ах если бы я знала... Летом на сенокосе, когда я дала ему напиток... Как он пожирал меня глазами! Разбилось на две части мое сердце... Как ловко он владеет косою, как ладно сидит в седле... А конь его похож на Арфана... Арфан? Боже мой... Видимо и вправду я была мертва, если смогла забыть Арфана... О, моя несчастная голова, как дешево тебя продали... Господи, о чем я говорю, грешная... У меня ведь есть муж! Муж?.. В таком случае и пень может быть мужем... Вечно дурацкая улыбка на слюнявых губах... Тьфу! Хотя Габа ни в чем не виноват. Несчастный, жалко его... Он так привязался ко мне, что и от малой обиды плачет, как дитя... Послушен, покорен... как собачонка...

Невинна я, так же невинна, как и тогда, когда покинула отчий дом. Совесть моя чиста перед богом.

...Любит меня, любит!.. Там, на мельнице, он ждет меня сегодня ночью... Сегодня ночью или... никогда!»

«Да, никогда! — женщина задрожала. — Что скажут люди?.. Люди... Люди... А что сказали люди, когда мой свекор своего племянника прислал ко мне под видом сына-жениха?.. Не боюсь я больше никого... Проснулась я, проснулась! Солим, свет очей моих, бегу к тебе, бегу!»

Калимат выпрыгнула из постели.

Сверчок опять тревожно застрекотал: «Проснитесь, догоните!»

Но Калимат уже растворилась в ночной мгле.

IV

Калимат расцвела. Куда-то исчезла ее прежняя хандра, выплеснулась хмурость из глаз, взамен в них зажглись искры. Работа так и спорится в ее руках. И характер у нее изменился: не прощает обид, стала смелой и уверенной в себе.

Хунцел все замечает, заметил он и перемены в не-

невестке. Его покорная, безропотная сноха, которую он называл метлой в доме, от которой он слова громкого не слышал, теперь стала нетерпимой к придиркам, огрызается. Где-то в глубине души Хунцел нашел объяснение таким изменениям в нраве невестки: женщина недовольна своим мужем, вот и портится ее характер...

Как-то вечером он возвращался с ныхаса. Подходя к дому, услышал веселый хохот невестки.

— Этого еще не доставало! Ее рев на весь аул слышен! — вскипел Хунцел и поспешил в дом сурово отчитать сноху. Распахнул калитку и остолбенел: невестка оседлала верхом Габа, и тот, закатившись в идиотском смехе, возил ее по всему дому. «Во всей Осетии не случилось еще такого позора! Бездомная сирота издевается над честью рода Зораевых!» Злость ключом забила в нем, он подскочил к «всаднице» и огрел с размаху ее по спине своей тяжелой ладонью. Калимат, не удержавшись, повалила мужа, раздался оглушительный рев опешившего Габа. Хунцел занес руку для второго удара, но женщина отпрыгнула в сторону.

— У-у бесстыжая! Как ты посмела из моего сына осла сделать!

— Твой сын как был ослом, так им и остался! Не я похитила его разум! — не выдержала Калимат, забыв, что закон отцов не велит ей разговаривать со свекром.

— О, боже великий! Эта женщина потеряла стыд и растоптала в грязи обычай предков! Воздай ей по заслугам, господи!

— Пусть праведный гнев господи поразит из нас двоих того, кто более виновен! — еще смелее ответила Калимат. — И стыд у меня был, и адат я чтילה... Но в твоём доме даже камень не выдержит, заговорит!

— Прочь с глаз моих, негодная!!!

— Что ты кричишь на меня! Лучше на своего сумасшедшего сына ори! Я себе занималась домашними делами, а он, как взбесившийся бык, налетел на меня, и взвалил на плечи... Да подите вы к черту оба, и отец и сын, надоели вы мне, надоели! — как удары бича падали ее резкие слова. Она вошла в комнату.

Никогда прежде никто не осмеливался так разговаривать с Хунцелом. Гнев помутил его разум, и он погнался за невесткой, но в дверях столкнулся с Габа, и вся злость обрушилась на несчастного парня.

— Пусть будет проклят день, когда ты родился. Да померкнет свет в твоих глазах, как погас разум в твоей голове! Из-за тебя я без наследника остаюсь, безмозглый увалень! Хоть бы ты умер, чтобы я перестал оплакивать тебя живого! Поднимись, осел, не то я из твоего пустого черепа корыто для свиней сделаю!

— А ну тебя, сгинь! — промычал Габа.

— Ничтожество! Как ты можешь посадить жену на спину!

— А что в этом плохого? Таскаю же я каждый день на себе аульских ребят... А невестка ведь моя... — непонимающе вытаращил глаза Габа.

— А, чтоб ты хребет себе сломал! Так ты еще и этих голодных щенков таскаешь на себе?! — замахнулся на сына Хунцел.

— Гыцци, он убивает меня, где ты! — завизжал детина и прикрыл лицо руками.

— Да не мучай ты его! Креста на тебе нет! И так он богом наказан! — запричитала в глубине комнаты Дуду.

— Да провалитесь вы все в преисподнюю! — плюнул в сердцах Хунцел и в бешенстве уехал на пастбище.

* * *

К весне Дуду совершенно ослепла и без посторонней помощи даже за порог не решалась ступить..

Стоял теплый весенний день. Дуду села в кровати и позвала Калимат.

— О, невестка, да буду я жертвой за тебя, сегодня солнечный день, хорошо бы мне погреть свои старые кости... Помогите мне!

Поддерживая под руку, Калимат вывела ее во двор и посадила под навес на скамеечку. Дуду, усаживаясь, случайно провела руками по животу Калимат и, будто обожглась, отпрянула в испуге. Она снова протянула дрожащие пальцы к животу невестки и запричитала:

— За что наказал меня бог! Невестка, ты же беременна!

Калимат опешила.

— Уведи меня обратно в дом... Скорее!

В комнате Дуду спросила Калимат:

— Кто погубил нас, невестка?

Калимат стояла ни жива, ни мертва.

— Ничего не утаивай от меня... Если старик догадается, погиб наш очаг!..

— Прости меня, мать, — Калимат упала на колени перед свекровью. — Я и сама не хотела, чтоб так вышло...

Любит свою свекровь Калимат. Только она скрашивает ее жизнь в доме мужа. Женщины хорошо ладят друг с другом, делятся своими редкими радостями и постоянными печалью. Во многом схожа у них судьба. Надежда и опора они друг для друга в этой трудной жизни. Но как-то само собой получилось, что Дуду не знала о встречах Калимат с Сольмом.

— Уж лучше бы ты похоронила меня, невестка, — царапая щеки, простонала старуха.

— Прости! Прости, моя хорошая свекровь! Если не можешь простить — задуши меня... и я избавлюсь от своих страданий, — стоя на коленях перед Дуду, рыдала Калимат.

— Как его имя?

— Не спрашивай меня об этом, прошу тебя... Я никогда не назову его...

— Когда же это случилось с тобой?

— Осенью...

— Как же ты не призналась мне?

— Боялась...

Женщины помолчали...

— Чуяло мое сердце... Рано или поздно это должно было случиться... О, горе мне, горе!.. Как мне винить тебя? Ты — женщина... Но ведь просила я тебя: лишь после нашей смерти позаботься о себе...

— Пока я буду дожидаться смерти свекра, сама ноги протяну. И так меня уже не надолго хватит...

— Что тебе сказать, моя несчастная невестка? Если старик что-нибудь узнает, конец нам... А до каких пор ты сможешь прятать живот под платьем? Боюсь, ох, боюсь! Прошу тебя, пока не поздно, поезжай куда-нибудь под предлогом, что хочешь проведать дядю, и избавься от него...

— Избавиться? Убить свое дитя? Нет, нет, ни за что! Скоро ребенок появится на свет и пусть тогда ру-

бят нам обоим головы... Я в страну мертвых не пойду с обгабренными кровью руками!

— Кровь, кровь падет на очаг мой! Что ж делать?.. Надо придумать что-нибудь... Ты иди, я подумаю, а то сейчас мои мысли запутаны, и я не могу найти верного решения.

Понутив голову, Калимат вышла из комнаты свекрови. Зашла к себе, заперла дверь изнутри. Бросилась ничком на кровать. Калимат чувствует, как над головой собираются черные тучи, и вот-вот грянет гром. Но где-то в глубине души теплилась надежда, что Солым наконец закончит свои нескончаемые дела и не оставит ее в беде... Калимат ушла бы от мужа, и зажили бы они счастливо.

Но делам Сольма не видно конца и края, а живот Калимат с каждым днем все заметнее. Сегодня о ее позоре узнала свекровь. Что будет, если завтра это дойдет и до свекра? Что делать, куда бежать, с кем посоветоваться? Солым — единственная надежда, но и он в последнее время сторонится ее. Обижен... Страшно перепугался, узнав, что она забеременела. Строго-настрога предупредил ее: «Пока не избавишься, не ищи встреч со мной». Оставил он Калимат одну со своими мыслями и переживаниями. Сердце Калимат разрывается между любовью к Сольму и к еще неродившемуся ребенку. И невозможно предпочесть одного из них, не поступившись другим.

Два дня пылала Калимат в этом пламени и, наконец, не найдя лучшего выхода, решила по совету свекрови «избавиться» от беременности.

Не знало покоя и сердце Дуду. День и ночь думала, как вызволить из беды невестку. В душе она догадывалась, что явилось причиной, толкнувшей Калимат на грех. Ее сын Габа был всему виною. Дуду больше всех из своих детей любила его, может быть, потому, что жалела. Зато ненавидела мужа и дочерей... Она понимала, что если они узнают о грехе Калимат, то гибель женщины неминуема.

И Дуду придумала. Позвала Калимат:

— Послушай-ка, невестка, только один выход есть у нас. Пусти в свою постель Габа. Приласкай его... С него и этого хватит. Отец узнает, станет спрашивать... А ум у мальчика — что у ребенка, обяза-

тельно проболтается отцу... Не знаю, кто соблазнил тебя, да и не хочу знать. Но берегись свекра! Старик наш хитер, будет следить за тобой. Я постараюсь убедить его...

Дуду перевела дух.

— Я долго не протяну, невестка. Не знаю, как сложится твоя жизнь в дальнейшем. На моего бедного мальчика отец волком смотрит. Боюсь, как бы не расправился с ним после моей смерти. Прошу тебя, береги Габа, не давай его в обиду. Живем мы среди волков, но ты сумей умом ужиться с ними... Ну, а теперь иди, да береги себя, тяжести не поднимай... О, моя бедная невестка, какие мы с тобой муки терпим в этом доме, — донеслись до Калимат стенания Дуду уже на пороге.

V

Хунцел сидит во дворе и из-под нахмуренных бровей наблюдает, как невестка подметает двор. После недавнего спора с нею он не может унять свой гнев. Всегда покорная, она в тот раз вела себя, как тигрица, готова была вцепиться в горло свекра. И пока ее когти не вонзились в его шею, надо успеть вышвырнуть ее из дому.

«Раньше она кое-что делала по хозяйству, а теперь всё норовит уклониться от своих дел. Вот и сейчас, смотреть тошно, как она притворяется. Проведет разок метлой — схватится за поясницу. Негодница, на его харчах растолстела так, что платье вот-вот лопнет на ней, талию обеими руками не обхватишь... Наверное, исподтишка уминает... Потому и расцвела... Чего еще ждать, ведь ясно, что толку от этого брака не будет. Сколько добра ухлопал на калым и свадьбу, а все зря! Недавно вот гостил у младшей дочери, она овдовела, осталась одна с двумя детьми, чудными мальчиками...»

Хунцел больше других детей благоволил к младшей дочери. И задумал завещать наследство ее сыновьям¹. Все же в них течет и его кровь. Но для этого нужно поскорее выгнать из дому Калимат.

¹ У осетин настоящими наследниками считались дети сыновей, право на наследство принадлежало им.

Постукивая палкой по полу, держась за стенку, из дому вышла Дуду.

— Где ты, старик?

— Здесь я, чем ты меня хочешь обрадовать?

— Слышу, ты опять не в духе? Желчь в себе скапливаешь...

— Живя с вами, диву даюсь, как до сих пор не озверел...

— Понимаю тебя, бедняга. Но, мне думается, скоро ты успокоишься...

— Да, когда понесут меня на кладбище, уж тогда-то я успокоюсь.

— Не ворчи без конца. Лучше выслушай радостную весть, — Дуду ощупью добралась до мужа и присела возле. — Скоро в нашем доме появится наследник.

— Наследник? — удивленно взглянул старик на жену и безнадежно махнул рукой. — Да у твоего сына не только ребенок, но и...

— Бог иногда исправляет свои ошибки... Наша невестка беременна.

— Что?! — вскричал Хунцел.

— Я же сказала тебе: скоро жди внука...

Прикрытые тяжелыми веками глаза Хунцела раскрылись, зеленоватые зрачки буравили лицо Дуду. Раскрытый от изумления рот зиял пещерой под густыми усами. Хунцел переводил недоверчивый взгляд с невестки на жену.

— Ты что, бредишь?

— Не бред это и не сон. Успокой, наконец, свое сердце.

Старик проворно, будто скинув несколько десятков лет, вскочил с места и подбежал к Калимат.

— Невестка, прости, что я позволяю себе это, но... Это правда?

Калимат выпрямилась и отвернула лицо в сторону. Старик бросил взгляд на ее фигуру и сразу понял:

— О, господи великий, услышал ты мою мольбу!

— воздел он руки к небу. — Слава тебе, всемогущий!

Теперь не погаснет мой очаг! — впервые за многие годы из глаз Хунцела выкатились две скупые слезинки. По щекам Калимат, стоявшей рядом, ручьем струились слезы и непонятно было, кому из них приятней они — ей или Хунцелу...

Страх разоблачения до сих пор притуплял чувства Калимат, но теперь, когда опасность, благодаря изобретательности Дуду, прошла стороной, сердце ее опять затрепетало любовью к Сольму. Он не хотел ребенка, и женщина не могла решить: оставить его или нет.

Но решить этот вопрос нужно было непременно. Она должна во что бы то ни стало увидеть Сольма. Не найдя благовидного предлога, она поступилась приличиями и пошла к Сольму домой.

Увидев ее в своем доме, Сольм переменился в лице. Он понял, что Калимат пришла не зря. Торопливо окинул взглядом двор — нет ли поблизости Ацырухс, но вспомнил, что она ушла к соседям. Подошел к Калимат, застывшей у ворот.

— Что-нибудь случилось? — еще больше бледнея, спросил он.

— Не пугайся, тебе ничего не угрожает, — усмехнулась Калимат.

— Да я не за себя боюсь... О тебе тревожусь... Что же ты стоишь, проходи в дом.

— Где твоя мать?

— Не интересуюсь... Садись, — указал он на скамью под развесистой липой.

— Не время сидеть, видишь, в каком положении нахожусь... Мне нужно с тобой поговорить... Давно ищу тебя. Ты прятался, и я вынуждена была прийти сюда.

— Дела... Не было возможности...

— Свекрови и свекру стало известно...

— Ну и? — подскочил Сольм.

— Моя свекровь хорошо знает, на что способен ее сын, с ней все просто... Она простила мне... А свекор от счастья места не находит себе, радуется, что сын одарил его наследником... Но раз ты не хочешь, ребенок не родится. Завтра же отправлюсь к родным... И там... Какие-то страшные сны мне снятся и, кто знает, может быть, больше не увижу тебя... Все, что было хорошего в моей жизни, подарено тобой... Воровано оно было, но... сладостно!.. Прощай!..

Говорит женщина, говорит о сокровенном... Сольм слушает и не верит своим ушам. Сердце колотится в груди. Мысли носятся в голове. Вот оно мгновение, ко-

торое нужно не упустить... Теперь он знает, как подобраться к богатствам Хунцела... Скоро, скоро он приберет их к рукам... Путь к ним — ребенок, который шевелится под сердцем Калимат, его ребенок! Когда умрет Хунцел, следом за ним исчезнет Габа... Наследство достанется ребенку. Вот тогда-то Солом женится на Калимат: и семья будет у него, и несметное богатство.

Солом, шалея от радости, схватил Калимат, сжал ее в объятиях:

— О, боже великий, ты сделала меня счастливым вдвойне, Калимат!

— Не сочувствуешь ты моему горю...

— Моя Калимат! Никуда ты не поедешь. Пусть родится ребенок! Любовь моя не меньше, а вдвое больше от этого станет! «Неужели это говорит Солом? Ее любовь, ее единственная отрада, отец ее ребенка?..» — с лица Калимат медленно сползает печаль, щеки ее окрашиваются в розовый цвет. Заблестевшие глаза вбирают в себя всю радость мира.

— Правда? — чуть дрожат губы.

Спрашивают глаза...

Спрашивает сердце...

— Господи, услышь меня, и если я кривлю душой, сожги меня пламенем ада! — истово, словно давая клятву, заверяет Солом и падает перед ней на колени.

— Боже мой, Солом, зачем ты стоишь на коленях передо мной... Поднимись, стыдно... Кто-нибудь может увидеть... Я недостойна того, — поднимает Калимат Солома.

Большей награды не ждала она от бога. Забыв, где находится, Калимат повисла на шее Солома.

С улицы послышался шум шагов. Солом отскочил от женщины и сделал вид, что занят починкой седла. Калимат отошла в сторону.

Вошла Ацырухс.

— Калимат? Какой чудесный гость у нас! — искренне обрадовалась гостье Ацырухс. — Каким ветром тебя занесло к нам?

— Да так, — не зная, что сказать, смутилась Калимат.

— Чесалка ей нужна, — нашелся Солом.

— Эх вы, растяпы, да вон она висит на стене. Заходи в дом, Калимат, посиди у нас немного.

— Спасибо... Свекровь больна, дел много...

Ацырухс вынесла чесалку.

— Заходи к нам почаще, не стесняйся.

— Зайду как-нибудь, — пробормотала Калимат, взяла чесалку, попрощалась краешком глаза с Солымом, затворила за собой калитку и вскоре затих шум ее легких шагов.

— Какая красивая и какая скромная женщина... Но как несчастна! — глядя вслед Калимат, вздохнула Ацырухс.

Солым не слышал ее. Насвистывая веселую песенку, он возился с седлом, обводя мысленным взором земли, луга и несметные отары Хунцела. Подсчитывал свое завтрашнее добро сегодня...

VI

Подобно тому, как весной выползает из берлоги медведь-лежебока, вылезли из-под косматых бровей Хунцела цепкие глаза и даже следа мухи не оставляют незамеченным. Старик целиком погрузился в хозяйственные заботы. Теперь он может быть спокоен: в доме скоро появится наследник. Он и разговаривать с домашними стал мягче и приветливее. Все дела его и мысли были связаны с тем, кто еще не заявил громким криком о своем появлении на свет, но кому Хунцел всю свою долгую жизнь складывал по камешку несокрушимую крепость богатства.

И вот этот день настал. В доме раздался плач новорожденного, спустя короткое время — крик второго. Калимат родила сына и дочь.

Пока женщины возились в доме с Калимат, Хунцел сидел за сараем и молил бога, чтобы у невестки родился мальчик. Услышав радостную весть, он вбежал в дом, сорвал со стены ружье, и над аулом прогремели выстрелы. Эхом прокатилась по ущелью весть, что не засохло дерево рода Зораевых, что пустило оно новый корень.

Большой пир устроил Хунцел. Пригласил весь аул от мала до велика. Послал приглашения и дочерям, но никто из них не явился на торжество.

Калимат светилась счастьем. Не могла наглядеться на своих малюток.

Однажды Калимат, оставив малышей в люльке на попечение Габа, побежала к роднику за водой. Здесь она встретилась с Зариной.

— Калимат, солнышко мое, я так рада за тебя! Бог услышал твои молитвы. Поздравляю тебя!

— Спасибо, Зарина, пусть и твои молитвы дойдут до слуха господя.

— Ох, Калимат, не доходят они до него... Когда смотрю, как муж не нарадуется на чужих детей, у меня от горя разрывается сердце.

— Мы в один год вышли замуж...

— Похорони меня, Калимат, если не скажешь, что помогло тебе...

Задумалась женщина. Что сказать подруге? Правду — невозможно... А лгать она так и не научилась.

— Прости, Зарина, я сейчас тороплюсь, как-нибудь в другой раз. Малютку в люльке оставила, беспокоюсь за них, — схватила кувшин и поспешила домой.

— Счастливая! — донесся до нее голос Зарины.

Во дворе Калимат с нетерпением ожидал сияющий Габа.

— По-по... посмотри-ка, — залепетал он. — Она плакала, плакала... Я ей молоко дал... налил в рот... уже не плачет, — довольный собой сообщил Габа.

— Молоко? Какое молоко? — вздрогнула Калимат. Страшное подозрение подхлестнуло ее, и, опустив кувшин на землю, она побежала в дом.

— Молоко... Какое бывает... Ты долго не приходила... А она все плачет, плачет, гыццы сказала: дай соску... Соска пустая... Я дал ей молока отсюда, — Габа приподнял крышку с миски с горячим молоком. — Целую чашку в рот влил, хе-хе-хе! Она не хотела, глупая, а я насильно... Ха-ха-ха! И заснула... Видишь...

Калимат стремглав бросилась к люльке. Глазки маленькой дочери, полные слез, были раскрыты... Нежные губки сварились в горячем молоке... Девочка была мертва.

Хунцел от горя чуть с ума не сошел. Изловил Габа и избил его до полусмерти. Старик настрого запретил Калимат подпускать к ребенку Габа. Он никому не доверял внука и, когда ребенок перестал по ночам просить грудь, забирал его в свою комнату.

Как-то раз к полуночи младенец проснулся и долго не смог заснуть от плача. Дуду толкнула мужа:

— Позови его мать... Пусть покормит малыша.

— Что они там вымерли, что ли? Не слышат, как ребенок надрывается, — Хунцел, ворча, поднялся, набросил на плечи бешмет и, спотыкаясь в темноте, вышел на веранду. Слева была дверь комнаты, в которой спали сын с невесткой.

— Эй, невестка, не слышишь, как плачет твой ребенок? — постучал он в дверь.

Никто не отозвался. Он постучал громче.

— Эй вы там, оглохли, что ли?!

Ответа опять не последовало. Хунцел нажал плечом на дверь. Она легко поддалась, видимо, была незапертой. Старик вошел в комнату.

— Куда вы подевались? Весь дом унесут, а вы дрыхнете! Парень, ты что, онемел?

— Что я сделал?.. — ничего не понимая спросонок, пробормотал Габа, садясь в постели.

— Чтобы ты больше не проснулся! Разбуди свою жену, ребенок плачет.

— Вставай, не слышишь, баба ругается, — толкнул он в темноте Калимат, но рука не ощутила тела. Кровать была пуста.

— Баба, ее нет здесь!

Хунцел постоял, полагая, что невестка отлучилась по нужде. Но время шло, а она все не появлялась. Ребенок плакал, изнемогая от крика на весь дом. Налился яростью Хунцел. Не выдержал, перегнулся через перила, крикнул:

— Невестка, дома у тебя нет, что ли?

Никто не отозвался. Забеспокоился старик. Куда она могла запропасться? Страшное подозрение мелькнуло в голове: не покончила ли она с собой, ведь однажды уже пыталась это сделать? Вышел во двор, зажег фонарь, обыскал сарай, хлев, амбар... Нет, нигде ее нет. Ребенок, устав от плача, заснул.

Хунцел окончательно встревожился. Где еще искать невестку? Вдруг с улицы послышались чьи-то топотливые шаги. Тяжело дыша, во двор вбежала, будто за ней гнались, Калимат и бесшумно прошмыгнула в свою комнату.

Подозрения, одно чудовищнее другого, возникли в голове Хунцела. Где могла быть в такое время невестка? Хотел спросить ее об этом, но передумал и вернулся к себе.

— Я же просила разбудить невестку, а ты и сам пропал, — ворчливо заметила Дуду.

— Спроси завтра свою невестку, где она шляется ночью! — сердито огрызнулся старик и завалился в постель.

Дуду не стоило большого труда догадаться, где была невестка, и сердце ее заледенело от страха.

Утром она позвала Калимат:

— Где ты была вчера в полночь?

Калимат словно язык проглотила от неожиданности.

— Ребенок ночью плакал, старик пошел искать тебя. Я же предупреждала, просила: не встречайся с ним больше, остерегайся старика. Если он пронюхает... О, мой создатель! Если он спросит, скажи, что дочь Дзакко скоро должна выйти замуж, и ты помогала ей прясть пряжу. И заклинаю богом, не делай этого больше... Он теперь станет следить за тобой... тогда не миновать беды...

Понутив голову, Калимат вышла из комнаты. Давно уже борются в сердце Калимат страх и любовь. Не может она жить без Сольма. Хочется, чтобы он был всегда рядом. Даже глядя на своего родного сыночка, она все время думает о Сольме. Ненавистна ей стала семья Габа. Слова домочадцев, даже ласковые, раздражают ее. С того дня, как родился мальчик, Сольм еще больше привязался к ней, стал ласковым и нежным, и Калимат совсем потеряла покой.

Но страх снова затянул петлю на ее шее. Калимат долго не решалась отлучиться из дому. Старалась избегать встреч с Сольмом. Дуду убедила мужа, что невестка была в доме Дзакко. Хунцел следил за Калимат несколько ночей, но ничего не обнаружив в поведении Калимат, успокоился.

Подоспело время стричь овец. Хунцел опасался, что пастухи могут припрятать шерсть, и сам отправился в кошару присмотреть за ними. Прихватил с собой и Габа.

Вечером следующего дня в ворота постучались.

— Ну-ка, невестка, взгляни, что за поздний гость к нам стучится? — попросила Дуду.

Калимат возилась с сыном. Передав малыша Дуду, она вышла отворить калитку. В дверях стоял Солом.

— Горе моему очагу, куда ты пришел?! — ужаснулась женщина.

— Я не случайно пришел. Знаю, что твоего свекра и мужа нет дома...

— О, боже!..

— Прости, мое солнце, любовь заставила меня решиться на такой шаг. Я столько времени не видел тебя, что чуть с ума не сошел. Сегодня ночью я буду ждать тебя под ольхами.

— Нет, нет, ребенок... Он ночами плачет... В прошлый раз искали меня... Боюсь...

— Тогда оставь сегодня ночью окно открытым. Хоть сына увижу.

— Солом, боюсь, увидит кто-нибудь!

— Не бойся... Прошу тебя, дай взглянуть на него хоть краешком глаза... Неужели я не имею на это права? И у меня ведь есть сердце...

Эти слова и тон, какими они были сказаны, сломили упорство Калимат.

— Хорошо, буду тебя ждать, — краска стыда залила ее щеки.

Она поспешно вошла в дом. Дуду спросила:

— Кто приходил?

— Невестка Дзакко.

— Что ей нужно было?

— Ее ребенку материнского молока не хватает... Я сказала, что у меня уже пропало молоко... Сегодня ночью оставь мальчика со мной, замучилась ты с ним...

— Ладно, только следи, чтобы он не раскрылся, может простыть.

VII

На перевале, недалеко от пастушеского шалаша, сидит, углубившись в свои мысли, Хунцел. Слава богу, дела его идут неплохо. Душа радуется, когда он видит столько тюков шерсти. Немало можно за них выручить. Отары его с каждым годом все приумножаются.

Пастбищ им уже не хватает. Недурно было бы при-
брать к рукам пастбища Дотти, но его сын Солым хи-
тер, как лиса, и ненасытен, как волк. Не доходят до
него руки Хунцела. А в ауле больше не у кого, да и
нечего отобрать — все в нужде живут. Хунцелу надо
увеличить свои пастбища еще и потому, что теперь у
него есть наследник, хвала господу, есть кому оставить
все добро. Счастлив Хунцел. Теперь он может спокой-
но умереть.

С вершины подул морозный ветер. Тысячами игло-
лок пронизал он тело старика. «Пора и на отдых», —
подумал он, и, грузно поднявшись, зашагал к шалашу.
Только собрался войти, как услышал голоса пастухов.
Прислушался. И сразу насторожился — говорили о
нем. Хунцел оцепенел, весь превратился в слух.

— Этого старого шакала и сон уже не берет, на-
верное, боится, что шерсть можем украсть...

— И для кого он все это копит, паразит, уж не
для этого ли идиота, который тут целый день храпит?
Или он надеется забрать все добро с собой в страну
мертвых?

— Как это для кого? Сын его уже способен детей
плодить.

— Ха-ха-ха! Вот умора! В таком случае и у меня
вон в Карсе есть дети...

— Почему ты так говоришь?

— А потому, что невестка его подхватила от ко-
го-то...

— Тоба, Тоба, не бери грех на душу. Калимат та-
кая женщина, что они всем домом ногтя ее не стоят.

— Калимат — хороший человек, но она — жен-
щина, а не зря же говорится, что лошади нужно седло;
а женщине — мужчина.

— Габа, правда, полоумный, но ведь он мужчина?

— Да какой он мужчина, видимость одна! Если бы
он был мужчиной — сколько лет прошло, как Калимат
вышла за него?

— Это ничего не значит. У многих женщин дети
поздно рождаются...

— Я согласен с тобой, но Калимат родила от дру-
гого.

— Не клевети на женщину, коли своими глазами
не видел.

— Видел, потому и говорю, что видел.

— Поклянись!

— Клянусь богом! В тот раз я был дома. Куда-то запропастилась моя лошадь, и я ночью пошел искать ее. Вдруг в овраге, под ольхами, до меня донесся чей-то шепот. Думаю, уж не воры ли, кому в такое время понадобилось быть здесь? Присел за кустом, стал ждать. Наконец они поднялись. Я затаил дыхание. Две тени прошли мимо меня. В темноте я не разглядел лица. Только заметил, что то были мужчина и женщина... Это заинтересовало меня. Даже про лошадь забыл. Стал красться за ними следом. Они прошли еще немного, и женщина, обняв на прощание мужчину, заторопилась по одной дороге, а мужчина пошел по другой. И что же ты думаешь? Она вошла во двор Хунцела!

— Ну и чудеса!

— Не веришь? Говорю то, что видел своими глазами.

— А кто же этот мужчина?

— Я не разглядел его лица. Но кем бы он ни был, так и надо этому старому ослу Хунцелу. Да быть мне жертвой за Калимат! Ее обманули, и она достойно им отомстила. Так и надо этому псу: на обман — обманом. Хунцел привел ее для своего умалишенного сына, чтобы она родила ему наследника. Вот и получай наследника! Ха-ха-ха! Ну, слушай дальше... На другой день я нарочно прошел мимо их дома. Заглянув во двор, вижу, этот старый шакал играет с маленьким ребенком. Ты бы посмотрел на него: от радости он чуть не проглотил дитя. Думаю про себя: погоди, это еще начало, еще не то с тобой будет. Умирает, паразит, мечтает о детях, боится, как бы его добро чужим людям не досталось. Теперь невестка наводнит ему дом наследниками, чтобы они его уши сожрали...

Пастух еще что-то говорил, но Хунцел уже не слышал последних слов батрака. Как будто молнией озаорило: верно, в ту ночь, когда он отпустил пастуха в аул, он не застал невестку в комнате. От этой мысли его стал бить озноб, нервы напряглись и глаза чуть не выскочили из орбит. Пошатываясь, он отбежал в сторону, споткнулся о плетень загона, схватился за жердь, но не удержался и рухнул, как подрубленное под корень дерево. Долго лежал без движения, пытаюсь собраться с

мыслями. Вокруг стояла мертвая тишина, лишь сонные овцы, словно в насмешку над хозяином, тихонько пофыркивали.

Никто не видел его страданий. Никто, кроме луны. Но и она равнодушно пробиралась меж облаков. Но вот и она, намотав на свое колесо все мечты и надежды Хунцела, скрылась за горами.

Старика била крупная дрожь. Все эти годы, не зная покоя, копил он добро. Строил свою твердыню и вот, когда она была уже готова, оказалось, что строилась она на песке. Рухнула крепость и раздавила Хунцела. «На обман — обманом», — словно свист клинка, звенело в ушах.

«На обман — обманом!» — стонало сердце.

«Раздавить, задушить змею вовремя!» — ярость рвалась из его груди. Она заставила Хунцела подняться и помчаться вниз, в сторону аула.

До рассвета оставалось совсем немного. Небо на востоке окрасилось кровавым заревом. Тревожно вскрикивали петухи. Хунцел ворвался в дом. Вырвал на ходу топор из чурбана во дворе и ринулся к двери невестки.

Дверь оказалась запертой изнутри.

— Открой дверь! — сдерживая ярость, крикнул Хунцел. За дверью послышалась встревоженная возня. Хунцел приготовился обрушить свой топор на голову той, которая причинила ему столько страданий. Но дверь не открывали.

— Открой дверь, шлюха! — дал волю своему гневу Хунцел. — Я спрошу у тебя, под кем валялась! Открой! Открой! — колотил он в бешенстве топором по двери.

— Горе обрушилось на мой очаг! — опираясь на палку, с трудом выползла из своей комнаты испуганная Дуду. — Что с нами стряслось?.. На помощь! Люди добрые, погибаем! — Дуду смекнула, какая беда случилась и стала звать на помощь.

К этому времени Хунцел искромсал дверь и ворвался в комнату Калимат. Она была пуста. В люльке не было ребенка. Окно растворено.

— Ты не убежишь от меня, сукина дочь, я тебя с твоим выродком на вертеле зажарю! — Хунцел выскочил из комнаты. У самого порога его пыталась остановить Дуду:

— Не губи мой дом! — закричала женщина.

— Прочь! — с силой оттолкнул он жену и бросился вслед за беглянкой.

Где-то недалеко заплакал ребенок.

Хунцел резко повернулся на плач. Это она! Погнался за невесткой. Женщина поняла, что не успеет добежать до леса и бросилась вниз, к мельнице Со-лыма.

На крик Дуду сбежался весь аул. Узнав, в чем дело, погнались за Хунцелом.

Калимат, изнемогая, добежала до мельницы и за-двинула засов изнутри.

Хунцел не успел помешать ей.

— Нет, шлюха, нет! И здесь ты не укроешься от меня! — принялся он взламывать дверь. Но тут подо-спели люди, среди которых был и Солым. Отобрали у старика топор. Он продолжал рваться к мельнице, но его уже крепко держали.

Насилу отвели Хунцела домой. На пороге дома лежала мертвая Дуду с разбитым черепом. Старик вспомнил, что когда Дуду попыталась ему помешать, он изо всех сил отшвырнул ее на каменную стену.

Хунцел пошатнулся, мир обрушился на него, и он больше ничего не помнил.

VIII

Гром грянул над головой Солыма. Он не на шутку перепугался. Может быть, кто-нибудь видел их с Кали-мат и довел это до сведения Хунцела. Он осторожно прислушивался к разговорам на похоронах Дуду, но не слышал имени того, кто обесчестил Калимат. Успо-коился... Теперь его мучила мысль, что сладостные меч-ты о богатстве Хунцела разрушились. Как же случи-лось, что жирный кусок, который он уже собрался про-глотить, выхватили у него из-под носа?

После смерти Дуду Хунцел так и не смог подняться с постели. Говорили, что все свое добро он завещал сыновьям младшей дочери. На невестку он наложил коды¹. Солым тоже стал избегать ее. На что ему нужна

¹ Коды — изгнание из рода. Изгнание было равносильно смер-тной казни. По древнему обычаю, изгнанных нельзя было кормить, поить, давать им ночлег, т. е. любое общение с ними запрещалось.

женщина, имя которой осквернено? Люди станут показывать на него пальцем, да и род Зораевых настроит против себя. Солом — человек одинокий, беда ходит за такими, как он, и не станет он совать голову в петлю..}

Ему казалось раньше, что он любит Калимат, но это чувство исчезло, как только уплыло богатство Хунцеля. Умерла вместе с надеждами Солома и любовь к ребенку — теперь он ему уже не был нужен.

Солом знал, что Калимат до такого позорного положения довела большая любовь. Женщина готова была ради Солома хоть со скалы броситься. И он испугался: как бы Калимат с ребенком не пришла к нему домой. С другой стороны, он опасался, что Калимат, узнав, что Солом обманул ее, отомстит ему. Солом забеспокоился. Он решил поговорить с ней. И однажды, темной ночью, захватив с собой еду, отправился на мельницу.

Калимат от страха и голода была едва жива. Ребенок был не в лучшем состоянии.

— Будь ты неладен, бросил меня в пасть волка, еле спаслась от смерти со своим мальчиком... И теперь, когда в этой заброшенной дыре мы терпим такие лишения, ты даже не пришел утешить нас, — еле ворочая языком, выговаривала Калимат.

— Прости, Калимат... Я все время думал о тебе, но Зораевы наблюдают за мельницей, боюсь, как бы не заподозрили, — притворно сокрушался Солом.

— Что может быть страшнее того, что я испытала?.. Как же любовь твоя не осмелилась перешагнуть через этот страх, и ты до сих пор не пришел взглянуть на свое дитя?.. Посмотри, как от голода свело его челюсти... А, может, и ты подло обманул нас?! Тогда берегись!

— Говорю же тебе: не было возможности. Вот угомонятся люди и... Дуду похоронили, Хунцел не встает с кровати...

— Бедная моя свекровь, погубила себя из-за меня... Пусть земля тебе будет пухом!.. О себе я не тревожусь, но что будет с ребенком?

— Вот Зораевы немного успокоятся, и я что-нибудь придумаю. Ребенка на время отвезу к родственникам твоей матери и, пока мы окончательно не утрясем наши дела, он будет у них.

...Но Солыму уже не понадобилось пристраивать ребенка. В холодном сыром помещении мельницы мальчик заболел и через несколько дней умер.

Липкий страх покинул душу Сольма, и он постепенно махнул рукой на Калимат. Только изредка, по ночам, он навещал ее, прихватив с собой еду.

* * *

Ацырухс постарела и не могла уже, как прежде, справляться с хозяйством. Как-то раз она сказала Сольму:

— Парень, пусть не обидят тебя мои слова... Я еще не очень стара, но болезнь подточила меня. Одна я уже не справляюсь с хозяйством. А ты человек деловой, все время отлучаешься из дому... Было бы хорошо, если бы ты привел жену в дом. Посмотри на себя в зеркало: уже седина в волосах пробивается... Дела — делами, но и о своем будущем нужно подумать. С молодой невесткой вдвоем нам легче будет вести хозяйство.

Солым задумался над этим предложением. Не желая тратить зря деньги, он не держал в доме прислуги... Ацырухс же, действительно, трудно приходилось одной. Она права, за делами и не заметил, как пролетели его сорок лет. Пора подумать и о женитьбе. Солым решил попытать счастья на празднике Рагдзуар.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

I

Людей собралось на праздник видимо-невидимо. Горцы приехали со всех ущелий: кто попить, кто оставить свои жертвенные приношения Рагдзуару, кто показать свою ловкость на скачках, а кто и в надежде поискать себе счастья. На просторной поляне, у святилища, начались танцы и игры. Невысокая плотная девушка с агатовыми глазами и копной волос цвета воронова крыла растянула меха фандыра, и дружное прихло-

пывание в ладоши в такт музыке разнеслось по окрестным горам.

Солнце стояло высоко в небе, когда на праздник прибыл Габо с дочерью Налкутой и ее подружкой Кыркыс. Сын Габо Булатыко не стал дожидаться, пока соберутся девушки, еще на рассвете оседлал своего коня и махнул с друзьями на Рагдзуар.

Габо, как подобает добропорядочному христианину, помолился, затем велел дочери отнести праздничные пироги туда, где расположились под большим деревом жители их аула. Габо разговорился со знакомыми мужчинами, а девушки присоединились к пляшущей на лужайке молодежи.

Танцы были в самом разгаре. В середину круга вышел широкоплечий, не первой молодости, но крепкого сложения мужчина среднего роста. На нем красовался новый белый бешмет, на серой черкеске сверкали серебряные газыри. Папаха из бухарского каракуля лихо сдвинута набок. За поясом — револьвер, в ножнах — кинжал, на ногах — мягкие сафьяновые сапоги.

Солым Цалоев во всем своем великолепии некоторое время высокомерно оглядывал танцующую молодежь и зрителей, затем поманил пальцем распорядителя танцев, шепнул что-то на ухо и вошел в круг.

— Та из девушек, кто перепляшет меня, получит червонец! — громко объявил он и встал на носки.

Играет, заливается фандыр. Гоголем ходит по кругу Солым. Распорядитель обходит девушек и по очереди выводит самых хорошеньких. Солым наступает в быстром темпе на девушек и они, не выдержав натиска, убегают из круга. Глядя на это, хмурятся юноши, заливаются краской стыда лица девушек.

Не по нутру Налкуте такие выскочки. И она не упускает случая сбить с них спесь. Она тихонько пробирается вперед. Солым замечает ее, глаза его принимают хищный блеск, он наклоном головы приглашает девушку на танец.

Восхищенный шепоток пробежал по рядам зрителей. Появление красавицы Налкуты на танцах для парней, что солнышко после дождя, а для девушек — туча средь ясного неба.

Пляшет Солым, не жалеет ног, прытко подскакивает на носках, кружится вьюном вокруг девушки. Мо-

ментами он срывает с себя папаху, пытается свести руки за спиной Налкуты, переложить шапку из правой руки в левую, да так, чтобы не коснуться девичьей талии... Но Налкута успевает увернуться и, грациозная, как лебедь, уплывает от настойчивого преследователя.

Девушка заметила, что Солом начал устывать, и усилила темп. С широкого лба мужчины градом катил пот, Солому явно не хватало дыхания. Налкута, словно дразня, приблизилась к нему. Он сорвал папаху и потянулся к девушке, часто перебирая ногами, но она круто отклонилась в сторону, и Солом, не удержав равновесия, очутился на земле, зарывшись носом в траву.

Молодежь, затаив дыхание, следила за поединком танцующих и, когда Солом упал, все загудели, как потревоженный улей. Вскочив на ноги, неудачливый танцор мгновенно затерялся в толпе.

Девушки одобрительно шушукались, парни с нескрываемым восхищением пялили глаза на Налкуту.

— Ну, кто еще осмелится хвастаться червонцем? Выходи в круг! — девушка стояла в центре площадки и, изящная, как лань, победоносно взирала на парней.

Те нерешительно переминались, явно не рискуя уподобиться Солому.

В это время в задних рядах жарко зашептались:

— Ахсартаг, а ну ты давай! Пошел бы я, да стыжусь своей шапки, — невысокий плечистый паренек подталкивал своего приятеля.

— Не справлюсь, Адзыбе, лучше ты иди, — отказывался тот.

Почти силой вытолкнули Ахсартага в круг.

— Красавица, коли ты бросаешь вызов мужчинам, я готов принять его, — зардевшись от смущения, сказал юноша.

Скрестились взгляды парня и девушки, и они разом потупили взоры.

Мгновения было достаточно, чтобы Налкута рассмотрела своего нового партнера и соперника. Перед ней стоял юный, худощавый и стройный парень. На смуглом лице выделялись огромные глаза и аккуратные усики. Взгляд спокойный и уверенный.

— Что ж, попробуем! — отважно тряхнула головой девушка. — Побьемся об заклад?

— Согласен, — чуть заметно улыбнулся Ахсартаг, — но сегодня у меня нет червонца.

— Клади свою шапку, — не сдавалась Налкута.

— Ладно, — согласился Ахсартаг.

Под плавные звуки фандыра поплыла по кругу Налкута, чуть поотстав, шел за ней на носках Ахсартаг. Зрители напрягли внимание. Казалось, в центре площадки распустились два цветка, так изящны и стройны были их тела, движущиеся в танце. Стало тихо, все словно прислушивалось к пылкому языку движений, к диалогу двух юных сердец.

Музыка зачастила. Подчиняясь ей, пара заскользила все быстрее. Ахсартаг, раскинув руки, стремительно закружился на носках, и замороженная Налкута увидела лишь его расплывчатые очертания.

В мгновение ока Ахсартаг прервал вращение, сорвал с себя шапку и, едва девушка разгадала его замысел и попыталась увернуться, как парень окружил ее тонкую талию руками и левой рукой вернул шапку на положенное ей место. Так он словчился не один раз. И поняла Налкута: этот парень не чета своему предшественнику, что бесславно ткнулся лицом в землю...

Стремительны переливы фандыра, в такт им ударяют в ладоши увлеченные танцем зрители. Парень все наращивает темп, а девушка заметно устает. Наконец, она поняла, что проиграла соревнование, и попросила прощения у юноши.

— Смелчак, ты победил, закладом была твоя шапка, так возьми мою шаль, — сказала Налкута.

— Красавица, носи на здоровье свою шаль, мне некому ее подарить... — великодушно отказался Ахсартаг.

— Уговор дороже денег, — настаивала девушка. — Если не возьмешь свой выигрыш, сочту за оскорбление. Что оставалось делать Ахсартагу? Он взял шаль.

— Так и быть — беру. Только разреши мне подарить ее кому захочу.

— Шаль твоя и делай с ней все, что хочешь...

— Что ж, в таком случае, на свете, наверное, не найдется девушки, которую она украсила бы больше, чем тебя, и я дарю ее тебе. Возьми, не обижай меня отказом!

Эти слова сломили гордое и своенравное сердце девушки, она залилась румянцем.

— Спасибо за подарок, — едва смогла промолвить девушка. Юноша поклонился и исчез в толпе молодежи.

Несколько поодаль началось состязание в джигитовке, и люди хлынули туда.

— Пойдем-ка, посмотрим, — Кыркыс потянула за рукав Налкуту, но девушка, словно замороженная, продолжала стоять на месте. — Ты что остолбенела?

— Кыркыс, кто этот парень, что танцевал со мной? — вдруг вырвался вопрос.

— Он из аула, где живут родственники моей матери. Бесолов он, а зовут его Ахсартаг, — улыбнулась Кыркыс. — Не зря, знать, ты интересуешься им, — она шутливо погрозила пальцем Налкуте.

— Какие у него удивительные глаза, — вздохнула Налкута.

2.

Солым испил до дна горькую чашу позора. Завтра все фандыры ущелья ославят его на всю Осетию. И пока дело не получило широкой огласки, он должен отомстить за свое унижение. И задумал он похитить девушку, обесчестить ее и тем самым пресечь все разговоры о случившемся на празднике. Но для этого нужно сначала узнать, кто эта девушка и откуда. И если здесь не представится подходящей возможности похитить ее, то он завтра подстержет ее на дороге... Приняв такое решение, Солым отправился на розыски обидчицы. Он подошел к месту, где состязались всадники, и внезапно увидел девушку. Надев на лицо маску смирения, он приблизился к ней.

— Девушка, прости, пожалуйста, мне хотелось бы поговорить с тобой, — вполголоса произнес он.

Налкута обернулась. При виде Солыма по ее лицу пробежала тень. Знать, не напрасно он хочет с ней поговорить. Незаметно поискала взглядом своего брата Булатыко, но тот, очевидно, готовился к выступлению и его нигде не было видно.

— Девушка, я с тобой говорю, не озирайся, — снова услышала она сдержанный голос Солыма и резко ответила:

— Что случилось, добрый человек, уж не обида ли заставляет тебя искать встречи со мной?

— Я хочу извиниться перед тобой. Я был виноват и наказан за свою заносчивость... Ты выиграла, вот твой выигрыш, — Солом протянул ей золотую десятирублевую монету.

— Оставь деньги себе. Монета еще может понадобиться тебе для другого спора, — съязвила Налкута.

— Вряд ли. Многие пытались выиграть ее, но никому до тебя не удалось... Теперь она твоя.

— Я дарю червонец тебе, купи от моего имени своим детишкам пряников.

— Девушка, ты уже вторично оскорбляешь меня... Не забывай, что я ношу на голове шапку, — нахмурился Солом.

— Вот-вот, коли ты носишь шапку, то почему ищешь ссоры с той, чья голова покрыта платком, — слова Налкуты прозвучали для Солома, как удар бича.

Кыркыс, словно почувствовав беду, выросла возле них.

— Налкута, куда ты пропала, бежим скорее! Твой брат Булатыко уже начал джигитовку!

Девушка схватила подругу за руку и потащила за собой. Солом остался стоять с открытым ртом, из которого не успели выскочить резкие слова. Сдержался еще и потому, что слышал про честолюбивого и своеправного Булатыко, и опешил, узнав, что Налкута — его сестра, дочь Габо. Спрятавшись среди зрителей, он стал наблюдать за соревнованием джигитов.

Под быстрые звуки фандыра на ослепительно белом коне выехал Булатыко. Поджарый конь пробежал иноходью, встал на дыбы и рванулся вперед. Тонкие сухие ноги кабардинского скакуна легко несли всадника. Булатыко, перегнувшись на полном скаку, пролез под брюхом лошади и вновь очутился в седле. Кто-то из женщин бросил на землю белый платок. Всадник на ходу резко наклонился и в мгновение ока схватил платок, потом, обхватив шею коня руками, выжал стойку. Конь стремительно мчит Булатыко, и снова он на полном скаку пролезает под шеей лошади и снова вскакивает в седло.

Раздался гром рукоплесканий. Со всех сторон на победителя посыпались поздравления, восторженные

похвалы. Вдруг всадник резко осадил коня, вскочил ногами на седло, выхватил револьвер. Раздался выстрел, и на траву к ногам зрителей упал окровавленный орел. Булатыко, гордый собой, спрыгнул с коня.

Джигиты сменяют друг друга. Один за другим показывают они чудеса ловкости и храбрости.

Подошел черед Сольма, но он неожиданно изменил свое решение принять участие в джигитовке. Нет, конечно, он недурной наездник, но смекнул, что опередить в таком многолюдном состязании Булатыко — значит навредить себе на веки вечные ярого врага.

Немного погодя начнутся скачки. Но и здесь на его пути стоит Булатыко.

Сольму страсть как хотелось бы осадить этого выскочку, оставить его позади на скачках, чтобы за обиду, нанесенную ему сестрой, воздать брату. Но это нужно сделать так, чтобы самому остаться в стороне. На кого можно положиться? Выбор Сольма пал на Ахсартага.

Ахсартага он нашел в кругу молодых людей. Отозвал его в сторону.

— Ахсартаг, я сегодня себя что-то неважно чувствую... Если хочешь, попытай свое счастье на скачках вместо меня. Откровенно говоря, я никому, кроме тебя, не доверяю своего коня.

— Спасибо, Сольм, за доверие, но я не готовился п... — запнулся юноша.

— А зачем тебе готовиться? Я не сомневаюсь, что мой конь не подведет. А более умелого наездника, чем ты, в нашем селе не сыщется. Помни, речь идет о чести аула... Соглашайся!..

Ахсартаг знал, что к соревнованиям на празднике Рагдзуар джигиты готовятся целый год. Победителя на скачках ждут большие почести, его имя становится известно во всех окрестных селах, самые красивые и достойные девушки мечтают о нем. Перед глазами Ахсартага встал образ красавицы Налкуты, с которой он сегодня так самозабвенно танцевал. Хотя Ахсартаг не смел даже думать, что единственная дочь знатного Габбо полюбит его, но эта дерзкая мечта все же согревала его сердце. Ахсартаг — бедный парень, но чего только не случается на свете!.. И он принял предложение Сольма.

Налкуту в тот день не покидало радостное настроение. Причины для этого были: во-первых, победа Булатыко в состязании джигитов, а, во-вторых... Какое-то незнакомое сладостное ощущение волновало ее душу. Что с ней происходит? Почему после этого волшебного танца в сердце звучит, не переставая, приятная мелодия? Но кто этот парень? Налкута обводит взглядом толпу людей, но нигде не видит его стройной фигуры и смуглого лица.

— Скачут, скачут! — слышался сверху чей-то крик. Люди устремились навстречу всадникам.

Налкута и Кыркыс, взявшись за руки, тоже поспешили на вершину холма, откуда хорошо просматривалось ущелье, по которому проходили скачки. В горловине ущелья показались два всадника. То один из них вырывался вперед, то другой. По узкой каменистой дороге скакали кони, цокот их копыт эхом отдавался в отвесных стенах ущелья. Всадники, не уступая первенства друг другу, оставив далеко за собой остальных участников заезда, стремительно приближались к холму, где их встречали толпы зрителей.

Вот они вынырнули из-за поворота. Один из них Булатыко. Налкута узнала его белого коня, но кто же другой? Не давая сопернику вырваться, он мчится почти вровень с ним. Кто же из них первым доскачет до финиша? Девушка застыла в напряжении, лишь сердце частыми сильными ударами выдавало ее волнение, да пальцы нервно перебирали концы шали.

Люди зашумели:

— Гляди, гляди, впереди серый конь!

— Белый уже обогнал его!

— Нет, дорогой, наступает ему на пятки...

— Кто же на сером коне?

Налкута зажмурилась. Сердце ее уже колотилось где-то у самого горла.

— Смотрите-ка, белый конь опять впереди! — коснулся слуха чей-то возглас, и она открыла глаза.

Всадник на белом коне выскочил из ущелья и помчался к лесу. Глаз не успевал следить за его полетом. Налкута облегченно вздохнула. Внимательно взгляды-

маясь в извилистую дорогу, она ждала, когда появится на холме Булатыко.

Но произошло чудо! На дорогу к холму первым выскочил не белый конь, а серый. Налкута растерялась. Она не поняла, как это произошло. Всадник был уже совсем близко, можно было разглядеть его лицо. На сером коне, низко пригнувшись к луке седла, сидел, как влитой, Ахсартаг. Девушка вздрогнула. Самой стало неясно, огорчило ее это или обрадовало...

Прогремел выстрел в честь победителя. Им оказался Ахсартаг. Молодежь разом окружила его. Победителя сняли с коня и принялись подбрасывать вверх.

К тому времени прискакал и Булатыко. Налкута увидела, что лицо брата было мрачным, как небо в пасмурный день. Юноша, пряча глаза, проворно соскочил с коня и затесался в толпе.

— Кыркыс, мне кажется, Булатыко не по себе... Пойдем к нему, боюсь, как бы какой-нибудь беды не приключилось, — заволновалась Налкута. Пробившись сквозь стену людей, они бросились искать Булатыко.

Но опоздали.

Произошло столкновение, на которое рассчитывал Солым.

Какой-то безвестный хват сбросил Булатыко с вершины победы тогда, когда ему оставалось сделать до нее один шаг. Его тщеславное сердце возмутилось, кровь забурилась, застывая разум гневом, и Булатыко ринулся к своему обидчику.

— Ты над кем вздумал издеваться? — размахнувшись, он изо всех сил ударил Ахсартага по лицу.

Из глаз юноши посыпались искры. Он пошатнулся, но кто-то удержал его. Когда кровавые круги перед глазами разошлись, он увидел, что Булатыко приставил кинжал к его животу. Не помня себя, Ахсартаг успел схватить правой рукой кисть противника, а левой обрушил удар на пылающее лицо. Булатыко грохнулся на землю, как подкошенный.

Товарищи схватили Ахсартага и оттащили в сторону.

— Вот тебе конь, — тяжело дыша, сказал Солым, наблюдавший всю сцену. — Быстро уезжай отсюда, пока не потекли здесь, у святилища, реки крови.

— Пусть только попробует кто-нибудь прикоснуть-

ся к нему, глаза из затылка вырву своим кинжалом! — дико вращая глазами, пригрозил друг Ахсартага Адзыбе.

— Нас слишком мало и молодежь Уалвазкау искомсает нас, — убеждал их Солом. — Парень, не задерживайся, слышишь, торопись, пока беды не произошло!

Ахсартаг и сам понял, что дело добром не кончится, и предпочел проглотить, как раскаленный уголь, свою обиду, чем портить веселый праздник кровопролитием. Пришпорил коня и вместе с Адзыбе ускакал домой.

«О, боже, пусть они станут убийцами друг друга», — молил в душе Солом.

* * *

Долго не мог прийти в себя Булатыко. Болела голова, шумело в ушах. Казалось, будто кто-то вскрыл его череп и наполнил его доверху раскаленным свинцом. С трудом открыл глаза и первое, что увидел, было встревоженное, бледное, как полотно, лицо Налкуты. С болью и состраданием на него глядели ее добрые глаза, купавшиеся в слезах. С другой стороны на него были устремлены сердитые, под резко сдвинутыми нахмуренными бровями, глаза Габо. Не выдержав его взгляда, он отвел глаза в сторону. На лицах людей он прочел свой позор. И он бы с радостью согласился, чтобы взоры этих людей превратились в разящие копыта и проткнули его насквозь.

Булатыко рывком вскочил, поискал взглядом своего обидчика и, не найдя его, хотел было проскочить сквозь заслон обступивших его людей и броситься в тиски врага, но чья-то сильная рука схватила его за шиворот.

— Молчи, слизняк! — произнес грозный голос отца. — Шевельнешься — задушу тебя своими руками. Немедленно садись на коня и чтоб духу твоего здесь не было!

Булатыко хорошо знал цену словам отца и в бессильной ярости готов был грызть собственные локти. Вырвавшись из цепкой руки Габо, он растолкал людей и вскочил на своего белого скакуна. Вскоре снизу слышался цокот копыт по каменистой дороге.

В тени деревьев сидели за длинными, наспех сколоченными столами люди, собравшиеся на праздник Рагдзуар. Пиршество было в самом разгаре, тосты следовали один за другим. Габо, как самый уважаемый в ущелье человек, сидел рядом с тамадой, но праздничное настроение его было омрачено. Скандал, затеянный Булатыко, испортил ему все торжество. Опасаясь, как бы сын не натворил еще какой-нибудь беды, он, не досидев до конца трапезы, попросил у тамады разрешения уйти и поспешил домой. Вместе с ним ушла и Налкута.

Заметив во дворе седло, Габо решил, что сын уже дома. Габо знал нрав своего единственного сына, знал, что пока гнев его не утихнет, с ним нельзя разговаривать, и отложил разговор на завтра. Было еще рано, но Габо ушел в свою комнату и, расстроенный, лег спать.

Габо был известный и уважаемый в ущелье человек. Ни одно важное дело не решалось без его участия. С его словом и мнением считались в народе. Достоинства, высоко ценимые людьми, — добросовестность, честность, скромность, отзывчивость в беде, уважение к женщине — Габо стремится прививать молодежи. Почитая обычаи предков, Габо не мирится с теми из них, которые унижают человека.

Ему чужды чванство и лживость, подлость и пронырливость, задиристость и алчность. Но один из тех, кого он клеймит позором, появился в его доме. Это сын его, Булатыко. Правда, есть в нем и хорошие черты. Но горяч и задирист, любит пускать в ход кинжал, чрезмерно самолюбив. И в беде и в веселье он стремится быть первым, и горе тому, кто осмелится опередить его! Не простит обиды... Если увидит на ком лучшую одежду или оружие, то не найдет покоя, пока не раздобудет еще лучшее. Сколько раз затевал он ссоры, сколько раз бывал бит — ничего не помогло. Во всем ущелье не нашлось у него друга. Своими выходками он оттолкнул от себя товарищей.

Взять хотя бы сегодняшний случай. Ну зачем он оскорбил незнакомого юношу, чья лошадь и чье умение ездить верхом и впрямь превзошли его?

Габо сказали, что это был сын Барсага Бесолова, человека уважаемого и умного. Габо хорошо знаком с ним. Да и сын его, говорят, достоин отца, разумный и храбрый юноша.

Тяжелые мысли не давали покоя Габо. И в кого только уродился его сын! Мать его, Косер, царствие ей небесное, славная была женщина, уважали ее люди. После смерти Косер Габо так и остался вдовым. Дочь его, Налкута, хотя и младше брата, но умом и умением держаться среди людей походила на мать.

«Нет, нужно поговорить с сыном, пока не натворил какой-нибудь беды и не покрыл позором мою седую голову», — решил Габо.

Бессонную ночь провела и Налкута. Почему она беспокойно ворочается в постели? Неужели виной тому смуглый смельчак Ахсартаг? Странно... Руки Налкуты добиваются юноши и лучше, и доблестнее его, но никому из них не удалось добиться согласия девушки. Что же произошло с ней сейчас? Девушка старается отогнать от себя его образ, но он все навязчивее возникает перед нею.

Да, но после стычки между ним и братом она не имеет права думать о нем. Как он посмел ударить Булатыко? Почему он обошел его на скачках? Как посмел он унижить честь и достоинство ее брата? Налкута знает, что Булатыко сейчас не спит, страдает от нанесенной ему обиды. Отец тоже сейчас, должно быть, не спит, переживает. Почему такую мучительную ночь должны были провести и отец, и Булатыко, и она сама? Почему? Правда, Булатыко сам виноват, он первым ударил его. Ну и что из того? Простил бы ему, не обогнал бы брата на скачках, а если уж сделал это, так стерпел бы пощечину... Простил бы? Стерпел бы? Почему же сама Налкута сегодня не простила? Почему она опозорила при всех того мужчину, который вышел в круг с червонцем? Знала же, что тому легче было потерять голову, чем стерпеть такой позор — зарыться лицом в траву при всем честном народе...

«Почему же тогда она считает, что с Булатыко обошлись несправедливо? Потому, что он ее брат?.. Нет, неправ Булатыко. Мужчина должен уважать соперника. А Ахсартаг?.. Как он достойно себя держал! И какие у него удивительные глаза!.. Ох, гыцци, хотя бы

он... Нет, нет, этому не бывать, он теперь враг моему брату...

Ну и глупа же я, о чем думаю? Станцевал со мной... поблагодарил... и все... Может, он с другой девушкой отправился домой. Наверное, он уже и забыл все, что было на празднике... Не может ведь юноша влюбиться в каждую девушку, с которой ему довелось сплясать?.. Да, но почему же он, возвращая ей шаль, сказал: «На свете не найдется девушки, которую она украсила бы больше, чем тебя!»

Ахсартаг... Ахсартаг. Какое красивое имя. Может, и он сейчас не спит. Узнать бы, о чем он думает... Вот еще, спит себе, наверное, и в ус не дуёт».

Налкута незаметно задремала.

Ее разбудил голос отца:

— Доченька, ты слишком заспалась. Солнце давно встало...

— Вчера я долго не могла заснуть и... — Налкута села в кровати, виновато потирая глаза.

— Да-а, вчера твой брат блеснул своими доблестями... Ну-ка, кликни его ко мне...

Девушка быстро оделась и приоткрыла дверь в комнату брата.

— Булатыко, ты еще спишь?

Ответа не последовало. Налкута шагнула за порог. Комната оказалась пуста. Постель была смята, окно — открыто.

— Отец, — осторожно, на носках, вышла она из комнаты. — Здесь никого нет.

Некоторое время Габо сосредоточенно размышлял, а потом решительно направился во двор. Седло лежало на обычном месте, но коня в стойле не было.

IV

Накануне Булатыко, опозорившись на празднике, умчался на коне, не помня себя. Кровь кипела в его жилах, рвалась наружу. Конь под ним едва не пал, пришпориваемый седоком. Но всадник не замечал, что конь уже спотыкается. Скорее, скорее домой, пока весть о его позоре не достигла аула.

Вихрем промчался он по улицам аула, въехав во

двор, легко соскочил на землю. С быстротою молнии распустил подпруги, снял с коня седло, приволок веревку и крепко привязал лошадь к дереву. Затем взял длинную жердь и принялся безжалостно колотить несчастное животное.

— Ах ты, жалкая выючная скотина, как ты позволила какому-то мулу обогнать себя?! Или ты тоже предала меня? Вот тебе за это, получай! — распался Булатыко, нещадно лупя коня. Лошадь пыталась вернуться от сыплющихся на нее градом ударов, рвалась с привязи, но веревка была крепко привязана. Жалобное ржание коня слилось со звуками ударов. Обезумевший от боли конь сорвал наконец привязь, одним прыжком перемахнул через ограду и пулей помчался в сторону ущелья.

Бегство коня еще больше разъярило Булатыко. Он метался, как раненый зверь, по двору, потом заскочил в дом. Налитые кровью глаза обшарили комнату, остановились на ружье, висевшем над тахтой. Сорвал со стены ружье и патронташ.

Пока его еще не ославили по всему ущелью, он должен отправить своего врага в страну мертвых. Еще рано, он успеет подстеречь его где-нибудь в ущелье.

Одним прыжком он снова очутился во дворе, но вдруг остановился, как вкопанный. Кто тот парень? Из какого аула? По какой дороге он будет проезжать?

Вне себя от злости, он вернулся в дом. Швырнул ружье в угол, закрыл дверь и упал на кровать лицом вниз. Его желанию сегодня же рассчитаться с врагом не суждено было сбыться. Это окончательно сразило его. Ему так обидно было, что он оказался таким бессильным и беспомощным! Булатыко зарыдал — так он не плакал давно, с самого детства. Слезы принесли ему облегчение, словно вместе с ними излил всю горечь поражения. Он встал, принес кувшин с аракой, поставил горлышко ко рту. Крепкая арака окончательно сморила его, и Булатыко заснул, как убитый.

Проснулся от раскалывающей мозг головной боли. Правая щека горела. Сел в кровати, зажег лампу, посмотрел в зеркало. Щека опухла, под глазом огромный кровоподтек. Отекшие веки почти закрыли воспаленные глаза. И снова проснулась ярость, зашипела, зашеве-

лилась в груди, как ядовитая змея, свернулась пружиной и вдруг ударила в самое сердце.

Опозорился!.. Как показаться на людях, да еще с распухшей щекой? Нет, здесь ему уже не жить. Он должен уйти подальше отсюда. Да, но что скажет его отец?! Хотя, что отец? Нет больше отца у Булатыко... Вчера при всем честном народе он тоже срамил его, втоптал в грязь его честь! Надо бежать к братьям матери. Они поймут его, развеют его большое горе, его тягостные мысли....

Вскочив на ноги, он заткнул за пояс пистолет, поискал кинжал, но ножны оказались пустыми. Вспомнил, что вчера на празднике вытащил его из ножен, но куда дел его потом, не мог вспомнить. Отбросил прочь пустые ножны. Подпоясался патронташем, взял ружье и выпрыгнул во двор через растворенное окно.

Спешит Булатыко. Пока не проснулся аул, он должен успеть уйти за перевал. Лучи солнца коснулись вершин гор, когда добрался он до гребня перевала. Немного отдохнул, потом оглянулся назад и плюнул в ту сторону, откуда шел, как бы перечеркивая все прошлое. Круто зашагал вниз, к Березовому ущелью, где жили родственники матери.

По мере того, как он приближался к селу, обида его стихала, и вскоре он мысленно перенесся в дни беззаботного и веселого отрочества...

Он был еще совсем маленьким, когда умерла его мать. После ее смерти Булатыко взяли на воспитание братья покойной.

У матери Булатыко Косер было семь братьев. Они очень любили единственную сестру и после ее кончины всю эту любовь перенесли на ее маленького сына.

Жалея сироту, дяди бережно относились к нему. Лучшую одежду, лучшую еду — племяннику. Что бы он ни сделал, его тут же прощали. Разобьет голову чужому ребенку — что ж, сироте и это можно спустить. Работать, помогать старшим — это не для него, жалко мальчика. Так и рос Булатыко обласканным и всепрощенным сорванцом. Дяди — люди состоятельные, ни в чем ему не отказывали. Мальчик вконец избаловался. Дяди всячески поощряли его проказы, перехваливали его способности и закрывали глаза на его недостатки. Мальчик все больше задира л нос.

— Ты не сравнивай себя с этими оборванцами, — часто говорил ему дедушка Борса. — Они темные люди, а ты сын благородного человека. Не приближай их к себе, они, как вошь, на голову норовят забраться. Осаживай их так, чтобы они знали свое место...

Булатыко видел, как дед унижал своих батраков, по пустякам избивал их до полусмерти, и те трепетали при виде хозяина. Это очень нравилось мальчику, и он подражал дедушке. Его приказы беспрекословно исполнялись. Булатыко осмелел и безжалостно тиранил домашнюю прислугу и батраков.

— Поглядите-ка на этого выродка, переплюнул своего деда! — не стерпел как-то раз один батрак. — Еще шенок, но если доживет до собачьего возраста, то будет свиреп, как старый кобель Борса.

Булатыко не замедлил донести эти слова деду. Борса избил работника и прогнал, не выплатив ему жалованья.

— У Булатыко мой ум и мое сердце, — говорил Борса своим сыновьям. — Сейчас он не больше ногтя, но вырастет — и выйдет из него настоящий мужчина. И сейчас он уже лучше вас...

«Я лучше всех!» — эта мысль прочно засела в юной голове. Дерзость, тщеславие и ложная гордость вошли в его кровь и он искренне презирал тех, кто слабее и беднее его. Непокорных ровесников он безжалостно избивал. Когда же ему случалось столкнуться с таким, кто мог дать ему сдачи, Борса неизменно спешил на выручку внуку.

— Кто хоть пальцем тронет Булатыко, будет иметь дело со мной!

Но чем наглее становился Булатыко, тем более суровый отпор он встречал со стороны сверстников. Постепенно все начали сторониться его, не играли с ним, не дружили.

Как-то раз дяди взяли с собой племянника на луг, где шла косовица. Но мальчику здесь не понравилось, и он пошел обратно домой. На околице села маленький пастушонок пас телят. Булатыко приказал мальчику:

— Я устал, отнеси меня домой на спине!

— Ишь ты, какой выискался! С какой это стати я должен таскать тебя на горбу? — рассердился мальчик.

— Ты нищий, оборванец, а я — благородный. Ты осл, а я — твой седок, — словно раскаленные угли, посыпались обидные слова, слышанные не раз от деда Борсы. — Ты родился, чтобы работать на меня, а я — чтобы сидеть на твоей шее! Нагнись сейчас же, пока моя палка не заплясала на твоей спине!

Мальчик промолчал, закусив губу. Посадил на плечи Булатыко. Протащил его немного, потом сделал вид, что споткнулся, и сбросил своего «седока» на камни.

— А теперь скачи дальше, куча навозная! — смеялся ему в лицо пастушонок и побежал к своим телятам.

Булатыко упал лицом вниз, из разбитого носа потекла кровь. От обиды, что с ним посмели так обойтись, он стал в истерике биться о камни... Несколько дней он выслеживал обидчика. И однажды, незаметно подкравшись к нему, всадил в него нож. Пастушонок просто чудом спасся от смерти...

После этого случая Габо забрал к себе Булатыко. Отцу стало ясно, что сын пошел по неверному пути. Он приложил все старания, чтобы вытравить в мальчике пороки дедушкиного воспитания, но тщетны были его усилия.

С первой же встречи отец и подросший сын не поняли друг друга. Габо — умный, трудолюбивый человек, не прощал ошибок ни себе, ни другим. Его возмущали в сыне спесивость, стремление возвысить себя над другими.

Сын возражал:

— За что ты наказываешь меня, отец? Ведь они — грязные оборванцы, а я — сын благородного!..

— Утри нос, щенок! Во всем твой дед виноват... И как только вырос такой поганый язык во рту отца твоей матери? Вы только поглядите на этого благородного! У тебя нет даже золы в очаге. Завтра же бери палку и иди пасти скот!

— Скот пасут батраки, а я к тебе не нанимался! — с вызовом бросил он отцу.

— Не пойдешь — не получишь вечером еды. В моем доме дармоедам места нет, запомни это!

Однажды Булатыко явился с гулянки пьяный, по самый пояс в грязи. Налкута в это время месила тесто. Брат протянул к ней вымазанную в грязи ногу.

— Сними с меня сапоги и чтобы они сейчас же были чистыми, — смачно сплюнув под ноги, приказал он сестре.

— Как тебе не стыдно, Булатыко, — укоризненно сказала Налкута. — Не видишь разве, у меня руки в тесте. Разуйся сам.

Лицо Булатыко покрылось багровыми пятнами. Он стащил сапог, схватил за косы сестру и ударил по лицу грязным сапогом. На крик девушки прибежал Габо. Не сдержав гнева, он избил сына.

Вечером Булатыко исчез из дому. Где только ни искали его, нигде не могли найти. Утром пастухи нашли его в густых зарослях за мельницей. Перенесли его домой. Целый месяц не мог мальчик подняться с постели.

После этого случая Габо никогда не бранил сына. Старался спокойно указывать ему на ошибки.

Временами мальчик, казалось, исправлялся слушался отца, был добрым и покладистым, но потом он снова становился прежним, и Габо с нарастающей тревогой отмечал тщетность своих усилий.

Молодежь аула, зная нрав Булатыко, сторонилась его. Но Булатыко расценивал это иначе. Ему мнилось, что они завидуют ему, его исключительности. Ведь не зря внушал дед Борса ему веру в его непревзойденный ум и силу.

Булатыко уже не мальчик. Двадцать лет — возраст мужчины. Любая девушка, посмотрев на него со стороны, могла бы мечтать о таком парне. Но своим характером он отталкивал от себя девушек. Недавно на свадьбе в ауле Хардисар он увидел девушку. Это была Нуца, дочь Мамсыра Тохова из селения Фарн. С тех пор он не может забыть ее. Вчера он пошел на праздник Рагдзуар в надежде встретить ее. Она была там и даже приветливо улыбнулась ему. Лишь ради нее он, не жалея сил, старался быть первым во всем и стал сильнейшим в джигитовке, но на скачках... Осрамился!..

...И теперь он бежит туда, где с детства был простор его сердцу, где любили его, где считали его лучшим из лучших. Только там найдет он понимание и утешение...

Скоро уже и аул. На холме, откуда видно все селение, как на ладони, он внезапно остановился: что

скажут дяди, если их доблестный племянник явится к ним пеший?

До глубокой темноты сидел он в кустах, в стороне от дороги. Убедившись, что никого уже не встретит в пути, Булатыко вошел в аул. Как всегда, его с радостью встретили в доме деда. Борса в честь внука зарезал барана, и до полуночи не смолкали веселый говор и песни в доме, где родилась мать Булатыко.

V

После вчерашней ссоры Габо намеревался серьезно поговорить с сыном, но Булатыко бесследно исчез. Два дня он не являлся домой, и Габо понял, что сын ушел к родственникам матери.

Габо не питал особой симпатии к родне жены. Они любили и ценили только богатство. Тех, кто был беднее их, они и за людей не считали, но люто завидовали тем, кто был богаче их. Не уважали они и зятя своего. Когда-то Габо был зажиточным человеком, но ко времени женитьбы добро его поубавилось, и Борса отказывался выдать за него свою дочь: жених был не столь богат, как бы ему хотелось. Однако его единственная дочь Косер грозилась наложить на себя руки, если отец не выдаст ее за Габо. Борса разгневался и нагло потребовал от жениха большой калым. Почти все состояние Габо ушло на уплату калыма, и ему так и не удалось больше поправить свои дела.

Редко, очень редко бывает Габо у тестя. Да и то заглядывает ненадолго, никогда не оставаясь ночевать.

Тревога за сына заставила его собраться в путь. Погибнет сын. Раскаивается Габо, что отдал сына на воспитание деду, но уже поздно. Сегодня он должен поговорить с родственниками жены, чтобы и они приструнили парня.

Стемнело, когда он прибыл к ним. Застал семью за ужином. Булатыко сидел по левую руку от Борсы. Увидев входящего в комнату отца, он вскочил с места и крикнул:

— Кто звал тебя сюда, чего ты притащился?!

— Парень, сядь на место и прежде поздоровайся с отцом! — одернул внука за подол черкески Борса.

— Отец! Какой он мне отец?! Такой же нищий голодранец, как и другие! От него кизяком за версту несет, — брезгливо бросил юноша.

— Замолчи, говорю тебе! — жестко оборвал Борса внука. — В этом доме он имеет больше прав, чем ты!

— Он недостойн этого дома, дада¹, недостойн! — развязался наглый язык Булатыко, от ненависти к отцу по его лицу пошли бурые пятна.

Слова Булатыко задели Борсу.

— Мальчик, если ты скажешь еще одно лишнее слово, я выставлю тебя за дверь! Слышишь? Сиди и помалкивай! Я старший в этом доме и не потерплю суетливого.

Всем стало не по себе. Правда, в доме Борсы никогда не считались с Габо, как с родственником. Редко вспоминали о его существовании, за исключением тех случаев, когда они нуждались в его помощи. Они бы рады были вообще не впускать его в свой дом, но Габо слыл среди людей уважаемым человеком, и с этим нельзя было не считаться, однако на этот раз даже им не понравилось наглое поведение Булатыко. Сыновья Борсы встали из-за стола и, по обычаю, поздоровались с гостем за руку.

— Габо, не обижайся на глупые слова мальчика. Ветер гуляет в его голове, вот он и швыряется словами, — сказал Борса. — Присядь к столу, Габо.

— Стоит ли садиться? Боюсь, у моего сына сердце разорвется, когда он увидит за одним столом с собой грязного оборванца-отца, пропахшего кизяком, — он с трудом процедил сквозь зубы полные горечи слова.

— Мальчик обижен, вот и наговорил лишнего... Он еще молод, ошибки надо прощать, — Борса заступился за Булатыко. — Не сердись на него... Садись!

— А почему он обижен, Борса, почему? — Габо присел у противоположного конца стола. — Скандал затеял он, ножом угрожал он, так пора бы ему знать, что у драчливого быка часто рога ломаются...

— А ты не беспокойся о моих рогах! — вскипел Булатыко. — Пусть только посмеет кто обломать мне рога, голову снесу кинжалом!

— Ой-ой, мальчик, не слышком ли ты самонадеян?

¹ Дада — ласковое обращение к дедушке.

печально покачал головой Габо. — Боюсь, споткнешься ты...

— Не бойся, отныне ты не отец мне, вон мой отец, сидит во главе стола. Мои дела и поступки отныне тебя не касаются...

— Как ты смеешь так разговаривать с отцом? — резко прервал его Борса. — Или ты совсем потерял совесть?

— Какой он мне отец! — вскочил опять Булатыко. Паршивый сын осла посмел плеснуть мне в лицо грязью, а он не только не защитил меня, но и при всех слизняком обозвал! Разве отец так поступил бы?!

С трудом сдерживаемый гнев Габо прорвался:

— Долго ты еще будешь тявкать? Жалкий щенок, залез под чужой подол и лаешь на людей! Или ты думаешь, что я не смогу добраться до тебя?! — разум не справился с чувствами, и Габо с размаху швырнул в лицо сыну полный рог вина.

Булатыко сперва опешил, потом выхватил кинжал и бросился на отца, но Габо, изловчившись, ударил его большой костью по руке. Кинжал выпал из ослабевшей кисти на стол.

В комнате все смешалось. Булатыко рвался к Габо, но его крепко держали.

— Уберите его прочь с моих глаз! — взревел Борса.

— О, нет, мой дорогой тесть, не гони его, я доскажу свое слово. Кто знает, может быть, это наш последний разговор...

— Не желаю тебя слышать, голодранец! Убирайся сейчас же, не то придется выносить твой труп вперед ногами! — бился в руках дядей Булатыко.

— Уйду, слюняй! Но прежде я скажу свое слово. Слушай! Я обозвал тебя слизняком, но ты хуже, ты — свинья вошь! Да, да! Подобно клещу, ты впился в тех людей, которых называешь голодранцами, и безжалостно сосешь их кровь! Какое имеешь право, ты, дармоед, сидеть на шее своих дядей? Что здесь добыто трудом твоих рук? Почему ты презираешь тех, кто кормит тебя, ничтожество?! Кого ты лучше? Требуешь роскошной жизни, а сам гроша ломаного не стоишь!

— Ненавижу тебя! — ревел Булатыко! — Если бы ты не был таким ничтожеством, я бы не искал прис-

таница в чужом доме, не стал бы просить куска хлеба...

— А почему ты просишь, слизняк? Кто должен за тебя раздобыть его? Почему сам не зарабатываешь? Как ты можешь есть хлеб, облитый слезами чьих-то голодных детей? Ты же себя мужчиной называешь, шапку носишь на голове, не стыдно тебе быть лодырем, да еще с замашками богача? Ты говоришь, что отныне я не отец тебе. Нет, слизняк! Это ты мне больше не сын! Если ты останешься прежним, лучше умри от своего кинжала! Чтобы и я избавился от тебя, и те, кого голодранцами называешь! Пусть имя твое будет проклято людьми! Ты мне больше не сын! В мой дом и частица твоего труда не вложена. И не вздумай требовать своей доли! Живи у своих богатых родственников и подбирай остатки их пищи, как собака! Только запомни, той костью, которой тебя кормят сегодня, завтра могут дать по морде. Как щенка в ненастный день, тебя вышвырнут за порог и смерть свою найдешь под забором. Вот тебе мои прощальные слова! А вы, дорогие родичи, будьте здоровы! Простите, коли мой приход причинил вам беспокойство. Отныне я вас больше не потревожу, — закончил свою отповедь Габо, круто повернулся и скрылся за дверью.

В комнате наступила гробовая тишина. Илас, младший сын Борсы, хотел было выйти следом за Габо, чтобы проводить его, но сердитый голос отца настиг его на пороге:

— Пусть сам идет! Собаку до ворот не провожают. С этого дня для него закрыты двери моего дома! Хорошо, внук, что ты выложил ему все... А теперь садитесь за стол, мясо остыло...

Будто ничего не произошло, Борса продолжал свои тосты. Булатыко рог за рогом заливал свое горе аракой. Только Илас не сел больше за стол. Поведение племянника и отца возмутило его и, сославшись на усталость, он ушел к себе в комнату.

VI

Обида, нанесенная Габо сыном, свалила старика с ног, и он оказался прикованным к постели. Пред-

чувствуя недоброе, он позвал к себе Налкуту и ласково заговорил с ней:

— Подкосило меня горе, причиненное твоим братом, дитя мое. Лучше бы он умер, чем слышать от него такое... И мне было бы легче и тебе, опозорил он нас. Хотя, что позор... Даже враг не поступил бы с нами так подло... Да, дочь моя, он уже не сын мне и не брат тебе, одному богу известно, что будет завтра. Плохого я ему никогда не желал, да и сейчас не желаю, все же моя плоть и кровь, думаю, когда-нибудь он поймет свою ошибку и придет к нему раскаяние. Тяжко мне, ох, тяжело, — пропадет он с таким умом... А погубила моего сына родня матери. Твоя мать, царствие ей небесное, ушла в могилу непрощенной отцом за то, что все-таки стала моей женой. И прошу тебя, когда померкнет свет в моих глазах, ты, как бы трудно тебе не пришлось, не вздумай искать у них помощи. Когда умру, не посылай за ними... Большая обида у меня на сердце, девять раз перевернусь в гробу, если услышу их голоса в моем доме... Вот что я хочу сказать тебе: был у меня сын и не стало его, в моем доме одна ты остаешься наследницей, и трудно мне будет умирать, если не узнаю, что ты нашла свое счастье. Тебе пора уже найти друга жизни... Многие просят твоей руки, но я без твоего согласия никому не давал обещания. Не гони их от себя... Не подумай, что я требую поспешного решения, чтобы ты связала свою жизнь с тем, кто не мил сердцу твоему. Нет! Многие ищут родства с нами, и если кто-нибудь из них близок твоему сердцу, поделись со мной... Твоя мать в стране мертвых винить меня станет, что я не сумел устроить жизнь единственной дочери. Прости, дитя мое, что я так прямолинеен, но я знаю, ты поймешь меня...

— Понимаю тебя, баба... Гыци я не помню. Ты стал для меня и матерью и отцом, — обняла отца Налкута. — Я никогда и ничего не скрывала от тебя и сейчас ничего не утаю. Но я должна подумать, прежде чем дать ответ на этот вопрос...

— Ну, конечно, дитя мое, поразмысли хорошенько... Ты уж давно заневестилаась... Негоже долго засиживаться в девицах...

Слова Габо заставили задуматься Налкуту. Видит девушка, отец с каждым днем тает, горе совсем сломи-

ло его. Брат, как и предсказали, накликал беду на их дом.

А как любила Налкута своего единственного брата! Даже после того, как он ударил по ее лицу грязным сапогом, она не изменила своего отношения к нему. Но теперь, когда Булатыко довел отца до такого состояния, она не могла ему простить этого.

Видать, отец совсем занемог. Не зря он говорил о смерти. Страх объял Налкуту: что станет с нею, когда она останется одна в четырех стенах? Превратится в мишень для насмешек, и уж тут-то дадут волю своим языкам оскорбленные ее отказом женихи. А ее брат и не подумает защищать ее... Этого, наверное, и опасается отец, торопя ее выбором...

Пришло, видать, время выбрать друга по сердцу. Но кого выбрать из многочисленных женихов? Ведь сердце ее молчит до сих пор... Молчит? Неужели себе самой не признаешься? Не молчит сердце, нет, оно сделало свой выбор, иначе не стоял бы все время перед глазами облик того смуглолицего парня с праздника. Даже во сне она часто танцевала с ним. Ахсартаг — так, кажется, его зовут... Ахсартаг... Нет, нет, это невозможно, Балатыко из-за него бежал из отцовского дома. Горе в их доме началось с него... Впрочем, если бы Булатыко обогнал не Ахсартаг, а кто-нибудь другой, разве брат поступил бы иначе?

Ахсартаг... Любит ли его Налкута? Если бы не любила, давно бы забыла его. Да, но любит ли он ее? Горе мне, разве после того скандала на празднике он подойдет близко ко мне? Ох Булатыко, Булатыко!.. Как ты перевернул всю нашу жизнь вверх дном...

Что же придумать? Баба ждет ответа. Нет, нет! Прежде нужно узнать, любит ли он ее. Но кто сможет это узнать? Кыркыс... Ну, конечно, Кыркыс!

На другой день, прибрав дома, Налкута сказала отцу, что ей понадобились ножницы, и отправилась к Кыркыс.

— Зачем тебе ножницы, уж не свадебный ли наряд собралась скроить себе? — удивилась Кыркыс.

— Свадебный наряд нужен тем, кто замуж выходит, а мой черед еще не подошел, — улыбнулась Налкута.

— Ты такая жадная, что пока станешь выбирать да

перебирать женихов, в дряхлую старуху превратишься. А тогда сама не нужна будешь никому, — съязвила подруга.

— Не смейся надо мной, Кыркыс, возможно, я была гордячкой, но после того, что произошло с Булатыко... Отец мой не может никак на ноги встать, — слезы навернулись на глаза. Налкуты.

— Чем такого брата иметь, лучше вовсе лишиться его! И думать не смей о нем. Вот мой брат Асланбек — это да! Он для нас обеих будет надеждой и опорой... — успокаивала Кыркыс.

— Эта ссора на празднике, этот Ахсартаг... За что Булатыко обидел его? — как бы вскользь упомянула имя юноши Налкута, но Кыркыс смекнула, что это неспроста, и решила говорить напрямик.

— Уж не полюбила ли ты его?

— Кыркыс...

— Что ты так покраснела? О, святая богородица, наконец-то! — перекрестилась подружка.

— Не шути надо мной, Кыркыс...

— Не шутить я должна, а отшлепать тебя как следует. Сказала бы раньше, а то парни нашего ущелья продолжают сохнуть по тебе. А сердечко-то твое, поди, занято... Бедняги, хоть теперь вздохнут свободно...

— Ты все еще смеешься надо мной... Слушай, Кыркыс, давай поговорим серьезно.

— Уж не в свахи ли ты меня выбираешь?

Налкута рассказала о своем разговоре с отцом.

— Теперь понимаешь, почему баба так беспокоится о моей судьбе? А я, не узнав о чувствах Ахсартага, не могу дать ответа отцу.

— Все ясно, доверь дело мне. Завтра же отправлюсь к материнской родне, а послезавтра жди привета от Ахсартага, — твердо пообещала Кыркыс.

— Только пожалуйста... Чего доброго, ему еще взбредет в голову, что...

— Будто ты этого не хочешь... Парень в моих когтях, в какую сторону захочу, в ту и согну.

— Ну, прости, я побежала, отца одного оставила, — таторопилась Налкута.

— Постой, возьми ножницы!

Налкута обернулась и смущенно улыбнулась.

— Э-э, лиса, лиса... Думаешь, я не поняла тебя? Я

тебе этими ножницами язык отрежу... но после встречи с ним, — Кыркыс шутливо погрозила пальцем вслед Налкуте.

Девушка концом шали прикрыла лицо и бросилась бежать домой.

VII

Хасана давно распрощался с надеждой когда-нибудь иметь детей. Он и ждать перестал. Как-то вечером он вернулся домой усталый. Зарина, сияя от счастья, выбежала ему навстречу.

— Хозяюшка, что-то хорошее случилось, сегодня ты необычайно весела, — удивился Хасана.

— Случилось, Хаса, случилось! — Частливо засмеялась она и, как когда-то в дни юности, обвила шею мужа руками и шепнула на ухо: — Скоро в нашем доме появится ребенок.

— Какой ребенок? — не понял сразу Хасана.

— Наш, Хаса, наш, — еще крепче прижалась она к груди мужа.

— Наш? Что ты говоришь, Зарина? — не поверил Хасана своим ушам. — Может быть, тебе...

— Нет, нет, я сначала не поверила, ничего тебе не сказала, но сегодня он зашевелился вот здесь, — она показала рукой. — Я и Фардыг уже рассказала...

— О, великий боже, слава тебе! Стало быть, дошли до тебя наши мольбы! — Хасана подхватил жену на сильные руки и бережно, как ребенка, занес в дом.

До самого утра не сомкнули глаз Зарина и Хасана, переживая радостное известие.

С того дня единственной темой разговоров и забот обеих семей стал еще не явившийся на свет младенец. Зарине теперь не позволяли даже дом прибирать. Фардыг сама управлялась по хозяйству в обоих домах.

Новость облетела весь аул, и не осталось женщины, которая не дала бы Зарине дельного совета.

Хасана и Зарина считали дни. Однажды под вечер Зарина занемогла и к утру родила мальчика.

Второй день все идут и идут люди с поздравлениями к Хасане. Барсаг сделал большой кувд¹ в честь по-

¹ Кувд — пир.

жившегося в семье брата наследника, и два дня и две ночи не смолкали песни в его доме.

...Хасана и Ахсартаг косили сено на небольшой полоске луга на Южном склоне. Но мысли Хасаны были далеко отсюда. Это было заметно по его работе: пройдет один прокос, остановится на краю луга и смотрит неотрывно в сторону аула. Ахсартаг понимал его состояние и деликатно предложил:

— Хасана, здесь почти не осталось работы. Я сам скошу то, что осталось. Сегодня уже поздно сгребать сено, иди-ка ты домой. Правда, гицци там, но может, Зарине нужно помочь...

С того дня, как у Хасаны родился сын, он не мог жить без семьи. Как бы далеко он не был от дома, мысли его всегда возвращались к жене и сыну. Ночами ему казалось, что ребенок перестал дышать, он вскакивал с постели и бросался к люльке, чтобы ощупать спящего младенца. Зарина даже несколько раз упрекнула мужа за излишнюю мнительность... Вот и сейчас мысли его умчались к дому. Но жалко Ахсартага, работы здесь еще невпроворот.

— Иди, Хаса, иди. Говорю же, сам скошу луг, — снова обратился к нему Ахсартаг, и лишь после этого Хасана вскинул косу на плечо.

Ахсартаг остался один. Жара несколько спала, работать стало легче. Ниже по склону, за зарослями белены, идут друг за другом, точно стая журавлей, косари Хунцела. Снизу до Ахсартага отчетливо доносится ругань Хунцела. Старый беззубый волк сцепился с кем-то из своих батраков и понес такую брань, что даже всех покойников рода несчастного батрака помянул. С другой стороны долетает дружное «вжик-вжик» косарей Солыма. Ахсартаг знает, что назло Хунцелу Солым подкупил своих работников. Давно грызутся, как кошка с собакой, эти два ненасытных волка. Никак не могут договориться, кто же из них все-таки лучше. Впрочем, они стоят друг друга: оба — отпетые негодяи. Особенно Солым, коварный и злой. Чуть не погубил его тогда на празднике! Ахсартаг до сих пор раскаивается в своем легкомыслии. Согласиться участвовать в скачках вместо него! Позже он узнал, почему Солым изменил свое решение, не стал состязаться с Булатыко. Солым хотел отомстить сестре Булатыко, которая опозорила его при

всем честном народе. Он хорошо знал, чем может кончиться дело, и вместо своей головы подставил его, Ахсартага дурью башку. И вот теперь они с Булатыко враги. Говорят, что он очень вспыльчив и злопамятен. А не встретиться они не могут, живя в соседних ущельях. Он не боится Булатыко, но враг коварен, может напасть из-за угла, а в честном поединке Ахсартаг сумеет постоять за себя.

«Но какая у него удивительная сестра! Говорят, ее зовут Налкута, лишь потом мне сказали, что она сестра Булатыко. Она тоже гордая, как и ее брат. Как она проучила Солыма, и, ей-богу, он получил по заслугам. А какая красавица! Сначала она мне грубоватой показалась, но потом вдруг стала нежной и женственной. Наверное, она изменилась в танце. Господи, как она божественно танцует. Всю жизнь бы плясал с нею! Она как-будто околдовала меня... Эх, говорят, бедняк снами богат. Зачем ей такой оборванец, как я? Потому и задел меня ее брат. В мужестве и смелости я никому из ровесников не уступаю, но они, видимо, смотрят на все сквозь червонцы. Слышал я, что ее отец — известный и уважаемый человек. И даже дружит с моим отцом. Но какое все это имеет значение?..

Налкута... И почему только рождаются на земле такие красивые девушки? Одним они приносят радость, другим сердце ранят. Они — как звезды, до которых тянешься, но рукой их не достать. Но сердце ни с чем не считается, не разбирает богатых и бедных. Как жаль, что желаниям сердца не всегда удается сбыться... Она сняла шаль и дала ее мне... О, небо, будто солнце вложила она в мои руки, чуть не обжегся! Нет, нет, Ахсартаг, нет! Эту звезду бог не для тебя предназначил, она с небес сошла для другого, и ты забудь ее, особенно после этой ссоры...» — текут мысли юноши.

«Оп-оп! Оп-оп!» — раздается в вечерней прохладе дружный возглас работников Солыма.

«Вы еще и петь можете, когда Солым с вас семью шкур сдирает, — думает Ахсартаг. — Хотя вы не виноваты: если хозяин рассердится на вас, то не заплатит вам жалованья и детишки ваши останутся без хлеба...

Ну вот и все, сбрил наголо весь луг. Теперь можно и домой. Да и солнце уже садится».

Ахсартаг вскинул косу на плечо, засунул за пояс мо-

лоток, бабку для правки косы — подмышку и, насвистывая, стал спускаться вниз. Солнце скрылось за горами. Пастухи пригнали скот. Косари Солыма и Хунцела поодиночке, еле волоча ноги, разбредались по домам.

«Надо помыть косу», — подумал Ахсартаг и свернул к роднику. Женщины несли на плечах тяжелые кувшины с водой. Одна из них — Тлаттон, жена Цоры, придержала шаг. Ахсартаг поздоровался с ней.

— Что с тобой, парень, идешь так, будто тебе некуда спешить, — приветливо улыбнулась женщина.

— Наслаждаюсь свободой, Тлаттон. Появится потом какая-нибудь змея в доме и уже некогда будет прохлаждаться, — шуткой ответил он.

— Ты пока найди эту змею, а там видно будет. Тебе и впрямь пора жениться, — без обиняков начала Тлаттон.

— Да уж пора бы, да, говорят, девушки сторонятся таких растяп, как я, — промывая косу под струей воды, сказал Ахсартаг.

— Есть и такие, что не сторонятся, — обронила женщина.

— Таких трудно найти, как землянику под новый год.

— Нерадивые и под скалой камушка не находят... Слушай-ка, зайди вечером к нам.

— Да у вас не то что камушка, песка не найдется...

— Кто знает, может ты не камешек, глыбу найдешь.

— Ой ли?

— Непременно зайди, слышишь, парень? — вскинув кувшин на плечо, заспешила жена Цоры.

Ахсартаг догадался, что Тлаттон имеет на него виды. Но Ахсартаг не бросается, как некоторые, на подобные сомнительные знакомства. Не придав особого значения словам женщины, он тщательно обтер косу лопухами и неторопливо зашагал домой.

Едва семья села ужинать, как со двора позвали Ахсартага. Он вышел во двор.

Во дворе стояла маленькая дочь Цоры — Фари.

— Чего тебе, маленькая? — спросил Ахсартаг.

— Гыцци мне тихонько сказала, чтобы ты немедленно шел к нам, — затараторила девчушка.

— А кто у вас, мой цыпленок?

— Одна девчушка, — выпалила Фари.

— А кто эта девушка? Скажи мне по секрету, а я за это тебе завтра вечером земляники принесу, — присев на корточках перед Фари, расспрашивал Ахсартаг.

— Как кто?.. Наша родственница...

— Какая родственница, цыпленок?

— Кыркыс. Баба и гыцци называют ее плю... пли... племянницей.

— А зачем она пришла к вам?

— Не знаю, — девочка пожала худенькими плечиками.

— А о чем они говорили? Неужели ты ничего не слышала?

— Слышала...

— Что?

— О тебе говорили...

— Бранили меня?

— Вот еще!.. Какой смешной! Наоборот, хвалили. Потом еще про какую-то Налкуту говорили, что она хорошая девушка...

При упоминании имени Налкуты по телу Ахсартага пробежал приятный трепет. Он знал, что Кыркыс — племянница Цоры, но Налкута... Тут же сообразил, что девушки из одного аула. Да и на празднике он все время видел их вдвоем, подружки они... Знать, не зря его зовут.

— Беги домой, зайчонок. Скажи своей гыцци, что сейчас приду, — он быстро вернулся в дом.

Маленькая Фари еще не успела толком рассказать, о чем ее расспрашивал Ахсартаг, как он сам появился в их доме. Ахсартаг пожелал доброго вечера хозяевам, вежливо поздоровался с Кыркыс.

— Скажи, пожалуйста, как долго ты заставляешь себя ждать, — упрекнула позднего гостя Тлаттон...

— Простите, — запнулся юноша, — задержался по делу.

После ужина Цора под каким-то предлогом вышел из комнаты. Тлаттон ушла укладывать Фари спать. Кыркыс и Ахсартаг остались одни.

Юноша начал волноваться. Узнать бы поскорее, зачем он понадобился Кыркыс. Может быть, Налкута прислала ее, чтобы помирить его с братом? Но неужели для этого в их ауле не нашлось мужчины?

Наконец Кыркыс нарушила молчание.

— Ахсартаг! Прости меня, что позвала тебя в такой поздний час, но я пришла сюда не ради тебя...

— Что я за птица такая, Кыркыс, что из-за меня ты причиняешь себе столько беспокойства? Я, право, не заслуживаю этого, — заговорил Ахсартаг с явным облегчением от того, что не ему первому пришлось затевать разговор.

— Если мы пойдем друг друга, то с тебя причитается магарыч, — осмелела Кыркыс.

— Раз понадобилась кому-нибудь моя голова, то вот она, — улыбнулся он.

— Ахсартаг, я не стану ходить вокруг да около, лучше скажу прямо, — начала Кыркыс. — Знай, что здесь я с согласия Налкуты. Ты видел ее. Я не стану расхваливать ее — вряд ли тебе это нужно. К ней сватались самые доблестные и богатые в горах женихи, но она отвергла их, потому что никто не покорила ее сердца. Это смог сделать ты.

— Я? — искренне изумился юноша.

— С того дня, как увидела тебя на празднике, не находит себе места. Не подумай, что она поправа девичий стыд и прислала меня быть посредницей между вами. Девушка меж двух огней: с одной стороны — горе, причиненное братом, с другой — отец ее очень болен...

— Кыркыс, пусть не обидят тебя мои слова, но я что-то не пойму... По твоим словам выходит, что у тебя дело спешное, — заметил Ахсартаг.

— Спешное, очень спешное. Отец у девушки, как я сказала, в тяжелом состоянии, он недолго проживет и желает при жизни устроить счастье своей дочери, вот Налкута и торопится дать ответ отцу.

— К чему такая поспешность, у нее ведь брат есть? — удивился Ахсартаг.

— Брат! Да лучше бы он умер вместо своей матери, — прокляла в сердцах Кыркыс. — После ссоры с тобой он ночью удрал к материнской родне, которая его воспитала. Чтоб в скором времени весть о его смерти дошла до нас! — не успокаивалась девушка. — Из-за него отец Налкуты слег с больным сердцем. Так что, Ахсартаг, если ты не против, незачем вам затягивать это дело. Повидайся с Налкутой, поговори обо всем сами. Еще раз повторяю, девушка должна

выполнять волю отца. Налкута хочет знать твое мнение. В субботу я буду ждать тебя у нас дома. Только, заклинаю, не заставляй себя долго ждать, как сегодня. Если не придешь, скажи сейчас же...

Вошел Цора, и Кыркыс не договорила. Ахсартаг взглядом выразил свое согласие прийти и поднялся.

— Ну мне пора идти, извините за беспокойство...

— Посидел бы еще, — удерживал его Цора.

— Уже поздно, чтобы рассиживаться. Доброй ночи, хозяйushка, спасибо, Цора, до свидания, Кыркыс, — попрощался со всеми Ахсартаг и вышел в ночь.

Шел задумавшись, и даже не заметил, как прошел мимо своей калитки и взошел на пригорок над аулом. Присел на камень. От разговора с Кыркыс мысли его смешались.

Как могло случиться, что та, о ком лишь сегодня он грезил наяву, которая казалась ему недосыгаемой, как звезда в небе, полюбила его? Неужели среди стольких поклонников не нашлось достойней его? Ахсартаг не верил в чудеса, но тут, видно, не обошлось без вмешательства доброй феи. «Какой же я глупый! Девушка ночами не спит от любви ко мне, сам всечасно мечтаю о ней, а не решаюсь подойти!.. Да, но ее брат? Ведь он стоит на моей дороге. Прочь! Коли дело складывается так, как говорит Кыркыс, то нельзя считаться с этим наглым Булатыко, не следует оттягивать встречу с Налкутой. Сейчас, наверное, она не спит, ждет с нетерпением Кыркыс с ответом. Хоть бы скорее пришла суббота. Сегодня четверг, завтра пятница, послезавтра... Послезавтра!»

Луна выплыла на середину неба. Запели вторые петухи.

— Эй, кто здесь? — слышался рядом чей-то окрик.

— Это я, не пугайся! — узнав по голосу Адзыбе, отозвался Ахсартаг.

— Что ты полуночищаешь? — удивился друг.

— Ночь красивая, луна... — начал было Ахсартаг, но тут же осекся. — А что ты ищешь?

— Сегодня я Солыму сено косил. Пришел поздно... Волос своих не застал дома, боюсь, как бы они чужое поле не потравили. Идем-ка, поищем их вместе.

— С удовольствием, все равно сон бежит от меня.

— Неспроста тебе не спится... Кажись, влюбился?

— Не просто влюбился, а полюбил, друг мой!

— Да будет угодно богу! Дружкой на твоей свадьбе буду. А сейчас, пойдем-ка, поищем волов, не то они достанутся медведям, и молодой невесте не на чем будет приехать...

Так, тихо переговариваясь, они направились к Оленьей балке.

VIII

В субботу, на рассвете, едва запели первые петухи, Ахсартаг вскочил с постели, наскоро оделся, снял одностволку со стены и, предупредив домашних, что идет на охоту, направился в сторону горы Тызмагхох. Там, в объятиях ледников, в знойные летние дни часто отдыхают серны. Почти до самого обеда выслеживал их охотник, но так и не встретил ни одной. Солнце начало клониться к западу, когда на языке ледника он приметил стадо. Подкрался к ним на расстояние выстрела. Прицелился. Грянул выстрел — одна из серн упала, остальных — точно ветром сдуло. Взял на плечи добычу, и к вечеру добрался до Уалвазкау. На краю аула спросил прохожего:

— Не скажешь ли, добрый человек, где живет Дзабег Цомаев?

Мужчина, увидев на спине Ахсартага тушу серны, так обрадовался, словно этот незнакомый охотник был ему родным братом.

— Живет-то он вон там, но у них во дворе злые собаки, я провожу тебя, иначе серну, которую подарил тебе Афсати, они вмиг стащат с твоих плеч.

Ахсартагу не хотелось, чтобы в селе узнали о нем. Потому-то он и постарался в сумерках прийти в аул. Собрался сказать мужчине, чтобы тот не беспокоился, но доброхот уже умчался вперед, и Ахсартагу ничего другого не оставалось, как следовать за ним. Они шли по кривым и узким улочкам аула, вдруг проводник остановился перед воротами какого-то дома и крикнул:

— Эй, Дзабег, выходи, гостя к тебе привел!

В ответ во дворе пару раз таякнула собачонка. Вот так, «злые собаки»! Отворилась дверь, хозяин вышел на порог и песик, поджав хвост, скрылся в конуре.

— Гость — божий гость, заходите в дом, — открывая калитку, приговаривал Дзабег.

— Гость, да еще какой! Со своим угощением! — поспешил сообщить вертлявый мужичишка. — Ребята, не мешкайте, принимайте поскорее дар Афсати и разделайте его. А ты, девушка, сбегай ко мне домой и, если у старухи где-нибудь припрятана арака, быстро тащи ее сюда!

— Погоди-ка, Абысал, дай прежде гостю войти в дом. И араку, и барана мы найдем сами. Только вот поздороваемся с гостем! — недовольно заметил Дзабег.

— Ну, в таком разе, девушка, стой! Да и моя старуха уже спит таким мертвецким сном, что семь пар буйволиных упряжек не поднимут ее. Но вы, ребятки, шевелитесь, — суетился Абысал.

Двое юношей, вышедших следом за Дзабегом на крыльцо, взяли тушу серны, и отнесли в сарай. Абысал с готовностью выхватил свой нож:

— Вот вам нож, ребята! Вы только подсобите мне, я мигом разделаю ее, — вертелся угрем Абысал.

— Да чтоб в твой живот вместо еды горящие угли попали! Потерпел бы немного, — бросил Дзабег вслед Абысалу. — Ахсартаг, входи в дом, рад тебе от души.

Услышав от хозяина свое имя, Ахсартаг сообразил, что тот знает о цели его визита, и смутился. На веранде его встретила Кыркыс, руки которой были в тесте.

— Разве я велела тебе приносить с собой дичь? — тихо упрекнула она его. — Как бы эта девушка не возгордилась... Знаешь...

— Доченька,пусти же гостя в дом, — слышался из комнаты слабый женский голос.

— Сейчас,гыцци, — Кыркыс проводила Ахсартага в комнату.

— Добрый вечер, Хадизат, — поздоровался с хозяйкой Ахсартаг, пожав немощную руку. — Простите меня, что в такое неурочное время врываюсь к вам.

— Добро пожаловать, мой мальчик, не смущайся, ты не в чужом доме. Твой отец Барсаг был дружкой на нашей свадьбе, много хорошего он делал для нас... Дай-ка я погляжу на тебя. Дочка, подними-ка повыше лампу. Я уж слаба глазами стала... Вот так. Орел, ну, настоящий орел, да воздаст тебе господь щедрой мерой! Чтобы твои родители не уставали радоваться на

свое солнышко, — обняла Ахсартага женщина. — Часто болею, вот уж лет десять, как не бывала у родни своей в вашем ауле. Из молодежи, наверно, никого уже не узнаю, все выросли. Устройся поудобнее возле меня, хочу расспросить тебя, что нового в родном ауле, — Хадизат усадила юношу на низенькой скамеечке у кровати. — А ты, Кыркыс, займись своими делами.

— Хорошо, гыщи, — кивнула девушка и скрылась за дверью.

* * *

В тот день Налкуте казалось, что вечер никогда не наступит. После того, как Кыркыс рассказала ей о разговоре с Ахсартагом, девушка не находила себе места. Все валилось из рук, бралась то за одно, то за другое дело и тут же бросала. Отец понял, что дочь чем-то взволнована, но терпеливо ждал, когда она сама раскроет ему причину беспокойства.

Солнце зашло. Волнение Налкуты все нарастало. То и дело выскакивала на веранду, прислушиваясь к звукам за воротами. Наконец, во дворе послышался шум чьих-то шагов.

— Налкута, ты дома? — раздался негромкий голос Кыркыс. Налкута выскочила за дверь. Долго не возвращалась, потом появилась в комнате, замерла у дверей, не в силах вымолвить ни слова.

— Что это с тобой происходит, доченька, такой взволнованной я тебя еще не видел, — не выдержал затянувшегося молчания отец. — Подойди-ка поближе, сядь вот здесь и все по порядку Расскажи.

Девушка медленными шагами подошла к отцу и, пряча глаза, присела на кровати у его ног.

— Слушаю тебя, девочка моя, — Габо повернулся на бок.

— Баба́, — с трудом подбирая слова, заговорила Налкута. — Помнишь, ты недавно сказал мне, выбери себе друга по сердцу и сообщи мне о своем решении?..

— Конечно, помню. С тех пор жду от тебя ответа.

— Вот я и... — лицо девушки запылало от смущения.

Отец догадался, что творится в душе дочери и осторожно спросил:

— Кто он, доченька?

— Ты знаешь его, баба́, но... — голос Налкуты прервался на полуслове.

— Но что?

— Это тот парень, с которым Булатыко поругался на празднике...

— Сын Барсага Бесолова? — с явным облегчением вздохнул Габо. — Вот это да!

— Прости меня, баба́... Ты сам пожелал... и я сделала, как ты велел...

Габо ненадолго задумался.

— Твой брат сам был виноват. Если он тебе по душе, то не отказывай ему из-за Булатыко, чтобы не раскаиваться в будущем. Я ничего не имею против твоего выбора. Кто близок твоему сердцу, тот дорог и твоему отцу. А парень мне показался настоящим храбрецом.

— Да, баба́, но что будет с тобою? Одного я тебя не оставляю, — слезы подступили к ее горлу, и она упала на грудь отца. — Лучше ты похорони свою дочь, чем это случится...

Габо погладил по голове дочь. Да, он не подумал об этом раньше, как же успокоить бедную девочку сейчас? Знает Габо, что дни его сочтены, что сердце уже отказывается выполнять свою работу и скоро совсем перестанет стучать в груди, но прежде, чем навсегда закроются его глаза, он должен быть уверен, что оставляет свою дорогую дочь счастливой на этом свете. Большой награды он не просит у бога. Габо знает, что Налкута не оставит своего больного отца одного, и это тревожит его. Что же станет с ней самой после его кончины?

— Я поправлюсь, дитя мое, не тревожься за меня. Видишь, в последние дни я чувствую себя лучше. Потом, после свадьбы, вы с мужем будете изредка навещать меня и все наладится. Бесоловы не такие люди, чтобы не понять тебя. Отец Ахсартага Барсаг — уважаемый человек, он не даст тебя в обиду. А обо мне не беспокойся, доченька.

— Баба́...

— Что, солнышко?

Девушка замаялась, очевидно, не решаясь сказать.

— Молчишь? Думаешь, я не знаю? Иди к нему, он ждет тебя...

— Что ты, баба́, — Налкута прижала к щеке худую жилистую руку отца.

— У, чертенюк, насквозь тебя вижу. Кыркыс не зря приходила, — шутливо потрепал он дочь за ухо.

Налкута еще пуще зарделась, улыбнулась и вскочила на ноги.

— Иди, иди, тебя давно дожидаются...

— Что мне сказать ему, баба́? — робко спросила она.

— Вели ему позаботиться о сватах, — слова отца подхватили и понесли Налкуту, как на крыльях.

* * *

Ужин подали. Семья Дзабега и гости уселись за стол. Хозяин поднял первый тост в честь бога и всех святых — покровителей гор. Абысал закатал рукава своей латаной-перелатаной черкески, достал нож, и его челюсти принялись молотить, как мельничные жернова.

— Э-э, дай бог тебе долгой жизни, и пусть Афсати всегда будет благосклонен к тебе, — Абысал опрокинул рог араки. — Очень хорошо, что ты появился здесь. Очень хорошо... Очень хорошо, — благодарил он Ахсартага после каждого выпитого рога.

Все домочадцы, кроме Кыркыс, сидели за столом. Она пекла пироги и горячими подавала их к столу. То и дело она куда-то исчезала, потом появлялась снова.

Абысал не щадил себя. Его нос, довольно внушительных размеров, покраснел. Он без умолку болтал, потом вдруг затянул песню о Уастырджи. Песни следовали друг за другом, и стало ясно: Абысал совершенно забыл, что разгулялся он в чужом доме и надо будет рано или поздно убраться отсюда подобру-поздорову.

Улучив минутку, когда внимание всех переключилось на Абысала, Кыркыс подошла сзади к Ахсартагу, что-то шепнула ему на ухо и тут же вышла.

Абысал допел до конца песню про Дзутты Кудзи и только собрался затянуть «Ларсаг Кудайнат»¹, как

¹ Дзутты Кудзи, Ларсаг Кудайнат — персонажи популярных в Осетии героических песен.

Ахсартаг попросил у хозяина дома разрешения выйти из-за стола. Дзабег кивнул. На веранде его дожидалась Кыркыс.

— Этот обжора будет сидеть и петь, пока не уснет за столом, — злилась Кыркыс. — Идем-ка со мной, с каких пор она тебя дожидается!

— Неудобно, Кыркыс, — смешался Ахсартаг.

— Идем, идем, — девушка решительно схватила его за руку и потащила за собой в комнату; в дальнем конце балкона.

В полутемном углу, сжавшись в комочек, сидела Налкута. Увидев Ахсартага, она вздрогнула, встала и шагнула в сторону, словно защищаясь.

— Что ты испугалась, как будто волка привела к тебе? Будьте знакомы! Хотя, вы давно знаете друг друга, — тараторила Кыркыс. — Видишь, парень, она покрылась той шалью, которую подарил ты ей за танец. Ну, вы потолкуйте тут, а я пойду, подбавлю Абысалу араки — да чтоб он разорвался на тысячу частей! — Кыркыс взглядом подбодрила Ахсартага и скрылась за дверью.

Многое хотели сказать друг другу Ахсартаг и Налкута, но, подобно тому, как ветер разбрасывает сухие листья, разлетелись их слова.

— Вот тоже, оставила нас одних, — проговорила наконец Налкута и шагнула к двери.

— Не уходи, Налкута, прошу тебя, — остановил ее Ахсартаг.

— Беспокоюсь об отце... Болен он, а никого возле нет, — тонкие пальцы нервно теребили бахромку шали.

— Только одно слово... Я не стану тебя задерживать, — трепетно и взволнованно, точно душу его уносила с собой, проговорил Ахсартаг. — Прости меня, Налкута. Глупая история вышла у меня с твоим братом. Если бы я знал... — запнулся он.

— Булатыко сам был виноват, — поспешила ему на выручку она.

— С тех пор я терзаюсь раскаянием. Хотя, после этого танца...

— Прости... Эта проклятая гордость... мне не следовало так поступать... Но тот мужчина...

— Этому дню я буду молиться вечно...

Я тоже, — вырвалось признание. — Спасибо за подарок.

Шаль была твоей, а золотой десятирублевки у меня не было...

— Будь она у тебя, возможно, мы сегодня не встретились бы.

— Налкута, Кыркыс мне все рассказала. Признаюсь, не ожидал, что ты на мне остановишь свой выбор.

— Решил, наверное, что девушка совсем стыд потеряла, сама сватов засылает...

— Я готов умереть за тебя, Налкута. Как я мог так подумать?! Если бы Кыркыс не открыла мне твое сердце, то...

— Ты бы не пришел?

— Честно говоря, нет.

— Может, и впрямь мое поведение постыдно? Может, у тебя другая девушка есть? А я привела тебя силой?..

— Не говори так, Налкута. Ты такая красивая, а я... Я никогда не решился бы подойти к тебе. И потом, случай с Булатыко совсем отрезал мне путь к тебе...

— Я тоже думала об этом. Потому и послала к тебе подругу.

— Мне очень жаль, что твой отец занемог. Он, должно быть, сердит на меня за сына.

— Вовсе нет, Ахсартаг, баба́ ничего не имеет против тебя...

— О, боже великий, как мне благодарить тебя!

— Только об одном прошу тебя... Мне хотелось бы знать твое мнение... Я не помню свою мать. Баба́ мне заменил и мать и отца, но сейчас он тяжело болен, и я не смогу его одного оставить. Кроме меня, у него никого нет, сын отказался от него.

— Понимаю тебя, Налкута. Как только мы обо всем договоримся, ты останешься с ним до тех пор, пока он не выздоровеет. А если он захочет, то мы оба поселимся у него. Он мне будет, как отец. Вот вам две мои руки: одну — тебе, другую — отцу твоему.

— Спасибо, милый... Прости меня, но отец там совсем один... Ты поспеши со сватами... Это его желание, ты понимаешь, почему он торопится...

— Через два дня ждите сватов. А сейчас иди, я не смею тебя задерживать...

Дверь скрипнула, и в комнату вошла Кыркыс.

— Совсем упился этот баламут. Слава богу, потащился к себе домой... Ну, а вы чего мешкаете? О своих чувствах вы потом поговорите, а сейчас надо коротко обсудить главное. До утра немного осталось...

— Иду, уже ухожу, Кыркыс...

— И с каким решением уходишь? Мне что, не положено это знать?

— Пусть твой гость сам расскажет тебе, — смущенно ответила Налкута и заторопилась уходить.

— Парень, проводи девушку до дому. Хотя, нет, погоди, тебе еще нельзя, лучше я сама. Ну, пошли, Налкута, если только отец еще впустит тебя в дом!

Налкута краешком глаза взглянула на Ахсартага. Тот ответил ей влюбленным взглядом.

Запели петухи, где-то на краю аула залаял с перепугу пес.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

I

По всему Тедотикау разнеслась весть о сватовстве Ахсартага Бесолова и о согласии дочери Габо, красавицы Налкуты, выйти за него замуж. Называли даже время свадьбы — праздник Джиоргоба. Эта новость поразила СоLYма как гром среди ясного неба. Как могла гордая Налкута отдать предпочтение нищему сыну Барсага! Всего он мог ожидать, но только не этого. Как мог Булатыко после своего посрамления выдать сестру замуж за обидчика? СоLYм отказывался верить слухам, но когда ему сказали, что сватами на помолвке были Адзыбе и Хасана, он отправился к Адзыбе, чтобы поподробней разузнать обо всем.

СоLYм от злости рвал и метал. Давно собирался он посвататься к Налкуте, но день ото дня все откладывал. То с торговцами в Чреба у него были дела, то отары переправлял в Кизляр на зимние пастбища, потом подошло время сенокоса и вот, пожалуйста, — девушка ускользнула из рук... Крепко задумался СоLYм: как расстроить помолвку, сделать так, чтобы девушка досталась ему. По словам Адзыбе, отец невесты

не станет менять решения. А похитить чужую невесту — дело опасное, без кровопролития не обойтись. К тому же Солым не очень хочется встречаться с противником один на один на краю пропасти. Кто не знает о силе и ловкости Барсагова щенка?.. И потом, если даже чудом избежится от Ахсартага, не миновать встречи с Хасаной и Адзыбе. Особенно опасен для него Адзыбе, они с Ахсартагом закадычные друзья. Открыто выступать против них он не решается. Здесь впору действовать умом и хитростью. И Солом придумал: нужно сделать Булатыко орудием своих замыслов, иначе они погибнут, так и не увидев света.

Солом оседлал коня и к вечеру уже стучал плетью в ворота Борсы. Хлебосольно приняла его родня Булатыко. Борса умел быть щедрым с равными себе по богатству.

После ужина Солом предложил хозяину:

— Борса, не удивляйся цели моего приезда. Слышал я, что ты держишь породистых коров, и был бы рад, если бы ты продал мне пару. За ценой не постою.

Борса знал, что Солом не любит выторговывать пятак на доброй сделке. Поэтому он сразу же согласился.

— Таких хороших коров, как у меня, во всем ущелье не найти. Не для продажи я их развожу, но такому достойному человеку отказать не могу. Посмотри их, выбери, какие по душе, и — пожалуйста!

На следующее утро Солом поднялся рано. Пошел проведать коня и застал в конюшне Булатыко. Юноша любовно поглаживал лошадь по холке, шептал ей ласковые слова.

— Клянусь богом, чудесный у тебя конь, — глубоко вздохнул Булатыко, завистливо поглядев на Солома. Тот подстегнул тщеславное сердце парня.

— Второго такого коня в наших горах не сыскать. Я привез его из Кабарды. Один алдар предлагал мне за него свою дочь и половину принадлежащих ему земель. Но что такое девушка по сравнению с таким скакуном? У храбреца и доброго скакуна одна слава.

— Это верно! — со стоном подтвердил Булатыко.

— Не согласился бы ты поехать со мной к вашему загону? Хочу посмотреть коров Борсы. Ты садись на

моего коня, а я — на твоего, — лукаво предложил Со-
лым.

— Буду очень благодарен! — глаза Булатыко блес-
нули горящими угольками.

После завтрака они сели на коней и поскакали к
загону. Солым нарочно пропустил вперед Булатыко.
В седле юноша преобразился. Соколом промчался впе-
ред, круто развернул коня, быстрым галопом вернулся
назад и, подняв коня на дыбы, резко осадил его перед
довольным Солымом.

— Солым, заклинаю тебя памятью твоего отца и
твоей матери, продай мне своего скакуна! После того,
как я вчера увидел его под тобой, мой конь кажется
мне жалкой скотиной. Знай, если ты не уступишь его
мне, я не смогу жить. Скажи, что ты хочешь за него?
— слезно молил Булатыко:

«Попался, петушок, поймал я тебя за хохолок, не
вырвешься...» — злорадно подумал Солым про себя, а
вслух сказал:

— Я же говорил тебе, Булатыко, что не продам его.
Ты знаешь, что это за конь? Помнишь скачки на празд-
нике Рагдзуар? — подколот он честолюбивого юношу.

Лицо Булатыко пошло бурыми пятнами.

— Это тот?!

— Тот самый... Прости, я не знал, что все так кон-
чится, а то не дал бы его голодранцу Ахсартану. Честно
говоря, мне и самому обидно было, что он тебя обо-
шел, — притворно вздохнул Солым.

Стрела, пущенная искусной рукой, достигла цели.
Булатыко уронил голову на грудь.

— Этого оскорбления ему показалось недостаточ-
но, так он еще вздумал жениться на твоей сестре! И
как ты мог простить ему эту дерзость?! Он не достоин
дышать одним воздухом с тобой, не то, чтобы пород-
ниться с сыном Габо! — Солым подсыпал соли на от-
крытую рану.

— Не говори мне о них! У меня нет ни отца, ни сес-
тры!! — жгучей болью заныла рана, и он сорвался на
крик. — Пусть выходит за кого угодно, мне все равно!

— Эх, ты! А я считал тебя настоящим мужчиной...
Не к лицу мужчине так говорить о единоутробной сес-
тре, — упрекнул его Солым.

— Солым, прошу тебя, замолчи, иначе я не руча-

... за себя! — взвыл Булатыко и соскочил с коня. — Убирай своего коня и убирайся отсюда! Мне с тобой пальце не по пути!

Солым осторожно повернул разговор в другое русло.

— Булатыко, не сердись, не хотел я тебя обидеть! Прости, ошибся я, — соскочил с коня и Солым. — Не думай, что меня очень волнуют коровы твоего деда. Сюда я пришел ради тебя...

— Пришел — так говори прямо! Не ходи вокруг да около.

— Тебе ведь нравится мой конь?

Лицо юноши просветлело.

— Почему ты спрашиваешь?

— Давай говорить прямо, как мужчина с женщиной. Слушай! Тебе нравится мой конь, а мне — твоя сестра.

— Налкута?

— Твой отец отдал ее другому. Я тебе уже сказал кому. И вот мое условие: Налкуту — мне, коня — тебе. Коли согласен, вот тебе моя рука, — Солым протянул ладонь, но Булатыко оставался неподвижным. — Ну, воля твоя, теперь решай сам. Если тебя не устраивает мое предложение, я пойду своей дорогой.

Булатыко задумался, нервно покусывая губы. Заждавшись ответа, Солым взял под уздцы лошадь. Пальцы Булатыко, лежавшие на сбруе по другую сторону шеи, словно приклеились к ремню. Солым дернул за поводок и оторвал от него пальцы юноши.

— Не нужен тебе мой конь? Садись на своего. Только помни, опять отстанет он у тебя, как тот, белый, — Солым легко вскочил в седло.

— Постой! — взвизгнул Булатыко.

— Говори, мне пора домой, — Солым придержал коня.

— Сегодня ночью я украду для тебя сестру!

— Ха-ха-ха! Если бы дело стояло за этим, я бы нашел кого-нибудь половчее, — язвительно рассмеялся Солым. — О, нет! Красть — нехорошо...

— Чего же ты хочешь? — юноша повис на шее коня. — Чего требуешь?!

— Вернись обратно, помирись с отцом, вынуди его возвратить Бесоловым калым.

— Не станет слушать меня отец!

— Что ж, есть и другой выход. Если ты мужчина, то у тебя найдется одна пуля... На глухой дороге раздастся выстрел, и твоя сестра окажется просватанной за покойником... Слышишь? А теперь не задерживай меня. Если ты все-таки захочешь получить моего коня, найдешь меня. Передай мои извинения Борсе, что уезжаю, не попрощавшись. Скажи, зайду в другой раз, — сказал Солом и прищипорил коня. Скакун загарцевал под ним. Булатыко остался на дороге, растерянно глядя вслед коню.

2

Позади осенние работы. Сено сметано в стога, урожай засыпан в закрома, отары и стада перегнаны поближе к аулам. Пришло время заняться домашними делами. В семьях Бесоловых и Санаевых готовились к свадьбе.

Кыркыс с братьями помогали Налкуте. Ахсартаг тоже часто навещался к ним, пособлял, чем мог. Намолол в мельнице муки, заготовил дров, позаботился о корме для скота.

Габо не мог нарадоваться на зятя. Полюбил его, как сына родного. Даже болезнь его как будто отступила, он заметно повеселел. Временами поднимался с постели и, опираясь на палку, выходил во двор.

Однажды, под вечер, он вышел на балкон подышать воздухом. Тяжело опустился на скамью. Было прохладно, и он собрался позвать Налкуту, чтобы принесла ему овчину, как снизу до его слуха долетели голоса:

— Потерпи еще немного... две недели... всего две недели, — Габо узнал голос дочери.

— Две недели! Ох, как тянутся дни, — это говорил Ахсартаг. — Свет мой, я не верю своему счастью... Золотых замков не обещаю, но твердо знаю: будешь счастлива со мною.

— Я о большем и не мечтаю...

— Царствие небесное твоей матери, а отца твоего до конца дней моих буду носить на руках. Какой он замечательный человек!

—Баба́, правда, необыкновенный, но слишком рано его сломило горе...

—Сделать несчастным такого святого человека — преступление!

—Прошу тебя, Ахсартаг, никогда при баба́ не упоминай о Булатыко. Это причиняет ему боль. Господи, сделай так, чтобы баба́ выздоровел! Знаешь, милый, с тех пор, как ты появился в нашем доме, ему как будто легче стало.

—Знал бы, что для его выздоровления нужно принести в жертву мою правую руку, клянусь, не пожалел бы!

Голоса их смолкли. Габо, не желая тревожить влюбленных, поднялся и заковылял обратно в комнату.

—Слава тебе, господи, нашла дочь свое счастье! Теперь в стране мертвых спокойно будет мое сердце, — думал он.

Ничего не жалел Габо, готовил своей дочери небывалую свадьбу. Заранее разослал приглашения друзьям и родственникам. Пусть соберутся люди и вместе с ним порадуются счастьем дочери. Больше не будет такого радостного дня в его жизни, в последний раз увидит он добрых людей со всего ущелья в своем доме. Поблагодарит их за то, что жили с ним в мире и дружбе, что ценили его слово, что оказывали ему доверие. Габо скажет им, что очень их любит, что не хитростью и коварством располагал их к себе, а честностью и прямоотой...

Все это хотел сказать Габо людям, но суждено ему было уйти в могилу, унося в своем сердце невысказанные слова...

III

Стояла поздняя осень, но снег еще не выпал. Дороги оставались свободными от оползней и заносов.

Темной ночью, за два дня до праздника Джиоргоба на окраине Тедотикау спешили два всадника, до глаз закутанные в черные плащи. Спрятали коней в кустах, а сами окольными путями, хоронясь под каменными заборами, прокрались в аул. У ограды огорода Габо они остановились. Прислушались в темноте. Зашептались:

— Оставь меня в покое, Солым, я не могу поднять на него руку.

— Ты же мужчина, на голове шапку носишь, а размяк, как квашня!

— И без того ему мало жить осталось, зачем же мне грех брать на душу?

— Грех? Ты жалеешь того, кто отверг тебя, и чтобы досадить, собирается после свадьбы дочери раздать нищим и оборванцам все свое добро и земли? Он сделал это тебе назло, чтобы ты, имея право наследовать его земли, завтра сам остался безземельным и, как голодная собака, шатался в поисках куска хлеба по чужим дворам.

— Я не нуждаюсь в подаянии, мои дяди...

— Твои дяди! Как только Борса помрет, его сыновья в два счета выдворят тебя, и куда ты денешься? На льду и на голых камнях будешь коротать свой век?

— Тогда пусть сначала свадьбу сыграют...

— Поздно будет, глупец. Габо прямо за свадебным столом начнет раздавать свои земли.

— Да грех же это, пойми...

— Здесь никакого греха нет. Твой отец и так, не сегодня — завтра помрет, какая же разница — днем раньше, днем позже...

— Это верно.

— Тогда поторапливайся. Потом выдашь свою сестру замуж за меня и — мой конь станет твоим и земли твоего отца у тебя останутся. Приведешь себе в жены самую красивую из всех девушек нашего ущелья и перестанешь зависеть от Борсы. У тебя будет все: слуги, табуны лошадей, отары овец... Ты необыкновенный юноша и родился для великих дел. Твоя смелость и твое мужество ни с чем не сравнимы, но никто не понимает тебя. А не понимают потому, что пуст твой карман. Кем был, например, я? Кто знал меня раньше? Никто. Теперь у меня есть богатство и потому меня знают все, везде почитают, боятся меня. А тебя мне жаль, хороший ты парень. Зря пропадешь...

— Спасибо, Солым. Кроме тебя и Борсы, никто не понимает меня. Я хочу побрататься с тобой.

— Дай твою руку и вот тебе моя! Ты сделал меня своим другом, а сейчас мы стали братьями. И... И я

хочу, чтобы ты принял подарок от брата. Бери моего скакуна.

— Пусть моя голова станет жертвой за тебя! — чуть не вскричал Булатыко, но вовремя подавил крик.

— Ну, а теперь ступай, пока крепок его сон.

— Иду... Слову старшего брата нельзя возражать. У-у подлый, сейчас ты узнаешь, кто слизняк!..

Две черные тени скользнули вдоль каменной ограды к воротам.

Спит аул. Сладкие сны видит Габо. Ломятся огнями пиршественные столы в его дворе, за ними видимо-невидимо гостей. Габо с полным рогом в руках произносит тост, его слушают с вниманием... Вот молодежь затеяла танцы, кружатся, носятся в вихре парни и девушки. Они окружили хороводом девушку, самую красивую и стройную. Вот она вырвалась из круга и плавно приближается к Габо. О, чудо! Это же Косер, его жена! Схватила Габо за руку и со смехом потащила за собой. К Габо вернулись молодая сила и ловкость, и они бегут, бегут...

— Габо, сердце мое, а где наш мальчик? — спрашивает Косер. Вдруг возле них очутился Булатыко, руки его вымазаны кровью.

— Погас огонь в моем очаге, сын мой, что ты натворил?! Твои руки! — в ужасе кинулась к сыну Косер.

— Я убил Борсу... этого дьявола! Ха-ха-ха! — смеялся, как помешанный, Булатыко.

— И поделом ему, мой мальчик, он погубить тебя хотел, — Косер обняла сына. Чудовищный смех Булатыко усилился, и внезапно Косер с сыном исчезли. На их месте возник, обливаясь кровью, Борса. И уже не сын дьявольски хохочет, а отец Косер, он указывает на Габо своей костлявой рукой.

— Ха-ха-ха! Это я проглотил твою жену и твоего сына. Теперь настал твой черед! Ха-ха-ха!

Борса превратился в дракона, раскрыл огнедышащую пасть и только собрался схватить Габо, как тот снес ему голову мечом. Из смрадного тела дракона вышел Булатыко и пал на колени перед отцом.

— О, баба, если я тебя обидел, прости!

— Поднимись, мой мальчик. О, боже великий, знал бы ты, сын, как мечтал я о твоём возвращении.

— Я был в плену у дракона, баба.

— Теперь ты будешь жить со мной. Кроме тебя, у меня никого нет. Твоя сестра выйдет замуж, и ты останешься в доме наследником...

В это мгновение дверь без скрипа приотворилась. Черная тень неслышно скользнула внутрь, прошла, прижимаясь к стене, к кровати больного. Коварные пальцы вцепились в горло старика и, что было сил, сдавили податливую плоть...

Обессиленный болезнью старик не успел даже вскрикнуть. В красивых сновидениях отлетела его душа.

* * *

Усталую от хлопот Налкуту, вчера после ужина, рано сморил сон. Проснулась чуть свет, бросила корове охапку сена, подоила ее, затем принялась прибирать в доме. Радостно было у нее на душе. Осталось два дня, только два дня, и Ахсартаг увезет ее.

Вчера она допоздна сидела при лампе, шила свое свадебное платье. Устала так, что не было сил примерить его. Зато сейчас нарядилась в него и любуется собой в зеркало. Как ладно облегает платье гибкую фигуру девушки! Вот она входит в этом наряде в церковь, и Ахсартаг ведет ее к алтарю. Со всех сторон на нее устремлены восхищенные глаза. А потом — свадьба, танцы... Ну, конечно, заставят их танцевать, и не один раз. А плясать они умеют, бог свидетель. Не даром на празднике Рагдзуар на них так глазели. Тогда Налкута была сердита на Солыма и плясала зло, стремясь выиграть заклад, чтобы утереть нос этому заносчивому выскочке. На этот раз они с Ахсартагом будут танцевать совсем иначе, выразят свою любовь в плавных движениях под звуки фандыра. Ах, как божественно танцует ее Ахсартаг! Ведь именно тогда, в танце, он покориł ее гордое сердце, под звуки фандыра родилась ее большая любовь. С того дня ее сердце словно само превратилось в гармонию, все поет и поет волшебную песню, с каждым днем все громче.

Ох, хоть бы скорее прошли эти дни... Завтра, послезавтра... Послезавтра!

«Заодно уберу и комнату баба́, — думает девушка. — Слишком долго он спит сегодня. Бедняга, вчера

его мучила боль в сердце, наверное, еще и бессоница одолевала, вот и заснул, должно быть, лишь к утру. Пусть поспит...»

Но вот и время завтракать. Слишком разоспался что-то отец. Налкута тихонечко приоткрыла дверь. Зашла в комнату. Габо не шевелился.

— Баба́, — осторожно позвала она отца. Габо не шелохнулся. — Баба́, — позвала она громче. Опять не слышит. Замерло сердце Налкуты, почуяв недоброе. Схватила руку отца. Холодная, как лед, рука.

— Баба́, мой родной баба́!.. Баба́! Погас мой очаг! Где вы, люди добрые! — страшным голосом закричала она и лишилась чувств.

На крик девушки прибежали соседи. С быстротою молнии разнеслась скорбная весть по всему аулу. В комнату усопшего набилось столько народу, что нельзя было вытянуть руку..

Весть о кончине Габо дошла и до Тедотикау. Ахсартаг был занят приготовлениями к свадьбе, когда услышал о случившемся. Вскочив на коня, он примчался к Налкуте. Не спросив Налкуту, послали известить и Борсу, но кроме Иласа, младшего сына Борсы, никто из их семьи не явился на похороны. Не пришел проститься с отцом и Булатыко. Илас сказал, что два дня назад Булатыко ушел куда-то и не появлялся с тех пор.

На похороны собрались люди со всего ущелья. Велика была их скорбь. Убивалась над гробом отца Налкута, исцарапала себе в кровь щеки, никто не мог удержать ее.

Не вывели в назначенный день Налкуту из отцовского дома в свадебном платье. Не повели ее к алтарю под всеобщее восхищение. Не исполнила в танце с Ахсартагом гимн большой любви. Не было всего этого. В тот день вместо белого свадебного наряда одела она черный траур, чтобы ходить в нем целый год, пока не истечет скорбный срок, определенный древним обычаем. Привели ее с кладбища, усадили в углу и, словно в камень превратилась Налкута.

Осталась она одна. Случилось то, чего больше всего опасался несчастный отец. Первые дни не оставляли ее наедине с горестными мыслями. Часто бывали у нее девушки-подружки, особенно заботлива была Кыркыс, ни на минуту ни покидавшая ее. Часто приезжал и Ах-

сартга. Но зима, наконец, вступила в свои права, дороги занесло снегом, и они стали небезопасны из-за снежных лавин. Ахсартга не появлялся.

Потянулись, как упряжки усталых волов, однообразные зимние ночи. Снегу навалило по самый пояс, ударили морозы и уже нельзя было даже ходить из дома в дом. Была вьюга, и на сердце девушки становилось все печальнее и печальнее. Временами, когда стихал противный вой ветра за окном и наступала тишина, мысли Налкуты вырывались из плена четырех стен и улетали к Ахсартгау. После смерти отца он стал для нее единственной надеждой и защитой. Таким дорогим, таким близким он стал для нее, что, казалось, без Ахсартга она и дня прожить не сможет. Какую неоценимую помощь оказал он ей в хлопотах с похоронами Габо и по устройству поминок по нем. Даже сын для своего отца так не старался бы...

Ахсартга!.. Ее мысли все время кружат вокруг него. Как он там без нее, что делает сейчас, в эту минуту? Думает ли о ней? Скорее бы кончилась зима. С первыми теплыми лучами солнца прилетит к ней ее Ахсартга.

В ту долгую зиму мысли о брате и Ахсартгае одолевали Налкуту. Один из них — часть ее души, Ахсартга, другой — родной брат Булатыко. Первый вытеснил второго из сердца девушки.

Говорят, дети, рожденные одной матерью, любят друг друга крепкой любовью. Почему же Булатыко стал ненавистным своей единственной сестре? А ведь Налкута прежде души не чаяла в брате. Теперь же, особенно после того, как он не явился на похороны своего отца, она вырвала его навсегда из своего сердца.

Наступила весна. На южных склонах хребтов растаял снег. Сошли лавины, и из села в село запетляли дороги.

Наступление весны Налкута впервые заметила только тогда, когда неожиданно пришел Ахсартга. Девушка увидела его из окна, не чувствуя под собой ног, выбежала ему навстречу и, не стыдясь посторонних глаз, бросилась ему на шею.

— Ахсартга, свет мой! — захлебывалась она слезами. — Как устала ждать тебя, как мне было плохо без тебя!

Сели рядышком и не могли наглядеться друг на друга. Долго скапливаемые слова любви, которые они собирались сказать при встрече друг другу, разбежались вдруг в разные стороны, а потом прорвались потоком и не было им конца.

Ахсартаг выполнил все мужские работы по дому. Солнце склонилось к закату, и он собрался уходить.

— Ну, Налкута, мне пора уходить.

— Уже? — вздрогнула девушка.

— Путь дальний да и дороги еще опасные...

— Опасные? — испугалась Налкута. — Не уходи, останься на ночь здесь...

— С радостью остался бы, свет мой, но что скажут люди?

Эти слова отрезвили девушку.

— Конечно, конечно, что скажут... Прошу тебя, не забывай обо мне.

— Скоро опять наведаюсь к тебе.

— До встречи, любимый, — девушка обняла Ахсартага за шею, и губы их слились в долгом поцелуе.

Налкута осталась наедине со своими невеселыми мыслями. Весна в горах коварна. Вешние воды в ручьях вздымаются, беснуются, норовят снести мосты и захлестнуть дороги. Путника подстерегают и другие опасности: еще не сорвавшиеся с вершин лавины, оползни... Да и вообще, мало ли что может случиться в горах, да еще ночью. Волнуется за Ахсартага Налкута. Лучше бы не отпускала его на ночь глядя.

Внезапно отворилась дверь, и на пороге появились Булатыко и Борса. Налкута в этот момент ворошила угли в очаге: подняв голову на шум, застыла в изумлении.

Последний раз Борса видел свою внучку маленькой девочкой. Наслышан был о красоте ее, но не мог даже представить себе, что она так прекрасна.

Увидев склонившуюся над очагом внучку, старик вздрогнул, так она напомнила ему покойную дочь. Его стародавняя любовь к дочери проснулась в сердце, и по морщинистым щекам скатились две скупые слезинки.

— Боже милостивый, кого я вижу! Моя дочь Косер вернулась из страны мертвых?! Налкута, внученька, подойди ко мне, дай обниму тебя.

Налкута знала от отца, что Борса проклял свою

дочь, не пришел даже на ее похороны, и теперь, услышав из уст деда имя матери, она устремила на него откровенно враждебные, ненавидящие глаза.

— Ну, что же ты? Подойди ко мне, поздоровайся с дедом, или не помнишь меня, внука? — повторил старик.

— Нет, не помню тебя... Кто ты? — будто и в самом деле не узнала деда, тихо проговорила Налкута, тяжело поднимаясь с колен.

— Борса я, отец твоей матери, помнишь, малышкой ты бывала в моем доме, — заволновался старик.

— Давно это было, где мне помнить... А кто это с тобой?

— Твой брат, — опешил Борса.

— А где же он был до сих пор? Коли он мой брат, то как могла не дойти до него черная весть, и почему он, как сын, не явился проститься с отцом? И если не было у него такой возможности в тот день, то почему он не пришел на могилу отца через неделю, через месяц?.. Почему сейчас он не колотит от горя себя по голове плетью, которую держит в руке, и не проложил иронвандаг¹ к очагу отчего дома?! Нет, это не мой брат, иначе он давно уже сказал бы себе: моя сестра осталась одна в горе, пойду и встану рядом с ней, облегчу ее страдания! Если даже у него были перебиты руки и ноги, почему не приполз на боку, почему не закричал: о, моя сестра, я рядом с тобой в горе, не бойся ничего! — Налкута, едва сдерживаясь, прокричала последние слова, и тело ее содрогнулось от горестных рыданий.

Борсе стало не по себе. Булатыко сгорал от стыда. Упреки сестры вонзились в него остриями копий и в мерзком сердце зашевелилось раскаяние. Он прятал глаза от сестры.

Наконец, Борса справился с собой и завел слащавую речь, словно из мягкой шерсти тонкую нитку тянул:

— Прости, внученька, если кто виноват перед тобой, то это я. Когда-то меня обидели твой отец и твоя мать, поженились против моей воли, и мое сердце ожесточилось. Кто знает, может, и не следовало мне так озлобляться против них, но кто же не ошибается? Да и твой отец был не всегда прав...

¹ Иронвандаг — букв. «осетинский путь» — старинный обряд оплакивания умерших.

— Не смей говорить о моем отце! — испепелила его взглядом Налкута.

— Прости, я ничего худого не хотел сказать. Все же он не чужой был для меня, а в день его кончины я болел. Я старый человек, часто болею; тяжел на подъем...

— Его единственный сын не пришел проститься с ним, что же требовать от тебя?!

— Так его же не было дома! Когда вернулся из дальней поездки, уже выпал снег и дорога закрылась, — заступился Борса за Булатыко.

— Если бы у него болело сердце, крылья выросли бы за спиной, и прилетел бы по небу.

— Ну, что же, коли ты прогоняешь нас, так прямо и скажи, — не выдержал Борса. — Скажи, и мы уйдем своей дорогой. Виноваты мы перед тобой и пришли сюда не оправдываться, а попросить у тебя прощения...

— Просите прощения у того, кто сошел в могилу от причиненного вами горя! Не передо мной — перед ним вы виноваты! И потом, скажу откровенно: вас не следовало впускать в дом, но раз вам совесть позволила переступить этот порог, что ж, садитесь.

Борса скинул шубу и подсел к огню. Булатыко, как вошел в комнату, так и остался стоять на месте. Налкута подбросила в огонь дров и повернулась к брату.

— Постыдился бы, сколько несчастья ты принес в наш дом! За что ты перевернул вверх дном нашу жизнь? Ведь одна мать родила нас, одну грудь мы сосали, в одной люльке она нас качала, одни и те же колыбельные песни пела нам. Тебя, маленького, забрали твои дяди, но меня гыцци оставила еще грудным ребенком... Отец вскормил меня, воспитал... И не было у меня никого дороже отца, почему же ты обидел его?! Даже медвежата одной медведицы не кусают друг друга... Почему же ты разбил сердце своего отца и преждевременно отправил его в могилу, почему?! Как ты не побоялся проклятия людей?!

Булатыко вздрогнул. Сестра бросила ему в лицо обвинение, которого он больше всего боялся. Душа от страха у него ушла в пятки.

— Это не я сделал, не я!.. Клевета! — завопил Булатыко.

— Нет, ты это сделал, Булатыко, ты! Ты! Ты его убийца!

Булатыко словно разума лишился. Сейчас откроется его подлость, и тогда ему больше не жить на этом свете. Жизнь его повисла на волоске, и он решился сделать еще одну попытку спасти себя:

— Кто видел меня?! Кто?!

— Я! — короткое слово хлестнуло его, словно удар бича. Булатыко задрожал с головы до ног, пошатнулся и припал головой к столбу посреди комнаты.

— Прости! Ошибся я! Дьявол попутал меня, сатана съел мой ум и направил меня по чудовищному пути! — вырывались из его груди глухие стенания. — Не виноват я! Не хотел! Прости! Прости!..

— Не у меня надо просить прощения, а у своего отца нужно было успеть попросить. Когда ты его прогнал, как собаку, в ночь из дома Борсы, разбил его сердце, он не смог после этого оправиться. Если бы ты вовремя пришел просить у него прощения, может, жизнь его продлилась бы...

— Налкута, солнышко мое, твой брат понял свою ошибку, не суди его так строго. Склоняю седую голову перед тобой, прости и его, — обратился к ней Борса.

— Я его прошу, но лишь в том случае, если отец наш в стране мертвых простит его, — непреклонно ответила девушка и вышла из комнаты.

Юноша уже летел в гибельную пропасть, когда последние слова сестры помогли ему обрести твердую почву под ногами. Он разом пришел в себя. Не в том, чего он боялся пуще смерти, а в другом проступке винила его сестра, и он облегченно вздохнул. На лбу от напряжения выступили бисеринки пота.

— Что ты повис на столбе, мальчик? — подал голос сидевший у огня Борса. — Подойди поближе, сядь. И потом, не ори ты, как сумасшедший. Молишь прощения, будто ты и вправду убил его. Хотелось ему умереть, вот он и подох. Не показывай сестре, будто считаешь себя виновным... Попроси у нее прощения так, как я учил тебя. Приласкай ее. Сердце, оно мягкое, как тесто, и ласковым словом испечешь из него пушистый хлеб. Не будь с ней грубым. Послушал я ее, и сдается мне, не только внешностью она схожа со своей покойной матерью, по умом и сердцем.

Булатыко, шатаясь, как пьяный, подошел к очагу.

— Вот так, приласкай ее, — продолжал прерванный разговор Борса. Отныне тебе придется жить здесь. Недолго она будет тебе мешать. Слышал, она помолвлена, вот скоро и уберется отсюда. Конечно, я бы хотел, чтобы ты остался жить со мной, но сам слышал, какой вой подняли мои сыновья. Пока я жив, они не осмелятся открыто выступить против тебя, но после моей смерти они вышвырнут тебя за порог. Лучше здесь, в доме своего отца, пригрей себе местечко.

Прав Борса. Так и Солым поучал Булатыко. Он и решился на такое страшное преступление лишь потому, что отец мог раздать земли беднякам. Впрочем, кто знает, может, Солыму и не удалось бы уговорить его поднять на отца руку, если бы за день до этого между ним и дядями не разразилась ссора.

А спор у них вышел из-за турецкой сабли, которую Булатыко получил в подарок от Борсы. Эту саблю дед привез из Карса, купил за бесценок у какого-то обедневшего алдара. Замечательная была сабля: настоящий ятаган, кованный в Стамбуле, с ножнами, украшенными накладным серебром. Давно мечтал о ней Илас, младший сын Борсы. Он надеялся, что рано или поздно сабля достанется ему. Каково же было его возмущение, когда он увидел ее на боку Булатыко. Илас подскочил к нему и рванул, что было силы, саблю с пояса.

— Не троны! Это мне Борса подарил! — бросился на обидчика Булатыко.

— Он должен был мне ее подарить, я ничем не хуже тебя!

— Я внук его!

— А я его сын, и мне плевать на такого племянника, который ездит на моей шее! — разозлился парень.

— Это на твоей-то шее я сижу, козявка?

— Не только на шее, но и на голове уже! Заполз, как свиная вошь! Проваливай отсюда, пока цел! Наследства отца и на сыновей его не хватит, зря не надейся!

В разгар ссоры приехал к Борсе Солым. Отвел в сторону Булатыко, рассказал, что Габо при смерти, но собирается в день свадьбы дочери раздать все земли голодранцам. Солым, конечно, выдумал все это, чтобы выполнить свой гнусный замысел... Но Булатыко поверил словам Солыма. Чего доброго, обиженный Габо и

и самом деле лишит его богатства, оставит его с пустыми руками... Страх за свое будущее и заставил Булатыко поднять руку на родного отца.

В ту ночь Солым отвел его в заброшенную медвежью берлогу в дремучем лесу. Оставил его там, а сам отправился домой и в день похорон Габо вместе с мужчинами своего аула присутствовал на поминках. Прислушивался к разговорам. Убедившись, что никто не знает истинной причины смерти Габо, незаметно отделился от своих односельчан и быстро пошел к берлоге, торопясь успокоить Булатыко.

Отцеубийца несколько дней прошатался в лесу, ослабел, исхудал, оброс бородой. Однажды под вечер он явился в таком виде домой, к Борсе. Никто не спросил его, где пропадал. Но на другой день грянул гром над семьей Борсы, и в доме все перемешалось.

Утром к нему в комнату зашел Илас.

— Твой отец умер, ты разве не знаешь об этом? — сдерживая ярость, спросил он.

Булатыко, делая вид, что не слышит его, повернулся на другой бок.

— Я тебе говорю, слышишь! Твой отец умер, неделю назад его похоронили.

— Умер так умер, я не бог, мертвых не воскрешаю, — беспечно бросил Булатыко.

— И что ты думаешь дальше делать, долго еще будешь лежать тут?

— Что ты пристал ко мне, что тебе от меня надо? — рывком сел он в кровати. — Что намерен делать и до каких пор собираюсь лежать — не тебе знать, и закрой свою поганую пасть!

— Как видно, ты нас скоро из отцовского дома выживешь... Бывает, на теле выскочит нарыв, нагноится и прорвется. Но ты такой нарыв на теле нашей семьи, который никак не может лопнуть и не дает ни минуты покоя. Но я вырежу тебя под самый корень, если ты сейчас же не встанешь и не уберешься вон отсюда! — сжав кулаки, готовый растерзать племянника, Илас навис над Булатыко массивной глыбой.

— Это ты про меня говоришь, сморчок? — хохотился Булатыко.

— Да, про тебя! О твоём позоре на всех углах рассказывают! Да ты же не пришел проститься с отцом!

Люди брезгают твоим именем, а ты еще смеешь оскорблять меня, пропащий! — с презрением бросил ему в лицо Илас.

— Мой отец тот, в чьем доме я живу! В этом доме и у меня есть права! Я тоже...

— Ты надеешься получить землю от моего отца? Доли хочешь? Да кто ты такой, чтобы желать этого? Вот тебе...

— Илас показал кукиш Булатыко.

— Убери свои грязные руки! — вскочил с постели Булатыко и дал увесистую оплеуху обидчику.

Илас вцепился сильными пальцами в горло Булатыко, повалил и стал молотить своими кулачищами.

На вопли Булатыко прибежали сыновья Борсы. С трудом вырвали племянника из рук разбушевавшегося брата.

— Выбирай, — сказали сыновья отцу, — или мы уйдем из дому, или этот бездельник.

Борса пытался успокоить их, но братья твердо стояли на своем.

Борса рассудил, что лучше сохранить семью, чем любимого внука, и сказал Булатыко:

— Видишь, здесь тебе больше нельзя оставаться, пора возвращаться домой.

И вспомнилось Булатыко пророчество отца: «Когда-нибудь тебя вышвырнут за порог этого дома».

Выпал снег, и у Булатыко не стало возможности вернуться в отцовский дом. Всю долгую зиму тяжелые мысли не покидали его, он возненавидел своих дядей. Каждый кусок хлеба в их доме становился ему поперек горла. Юноша стал неразговорчивым, угрюмым.

Так прошла зима. И вот теперь, на пороге весны, вернулся он в отчий дом, хотя и здесь ему все опостылело.

Как жить дальше? Вот о чем он думал день и ночь. До поздней осени, пока не истечет траурный год, сестру нельзя выдать замуж. На Борсу и его сыновей уже нельзя надеяться: прогнали они его, как собаку.

— Как мне жить в этих пустых стенах, дад́а? — поделился он своими тревожными мыслями с дедом?

— Если будешь все делать с головой, ни в чем недостатка не будет, — ответил Борса. — И потом дом не так пуст, как тебе кажется. Скотины нет, но зато

ость земли. Правда, их немного, но если с умом распорядиться ими, они приумножатся. Да и я тебе помогу...

— Было бы хорошо, если бы и ты остался здесь со мной хотя бы ненадолго.

— Это невозможно. Твоей родне со стороны отца такое может не понравиться... Да и о доме своем я беспокоюсь... Видел, какой скандал устроили эти тупоголовые?

— Это все из-за меня... — печально сказал Булатко.

— Ничего, они у меня попляшут!.. Я с ними вот этой палкой поговорю! — пообещал с угрозой старик.

На другой день Борса ушел. Ушел, не оставив ни копейки своему любимому внуку, которого он называл своей надеждой и которому обещал помогать.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«На клич борьбы, в мечтах своих едины,
Пойдем сплоченно к боевому стягу.
Эй, выходите, юноши, мужчины!
В борьбе явите доблесть и отвагу!»

(Ц. Гадиев.)

I

За околицей аула, в овраге, густо поросшем ивняком, укрылась небольшая мельница с замшелым колесом. В укромном уголке, за большим ларем для муки, скорчилась Калимат. Размачивает в воде засохшие корки ячменной лепешки и с жадностью отправляет их в рот.

Она давно берегла эти затвердевшие кусочки еды, но голод клещами сдавил горло, в глазах запрыгали черные мушки, и не стало сил терпеть эти муки. Достала из тайничка свой скудный запас и вот уничтожает его сведенными голодной судорогой челюстями.

Запида жалкий ужин холодной водой, но ощущение сытости так и не пришло... На эту ночь кое-как хватит, но что будет есть завтра, послезавтра?..

Одинока, как перст, Калимат. Родные отказались от нее, жители Тедотикау объявили ее изгнанницей — отказывают в пище, приюте, даже в глотке воды... Отверженная!

Второй год прозябает она на мельнице, совсем одна, голодная и раздетая, наедине со своими страданиями и тягостями. Чем питается она, как проходят дни ее никто ничего не знает, кроме двух людей: Солыма и Ацырухс. Никто так близко к сердцу не при-

нял несчастье Калимат, как Ацырухс. Страдания отверженной женщины напомнили ей ее наполненные горечью минувшие дни. И ее жизнь в самом начале обломилась, как стебель только что распустившегося цветка, упавшего в дорожную пыль, и люди равнодушно топтали его... Никто не поднял ее из грязи, не встал рядом с ней в тяжелое для Ацырухс время. Так и не исцелилось сердце ее от нанесенных в дни молодости жестоких ран.

Да, опозорилась Калимат. Но что вынудило ее решиться на такой шаг? Никто не спросит ее об этом, все отвернулись от горемычной женщины.

Движимая такими думами, Ацырухс однажды ночью пришла на мельницу с узелком еды в руках. С тех пор она дважды в неделю навещала страдальцу, прикрываясь темным покровом союзницы-ночи. Эти посещения всегда были кратковременными. Опасаясь, как бы Солом не узнал о ее сострадании к Калимат, она оставляла еду и быстро возвращалась домой. Так и не удалось ей ни разу поговорить по душам с Калимат.

Стараниями Ацырухс у беглянки был теперь котелок, миска, даже фынг, немного муки, картошки, иной раз перепадали и кусочки мяса...

Но Солом, от зоркого глаза которого ничто не могло укрыться, знал о тайных делах Ацырухс и не препятствовал им, делая вид, что ему ничего не известно. Так продолжалось до зимы. Но когда закружились снежные хороводы, Ацырухс открылась Солому:

— Та несчастная женщина — о Калимат говорю — в эти трескучие морозы замерзнет на мельнице...

Солом в душе был не против милосердия Ацырухс, но опасаясь кривотолков, а то еще чего доброго, и подозрения в причастности к грехопадению Калимат, резко отказал мачехе:

— Знаешь, что будет, если мы впустим ее в дом? Беда! Все стараются избежать беды, а мы распахнем для нее двери? Чтобы я больше никогда не слышал ее имени! Понятно?!

Ацырухс больше никогда не заикалась о Калимат, но тайком продолжала по мере возможности облегчать страдания затворницы. Особенно тягостной была для Калимат бездеятельность, и Ацырухс принесла ей немного шерсти, веретено и спицы. Пряжение и вязание чуть скрасили ей одиночество.

Солым время от времени продолжал навещать Калимат. Он предупредил ее, что если Ацырухс узнает об их связи, он больше никогда не придет к ней.

Однажды ранней весной, ночью, Ацырухс, идя к Калимат с узелком со снедью, заметила, что кто-то вышел из мельницы. Она неслышно последовала за тенью и увидела, что человек вошел в их дом. Нетрудно было догадаться, что именно Солым и был тем соблазнителем, который погубил Калимат.

Она испугалась, что столкнется как-нибудь с Соломом на мельнице, и он не простит ей своего разоблачения. Ацырухс перестала приходить на мельницу.

Среди жителей аула ходили слухи, что Калимат водит дружбу с чертями. Черт, говорят, приходит к ней по ночам и до самого рассвета развлекается с нею. Вон Дадолов Дзигу прошлой ночью искал своего заблудившегося коня и клялся всеми святыми, что видел своими глазами, как чья-то тень около полуночи проскользнула в двери мельницы, после чего огонек внутри погас. Любопытство разобрало парня, и он остался караулить до утра. Едва начало светать, как тень выскользнула из мельницы и мгновенно скрылась в зарослях ивняка.

С тех пор аульчане за версту обходили заколдованное место. Постепенно о Калимат стали забывать. Люди полагали, что отверженная умрет голодной смертью или черти ее доконают, но Калимат не умирала, и это еще больше убедило всех, что она спуталась с нечистой силой.

До Калимат дошел этот слух, и горе окончательно захлестнуло ее. Если до сих пор хоть изредка она появлялась среди людей, и иногда люди подбрасывали ей кусок хлеба, то сейчас все отказались от нее...

Давно Калимат съела последнюю сухую крошку своего ужина, трепещет лучинка на стене, Калимат постлала на солому лохмотья бурки, едва прилегла, как снаружи послышался знакомый шум шагов, а следом за ним условный стук в дверь. Женщина вскочила и отодвинула засов. От движения воздуха огонек лучинки погас, и в мельницу шмыгнула черная тень.

— Что стоишь, как пень! Зажги свою лучинку и поплотнее занавесь окно! — недовольно заворчала тень.

— Нет больше лучинки, сгорела, — виновато сказа-

ла Калимат. — Где ты пропадал столько дней? Я чуть с голоду не умерла...

— Много лопаешь, поберегай иногда...

— Побойся бога! Сам виноват в моем несчастье...

— Ну-ну, не заводи свою волынку! Вот тебе еда. Дела у меня были... Времени не выбрал прийти к тебе. На, ешь...

Калимат жадно набросилась на еду.

— Ешь досыта. Завтра опять принесу.

— Принесешь... А когда снег выпадет, тогда что? Прошлой зимой я чуть не околела, второй такой зимы не выдержу...

— Да, об этом нужно уже подумать. Мне опасно будет приходить к тебе по свежему снегу. Заметят мой след, потеряю уважение людей.

— Ты трясешься за свою честь, но тебя нисколько не заботит то, что по твоей милости на мне клеймо позора. Золотые хоромы обещал, чуть не спятил от моей любви, куда же она подевалась сейчас?! До каких пор я должна так мучиться? Почему ты не женишься на мне?!

— Пойми меня, я люблю тебя, но мне прежде хочется отвести от тебя этот чудовищный слух о том, что ты якшаешься с нечистой силой. Потом, после этого... Иначе, что скажут люди, любовницу черта себе в жены взял... На одном костре сожгут обоих...

— Слух прошел от того, что ты каждую ночь таскаешься сюда...

— Что ж, перестану приходить, если ты этого хочешь.

— Не станешь приходить — я твой дом подожгу вместе с тобою. Лучше ходи, пусть люди болтают, что угодно. Когда языки устанут молоть, тогда и пересудам конец придет...

— Ей богу, ты огонь, настоящий огонь и испепелила меня, да еще меня же винишь!

— Пусть отсохнет язык твой, ты обманул меня своими обещаниями! Страданиями и раскисаюсь за свой грех. Люблю тебя, недостойного, а за что — только дьяволу ведомо. Знаю, что ты подлый и ничтожный человек, но ты сломил мое сердце, и потому я терплю. Ты мой, только мой со своим черным сердцем, слышишь? Из-за тебя я вынуждена жить с клеймом позора, и если

уйдешь к другой — ядом напою, мне терять нечего... А может, ты уже другую полюбил? Раньше ты ведь каждую ночь приходил ко мне, а сейчас только раз в неделю являешься, скажи, кого полюбил, кто она?

— Никого, моя радость, никого...

— Врешь!

— Бог свидетель... Зря упрекаешь...

— Прости меня, свет мой, слишком бесстыжая я стала, разучилась прятать любовь. Какой бы счастливой была я, если бы мы жили вместе!.. Но опять с первыми петухами ты уйдешь от меня к свету, к людям, к жизни, а я останусь одна со своими тяжелыми мыслями, и стану ждать, пока ты не соизволишь навестить меня... Когда придет конец моим мучениям? Скажи, когда, когда?

— Скоро, скоро, потерпи еще немного...

— Нет уже сил терпеть, нет, нет! Слышишь? Давай положим конец этому, а? Устала я...

— Тебе среди людей надо появиться, понимаешь...

— Люди меня оттолкнули, чураются, как прокаженной, бегут, как черт от ладана.

— Я поговорю с ними...

— Правда? До самой смерти молиться на тебя буду. Уведи меня отсюда, ты меня запятнал и никто, кроме тебя, не смоет эти пятна с моего лица. **Забери меня** с этой проклятой мельницы, заживо похоронена я в ней...

— Мне пора идти, светает...

— Так быстро? Когда ты со мной, время летит...

— Завтра снова приду...

— Умоляю, не опаздывай...

В предрассветной тишине послышался скрип двери, и тень исчезла.

На другой день на нихасе Солом сказал мужчинам:

— Дзакко, да будет полон твой дом, я сегодня утром случайно видел женщину с мельницы... Сердце разрывается от жалости. Нехорошо получается, **мы же люди!** Женщина согрешила, опозорила своего мужа, свой род... Но так заживо похоронить ее — недостойно мужчин, ей богу!

— Солом, ты почетное место занимаешь среди нас, мы ценим и уважаем твое слово, но я прошу, чтобы ты

не произносил имя этой недостойной женщины здесь, на ныхасе! — вскипел Хунцел.

— Да, Хунцел, мы знаем ее, но если она умрет от голода, бог не простит нам этого. Ну, ошиблась, так за свою ошибку нечеловеческими страданиями вот уже два года расплачивается. Сегодня я видел, как она траву ела. Слишком жестоки мы, человека в скотину превратили...

На ныхасе никто слова не проронил.

— Что там трава, она с чертями путается! — сказал кто-то. — Потому и выдерживает...

— Что выдерживает, чудак, только взгляни на нее, в скелет превратилась! К тебе обращаюсь, Дзакко, ты самый старый и мудрый среди нас, пристало ли нам так поступать?

— Женщина оступилась, это верно, позорное дело совершила, но мы все же люди, как можем убить ее? — нерешительно произнес Дзакко.

— Нет, говорят, ей пути обратно к людям, с чертями связалась... С какими чертями?! Это все сказки, может тот, кто совратил ее, здесь, среди нас, находится, и если женщина такие муки терпит, то почему этот негодяй ходит безнаказанным? — горячился Солым.

— Узнал бы, кто он — осудил бы его безжалостно. Но эта развратница скрывает имя своего любовника!

— Это нетрудно понять: если она назовет его, Хунцел крови потребует. А женщина не хочет кровопролития, — вмешался Солым. — Так позволим же ей вернуться к людям...

— Кто позволяет, пусть тот и отведет ее сначала к себе домой. Пусть слижет языком всю грязь с ее лица и лишь после этого примут ее и другие!

Хунцел вскочил с места и ушел с ныхаса.

Мужчины напряженно молчали.

Солым твердо заявил:

— В таком случае, думайте, что хотите. Я человек еще! Солым даже щенка не может уморить голодом, а она — человек. Я впущу ее в свой дом!

— Долго здравствовать тебе, Солым, — обрадовался Дзакко. — Конечно, Зораевым будет обидно, но если один споткнулся, другой обязан помочь ему...

Калимат покинула свое убежище. Сначала, дрожа от страха, пришла к Солыму, затем к Дзакко наведальась, а через месяц даже сдружилась с несколькими женщинами аула.

Снова жизнь улыбнулась Калимат. Солом стал ее избавителем, ее радостью, утешением. Не могла дожидаться, когда Солом скажет ей: «Жизнь моя, пора, пойдем ко мне, заживем семьей». Мысленно рисовала свою будущую жизнь и однажды ночью отважилась, спросила Солома:

— До каких же пор мы будем прятать от людей свою любовь?

— Да хоть завтра я согласен жениться на тебе, только...

— Что только?

— Ах, как мне не хотелось бы тебе об этом говорить, но что поделаешь, раз уж мы решили связать нашу жизнь браком...

— Не любишь меня больше? Другую полюбил? Тогда уж лучше не говори...

— Нет, ничего подобного, но... Слухи о тебе пошли...

— Слухи обо мне давно ходят, все судачат о моем грехе.

— Это уже ничто по сравнению с новыми сплетнями...

— Что может быть хуже?!

— Говорят, будто ты с чертом дружбу водишь. Понимаешь, что это значит?

— Не понимаю.

— Если этот слух распространится среди людей, то они ворвутся к тебе и сожгут вместе с мельницей. Упорно твердят, что по ночам ты превращаешься в ведьму и заставляешь жернова вращаться, а черт в это время пропускает между ними наворованное у людей зерно. А ты, дескать, подставляешь рот под струю муки и пожираешь ее. Вот почему ты и не умираешь с голоду...

— И ты тоже этому веришь? — сказала Калимат после долгого молчания.

— Какое имеет значение, чему я верю, а чему нет? Люди... Видели тебя...

— Кто? — задрожала женщина.

— Зарина, жена Хасаны. Она застала тебя, когда ты муку лизала. Говорят, она восемнадцать лет заговорена была, потому и детей не имела. Знахарь научил ее: плюнь на черта три раза через плечо, и он перестанет посылать порчу на твое потомство. Зарина ходила на мельницу, плевала на чертей, и у нее сейчас здоровый сын родился, настоящий крепыш. Впрочем, неизвестно, от кого она родила...

— От черта?

— Тыфу, какая ты глупая! Говорят, дяде подсобил сын Барсага, Ахсартӓг.

— Не может быть! — ужаснулась Калимат.

— А по-твоему, почему она о тебе такой слух распустила? Чтобы о ее позоре никто не узнал, она всю вину на чертей свалила. Ее лопоухий муж поверил ей, а сам тебя винит в связи с нечистой силой. Подстрекает людей забросать тебя камнями... Еот я и думаю, чем помочь тебе, я просто бессилён что-либо сделать. Как смогу удержать толпу, когда пойдет на тебя, как стадо Разъяренных быков?

— О, погас мой очаг, пропала я! — запричитала женщина. — Куда мне еще убежать? Помоги мне!

— Я ничем не могу тебе помочь.

— О-о! Будь ты проклята, Зарина, со своим детищем, и пусть навсегда погаснет очаг в твоём доме, за что ты такую напраслину возвела на меня! Отравлю весь род их, спалю дом проклятых! — голосила Калимат.

— Замолчи, перестань визжать, как голодная кошка!

— Убирайся отсюда! Ты меня втянул в эту беду! Ты! Ты один виноват во всем! Теперь, когда я в бушующем огне, ты свою шкуру спасаешь! Сгинь! Ненавижу тебя! Радуйся, когда на меня град камней посыплется! Лучше я сама себя убью! — Калимат обмотала шею косами и затянула их.

— Не сходи с ума, послушай! — Солим схватил женщину за руки и швырнул ее на убогую постель. — Не зря говорят, у женщины волос долог, да ум короток. Зачем себя убивать, если есть возможность отомстить врагам, чтобы их же сплетней дать им по зубам?

— Как так? — подскочила она.

— Шепни кому-нибудь, будто ты видела их вместе за мельницей, в березовой роще. Таси, вдова Бесо, и

без того на них давно зуб точит за то, что Ахсартаг не женился на ее дочери. А женщина она, сама знаешь, какая: только скажи ей, и слух, подобно ветру, за день обойдет все дома аула...

— Нет, этого я не сделаю. Пусть лучше камнями закидают меня. Бесстыжая я, знаю свою вину, но наговоривать? Никогда! О, нет!

— Ну что ж, воля твоя, только не говори потом, что я не хотел тебя спасти. Но если увижу, что люди камнями убивают тебя, перебую их всех, а потом и сам себя убью, зачем мне жить после такого позора... Я сам виноват, почему я раньше не взял тебя к себе, люди бы поболтали да перестали. Я строил мечты, но Зораевы... Их много, а я один... А теперь еще этот чудовищный оговор. Если прежде мне пришлось бы воевать только с Зораевыми, то сейчас — со всем аулом. Сожгут меня заживо. Ошибся я... Люблю я тебя, ты дорога мне. Давно уж не гляжу на других... Красивых девушек много, но ты всех затмила, желаннее тебя нет никого на свете. Но этот позор!.. Подумай, как мы сможем жить... Наше будущее сейчас только от тебя зависит, постарайся спасти его...

Солым умело просеивал сквозь мелкое сито свои слова, и лежковерное сердце Калимат оттаяло. Жизнь опять улыбнулась ей. Как давно она мечтает стать хозяйкой в доме Сольма! И вот, наконец, у нее появилась такая возможность, но на ее пути стоят болтливые языки. Калимат понимала, что спокойной жизни у них не будет, пока слухи о ней не прекратятся. Люди станут отворачиваться от них, но может случиться и хуже. Чем быть заживо погребенной под камнями презрения, лучше послушаться совета Сольма. Зарина не пожалела ее, так почему она должна щадить ее. И она согласилась.

— Я этой негоднице сделаю то, чего она заслуживает! Посмотрим, кого из нас двоих забросают камнями.

— Вот это другой разговор, моя душа, — облегченно вздохнул Солым. — Только будь осторожна, постарайся не опорочить себя еще чем-нибудь.

В густых зарослях вокруг мельницы тревожно завывал осенний ветер. На чьем-то дворе в ауле голосисто запел петух, словно призывая солнце поскорее развеять мрак ночи.

В сумерках Калимат возвращалась от Таси. Подошла к мельнице и увидела мужчину, спящего у порога двери. От неожиданности женщина вздрогнула. Ведь люди отвергли ее, и никто не смеет даже мимо мельницы пройти. Кто же этот храбрец, не побоявшийся чертей и явившийся сюда в столь поздний час? Не решаясь подойти ближе, Калимат спряталась в зарослях и стала дожидаться, пока мужчина встанет. Но он словно окаменел, сидит, не шелохнется. Голову уронил на грудь, руки зацепил за пояс. На злоумышленника он не походил, и Калимат, наконец, набралась смелости подойти поближе. Видит: незнакомец крепко спит, даже похрапывает. Вгляделась — Габа! В изорванной овчине, на голове старая потертая папаха, на щеках колючая щетина. Из арчита¹ вылезла солома. Весь он похож на беспризорного ребенка. Два года Калимат не видела его. Слышала, что он долго болел после того, как она убежала из дому. Ей вспомнилась Дуду: «Когда умру, умоляю, посмотри за моим несчастным сыном». Сердце Калимат сжалось от сострадания, хотя ей самой довелось выпить до дна чашу горя. «Случилось то, чего его мать так боялась». Ее сердце переполнилось жалостью к этому обездоленному, обиженному богом человеку, ставшему обузой для отца и родственников.

— Габа, проснись, простудишься! — тряхнула она его за ворот тулупа.

— Не бей меня, не бей меня! — вскочил Габа, прикрывая руками голову.

— Не бойся, Габа, не бойся! — успокаивала его Калимат.

— Невестка... Невестка... — заплакал он, как дитя, и обнял ее.

— Отпусти, переломаешь мне ребра! — еле вырвалась от него Калимат.

— Бросила меня... ты тоже... Баби² тоже... Бьют меня... в хлеву... Вот тут болит... и здесь... Кушать хочу, а никто не дает. Пойдем домой... Там все плохие... Боюсь я... — цепляясь за подол женщины, канючил Габа.

¹ Арчита — род сыромятной обуви.

² Так Габа называл свою мать.

— Что я могу для тебя сделать, несчастный, я и сама не в лучшем положении, — ласково погладила она Габа по голове. — Нас обоих бог проклял, обрек на вечные мучения. Но ты счастливее меня: все удары жизни ты чувствуешь телом, а я сердцем. А раны сердца гораздо болезненнее... Ах, если бы и я ничего не понимала, как ты!.. Ну, ладно, вставай, очоленел ты весь... Зайди, погрейся.

— Холодно мне, очень... Там, в хлеву... Здесь болит... и здесь тоже. Хала плохой... Бьет... Госка тоже...

Госка — младшая дочь Хунцела, а Хала — ее сын. Ему Хунцел завещал все свое добро. Калимат хорошо знала их. Как права была ее свекровь!..

Она развела огонь в очажке, подтолкнула к нему Габа. Он приник к теплу, и в блаженной улыбке растянулись его губы.

— Ла-ла-ла! — счастливо задепетал Габа. — Тепло! Тепло!.. Я не пойду домой... Здесь хорошо...

— Несчастный, это никак невозможно.

— Невестка, кушать хочу!

— Пусть на поминки пойдет добро твоего отца! Пусть кусок, который он от тебя прячет, превратится в яд для тех, кому он перепадает! — прокляла Калимат и, нащупав котомку, достала из нее половину ячменной лепешки. — Больше ничего не могу дать тебе. На, поешь.

Габа схватил кусок и мгновенно проглотил его.

— Госка в хлев... хлеб приносит... маленький кусок мне, большой — собаке...

— Ай-ай! Несет будто бы тебе, а отдает собаке, да? А ты Расскажи об этом отцу.

— Побьет... Боюсь... Сдохни, говорит, поскорее, догони свою мать...

— Не нужен ты им, несчастный, так же, как и я стала никому не нужной. Мы — лишние в этом проклятом мире. Где же вы, люди, мы гибнем и никто не спасает нас! А жизнь так прекрасна!.. Бедняга, ты не понимаешь этого... Только нам с тобой она мачехой стала. Больно бьет нас она, а мы все цепляемся за нее, но до каких пор? Сколько можно терпеть?!

Габа непонимающе уставился на нее.

— Баби где? — тупо спросил он.

— В стране мертвых твоя Баби...

— А где это... страна мертвых?.. Уйдем и мы поскорее туда...

— Не спеши, несчастный, скоро и мы туда отправимся... Догоним ее...

— Догоним, догоним! Встретимся с Баби! — заплясал от радости Габа. — Я пожалуюсь ей на Халу... Она прогонит его...

— Это кого ты прогнать собираешься, идиот?! — грохнула дверь, и на мельницу ворвался молодой человек, совсем еще юноша, над верхней губой которого только наметился черный пушок. На нем красовалась белая черкеска тонкого сукна, на голове молодцевато сидела серая каракулевая папаха, ноги облегали новые черные сапоги из тонкого сафьяна, в руках — крученая плетть.

— Хала! — испуганно вскрикнул Габа и согнулся, прикрыв голову руками.

— Недоносок ишачий! Прятаться вздумал? Я сейчас тебе морду разукрашу! — хлыщеватый юнец замахнулся на Габа, но Калимат перехватила его руку.

— Не смей его бить!

— А ты чего мешаешься, потаскуха! Он же рядом лежал, когда ты оскверняла брачное ложе! Зачем ты приволокла его сюда?! — сверкнули наглые глаза Халы, лицо налилось кровью. — А может, ты его на меня натравливаешь? Ничего у тебя не получится! Все добро мне достанется!.. А вам вот! Видите?! — наглец сделал непристойный жест.

Калимат и раньше доводилось слышать о возмутительных выходках внука Хунцела. Но не подозревала, что он омерзителен до такой степени. На мгновение ей показалось, что не внук Хунцела стоит перед ней, а сам старик, и давно копившаяся злость вдруг прорвалась неудержимой лавиной. Размахнувшись от плеча, что было сил ударила по щеке юношу. От пощечины Калимат Хала отлетел в сторону, ударился о дверь и свалился на пол.

— Ублюдок! Сейчас же встань и убирайся отсюда, пока я всю злость на тебе не выместила! — поднесла она кулак к самому носу Халы.

Габа от страха забился в угол, но, увидев Халу, распластанного на полу, расхрабрился и подошел поближе.

— Бей его, невестка! Ударь еще, еще!

— На первый раз хватит с него и этого. А ну, поднимайся, тебе говорю!

Хала с трудом встал с пола. Глаза его готовы были лопнуть от переполнившей их крови.

— погоди, придешь домой, — метнул он яростный взгляд на Габа.

— Только попробуй тронуть его пальцем! Так легко не отделаешься, предупреждаю тебя, — пригрозила Калимат. — И еще. Передай своей матери, пусть те собаки, которых она кормит кусками, отнятыми у этого несчастного, перегрызут ей горло в стране мертвых! Скажи ей: желаешь смерти единственному брату — так сдохни раньше него! Слышишь, мразь?!

— Не говори так о моей матери! Могу и не сдерживать себя! У-у, твое счастье, что ты женщина! — закусил губу в бессильной ярости Хала.

— Не вой, слюняй! Твое счастье, что я не мужчина, а то бы я тебя сейчас между жерновами пропустила!..

— Это еще бабка надвое сказала...

— А ну, попробуй! — шагнула к нему женщина. Смелость парня мгновенно улетучилась, он отпрыгнул в сторону:

— Ну, чего ты, чего, я ж ничего не говорю...

— Вот так-то, и запомни мои слова! А теперь убирайтесь оба домой! Габа, возмись за руку племянника, он доведет тебя до твоего хлева. В хлеву тебя держат, несчастный! Иди, бедняга, знать, бог тебе большего счастья не дал. А сделать тебя счастливым зависело не от меня. Позор на их голову! Стыдно смотреть, в какие лохмотья одет ты, и это при богатстве твоего отца! А теперь взгляни на себя, парень! Вся твоя дорогая одежда украдена у него тобой и твоей матерью, и вместо благодарности вы загнали его в хлев и кормите со свиньями из одного корыта... Да поймите же, он несчастен! А вы заняли его место обманом и силой. Вы богу должны молиться за него каждый день, что он таким убогим родился, а не брезговать им! Тьфу! Убирайтесь, я вам говорю!

— Невестка, не пойду... не пойду... Они плохие... Бьют меня. Я голодный... Боюсь их, — Габа, бормоча, забился в угол.

— Видишь, храбрец?.. Человек даже волков так не

страшится, как Габа напуган вами... Чего ты язык проглотил?

— Идем домой, Габа, — пряча глаза от взгляда Калимат, Хала потянул за руку Габа.

— Побьешь меня... Невестка, не отпускай меня!..

— Не тронет он тебя даже пальцем. Иди!

— Пойдем с нами... Ты хорошая...

— Мне там делать нечего, Габа. Не плачь...

Калимат, наконец, выпроводила их и, голодная, легла спать.

IV

Блудный сын Булатыко возвратился в отчий дом. Налкуту это и радовало и тревожило одновременно. Как-никак, он ее единственный брат, единственный оставшийся в живых родной человек. Но ведь он обязательно встретится с Ахсартагом, и беды не миновать. Эта мысль день ото дня все больше волновала ее, и однажды вечером она сказала брату:

— Булатыко, ты знаешь: я невеста Ахсартага... Он избрал меня другом жизни, а я выбрала его... Я молю тебя, забудь обиду, не дай вспыхнуть ссоре, как это случилось в тот раз...

— Твои отношения с ним — это ваше личное дело, я не собираюсь в них вмешиваться. Но и ссориться с ним я тоже не стану, — твердо ответил Булатыко.

Успокоилась Налкута. С нетерпением ждала Ахсартага, чтобы помирить его с братом. Но он долго не появлялся, и девушка подумала, что он, видимо, прослышал о возвращении Булатыко и потому не приходит. А может, с ним какое-нибудь несчастье стряслось, когда он уходил от нее в последний раз поздно вечером? Не заболел ли? Что-то грустен он был в тот раз... Налкута места себе не находила, все глаза проглядела, высматривая на дороге любимого. Послала бы кого-нибудь за ним, да никому, кроме Кыркыс не доверяет, но и к ней стыдилась обратиться.

Но не зря не приходит Ахсартаг. Между двумя любящими братьями, между Хасаной и Барсагом, пробежала черная кошка, и жизнь их семей превратилась в сущий ад.

По аулу прошел слух, чудовищный слух. Ахсартаг, дескать, спутался с Зариной, женой Хасаны, и она от него родила сына. И детей у нее до сих пор не было потому, что муж бесплоден...

Кто придумал эту ужасную сплетню, от которой кровь стынет в жилах? У кого только язык повернулся? Поди, узнай...

Жизнь братьев перевернулась вверх дном. В ауле клевете не поверили, было ясно, что кому-то понадобилось посеять рознь между братьями. Но такова уж природа сплетни, что если выползла она из своей норы, подобно змее, то непременно должна ужалить кого-нибудь.

Слух начал распространяться в первую неделю нового года. Адзыбе недавно женился, и родственники его молодой жены выставили угощение для друзей зятя. На пиршество отправились Барсаг и Хасана, а Ахсартаг остался дома: так уж было заведено в семьях братьев, что Зарину одну с ребенком по вечерам не оставляли.

Гости уже порядком попиروвали, когда появился Хала, племянник Хунцела. Вдребезги пьяным пришел он от Солыма, приветствовал сидящих за столом и шлепнулся на лавку рядом с Хасаной. После второго тоста он хотел было чокнуться с ним, но полный рог выпал из его рук, и арака пролилась на черкеску Хасаны.

— Прости, Хала, но зачем ты таким пьяным шел сюда, даже рог в руках не можешь удержать, — мягко упрекнул его Хасана.

— Я и пьяным найду свой дом, а ты и трезвый — слепой, раз не видишь, что у тебя в доме творится, — нанес удар хлыщеватый юнец.

— Что ты хочешь этим сказать? — грозно придвинулся к нему Хасана.

— Я — ничего, но люди говорят...

— Что ты мелешь? — устремил на него суровый взгляд Хасана.

— Ты лучше свою жену спроси, она тебе скажет.

Ссора нарастала, как снежный ком.

— А ну, вон отсюда, пока я тебя не изуродовал! — Хасана схватил Халу за грудки и толкнул к двери.

— Чем на меня кричать, ты бы пошел и посмотрел, с кем твоя жена дома в прятки играет, — бросил Хала и метнулся к выходу.

Глаза Хасаны налились кровью, свет померк в них,

он прыгнул за обидчиком, но было поздно: мужчины крепко схватили его.

— Да не обращай внимания на этого оболтуса! — встал перед ним Адзыбе. — Будто ты не знаешь его!

— Пусти меня, Адзыбе, я ему язык с корнем вырежу! — вырывался Хасана.

Старшие за столом обратились к Хасане, призывая его к благоразумию: неудобно перед хозяевами и гостями, да и недостойно мужчины связываться с молокососом.

Хасана смирился, сел, но в сердце засела обида. Не дождавшись Барсага, он скоро ушел домой. Здесь он застал Ахсартага. Увидев воротившегося Хасану, Ахсартаг собрался уходить. Зарина попросила его не торопиться, но Ахсартаг не остался. Чудовищная клевета вчера дошла до него. Адзыбе рассказал, что говорят про него с Зариной в ауле. Посоветовал держаться пока в стороне, не лезть на рожон, пока слухи сами собой не отомрут. С той минуты Ахсартаг горит в адском пламени. Знает, что кто-то нанес ему удар из-за угла. Кто этот негодяй, кому это выгодно? Перебирает мысленно всех недругов, но тщетно.

Ждать больше нельзя, нужно рассказать все семье, где всегда понимали друг друга, какой ужасный грех ему приписывают. Он с помощью Адзыбе должен все-таки найти гнусного клеветника, но сейчас у него гости, придется отложить поиски до завтра.

А сплетня к тому времени уже обошла аул и успела посеять в душе Хасаны семена подозрения. Не приласкал, по обыкновению, он свою жену, сослался на усталость и прилег.

Почему его так осрамил Хала, что значили его слова? Верно, что этот повеса болтлив и любит посплетничать. Сомнения терзали Хасану. Завтра он разыщет Халу и потребует от него объяснения. Если он выдумал эту гадость, придется его убить, если же от кого-нибудь слышал, то заставит сказать, от кого.

На другой день он отправился в дом Хунцела, чтобы свидеться с Халой. По дороге встретил Солыма.

— Хасана, ты сегодня на себя не похож, что-то явно угнетает тебя, — обеспокоенно сказал Солым. — Сохрани тебя бог от болезни!

— Да нет, здоров я... — нехотя откликнулся Хасана.

— Слышал, вы вчера с Халой повздорили. Так он

же глупец, не слушай его. Правда, он очень жалеет о случившемся. Лучше бы, говорит, отсох мой язык, чем из моих уст услышал Хасана эту историю, — двусмысленно повел свою речь Солым.

— Какую историю, Солым, скажи мне откровенно? — сжалось от недоброго предчувствия сердце Хасаны.

— Не проси меня об этом, Хасана, мы с тобой никогда не обижались друг на друга, так почему ты от меня хочешь услышать грязную сплетню? Мало ли что болтают люди! — осторожно заметил Солым.

— О какой сплетне идет речь, тебя спрашиваю? Не юли, говори прямо! — решительно потребовал Хасана. — Раз начал — говори до конца.

— Тебе должно быть лучше известно, что делается в твоём доме, что ты меня пытаешь? — ещё глубже вонзил свою отравленную стрелу Солым. — И ещё скажу тебе: люди часто зря говорят... Больше ни о чем не спрашивай меня, не скажу, хоть убей, — Солым тронул коня и поскакал по улице.

Хасана взбесился, как раненый тигр, помчался вниз по склону и мигом очутился во дворе Хунцела. Не отдышавшись, вызвал Халу.

— Хала, теперь толком расскажи, что ты болтал вчера, — с трудом сдерживаясь, сказал Хасана.

— Ничего не скажу, ничего не знаю, ничего не слышал, — побелел, как полотно, парень.

— Скажешь, педоносок ишачий! — Хасана схватил Халу, повалил на снег и выхватил кинжал. — Скажи, иначе поздно будет, язык с корнем вырежу! — Хасана приставил острие кинжала к горлу юноши.

— Я... Я... Не убивай меня! — завопил парень.

— Говори, ублюдок, убью!

— Скажу, скажу!.. Я не виноват! Мужчины об этом говорили...

— Что говорили? — взревел Хасана и сильнее вдавил в снег свою жертву.

— Говорили, будто Ахсартаг с твоей женой... Ребенок тоже, говорят, от него... Видел, говорят, их кто-то, — излил, наконец, весь свой яд Хала.

— Ух чтоб породившим тебя..! — кинжал рассек воздух, и Хала услышал еще, как что-то резко свист-

нуло над его левым ухом. Хотел крикнуть, позвать на помощь, но не смог шевельнуть языком.

Хасана исчез.

Хала так и остался лежать на снегу. Кажется, вот-вот душа улетит из тела, глаза вылезли из орбит. Горько сожалел он, что послушался Сольма и за столом связался с Хасаной. Сольм ему коня своего пообещал за это, ну как он мог устоять от соблазна! А теперь... Перед глазами встала картина: вот его хоронят и закалывают, приносят в жертву не коня Сольма, а его собственного...

Но странно, почему он так долго не умирает? Почему рана, нанесенная кинжалом Хасаны, не болит? Говорят, умирать тяжело, но почему он ничего не чувствует? Куда все подевались, почему не бьют тревогу? Надо попробовать крикнуть... Двор Хунцела огласил дикий рев.

— Что ты растянулся, как дохлый бык? — слышался голос Хунцела. — Ишь, здоровый осел, а ума ни на грош. Поднимайся, и если тебе так нравится валяться в снегу, заберись на крышу и сгребни снег!

«Какой бессердечный человек мой дед, я умираю, а он меня снег посылает расчищать», — все еще не верил в избавление Хала.

— Вставай, я сказал! Может, тебя молнией в зимний день стукнуло? — навис над ним Хунцел со своей палкой.

Теперь Хала до смерти испугался его толстой суковатой палки и поспешно сел. Слава богу, вернулся из страны мертвых! Но язык все еще не поворачивается во рту. Пытается шевельнуть им, но ничего не получается.

— Что с тобой стряслось, что ты мычишь? — Хунцел только сейчас обратил внимание на перекошенное лицо племянника.

— Язы... зы... зы... — беспомощно лепетал Хала.

V

По грудь в снегу пробирается по лесу Хасана. Лес стоит тихий, безмолвный, будто утомился от нескончаемого говора шумливой листвы, закутался в теплое пуховое одеяло и задремал до той поры, когда его разбудят звонкие весенние ручьи.

Под большой сосной Хасана упал, зарылся лицом в снег, раскинул руки в стороны, никто не мешает ему, никто не слышит его стенаний — одни лишь деревья, но они спят, грезя о тепле.

Окоченел Хасана. Очнулся от забытья. Страшные мысли одна за другой приходили в голову.

Что он сегодня услышал?! Нет, нет, это клевета, чудовищная клевета! Ведь он, как родного сына, растил Ахсартага, как тот мог растоптать свою совесть! Неправда это, неправда! Кто лучше Хасаны знает Зарину? Ведь они столько лет даже куска хлеба друг без друга не могли съесть, молились друг на друга, а жена даже жизни не мыслит без него... Нет, нет! А может быть, разлюбила? Нет, не насильно же он ее взял, любили они друг друга, и ничто не изменилось в ее отношении к нему. Вот теперь и сын растет у них. Да, он недавно родился, но почему его раньше не было?.. От страшной мысли сжалось сердце. Может быть, она зная, что он так мечтал о ребенке, изменила ему, чтобы муж на старости лет не жалел, что оставил свой дом без наследника?!

«Зарежу обоих вместе с их детенышем! Нет, нет, ты с ума сходишь, это мое дитя, моя надежда... После меня он останется хозяином в доме, нет у меня большего дара от господ бога, чем этот ребенок. Сколько я молил всевышнего, чтобы ниспослал мне этот дар, и, наконец, он сжалился. Но почему это не произошло раньше? О, совсем запутался я!..» — теснились мысли в голове Хасаны.

Он встал и, шатаясь, как пьяный, пошел от дерева к дереву.

«Что делать? Задушить их троих, а потом уйти куда-нибудь подальше от этих проклятых мест. Но вдруг это клевета, и тогда сожжет раскаяние... Господи, хоть бы это и в самом деле оказалось клеветой!.. Но странно, почему Ахсартаг решил вдруг жениться после того, как у него родился сын? Чтобы замести следы? Ничего не понимаю, ничего!!»

Хасана ощутил пронизывающий холод. Он протер глаза и огляделся. Ночная мгла уже прокралась в чашу леса. Ветер, спавший на зубцах хребтов, пробудился и злобно заметался среди крон. Тяжкий стон деревьев раздавался то там, то здесь.

«Пора идти», — подумал Хасана. Но куда? Как вернуться в дом, где его лицо покрыли позором, где вершатся столь гнусные дела?

Нет, не стоит спешить, нужно усыпить в душе кровожадного зверя. Надо все выяснить до конца, прежде чем его левая рука отрубит правую. Чтобы потом не жалеть. Горячая кровь в таких делах — плохой советчик.

С такими мыслями он вошел в аул. Направился в дом Дзакко. Он — старейший в ауле, самый мудрый и опытный в житейских вопросах. В ауле все советовались с ним.

Белобородый Дзакко, похожий на пророка, внимательно выслушав Хасану, задумался. Потом, не спеша, заговорил:

— Хасана, сын мой, ужасный слух прошел о твоей хозяйке с племянником. Ясно, что это клевета. Но кому это понадобилось — один бог знает. И прошу тебя, пойми, здесь дело касается не только тебя, но и Ахсартага. Страшный позор падает на его голову... Такая клевета для него, для мужчины, равносильна смерти. Это дело без кровопролития не обойдется, и надо непременно найти того, кто так жаждет крови. Вот так, Хасана, одним махом невозможно разрубить этот узел, тут надо набраться терпения и действовать разумно...

— Дзакко, ты знаешь нашу жизнь, нашу дружбу с Барсагом, — запальчиво начал Хасана, — Ахсартага я, как родного сына, воспитывал, а он... Как я смогу отрубить левой рукой правую?!

— Я тебе еще раз говорю: ядовитая змея укусила Ахсартага, на тебя лишь брызнули ядом... Я хорошо знаю этого парня... Услышит он клевету — натворит что-нибудь сгоряча. Пойми меня, речь идет о судьбе человека, и наказываю тебе: спешить не надо.

— Страшный зверь грызет мою душу, — застонал Хасана.

— Задуши его в себе, Хасана, прислушайся к моему совету. Нужно время, чтобы узнать, из чьей норы выползла эта ядовитая сплетня. В конце концов все раскроется. Прошу только об одном: веди себя так, как будто ничего не слышал, пусть и твоя жена ничего не знает. Одному легче справиться с гневом.

— Да, но люди, весь аул, с каким лицом я покажусь им, кто протянет мне руку?

— Верно, сплетня обошла село, но никто в нее не поверил. Да и никто не поверит. Не нужно раздувать угли, пусть быстрее погаснут... Ты умный человек, Хасана, так поступи же умно. Вот тебе мой совет.

К полуночи воротился домой Хасана. Зарина не спала, ждала его.

— Как не стыдно тебе, Хаса, заставлять меня так волноваться... Где ты был до сих пор? — упрекнула она. — Ты никогда так не задерживался, не предупредив меня.

Хасана ничего не ответил.

— Что с тобой? У тебя усталый вид... Горе моему очагу, уж не заболел ли ты? — участливо склонилась к нему жена.

Хасана внимательным взглядом посмотрел в глаза Зарины. Чистотой и любовью светились они так же, как и все двадцать лет, что прожили вместе. Как он любит эти глаза! Нет, не могут такие глаза лгать, они так же чисты и непорочны, какими были в тот день, когда он впервые увидел ее.

VI

Суровые морозные дни тоскливо потянулись унылой вереницей. Нет у крестьянина особых забот в эту пору, и молодежь часто собирается на посиделки то в одном доме, то в другом. Но Ахсартаг начал избегать этих собраний, если и ходит куда-нибудь, так только к Адзыбе. И если за спиной Ахсартага пройдет какой-нибудь слушок, то он о нем узнает из уст Адзыбе. А в слухах недостатка не было. Сплетня каждый раз обростала все новыми подробностями. Откуда ползли слухи? Никак не удавалось напасть на след клеветника. Подозрения пали было на Солыма, но он так горячо защищал Ахсартага в присутствии Адзыбе, что от сомнений в его искренности не осталось и следа.

Ахсартаг понимал, что рано или поздно слух дойдет и до Хасаны, и решил не дожидаться, пока тот вызовет его на разговор. Однажды вечером он зашел к нему домой. «Гыцци тебя зовет», — сказал он Зарине и под этим предлогом услад ее из дому. Вернулся к Хасане и рассказал об этой грязной сплетне.

— Слышал я об этом, — с горечью сказал Хасана.
— Даже при всем честном народе швырнули в лицо мне эту грязь. Давно уже говорят...

— Кто говорит, а кто и нет. Меня людская болтовня мало волнует. Я хочу лишь узнать, что ты думаешь об этом. Верит ли мне тот, кого я люблю, как родного отца. — Ахсартаг посмотрел прямо в глаза Хасане.

Тот отвернулся.

— Не прячь от меня свои глаза. Если ты хоть чуточку подозреваешь меня — вот тебе нож. Мне легче пролить свою кровь, чем причинять боль своему сердцу... Ну, бей! — он протянул Хасане нож и упал перед ним на колени.

Хасана пристально взгляделся в него.

— Поклянись!

— Значит, сомневаешься во мне?

— Поклянись, говорю!

— Тогда не перед тобой, перед богом клянусь, нет в этом мире лучшего свидетеля! Как не стыдно, Хаса! Я тебя, как отца родного, люблю, я с ума схожу от этой клеветы, ты же носишься со своим горем, совсем забыв обо мне?!

Хасана молча смотрел в пол.

— Пусть хлеб, который я ел в твоём доме, превратится для меня в яд, если не найду подлого клеветника и не вырву его грязный язык! — вскочил на ноги Ахсартаг. — Только об одном молю: ничего не говори Зарине, она не выдержит...

Ахсартаг пулей выскочил из дома Хасаны и с того дня стороной обходил его.

Тысячи и тысячи раз перебирал Хасана в памяти всех жителей аула, мысленно заглядывал в их души, но так и не нашел того, кто был бы заинтересован в позоре его семьи. А между тем слухи продолжали множиться. Приводили даже подробности о том, в каком виде застали любовников. Клевета все больше подтачивала сердце Хасаны и целиком завладела его разумом. Ни о чём другом он уже думать не мог. Хасана стал очень раздражительным. Слова ему нельзя было сказать. Речь его превратилась в острое копье. Мирная жизнь в семье разладилась вконец, все в доме покати-лось кувырком. Неприязнь к брату и его сыну стала выливаться во вражду. Барсаг, человек степенный, рас-

судительный, не понимал, что стряслось с его братом, спрашивал у людей, но никто не решился сказать ему правду. И Барсаг прощал Хасане... Решил, что брата околдовали или он малость тронулся умом.

Так прошла эта тяжелая зима. Люди приступили к весенним работам. Клочок земли, который Хасана с Барсагом откупили у Солыма, заплатив за него тремя годами батрачества, братья поделили на две равные части, и на этом вся дружба между ними кончилась...

VII

Ахсартага полностью раздавило горе, и у него не оставалось времени проводить Налкуту.

А повидать невесту нужно было во что бы то ни стало. С одной стороны, надо помочь ей завершить весеннюю пахоту, а с другой — скоро пасха, Налкута собирается поминки по отцу справлять, и тут его помощь будет кстати... Да, но если этот дикий слух дошел уже до ее ушей, то с какой совестью он явится к ней? Девушка этому никогда не поверит, но чем черт не шутит?

Сомнения терзали его. «В чем я виноват перед Налкутой, почему я должен стыдиться, когда чиста у меня совесть и незапятнана честь? Нет, надо идти, я должен рассказать ей обо всем. Зачем она от других должна узнать об этом, если я действительно чист перед ней?»

Ахсартаг отправился к Налкуте. Уже стемнело, когда он дошел до ее дома и постучал в дверь калитки. На стук открыл дверь какой-то парень.

— Прощу прощения, если Налкута дома, позови ее, — властно сказал Ахсартаг, и сердце Булатыко екнуло. Он догадался, что это Ахсартаг, и тихо сказал:

— Налкута у соседей, она скоро придет, заходи в дом.

При свете лампы Ахсартаг тоже узнал Булатыко. Юноши сидели, как на иголках. Не смотрели друг на друга, не заговорили ни о чем. В первый раз они встретились, как кровные враги, с обнаженными кинжалами, во второй — как будущие родственники. Обычай требовал, чтобы разговор начал хозяин дома, но Булатыко не знал, с чего начать.

— Ты, наверное, Ахсартаг? — наконец выдавил он.

— Да, это я, — разжал губы гость. На этом весь запас слов у них иссяк, и оба вновь стали мучиться неловкостью.

«Узнал меня, недаром спрашивает, — скакали мысли в голове Ахсартага, — наверное еще не забыл своей обиды. Не нарваться бы на беду... Если до этого дойдет, заставлю его расплатиться головой за страдания сестры и отца. Он даже на кладбище не пришел проститься с отцом, почему же он сейчас здесь? Ой, не зря это! А где Налкута так долго задерживается? И долго я еще буду так сидеть? В прошлый раз этот выскочка сам был виноват, но ничего не поделаешь, родственниками будем, надо попросить у него прощения».

— Прости, Булатыко, нехорошая история в прошлом году получилась... Виноват я перед тобой... Но, клянусь богом, не нарочно я это сделал. Если можешь простить — прости. Отныне твоей правой рукой буду...

Никто никогда не просил прощения у Булатыко. И теперь его самолюбию польстило, что Ахсартаг попросил у него прощения. Его старая обида постепенно испарилась. Кроме того, он ведь дал Налкуте обещание не затевать ссоры с Ахсартагом. Приятно, что Ахсартаг так дружелюбно обратился к нему. В детстве он не имел друзей, теперь его потянуло к сверстникам, но все избегали его.

— Я тоже был виноват, — признался он. — Будешь мне другом.

Ахсартаг обрадованно вскочил.

— Спасибо, Булатыко, я всегда к твоим услугам, только кликни!

— Дай руку!

Юноши крепко пожали друг другу руки.

В этот момент вошла Налкута. Когда она увидела стоявших друг против друга мужчин, решила, что они затеяли драку, и пронзительно закричала:

— Горе моему очагу, что вы делаете! — рванулась она к ним и бросила между ними свой платок.¹

— Подними платок, сестра, здесь кровопролития не будет, — улыбнулся Булатыко.

¹ Священный обычай горцев: если женщина бросает платок между кровниками, поединок прекращается.

Девушка переводила взгляд с одного на другого.

— Побратались мы с Булатыко, — улыбаясь, сказал Ахсартаг.

— Правда? — не поверила Налкута.

— Правда, сестра, правда, — подтвердил Булатыко.

— Мои дорогие, мои милые! — обняла девушка брата. — Боже мой, как я боялась этой встречи!

— В таком случае, сестра, с тебя причитается, — поддел ее Булатыко.

— Сейчас, Булатыко, сию минуту! — не находила себе места от радости Налкута. Быстро закатала рукава и замесила тесто.

Около недели прожил Ахсартаг у своих будущих родственников. Помог Булатыко вспахать землю. Привез из лесу дров. Отвез на лошади зерно на мельницу. Увлечшись работой, наслаждаясь близостью любимой, он забыл о своей горе, но временами, вспомнив, начинал терзаться в душе. Налкута радовалась, что Ахсартаг и Булатыко работают дружно, ласковы друг с другом. Она улыбалась впервые после смерти отца, но ее радость омрачало то, что Ахсартаг временами погружался в глубокие раздумья, и лицо его темнело.

Как-то она спросила его:

— Ахсартаг, что-то тебя беспокоит, а ты от меня скрываешь...

— Горе у меня, Налкута, большое горе, и даже выразить его нет у меня сил, — тяжело вздохнув, ответил Ахсартаг.

— Как тебе не стыдно скрывать свое горе от меня? Расскажи! — потребовала невеста.

— Трудно мне говорить об этом...

— Какое-нибудь несчастье?

— Несчастье... да еще какое!..

— Не терзай меня, скажи, в чем дело...

Сгорая от стыда, Ахсартаг рассказал Налкуте о чудовищной клевете. Девушка побледнела и в оцепенении слушала его.

— Не знаю, Налкута, кому понадобилось так оклеветать меня. Этой зимой моя жизнь была сущим адом...

— Горе моему очагу, лучше бы мне ничего не знать, — в отчаянии заметалась Налкута.

— Я не мог не сказать тебе об этом, жизнь моя. У меня лицо и сердце чисты перед тобой и перед богом.

И если ты во мне хоть чуть сомневаешься, возьми палку и прогони со двора, как собаку.

— Нет, нет! Не сомневаться, а бояться за тебя начало мое сердце. Не знаю, почему, но мне кажется, что какая-то страшная беда ходит за нами по пятам, Ахсартаг. Прошу тебя, оставайся с нами жить...

— Это невозможно, Налкута. Если бы ты была совсем одна, можно было бы объяснить людям, что тебе трудно одной справляться с хозяйством. Но ты живешь с братом. И потом, я не столько о себе беспокоюсь, сколько о Хасане. Он чудесный человек, он мне, как родной отец, но ранили его в самое сердце, и гибнет он, а я не знаю, как мне доказать свою невиновность. Может быть, с ним уже что-нибудь случилось...

— О, мать божья, какие испытания ты на нас посылаешь! — запричитала девушка.

— Не позволю покрыть себя позором, Налкута, найду того, кто посеял вражду в нашей семье.

— Береги себя, Ахсартаг, не уходи, умру я от беспокойства!

— Не тревожься, свет мой! Я должен уйти.

Налкута упрашивала еще и еще, даже Булатыко подговорила, но Ахсартаг был непреклонен. Пообещав в скором времени навестить их, он ушел в Тедотикау.

ГЛАВА ВТОРАЯ

I

Не зря Налкута опасалась за Ахсартага. Случилось то, чего она так страшилась.

Предательская клевета разрубила родственные узы между братьями. Клочок бывшего пустыря на южном склоне, политый их потом, оказался разделенным на две половины. Крошечные лоскутки земли невозможно было вспахать, коню с сохой негде было развернуться, но назло брату Хасана все-таки ухитрился вспахать и засеять свою половину.

Ахсартаг задерживался у невесты, и Барсаг, опасаясь, что земля затвердеет и он упустит сроки пахоты, не стал дожидаться его и взялся пахать сам. Управился к полудню и в тот же день засеял и пробороновал.

На следующее утро случилось такое, от чего содрогнулись даже издавшие виды горы...

В начале дня Солом заглянул к Хасане под предлогом одолжить ярмо для волов, Хасана вынес ему ярмо и Солом, озираясь, шепнул:

— Послушай, друг, ведь вы с Барсагом вдвоем работали, пот проливали на этом клочке земли, так почему же он большую половину себе оттяпал?

— Кто тебе сказал? Я же сам отмерял поровну.

— Не знаю, но сейчас я проходил мимо и мне показалось, что половина Барсага больше твоей. Впрочем, раз ты сам делил, то, наверное, мне показалось... Ну, спасибо тебе за ярмо, верну завтра же, — Солом взвалил ярмо на плечо.

Екнуло сердце Хасаны. Прямо со двора бросился к своей пашне. Пришел — и лавина гнева захлестнула его. Камни, которыми он разметил межу, были перенесены на целую сажень на сторону Хасаны, его только что засеянное поле чья-то скотина истоптала вдоль и поперек. Не иначе, это месть Барсага! Такое человек даже своему врагу не пожелает!

— Мне назло он это сделал. Не мытьем, так катаньем, — задрожал от ярости Хасана. — Сын опозорил мое ложе, а его отец похоронил меня заживо! — кровь бросилась в голову, kloчущая ярость выплеснулась наружу, ослепила его и, выхватив кинжал, он побежал в аул.

Барсаг в это время выносил из сарая ярмо для волов Солома.

— Так вот цена твоему братству, скотина?! Твой щенок мне душу выгрыз, моя сука за порогом от него оцепилась, а теперь ты меня за горло схватил?! — обезумев от ярости, Хасана с кинжалом в руке бросился к Барсагу. Но Барсаг изловчился и оттолкнул его ярмом. Хасана попятился назад, споткнулся о бревно, повернулся, пытаясь удержаться, и упал животом на кинжал. Крикнул что-то неразборчивое, исходящее из самой глубины его истстрадавшейся души, и забился в предсмертных судорогах.

— О, боже великий, что я натворил! — закричал Барсаг и бросился к брату. — Хасана, брат мой, горе мне!..

— Барсаг... — смог еще прохрипеть Хасана, и глаза его остекленели.

— О-о, очаг мой разрушился! Чтоб ослепли мои глаза, чем видеть такое! Горе мне! Горе! — выскочила из дома Фардыг, колотя себя по коленям. — На помощь, люди хорошие, кровавая лавина обрушилась на наши головы.

С ребенком на руках прибежала на крики Зарина. Увидев Хасану в луже крови, закричала нечеловеческим голосом, и свет померк в ее глазах.

Солым выскочил со двора и побежал по улице с криком:

— Где вы, люди хорошие, Барсаг убил Хасану!

Люди, взволнованные страшной вестью, бежали во двор Барсага, а Солым — в канцелярию, к Кази...

II

С темнотой Ахсартаг добрался до аула. До его слуха донеслись, причитания и крики женщин. Горестные звуки доносились со стороны их дома. Неужели что-то ужасное случилось у них? Бросился вниз по склону и через несколько минут уже был дома. Здесь он никого не обнаружил и метнулся к дому Хасаны. Увидев скорбно стоящих во дворе людей, он оцепенел. В стороне, в группе молодежи, он заметил Адзыбе. Ахсартаг тихо окликнул его.

— Какое горе постигло нас, Адзыбе? — дрожащим голосом спросил он.

Адзыбе рассказал о трагедии, разыгравшейся в отсутствие друга.

Ахсартаг покачнулся, словно вдруг земля ушла из-под его ног, но успел ухватиться за плетень.

— А отец мой где? — едва ворочая непослушным языком, спросил он.

— Кази арестовал его, запер в канцелярии. Пойдем домой, не нужно тебе здесь находиться, — потянул его за рукав Адзыбе.

Хасану похоронили. Дружба братьев раскололась надвое, одна половина ушла в могилу, другая — в тюрьму. И неизвестно, как сложится судьба оставшегося в живых...

На Барсага пало позорное пятно убийства, он подлежал высылке в Сибирь, на каторгу. Эта мысль сводила Ахсартага с ума. Сколько любви и ласки подарили

ему отец и дядя, но чья-то ядовитая клевета посеяла вражду между братьями. Его честь и совесть чисты перед ними, но разве этим делу поможешь! Кто знает, не родись Ахсартаг на свет, может и не разразилась бы эта трагедия.

Горе Зарины было безгранично. Когда женщины рассказали ей о причине гибели мужа, она заперлась в своей комнате и не выходила к людям. Нет конца и разрывающим душу причитаниям Фардыг.

Терзают мысли Ахсартага. Почему случилось с ними такое несчастье? Почему он не предотвратил его? Почему, услышав эти дикие толки, он не рассказал о них всей семье? Барсаг бы, наверняка, пресек клевету в самом начале и тогда яд не затопил бы обе семьи... До чего же слабым он оказался, надо было перевернуть мир, но не найти нору, из которой выползла змея!

Почему он не сделал этого? Да потому, что не мог он сорвать с себя путы какого-то непонятного стыда. Не смог он громко завопить о своей беде. Язык его снемел и не посмел он даже отцу рассказать об этом. Он опасался, что если открыто начнет доискиваться, откуда ползут слухи, сплетня обрстет еще более невероятными подробностями, облетит все ущелье и непременно коснется слуха Налкуты. К тому же клевета выползла из такого глубокого подполья, что его нелегко найти. Подозревал он только Солыма. Но Солым, как рассказывал Адзыбе, был на стороне Ахсартага. Когда заперли Барсага в канцелярии, Солым защищал его, сказал, что несчастье вызвано чьей-то клеветой, что Барсаг не виноват в смерти брата. Поговаривают, даже взятку большую предлагал старосте Кази, но тот даже слушать не стал.

Ахсартага не покидало чувство вины перед Хасаной и Барсагом. Хасана погиб, но и Барсаг пропадет, сгниет в Сибири... Как помочь ему? Только Солым может подсказать. Он с местными властями в большой дружбе, может быть, ему удастся уговорить Кази...

— Матерью и отцом твоими заклинаю тебя, Солым, — умолял Ахсартаг, — пока отца не отправили в городскую тюрьму, попроси за меня Кази. Хасана пропал, отец тоже пропадет. Ты же сам говорил, что он не виноват. Кази с тобою в дружбе, он послушается тебя. Ни за чем не постою, все, что ни потребует — отдам...

— Какой нелепый случай! Если бы своими глазами

не видел, может и подумал бы, что Барсаг виновен... Люди свидетели, сколько я умолял Кази, он не уступил моей просьбе, — печально проговорил Солом.

—Еще раз обратиться к нему. Отец мой — больной человек, он не выдержит каторги... Я перед тобой в долгу не останусь!..

— Ладно, попытаюсь еще, — согласился, наконец, Солом.

III

Время перевалило за полночь, но за обильным столом все еще сидят Солом и Кази. Крепкая арака уже одолела Кази, сделала нескончаемым фонтан его красноречия.

— Как ты думаешь, Солом, кто я? Я человек дела, все права, вся власть здесь — в моих руках. Видишь вот этот кинжал? Его мне дали по указанию царя, чтобы я охранял его подданных, служил ему верой и правдой. Этот пистолет тоже мне для этого дан... Куда захочу, туда и поверну его, а он, знай, стреляет, ему-то все равно в кого, — не разбирает правых и виноватых... А вот эти руки пишут. По бумаге, слева направо, хотя, если захочу, могу и справа налево написать. О, один бог знает, какие они ловкие и способные... Ты сам хорошо знаешь их. Помнишь, когда ты своего отца убил... Хе-хе-хе! Погоди, не перебивай.... Что ты его убил, я знаю, и за что ты его убил, знаю... так вот, если бы эти руки захотели, они бы написали не слева направо, как положено, а всю бумагу построили бы справа налево, и тогда бы где Солом очутился? Ха-ха-ха! Неприятно слышать? Ничего, послушай: на ка-тор-ге. Понял? Но я этого не сделал. А почему? А потому, что ты мне взятку дал. Нет не взятку — жалованье... Я тоже человек, и мне тоже жить надо, а жалованье у меня маленькое, царь знает, что люди Кази помогут, вот и выходит, что не взятки я беру, а жалованье свое, царем положенное... Так что, Солом, мы с тобой одной веревочкой связаны: один покачнулся, и другой за ним полетит. А как же? Я ведь стою на страже твоего добра, чтобы эти голодранцы не растащили его. Ухватятся они за него, откусят кусок, а Солом останется с разинутым ртом! Хи-хи-хи!

— Понимаю я, Кази, понимаю! — поддакивал Солым.

— А коли понимаешь, то не забывай, когда глотаешь пять кусков сразу, и мне один подбросить... Мне тоже жить надо, а как же иначе? Из-за тебя я здесь торчу, у этих нищих и для себя ничего нет, мне от них отрывать нечего. Вот Барсаг брата своего убил, сидит в кутузке. Ну, что я от него могу взять? Ничего. И Хасана пропал и Барсаг пропадет. Вот так. С пустой сумой далеко не уйдешь. Ты мне сказал: «Барсага пока не отправляй в город». Послушался тебя. Жду. Вот и сейчас сидишь передо мной и какие-то намеки делаешь, а я ничего что-то не пойму, чего ты хочешь...

Солым пока не раскрывал перед Кази своего тайного замысла, выжидал, какой оборот примут дела. Но когда Ахсартаг сам обратился к нему за помощью, он, наконец, решился и позвал к себе Кази. Он не торопил события, ждал, пока Кази захмелеет, и теперь, когда тот первым затронул вопрос, стал осторожно раскрывать свой тайный план:

— Кази, ты верно сказал, мы с тобой связаны одной веревкой. Одного не станет — другому придется туго. Сделай мне еще одно одолжение. Обещаю заранее: все, что потребуешь, дам.

— Открой мне свою мысль...

— Нельзя ли вместо Барсага на каторгу Ахсартага отправить?

— То есть как? — разом протрезвел Кази.

— Вину за смерть Хасаны Ахсартаг возьмет на себя. Ты освободи отца, вместо него посади сына...

Кази прикрыл один глаз, отчего его рысье лицо приняло хитрющее выражение, и спросил:

— А парень-то сам согласен?

— Согласится. А для тебя разницы нет...

— А кому от этого выгода?

— Мне, да и тебе тоже.

— Зачем это тебе нужно?

— Отец его умрет на каторге, а сын выдержит.

— Не очень-то ты печешься о них обоих, сдается мне... Ты хитрый человек, но играть в прятки со мной не позволю. Излагай прямо свою мысль.

— Кази, раз я тебя прошу, значит это нужно сделать. Ты Солыма знаешь...

— А что мне будет за услугу?

— Чем покрепче ты составишь бумагу, тем большая награда тебя ожидает.

— Свою плату я должен знать заранее.

Солым достал деньги из кармана и положил их перед Кази. Староста тщательно пересчитал кредитки.

— Подбрось еще...

— Как, за такое пустячное дело ты столько просишь?!

— Для кого это пустячное дело, а безвинный пойдет на каторгу в Сибирь, — задел его Кази. — То, что в этом деле ты нечист, вижу, как в воду гляжу. А если что всплывет, в ответе буду я... Слышь, добавь еще столько же!

— Кази, побойся бога!..

— Без лишних слов! Ты меня знаешь, мне тоже жить надо. Клади сюда...

— Эх, будь по-твоему! Только смотри, бумагу покрепче составь...

— Это уж мое дело, письмо состряпаю справа налево, поверь мне...

— В таком случае, выпьем за то, чтобы наше дело сошло гладко, — предложил Солым, и они снова принялись уничтожать еду и питье на столе.

Чуть свет Ахсартаг стучался в ворота Солыма.

— Ну как, Солым, обещает Кази что-нибудь или нет?

— Даже и слушать не захотел, говорит, и речи не может быть о том, чтобы освободить Барсага... Только с одним условием он согласился:

— С каким? — сгорая от нетерпения, спросил юноша.

— Я, говорит, представитель власти и мне нужно держать ответ перед своим начальством, кто и зачем убил человека. Так вот, чтобы и его не наказали, и Барсаг на каторге не умер, нужно кому-то другому взять вину на себя.

— Как это? — не понял Ахсартаг.

— Надо, чтобы вину отца ты взял на себя. Барсага освободят. Бедняга, я видел его, недолго он протянет на каторге, — притворно содрогнулся Солым. — Душа у меня за него болит.

Ахсартаг понял, чего хочет от него Кази. Внезапно что-то сдавило грудь, дыхание перехватило. Сколько лет он проведет в ссылке, что станет без него с Налкутой? Да, но как допустить, чтобы угнали отца? Если

умрет на каторге, тень позора ляжет несмываемым пятном на Ахсартага, как можно пережить такое?

Солым догадался, что сомнения терзают юношу, и поспешно добавил:

— Кази пообещал устроить так, чтобы через год тебя освободили. Что такое год? Если отец не выдержит ссылки, горе твое будет неизмеримо большим.

Ахсартаг не стал отвечать Солыму, тяжело поднялся и, страдая от мучительных мыслей, отправился к Адзыбе.

Долго совещались два друга. Наконец, пришли к такому решению: Барсага нельзя оставлять в тюрьме, Ахсартагу надо пойти вместо него. Он моложе и здоровее, как-нибудь выдержит год. У Налкуты теперь брат рядом, не так одиноко и трудно ей будет.

С таким решением Ахсартаг отправился к Налкуте.

Весть о смерти Хасаны не так сильно тронула девушку, как намерение Ахсартага заменить на каторге отца. Жизнь словно покинула ее.

— Все мои мысли о тебе, Налкута, как ты останешься без меня? — виновато говорил Ахсартаг.

— Не тревожся за меня. Я же не беспомощный птенец, — со стоном вырвалось у нее. Что с тобой будет — вот о чем я думаю. Пусть будет проклят тот, кто оторвал меня от прекрасного сна!

— Год, всего лишь год, — пытался успокоить ее Ахсартаг. — Булатыко с тобой. Не успеешь оглянуться, как я вернусь, и мы больше никогда не расстанемся...

— Как я боялась последствий этой ужасной клеветы, как боялась!.. — рыдания сотрясали ее тело. — Как мне жить без тебя...

— Не плачь, мое солнышко... Вдвое тяжелее мне будет, если унесу тебя в сердце плачущую, ну улыбнись...

— Не оставляй меня, не оставляй... — прижалась к любимому Налкута. — Чует мое сердце новую беду... Не увижу я тебя больше никогда!..

— Возьми себя в руки, любимая, ничего со мной не случится. Вернусь я, обязательно вернусь, — утешал ее Ахсартаг. — Только дождись меня, слышишь, жди меня!

— Не смогу без тебя, умру от тоски, — не могла успокоиться девушка.

— Не думал я, что ты такая слабая, ну возьми же себя в руки.

— Не смейся надо мной, у меня в груди живое сердце бьется...

— Я мечтаю видеть тебя без печали, без слез... Поверь мне: если даже в аду меня запрут под семью замками, кулаком стену прошибу, но вернусь к тебе. Не смогу ходить — приползу, ползти не смогу — принесут меня к тебе на носилках, — Ахсартаг обнял Налкуту и поцеловал ее.

Долго еще делились возлюбленные своими сокровенными мыслями, давая клятвы вечной верности друг другу.

Вечером Ахсартаг рассказал обо всем Булатыко. С каменным лицом слушал тот печальную весть. Когда Ахсартаг сообщил ему, что Солом предложил свою помощь в освобождении Барсага, Булатыко сразу сообразил, кто распространил клевету, из-за которой братья стали кровниками. Так вот кто заинтересован в исчезновении Ахсартага! И понятно, почему ему это понадобилось: юноша стоит на пути Солома к Налкуте. Булатыко еле сдержался, чтобы во весь голос не закричать о своем открытии, но вовремя прикусил язык. Ведь если он скажет об этом, станет известным и его преступление, на которое подбил его Солом. Слова, готовые слететь с языка, застряли в горле, и Булатыко едва смог выговорить:

— Кто-то капкан поставил на твоём пути...

— Я благодарен тебе, Булатыко, что ты веришь в мою правоту. Но кто тот злодей, которому понадобилась кровь моей семьи? Эх, узнать бы его имя, вырвал бы из его подлой груди черное сердце! — застонал от бессильной злобы Ахсартаг.

Булатыко знал, что как только Солом избавится от Ахсартага, сейчас же придет сватов к Налкуте. Жаль сестру и Ахсартага... Если бы он не послушался Солома и не совершил того чудовищного поступка... А теперь он должен молчать... Булатыко нашел в себе силы успокаивать Ахсартага.

— Пока свет не померк в моих глазах, мы будем с тобой родственниками. А без моего согласия сестра даже краем глаза ни на кого не взглянет.

— Спасибо, Булатыко, да буду я жертвой за тебя!..

«Если ты живым выйдешь из тюрьмы», — подумал Булатыко.

Ахсартаг сделал так, как посоветовал ему Солым, Его вместо отца отправили в Горийскую тюрьму.

Слишком тяжелые испытания выпали на долю Барсага. Не успел он дойти от канцелярии до дому, как с ним случился удар. Еле привели его в чувство, но он уже не мог встать с постели.

На следующий день аул облетела страшная весть. Зарина не выдержала позора и повесилась на верхней балке в своем доме.

IV

Гроза разразилась над ущельем. Земля слилась с небом, вот уже два дня ливень льет, как из ведра. Разлились горные ручьи, беснуется вся в пене река Саджил, стесненная отвесными стенами скал у аула Тедотикау.

Вода слизала все тропинки, снесла все мосты над потоками, отрезала разбросанные в горах села друг от друга.

Безутешной вдовой рыдает природа над Тедотикау, вот уже третьи сутки не может унять своих слез...

В скорбном доме Хасаны сидят односельчане. На длинных скамьях вдоль стен расположились мужчины. Те, кто постарше — с одной стороны, а с другой — молодые. Рядом с гробом Зарины пригорюнились женщины.

Погибла семья, в одну неделю два гроба в этих стенах. Люди погоревали, воздали должное памяти покойницы, а теперь ждут, когда стихнет непогода, и они смогут завершить печальный обряд — предать земле останки несчастной Зарины. Но обычай требует устройства поминок по покойной, а те жалкие крохи, что имелись в доме, ушли на поминальный обряд по Хасане. Истощились и припасы в доме Барсага. Нечем проводить Зарину в страну мертвых. Крестьяне и так еле-еле концы с концами сводят. Остатки муки у них рассчитаны буквально по дням. Только закончен яровой сев, упали в землю последние зерна. Жди теперь до нового урожая, а каким он будет — щедрым или скупым — один бог ведает.

Но покойника нельзя хоронить, не устроив поминок.

Узнают в соседних аулах — позор падет на каждого жителя Тедотикау. Каждый бы помог, да проклятый голод цепко схватил за горло. А те, кто в состоянии помочь, притаились и слова не скажут.

Тяжелые мысли одолевают Дзакко. Терзает себя запоздалым раскаянием, что не приложил всех усилий для изобличения клеветника, чей подлый язык привел невинные семьи к таким жертвам. Жалеет, что зимой, после разговора с Хасаной, не созвал сход всего аула, не поговорил с людьми начистоту, не раскопал норы, из которой выползла ядовитая змея. Да, совершил ошибку старейшина, но не прощает он себе ошибок. Правда, он намеревался собрать сход, но проклятая ломота в суставах на всю зиму приковала его к постели... А беда нагрянула так неожиданно, слухи с такой быстротой распространились, что Дзакко не успел принять меры.

Но старец не смирился. Ему в стране мертвых покоя не будет, пока не докопается до источника клеветы. Не простит он себе, если не докажет людям, что Ахсартага и Зарину безвинно оклеветали, и не заклеит позором наветчика.

Он должен это сделать! Только немного погодя. А сейчас нужно предать земле покойницу по обычаю предков. Дзакко мысленно перебирает, кто бы мог взять на себя устройство поминок. Люди в большой нужде, к кому из них обратиться? Вот сидят друг против друга Солом и Хунцел, но у них для такого дела даже обглоданной кости не вырвешь, поэтому им даже не стоит говорить.

Хунцел и Солом сидят с таким видом, будто несчастье произошло в их семьях.

Хунцел, сгорбившись, сидит по левую руку от Дзакко, на нем барашковая шапка и новая овчинная шуба, тонкие костлявые пальцы вцепились в шишковатый набалдашник палки, как когти ворона в падаль. Длинная козлиная борода свисает между руками, будто стремится воткнуться в пол острым клином. Нос грузно опирается на густые растрепанные усы, под его тяжестью усы словно надломились в середине, и концы их взметнулись кверху, моля о спасении. Узкие щелки глаз спрятались под косматыми бровями. Тощая низкорослая фигура старика ссутулилась, голова свесилась на грудь, оставив плечи наверху. Никогда его глаза не

встречаются со взглядом собеседника, никто не может проникнуть в истинный смысл его слов. Язык говорит одно, а на уме совсем другое. Мысли его, как и глаза, прячутся в тени. И лишь когда очередная жертва оказывается в его когтях, тайные замыслы становятся торьюкой действительностью. После этого глаза снова исчезают в своем логове, и их обладатель вновь выжидает...

Вот и теперь он выжидает. Где-то в глубине души зреют коварные мысли. Один план уже созрел, но старик пока не приступает к его осуществлению. Еще слишком рано, прямо перед ним сидит его опаснейший противник. Вырвется неосторожное слово, уцепится хитрый враг за него и — прощайте тайные намерения!

А намерения у него такие. Зарину без поминков нельзя похоронить. В доме хоть шаром покати. У Хунцела же вдоволь всего — мяса, араки, картошки, муки — всего, что нужно. А у Хасаны там, над аулом, среди полей Солыма, клочок земли. Вот если удастся прибрать эту землю к своим рукам, он утрет нос Солыму.

Далеко смотрит Хунцел. У Хасаны маленький сын остался, ему еще расти и расти, прежде чем он сможет обрабатывать землю, а до той поры земля пропадет. Солым тоже не вечно будет жить, не сегодня-завтра умрет, и наследников после него не останется. Что и говорить, человек может от случайной пули умереть, тем более, что Солым без конца мотается по дорогам, проворачивая свои дела, и однажды ночью из-за куста раздастся выстрел — чего на свете не бывает? И земли Солыма приберет к рукам Хунцел, его внуки станут сказочно богатыми...

Совсем иные заботы, одолевают Солыма. Все, что он задумал, свершилось. Путь к Налкуте свободен, можно смело идти к своей цели. Вот только Калимат что-то слишком упрямится. Вчера она без обиняков заявила Солыму: «Это ты навлек на меня все беды, а теперь води меня домой». Угрожает в случае обмана раскрыть все его подлости. Солым не сомневается, что она способна это сделать. Он знает, что Калимат пережила свой позор и страдания только потому, что верила Солыму, надеялась стать его женой. Не поща-

дит теперь она Солыма. Как голодная рысь перегрызет ему горло.

Понимает Солым, что Налкута не скоро выйдет замуж после потери Ахсартага. Нужно набраться терпения, а Калимат ему уже покоя не дает, поставила вопрос ребром: «Если на этой неделе не заберешь меня с мельницы, пеняй тогда на себя».

Вот она сидит среди женщин и время от времени бросает на него жгучие взгляды. Глаза ее как-то странно блестят, будто вот-вот выпрыгнут из глазниц и вцепятся в сердце Солыма. Такими он еще никогда их не видел. Острый взгляд преследует Солыма. Он уже не в силах выносить ее гневных глаз, рискнул встретиться с ней взглядом и словно обжегся о раскаленную печь. Торопливо отвел глаза, остановил взгляд на сидящем напротив Хунцеле. Глаза и губы старика исчезли под густой растительностью на лице, и взгляд Солыма беспрепятственно скользнул с барашковой шапки вниз по бороде, и задержался на руках, сложенных на набалдашнике суковатой палки. Солыма словно молнией поразило. Он увидел, как пальцы Хунцела судорожно подрагивают, будто сдавливают чье-то горло. Давно заметил Солым, что когда старая лиса замышляет что-то неладное, пальцы его непроизвольно вздрагивают. Хотя Хунцел всегда тщательно скрывает свои коварные планы, пальцы всегда выдают его. Чует Солым, что-то опасное задумал его враг, и если он замешкается, эти крючковатые пальцы сведутся на его шее... Солым насторожился, забыл даже про Калимат: сейчас пальцы Хунцела внушали ему больший страх, чем ее глаза. Он весь подобрался, изготовился, но тонкие губы все не разжимались. Затаились, как и черное сердце хозяина, под мохнатыми усами. Солым старается проникнуть в мысли Хунцела, но никак не может напасть на след.

Скорбно сложив руки на груди, в повязанной крест-накрест черной шали, сидит среди женщин Ацырухс и смотрит, не отрываясь, на мертвенно-бледное лицо Зарины.

«О, пресвятая богородица, что видят мои глаза?! Кто эта несчастная женщина? Это же моя госпожа! Похожа как две капли воды на Агунду! Неужели глаза меня обманывают? Нет, не может быть!»

Она встала и подошла поближе к покойнице, пристально вгляделась в нее. Те же брови, тот же нос, овал лица... Ацырухс пошатнулась. Это она, сомнений быть не может. Но ведь Агунда умерла давным-давно... И потом, эта женщина молода... Как бы разузнать, кто она, откуда появилась в ауле? Ацырухс вернулась на свое место, потом спросила у соседок, но никто ничего толком не знал. Говорят, кто-то похитил ее, а Хасана отбил ее у похитителей.

Терзает себя рассказием Ацырухс. Столько лет живет здесь, а увидела эту женщину впервые в гробу. Правда, недуги давно приковали мачеху Солыма к дому, да и нескончаемые заботы по хозяйству не давали возможности носу высунуть за порог. Впрочем, может быть, и встречала ее где-нибудь, да не обратила внимания. А теперь, увы, поздно...

V

Стихли, наконец, шум дождя и свист ветра за дверью. Капли воды перестали падать на очаг сквозь дымоходное отверстие в потолке. Кто-то вошел и сказал, что ливень прекратился и грозовые тучи очистили небо над ущельем. Люди зашевелились, заговорили громче, раскованнее.

— Ну, слава богу, распогодилось, — прервал поток своих мыслей Дзакко. — Однако, нам следует позаботиться о покойнице, похоронить ее по обычаю. Все знают, что в этом доме ничего не осталось для поминок, да и в доме Барсага пусто. Барсаг тяжело болен. Один бог знает, что будет завтра. И если мы похороним Зарину, как безродную, нам этого ни господь не простит, ни жители нашего ущелья. Прошу вас, откровенно скажите, что вы об этом думаете?..

Два дня жители аула ждали этих слов Дзакко, были готовы к ним, но никакого ответа дать не могли. Наконец, один из старейшин аула, худощавый, с коротко подстриженной бородой, почтенный Дрис, сказал:

— Несчастье вырвало из нашей среды прекрасную женщину. За несколько дней до нее умер ее муж Хасана. И пусть тот, по чьей вине погибли два хороших че-

ловека, будет сожжен праведным божьим гневом, пусть постигнет его мучительная смерть!

— Это дело мы обсудим немного погодя, Дрис, а сейчас нам нужно позаботиться о покойнице... Выскажи свое мнение.

— Дом пуст. В семье Барсага тоже есть нечего. Поможем всем миром, устроим поминки сообща!

— Я согласен с твоим решением, — поддакнул сидевший рядом с Дрисом старик в ветхой овчине.

— И я то же самое хотел предложить, — сказал другой старик. — Все сейчас нуждаемся, но каждый должен помочь по мере своих возможностей. Кто муку даст, кто араку...

— Вот у меня три барана осталось, выберите лучшего и возьмите, — довольный, что его предложение получило одобрение, сказал Дрис.

— Да продлится твоя жизнь на долгие годы, пусть бог воздаст тебе щедрой дланью, — растрогался Дзакко щедростью Дриса. — Одного барана и я могу дать.

— А у нас найдется кувшин араки, хозяйка наша на зардаваран¹ берегла, — слышалось у двери.

Хунцел, сидевший доселе молча и без движения, как пень, вдруг заерзал. Пальцы рук жадно, словно голодные шакалы на падаль, набросились на набалдашник. Насупленная бровь дернулась над глазом, лениво поползла кверху, и из-под нее, подобно потухающему угольку в очаге, хищно блеснул зрачок.

Знал Солым: если глаза Хунцела вылезли из своего тайника, то надо ждать, что сейчас растворятся и губы, и внутренне приготовился к обороне, а может и к нападению, в зависимости от обстоятельств.

И не ошибся.

— Что я слышу! Мы же люди, о чем вы говорите, — заскрипел голос Хунцела. — Покойник, говорят, для всего аула покойник, и отрадно, что каждый из вас так близко к сердцу принимает чужое горе. Зарина была достойной женщиной, и не все поверили в то, в чем ее оклеветали. Кто знает, может, этот негодяй и сейчас тут сидит, — гневно стукнул палкой о пол старик, — и позор нам, если мы похороним ее недостой-

¹ Зардаваран — религиозный обряд.

но. Еще больший позор нам, если в стране мертвых она на чужие куски будет зариться... Я знаю, каждый из вас нуждается, но все готовы внести свою лепту. Это похвально. У меня тоже есть овцы, и я не останусь в стороне...

Солым весь превратился в слух, устремил глаза на тонкие шевелящиеся губы врага. Но Хунцел старательно плетет свою речь, и Солыму никак не удается ухватиться за ее концы.

— Да отблагодарит тебя всевышний, Хунцел, — облегченно вздохнул Дзакко.

— Я еще скажу, — снова закрипел Хунцел. — В нашем ауле не найдется такого, кто бы не помог в этом деле. Но надо учесть одно обстоятельство. Покойник, по закону предков, должен забрать все, что полагается на дорогу, из своего дома, потому что чужой кусок принадлежит не ему, а дьяволу, а когда поминают усопшего, нечистая сила выхватывает еду со стола... Так вот, я хочу сказать: если мы сообща устроим поминки по Зарине, ей от этого пользы никакой не будет. Да постучится счастье в ваши дома, недавно в одном ауле был подобный случай. Покойника похоронили, вскладчину устроив поминки. И что из этого вышло? Все изобилие со стола похитили черти, и человек в стране мертвых остался голодным. С тех пор по ночам он ходит в дома тех, кто принял участие в этих поминках, и похищает изобилие их домов... Крестьяне обнищали, проклятые богом... Боюсь, чтобы и с нами подобной беды не случилось...

Давно считают колдуном Хунцела. Говорят, что он в дружбе с чертями, что он ведет с ними беседу, и потому его глаза вечно прикрыты.

Кое-кто из легковых верил этому вздору и остерегался перечить Хунцелу, боясь навлечь его гнев. Вот и теперь, некоторые испугались его зловещих слов и призадумались.

— В таком случае, что ты хочешь нам предложить, Хунцел? — потемнело лицо Дзакко. — Не похороним покойницу или как?..

— Почему не похороним, столько добра еще найдется в доме Хасаны, чтобы не прибегая к чужой помощи проводить в последний путь хозяйку, — беззаботно возразил Хунцел. Лохматая бровь упала на свое

место и глаз, как медведь в зимнюю спячку, влез в берлогу.

— Выскажи свою мысль прямо, что ты все ходишь вокруг да около, — упрекнул Дзакко. — Мы ведь люди, и если твое предложение стоящее, то мы согласны.

— У Хасаны остался дом, клочок земли, конь в хлеву, — приоткрыл Хунцел завесу своих мыслей.

— Но ведь в этом доме остается сирота, беспомощный младенец. Так давайте и ему накинём петлю на шею и вслед за родителями потащим на кладбище, так что ли?! — до глубины души возмущился Дзакко словами Хунцела.

— Почему на кладбище? Я не забыл о ребенке, и если вам понравится мое предложение, я вот что скажу...

Солым заворочался на месте, как раненый медведь. Внезапно он ухватил конец запутанного клубка мыслей Хунцела. Вмиг он распутал его, и коварный замысел Хунцела предстал как на ладони. Хунцел натянул тетиву, стрела вылетела, и Солым не сомневался, что своим острием она направлена в него. Солым налету перехватил стрелу и швырнул ее обратно в Хунцела.

— Наш всеми уважаемый старейшина Дзакко, прошу прощения, но дай и мне слова, — вскочил с места Солым.

— Дослушаем прежде Хунцела...

— Да что его слушать! Он требует позволить ему устроить поминки в обмен на клочок земли Хасаны. И коня уведет из хлева, да и о доме упомянул неспроста... Хунцел, ты злодеяние замыслил. Бог тебе этого не простит! Где твоя совесть, как такая чудовищная мысль могла прийти тебе в голову? Как ты мог забыть о наследнике Хасаны?!

— Погоди, дай мне свою мысль до конца высказать! — взвизгнул Хунцел, и его глаз яростно сверкнул в узкой щели.

— Твоя мысль понятна, Хунцел! — не дал ему рта раскрыть Солым. — Дзакко, старейшины, соседи, послушайте и меня, вот что я предлагаю!.. Мы все знаем, что братья Бесоловы, стали жертвой чьей-то клеветы. Дом пуст. А покойницу нам следует отправить в стра-

пу мертвых достойно. Поминки надо устраивать каждый год, царствие ей небесное, но нам нужно подумать и о сироте... Ребенок еще мал, ему опекун нужен. Было бы хорошо, если бы кто-нибудь из нас взялся его опекать. А когда дитя подрастет, помог бы ему начать самостоятельную жизнь в отцовском доме. И никто не должен трогать его землю. Пусть обрабатывает ее опекун мальчика с тем, чтобы потом вернуть ее законному владельцу. И надлежит ему еще поминки устраивать по Хасане и Зарине... — Солом прервал речь и обвел взглядом лица сидевших рядом мужчин. Поняв, что все согласны с его предложением, остановил взор на Хунцеле.

Брови старика взобрались на середину лба, приоткрыв щели, из которых ядовито-зеленые глаза готовы были вот-вот выпрыгнуть, худая челюсть беспомощно двигалась, острая бородака тряслась.

— И я об этом же говорю, послушайте меня! — проблеял Хунцел.

— Да продлятся годы твоей жизни, если ты тоже хотел это предложить, — Солом был наготове и тут же парировал вырвавшиеся из щели под усами слова Хунцела. — Дзакко; селяне, пусть счастье войдет в ваши дома, я прошу вас об одном. Вы знаете меня, жены у меня еще нет, детей тоже... Живем вдвоем с мачехой. Живем, слава богу, не нуждаемся, есть у нас кое-какие крохи... Возьму я к себе сироту, назову своим сыном. Царствие небесное Хасане, друзья мы с ним были, ничего не пожалею для его сына. Себе же я не возьму ни землю, ни дом, ни коня. Все это принадлежит мальчику. У меня земель достаточно... Так вот, раз я хочу стать опекуном мальчика, то и поминки по Зарине я сам хочу устроить. Все ежегодные поминки я тоже беру на себя. Если вы согласны с моим предложением, мои дорогие соседи, то известим знакомых и родственников в других аулах, пусть съезжаются на хист¹.

Людям пришлось по душе предложение Солома, и по скамьям прошел одобрительный говорок. Только Адзыбе, стоявший у порога, хмуро смотрел в открытую настежь дверь. Взгляд устало ползал по растрепанным

¹ Хист — поминки.

ключьям облаков. Так же всклокочен был сейчас и сам Адзыбе. После ареста Ахсартага самоубийство Зарины окончательно потрясло его. Он заметно похудел, скулы резче обозначились, под ввалившимися глазами проступили темно-синие круги. Как и Дзакко, он казнил себя, что не смог вовремя помочь другу. Он искал клеветника, подозревал Солыма, но никак не мог уличить его.

Да и как его уличишь, когда даже сейчас он проявляет заботу о наследнике Хасаны, благородное дело предлагает. И как можно допустить, чтобы такой щедрый и великодушный человек мог совершить подобный низкий и подлый поступок? Нет, трудно распознать душу Солыма, слишком хорошо она замаскирована...

— Верное слово молвил... Доброе слово ты сказал, лучше не придумаешь, — одобрительно кивнул снежно-белой бородой Дзакко.

Люди почувствовали себя свободнее, словно избавились от тяжкого бремени, разговор пошел смелее. Посыпались слова благодарности и восхищения Солыму.

— Да, но и Барсага следует спросить, согласен ли он племянника своего отдать другому? — заметил кто-то из молодых.

Наступившее было облегчение разом исчезло.

— Мне кажется, покойница не станет ждать, пока мы будем ходить и спрашивать разрешения Барсага, — возразил Солым. — Мы все знаем, что Хасана, хотя и вскормлен грудью Кызмыды, но кровью и плотью он не брат Барсагу. Да и... после всех кривотолков будет ли это прилично?.. Есть опасение, что будущее может принести в их семью новое несчастье...

Люди молча стояли вокруг. Задумались о завтрашнем дне мальчика.

Понял Хунцел, что сам попал в сеть, которую он так тщательно расставлял Солыму. Сорвались его замыслы, добыча уплывала из рук... Поднялся. Вступил в открытый бой.

— Солым, хорошее желание ты высказал. Но это было моим предложением. Я первый подумал об этом, ты не дал мне сказать, и потому право первенства принадлежит мне. Мальчика забираю я!

— Хунцел, твои коварные мысли понятны мне, у тебя

ничего не выйдет! — прервал его Солым. — Людям известно, что ты замышляешь. И если бы меня не сдерживало уважение к покойнице, я бы твою козлиную бороденку по волоску выщипал и развеял по ветру! Кто доверит тебе сироту? И потом, всем известно, что твой сын из этих, рогатых, с вывернутыми ступнями... Да, да, это тоже известно людям!

Такого оскорбления еще никто не наносил Хунцелу. Даже то, что Солым разрушил его замысел, не так задело его, как это оскорбление. Он давно слышал болтовню о его, якобы, связи с чертями, потому, мол, и Габа полоумным родился. Потом стали говорить, что черти с его невесткой спутались... Эти дурацкие толки досаждали Хунцелу, но он никак не мог докопаться, откуда они шли. Подозревал Солыма. Но не подворачивался подходящий случай поссориться с ним. Теперь злоба его прорвалась, брови взметнулись на лоб, пальцы ухватили нижний конец палки, тяжелый набалдашник просвистел в воздухе, и по лицу Солыма заструился кровавый след.

Солым пошатнулся. Чьи-то руки подхватили его и отволокли в угол.

Хунцел пришел в бешенство. Как старый матерый волк, он вцепился в своего врага, но тут кто-то из молодых парней схватил его в охапку и выставил за дверь.

Все смешалось. Женщины, как напуганные наседки, поспешили к выходу.

Солым пришел в себя. Рану на голове перевязали. Увидев кровь на своей груди, он попытался вскопить, но сильные руки Адзыбе крепко держали его, не давая пошевелиться.

— Слушай-ка, Солым.. Ты тут удивительные вещи наговорил. Черт знает, что вы с Хунцелом замышляете. Не даром вы друг другу в горло вцепились. Ясно одно, вас не бедный сирота Хасаны беспокоит. То, что хотите дать на поминки по Зарине, лучше на свои оставьте. А для нее мы тут и без вас найдем. Сына Хасаны заберу я! Я сам знаю, что надо делать, и убирайся отсюда, не устраивайте представлений у гроба покойницы!..

Пошатываясь, Солым направился к выходу.

На другой день после похорон Зарины в центре аула, у подножия древней, полуразрушенной башни, собрались на ныхас все жители аула — и мужчины и женщины. Не было только Сольма. Гонец доложил, что он болен, но Дзакко вторично послал за ним, и на этот раз он явился.

Женщинам на ныхасе быть не полагалось, за исключением тех случаев, когда разбирались особенно запутанные дела, когда важно было узнать и мнение женщин.

Дело, которое вынесли сегодня на суд, нужно решить всем миром, поэтому Дзакко пригласил на сход и женщин. На вытертых до блеска камнях расположились старейшины. Люди встали вокруг них полуколом. Когда гонец сообщил, что все жители Тедотикау собрались на ныхас, Дзакко поднялся, обвел всех внимательным взглядом и начал:

— Уважаемые жители аула! Вы знаете, по поводу какой ужасной трагедии собрались мы сегодня здесь. На ныхасе наши предки решали трудные и важные дела. Это место почетное. Здесь, на ныхасе, все равны, каждый имеет право решать. Сегодня нам необходимо узнать мнение каждого из вас. Мы понесли тяжелую утрату, и случилось это не по вине постороннего человека, а по милости кого-то из нас... Пролилась кровь. Мы должны узнать, кто явился причиной этого кровопролития. Он здесь, среди нас, и мы должны вывести его на чистую воду. Прошу вас, расскажите здесь честно, без утайки, откуда пошли слухи, кто от кого услышал. Кто направит наш суд по ложному пути, того пусть бог и покровители наших гор испепелят своим гневом и ненавистью, ибо мы вершим праведное дело! И пусть в аду душа его горит в вечном пламени!

Люди не смели пошевелиться и стояли, как надгробные изваяния.

— Ну, с кого начнем?

Никто не шелохнулся.

— Ну, тогда спрашивать буду я сам. Вот, ты, Дрис, от кого слышал? Говори...

— Не скрою, моя хозяйка рассказывала...

— Цомиан, а кто тебе рассказал?

— Моя сноха, Кориан.

— Кориан, тебе как молодой невестке обычай запрещает громко говорить, но скажи на ухо своему соседу Адзыбе, от кого ты слышала?

— От Фаризат, дочери Мурту, — громко объявил Адзыбе.

Так Дзакко, обращаясь ко всем по очереди, раопутывал клубок ядовитой сплетни. Мудрый старец медленно и упорно шел по следу запутанной нити. Вот она обернулась на шее Халы.

— Хала, слышал я, в новогодние дни ты за столом в доме Адзыбе осрамил Хасану, — заявил он напрямик.

— Да, говорил ему, признаю. Но он первый оскорбил меня, твой дед, дескать, с чертями сдружился.

— Кто может подтвердить, что Хасана подобным образом оскорбил тебя?

— Солым...

— А от кого ты слышал то, что швырнул в лицо Хасане?

— Тоже от Солыма.

— Так ли это, Солым?

Солым сидел с обиженным видом, недовольный тем, что его, больного, побеспокоили, заставили прийти на ныхас. А душу его терзал мучительный страх. Не ждал он, что Дзакко так скоро соберет весь аул и начнет докапываться до самой сути. Солым не успел предупредить ни Халу, ни Калимат. Правда, после того, как Хунцел хватил его по голове, он навестил Калимат. Он застал ее в каком-то странном состоянии. Не приласкала его, как обычно, даже не спросила, когда он возьмет ее к себе в дом. Молча сжалась в комочек в темноте, и время от времени слышался ее мучительный стон:

— Погубил ты меня, погубил, проклятый...

Солым догадался, что с Калимат происходит что-то серьезное. Он попытался утешить ее, но очень болела голова и было трудно говорить. Встал и, даже не попрощавшись с ней, ушел домой. Улегся в постель, пытаясь унять головную боль. Надеялся, что Калимат сама придет проведать его, и тогда он с глазу на глаз предупредит ее.

И вдруг явился к нему гонец от Дзакко и потребовал явиться на сход. Солым, застигнутый врасплох, отказался идти, сославшись на болезнь. Но, испугавшись,

что приведут Калимат и она обо всем разболтает, пошелся на нихас, забыв даже про головную боль.

Но Калимат нигде не было видно. Вопрос Дзакко, обращенный к нему, хлестнул его, как плетью. Будто ему в середину черепа клин вбили, резкая боль ударила в голову, глаза чуть не выскочили из орбит.

— Гм! Ты меня спрашиваешь?

— Да, тебя! Хала правду сказал?

— А что говорит Хала? — от страха сердце ушло в пятки.

Дзакко терпеливо повторил слова Халы.

— Да, правда, — облегченно вздохнул Солым. — Сам свидетель, как Хала говорил Хасане. Царствие ему небесное, если бы Хасана был жив, я бы и при нем это подтвердил.

— Ты говорил что-нибудь Хале про Зарину?

— Ну да, говорил...

— А кто тебе сказал об этом?

— Э-э, вот этого я не помню... Не старался запомнить, от кого слышал. Все об этом, как сороки, трещали...

Клубок, который так усердно распутывал Дзакко, окончательно запутался. Мудрый старец пытался развязать узел.

— Солым, ты не так сильно поранил голову, чтобы память потерять! Говори!

Солыма от такой напористости бросило в жар.

— Клянусь всеми святыми, не помню!

— Я ему говорила, я! — послышался со стороны женщин голос вдовы Бесо, Таси.

— А тебе кто сказал? Ну-ка вспомни, Таси.

— Эту историю я слышала от Калимат. Она говорила, что своими глазами видела их вместе в кустарнике за мельницей...

У Солыма подогнулись колени, ноги стали ватными.

— Где Калимат? — донесся до него голос Дзакко, как будто издалека.

— Нет ее здесь! — ответил кто-то.

— Идите и немедленно приведите ее!

Люди на нихасе, затаив дыхание, ждали появления Калимат.

Пропал Солым, сейчас явится сюда Калимат, и все откроется, разгневанные люди схватят и растерзают Солыма в клочья. Уходит земля из-под ног Солыма.

Хотел было выскользнуть из круга людей, да где уж там, тесно прижавшись друг к другу, стоят люди.

Вернулся взволнованный гонец. Глаза расширены от ужаса, глотая концы слов, с трудом выговорил:

— Там... на мельнице... Калимат... мертвая...

Солым от радости чуть не лишился чувств.

Оборвалась нить клубка, который так старательно распутывал Дзакко.

VII

На кладбище за гробом Зарины шла и Калимат. И слышала, как Дзакко давал клятву над могилой:

— Пусть земля тебе будет пухом, горемычная. С мужем вы в этом мире долгое время жили в ладу, но капля яда упала в чашу вашей жизни, и вы оба отравились. О, боже, ты так высоко сидишь, все знаешь и все видишь, и пусть тот, кто оклеветал добрых людей, высохнет на земле, как солома, пусть в мучениях проведет остаток дней своих, пусть отсохнет у него язык и ослепнут глаза, и пусть после смерти в аду вечно варится в кипящей смоле!.. Я не пощажу своих старческих сил для того, чтобы разрыть нору ядовитой змеи и вырвать ее жало!..

Калимат, слушая эти страшные проклятия, дрожала всем телом, но крепилась, чтобы никто не заметил, что творится в ее душе. Она не могла даже предположить, что слух, который она распространила по наущению Солыма лишь для того, чтобы досадить Зарине, так нелепо и жестоко погубит две семьи. А вчера она осторожно осведомилась у Тлаттон, жены Цоры, кто распространил слухи о ней, о Калимат, якобы она путается с чертями. Тлаттон удивилась и сказала, что впервые слышит об этом. Вдобавок ко всему вчера в доме покойницы Калимат открыла для себя другого Солыма, когда тот притворившись добрым и заботливым, сострадающим сироте, ангеломставлял себя перед людьми. От подобного кощунства Калимат начал бить озноб. Оказывается, до сих пор она не знала своего Солыма. Ночами он казался ей красивым и благородным, сладкими речами дурманил ей разум, ласками смягчал растравленную душу — и вновь исчезал во мраке ночи. Теперь, при све-

те дня, она слыхала его и не узнавала. Сольма будто подменили. Как ловко обманывал он людей, и люди верили ему так же, как верила Калимат. Женщина уже не сомневалась, что Сольм задумал какое-то коварное злодеяние. Для нее ссора Сольма с Хунцелом из-за земли Хасаны не была неожиданной, как-то раз он уже упоминал о своем намерении прибрать ее к рукам.

Ясно, что Сольм водит и ее за нос. Если он любит ее и собирается жениться, почему до сих пор не сделает этого? Вдобавок, он за последнее время ведет себя довольно странно. Кажется, чего-то он боится, хочет, видимо, попросить ее о чем-то.

На кладбище, слушая надгробную речь Дзакко, женщина испугалась. Ей почудилось, что бог услышал проклятия Дзакко. В тот момент, когда старик простер руки к небу, Калимат подняла голову и увидела между рябыми облаками знамение: между небом и землей пошли какие-то причудливые круги, все сужающиеся и направленные прямо на нее. Кровь ударила ей в голову: «Бог услышал мольбу Дзакко и сейчас поразит меня». Женщина задрожала и пошатнулась...

С кладбища Калимат не пошла с людьми в аул, а окольными путями побрела к мельнице. Еле добралась до своей обители, все время страшилась, что бог вот-вот испепелит ее своим гневом. Закрыла крепко дверь, и, упав на колени, в исступлении начала молиться: «О, мать божья, помоги мне, я ведь не виновата, что стала игрушкой в его руках! Сжался надо мной, пощади!»

Когда Сольм навестил ее, она спросила его:

— Как не стыдно тебе, ведь Зарина про меня ничего не говорила, почему ты так бессердечно оговорил ее?

— Ничего я не придумывал, от людей слышал...

— Кое-кого я спрашивала, никто ничего не знает.

Сольм взревел:

— А кто просил тебя людей расспрашивать?

— Как, я не имею права знать правду?

— Правду! Сумасшедшая! Где ты правду ищешь? У сплетень по семь языков и по семь ушей, где ты правду найдешь?

— Твои слова меня на сомнения наводят...

— Вот и занимайся своими сомнениями. Если людям веришь — верь. А с сегодняшней ночи ноги моей здесь не будет!

— А как же твои обещания?

— Мужчина изменить может свое решение даже с вечера до утра.

— Изменить? О, мать божья! Прошу тебя, слышишь, Солым, молю, скажи, что это неправда! Ярость застилает мой разум!!!

— Прости, — сразу же изменил тон Солым, — устал я, голова трещит... Поговорим в другой раз. Но, прошу тебя, не пытай людей, себя же подпалишь своими распросами...

Ушел Солым. А сегодня Калимат его не видела. Не выдержала, расспросила еще нескольких, сомнений не оставалось: Солым измыслил клевету! А ведь Дзакко так молил бога покарать клеветника...

Вся жизнь Калимат показалась ей кошмарным сном. Ради кого, ради чего она столько лет жестоко страдала?

«Обманщик!» — зазвенело в ушах.

«Подлец!» — забилося в голове.

«Убийца!» — застонало сердце.

Все предстало перед Калимат в черных красках: мир вскормлен предательством, честь втоптана в грязь, торжествуют ложь и лицемерие, продажность и подкуп, клятвопреступление и измена... Нет, нельзя больше оставаться в этом омерзительном, чуждом ей мире! Но прежде чем уйти, люди должны узнать имя человека, превратившего в ад жизнь Калимат, пусть они заклеят его позором!..

В это время кто-то постучал в дверь мельницы...

* * *

Ацырухс сожалела, что ей не удалось узнать тайну, которую унесла с собой в могилу Зарина. Не выдержав, вечером она отправилась к Барсагу с намерением разузнать о ней.

В глубокой скорби застала она Барсага и Фардыг. Выразив свое соболезнование, она спросила Фардыг:

— Как чувствует себя твой больной?

— И не спрашивай, Ацырухс. Небо покарало нас. О, мать божья, чем мы так разгневали тебя, что ты нас так жестоко караешь?! — запричитала Фардыг.

— Если кто-то виновён в ваших несчастьях, пусть

бог обратит ваше горе в его горе, — сдавленным голосом сказала Ацырухс и кончиком шали вытерла набравшие слезы.

— Кто бы мог подумать, что это Калимат? Ведь я так жалела ее всегда, сострадала несчастной женщине, которую погубила любовь... И как только повернулся у нее язык, будь она проклята в стране мертвых!

— Нет, жена, не надо проклинать эту несчастную! — послышался из соседней комнаты голос Барсага. — И без того хватит ей страданий в стране мертвых, недаром нашла она свою смерть в мельничном желобе... Знала она что-то, наверняка... Знала!.. Наши семьи погубил другой, и если бы страшный слух дошел до меня раньше, зубами перегрыз бы мир, но вывел бы подлеца на чистую воду... А теперь уже поздно...

— Да, но как можно было оклеветать Зарину?! — убивалась Фардыг. — Чище слезинки она была, бесхитростна, как дитя... О, пусть сердце мое разорвется от скорби по тебе, Зарина! Хасана так любил тебя, что дня не мог прожить без тебя. Он, бедняга, таким же, как и ты, сиротой был...

«Сирота!» — заколотилось сердце Ацырухс, и она спросила:

— Барсаг, Фардыг, простите, ради бога, но с тех пор, как я эту несчастную увидела в гробу, нет мне покоя, какие-то сомнения запали мне в душу. Прошу вас скажите, кто она, как попала в наш аул?

Ответом ей было напряженное молчание хозяев, и женщина поняла, что коснулась семейной тайны. Это еще больше разожгло ее любопытство.

— Заклинаю вас светлой памятью Зарины и Хасаны, простите мне мою смелость, ничего не скрывайте от меня. В девичьи годы я знала девушку по имени Агунда. Она была дочерью алдара Дзанхота Елоева. Зарина мне очень напомнила ее. Я не могла ошибиться, клянусь богом!..

При упоминании имени Агунды Барсаг вздрогнул и вопросительно посмотрел на Ацырухс через открытую в соседнюю комнату дверь.

— Говоришь, знала Агунду?

— Знала, хорошо знала, горничной ее была, — с горячностью рассказала Ацырухс историю любви Агунды, о

трагической гибели в Чертовой пропасти ее красавицы-хозяйки...

— И вот Зарина мне напомнила госпожу. Кто знает, может быть, я и ошибаюсь, но такое сходство...

Барсаг тяжело вздохнул и произнес:

— Ты не ошиблась, Ацырухс. Зарина была дочерью Агунды.

— Погас очаг мой, ведь Агунда умерла! — со стоном вырвалось у Ацырухс.

— Нет, не умерла Агунда в Чертовой пропасти. Они с Дзангом убежали в безлюдное ущелье и стали жить в пещере...

— О, пресвятая богородица, а что с ними дальше было? — волнение Ацырухс достигло предела.

— Агунда умерла после того, как родила дочь. Дзанг с дочерью продолжали жить в пещере. Зарина выросла, и Хасана женился на ней. А что стало с Дзангом — никто ничего не знает...

— Бог наказал меня, как мне не довелось дитя Агунды узнать! — царапая лицо, зарыдала Ацырухс. — Пусть проклят будет человек, погубивший тебя! Прости мне, Агунда, что не смогла уберечь твое единственное чадо!

Колотя себя по коленям, женщина поднялась и, стелая, отправилась домой.

VIII

С водосточного желоба все капает и капает. В комнату влетает нескончаемый однообразный звук: «Кап-кап! Кап-кап!». Солим лежит в кровати у окна, и ему кажется, что капли падают не в кадку под стеной, а на его макушку, тяжелым свинцом пробивая ему череп и проникая в самый мозг.

Снаружи темно, как в могиле. В комнате тоже. Солим любит размышлять в одиночестве ночью, плетя черную паутину коварных замыслов.

Никому не дано проникнуть в хитросплетения его мыслей. В юности он верил в бога, но ступив на скользкий путь ложных клятв и греховных поступков, он с удовлетворением обнаружил, что бог смотрит сквозь пальцы на грешника и клятвопреступника, не карает

его и — перестал верить во всевышнего. Ну, а людям он сызмальства не верит. Верит только себе, потому что знает: задуманное выполнит любой ценой, не остановится ни перед чем.

Вот и сейчас размышляет он о том, как бы поскорее взять себе в жены красавицу Налкуту. Кое-кто стоял на его пути к ней, и он избавился от них. Может потому, что любовь к Налкуте сводит его с ума? Нет, Солом никого не любит, кроме себя, да и не нужно ему это. Налкута — красивая и добропорядочная девушка. А Солом богат и неплохо было бы прибавить к его землям, отарам и стадам еще одно богатство — добрую жену. Калимат стояла, как пень, на его дороге. И пока он думал, как бы получше избавиться от нее, женщина сама поспешила в страну мертвых.

Остался у него только один враг — Хунцел. Но Солом не собирается открыто враждовать с этой хитрой и коварной лисой. Хунцел опасен: у него полон двор племянников и внуков. А Солом одинок. Нужно искать другие средства, более страшные, чем он нашел для Ахсартага. Но сейчас не до него. Прежде надо Налкуту в дом привести. Солом не простит себе, если такая красавица уплывет из-под носа...

Кто-то постучался в ворота, прервав поток его черных мыслей. Собака яростно залаяла.

— Эй, Солом, ты спишь, что ли?! — послышался чей-то окрик.

«Кому я так поздно понадобился?» — недоуменно подумал Солом и слез с кровати. Накинув на плечи бешмет, вышел во двор.

— Кого это несет нелегкая в столь поздний час?! — недовольно прокричал он в темноту.

— Попридержи свою собаку! — раздался за воротами знакомый голос Кази.

Солом привязал собаку и отворил калитку.

— Кази, это ты? Что случилось?

— Прежде предложи войти в дом, а о делах потом будешь спрашивать, — сердито ответил ночной гость.

— Проходи, пожалуйста, — Солом прошел вперед и зажег лампу. Слабый свет осветил лицо Кази. Он был сильно пьян, еле держался на ногах. Одежда его была вымазана в грязи, с нее стекали струи дождевой воды.

«Отчего Кази такой сердитый?» — страх закрался в душу.

— Ты что-то сегодня на себя не похож, расстроен чем-нибудь? — заботливо осведомился Солом.

Кази, не отвечая, держался за рукоятку кинжала и раскачивался из стороны в сторону.

— Онемел ты, что ли? Присядь хоть, — хозяин придвинул гостю стул и, усаживая, потянул за рукав. Кази взревел диким голосом:

— Не тронь! Твои руки кровью вымазаны! Убийца!!

— Тише! — Солом бросился закрывать дверь. — Услышит кто-нибудь!

— Не закрывай дверь, завтра люди все равно узнают про твои дела! — Кази уперся коротким толстым пальцем в грудь Солома. — Ты арестован! Собирайся и пошли!

— Что случилось, объясни! И не ори так! — Солома нелегко было испугать.

— Что случилось? Не понимаешь? Ты убил ее...

— Кого?

— Тебе все известно, шагай вперед!

Солом понял, что Кази обвиняет его в смерти Калимат, но зная, что непричастен к этому делу, решительно воспротивился.

— Я не имею отношения к этому делу!

— Нет, ты виноват!

— А ты докажи!

— Уже доказано! Вот здесь, в кармане, у меня бумага... Написана крепко, слева направо!... Хе-хе-хе!

— Какая бумага? Кто писал ее?

— Я сам.

— А какое у тебя на это право?

— Ах, какое право? Тогда слушай, — Кази резко сунул руку в карман, но не рассчитал движения, покачнулся и свалился в стоявшее перед ним кресло. — Ну, слушай! Я давно знаю, что ты за гнусная личность. Знаю про твои делишки... Ладно, я не против, наоборот... Но когда ты тайком стряпаешь свои дела, мне придется потом за тобой следы замечать... Да, Калимат была красивой женщиной. Я держал ее на примете, но не хотел тебе поперек пути становиться...

— Я ходил к ней, признаюсь, но не убивал ее...

— Погоди... Ты женщину обнадеживал, обещал же-

ниться на ней. Только, мол, дай срок, чтобы очистилось твое лицо перед людьми, они верят, что ты с чертями спуталась. Разве не так было?

Солым опешил. От страха язык к нёбу прилип.

— Молчишь? Тогда я тебе скажу. Ты подговорил женщину, чтобы она распустила слух про Зарину и Ахсартага. Не так ли? Она твое желание выполнила. Семьи братьев Бесоловых стали кровниками. Верно я говорю?

Мурашки поползли по телу Солыма.

— Верно. Ты испугался, когда Дзакко собрал народ на ныхас, решил, что Калимат тебя обязательно выведет на чистую воду, так ведь? Что, разве не так все было?

Солым не мог раскрыть рта.

— Так было. И ты ее...

— Нет! Нет! Не убивал я ее!.. Поверь мне, Кази...

— Сознайся!

— Допустим, все что ты здесь говорил, чистая правда, но ведь свидетелей у тебя нет! Калимат умерла...

— Да, умерла, Солымыко, но перед смертью я пришел к ней, и она рассказала мне все, начиная с того, как вы с ней вместе сено косили, как она пришла к тебе на мельницу, как родила она от тебя близнецов, как они умерли и так далее, вплоть до последних дней. Я записал весь ее рассказ, слово в слово, и поставил на бумаге свою печать. Это ведь свидетельские показания! Крепко написано, слева направо! Хи-хи-хи! Ну, что скажешь, Солымыко? Ты у меня, миленький, на ладони сидишь: сожму пальцы — и поминай, как звали!

Попался Солым. Некуда деваться. Здесь уже хитростью не возьмешь. Нужно идти напролом.

— Ну, что ты требуешь от меня?

— Вот это мужской разговор! А то, как драчливый бычок, рога выставляешь. Мне тоже жить надо, а как же... Одно из твоих стад...

— Согласен! Напиши бумагу.

— Бумагу потом. Сначала должен увидеть твое стадо со своим.

— Все же мне интересно, кто убил Калимат?

— Я...

— Ты? Как? Почему?

— Да потому, что, когда она убедилась, что ты сам распустил сплетни о ее дружбе с нечистой силой и когда

увидела Зарину в гробу, она догадалась, что ты обводишь ее вокруг пальца, и решила донести на тебя. Я закрыл ей рот, а тебя за ногу вытащил из могилы... Ну, что ты скажешь?

Никогда еще Сольм не был так доволен своей судьбой, как сейчас. Совершенно неожиданно спасся он от большой беды. Он радостно обнял Кази:

— Благодарю! Отныне будешь мне названным братом!..

— Благодарность оставь при себе... Плати за услугу...

Сольм достал из бешмета деньги и вместе с кошельком сунул их в руки Кази.

— Теперь я верю, что ты можешь быть настоящим другом. Ну, я пошел. Да, пока не забыл. Когда мне перенять свое стадо?

— Хоть завтра!.. Пожалуйста!

— Да приумножатся твои стада во сто крат!

Из-за двери донесся какой-то шум. Сольм вздрогнул, испуганно выглянул за дверь. Убедившись, что слышался, проводил Кази до ворот. Вернулся в комнату, погасил лампу и вновь погрузился в раздумья.

Из-за кадки в дальнем углу балкона выбралась, едва живая от страха, Ацырухс. На цыпочках прокралась к своей двери и шмыгнула в комнату.

Она вернулась от Барсага, когда Кази уже разговаривал с Сольмом. Заинтригованная голосами споривших, прислушалась. Так вот кто был причиной всех несчастий, обрушившихся на их аул! Ацырухс зажала рот руками, чтобы не выдать себя криком. С трудом дождалась ухода Кази и обессиленная упала на кровать.

Глухие стоны вырываются из ее груди, она кусает подушку, чтобы не закричать. Что делать, кому рассказать? Решает немедленно бежать к Барсагу и выложить ему все, что узнала. Вскрикивает, но у самого порога трезвая мысль останавливает ее.

Кто докажет правоту ее слов? Кази? Но у него самого руки обгажены кровью. Сила — у Сольма, закон — у Кази. А платой за такой поступок будет смерть. Нет, не может заяц бороться против стаи волков. Лишь однажды попыталась Ацырухс пойти против Сольма, но была так наказана за это, что помнит до сих пор.

Лбом стенку не прошибешь... С бессильным стоном Ацырухс повалилась обратно на кровать.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

I

Сильные зимние ветры и весенние ливни повредили плетень. Булатыко чинил его, с головой уйдя в работу. Неожиданно внимание привлек отчаянный лай собак, доносившийся из центра аула. По узкой каменистой улочке, сопровождаемый сворой захлебывающихся от лая псов, ехал всадник. Булатыко поспешил было с прутом в руке отогнать докучливых собак, но, всмотревшись в всадника, со злостью сплюнул: «Тьфу, принесла не-легкая!»

Это был Солым. После ареста Ахсартага, Булатыко возненавидел Солыма за то, что тот совершает свои гнусные дела исподтишка, тайком нанося удары, не встречаясь с противниками открыто, как полагается мужчине.

Булатыко склонился над плетнем, словно не заметил приближения гостя. Солым неспеша подъехал и, не слезая с коня, поздоровался:

— А-а-а, да это же Булатыко! Добрый день, старина. Так ты вернулся в отчий дом?.. Правильно, друг мой: в чужом доме человек — гость, в своем — хозяин. Уаллай¹, очень рад, очень рад!

— Обойдусь без твоих восторгов! — Булатыко метнул через плечо недружелюбный взгляд.

— Ну, чего ты на меня волком смотришь? От души говорю, рад тебя видеть здесь. Почему тебя так задевают мои слова? И потом, не будь неучтивым, предложи мне спешиться.

— Слезай... Не приглашал я тебя.

Солым понял, что юноша сердит на него и принялся оправдываться.

— Прости, Булатыко, ты за что-то обижен на меня... Если я что-нибудь не так сказал, извини...

— Обижен... Благодаря тебе несчастья обрушились на наш дом, а ты еще смеешь приходить сюда! — вскипел Булатыко.

— Не понимаю, что ты имеешь в виду? — притворно удивился Солым.

¹ Уаллай — восклицание (здесь выражает одобрение).

— Прекрасно понимаешь!

— Бог свидетель...

— Не касайся бога своими лапами!..

Они уставились друг на друга, как драчливые бараны. Булатыко отвернулся первым, махнул рукой, присел на камень и возбужденно заговорил:

— Призрак моего отца преследует меня по ночам... Знаю, виновен я перед ним и нет мне прощения! Только сейчас я понимаю, как он был прав, наказывая меня за то, что я рос тщеславным и завистливым. Он не хотел, чтобы из меня вырос плохой человек. Словно прозрение на меня нашло после того, как дяди выгнали из дому. Отец все наперед видел, он меня предупреждал, что так будет, но я не верил ему. Мой дед Борса настроил меня против отца, жестоко мстя ему, а когда отца не стало, я и старику не нужен стал. А ты... Ты воспользовался моей слепотой и толкнул на смертный грех...

— Ошибаешься, Булатыко. Я знал, что твои дяди так и поступят, потому и предупреждал тебя. Если бы еще Габо раздал земли нищим, то ты и вовсе превратился бы в голодранца, — оправдывался Солим.

— Что ж, поделом мне было бы... Но я не верю, что он собирался сделать это.

— Клянусь богом, Хасана говорил!

— Хасана умер, а мертвые молчат...

— Так ты не веришь мне?

— В твоих мыслях сам черт ногу сломит...

— Ты меня обижаешь, Булатыко! Выходит, дружбе между нами пришел конец? — оскорбленно спросил Солим.

— Кабы знал я, что ты так подло поступишь, не то что названным братом тебе бы стал, но и на расстояние выстрела к себе не подпустил бы, — с горечью сказал Булатыко.

— Что ты имеешь в виду?

— Не знаешь? Ты нарочно подстроил, чтобы Ахсартага в тюрьму бросили. Да и на отца моего ты клеветал... Если ты мужчина, то испытай свою силу в честном поединке, а не подличай исподтишка!

— С каких это пор ты стал таким умным, а, парень? — угрожающе спросил Солим.

— С тех пор, как побратался с тобой, и ты по-братски заставил меня собственными руками придушить род-

ного отца, — в тон ему ответил Булатыко. — От раскаяния локти готов грызть, да поздно.

— И что ты намерен делать?

— Вот что, Солом, — решительно сказал Булатыко. — Ты зря пришел, моя сестра уже просватана.

— Нет, твоя сестра свободна!.. А слово есть слово: вот, забирай себе моего коня.

— Оставь его себе, он мне теперь не нужен!

— А клятву забыл?!

— Отказываюсь от нее...

— Слушай-ка, парены! Предупреждаю, не становись у меня поперек дороги, плохо кончишь! Знай, что задумает Солом, то будет сделано непременно! — с откровенной угрозой придвинулся к Булатыко Солом. — О моих делах никто, кроме бога, не ведает, но против тебя всегда свидетели найдутся... Так что, если хочешь, чтобы мы жили в мире, выбей дурь из головы, не то... Ты ведь не обрадуешься, если люди узнают, отчего умер Габо?.. И запомни: мое решение бесповоротное, я не остановлюсь ни перед чем!

Булатыко рывком вскочил с камня, приблизил к лицу Солома бешеные от ярости глаза:

— Еще одно подобное слово — и я замараю руки твоей черной кровью! Ты что вздумал, сын осла?! Я обиду даже богу не прощаю, как же ты смеешь лаять на меня в моем же дворе?! — пальцы его рук напряглись и стиснули рукоятку кинжала. — Я не из тех, с кем ты привык иметь дело, и не боюсь позора, которым ты меня запугиваешь! И знай еще: слово не успеет вылететь из твоего рта, как голова слетит с плеч! Понял?! А сейчас проваливай с моего двора!

Солом смекнул, что поторопился. Решил не лезть на рожон, потому что с темпераментным и самолюбивым Булатыко и вправду шутки плохи, как бы его отсюда за ноги не выволокли... Солом примирительно заговорил:

— Извини, Булатыко, я не угрожаю тебе, но пойми меня правильно: я люблю твою сестру. Множество девушек я повидал на свете, но никто никогда не был так люб моему сердцу, как Налкута. Чудак, разве в том вина моя, что полюбил так сильно? Не стану скрывать: ненавиستن мне Ахсартаг, задел он меня за живое, раньше меня посватался к твоей сестре... Помнишь, он и тебя обидел, но ему удалось избежать твоей кары, в чем тебе

сейчас пришлось бы раскаиваться. А эта грязная история? Хасана сам застал его с женой, у нее от него и ребенок родился... Зарина созналась в своем грехе... Муж помчался разыскивать Ахсартага, чтобы свести с ним счеты, но не застал его, и бросился к его отцу, к Барсагу... Что было дальше, ты знаешь... Если не веришь, спроси людей... И еще вот что скажу: ты знаешь, что твой отец был зол на тебя за то, что ты оскорбил его и выгнал из дома деда, так почему же ты не веришь, что он в наказание хотел раздать свои земли голодранцам? Вот подумай над тем, что я сейчас сказал, и ответь — в чем я виноват перед тобой? — дал волю своему хитрому языку Солом.

— Кто знает, может так оно и было на самом деле, — смягчился Булатыко, — но я не вмешиваюсь в дела сестры. За кого хочет, пусть за того и выходит замуж. Но пока она не получит весточку от Ахсартага и не узнает о его судьбе, пусть никто близко к ней не подходит! — твердо сказал он.

— Еще раз прошу прощения, Булатыко, — продолжал хитрить Солом. — Я лишь потому осмелился заговорить об этом, что у тебя раньше другое мнение было на сей счет... Но коли дело обстоит так, то мне больше нечего сказать: чужой невесты я не коснусь. Останемся друзьями и, если ты мне позволишь, я буду приходить в твой дом.

— С миром — пожалуйста, но если дурное у тебя на уме — не прошу, — заключил Булатыко. — Но обещаю тебе: то, что ты сейчас говорил про Ахсартага, моя сестра не должна знать. Иначе мой дом будет навсегда закрыт для тебя.

— Даю слово мужчины!

— Бу-у-ла-а-тыко, предложи гостю в дом войти, утешил ты его своими разговорами во дворе, — раздался с балкона укоризненный голос Налкуты.

Солом поднял голову, увидел девушку. Вот, она, прелестная Налкута, которая ослепила его своей красотой и опозорила в прошлом году на празднике. Он стремился отомстить ей за свою поруганную честь, но это стремление привело его к роковой страсти, повлекшей за собой столько жертв... Подобно горному цветку, прекрасна она, какой-то колдовской силой притягивает к себе Солома.

— Заходи, гостем будешь, — пригласил Булатыко. Солом только того и ждал, тотчас же двинулся к дому.

Налкута быстро собрала на стол, налила араки в рог и протянула было его гостю, как краешком глаза поймала на себе взгляд Солома. Что-то знакомое почувдилось ей в этом тяжелом и липком взгляде, кто-то уже так смотрел на нее... Сердце девушки тревожно забилося. Кто этот гость — доброжелатель или недруг? Почему они с братом так долго и возбужденно спорили во дворе? А вдруг он принес худую весть об Ахсартате? Но где она могла видеть этого человека, и отчего он так странно пялится на нее? Дрожащей рукой подала она гостю рог и скромно отошла в сторонку, готовясь услышать страшные слова.

— Прости, Налкута, — смиренно заговорил гость, — в прошлом году на Рагдзуаре я обидел тебя...

«Это он!» — обожгло воспоминание.

— ...был под хмельком, ну и совершил ошибку.

— Почему ты просишь прощения, ведь я сама тебя обидела, — смутилась девушка.

— Нет, нет, я виноват перед тобой, Налкута, — поспешно произнес Солом и порывисто вскочил. — Но... помнишь, ты выиграла заклад, но отказалась от выигрыша. Я принял это за большое оскорбление. И вот сейчас, в присутствии твоего брата, в твоём доме, клянусь, не сяду и не приму из твоих рук этот почетный сосуд, пока не заберешь свой выигрыш, — Солом вынул из кармана золотую монету и положил ее на стол, припечатав ладонью.

Налкута вздрогнула, словно кружок блестящего металла резанул по глазам. Взглянула на Булатыко, но увидела в его глазах вопрос: «Что все это значит?», и беспомощно опустила ресницы. Солом понял, что Булатыко ничего не знает, и рассказал, что произошло в прошлом году на празднике в то время, когда он готовился к джигитовке. Булатыко выслушал и кивнул сестре в знак согласия.

— Ну что ж, коли нельзя отказаться, то... — вырвалось у девушки. При других обстоятельствах она бы и намекнуть не позволила Солому, но сейчас ее удержали от резкостей нормы приличия (нельзя обижать гостей!) и желание брата.

— Спасибо, что ты уважила меня, — осмелел Солым. — Клянусь богом, я и раньше возвратил бы должок, но, царствие небесное твоему отцу, после его кончины я не решался явиться сюда с напоминаниями о празднике... И даже Ахсартагу намекнул, передай, говорю, Налкуте, мой должок, но он закружился со своими неприятностями, не до меня ему было...

При упоминании имени любимого, из рук девушки чуть кувшин не выпал. С тех пор, как арестовали Ахсартага, она места себе не могла найти. Раньше вести из Тедотикау приносила ей Кыркыс, но после этой трагической развязки ей неловко просить подругу о такой услуге, а Кыркыс перестала ходить к родичам в соседний аул. Правда, Налкуте кто-то передал, что Ахсартага увезли в Горийскую тюрьму... Слова Солыма заделали ее, и, чтобы скрыть неловкость, она с деланным равнодушием спросила его:

— Вы знакомы?

— Ну, конечно, мы же односельчане! Одному богу ведомо, что он совершил... Впрочем... — «о его позоре все знают», хотел добавить Солым, но вовремя вспомнил предупреждение Булатыко, и ловко повернул разговор. — Хороший он парень, жаль, стал жертвой сплетен...

«Стал жертвой сплетен — это правда», — благодарно подумала Налкута.

Солым предложил тост за здоровье Ахсартага, потом помянул Габо, и здравицы одна за другой потянулись длинной вереницей. Солым даже позабыл, что ему пора отправляться домой.

Вскоре на фынге появился второй кувшин с аракой. Хмель сделала Солыма более разговорчивым, елей так и лился из его уст. Из кожи вон лез, чтобы доказать брату и сестре свое доброе расположение к ним.

Но знал Солым, что язык пьяного человека подобен бешеной лошади, которая мчится, не разбирая дороги, и сообразив, что неосторожно вырвавшимся словом может свести на нет все его усилия, собрался уходить.

Во дворе он деликатно предложил Налкуте:

— На днях еду в Гори по делам, наверное, увидаю Ахсартага. Может, передать ему что-нибудь хочешь?

Девушка смутилась, не зная что сказать. Слов для любимого у нее накопилось столько, что и разлившаяся река не унесет, но никому она их не доверит, да и ник-

то не сможет донести их до Ахсартага — так много их у нее. Но как не передать ему хоть одно из тысяч и тысяч ласковых слов?

— Памятью отца и матери твоей заклинаю, если увидишь его, скажи: Налкута клятву тебе дает — до самой смерти будет ждать тебя... — лицо девушки залилось краской стыда.

— Верь мне, Налкута, как другу. Никто, кроме меня, не в силах помочь Ахсартагу... Все начальники там — мои знакомые. Вот где я их держу, — Солом показал на свою ладонь. — Ну, жди весточки...

Он еще раз окинул жадным взглядом девушку, вскочил на коня и ускорил домой.

II

После ухода Солома Булатыко забеспокоился. Он понял, что Солом не намерен останавливаться на полдороге, но ведь Налкута любит Ахсартага любовью, не имеющей границ, и нет такой силы, которая смогла бы отлучить девушку от ее большого и светлого чувства. Если бы он не совершил этого ужасного преступления! Тогда бы он поговорил с Соломом, как мужчина с мужчиной, на языке кинжалов. Держит его Солом на поводке... Дал понять, что в случае чего растрезвонит по всему ущелью: «Булатыко — отцеубийца!» И тогда народ палками выгонит его из своей среды... Дело дойдет до властей, и его следом за Ахсартагом отправят в тюрьму.

Бессильным и беспомощным чувствует себя Булатыко. Никто не заступится за него, никто не сгнет рядом в минуту опасности. Прежде он ощущал поддержку своих богатых и влиятельных родственников, но после ссоры с ними он и слышать о них не мог: никто и никогда не наносил ему такой постыдной пощечины...

Булатыко лишился покоя. Раньше ему казалось, что золотая пора детства никогда не кончится, что вся жизнь пройдет легко и беззаботно. Всего было у него вдоволь, ни в чем нужды не знал, будто судьба сделала его своим избранником, вознесла на вершину башни, куда другим не дано было взобраться... Но вот внезапно зашаталась башня, и он кубарем полетел вниз... Очнувшись от ребяческих грез, он оказался среди тех, кого презирал, к

чим натруженным рукам гнушался прикасаться. И нет у него среди них друзей, не проложил он тропинки к их сердцам, и они чураются его, как прокаженного... Хотя и чувствует он себя виноватым перед ними за то, что попытался возвыситься над ними, но не находит сил в своем самолюбивом сердце, чтобы сделать первый шаг к ним навстречу... Оттого и терзается днем и ночью Булатыко.

Единственное его утешение — сестра. Ее рассудительный и ласковый тон действует на него, как бальзам на раны. Больше всего он благодарен ей за то, что она ни разу не попрекнула его прошлым... Но как прибавить к его проступкам и грехам новое преступление: измену сестре? Как можно умолчать о посягательстве Соломы на нее? Опасен Солом. Булатыко не боится встретиться с ним в честном поединке, но тот может ужалить из-за угла.

Трудно одному, без друзей. Ахсартаг мог бы стать ему верным другом: Булатыко по душе такие отважные и открытые парни. Но где сейчас Ахсартаг? Устал Булатыко от своих унылых мыслей, от одиночества, но не решается пойти к сверстникам с открытой душой...

И тогда друзья пришли к нему сами. Однажды утром кто-то со двора окликнул его:

— Булатыко, ты дома?

Вышел на балкон. Во дворе стоял брат Кыркыс Асланбек. На нем были болотные сапоги, на боку охотничья сумка и патронташ, на плече — ружье.

— Ты не занят, Булатыко? — дружелюбно спросил Асланбек.

— Даже слишком свободен, сам знаешь, сейчас не особенно рабочее время, — удивился вопросу гостя Булатыко.

— Давай, если ты не против, поохотимся у Гладкого ледника. Я вчера там много серн видел.

— Да, но...

— Никаких но! Если Афсати окажется щедрым, мы воздадим ему хвалу, если покусится, просто побродим, развлечемся, — настойчиво уговаривал Асланбек. — Пойдем! Если нет у тебя пороха и свинца, я поделюсь с тобой своими зарядами. Когда-то ты, помнится, метко стрелял, никто не мог с тобой соперничать в стрельбе по цели... Пойдем, проверишь свой глаз и руку!

Булатыко изнывал от одиночества, и предложение Асланбека пришлось как нельзя кстати. Он проворно собрал охотничье снаряжение и вышел из дома.

Как только юноши скрылись в ложбине за околицей, с другой стороны в село въехал на коне Солым. Налкута вздрогнула от неожиданности, увидев его во дворе. Не дыша от страха, с трепетом ожидая, что скажет Солым, она стояла на балконе, как пригвожденная.

— Добрый день, красавица! Ты как будто не рада видеть меня? — рукояткой плети Солым поправил сползшую на брови папаху.

— Не вестником ли несчастья явился ты? — с трудом проговорила Налкута.

— Не приведи господь быть гонцом скорби, — улыбнулся Солым. — Радостную весть я принес.

— Тогда спешивайся! — страх Налкуты мгновенно исчез.

Солым ловко соскочил с седла и кинул поводья на коновязь.

— Ну, предложи мне войти в дом...

— Милости прошу!

— А где же Булатыко? — окинув взглядом комнату, обронил гость.

— Только что с Асланбеком ушли поохотиться, — объяснила девушка.

Сдержанность Сольма мигом улетучилась. Он почувствовал себя свободно, по-хозяйски, словно переступил порог собственного дома.

— Был в Гори, видел Ахсартага, — удобно устроившись в кресле Габо, начал Солым. — Поверь мне, даже домой не заехал, так торопился к тебе.

Перед гостем появился фынг. Солым один за другим отправил в рот три небольших рога крепкой араки, довольно разгладил ладонью усы.

— Ахсартага, говорю, видел...

— Ну, как он, что с ним, здоров ли? — засыпала Налкута вопросами Сольма.

— По правде говоря, незавидное у него состояние. Болеть, говорит, ничего не болит, но очень слаб...

— Погас мой очаг, чует мое сердце беду!..

— Не волнуйся, Налкута. Я поговорил с тюремным начальством, обещал их щедро отблагодарить, и они дали мне слово, что выпустят его раньше срока.

— Да продлится твоя жизнь на долгие годы! До самой смерти мы с Ахсартагом не забудем твоей доброты, — горячо благодарила девушка.

— Эх, Налкута, чего не сделаю ради тебя! С душой готов расстаться, лишь бы изгнать печаль из твоего сердца...

— Да воздаст тебе господь...

— Ты доверяй мне... Ты стала такой дорогой и близкой моему сердцу, что ради тебя готов на все. Я ведь тоже человек, в груди моей тоже сердце бьется... Мое имя широко известно, а добра моего не счесть. Давно пора мне жениться, но что-то удерживает меня, сам не пойму, что... Девушек вокруг много, но ни на ком не могу остановить свой выбор, — говорил Солым. — «Только ты», — хотел было сказать, но обратил внимание на выражение лица девушки. В глубокой задумчивости пребывала Налкута, и слова Солыма не доходили до нее.

Солым понял, что говорит не то, чего ждет от него девушка.

— Не тревожься за него, Налкута. Ничего с ним не случается, вернется из тюрьмы целым и невредимым. Я помогу ему... Признался он мне, что любит тебя очень, пусть, говорит, Налкута не грустит по мне, — начал свою хитрую речь Солым. — Он попросил не оставлять тебя в одиночестве, не давать тебе скучать...

— Я не скучаю... — вспыхнула от смущения девушка.

— Ну вот и развеселись, не к лицу тебе печаль. Ты делись со мной своими мыслями, а я их буду передавать Ахсартагу. Только прошу, не говори ничего брату, он не должен знать, что я вижусь с Ахсартагом. Ты ведь знаешь, по какому позорному делу он сидит, и никому не было бы лестно породниться с тем, кто совершил такой позорный поступок... Не надо раздражать Булатыко...

— Но Булатыко не верит... — проронила Налкута.

— Я тоже не верю, но раз люди так упорно об этом говорят, стало быть, нет дыма без огня... Брат брата без причины не убьет... Впрочем, бог им судья!

На лицо Налкуты нашла тень. Медленно поднялась и подошла к окну.

— Грешат люди, небылицы распространяют... Никто так не верит в невиновность Ахсартага, как я, поверь мне, Налкута! Он так сильно любит тебя, а ты — его, что я легче приму смерть, чем предам вашу любовь!.. —

Солым подошел к девушке сзади и заглянул ей в лицо. — Что видят мои глаза! Ты плачешь... Как тебе не стыдно, — он укоризненно покачал головой и неожиданно предложил: — Послушай-ка, давай поможем ему бежать из тюрьмы. Я сделаю это, чтобы не видеть на твоём лице слез. Мне невыносимо больно... Ты согласишься?

— Из тюрьмы? Бежать? — недоуменно вскинула она полные слез глаза на Сольма.

— Да, я подкуплю охранников, — твердо пообещал он.

— Горе мне, а вдруг его убьют?!

— Говорю же, подкуплю охранников! Все сделаю, лишь бы вы были счастливы... Так говори, согласишься ты?

Налкута поверила в искренность слов Сольма. Его горячее желание помочь влюбленным в постигшей их беде окончательно развеяло ее недоверие к нему. Может, скоро встретится она со своим ненаглядным... Ведь появился смелый и решительный человек, который ворвется в темницу, где томится Ахсартаг, сокрушит неприступные двери и вызовет ее возлюбленного.

«Как случилось, что эта мысль не пришла в голову Булатыко? Неужели он трусит напасть на тюрьму или не любит своей сестры, не хочет избавить ее от страданий? Вот Солым — чужой человек, но как он заботится обо мне, готов собой пожертвовать ради меня с Ахсартагом. А Булатыко ни разу не проведаль даже Ахсартага, ни разу не упомянул о нем. Какой удивительный человек этот Солым... Все знает, все понимает, ради доброго дела готов даже с обрыва прыгнуть... Нет, все же нужно спросить мнение Булатыко... Да и его помощь может понадобиться».

— Спасибо, Солым, большое спасибо тебе за твою смелость и доброту, — радостно благодарила его девушка, — но нужно спросить и Булатыко.

— Ну, конечно, — с готовностью согласился Солым.

Солнце садилось за горы, когда с охоты вернулись Асланбек и Булатыко. Каждый из них принес на плечах по туше серны.

Весь вид Булатыко излучал такое довольство, будто он застрелил не серну, а своего злейшего врага. Но его не столько добыча радовала, сколько зародившаяся дружба с Асланбеком. Да и в горах, на охоте, развея-

лись его мрачные мысли. Легко и беззаботно было на сердце Булатыко...

Хозяин не отпустил гостя на ночь глядя. За ужином Солым поделился с Булатыко планом устройства побега Ахсартага из тюрьмы.

Налкута ждала, что брат поддержит это предложение, и они примутся обсуждать детали побега, но Булатыко молча выслушал Солыма и не торопился высказать свое мнение. Налкуту раздражала нерешительность и осторожность брата. По сравнению с ним Солым — образец храбрости, а Булатыко беспомощен, как улитка.

Булатыко тщательно прожевал кусок мяса и спокойно проговорил:

— Твое предложение опасно, Солым. Оно не годится.

— Опасно, согласен, но ради Ахсартага...

— Вот-вот, ради Ахсартага... Совершить налет на тюрьму — это тебе не в медвежью берлогу вломиться. Все может быть... Его застрелить могут...

— Я же сказал, что подкуплю охрану!

— Хорошо, допустим побег удался. А что дальше? Где ему скрываться? И до каких пор? Его же станут искать повсюду, преследовать, как затравленного зверя. Каждый час его жизни будет угрожать опасность...

Налкуте стало не по себе. Ведь верно рассуждает Булатыко, как она сама об этом не подумала... Забрезживший было перед ней лучик надежды погас, так и не успев разгореться.

— Еще раз говорю, Солым, твоя мысль не годится. Вот скоро истечет срок, и он выйдет на свободу.

«Правда, правда, из-за одного года стоит ли подвергать его риску? Но как прожить этот год...» — мысленно согласилась с братом Налкута.

Провалился коварный замысел Солыма. Вчера он договорился с тюремным начальством, чтобы Ахсартага убили при попытке к бегству. Кучу денег отвалил он им за такую «услугу». Но Булатыко вдруг взял, да и разрушил его столь блестящий план. Стремясь избежать подозрений, Солым поспешил согласиться:

— Верно говоришь... Я сам как-то не подумал об опасности...

К этой теме они больше никогда не возвращались.

Дни шли за днями. Солым все чаще приходил в

дом Булатыко. Налкута всегда радовалась его появлению. Булатыко не знал, что Солым ей приносит вести от Ахсартага и удивлялся, что его сестра так привязалась к Солыму.

А тот все плел и плел свою черную паутину и делал это с великим мастерством и осторожностью. Он ловко играл на тонких струнах чувств влюбленной девушки. Хоть Солым и часто ездил в Гори, но он ни разу не познакомился с Ахсартагом. Завязал дружбу с тюремным начальством, узнавал все про Ахсартага и передавал Налкуте сведения о нем, извращая их так, как ему было выгодно. Так он обманывал девушку, строя ей воздушные замки из сладких, но лживых слов.

Булатыко видел, как страдает сестра от разлуки с женихом, и однажды сказал ей:

— Налкута, ты хочешь повидать Ахсартага?

— Ой, еще как! — вспыхнула девушка.

— Тогда собирайся, в субботу поедem в Гори.

— Как я рада, Булатыко! — Налкута порывисто обняла и расцеловала брата.

В пятницу приехал Солым. Узнав о поездке в Гори, он вызвался сопровождать их.

Поехали втроем. До Чреба добрались верхом. Там оставили лошадей у приятеля Солыма, наняли фаэтон и поехали в Гори.

Но здесь их ждала чудовищная весть. Тюремный надзиратель сообщил, что месяц назад Ахсартаг Бесолов повздорил с начальником тюрьмы, и за это его сослали в Сибирь сроком на десять лет.

* * *

Налкута ждала прихода весны. Но весна пришла и принесла с собой страшную весть, которая сразила истомившуюся долгим ожиданием девушку.

Однажды вечером в их дворе спешил Солым и, подобно черному ворону, прокаркал: «Ахсартаг по дороге в Сибирь выпрыгнул на ходу из поезда и разбился насмерть».

Сердце Налкуты не выдержало, все завертелось перед ее глазами, и она лишилась чувств. Булатыко едва успел подхватить ее и внес в комнату.

Долго не приходила в себя Налкута.

— О, горе мне, погибли все мои надежды! — простонала она, когда к ней вернулось сознание, и замолкла, окаменев.

С болью в сердце воспринял весть о гибели Ахсартага и Булатыко. Погоревали они с Соломом, почтили память юноши крепкой аракой.

— Видимо, нельзя уйти от судьбы, которую бог нацертал человеку, — скорбно говорил Солом. — Как знать, может, не случилось бы этого несчастья, если бы мы прошлой осенью устроили ему побег из тюрьмы. Охранников я подкупил, не знаю, почему ты воспротивился, Булатыко?

— Если бы сбежал — не лучшая участь ждала его, — стоял на своем Булатыко.

«А, может, остался бы в живых, — забурлили мысли в голове Налкуты, — хоть раз смогла бы увидеть его, а там — и головой в пропасть... Но ты не захотел, Булатыко, не захотел, и теперь тебе придется сестру снова в траур обрядить. О-о, Ахсартаг, Ахсартаг, зачем ты оставил меня одну в этом мире, не взял меня с собой... Закатилось мое солнце и больше никогда не взойдет...»

III

Дружба, возникшая между Асланбеком и Булатыко, день ото дня все крепла и привела к тому, что Булатыко женился на Кыркыс, сестре Асланбека. Хлопоты, связанные со свадьбой брата, отвлекли Налкуту от горестных дум, но мысли о своем замужестве она начисто выбросила из головы. Сваты от лучших парней ущелья снова начали обивать пороги ее дома, но она никому не давала согласия.

Спустя месяц после женитьбы Булатыко, явился Солом. За ужином между мужчинами завязался разговор.

— Булатыко, бог свидетель, я не пошел против твоего желания, но, увы, нет в живых того, с кем была помолвлена твоя сестра. Не сидеть же ей вечно в девицах... Ты устроил свое счастье, теперь пора и о ней позаботиться.

— Я не против, лишь бы она нашла человека по сердцу... Но любит она все еще Ахсартага, и я не знаю, что и предпринять...

— Выйдет замуж и забудет про него!.. Прости мне

мою откровенность, но я вот что хочу сказать: тебе давно известно, какие чувства я питаю к твоей сестре, думаю, пора мне предложить ей руку и сердце. Ты же видишь: пока Ахсартаг был жив, я и словом не обмолвился о моей любви. Ну, а теперь, кроме меня, она не достанется никому!..

Булатыко внутренне был готов к этому разговору, знал, что Солым рано или поздно поставит вопрос ребром, и потому сразу же согласился.

Налкута, узнав о том, что Булатыко дал согласие, вышла из себя, долго плакала, была безутешна в своем горе... Брат уговаривал ее:

— Не надо так убиваться, Налкута, не в ад же отправляю тебя. Чудачка, ведь ты мне единственный родной человек, добра тебе желаю. Кто, кроме меня, должен позаботиться о тебе? Не вечно же тебе сидеть возле меня, пора и о своей семье подумать. Царствие небесное Ахсартагу, конечно, кто мог бы быть тебе лучшим другом жизни, но его уже нет... А Солым... Ты сама знаешь, как он внимателен и заботлив, с какой нежностью относится к тебе. Первый раз я не вмешивался в твой выбор, одобрил его, но во второй раз ты должна прислушаться к совету брата. Не отказывай Солыму, он очень предан тебе!..

— Что тебе ответить, братец? Сгорела моя любовь и, поверь, никогда я не буду счастлива... Но раз ты настаиваешь, да и сама знаю, что девушке рано или поздно нужно выйти замуж, что ж, поступай, как хочешь. Отдавай меня замуж или клади в могилу — мне все равно!..

И привел Солым к себе домой красавицу Налкуту, привел, чтобы сорвать тот недоступный горный цветок, к которому так упорно тянулся, беспощадно сметая на своем пути все препятствия. Но, увы, погас огонь в Налкуте, застыло сердце, разбились девичьи мечты...

Ах, если бы знала она...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

I

Дороги... Им нет конца-краю. Через всю Россию тянется кровавым следом кандалный Сибирский тракт. По этому пути — пути закованных в цепи надежд и

грез — уходило на восток много арестантов, но возвращалось — по пальцам можно перечесть.

Возвращались, спустя долгие годы, больные и старые, сломленные непосильным каторжным трудом. Жадны и ненасытны сибирские остроги. словно гигантские мельницы, перемалывают они души непокорных царю людей, а таких год от году становится все больше...

Выпал жребий и Ахсартагу идти путем, по которому нет возврата. Который уже день плетется он этапом в далекую и холодную Сибирь. В Горийской тюрьме повздорил с надзирателем и заработал десять лет ссылки!.. В пути пытался бежать, выпрыгнул на ходу из поезда, да настигла пуля конвоира. Беглеца схватили, заковали в кандалы и отправили вместе с другими осужденными по месту ссылки. В тучах пыли и мошкеры, под звоном оков, шли неделю, другую, третью... Шли месяц, второй... Потом он потерял счет дням. Шли залитым слезами и кровью Сибирским трактом, брели глухой тайгой, бескрайними заболоченными полями...

Не все смогли выдержать тяготы этого многотрудного пути. Голод, холод, болезни косили людей. Зачастили дожди, дороги раскисли, и ноги арестантов месили липкую, как тесто, черную грязь.

Люди смертельно устали, холодная влага, без конца лившаяся с нахмуренного неба, пронизала их до костей, и озябшие, изголодавшиеся, они едва переставляли ноги. Наиболее выносливые еще могли брести, но большинство изнуренных арестантов, словно чумное стадо, отстало от головных, и жандармы прикладами ружей подгоняли их — так гонят скот на бойню.

Ахсартаг тащился в замыкающей группе. Подошвы сапог давно завязли в размокшей глине, а голенища прилипли к ногам. Но он уже не ощущал ни холода, ни голода. Бесконечные мысли тяжело проползали в его затуманенном мозгу, подобно придавившим землю черным тучам. Десять лет, десять тягучих, изнурительных лет... Выдержит ли их гордая душа Ахсартага?

«Сбегу! Будь даже я прикован в аду стальными цепями к скале — и то уйду... А уж из Сибири — и подавно!.. Ну, а если не удастся вырваться на волю — с радостью приму смерть... О, если бы узнать, кто толкнул меня на этот путь страданий! Тогда бы выдержал не десять, а хоть сто лет, лишь бы отомстить... Ах, Хасана,

Хасана, как ты мог поверить этой подлой клевете, сгубившей всех нас... Узнать бы, из чьих поганных уст вырвалась сплетня, клянусь небом, нашел бы силы пройти через все испытания, вернулся бы домой и вырвал ядовитый язык!..»

Десять лет...

«...А горемычная Налкута, она-то в чем виновата, зачем ей досталось столько страданий из-за меня?..»

Сибирь... Сибирь... Это слово леденит душу, от него стынет кровь в жилах.

Впереди Ахсартага маячит широкая сутулая спина мужчины. Он русский, зовут его Василий. В первые дни он держался бодро, но постепенно ушел в себя, ни с кем не вступал в разговоры. Однажды Ахсартаг заметил, что Василий покачнулся и стал грузно валиться набок. Юноша еле-еле успел подхватить его.

— Худо тебе, отец? — тревожно спросил он.

— Сердце... Подкачало... — тяжело выдохнул Василий.

— Присядь, отдохни, может, полегчает, — Ахсартаг подложил под спину Василия свою котомку.

— Спасибо, брат...

— Чего развалились, сукины дети! — вырос над ними жандарм — Встань, старый мерин, здесь не место для отдыха!

— Оставь его, не видишь, плохо человеку, — со всех сторон зашумели арестанты.

Жандарм растолкал арестантов, осыпая их густой бранью, и склонился над Василием. Убедившись, что тому действительно худо, он смачно выплюнул цыгарку и пролаял, обдав Ахсартага и Василия махорочной вонью:

— Скотское отродье, на что надеялся, когда шел против царя-батюшки?!

Ахсартаг вместе с молодым арестантом осторожно подхватили Василия подмышки и почти понесли его.

Вечерние сумерки незаметно прокрались в чащу дремучего леса. Верхушки деревьев раскачивались на ветру. Холодный дождь перестал, но клочья мокрых облаков беспорядочно метались по небу, едва не задевая макушки сосен. Такая тревога исходила от сумрачной тайги, что у кандальников сжималось сердце. Вдруг впереди вспыхнула песня. Ее тотчас же подхватили, и

из лесного мрака отступила тревожная, пугающая тишина.

Жандармы лезли из шкуры вон, чтобы заставить замолчать поющих, но песня, оборвавшись в одном месте, вновь возникала в другом, словно пыталась изгнать из чрева леса и из душ арестантов тьму и отчаяние. Конвоиры прямо с ног сбились.

На человека, которого Ахсартаг из последних сил тащил на себе чуть живого, песня подействовала, как бальзам. Василий зашагал тверже и, слегка опираясь на руку Ахсартага, вдруг запел. Его удивительно чистый голос звенел, как колокол.

— Какая удивительная песня!.. — зачарованно пропел Ахсартаг, когда последние звуки замерли в лесной чащобе.

— Это песня кандалов, брат, — объяснил Василий. — Ее сложили те, кто до нас шел по этой дороге...

На лесной поляне расположились на ночлег в дырявом шалаше. Едва забрезжил рассвет на омытом вчерашним дождем небе, арестантов растолкали, и они двинулись дальше.

* * *

Глубокой осенью арестанты добрались до таежной деревни со странным названием Медвежья Берлога. Горсточка домов карабкалась по крутому берегу широкой и полноводной реки. Денек отдохнули в большом потопленном бараке, затем их погрузили в баржи и повезли на север.

Ахсартаг, выросший в краю шумных горных потоков, все удивлялся неторопливому течению могучей сибирской реки. Слева высокие волны бились в обрывистый берег, поросший густым лесом, а справа, в необозримой дали, вода сливалась с низким небом, и казалось, что река имеет начало, но нет ей конца.

Вечерами откуда-то издалека, должно быть, с того берега, тянулись багровые облака, словно горящий мост вставал над рекой. А утром, словно отдохнув за ночь на речных волнах, поднимались навстречу первым лучам солнца белые-белые, будто умытые прозрачной студеной водой, облака, проплывали над лесом и ключья-

ми повисали на верхушках деревьев, не в силах преодолеть эту преграду.

Чудесны утренние зори! Едва лучи восходящего солнца касаются спокойных волн, они вспыхивают дивным огнем и кажется, будто кто поджег реку. Нет, никогда доселе не видел Ахсартаг такой могучей и тихой реки. Ее спокойствие и величавость вселяли в сердце горца смутную надежду. Состояние Ахсартага словно передалось другим арестантам, и они то и дело затягивали удивительные песни. Их слова и мелодия словно обретали крылья, и песня уносилась вдаль.

Особенно хорошо пел Василий. Но в последние дни большое сердце все чаще и чаще давало о себе знать, и он совсем слег. Ахсартаг не отходил от него, старался помочь и развлечь товарища. Они подолгу разговаривали и однажды Василий сказал:

— Присматривайся, браток, позорче к здешним местам. Может, пригодится... Здесь пролегает единственный путь на волю.

И Ахсартаг не отрывал глаз от берега, запоминая приметы лесистой кромки над обрывом.

Больше недели маленький буксир с пыхтением тащил арестантскую баржу вниз по реке. Крутой левый берег постепенно все более дичал — за день пути — ни деревушки, ни людей. Лишь изредка шли навстречу тяжело груженные баржи.

Теплые дни выпадали все реже. Солнце нехотя выкапывалось по утрам, низко повиснув над правым берегом, и посылало на землю скудное тепло — ни дать ни взять богаты, одаряющий нищего. Вскоре тяжелые свинцовые тучи плотно обложили небо, и однажды их разбухшая от сырости масса не выдержала, пролилась холодными слезами. Прямо на глазах дождевые капли превратились в легких белых бабочек и, замедлив стремительное падение, плавно опустились на воду, на груженную арестантами баржу.

Дни летели за днями, и вскоре Ахсартаг добрался до места предписания. Березовая Роща — так называлась деревня, куда был сослан на поселение Ахсартаг, — вытянулась вдоль берега могучей реки. Василия — ему с каждым днем становилось все хуже — оставили в Березовой Роще, а других кандалников повезли дальше на север.

Деревня — два ряда приземистых изб вдоль единственной улицы да невысокая кряжистая церквушка на пригорке — поразила Ахсартага. Как очутились здесь эти люди, оторванные от всего света тысячами верст тайги, непроходимых топей, густыми тучами комарья и гнуса?

«Отныне и я буду здесь жить, — содрогнулся Ахсартаг, — с того света скорее можно выбраться, чем отсюда». Надежда на возвращение в родные места оборвалась в его груди.

«Убегу, убегу. Убегу, если даже в могилу положат, все одно — убегу», — заколотилось сердце Ахсартага, словно вольная птица, заточенная в клетку.

Ахсартаг с Василием расположились в полуразвалившейся избенке на околице села. В бревенчатых стенах зияли щели, углы густо затянуло паутиной, русская печь вполгорницы давно не знала заботливых хозяйских рук.

В стену под самым потолком вколочен толстый кол. Позже Ахсартаг узнал, что на этом колу повесился бывший жилец избы, сосланный сюда на вечное поселение. Он наложил на себя руки на шестом году ссылки...

В глубине комнаты громоздились неуклюжие нары из прогнивших досок. Ахсартаг смахнул с ложа толстый слой пыли и едва прислонил голову к мешку, как многодневная усталость и бессонные ночи окончательно сморили его. Василий взобрался на печь и без сил повалился на чужую грязную подстилку.

II

День светился в затянутых паутиной окнах, когда Ахсартага разбудил надрывный стон Василия:

— Сынок, а сынок... Будь добр, порыскай в деревне, может, есть здесь доктор или фельдшер... Сердце, окаянное, вконец доконало...

Ахсартаг проворно вскочил с нар. Сунул ноги в истрепавшиеся сапоги и выскочил за дверь. Кинулся к прохожим с вопросом, но люди шарахались от него. Мечется Ахсартаг от дома к дому, но везде перед ним закрывают двери. Он стучится в ворота, зовет на помощь, но сельчане смотрят на него люто, как на смерт-

ного врага. Нет, не найти Ахсартагу доктора для Василия, не доходят его мольбы до этих неведомых ему людей с каменными сердцами!..

Ахсартаг решил попытать счастья еще в одном доме. Эта изба выделялась среди других ладностью да свежестью: на срезях бревен золотилась смола. Сразу видать, что хозяин ее мужик крепкий, зажиточный. Как только парень постучался в тесовые ворота, к нему тотчас же вышел коренастый мужчина лет пятидесяти с накинутаю на плечи медвежьей шубой. Глаза настороженно поблескивали из узких щелочек заплывших жиром век, на носу бородавка с ноготь величиной.

— Чего колошматишь-то, парень, чего тебе надобно? — грубым голосом окликнул хозяин.

— Приятель захворал... Врача ищу. Будьте добры, посоветуйте, где найти его.

— Приятель, говоришь? А кто твой приятель?

— Ссылные мы... Нынче ночью прибыли...

— А-а-а, вон оно что! — протянул краснощекий. — Так, говоришь, прибыли? Вас тут, бродяг, не хватало... Чем власти-то прогневйли? Порешили кого, иль с царем-батюшкой да с Христом не поладили?

— Ни то, ни другое! — вскипел от ярости Ахсартаг. — Чем расспросами заниматься, лучше совет дал бы, где доктора найти.

— А что за напасть-то приключилась с приятелем твоим? Холера одолела, аль парша замучила?

— Сердце у него больное...

— А! — мужик безнадежно махнул рукой. — Сердце у нас, паря, никто не пользует...

— Чего ты издеваешься над бедолагой, — донесся из горницы низкий женский голос, — мало ему своего горя, гляди, в чем душа-то держится...

— А чего он пожаловал ко мне сюда, на край света? Глянь-ка на эту воровскую харю, такой и прирежет ни за грош... Ишь, как горят его басурманские глазища, щоб те повылазило!

Ахсартаг сдерживал себя из последних сил.

— Дорогой, зачем обижаешь незнакомого человека? Я пришел лишь спросить, где доктора найти, а ты наговорил всякой всячины.

— Нет здесь доктора-то... Занесло как-то к нам

фершала-пьяницу, так давеча его хозяин¹ в тайге повстречал и намял бока да так, что и дух из него вон, — поспешила ответить дородная баба с порога избы и добавила: — Да ты заходи в избу-то, чай, не лето на дворе, отогрейся маленько.

— Спасибо, сестричка, некогда. Пойду к товарищу своему, уж больно он плох, — отказался Ахсартаг и, еле волоча ноги, побрел назад.

Еще на крыльце его слух уловил матерную брань, доносившуюся из-за неплотно прикрытой двери. Он рванулся вперед — и поспел в самый раз. Плюгавый мужичишка, весь заросший до самых глаз грязной нечесанной бородой, тащил за руку упиравшегося Василия, поливая его потоком отборнейшей матерщины.

— Что тут происходит? Кто ты такой? — вырос перед ним Ахсартаг и вырвал Василия из его рук. — Не смей его трогать!

— Вопюги паршивые, псы бездомные, олухи безмозглые! Кто вам позволил войти сюда без моего ведома?! — вопил всклокоченный мужик, и пена пачкала его и без того замусоленную бороду. — А ну, единым духом вон отседова!..

— Эй, слюнтяй, слышь, не бранись и не трогай больного человека, — оттолкнул его Ахсартаг. — Не по своей воле мы здесь поселились.

— Прочь с дороги, щенки! Мне наплевать, по чьей воле вы сюда вползли! Слышь, наплевать?! А сейчас вон отсюда, арестантское отродье, чтоб духу вашего здесь не было! Ну, живо!

— Куда нам идти?

— Меня это не касается! Проваливайте отсюда, воюющие псы, пока я не разукрасил вам морды.

Ахсартаг понял, что дело принимает крутой оборот, этот бесноватый легко не отступится. Не зря он вынул из-за пояса нож. Понял Ахсартаг, что если он сейчас уступит, то они с Василием на пороге зимы останутся без крова. По приему, который ему оказали в деревне, ясно, что никто из сострадания не впустит их в дом. Ахсартаг — еще куда ни шло, как-нибудь устроился бы, но вот больной Василий... Где им укрыться от сибирской стужи, как перенести долгую морозную зиму, не

¹ Хозяин — так таежные жители называют медведя.

имея пусть худой, но все же крыши над головой? К тому же из жандармского управления, должно быть, к ним не скоро наведаются... Нет, отступать нельзя.

Ахсартаг решительно встал перед мужиком.

— Слушай, что я тебе скажу! Спрячь нож обратно — это раз. Никому ты не разукрасишь морду — это два. В-третьих, этот дом для ссыльных поселенцев. И, наконец, если кто и должен уйти, то это ты! Мой товарищ болен, он не может никуда идти.

— Ишь, падаль, разболтался! Получай! — размахнулся незнакомец, но Ахсартаг ловко увернулся от ножа и сам кулаком ударил его по челюсти. Должно быть, он вложил в удар все свое отчаяние, потому что кулак своротил мужику челюсть. Отчаянно вопя, он покатился по полу, докатился до порога и вывалился во двор.

На его истошный крик сбежались бабы и мужики: высыпала ребятня. Столпившись во дворе, они спокойно наблюдали, как корчится от боли их односельчанин.

Вдруг от толпы отделился высокий, худой, словно жердь, мужик лет сорока пяти. В глазах его застыло какое-то странное выражение. Он неспешно подошел к повергнутому наземь, так же неторопливо вынул из-за пояса нож и плавным кошачьим движением приставил его острие к горлу обидчика Василия.

Люди, оцепенев, затаили дыхание.

— Ах ты, сволочь! Теперь не уйдешь от ответа, — спокойно, будто делая обычное дело, произнес тощий. — Где моя дочка?

— Не зна... Не зна... Атаман отнял, — заплетающимся от страха языком бормотал лежащий.

— Стало быть, не знаешь? Что ж, получай! — он наотмашь ударил ножом. Хлынула кровь. Будто опьянев от ее вида, долговязый наносил все новые и новые удары, пока жертва в его руках не перестала биться. Никто из наблюдавших эту дикую по своей жестокости сцену, пальцем не шевельнул, чтобы помешать расправе; люди стояли поодаль и равнодушно наблюдали, как человек резал человека... Завершив свою кровавую работу, убийца облегченно вздохнул, словно выполнил долг, ухватил свою жертву за ноги и поволок к реке, сбросил труп с высокого берега.

Сельчане разошлись так же бесшумно и торопливо, как и собрались.

Спустя неделю после этого происшествия к Василию и Ахсартагу неожиданно пришел тощий убийца.

— Спасибо, брат, благодаря тебе смог я свести счета с этим бандюгой, — сказал он Ахсартагу. — Давайте знакомиться. Меня зовут Алексей Петрович.

Ахсартаг назвал себя. Помедлив, спросил напрямик:

— За что вы его так... как бешеную собаку?

— И поделом ему, гаду! С такими же, как он сам, бандитами уволок мою дочь в лес, надругались над нею и порешили... Третий год выслеживаю его, да все не попадался мне в руки. Спасибо, ты пособил, браток, свиделся я с ним и расквитался сполна за его грехи.

— А что он за птица такая?

— А черт его знает! Мало ли бродячего люду шастает по тайге... Слух шел: конокрадом был, потом на царскую казну позарился, лягавые напали на его след, он и пришил одного... Давно не встречал я человека более мерзкого. Здесь он тоже натворил делов. И без того нищие тунгусы пришли в полное разорение от него. Несколько раз прибавляли ему срок ссылки. Жандармам он тоже доставлял хлопот... Ну, да, слава богу, все от него избавились теперь!..

— Как бы не наказали.

— Не!.. — ночной гость безмятежно махнул рукой. — Я пришел к приставу с повинной, а он даже «спасибо» сказал мне. Хотя это не помешало ему, сукиному сыну, взятку содрать с меня, пятьдесят целковых отвалил ему. Зато по части бумаги составлять он мастак: написал в управление, что тот помер от сердечной болезни. Да, что воду в ступе толочь-то, он и приставу немало кровушки испортил, вот и избавились... Ну, а теперь прошу к нам, повечеряем, доченьку мою помянем... Нет, не взял я греха на душу, отомстил лишь...

— Благодарю, Алексей Петрович, время позднее по гостям шастать... — возразил Василий.

— Нет, нет, ребятки, я же вам обязан! Только через вас удалось мне напасть на бандюгу. Ну, баста! Собирайтесь. Накормим вас горячим супом, чайком побалуем. Хозяюшка, чай, заждалась нас...

Закутались в тряпье, пошли по ночному селу за Петровичем. В жарко натопленной избе их встретили радушно.

— Единственную дочку загубил, супостат, чтоб и на том свете ему не видать покоя, — смахнула слезу хозяйка.

— Много терпеть нам приходится от ссыльных уголовников. А вот те, кто против царя-батюшки шел, политические, на редкость смирны, да и; по всему видать, головасты... Со многими из них мне приходилось встречаться, нагладелся... А ты, брат, — не серчай, я к тебе по-простому — за что сослан-то? — обратился Алексей Петрович к Василию.

— Да как вам сказать... Питерский я, рабочий с завода. Несладко нам жилось, хозяева обращались с нами хуже, чем со скотиной. Вкалывали от зари до зари, а получали за непосильный труд жалкие гроши. Не стало мочи терпеть издевательства заводчиков, и рабочие забастовали, потребовали от хозяев прибавки к жалованью и улучшения условий труда. Но наши кровопийцы обратились к царю за помощью. Государь прислал войска, и они потопили в крови организаторов забастовки. Я был среди зачинщиков, попал в руки жандармов, меня наградили стальными браслетами и пожизненно сослали в Сибирь, — закончил свой скупой рассказ Василий..

— Да-а, государь-батюшка не милует тех, кто супротив него... Мы ведь тоже беглые. Дед мой, мужик тамбовский, убег от барина своего еще при крепостном праве. Строптив он был, не снес обиды: помещик пожелал обменять холопа своего на упряжку рысаков. Вот и пустил дед красного петуха на барскую усадьбу, а сам подался сюда. Здесь, в тайге, схоронился в медвежьем углу, отстроился, обзавелся хозяйством. Сюда же бежали и другие, кто убоявшись тюрьмы, а кто рекрутчины, да и обосновались в Березовой Роще. Но царь и здесь их нашел, жандармов да пристава приглядывать за нами послал. Не знаю, где можно найти спасение от него...

— Никуда от него не спрячешься, брат. Сбросить его, тирана, надо, — обронил Василий.

«Сбросить? Как так можно, что будет с людьми без царя?» — Ахсартаг содрогнулся.

— Многие тшятся скинуть царя, да ничего, кроме виселицы да каторги для себя не схлопатывают. Крепок, брат, царев трон! Вот и ты вознамерился супротив влас-

ти-то подняться, а что выгадал? Ровнехонько ничего — нуль без палочки. Царь живет себе припеваючи, а ты загремел этапом в Сибирь...

— Россия велика, весь народ в Сибирь не сошлешь. Да и виселиц на всех не напасешься. Придет час, и царь ответит за все свои злодеяния.

«Какие злодеяния? В чем виноват царь? — терялся в мыслях Ахсартаг. Никогда еще ему не приходилось слышать подобных речей. — Чтобы вот так открыто поносить царя, не приведи господи! К тому же священник и пристав все время твердили: царь равен богу, а коли это так, то как же может господь бог быть злоумышленником?»

Беседа Василия с Петровичем затянулась. Гость и хозяин вели разговор о вещах, не совсем понятных Ахсартагу. Все больше говорили о тяжелой доле народа, о его страданиях. Но суть слов не всегда доходила до сознания горца. И он решил на досуге порасспросить Василия обо всем, что ему довелось услышать ночью.

Гостеприимные хозяева славно попотчевали своих новых друзей. После ужина гости, сердечно распрощавшись, ушли. Когда они воротились в свою нетопленную избу, Ахсартаг спросил:

— Прости, отец, но почему ты поносишь царя? Он виноват перед народом, да?

— Спрашиваешь, виноват? — Василий внимательно поглядел на Ахсартага. И неожиданно ответил вопросом на вопрос: — По чьей воле сослали тебя в эту глушь?

Горец пожал плечами:

— Одному богу известно...

— Ты здесь по воле царя-всеправителя.

— Мой дядя поверил сплетням... случилась беда...

Причем здесь царь?

— Он имеет самое непосредственное отношение к твоей злосчастной судьбе. Ведь сплетни рождаются и распускаются в том обществе, при тех порядках и устоях, которые он учредил. В ином обществе, при другом укладе жизни клевета, едва родившись, тут же угасла бы. А в нашей жизни клевета и сплетня на руку господам, ведь, рассорив бедняков, легче управлять ими. Почему так боятся судачить о кулаках и помещиках, заводчи-

ках и фабрикантах? Потому что у них есть деньги, чтобы заставить кого угодно замолчать!

Слова Василия удивили Ахсартага. В самом деле, почему у них в ауле не говорят о том, что Солом убил своего отца, что по его вине мачеха не доносила ребенка, ведь все в ущелье об этом знают. А разве не знают люди, что он опозорил невестку Хунцела красавицу Калимат? Известно это и Ахсартагу. Сам видел, как ночами Солом пробирался на мельницу. Но попробуй сказать об этом громко. Нет, не скажешь. Не пойдешь против Солома. Богат он, силен. Закон ему заступник. Да, но причем все-таки царь? Увы, не постичь этой премудрости Ахсартагу...

— Василий, чувствую в твоих словах правду, но своим умом что-то не дойду до нее, — виновато проговорил юноша.

— Все поймешь, малыш, только слушай меня внимательно, — Василий ласково потрепал парня по плечу и, устроившись поудобнее на печи, повел свой рассказ.

Издавека начал питерский рабочий. Рассказал о том времени, когда появились первые богачи, как они присваивали лучшие земли и пастбища, как закабалили бедный трудовой народ, как, давясь от собственной жадности, пожирали последние крохи со стола фабричного и заводского люда, какую нищенскую плату получают рабочие за свой каторжный труд. А царь — он горой стоит за помещиков и фабрикантов, и когда рабочие восстают против насилия хозяев, он посылает свои войска, натравливает полицейских, которые топят в крови смельчаков, отважившихся сказать правду.

Никогда еще Ахсартагу не доводилось так глубоко вникать в причины тех несправедливостей, с которыми он сталкивался на каждом шагу в родных горах. Тот ночной разговор с Василием всколыхнул внутренний мир молодого человека, зажег в его душе искру ненависти к богачам — не конкретному Солому или Хунцелу, а к классу эксплуататоров и мироедов в целом. Особенно запомнились слова Василия о том, что от самих рабочих и крестьян зависит их будущее: нужно отнять земли у помещиков и кулаков, поровну разделить их между бедняками, нужно прогнать капита-

листов и самим управлять заводами и фабриками.

Многого не понял Ахсартаг из взволнованных речей Василия. Но одно он усвоил крепко: жизнь полна несправедливостей, чтобы победить их, нужно разрушить основы самодержавия.

III.

Погода портилась с каждым днем. Все явственнее ощущался запах снега. Ахсартаг с товарищем начали готовиться к зиме. Прежде всего замазали глиной щели в бревенчатых стенах своего ветхого жилища. С помощью Алексея Петровича подлатали дырявую крышу. Понатаскали на собственных плечах сухих дров из лесу, накололи и сложили поленницей у крыльца. Раздобыли свежее сено для подстилки.

Однажды утром к ним постучался лавочник Гаврила Ипполитович. Ахсартаг отворил дверь, немало удивившись столь неожиданному гостю, и пригласил его войти. Сбросив треух и крикнув от удовольствия — славно-то как с морозцу! — лабазник присел поближе к жарко натопленной печи. С трудом ворочая короткой толстой шеей, долго оглядывал пустые углы комнаты, потом сграбастал жирной пятерней коротко стриженую рыжую бороду, обрамлявшую красное лицо, покосился на Василия хитрым глазом:

— Народ гуторит: ученый вы человек...

— Ну-у, ученый не ученый, но кое в чем разбираюсь, — Василий вопросительно уставился на гостя.

— А мне дюже ученый без надобности. Мне бы парня мово грамоте обучить. Старый я, на покой скоро. Ему за меня в лавке оставаться... Живем здесь, как медведи в берлоге: ни учителей, ни школ. Вы уж уважьте, обучите моего увальня грамоте да счету, не то каждый норовит его объегорить. Сами знаете, какое нынче время: коли не обзаведешься дюжиной ушей и глаз, не заметишь, как нос оттяпают... Ну, так как, уважаемый, согласны?

— Согласен... А позвольте узнать, какой оклад вы мне положите?

— Не обижу! Харчи, жалованье, к празднику —

подарочек извольте. Иной раз пособи́те мне в лавке бухгалтерию исправить, не то память что-то подводитъ-стала... в счете путаюсь...

Предложение лавочника обрадовало Василия. Ведь сосланным в Сибирь царское правительство выплачивало жалкое содержание. Этих грошей не то что на одежду, даже на еду не хватало. А зима в Сибири лю́тая и долгая. Работу найти почти невозможно. Все мужчины в Березовой Роще пробавляются охотой. Зверья в тайге много — белки, куницы, лисицы, медведи, косули. Пушнину обменивают в лавке на рис, сахар, муку, спички, материю. Шкурки можно продать и купцам, прибывающим из далеких городов на баржах, груженных промышленными товарами. Потоком идут они в эти места, лишь вскрыется лед на реке. И тогда берег у пристани превращается в шумную ярмарку. За бесценку — пару-другую бутылок водки — скупаются целые партии мехов, за которые там, за тысячи верст, в центре России, в сияющих европейским лоском Санкт-Петербурге и Москве-первопрестольной купцам-перекупщикам отваливают золото. А охотнику-промысловнику много ли надо: опрокинул кружку горькой, занюхал рукавом, сунул штоф за пазуху — и давай гулять до рассвета!.. Э-эх, мать честная, не для такой ли разгульной ноченьки часами выслеживал он зверя, чудом вырывался цел из когтей раненого медведя?!

Если коренные сибиряки волочили такое жалкое существование, то о ссыльных и говорить не приходилось. Поэтому предложение Гаврилы Ипполитовича явилось для Василия и Ахсартага манной небесной. Василий, едва сдерживая расправившую его радость, спросил у лавочника:

— А книжки, тетрадки, карандаши найдутся у вашего сына?

— Все у него есть. Давеча привез ему из города, да шалопай еще не брал их в руки. Говорит, душа у него, у подлеца, не лежит к ученью.

— Ладно, присылайте сына.

— Да, еще кой-чего должен оговорить. Понимайте, как знаете, но мне сподручнее было бы, кабы вы изволили к нам являться на уроки... Хочу знать, чему станете обучать парня.

Что ж, и на это согласен Василий, лишь бы зиму

перезимовать. И стал он обучать грамоте прыщавого недоросля — лавочникова отпрыска.

Однажды Василий сказал Ахсартагу:

— Сынок, этому юнцу грамота нужна для того, чтобы в будущем лучше обшчитывать покупателей. У меня душа не болит за него, но ты... Тебе нельзя без грамоты. Жизнь без книги будет для тебя такой же темной и непонятной, какой была до сих пор. Книга раскроет тебе много удивительного, она, как верный друг, встанет рядом в трудную минуту, поддержит, когда споткнешься. Книга даст верный совет, научит многому. Судьба свела нас с тобой и, пока я рядом, должен научить тебя русской грамоте...

— Да, отец... Но смогу ли я понять что-нибудь?

— Поймешь, ты понятливый. Да и воли тебе не занимать. Чтобы научиться читать, нужно иметь способности и терпение. Это у тебя есть. А грамота тебе ой как нужна! Не вечно же сидеть тебе в этой глухомани. Вырвешься отсюда, встретишься на воле с умными книгами, станут они тебе самыми надежными и верными друзьями. А пока не надо терять времени, самое время заняться учебой. И книжки, благо, есть. Позаимствуем их у лавочникова сынка. Итак, за дело!

С большим желанием и усердием принялся Ахсартаг осваивать премудрости чужого языка. Василий оценил старательность парня и уделял работе с ним все больше времени. Занимались днем и ночью. Сначала Ахсартаг усвоил русскую азбуку, затем негнущимися пальцами начал выводить буквы. Учил Василий его и счету, арифметика далась горцу без особого труда. Довольно скоро Ахсартаг бегло читал, писал корявыми буквами все знакомые слова. Не было конца его радости, когда он самостоятельно вывел свое имя и фамилию. Он устался на творение рук своих и лицо его по-детски расплылось в улыбке.

Спустя три месяца он уже читал без запинки любую страницу в книжке, писал, не проливая при этом семь потов, манипулировал с цифрами до тысячи. Но самое главное, что усвоил за это время кавказец, было гораздо ценнее. Василий, умный и бывалый человек, понимавший истинный смысл предметов и явлений, открывал Ахсартагу глаза на мир, полный обид и несправедливостей.

— Эх, сынок, — говаривал он своему младшему другу, — для того, чтобы одолеть врага, нужно быть опытнее его. Нужно больше знать, зорче видеть. А враг хитер и коварен. Веками царь и помещики возводили себе дворцы на костях и крови трудового народа. Не раскусил еще русский мужик всей подлости своих классовых врагов, а когда поймет — не сдержать его никакой силой. Не пощадит живота своего в этом смертельном бою. Много прольется крови, много молодых жизней скосит черная смерть... Но в этой борьбе победа достанется трудовому народу, и построит он себе счастливую жизнь. Такую жизнь, при которой все люди будут равны, не станет богатых и бедных, перед каждым откроются широкие светлые дороги к знаниям. Прекрасно это будущее, сынок... Свобода, братство и согласие воцарятся повсюду, с лица земли будут сметены мрачные порядки, отупляющие человека, не дающие ему расправить крылья, унижающие его достоинство.

Ахсартаг, затаив дыхание, слушал Василия, а когда тот сделал паузу, спросил:

— Не впервые я слышу от тебя, отец, такие слова. Но, скажи, когда придет такая жизнь?

— Скоро, Ахсартаг, скоро. Тех, кто старается приблизить это светлое будущее, называют революционерами. Они посвятили себя борьбе за свободу. Царь и его приспешники боятся их до полусмерти. И потому преследуют их денно и нощно. Нет пощады тому из них, кто попал в руки царских ищеек. Их гноят в тюрьмах, ссылают на каторгу, но взамен павших встают новые борцы, знамя, выпадающее из обессиленных рук, подхватывают молодые крепкие руки товарищей... И ты готовь себя к этой битве. Быть может, завтра я паду от руки врагов, и ты должен будешь заменить меня в рядах борцов. Позови за собой таких же обездоленных, как ты. Запомни крепко, парень, мир раскололся на две половины: на справедливость и несправедливость. Между ними завязалась жестокая война и нет им примирения. Одна из них должна погибнуть, чтобы уступить место другой...

До поздней ночи говорил Василий. И глубокой верой в дело революции дышали его слова. Но, наконец,

пожелав товарищу спокойной ночи, он повалился на свою подстилку на печи.

Но к Ахсартагу сон не шел. Слова Василия разбредили его душу, подняли на крыльях и унесли далеко-далеко. Ему привиделись родные горы и первый луч солнца, встающего над ними. И он, Ахсартаг, бежит, не чуя ног под собой, туда, где переливается алыми грасками утренняя заря. И будто он страшится чего-то, и все же рвется, рвется туда, и с каждым шагом силы в нем все прибавляется... Не мог понять Ахсартаг, что это все означает, но состояние какой-то решимости, приподнятости, долго не покидало его.

Выпал снег, замело дороги. Василий так и не получил предписания на жительство и остался до весны в Березовой Роще.

* * *

Около двух недель мела пурга, потом, словно перебесившись, уgomонилась, и выглянуло солнце.

Как-то под вечер к Василию заглянул Алексей Петрович и предложил Ахсартагу:

— Парень, думаем завтра идти зверя промыслять. Пошел бы и ты с нами.

— Пошел бы с радостью, да ружья нет, — замылся юноша.

— Ружьишко я тебе свое дам, старенькое, правда, но бьет исправно.

— Ну, что ж, согласен.

Чуть свет спозаранку Ахсартаг был уже готов. Натянул на себя все тряпье, какое только нашлось в доме, приладил лыжи — их тоже одолжил Петрович — и присоединился к нескольким мужикам, гурьбой шагавшим к околице села.

Зарождался день. На редкость ясным, не по-зимнему солнечным обещал быть этот морозный день. Ледепило уши, нос, щеки, немели пальцы рук. Но сибирский мороз только бодрил кавказца. От красоты вокруг захватило дух. Деревья, разукрашенные причудливыми узорами, сверкали алмазами на солнце.

Охотники прошли по берегу реки, потом вдруг круто свернули в тайгу и, рассыпавшись по просекам, углубились в чащу.

Вскоре раздался первый выстрел. Это один из промысловиков сбил с верхушки ели белку. Потом еще прогрохотало и пошло, и пошло! То тут, то там катилось эхо выстрелов по тайге.

Зимний день в Сибири короток. Не успело солнышко выкатиться, как, глядишь, уже заходит. Охотники и не заметили, что опустился вечер. Все изрядно устали. Ныли сведенные голодом желудки. К вечеру мороз еще пуще разохотился и, не довольствуясь ушами и ногами, пробрался под тулупы и зипуны.

Солнце уже наполовину скрылась за лесом, когда охотники вышли к руслу замерзшей речушки, прошли по ней, и вдруг до их слуха донесся собачий лай. Впереди, у подножия невысокой сопки, из елей поднимался синий дымок.

— Старик еще жив, глядите-ка, курится его очаг, — сказал один из охотников.

— Бирюк, бирюком. Ни медведи, ни таежное одиночество не могут сломить его, — заключил Петрович.

Вскоре они подошли к заваленному по самые окна сруб избу. На неистовый лай собаки вышел к неожиданным гостям крепкий кряжистый старик в накинута на плечи медвежьей шубе. Белая борода спускалась до пояса, из-под густых, как снежные комья, бровей удивительно молодо блестели черные глаза.

После взаимных приветствий старик проводил охотников в дом. Абрек — так охотники звали хозяина — зажег коптящую лучину. Полумрак разбежался в углы избы. Гости скинули верхнюю одежду и уселись у жарко натопленной печи.

Охотники держали себя непринужденно, чувствовалось, что они хорошо знакомы со стариком, что они здесь — свои люди. Совсем иначе держал себя Ахсартаг. Какая-то непонятная скованность овладела им. Он обшаривал взглядом стены убогого жилища, пытаясь найти объяснение своему состоянию.

«В доме, кроме старика, никого нет, как же он живет здесь совсем один? Почему он не переселится в Березовую Рошу, ведь до нее рукой подать, не более двадцати верст? Нет, не может человек быть совсем один, наверное, поблизости тоже живут люди», — решил Ахсартаг, и сомнения его рассеялись.

Между тем охотники принялись за ужин. Достали

из узелков свою нехитрую снедь, припасенную на дорогу. У Петровича даже водка нашлась. Обжигающая жидкость растеклась по жилам, кровь побежала быстрее, языки развязались, и все заговорили разом, шумно, весело.

Старик-хозяин знал каждого охотника по имени, живо расспрашивал о новостях, задавал вопросы, непонятные Ахсартагу. Наконец, он обратился и к нему:

— А кто ты, незнакомый товарищ? Притулился в углу и слова не скажешь...

Ахсартаг не успел и рта раскрыть, как за него ответил Петрович:

— Убийца он, недавно прислан...

Петрович произнес это так оскорбительно небрежно, что Ахсартаг чуть было не вспылil, но вовремя сдержал себя. Бессмысленно было отстаивать свою честь в столь глухом месте, да еще в такой отпетой компании.

Но от старика не ускользнуло возмущение Ахсартага. Он следил за ним настороженным взглядом, видимо, готовый ко всему:

«Почему он так странно смотрит на меня?» — дивился Ахсартаг и не смел оторвать взгляда от земли.

Личность старика все более заинтриговывала горца. Он видел, с каким почтением относились к нему охотники — люди, в общем-то не верящие ни в черта, ни в бога. Кто же он, этот седобородый старец с цепкими молодыми глазами?

Охотники расположились на ночлег. Хозяин поднялся ни свет ни заря, извинился, что покидает гостей, сославшись на необходимость проверить расставленные на ночь капканы, и ушел. Охотники тоже не стали нежиться, встали, умылись, наскоро позавтракали и еще до восхода солнца рассыпались по тайге. Ахсартаг с Петровичем обошли свои капканы. За ночь в них попались две зазевавшиеся куницы и одна лиса. Вновь расставили капканы в других местах (зверь за версту обходит место, где поплатился за ротозейство собрат), побродили еще по лесу, настреляли куниц, пяток белок и возвратились в дом старика. Хозяин еще не воротился, охотники тоже, и они оказались одни в избе. Ахсартаг спросил товарища:

— Скажи-ка, Петрович, кто этот старик, почему он живет здесь один-одинешенек?

— Он, как и ты, убийца. Тоже ссыльный. Двадцать лет назад объявился он в этих местах. Бежал несколько раз. Ловили и привозили обратно. А сейчас срок ссылки ему вышел. Сейчас-то он свободен, да теперь уж сам не хочет уезжать. Знать, полюбились ему Сибирь-матушка...

— Почему же он все-таки не вернется на родину?

— А леший его знает! Говорят, он сотворил у себя в горах какое-то крупное преступление. Видимо, пока люди об этом помнят, вот он и отсиживается здесь в безопасности...

— Кто же он такой, как его имя?

— Трудное у него имя, вроде твоего, язык сломаешь. Так никто и не зовет его по имени. Абреком зовем — он не обижается. Сам-то он кавказец. То ли чеченец, то ли ингуш — не разберешь. А вообще-то он дьявольски смел и решителен. Жандармов здешних в дрожь бросает при виде его. Пристав обращается к нему не иначе как по имени и отчеству. Даже за ручку с ним здоровается. Горд он до крайности, оскорбления и обиды никому не прощает... Любим мы его, своим считаем. Но если обманешь его — не простит. В тайге о нем молва идет...

Со двора вдруг донесся протяжный, жалобный, собачий вой. Ахсартаг выскочил за дверь. Хозяйская собака-лайка истекала кровью. За ней по снегу тянулся розовый след, уходивший за ворота. Одно ухо было оторвано наполовину, другое, видимо, прокушенное; тряпкой свисло к щеке. Шкура разодрана во многих местах. При виде человека пес заскулил еще жалобнее.

— Петрович! Выйди-ка! — Ахсартаг смекнул, что стряслась беда.

Алексей Петрович тоже все сразу понял.

— Со стариком что-то приключилось. Этот пес никогда не оставляет хозяина. Видишь, на нем укусы зверя. Пошли, собака поведет нас!

Они вбежали в дом за ружьями, запахнулись в тулупы и заскользили на лыжах за лайкой.

По кровавому следу они взобрались на холм, затем по склону наискосок съехали в ложбину, уже укрытую густой тенью и потому сумрачную. Еще засветло выбрались на противоположный склон. На поляне, где сосны и ели раздались в сторону, собака вдруг высо-

чила вперед и тревожно завывала. Снег на поляне был взрыхлен, то тут, то там краснели следы крови. Было видно, что совсем недавно эта поляна явилась местом жестокой схватки. Пересекли поляну— за кустами вытянулся труп серого волка с перегрызанным горлом. Нетрудно было догадаться, что это жертва отчаянной храбрости стариковой лайки. Но где же сам старик?

Они спустились с холма к руслу замерзшей речки. Перед их взором предстала еще более поразительная картина: старик лежал на огромном волке, вцепившись мертвой хваткой в шею хищника. Волк задохнулся, но, видимо, у старика уже не было сил подняться. Ахсартаг с Петровичем разжали пальцы старика, осмотрели его. Укусы волка оставили кровавые раны на руках и ногах. Охотники привели Абрека в чувство, перевязали ему раны.

Старик пришел в себя, его взвалили на плечи и осторожно понесли.

Прошли совсем немного. Опустилась ночь. Намаевавшиеся за день Ахсартаг и Петрович едва брели, поминутно проваливаясь в глубокий снег. Ко всем бедам вдобавок замела поземка, снег слепил глаза, и они с трудом различали путь, по которому пришли сюда. А путь впереди долгий, ведь они еще не выбрались из мрачного урочища. К усталости им не привыкать, но страшно другое: в пургу, да еще ночью в тайге легко заплутать и тогда — всем троим конец...

Порывы ветра усилились. Они ощутили это по звериному вою в верхушках вековых елей. А может это не ветер воет?

Идут сквозь пургу, пробиваются к стариковой избе Ахсартаг и Петрович с Абреком на спине. Вот, наконец, и вершина холма. Здесь, на открытом месте, ветер воет, в двух шагах ни зги не видно. Лайка, не переставая жалобно скулить, вертится у ног Ахсартага. Поняли охотники, что сбились с пути. Опустили старика на снег. К тому времени он набрался достаточно сил, встал, осмотрелся и подтвердил:

— Да, сбились с пути. Надо было раньше выбираться из урочища...

Старик показал рукой: нужно идти туда. Чтобы сократить путь, не стали возвращаться, срезали склон наискосок. Путники окончательно выбились из сил.

проголодались, их иссеченные морозным ветром лица горели.

Пурга кончилась так же внезапно, как началась. Но ветер словно нагнал морозу. Из-за белых облаков выкатилось круглое брюхо мерзлой луны. Она залила мертвым светом тайгу. Охотники теперь смогли различать дорогу. Ну вот, уже недалеко до сопки, под которой примостился домик старика. Можно присесть, отдохнуть перед последним переходом.

Только опустили старика на снег, только повалились рядом, как неожиданно пес злобно зарычал, присел на задние лапы и вдруг прынул к вершине сопки. Чу! Что это?

Оттуда, сверху, слышался леденящий душу волчий вой, его подхватила стая. Онемев от ужаса, измученные путники не могли шевельнуться. На вершине сопки стояли волки. Их хорошо было видно на фоне лунного неба. Звери сели на задние лапы, вытянув острые морды к бледному диску, и протяжно выли, будто жалуясь небесам на свою горькую участь... Этот звук — одна низкая нота — временами перемежался со скрежетом зубов голодных хищников.

У Ахсартага волосы стали дыбом, по спине, противно щекоча, лились горячие струйки пота...

Собака, захлебываясь лаем, охрипла от бессильной ярости. Старик схватил ее за голову, пораненную волками, спрятал под полу шубы. Не дай бог собачий лай услышат волки, и тогда они ринутся на людей. Но боль, злость, ненависть к смертельному врагу притупили в собаке инстинкт самосохранения и, очертя голову, она ринулась вверх по склону, в отчаянную схватку.

Оскалом острых зубов встретила лайку волчья стая. Взметнулось вверх подброшенное страшной силой тело несчастного пса, и через мгновение стая разорвала его на клочки...

Жертва только раззадорила волчий аппетит. Рассыпавшись по склону, они начали медленно наступать на охотников. Люди оцепенели от ужаса, не в силах даже вскинуть ружья.

Волки уже близко. Видны их голодные сверкающие глаза. Первым очнулся Ахсартаг. Он вскочил, как подброшенный пружиной:

— Мы пропали, сожрут!

Тревожный голос будто разбудил его спутников. Старик выхватил из рук Ахсартага ружье, вскинул его к плечу — огромный матерый волчище повалился на снег.

Выстрелил и Петрович. Еще один волк остался лежать на склоне сопки. Теперь выстрелы гремели, не переставая. Стая волков стала редеть. Уцелевшие хищники отступили, снова подняли морды к луне и вновь принялись выть, словно оплакивая волков, оставшихся на склоне.

Но голод снова погнал их под пули. Старик и Петрович стреляли метко, после каждой вспышки огня на снегу прибавлялось темных пятен.

Но что это? Патронташ Петровича опустел, через два-три выстрела перевелись патроны и у старика. Волки, осмелев, стали подкрадываться все ближе и ближе.

— Вытаскивайте ножи, иного выхода нет, — приказал старик.

Ахсартаг и Петрович повиновались. Осталось одно — рукопашная схватка обессиленных людей с голодными хищниками. Мирного исхода быть не может. Или люди, или волки. Людей — меньше, волков — больше.

Вот один из хищников совсем близко подобрался к охотникам, но страх, видимо, все еще сковывал его решимость. Старик взмахнул рукой, зверь отпрыгнул назад. Вот другой осмелился подойти еще ближе, даже слышно стало его смрадное дыхание. Третий с разбегу налетел на Петровича, толкнув его боком. Петрович замахнулся прикладом, но волк увернулся, а охотник, не удержавшись, упал в снег.

«Сожрут, как пить дать, сожрут», — колотилось сердце Ахсартага, и волосы шевелились на его голове.

Вдруг с вершины сопки послышалась ружейная пальба. Люди! Люди спешат на выручку попавшим в беду охотникам! Оставшиеся в живых волки со скрежетом зубов скатываются в ложбину.

Товарищи бережно подняли старика и понесли, часто сменяя друг друга. Вот и знакомая избушка.

От сильного голода, усталости и пережитого страха охотники совсем обессилели. Без чувств повалились на рогожи и заснули мертвецким сном.

Чуть свет встали охотники. Петрович не пошел на промысел, остался со стариком. Ночью у хозяина на-

чался жар, к утру его тело казалось охваченным огнем.

С неделю оставались охотники в доме старика. Отстрел шел хорошо, ни разу они не возвращались без шкурок белок, куничек, лисиц. Посчастливилось даже добыть трех черных лисиц — редкость в зимней тайге. За такую добычу немало заплатят даже купцы-хитрецы.

Однако провиант таял, кончался и запас пороха и свинца. Да и погода переменилась. Все чаще выла пурга, валил хлопьями снег. И охотники воротились в деревню, тяжело нагруженные добычей.

Старик, хотя его уже не трепала лихорадка, очень ослаб и не мог подниматься с постели. Поэтому Петрович остался с ним.

IV

Спустя несколько дней в Березовой Роще появился Петрович и сказал Ахсартагу, что старик все еще хворает, но он был вынужден оставить его одного, потому что у него у самого «делов дома хватает». Старик просил, сообщил Петрович, чтобы Ахсартаг побыл с ним, пока тот не наберется сил.

Старик не выходил из головы юноши. Ахсартагу казалось, что старик каким-то образом имеет к нему отношение. Его тянуло к абреку, овейному славой храброго и мужественного человека, да и Василий посоветовал согласиться.

На другой день утром Ахсартаг тепло укутался в шубу, которую дал ему Петрович, завязал уши лохмотьями платка, поверх натянул шапку из куньего меха, встал на лыжи и с ружьем за плечами заскользил в тайгу.

Ахсартаг помнил дорогу. Он шел уверенно, не боясь сбиться с пути. По мере того, как углублялся в чащу, на сердце становилось все легче и легче, будто с него свалилась какая-то ноша, будто руки его избавились от кандалов, и вовсе он не ссыльный, а вольный охотник. Грудь его дышала глубоко, свободно..

Свобода... Как она дорога! Наверное, для того, чтобы по-настоящему оценить ее, нужно испытать то, что довелось Ахсартагу. Мысли унесли его в родные горы. Как там отец, мать, ждет ли его Налкута? Взглянуть бы

на них хоть одним глазком — всю жизнь бы отдал за мгновение. Налкута... Сколько раз она грезилась ему бессонными ночами и сейчас стоит перед глазами. И повсе это не снег скрипит под лыжами, а с шумом отворяются калитки в ауле, молодежь собирается на посиделки. И это не слепящий снег вокруг, а снежно-белые холсты, которые ткут девушки, одна пригожее другой. А юноши, бросая восхищенные взгляды на них, усаживаются вокруг выдавших виды стариков, и те раскрывают перед молодежью книгу жизни, пересыпают мудрую речь доброй шуткой, острым словцом. А у жарко натопленной печи суетится хозяйка, и вот уже по всему дому растекается дразнящий запах горячих уаливахов.¹ Зимой в горах люди так же отрезаны от всего мира, как и в Сибири, но разве можно сравнить родные ущелья с этой стылой тайгой?..

Десять лет... Десять лет! Сможет ли столько ждать Налкута? Да, ведь она любит его, они помолвлены... Но десять лет — огромный срок! Разве согласится Булатыко оставить свою сестру просватанной за каторжника, к тому же неизвестно, вернется он или нет? А если и вернется, сможет ли он простить злодеям, оклеветавшим его? Разве не отправит их вслед за Зариной и Хасаной в могилу? И тогда снова в Сибирь?

Радужное настроение Ахсартага развеялось, как дым. Тягостные мысли одолели его. Но что это? Прямо перед ним просеку пересекла куница. Он вскинул ружье, прицелился. Грохнул выстрел. Зверек подскочил и уткнулся головой в снег. Ахсартаг поднял ее, зацепил за пояс и продолжал путь. Вот опять свежие следы куньих лапок. Пристроился к следу, сделал изрядный крюк, но зверек хитрил, и Ахсартаг так и не смог его достать.

Солнце еще играло в макушках елей, когда он добрался до избушки старика. Он прошел бы мимо, если бы не дымок, казалось, струившийся прямо из снега. Домишко был завален снегом по самую крышу.

Старик встретил его приветливо:

— Спасибо, сынок, уважил старика. А я-то думал, что не придешь, — абрек привстал с постели. — Садись поближе к печке, отогрейся, чай, озяб до косточек..

¹ Уаливах — пирог с сыром.

— Лежите, лежите, я сам! — попытался Ахсартаг удержать хозяина, но тот, кряхтя, поднялся на ноги.

— Мне уже хорошо, сынок, собака от хромоты не помирает... Вот кабы вы давеча не поспели в самый раз, я так и замерз бы на волке.

— Что мы!.. Вот вы — это да! Надо же иметь такую львиную силу, чтобы задушить руками волка, ростом с буйвола!

— Понимаешь, волк попался в капкан, а стая караулила в кустах... Собака учуяла их и кинулась, а на меня набросился матерый волчище, вожак, наверное. Не успел даже выстрелить, пришлось вцепиться руками. Сжимаю ему шею, хрипит он подо мной, а сам думаю, вот сейчас набросится на меня вся стая... Так и не дождался, померк свет в моих глазах... А потом пришли вы... Волки, должно быть, испугались, лишившись вожака...

— Ей-богу, завидую, отец, вашей силе, — восторженно произнес Ахсартаг.

— Эх, парень, какая уж у меня сила нынче... Вот прежде, когда был моложе. Подковы разгибал руками. А сейчас стар я стал. — Абрек горестно махнул рукой и засуетился: — Однако, пора позаботиться и об ужине, знать, изголодался, — он накинул на плечи шубу и вышел во двор.

При тусклом свете лучины Ахсартаг оглядел внутреннее убранство жилища старика. Хотя он уже бывал здесь, но ему почему-то показалось, что он впервые видит эти стены из толстых сосновых бревен, русскую печь. На полатях постель старика. В углу — трехногий стол, удивительно напоминающий осетинский фынг, грубо сколоченное кресло, такие же колченогие табуретки. Кроме чугунного котелка, вся утварь деревянная, даже ведро из дерева — все такое же, как в родных горах.

В клубах морозного воздуха вошел хозяин, неся огромные куски мяса.

— Я храню его в рассоле. Не всегда охотнику везет. Вот и заготавливаю впрок. Весь год мясо не теряет вкуса и свежести, — сказал старик. Сложил куски в чугунный горшок, завалил его доверху снегом и поставил вариться в печь. — Ты у меня почетный гость, сынок, прости, что не могу принять тебя как положено.

— Не беспокойтесь за меня, пожалуйста, — смутился Ахсартаг.

— Да уж надо бы, сам знаю, но что поделаешь, живу, как в берлоге...

Старик искося, как бы невзначай, метнул пристальный взгляд на кавказца.

«Почему он так странно посмотрел на меня?» — недоуменно подумал Ахсартаг.

Печь шумно полыхает. Из чугунок доносятся бульканье и запах вареной солонины. В ожидании ужина Абрек прилег на грубо сколоченные нары.

О чем он думает? Что-то явно тяготит его... Наверное, о чем-то спросить хочет, да не решается...

Непонятное поведение хозяина вызывает все большее недоумение в госте. И вдруг сердце в груди юноши стало колотиться все быстрее и быстрее. Ждет Ахсартаг, когда заговорит старик. Давно уж не слышал он радостных вестей... Да и сейчас вряд ли услышит. И приготовился юноша к самому худшему... Но старик молчит, только вздыхает да ворочается на жестких нарах.

На дворе бушует метель.

«Наверное, даже в могиле не так холодно, как в Сибири», — думает Ахсартаг.

За бревенчатыми стенами избы воет пурга. Она скрежещет зубами, норовит протиснуться в щели, швыряет снег полными пригоршнями в окна, свистит в трубе.

Дикий вой ветра ненадолго отвлек Ахсартага от мыслей о старике. Кажется, будто выюга своими холодными острыми зубами вгрызлась в его сердце, жизнь капля за каплей уходит из его тела. В огромном сугробе хоронит пурга светлые мечты его юности и крылатые надежды...

Сколько длинных ночей и коротких дней провел он уже в Сибири? Он пытается сосчитать их, но дни кажутся ему месяцами, а месяцы — годами.

Когда же кончится эта ночь в доме старика, ночь, полная тревог. Абрек все так же подозрительно, напряженно-внимательно смотрит на него, глаз не сводит... Не приведи, господи, провести с ним несколько дней. Нет! Нет! Завтра, чуть уляжется пурга — назад к Василию.

Чего все-таки хочет от него старик? Почему он молчит?

И вдруг он услышал:

Что, бадилята пришлые, ограбившие нас?¹
Был страшен ваш приход сюда, но жалок, ваш уход!
Напрасно вы, как вороны, слетались в Карагас,
Напрасно совещались вы, как вам терзать Кавказ.
Изгнали мы из наших гор весь ваш коварный род,
Мы, черные дигорцы², трудящийся народ!

При первых звуках песни Ахсартаг забылся. Перед глазами встала до слез знакомая, но такая далекая картина: над аулом Тедотикау, у подножья башни в вечерних сумерках расположилась на зеленой траве молодежь. Песню о бадилятах запеваёт Агубе. Пастухи гонят скот с пастбища, в чистом воздухе далеко слышно мычание коров. И вот уже зазвенели тугие струны дно подойников и в воздухе запахло парным молоком, смешанным с терпким дымом кизяка, а солнце посылает закатные лучи на плоские кровли саклей, и они ослепительно блестят, будто смазанные жиром.

Вот девушки несут, изогнув станы, кувшины с водой от родника. Поровнявшись с парнями, чинно опускают очи долу, и вдруг брызгают на ребят водой, залиvisto хохочут — куда только девалась вся их смиренность! У низенького каменного забора стоит его гыцци, показывает сыну глазами на самую красивую из девушек, улыбается уголками рта. Девушка обернулась, встретилась глазами с Ахсартагом — о, боже! Налкута!

А песня продолжала звучать. Старческий надтреснутый голос старательно выводил мелодию, выговаривал речитативом каждое слово, и Ахсартаг не мог понять, наваждение это или явь.

Песня оборвалась, старик закашлялся, миг исчезли пленительные картины. И снова он увидел убогую обстановку сибирской избы и услышал ошалелый вой ветра за стенами. Налбу Ахсартага выступил холодный пот. Он закрыл рот руками, чтобы не закричать. Как безумный, вскочил, одним прыжком очутился возле старика.

— Кто ты?! — гортанный крик горца заглушил вой пурги.

Глаза старика были мокрыми от слез, он вытер их тыльной стороной ладони. Поднял веки и вперил в Ахсартага удивленный взгляд.

¹ Народная песня «Изгнание князей-бадилят».

² Дигорцы — осетины.

— О, боже, не ошибся ли я! Ведь я услышал осетинскую речь... Человек говорит по-осетински! — дрожащим голосом заговорил старик на языке, которого Ахсартаг не слышал с того дня, как его в наручниках отвезли в Горийскую тюрьму.

Язык юноши одеревенел, ему пришлось сделать усилие, прежде чем он смог спросить:

— О, создатель, а ты что натворил, за что тебя сослали в этот жестокий край?

Вместо ответа Абрек обхватил руками шею Ахсартага, будто обручем сдавил, и прижался щекой к его щеке.

— Двадцать лет... Долгих двадцать лет... не слышал я родной осетинской речи... И вот... вижу человека моей крови, моей плоти, — голос старика срывался. Чужало мое сердце, что явится кто-нибудь из отчего края... одной надеждой на это жил... из далекой Сибири передаст моему чаду весточку обо мне... О, будь благословен, господи, услышал ты мой мольбы!.. Я давно к тебе приглядываюсь... напоминаешь ты мне кого-то... Я не решался спросить тебя... слишком тяжело... Но все эти дни мысли мои... с тобой были... Петровича за тобой послал...

— Я тоже не мог понять тебя, отец. Твой странный взгляд, домашняя утварь, этот фынг, кресло...

— Откуда ты, сынок, из какого аула?.. Какой злой рок принес тебя в этот ад крошечный?

— Из-за ядовитой клеветы пролилась кровь, — глухо произнес Ахсартаг.

— Пролилась кровь, — эхом откликнулся старик и тяжело вздохнул. — Нас так мало, что весь народ Ирыстона¹ можно упрятать в ладони... Горе наше, знать, родилось вместе с нами... а мы все грызем друг друга, гоним кинжалами к пропасти...

Ахсартаг, словно оправдываясь перед стариком, выкрикнул:

— Не убивал я!.. Чей-то поганый язык всему виною...

— В клевете и наветах у нас никогда недостатка не было. Ну, как твоя фамилия, кто ты и откуда?

¹ Ирыстон — Осетия.

— Бесолов я, имя мое — Ахсартаг... Может, слышал, аул Тедотикау? Оттуда я.

Глаза старика загорелись.

— Постой-ка, постой, если ты из Тедотикау, то не можешь не знать братьев Бесоловых — Барсага и Хасану...

— Барсаг мой отец, а Хасана...

— О, боже! — зазвенел голос старика. — Сын Барсага! Не ошибся я! Я так и думал: как две капли воды похож на отца... Рассказывай, сынок, рассказывай... А как поживает жена Хасаны Зарина? Ну, говори скорей, не мучай меня!..

При упоминании Хасаны и Зарины кровь застыла в жилах Ахсартага, казалось, сердце остановилось в груди. Кто этот старик? Зачем он коснулся острием ножа самой больной раны в сердце Ахсартага? Смятение охватило его.

— Прости, отец, но кто ты? Откуда знаешь Хасану и Зарину? — от недоброго предчувствия волосы на голове его встали дыбом.

Глаза старика снова заблестели:

— Я отец Зарины... Дзанг...

— Ты?! Отец Зарины?! — от неожиданности, что его подозрение подтвердилось, Ахсартаг не находил слов.

— Да, кроме нее, у меня на всем белом свете никого нет.

— Старик, ты смеешься надо мной! Зарина была ребенком, когда умер ее отец. Когда девушка подросла, кто-то похитил ее, а Хасана отбил... Так мне рассказывали родители!

— Слушай, сынок... — Дзанг поудобнее устроился на нарах и поведал ему всю правду.

— Но как ты очутился здесь, в Сибири? — спросил Ахсартаг.

Дзанг ответил не сразу. Крепко задумался. Вздыхнул:

— Это длинная история, сынок... Но если ты хочешь знать все, то слушай. Впрочем, ночь длинна, зима тоже... Спешить нам некуда, так что, давай-ка сперва подкрепимся.

Наскоро отужинали. Дзанг засветил новую лучину и повел рассказ.

— Когда моя дочь Зарина стала женой Хасаны, — начал Дзанг, — я понял, что она будет счастлива и без моей поддержки. Тогда лишь я получил возможность отомстить за искалеченную жизнь. Обида моя была слишком велика, а обидчиков не перечесть. И решил я прежде всего свести счеты с алдаром Дзанхотом Глоевым.

Я перешел Кельский хребет, спустился в Дзимыр и направил свой путь в Ксанское ущелье.

Солнце клонилось к горизонту, когда я достиг теснины. Спустился к дороге и за поворотом увидел валявшегося на обочине дороги человека. Он был без сознания. Сквозь прорехи в рубаше виднелись кровавые рубцы на спине. Под правым глазом разлился кровоподтек в пол-лица. Из носа текла кровь, струйка, стекая по бороде, терялась в пыли.

Я побежал к реке, принес в листе лопуха воды, обмыл лицо несчастного. Человек застонал и раскрыл глаза.

— Ну, бедняга, рассказывай, кто тебя обидел, — ободрительно улыбнулся я ему.

Он покосился на меня здоровым глазом и протонал:

— Сын алдара... Заявился сегодня ко мне со своими холоуями... Угнал за неуплату подати быков... детей без хлеба оставил... Я бежал за ними, все умолял вернуть скотину, не губить семью... Избили кнутом... О, несчастная моя голова, что теперь будет с моими детьми, как я прокормлю их без волов, — запричитал крестьянин, раскачиваясь в дорожной пыли.

— Скажи-ка, браток, куда девались твои обидчики?

— Вот этой дорогой пошли, — махнул он рукой. — Наверное, уже к большому спуску подходят..

Ярость вскипела в моей груди, ноги сами понесли вниз по каменистой дороге.

Бедняга оказался прав. Сына алдара и его спутников я догнал у родника вблизи большого спуска. Свои ружья они прислонили к стволу чинары, а сами отдыхали в ее тени. Волы, отобранные у крестьян, паслись неподалеку на травянистой лужайке.

Я внезапно вырос перед ними с ружьем наперевес.

— Руки вверх! — наставил я оружие на алдара.

Княжеская свита растерялась, по их рожам было видно, что они изрядно хватили из бурдюка, валявшегося тут же. Но алдар, увидев перед собой вооруженного человека, не испугался и схватился за кобуру.

— Руки, алдар! Не успеешь вытащить пистолет, как мозги твои смешаются с дорожной пылью! — я положил палец на курок.

Алдар нехотя поднял руки, бешено кося глазом. Я вынул его пистолет, отвязал кинжал.

— Вот так-то лучше, алдар, а то ты бесноватый, какой-то!

Я присел возле ружей, не спуская прицела с алдара, и спросил:

— Теперь скажите, чья это скотина?

— Ал... алдара... Подать, — заикаясь, проговорил один из спутников.

— А кто твой алдар?

— Елов... Дзанхот...

— Дзанхот? — удивился я. — Но ведь здешние аулы ему не подвластны, почему же он собирает с них подати?

— В прошлом году алдар купил ущелье у Эристава Ксанского... Но кто ты? Что тебе надо от нас? — спросил алдар.

— Купил, говоришь? А ты кем приходишься алдару?

— Я его сын! — гордо выпятил он грудь. — Младший сын Карадзау.

Кровь ударила мне в голову. Старая обида саданула в сердце. Я вскочил и вплотную подошел к нему. Ну да, так и есть, это действительно последний ублюдок Дзанхота. «Мой младший шурин», — с горечью подумал я.

Сразу встало перед глазами, как однажды перед народом он заставил меня снять с себя черкеску, подаренную мне Агундой, как за пиршественным столом торговал мною, как скотиной. Нет, не забыл я оскорбления, нанесенного чуть ли не двадцать лет назад. Да еще тот окровавленный бедняк на дороге... Гнев захлестнул меня.

— Сейчас же сними одежду! — приказал я алдару.

— Зачем? Кто ты?

— Скоро узнаешь. А пока раздевайся, иначе твой труп достанется вонючим шакалам!

Понял алдар, что мне не до шуток, и поспешно сбросил с плеч бешмет.

— Все снимай! Раздевайся догола!

— В чем я виноват перед тобой! Прости! — дрожал он, как осиновый лист:

— Раздевайся, говорю, иначе застрелю!

— Сейчас, сейчас, не убивай меня, — лепетал на смерть перепуганный сын Дзанхота.

Он скинул и белье, остался в чем мать родила.

— А сейчас ложись лицом вниз на дорогу!

Его глаза с мольбой смотрели на меня!

— Ложись, говорю!..

— Не убивай, все отдам тебе, только пощади...

Но я его уже не слушал. Заставил его лечь поперек дороги, не спуская с него ружья, отломил гибкий прут орешника и бог тому свидетель — исполосовал я его до крови. Отомстил и за себя, и за бедняка-крестьянина, и за всех тех, кого обездолила семья Елоевых.

— А вы проваливайте прочь пешком, — сказал я слугам алдара, убедившись, что Карадзау уже не шевелится, — и если еще покажетесь в этих краях, то вас постигнет такая же участь.

Ошалевшая от страха челядь вмиг исчезла. Я погнал впереди себя скотину, отобранную алдаром у крестьян, и раздал ее владельцам. Затем прищепил коня и поскакал к Дзанхоту. Солнце скрылось за вершинами гор, когда я бесшумно ступил во двор алдара... Уже не было каменного забора, который так любовно складывал Ацамаз. На его месте стояла железная ограда, вдвое вырос и княжеский дом, поприбавилось прислуги.

Я взглянул на окую комнаты, некогда принадлежавшей Агунде. Мне показалось, что вот сейчас оно отворится, и с улыбкой выглянет она и, как когда-то, позовет меня в дом.

«Но Агунды — увы! — уже нет. А, впрочем, зачем явился сюда я? Как зачем?! Мстить! Но кому и за что мстить? Я сам виновен перед ними, — похитил их дочь, и она погибла. Они наказали меня, но и я причинил им довольно горя... Все — мы квиты! И это было так давно. Пусть на этом все кончится...

Но что это я? В этом доме растерзали сердце мне и Агунде. И никто иной, как Дзанхот, виноват в том, что так быстро закатилась наша любовь. Да, Дзанхот и его

жадность, его несметное богатство. Как знать, не смотри он с высоты своего богатства на нашу любовь, может быть, не обошелся бы так жестоко со мной и с дочерью. И пусть на себе ощутит Дзанхот все ужасы бедности! Быть может, тогда он поймет боль и тяготы голодного человека».

И я решил...

Я, видимо, долго стоял у ворот, потому что ко мне подошел слуга и подозрительно осведомился, чего мне здесь надо. Я объяснил, что очень хочу видеть алдара и, если можно, пусть его светлость меня примет.

— Алдар никого не принимает, всеми делами управляет его младший сын Карадзау. Его сейчас нет дома, — ответил слуга. И сколько я его не убеждал, что мне нужен не Карадзау, а Дзанхот, — все было впустую. Я даже пошел на хитрость, сказал, что послан самим Карадзау по очень важному делу. «Скажи мне и я передам алдару», — отвечал он. «Об этом деле никому не велено говорить, кроме Дзанхота, по твоей вине может сорваться крупный барыш, и хозяин тебя повесит за язык на балке своего дома». Слуга понемногу стал уступать, но тут в ворота прошмыгнул один из спутников Карадзау, весь в пыли, и сразу направился в княжеские покои.

Я не ожидал, что слуги пешком так быстро доберутся до места, но, увидев за воротами взмыленную лошадь, понял, что гонец отнял коня у крестьянина и примчался, чтобы поднять тревогу.

Пришлось отступить. Свое намерение повидать Дзанхота решил отложить до более благоприятного момента.

Минуло несколько дней. Темной ненастной ночью я пробрался во двор Дзанхота. Поискал глазами окна алдаровой спальни. Дождался, когда дворовые люди заснут крепким сном, и приставил лестницу к окну. Створки окна были слегка приоткрыты — алдар не выносил духоты. Неслышно проник я в комнату. У постели алдара тускло светилась лампа. Крадучись, пересек спальню, накинул на дверь изнутри засов и прибавил света в лампе.

Раскинувшись во сне, как ребенок, безмятежно спал Дзанхот. Он здорово постарел. Лицо все в глубоких складках, ночной колпак натянут на безволосую голову, нижняя губа отвисла и дрожит от громкого храпа.

Я присел возле кровати. Кресло скрипнуло подо мной. Дзанхот повернулся на бок, глаза его чуть приоткрылись, в них проник яркий свет лампы, он зажмурился и сел в кровати.

— Кто здесь? — вскричал он со сна.

— Это я, алдар, твой старый знакомый. Проснись-ка, дело у меня к тебе есть, — склонился я над ним.

— Ты кто такой?

— Лежи, лежи, слышал я, хвораешь ты...

— Кто ты, тебя спрашиваю?! — тусклые глаза алдара забегали, как мыши в ловушке. — Что ты делаешь в такой час в моей спальне?

— Не кричи, алдар, еще одно громкое слово, и ты утром не встанешь с постели, — ткнул я в него пистолетом. — Ложись обратно и спокойно поговорим.

— Кто впустил тебя в мою комнату?

— Никто не впускал. Я влез в окно. И тем же путем покину твой дом без лишнего шума, если не наделаешь глупостей...

— Да кто же ты, черт бы тебя побрал?! — алдар откинулся на подушки.

— Дзанг я, твой бывший батрак...

— Дзанг?! — лицо Дзанхота перекосилось. — Врешь, мой батрак мертв...

— Да, ты задушил меня однажды в своем гнилом подвале, потом слуга твой похоронил меня в лесу. С той поры прошло почти двадцать лет. И вот сейчас я вышел из могилы, вернулся с того света, чтобы отомстить тебе за причиненное мне горе!

— О, боже, в чем я провинился перед тобой? — воздел руки к небу старый алдар. — Господи, прими меня под свою защиту!

— Прощения не будет, алдар! За зло платят злом...

— Чего хочешь от меня?.. Кто ты, смерть или душа моего батрака?!

— И то и другое, Дзанхот. Но прежде, чем пробьет час расплаты, ты должен ответить мне на вопрос. Зачем ты убил дочь свою Агунду?

— Я не убивал ее, бог тому свидетель... Она сама бросилась в пропасть...

— А что было тому причиной?

— Она влюбилась в моего батрака!..

— И ты за это решил ее задушить?

— Нет, нет, заблуждаешься!

— Посмотри на свои руки... они в крови... в крови твоей единственной дочери! Много на твоей совести жертв. И расплачиваться за свои грехи ты будешь не на том свете, а на этом, при жизни!

— Никому я ничего не должен, даже дочери моей Агунде. Не было у меня дочери, а если бы и была, то никогда не совершила бы такого бесчестия!

— Допустим, воскресла из мертвых твоя дочь. Согласился бы ты теперь отдать ее за твоего батрака Дзанга?

— Ни за что в жизни!

— Ну, а если бы ты сам превратился в бедняка, такого, как Дзанг? Что бы ты сказал ему тогда?

— Ты смеешься надо мной, призрак! Чтобы я опустился до каких-то голодранцев? Нет, этому не бывать никогда!

— Так будет, Дзанхот! Именно потому я пришел к тебе. Ты не должен погибнуть от ножа — ты сдохнешь от голода. Все твое богатство, все имущество до последнего захудалого козленка я развею по ветру, предам огню, раздам тем, чьей кровью ты питался всю свою поганую жизнь!

Алдар словно помешался:

— Да, скажи, наконец, кто ты, плоть или призрак?!

— Кассай — призрак Дзанга. Пришел, чтобы мстить тебе и тебе подобным. И когда все твое богатство и дом запылают в огне, знай: это сделал Кассай!

Дзанхот заметался в постели. По остекленевшим его глазам, по перекошенному от страха лицу я понял, что он поверил в возвращение Дзанга из страны мертвых, и поспешил добавить:

— Алдар, я вернулся не с того света. Оттуда никто не возвращается. Бойся мести живых! Это почувствовал на себе твой сын Карадзау... Так вот, алдар, батрак тоже умеет бить по губам...

Стой ночи мысли мои были заняты только тем, как бы поскорее разорить алчного алдара. Еще с той поры, когда я жил в пещере, водил дружбу со многими абреками. Одни из них не смогли простить алдарам рукоприкладства, пролили их кровь и бежали в горы, другие вынуждены были покинуть родные дома из-за притеснений царских чиновников... Я связался с наиболее от-

чаянными из них — и стада Дзанхота начали таять, как снег на солнцепеке. Затем сухим листом запылал его дом — все добро сгорело, сам едва жив остался. Табуны лошадей, стада быков и коров, отары овец — все развеялось, как дым. Дела его сыновей-торговцев тоже пошли из рук вон плохо, и лавки их были проданы с молотка.

Несчастья, одно за другим валившиеся на Елоева, не могли не радовать тех богачей, которые давно завидовали ему. Встречаясь с ним, они выражали сочувствие, а за глаза потешались над некогда могущественным алдаром. Дзанхот был вынужден продать свои земли и остался на старости лет ни с чем.

Двор опустел, челядь разбежалась. Сыновья отделились от отца: разорившийся, он им не был нужен.

И вот тогда-то я навестил его снова. На этот раз не понадобилось хорониться людей, лезть в окно. Просто как-то раз под вечер я перемахнул через его забор на своем скакуне — он тоже когда-то принадлежал алдару — и внезапно вырос перед Дзанхотом. Спешился. Елов сидел перед сарайчиком, ставшим его жильем, и печально перебирал четки.

Я поздоровался с ним. Он даже не взглянул на меня.

— Ну, как живешь, знаменитый алдар Елов? — спрашиваю.

— Какой с меня теперь алдар, или ты издеваться надо мной вздумал? — пробормотал дряхлый Дзанхот, как будто пережевывал собственный язык.

— Я не издеваюсь, алдар, нет...

— Наказан я, покарал меня бог. Будь проклят он за то, что испослал такие страдания на мою голову...

— Не страдания, алдар, а кару за несчастья народа. Видишь, и ты теперь бедняк... Ну и как, легко голодать и мерзнуть? Или голод еще не сдавил тебе горла?

— А-а-а, мой губитель! Ты опять явился из страны мертвых? Чего тебе еще надо?

— Я пришел спросить тебя, до конца ли ты понял страдания бедного человека? Не сожалеешь ли о прожитой жизни?

— О-о, еще как сожалею! Сожалею, что не пролил реки крови, не потопил в слезах всех голодранцев, пока была со мной моя сила!.. Почему не загрыз их всех своими зубами, не перевешал на каждом дереве моего леса!

Да, сожалею, что остался на земле хоть один из этих нищих...

— Эх, жалкий алдар Дзанхот! А я-то думал, что, хлебнув горя, ты почувствуешь, сколько подлости совершил за свою жизнь. Но ты вскормлен в других яслях, иным было твое пастбище. Нет у тебя с нами ничего общего... С корнем вас нужно вырывать, выжигать, как терновник. Стоило только прикоснуться к твоему добру человеку оттуда, из черни, как ты забыл все, вырвал из сердца любимое дитя и толкнул его в пропасть. Твоя дочь плоть от плоти твоей, стала твоим злейшим врагом. Даже дикие звери так не поступают. Не-ет, вы хуже волков! А еще называете себя благородными! Ха-ха-ха! Счастливо оставаться, убогий алдар! Знай, это я, твой батрак Дзанг... Я уйду мстить. За себя я отомстил сполна, а сейчас должен свести счеты за других, таких же обездоленных... Прощай, алдар, встретимся на том свете!

Прокричал я последние слова, уже сидя в седле. Пришпорил скакуна и умчался. Что с ним стало потом — не знаю. Я ушел с абреками, скрывался в лесу. Нас было пятеро. Мы шли по пути мщения: убивали алдаров-мироедов, обидчиков крестьян, истребляли господ, которые унижали честь трудового человека. Мы наводили ужас на наших врагов. Мстили не только алдарам. Убивали приставов, стражников, казаков, которые, подобно охотничьим псам, выслеживали нас. Не переводились пули в наших ружьях, не подводил глаз. Все награбленное мы раздавали беднякам, опекали нищих, сирот и вдов.

А как за нами охотились! Если бы ты знал, сынок, как много денег сулили тому, кто выдаст властям наши головы. Но мы обходили ловушки и западни, не давались в руки врагу. Народ, бедные крестьяне, ремесленники, батраки помогали нам. В каждом ауле ждали нас друзья.

Но однажды предатель выдал нас. Дом, где мы укрылись, ночью окружили казаки. Завязалась перестрелка. Многих мы перебили. Но и нам досталось. Я чудом ушел, раненный. С огромным трудом добрался до леса. Но там я не мог оставаться на зиму и поздней осенью перешел через горы. Нашел новых друзей, но казаки снова напали на наш след. Им удалось схватить меня, истекающего кровью от ран. Мою личность они не смогли установить. Судили — и сослали в Сибирь на десять лет. Не выдержал ссылки, сбежал. Опять схватили. Де-

вять раз бежал я отсюда. Нет в Сибири уголка, где бы я не побывал. Огромная страна — Сибирь, нет ей конца-краю... Скольких людей я здесь повстречал — и хороших и плохих! Чего только не испытал — одни только мельничные жернова не крутились на моей голове..

Вот так-то, мой мадъчик. Хотя и трудная выпала мне доля, но я так скажу: жизнь дорога. Видишь, где я теперь живу? Два года назад очутился в Березовой Роще. До этого жил в другой деревне. Там было место моей ссылки. А потом получил я волю. Однажды, охотясь, забрел в эти места. Они напомнили мне пещеру, где прошли самые счастливые дни моей жизни. И я решил обосноваться здесь, жить один, вдали от людей, наедине со своими тяжелыми мыслями. Никто мне не мешает, никому я не мешаю... Привык к одиночеству... Так и коротаю свои дни. Иной раз приходит мысль податься на родину. Но тут же спрашиваю себя: зачем? Ведь у меня там ни кола, ни двора. Скитаться? Годы не те. У дочери? Да, она приютит меня, не даст на старости лет бродить по свету, а умру — предаст земле... Но знаю я, помнят еще в Ирыстоне имя Кассая алдары и приставы, боюсь втянуть в беду и дочь, и зятя. Впрочем, Дзанг для них давно умер, они уже оплакали его. Кому нужно откапывать его заново, чтобы потом снова похоронить? Хотя здесь жизнь моя и тяжела, но все же есть у меня дом, вода, вдоволь зверья, никого не боюсь, никому не в тягость. А в родных горах? Нет, там для меня жизнь ужасней, чем в Сибири. Здесь ничего меня не заботит, жизнь уже прожита, за все обиды я отомстил... Одна мечта — хоть раз увидеть единственную дочь... Может, есть у нее и дети, жаль помереть, ни разу не повидав их...

Старик замолк. Потом добавил:

— Вот тебе и весь сказ. А теперь, сынок, скажи, как моя дочь поживает? Когда на том свете спросит меня о ней ее мать, что сказать ей?

Слушал Ахсартаг и казалось ему, что Дзанг говорит о далекой и безвозвратно ушедшей поре его детства. Вот ребяташки оседлали ореховые прутики, играют в отважного абрека Кассая. В народе считали, что Кассая уже нет в живых, но память о его справедливости, добре и мужестве волновала молодежь. О нем складывали песни и легенды, их передавали из уст в уста. О Кассее ходили

самые фантастические слухи. Говорили, что его не берет ни нож, ни пуля, что он быстрее ветра, тверже камня и мягче воска.

И вот теперь он сидит перед ним, овеянный славой Кассай. Неужели этот седобородый старик и есть тот самый непобедимый абрек? Правда, глаза у него необычайно живые и цепкие. Судьба гонимого, суровая сибирская природа состарили его. Но где-то далеко, за тридевять земель, на его родине живет в сердце народа славное имя Кассая.

До сознания Ахсартага дошло, что Дзанг спрашивает его о Зарине. Но что сказать ему? Недолго осталось жить старцу, не оборвать же одним словом еле теплящуюся в нем жизнь?

— Что же ты молчишь, мальчик, или несчастье какое случилось? — заволновался Дзанг.

— Нет; нет, отец, Зарина жива-здорова, — наконец выдал он лживые слова. — Я просто не могу прийти в себя после твоего рассказа...

— О, да воздаст тебе господь за добрую весть, — Дзанг облегченно вздохнул. — Рассказывай поподробнее, как она, как Хасана? Ну, говори, не томи меня!

— Зарина хорошо живет, все ее любят... Особенно Хасана... Очень дружны они. Дети появились у них поздно, зато чудесный мальчик родился у них — осторожно подбирал слова Ахсартаг. Для Дзанга эти слова были эликсиром жизни, а в сердце его внучатого племянника — отдавались болью.

Старик ожил, заулыбался. Он все расспрашивал о дочери, ее жите-бытье, засыпая Ахсартага вопросами.

Рассвело. На дворе утихла пурга. Сумрак хромой уткой выползал из углов. Где-то, не переставая, жалобно кричала озябшая птица.

VI

Ложь, которую Ахсартаг вынужден был сказать старику, тяжелым грузом лежала на его сердце. Он избегал встречаться глазами с Дзангом, опасаясь, что тот прочтает в них правду.

Но однажды хозяин все же спросил гостя:

— Ахсартаг, душа моя, в этой проклятой Сибири нас только двое, говорящих на осетинском языке, да к

тому же мы родственники... Гляжу я на тебя, вроде что-то скрываешь ты от меня...

Ахсартаг вздрогнул. Неужели старик узнал его тайну? Он хотел пасть перед Дзангом на колени и просить прощения, но подавил в себе это желание и глухо обормотил:

— Сбегу...

Старик откинулся на подушку, уставился в потолок, помолчал, пожевал сухими губами и, наконец, проговорил:

— Твердо решил?

— Да, отец.

— Я тоже девять раз пытался... Ни разу не удалось... с полдороги возвращали...

— Пусть ловят, ставят перед дулом, пусть режут на мелкие куски, жгут в огне — все равно убегу!

— Не выдержишь, боюсь. Отсюда убежать нелегко... Тысячи верст непроходимых лесов и болот... Повсюду царские ищейки... Нет документов... без них и шагу ступить нельзя... Меня дважды высаживали из поезда...

— Не сяду я в поезд, пешком буду добираться.

— Дай бог тебе силы, Ахсартаг, но пешком до дому не доберешься. Нет, сынок, нет! Коли решил, так надо все как следует обмозговать, — Дзанг ненадолго задумался. — Но если даже и удастся сбежать, ты и на Кавказе не будешь в безопасности.

— Уйду в абреки, буду мстить обидчикам, как знаменитый Кассай!

— У абрека есть только две дороги: пуля стражника или кандалы и снова Сибирь.

— Если отомщу, не стану дорожить жизнью...

— Слишком много тех, кому надо мстить. В твоих руках не пайдется столько сил.

— Найдется...

— Слушай-ка, парень. Когда-то и я так думал. Сведу счеты, думал, с обидчиками, злость уляжется. И что же? Расправился с Дзанхотом Елоевым, разорил его, но алдаровы земли достались не беднякам, а другим алдарам. А бедняка отрешили от одного рабского ярма и впрягли в другое...

— Зато улеглась твоя злость...

— ...Ну вот, — продолжал, пропустив мимо ушей слова Ахсартага, Дзанг, — избавился ты от своего вра-

га, сказал я себе, а дальше что? А дальше появился новый враг — пристав. Он направил по моим следам стражников. Он жаждал моей крови — я пролил его кровь. Но на его месте вскоре оказался другой чиновник подлее и омерзительнеее прежнего. И его отправил к праотцам. И чем больше врагов убивал, тем больше их становилось... Жажда мщения все росла и все труднее стало ее удовлетворять... И вот, наконец, я попал в их руки... Хвала гссподу, не дознались, кто я такой, не то бы болтался я на виселице... Нет, сынок, нет, нельзя уже так бороться с врагами. Ушли в прошлое времена абреков. Сейчас нужно искать другие средства, чтобы сводить счета с врагами трудового народа...

— Не все мне ясно в твоих речах, Дзанг, изложи свою мысль яснее, — Ахсартага взволновали слова старика.

— Эх, мне и самому не все понятно. Ум мой короткий, язык беден, но за двадцать лет здесь, в Сибири, многих повстречал я людей... Царь ссылает сюда людей с большим умом, которых боится. Со многими из них я разговаривал. Много чего узнал... Узнал, например, что если бедняк убьет своего притеснителя, то не облегчит своего положения, лишь усугубит его. Корень всех зол — царь, его нужно скинуть прежде всего, а потом уж и таких, как он... А для этого бедняки должны подняться все вместе, рука об руку — тогда их ничто не одолеет! Эх, мне бы твои годы... Но, увы, дни мои сочтены... Да-а, много чудес услышал я от бунтовщиков. Не все, эх, не все я понял... Постиг лишь одно: за свободу нужно бороться сообща с оружием в руках.

Дзанг помолчал, беззвучно пожевал губами, потом продолжал:

— Так вот, мой мальчик, абреки становятся на путь борьбы только для того, чтобы отомстить за свою обиду. Они сводят свои счета, а потом их хватают. Нужно сделать так, чтобы человек уничтожил своих врагов и изменил самую жизнь, не оставил в ней места для появления новых врагов. А чтобы отомстить за обиду всего трудового народа, нужен вожак. И крепко верю я, что явится такой человек, он встанет во главе обездоленных и поведет их в жестокий бой против тиранов и душителей свободы! Верь в это, сынок, как верю я, и это даст тебе необыкновенную силу, которую никто не сможет сло-

мить... Эта правда далась мне ценой всей жизни. Лишь на старости лет, здесь, в холодной Сибири, нашел я ее, но — увы! — слишком поздно... И тебе, твоим ровесникам, предстоит приблизить это славное будущее!..

Странное чувство охватило Ахсартага. Ему показалось, что Дзанг и Василий договорились, так одинаково они рассуждали о царѣ. И пусть один из них говорил по-русски, а другой — по-осетински, все равно они говорили об одном и том же.

И привиделось Ахсартагу, что по снежной степи скачет на белом коне добрый молодец, тот самый вожак, о котором сейчас так страстно говорил старик. Всадник все ближе и ближе, вот он размахивает мечом, призывая народ подняться на жестокий, но праведный бой. Уже можно разобрать черты его лица... Да, это он, Кассай!

Через неделю Ахсартаг возвратился в Березовую Рощу.

ГЛАВА ПЯТАЯ

I

Способный к учению Ахсартаг прикладывал все старания, чтобы поскорее выучиться свободно читать. Василий не мог нарадоваться, глядя на своего ученика.

Горец с головой ушел в занятия. У него уже не было времени предаваться грусти, тягостным размышлениям. Василий не уставал беседовать с ним, видя, что доброе семя просвещения падает на благодатную почву.

В одну из таких бесед Ахсартаг рассказал о Дзанге, о его горькой судьбе, жизни в Сибири. Василий насторожился.

— Погоди-ка, парень, не о Казбиче ли говоришь?

— Да нет, какой еще Казбич! Дзангом зовут его. И еще Кассаем. Знаменитый абрек! Он наводил на князей, помещиков и приставов смертельный ужас. Народ славил его в песнях и легендах.

— Да, это Казбич. Кличка у него такая. Многим революционерам он помог бежать отсюда. Он наш человек. Мне рассказывал о нем еще в Петербурге один из спасенных им социал-демократов... Мне немедленно нужно свидеться с ним!

«Помог многим бежать!» — сердце Ахсартага отчаянно заколотилось. «Почему, почему он мне не обещал помочь? Ведь я родня ему?»

II

Однажды перед их избой остановилась повозка. Возница пошел в лавку, а седок заглянул к ним передохнуть и отогреться. Василий знал его и представил Ахсартагу как ссыльного политического. Лицо гостя было покрыто землистой бледностью, только на скулах горели пунцовые пятна. Глаза запали, светились тусклым огнем. Сухие тонкие губы ввалились в беззубый рот. Голова на тонкой шее, обмотанной рваным шарфом, болталась из стороны в сторону, голос тихий, немощный. Переступив порог, он закашлялся, зашелся до посинения, сплюнул в платок.

— Нынче сравнялось пятнадцать лет, как я в Сибири, — отдышавшись, заговорил он. — Вышел мой срок... Вольный я теперь, да хвороба настигла у самого порога, не отпускает... Угораздило же меня простыть на охоте, да и как не простынешь в тряпье таком... Застудил легкие, кровью харкаю... Тьфу, напасть какая! И зачем понадобилось везти меня в больницу, не все ли едино, где помирать? — он снова закашлялся, да так, что на глазах выступили слезы. — Семейку бы повидать... Аленушка, чай, уже заневестилась... Пяток годочков ей было, когда меня взяли... Жена тоже хвораю...

От жалости к этому несчастному больному человеку сжалось сердце Ахсартага. Пятнадцать лет! Вот так же и он, быть может, свалится завтра и угаснет один, без присмотра... И в Тедотикау придет черная весть... Гыщии забьется в крике, будет рвать на себе седые волосы, окаменеет от горя отец, оденется в траурные одежды Налкута...

— Ахсартаг, сынок, угости-ка товарища горячим чайком, — оторвал его от горестных видений голос Василия.

Юноша вскочил, подал стакан чаю гостю, опустил в него маленький кусочек сахара. Больной, обжигаясь, едва успел проглотить чаю, как возвратился возница. Нос его покраснел, видать, хватил крепкого.

— Нам пора, — обратился он к своему подопечному, — полезай в сани... Зачем только возют вас, нежитей, к лекарям-то... Все едино, где помирать, — бормотал он, выбираясь на облучок. — Н-но, родимая!

Василий шел рядом с саними и все укутывал потеплее товарища. Больной смотрел на него так, словно прощался навеки.

— Может, больше не свидимся... Когда победит наше дело, вспомните и о нас... Прощайте!

— Счастливого пути, товарищ!

Возница огрел лошадь кнутом, и сани покатили по мерзлomu насту. Ахсартаг подумал, что где-то далеко ждет отца Аленушка, а больная жена вспоминает мимолетные дни их беззаботной юности...

III

Зимние дни однообразно, тоскливо тянутся, а до весны еще далеко!.. Изредка деревенские девушки собираются на посиделки то в одном доме, то в другом. Хохо-чут, балагурят, не выпуская из рук рукоделия: кто расшивает петухами на пальцах скатерти и полотенца, кто шьет из беличьих шкурок шубы да шапки, кто вяжет из кроличьего пуха кофты. И вдруг замрут шутки и девичий смех, обведет подруг нежданно-негаданно затуманившимся взором самая бойкая да озорная из девчат, склонит голову на плечо — и полетится на низкой грудной ноте песня, подхваченная ладными голосами, о несладкой женской доле, полетится над сибирскими просторами...

В этот раз девушки собрались у соседей. Ахсартаг напряженно прислушивался к печальной мелодии, и вдруг до его слуха донесся истошный женский крик, шавший на помощь:

— Ратуйте, люди добрые, убивают!

С непокрытой головой выскочил Ахсартаг за дверь. Недалеко от их дома жена лавочника Марфа, опрокинув кого-то в сугроб, тузит ее кулачищами. Кое-кто из сельчан тоже вышел на крик, но ни один из них не думает вступиться за женщину.

«Так и убить недолго», — подумал Ахсартаг и поешил на помощь.

— У-у, шлюха, мужика моего захотела? Вот тебе

один мужик, вот другой, вот третий! — приговаривала разъярившаяся баба, вминая жертву в снег ударами рук и ног.

— Остановись, женщина! Что она тебе сделала плохого! — тяжело дыша, Ахсартаг встал перед Марфой, схватив ее за руки.

— Прочь, безбожник, басурманин! Не суйся, дай мне рассчитаться с этой падлой! — не успокаивалась баба.

— Не бери греха на душу! — юноша с силой оттолкнул ее, и Марфа плюхнулась в снег. Тотчас же вскочила и бодливой коровой вновь ринулась на женщину, но тут на пороге показался сам лавочник Гаврила Ипполитович и схватил жену за подол..

— Хватит драть глотку, тамбовская ворона, марш домой! — он поволок ее на крыльцо. Но сильная баба вырвалась и стала колотить мужа, вымещая всю злость на нем.

— У-у, старый греховодник, козел вонючий! Таскаешь ко мне шлюх каторжных, а я еще тебе ворона?! — Марфа тумакami погнала впереди себя мужа.

Ахсартаг помог подняться несчастной женщине и повел незнакомку к себе домой. Женщина, вся избитая; замерзшая, долго не могла прийти в себя. Стуча зубами, она молила:

— Не выгоняйте, смилостивьтесь... Не прогоняйте...

— Садитесь поближе к огню! Не бойтесь... Поживее. Ахсартаг, согрей чаю, — распорядился Василий, подкладывая в печь поленьев.

Ахсартаг налил доверху кружку и подал ее женщине с краюхой черствого хлеба. Она с трудом грызла корку, запивая обжигающим напитком.

Незнакомка мало-помалу пришла в себя, покраснелась, успокоилась.

— За что же это она с тобой так, а? — спросил Василий.

— Старая корова, боится, что муж сбежит... Плевала я на них обоих! Голодна была я, вот и пришла к лавочнику, думала, накормит... А эта бешеная испугалась за мужа своего... Да на кой он сдался мне, эта старая образина! Сам лезет... Э-э, да что поделаешь? Кушать надо, одеваться надо... Измучилась я, чуть не померла... Появился Гаврила Ипполитович... накормил... С тех пор лезет... когда напьется... Вытерпеть бы один год, выйдет

срок... и воля! Если не убьет меня кто, иль от голода не помру...

— Вы тоже ссыльная? — изумился Ахсартаг.

— А то как же!

— Странно, — женщина и ссылка... А на вас-то за что взъелся царь?

— Убийца я...

— Вы? Убийца? Кого же вы...

— Негодяя одного...

— Вот это да! За что?

— Подло обманул, вывозил в грязи девичью честь... Не простила я ему унижения.

— Давно это было?

— Девять лет минуло.

— И не пришло раскаяние?

— Нет! Если бы он воскрес, убила бы его снова!..

— Велик же был ваш гнев...

Женщина пристально поглядела в глаза мужчин, уловила в них напряженное внимание. Тряхнула головой, словно принимая решение, и начала:

— Его звали Федором... Крепко любили мы друг друга... Дождаться не могли свадьбы... Но вот сыграли ее, гости разошлись поздно. Мы с Федором остались вдвоем. Легла я, жду, вот сейчас он подойдет, мы ведь так ждали этого часа... Но что же он медлит? Сидит у стола, подперев голову, мрачный. Вдруг в дверь постучали. Он встал, выглянул, тотчас же вернулся.

— Прости, Наталка, барин зачем-то кличет. Я мигом ворочусь. Спи куда... — он прикрутил лампу и ушел.

Обидно мне стало, да что поделаешь, против барина не пойдешь. Лежу, жду Федора. Боюсь дверь запереть, а ну как засну и не услышу как придет мой ненаглядный?

Усталость сморила меня, не заметила, как заснула. Сквозь сон слышу: скрипнула дверь. Это он, мой Феденька, думаю. Раскрыла ему объятия:

— Свет мой ясный, заждалась я тебя...

В полной темноте он прильнул ко мне, обжег поцелуями. Ну, и я не стала таить моей любви, отдала ему всю себя, до последнего вздоха.

Проснулась я — рядом никого. За окном брезжил рассвет. Тихонько скрипнула дверь, в нее бочком протиснулся муж и на цыпочках подошел к постели. Но,

что это с ним? Неужто дьян? Вихры торчком, взгляд блуждающий, походка неуверенная... Когда успел? Я привстала в постели:

— Что это с тобой, милый?

— Ничего... — он отвел от меня глаза и принялся раздеваться.

— Куда ты ходил ночью? Что понадобилось барину? Почему так долго не возвращался? — засыпала его вопросами.

— Кони остались в поле...

— Кони! Неужто некого было послать другого?

— Никто не решился идти...

— Ну, и нашел ты их?

— Ага... Всю ночь протаскался, насилиу разыскал...

— Всю ночь? Как ты сказал, всю ночь? — остановилось сердце.

— Ну да...

— И ты не заходил домой?

— Только сейчас с поля, не видишь, что ли?

«Кто же был со мной ночью?» — страшное подозрение обожгло меня.

— Кто знал, что ты идешь в поле? — я уставилась на него немигающим взглядом, и он не выдержал, опустил глаза.

— Барин да конюх Кузьма...

— Кто еще?

— Хозяйский сын... выдавил он из себя.

«Так вот кто это был! Вот кто отнял мою девичью честь», — пронзила мысль. Слова застряли в горле. «Нарочно услали Федю, гады, подстроили, чтобы опозорить меня! Как я скажу об этом ему, не снесет парень унижения, прольется кровь... А может скрыть, оставить яд в глубине сердца, терзаться всю жизнь? Сгореть от стыда перед мужем?»

Не сказала ему правды.

От страха, от стыда пылало лицо. Я съежилась в постели, уткнулась в подушку... Вот сейчас муж догадается обо всем, убьет молодого хозяина, а потом и меня.

Но — странное дело — Федор удивительно спокоен. Это еще больше встревожило меня. И я не выдержала. Вскочила с постели, бросилась к нему.

Он встал, покачнулся, схватился за край стола. Де-

ланная улыбка раздвинула его губы. Я заглянула ему в глаза.

— Почему ты оставил меня одну, почему?! — от моего крика задрожали стены нашей лачуги.

— Что с тобой, что случилось? Ведь я вернулся, — беспечно ответил он.

Это еще больше взбесило меня.

— Случилось, Феденька, случилось! Уж лучше бы ты сломал себе шею в поле!

Думаю, вот сейчас спросит, что же произошло, почему я сама не своя. Но что это? Он отвернулся к окну!

Перехватило горло, нечем стало дышать и без памяти бросилась к двери, бежала по улицам села, как безумная... Не заметила, как очутилась у реки, в том месте, где мы не раз проводили вечера с Федей... Упала ничком в кусты — и дала волю слезам.

Наревелась. Потом принялась размышлять о постигшем меня позоре. Итак, ясно, что Федора услали нарочно. Но почему он так спокоен? Если не знает, что произошло этой ночью, то почему не удержал меня, не спросил, отчего я такая? А если ему все известно? Почему он не ворвется к барчуку, чтобы наказать обидчика?

Зашуршали листья под чьими-то ногами, кусты раздвинулись. Нет, это не он...

— Вот ты где прячешься! Насилу разыскала, — обрадованно заговорила подружка Маша. Присела рядом, обняла меня.

— Чем это ты не угодила суженому-то? В такую ночь пил, ирод, до зари с Кузьмой-пьяницей, баринным кучером.

— Пил? Чего городишь-то, Машка? Федя мой полночи коней в степи искал!

— Ха! Лошадок еще с вечера Кузьма в конюшне запер...

— Брешешь! — я почувствовала, как волосы встали дыбом на голове.

— Вот те святой крест, сама видела! Даже поразились: такая ночь, а он водку хлещет...

Земля ходуном пошла под ногами. Федор и впрямь был сильно пьян. Выходит, подруга не врёт? Значит, он знал, что чужой мужик развлекается в его постели? Но зачем он напивался?

Раздираемая мыслями, одна страшнее другой, доплелась я до дому и без чувств рухнула на кровать.

Под вечер пришел Федор. Опять пьяный. Сел у стола, слова не молвит.

— Где ты был вчера ночью? — стиснув зубы, спросила я.

— Я... я сказал... конец... шукал... — заплетающимся языком пробормотал он.

— Врешь! В поле тебя не было. Всю ночь хлестал водку с Кузьмой!

— Да... потом... вернулся с поля... пропустили по чарке...

— Ты не был в поле. Лошадей пригнали с вечера... Он уронил голову на грудь.

— Что же ты молчишь?

Федор молчал.

— Может, не знаешь, что произошло здесь, в твоей постели, пока ты пьянствовал?

Парень словно воды в рот набрал.

— Тебя спрашиваю, скотина! Оглох, что ли?

— Наталка! Прости, прости, если можешь, бес попутал...

— Так ты, выходит, знал?

— Знал...

— Знал и стерпел?! Пил водку, когда он...

— Да с горя я пил... Наташа... Прости... Люблю тебя... То, что случилось... между нами останется... Клянусь тебе, никогда не попрекну, ни единым словом...

Этого еще не доставало! Злость меня охватила.

— Наталка, пойми... не мог я отказаться.. Хозяинский сын денег дал... много денег... Тяжко мне было согласиться... но не смог... Куплю лошадь, повозку... Давно мечтал... Заживем без печали, Наталка... Погляди-ка, сколько денег... Бог их нам послал... Даром, совсем даром... Что было, то было... забудь... я тебя люблю... всю жизнь буду любить... — жарко шептал он, протягивая ко мне руки с зажатými в них деньгами.

Мерзко мне стало. Как ненавидела я его в эту минуту!

Он все тянул ко мне руки. Ужас охватил меня. Отступила к печи. Вот он шагнул ко мне, протягивая деньги... Не помня себя, схватила кочергу и ударила его мужа по голове.

Он упал, обливаясь кровью...

Вот так и оказалась я в Сибири.

Василий и Ахсартаг, затаив дыхание, слушали горькую исповедь. Судьба женщины потрясла их. Глубокая жалость к совсем молодой женщине охватила Ахсартага. Он внимательно оглядел ее...

Суровые испытания наложили на красивое лицо свой отпечаток. Щеки ввалились, у глаз морщинки, виски посеребрила седина, кожа загрубела от сибирских морозов. Голубые глаза потускнели, вокруг них темные круги...

Ахсартаг с Василием улеглись на нарах, Наташе предоставили лучшее место — на печи.

За ночь снегу навалило чуть не по самую крышу. Утром нельзя было пробраться от порога до порога.

Наташа собралась уходить.

— Погодите, спешить вам некуда, — остановил ее Василий. — В такую погоду и замерзнуть недолго, а то и волки встретятся.

— Что ж делать, отец, один раз помирать...

— Не спеши, доченька, все там будем... Оставайся-ка пока у нас, чай, детишки дома не плачут. А там, глядишь, и ветер утихнет...

— Не хочу вас стеснять... Да и жандармы могут хватиться, решат, что сбежала.

— Ты нас не стеснишь, об этом не думай. А жандармам в такую непогоду не до тебя.

И Наташа осталась.

IV

Февраль в Сибири завернул морозами, ночью леденит и днем не отпускает. В полдень бессильно светит ослепшее от стужи солнце. Самая глухая пора зимы. Все живое затаилось — только бы перебиться, дотерпеть, не так долго до звонких полуденных капель.

Наташа уже не помышляла об уходе из гостеприимного дома Василия и Ахсартага. Да и хозяева к ней привыкли. Более того, им казалось, что без нее дом опустеет.

Однажды Василий, как обычно, отправился к сыну

лавочника на урок. Ахсартаг наколот дров и вошел в горницу с охапкой полешек. Наташа сидела у окна и любовалась собой в зеркальце. Заметив брошенный на нее взгляд парня, она смутилась и поспешно спрятала зеркало. Ахсартаг растопил печь и прилег отдохнуть на лавку. Женщина подошла к нему и, пряча глаза, присела у его ног.

— Что это с вами, Наташа? Какая-то вы сегодня чудная... — он внимательно посмотрел на нее и воскликнул: — О, боже, до чего же вы хороши!

Лицо женщины залил румянец. Голубые глаза спрятались за длинными ресницами.

— Да и платье на вас новое, — словно не замечая ее смущения, продолжал Ахсартаг. — Что все это значит?

— Сегодня день моего рождения, — с глубоким вздохом сказала она.

Ахсартаг сел на лавке.

— Правда? Поздравляю, Наташа!

— Спасибо...

— Эх, надо было сказать об этом раньше...

— А зачем?..

— Как зачем? Приготовил бы подарок, обрадовал бы вас...

— Ну вот! Потому и не сказала, что знала, будете беспокоиться... Да мне ничего и не нужно... Большое спасибо!

— Да уж, что поделаешь... Ну, ладно, пусть на этот раз будет так, а когда вырвемся отсюда...

— Эх, я уже не надеюсь... Порой мне кажется, что не доживу до этого дня...

— Что вы, Наташа, нельзя так!.. Вы-то скоро получите волю... Уедете, забудете нас...

— Уеду?.. А к кому мне ехать-то... Мать давно умерла, отца и не помню. Кому я нужна там?

— Да, это так, но как нас учит Василий, никогда не надо падать духом.

— Э-эх, парень, парень, — нараспев заговорила она. — И в чем только моя вина, что жизнь так безжалостно обошлась со мной? Почему господа богу было угодно, чтобы негодяй растоптал мою чистую любовь, мою молодую жизнь? И не стало мне легче от того, что отомстила за обиду, ох, не стало...

— Ты хоть отомстила, — незаметно для себя переходя на ты, горячо отозвался горец, — а я даже не знаю имени обидчика... Враг нанес мне удар в спину!

— О, как мерзок этот мир! Нет никакого желания жить, и ничего хорошего не жду уже от этой проклятой жизни... Чем дальше, тем хуже по лицу Наташи текли крупные слезы. — А как хотелось прожить красиво!.. Девочкой я была беспечна и весела... Мечтала о семье... все мне казалось чистым и красивым... Любили меня люди, и я к ним с открытой душой... Говорили: счастлив будет тот, кто женится на Наталке. А однажды цыганка нагадала мне: твоему счастью позавидует даже царица! И я ждала его, единственного, кого осчастливорю и кто сделает меня счастливой... И вот кого мне подарила судьба — жадного подлеца, иуду, продавшего за гроши самое дорогое, что у меня было...

С того дня поведение Натальи резко изменилось. В присутствии Ахсартага она испытывала смущение и неловкость. Затаившись в углу, она подолгу любовалась им, а встретившись с ним взглядом, застенчиво опускала глаза.

Спустя несколько дней, когда Василий снова ушел на занятия с сыном Гаврилы Ипполитовича, между молодыми людьми завязалась интимная беседа.

— Прости, Ахсартаг, мою назойливость, — робко начала Наташа. — Скажи, у тебя есть семья?

— Есть, — не понял кавказец.

По ее лицу пробежала тень. Молча поглядела в сумрачное окно, потом спросила:

— Красивая у тебя жена?

— Жена? Нет у меня пока жены... Дома — мать, отец...

Нахмуренное лицо женщины посветлело.

— И любимой девушки тоже у тебя нет? Вот уж не поверю!

— Нет, девушка есть. А почему ты спрашиваешь об этом?

— Просто так, — она безразлично пожала плечами. — Красивая она?

— Очень!

— Скучаешь?

— Скучаю — не то слово... С ума схожу, места себе не могу найти!

— И до каких пор ты будешь сохнуть по ней? Прости за резкие слова, не принимай их близко к сердцу, но не лучше ли было забыть ее?

— Забыть?! Это невозможно!

— Десять лет никакая девушка не будет ждать.

— Она будет...

— Может быть... Если любит... Хотя зачем ей превращать свою молодость в ад? Ведь девичьи годы, как цветок, недолговечны. Цветет по весне, а там засыхает... Десять лет — не десять месяцев, мой милый.

— Она не нарушит данного слова, будет ждать у отцовского очага до тех пор, пока не поседеет.

— Не поверю я в это... Ну, а если бы она и согласилась ждать так долго, ты бы разрешил ей?

Вопрос Наташи был неожиданным, как удар. Да, раньше он никогда не задумывался над этим. Действительно, не эгоистично ли он поступает, заставляя Налкуту столько лет страдать в одиночестве. Эх, если бы у них был ребенок! Но, нет, нет, Ахсартаг никогда не согласится проторчать в Сибири все десять лет! Уж лучше смерти!

— Что же ты не отвечаешь, парень!

— Сбегу я, Наташа, во что бы то ни стало, сбегу!..

— Ну, а если не удастся, что тогда?

— Тогда? — руки Ахсартага упали на колени, как крылья подстрелянной птицы.

— Когда-то и меня питали радужные надежды, крылатые мечты... Но жизнь разбила их одну за другой... Боюсь я за тебя, милый. То, что ты задумал — это мечты. А мечты — облака на небе, хочешь поймать их, но не даются в руки.

— Плохо ты меня знаешь, Наташа. Что решил — сделаю, умру, но сделаю.

— Мечты... Завидую, что веришь еще. Вот я перестала верить и жить не хочется. А ты верь, верь... Когда человек перестает верить в свою мечту, он умирает...

Из печи доносился треск сухих еловых поленьев, а Ахсартагу казалось, что это раскалываются его мечты...

Март был на исходе. Северные ветры дули по-прежнему, но уже в самом их дуновении чувствовалось приближение весны.

Однажды утром Василий закинул ружье за спину и отправился на охоту. К вечеру он не вернулся. Не было его и утром. Ахсартаг с Наташей отправились его искать, но вернулись к вечеру озябшие и взволнованные, так и не найдя следов старшего друга.

Лишь на третий день, когда они не знали, что и думать, к обеду явился Василий — целый и невредимый, с оживленным лицом.

— Три дня охотился, отец, а вернулся с пустыми руками? — поддел его Ахсартаг, чувствуя необычайную радость от возвращения Василия.

— Не до жиру, быть бы живу, — осадила его Наташа. — Слава богу, вернулся... Но, отец, когда уходят из дому на ночь, предупреждают заранее, — не удержалась она от упрека.

— Сдаюсь, сдаюсь! — шутливо поднял обе руки Василий. — Не думал я, молодые люди, что задержусь. У Казбича был. Не ошибся я, это он...

— Кто он? — не поняла Наташа.

Василий в ответ лишь улыбнулся. Но Ахсартаг догадался, кого имел в виду Василий. И горец тотчас же решил, что пойдет к нему и поговорит с ним о побеге, как мужчина с женщиной.

На следующий же день он собрался идти. Снарядился, как для охоты, захватил берданку. Во дворе столкнулся с Наташей.

— Ахсартаг, возьми меня с собой!

— Нет, не женское дело — охота.

— Прошу тебя, милый. Страсть как надоело сидеть у печи, хочу воздухом подышать... Возьми меня с собой, а?

Не выдержал Ахсартаг молящего взгляда женщины, согласился.

Никогда еще Ахсартаг не видел Наташу такой веселой и счастливой. Она то забегала вперед, то отставала. Лепила снежки и, заливаясь звонким смехом, швыряла в него. Она вела себя, как расшалившееся дитя, вырвавшееся из-под опеки нудной няньки.

Мартовское солнце слегка пригрело лес. На прогалинах чернела земля, из-под прелой хвои тянули свои бледные лепестки таежные подснежники. Ахсартаг сорвал несколько хилых цветочков и протянул их Наташе.

— Надо же, какие красивые, — словно бы изнутри засветилась она. — Знаешь, мне впервые в жизни дарят цветы... Спасибо, Ахсартаг, век буду помнить...

Солнце уже запуталось в верхушках елей, когда они добрались до жилища Дзанга. Хозяина дома не оказалось. Они растопили печь и принялись дожидаться его возвращения. Но старик все не шел. Они зажгли лучину — не сидеть же в темноте.

Перевалило за полночь. Хозяина все не было. Тогда они, не дожидаясь старика, поужинали кусками вареного мяса и черствым хлебом, — все это заботливо было оставлено на столе.

Волнение охватило Ахсартага. Не сражается ли Дзанг, как в прошлый раз, со стаей волков, но на этот раз в одиночку? Нужно идти ему на помощь. Но куда податься? В какую сторону?

Откинулся на спину, вытянулся во весь рост на лавке. Подложил руки под голову и уставился в прокопченный потолок. Наташа придвинулась со своим табуретом поближе к нему.

— О чем думаешь?

— Беспокоюсь за старика, как бы беда с ним не стряслась...

— Не тревожся за него, я его хорошо знаю, не даст он себя в обиду... Наверное, где-то у друзей коротает время...

— У друзей? А где его друзья?

— Повсюду... Во всех деревнях... Нет в округе человека, который не знал бы и не любил старика. Особенно тунгусы. Он им лучший друг. Сказывают, несколько лет назад он избавил их от бродяг-притеснителей, с той поры они смотрят на него, как на божьего посланника. Да, развеселись же ты, на тебе лица нет!

— Я же весел... — с трудом выдавил он из себя.

— Врешь... По глазам видно... Ты что-то загрустил в последнее время. Знаю я, почему... Тоскуешь по той девушке... Не так ли?

— Да, это правда.

— Вот и сегодня мысли твои были не об охоте. Даже ни разу ружья не поднял... Да и к старику ты не зря подался...

— Это тоже правда.

— Видишь, как я угадываю твои мысли? Но послушай, выкинь-ка ты это из головы.

— О чем ты, Наташа?

— Выкинь, говорю, из головы мысль о побеге.

— Выкинуть? Но почему?

— Не доберешься.

— Не все беглецы становятся в пути добычей волков — четвероногих и двуногих...

— Из сотни спасается один. Я не верю, что этим счастливец окажешься ты.

— Все может быть...

— Но если ты погибнешь, мы с ней не перенесем этого...

— С ней? С кем — с ней? — Ахсартаг от неожиданности повернулся на бок.

— О ней говорю, о Налкуте... Она, может, быть, уже нагоревалась, высохли ее слезы, и сейчас ей улыбается какой-нибудь парень... Ну, если не сейчас, то будет улыбаться... А я... Прости, Ахсартаг, — женщина упала перед ним на колени, обняла его. — Не могу скрывать более... Люблю тебя... Не знаю, как крепко тебя любит она... но я... так сильно никто тебя никогда не полюбит, — захлебываясь в словах, тяжело дыша, говорила Наталья.

— Наташа, что с тобой, успокойся, — Ахсартагу стало неловко.

Совсем близко от себя в мерцающем свете чадящей лучины он видел ее огромные голубые глаза, трепещущие яркие губы, нежный румянец щек. Она схватила его ладонь, прижала к пылающей щеке, и быстро-быстро заговорила:

— Гони меня от себя прочь, назови потаскухой... Люблю тебя, слышь, люблю очень... очень... Впервые за много лет встретила человека, который отнесся ко мне, как к человеку... Ведь все от меня хотели лишь одного... а после я была им не нужна. Ахсартаг, пойми... Мне не хотелось больше жить... в такой грязи... задыхалась в ней... Потом встретила тебя... Твоя доброта... ласка... Сила вернулась ко мне... Жить хочется

снова... Верю, что выберусь из грязи... Только ты меня поддержи, не дай вновь погрузиться в это болото... Слышь, парень, предана я тебе буду всю жизнь...

Ахсартаг, тронутый до глубины души, не находил слов, только гладил ее по голове.

— Пойми, Наташа... Ты хороший человек, и я верю тебе... Но я люблю другую, мы с ней помолвлены... Ждет она меня... Как обмануть ее? Не вынесет она горя...

— Десять лет не станет ждать... Не мечтай об этом, зря...

— Сказал же, сбегу!

— Не вырвешься из ада...

— Вырвусь!

— Ну, хорошо, сбежишь... А что потом? Где будете жить? Долго ли сможете скитаться по лесам? А пойдут дети?.. Жандармы будут вас преследовать по пятам, снова угодишь в Сибирь... Несчастной будет с тобой Налкута... Коли любишь ее так, почему не думаешь о ее будущем? А со мной... Скоро кончается срок моей ссылки... Вольно поселимся здесь... Мы оба молоды... Будем вместе трудиться, заживем не хуже других... Не захочешь здесь, кончится срок, поедem и тебе в горы...

— Прости, Наташа, понимаю, как искренни твои слова, верю я тебе... Но слишком велика любовь моя к Налкуте, не могу предать ее. Не будет мне жизни, если обману ее...

— Да, все ясно, — глухо произнесла она. — Таким, как я, никогда не везет...

— Не говори так, не надо! Ты хороший человек, очень, очень... Верно, споткнулась, но не по своей вине... Скоро кончится срок ссылки, уедешь в иной мир, найдешь друга по сердцу, и счастье снова улыбнется тебе...

— Нет... Счастье мое закатилось. Видишь, ты побрезговал мною, так и другие... В этом проклятом мире бог не дал мне жизни, любви...

— Наташа!

— Довольно, вижу, страдаешь ты из-за меня, — с горечью говорила она. Не надо жалеть меня. Жалостью любовь не заменишь, а любви я у тебя не выпрошу... Такова, знать, моя судьба... Прости...

Наталья медленно поднялась, скинула латанные-перелатанные валенки и полезла на полати.

Нет, не могла заснуть в ту ночь Наталья. Мысли одна мрачнее другой, мутными волнами перекачивались в возбужденном мозгу. И прошлое ее, и настоящее, и будущее представилось темным, как эта ночь. Бабий век короток, как зимний день в Сибири. Вместо любви видела только грубость, скотское обхождение. Впервые почувствовала человеческое отношение к себе, раскрыла сердце для любви, но ее отвергли... Отверг тот, кто стал для нее дороже жизни!.. А раз так, то и жить не стоит...

Женщина привстала на своем ложе...

Не сомкнул глаз всю ночь и Ахсартаг. Перед его мысленным взором попеременно возникали образы то Налкуты, то Наташи.

Сон одолел его лишь под утро. И вдруг скрипнула дверь... Он ошалело вскочил. Кинулся к печи, на полатах никого не было. Немного подождал, вот-вот вернется Наташа. Но время шло, и подозрение стало закрадываться в душу Ахсартага. Не выдержал, накинул на плечи малахай и вышел во двор.

Светало. За ночь припорошило, и на снегу отпечатались следы, ведущие от крыльца к густому сосняку. Страшное подозрение пронзило Ахсартага, и он помчался, что было сил, по свежим следам. У старой сосны следы оборвались. И тут он увидел ее.

Она сидела на нижней ветви дерева, обхватив ее ногами, и медленно сползала набок. Туго завязанный на шее платок другим концом накрепко привязан к поперечине... В два прыжка Ахсартаг пересек поляну и схватил женщину.

От пережитого напряжения она была едва жива. Ахсартаг развязал узел на платке, взял ее на руки и понес домой.

— Что ты собиралась сделать, несчастная? — говорил он спустя несколько минут, растирая ей руки и отпаивая горячим чаем. — Зачем хотела наложить на себя руки и всю жизнь заставить меня каяться?

Наташа горько улыбнулась:

— Чего тревожишься, ведь я давно погибла... Будь ты неладен, не дал мне уйти из этого подлого мира.

— Цы-цы-цы, — зацокал языком Ахсартаг, — вот не думал я, что ты такая слабовольная. Ай, как стыдно. Только безвольный и никчемный человек может поднять на себя руку. Знай, покончить с собой легче, чем с муками...

— Устала я, устала! Сил моих больше нет! И воля сломилась! Не могу, не могу, не могу... — рыдания сотрясали ее тело. — Никому не нужна, ни на что не годна... И мне не нужна жизнь, презираю, ненавижу ее!

Женщина упала ничком на лавку и заголосила пуще прежнего. Ахсартаг виновато стоял перед нею, успокаивал.

— Зачем я встретила тебя, ну, зачем, чтоб тебе пусто было? Зачем ты вызволил меня из рук лавочниковой бабы? Пусть поломала бы она мне ребра — давно зажили бы... А вот сердечная рана никогда не заживет. Ну, кто тебя просил поднимать меня так высоко? Поглядела я оттуда на себя и тошно стало... Грязь, одну только грязь и себя в ней увидела... О-ох, горе мое горькое!..

Высокая грудь Наташи, прикрытая грубым рубищем, высоко поднималась. Глаза ее были прикрыты длинными ресницами, голова запрокинута. Звенящим от напряжения голосом она попросила:

— Ахсартаг, поцелуй меня!

Горец на мгновение заколебался. Затем осторожно склонился над нею и нежно поцеловал ее в полураскрытый рот. Женщина обожгла его поцелуями — и все поплыло перед глазами Ахсартага.

Вдруг она порывисто высвободилась из его объятий, резко вскочила и отошла к столу. Села на табурет, закрыла глаза, откинула голову.

— Ну, прости, нам пора домой...

— Верно, пора. Да и хозяин не идет... Куда это он запропастился?

— Судя по всему, его уже давно нет дома.

— Не случилось бы с ним беды...

— Не тревожься, он не даст себя в обиду.

Они закрыли дверь и отправились тем же путем назад. По дороге к дому Наташа уже не была весела и беспечна как прежде. Она словно состарилась со вчерашнего дня, будто потеряла что-то дорогое, будто стала беднее душою...

Прошло две недели. Ахсартаг снова навещал Дзанга. Хозяина опять не было дома. Но на этот раз печь еще не успела остыть — старик провел ночь дома. Отлегло от сердца — с Дзангом ничего не случилось. И, набравшись терпения, он стал дожидаться его прихода.

Но время шло, старик не появлялся. Ахсартаг вышел на крыльцо, оглядел двор, обнесенный низким частоколом, обвел взглядом знакомую сопку, сосновый бор, стеной встающий за лугом. Весна еще не совсем вступила в свои права, но земля, словно больной, избавившийся от тяжелого недуга, дышала полной грудью. Набухли на березах почки, зазеленели пригретые солнышком пригорки. Как очумелые, неистово пели птицы.

У подножия сопки, огибая ее крутой излучиной, протекала большая, полноводная река, та самая, по которой привезли арестантов в Березовую Рощу. Скованная льдом, река зимой казалась обширным ровным полем. Сейчас лед пошел трещинами, там и сям зияли полыньи, временами с реки доносилась пушечная канонада лопающихся льдин.

Ахсартаг никогда не видел такой весны, не слышал гулких стонов сбрасывающей с себя оковы реки. Он пошел к берегу. Взойдя на пригорок, с которого открывался вид на береговую отмель, Ахсартаг остановился, как вкопанный. Прямо перед ним, на расстоянии нескольких десятков шагов стоял Дзанг. В руках он держал какой-то странный предмет, напоминающий корытце из грубых неотесанных досок, и мерно покачивал им. Борода его развевалась на легком ветру, земля вокруг была взрыхлена. Старик нагнулся, зачерпнул воды в корытце, подсыпал земли в него и снова принялся наклонять лоток то вправо, то влево.

Ахсартаг не мог найти объяснения странному поведению Дзанга и не на шутку перепугался. «Не свихнулся ли старик от одиночества?» — мелькнула мысль, и он поспешил вниз.

— Что это ты делаешь, Дзанг? — вырос он перед земляком.

Старик взвился, словно в него угодила пуля, выронил из рук лоток и схватился за ружье.

Ахсартаг стоял против него в полном недоумении.

— Ух, дьявол, чуть не прихлопнул тебя, — осипшим голосом сказал Дзанг. — Так бесшумно подкрался...

Он тяжело опустился на землю. А Ахсартаг так и не понял, что все это значит. Он почувствовал большую неловкость, словно застал старика за неприличным занятием.

— Прости, отец, что перепугал тебя... Если помешал, сейчас же уйду...

— Да чего уж, — махнул рукой Дзанг. — Лучше помоги.

Ахсартаг подошел поближе. Старик накопал земли в лоток, зачерпнул в него воды и поставил у ног парня.

— Знаешь, что надо делать?

— Н-нет...

Дзанг вынул из сумки на боку кисет, развязал его и показал Ахсартагу:

— Знаешь, что в нем?

— Табак, наверное... Но ведь ты не куришь!

— Чудак, золото это... золотой песок...

Глаза Ахсартага округлились.

— Золото?! А где ты его нашел?

— В этом корыте, — захохотал Дзанг. — Это место золотоносное. Несколько лет назад я случайно наткнулся на него. Дело было так. В один из моих побегов я устал и присел здесь отдохнуть. Вдруг заметил, что песок на дне реки у берега странно поблескивает. Это было золото. Когда кончился срок ссылки, я поселился в заброшенной избушке, ты бывал в ней... Никто не знает, что я не только охотник, но и старатель.

— А на что тебе нужно это золото, отец? — все еще не мог прийти в себя от изумления Ахсартаг.

— На что, на что... — проворчал старик. — А на то, чтобы вызволять из беды таких, как ты...

— Вот оно что-о, — протянул Ахсартаг, начиная кое-что соображать.

— Однако, пора за дело... День кончается, а я ничего сегодня не намыл.

Дзанг показал, как нужно орудовать лотком, чтобы ярко-желтые крупницы оседали на дно, и парень с ровнением взялся за работу.

* * *

После ужина старик сам заговорил о том, что готово было сорваться с языка Ахсартага.

— Однако, ты сегодня здорово удивился...

— По правде говоря, да.

— Ничего в этом нет удивительного, сынок. Ты не видел в своей жизни золота, но, должно быть, слышал, какая бесовская сила заключена в нем. Золото — это смерть...

— Смерть? — эхом отозвался пораженный Ахсартаг.

— Да, дорогой, смерть. Оно отнимает у людей ум, честь, совесть, толкает их на самые невероятные поступки, делает из самого смиренного злодея и даже убийцу... Ради него брат идет на брата, сын на отца, а отец на сына... И никого никогда, слышишь, никогда золото не делает счастливым. И все же люди, очертя голову, решаются на все при виде его... И если бы сегодня на твоём месте оказался другой, то, поверь мне, одному из нас не стало бы места на земле...

— Но, скажи, если этот металл приносит столько несчастья, то зачем ты выкапываешь его из могилы? Бог схоронил его, так не тревожь!

— Верно, сынок, но я тебе еще не все сказал. Золото не только горе приносит. Тому, у кого при виде его не разгораются глаза жадным блеском, оно может сослужить службу. В нем такая волшебная сила, что может вынуть из петли даже того, кому вынесен смертный приговор...

— Неужели?

— Ты знаешь, сколько жизней спас вот этот желтый песочек за пять лет, что я здесь старательствую? Скольким удалось бежать из Сибири? На золото можно купить все — документы, проводника, совесть, закон... И никто не в силах устоять перед его блеском — ни жандармский начальник, ни ямщик.

— Кому же ты помогаешь, отец?

— Тем смельчакам, которые отважились пойти против царя...

— Как, разве ты на их стороне?

— Да, сынок. Я действую по их указанию. Их ум, мысли, планы, стремления, отвага стали близки моему сердцу. И я пошел по их пути. Знаю, что не доживу до той прекрасной вольной жизни, которую они собираются построить... Но ведь увидят ее другие, может, и те, кому я помог вырваться из ссылки. И на том спасибо...

— Для кого сейчас стараешься, Дзанг? Кому нужно золото?

— Кому, говоришь? — Дзанг пронзил его насквозь своими жгучими глазами. — Кому спрашиваешь? Тебе оно нужно... Василию...

— Отец! — только и сумел воскликнуть Ахсартаг. Огромная радость захлестнула его, к горлу подступили слезы. — Если выберусь отсюда, век буду молиться за тебя! — В порыве чувств он упал на колени перед стариком — тот был похож сейчас на пророка.

— Стыдись, парень, встань... И вот что я тебе скажу: не молиться за меня надо, а бороться с врагами нашего народа... И за меня, и за себя...

Дзанг провел сухой ладонью по щеке юноши.

— И потом... Я в большом долгу перед твоим отцом и Хасаной. Они протянули мне руку помощи, когда мне было очень трудно. Твой дядя взял в жены мою дочь без калыма, без приданого... Знаю я, счастливо они живут... И как мне теперь не помочь тебе? Об одном прошу — не только ради тебя самого — о том, что видел сегодня здесь, никому ни слова. Если кто-нибудь узнает, что я здесь делаю, то все пропало.

Ахсартаг прожил у старика около недели. Работал, не покладая рук, промывал золотоносную породу. Блестящий песок стал на это время смыслом его жизни, и он выпускал из рук лоток лишь с наступлением сумерек. Заветный кисет в сумке Дзанга все тяжелел и тяжелел... Но однажды вечером старик велел ему возвращаться домой: «Как бы не хватились в жандармском управлении, незачем преждевременно привлекать их внимание к твоей особе, да и Василий, чай, волнуется».

Стоял теплый весенний день. Солнце щедро пригрело землю. Из-под рыхлых островков снега, журча,

бежали веселые ручьи. Тайга словно пробудилась от долгой зимней спячки.

Весеннее настроение царило и в душе Ахсартага. Звонкой каплей в такт его быстрым шагам стучало: «Налкута, Налкута, увидимся скоро, Налкута... Налкута, Налкута...» Нет, бог не обделил его счастьем, послал ему благодетеля в образе Дзанга. Вот это старик! Крепкий, сильный, уверенный в своей правоте... Сколько испытаний выпало на его долю! И пронести через реки крови, лавины предательств, море лжи, чистоту и благородство, не потерять веры в торжество жизни и света. За таких людей готов умереть Ахсартаг.

Тяжело Ахсартагу обманывать такого человека. Впрочем, эта ложь дороже правды. Пусть Зарина будет живой для ее отца, это согревает старика в его одиночестве...

До Березовой Рощи оставалось пройти совсем немного, когда внезапно из-за разлапистой ели на него бросилась какая-то фигура. Не успел увернуться, страшный удар обрушился на парня. Зазвенело в ушах, и он рухнул наземь.

Очнулся от адской боли в голове. Провел ладонью по лицу. Рука ощутила что-то липкое. Кровь! Поднял глаза. Перед ним на куче валежника сидел заросший бородой человек с бугристым носом и толстыми губами. Это был Гаврила Ипполитович. Он сжимал в руках суковатую дубину и не сводил злых глаз с поверженного.

Ахсартаг с трудом стал подниматься.

— Так ты еще жив, собачье отродье? — лавочник переложил в правую руку палку.

— За что, сосед, убить меня хотите?

— Не знаешь, басурманин? Забыл, что полагается за увод чужой бабы?

«Так вот оно в чем дело! За Наташу мстит», — осенило Ахсартага, и он понял, что дело миром не решится.

— Вы говорите о своей жене? Но я даже имени ее не знаю, — схитрил кавказец, стараясь выиграть время.

— Зна-а-аешь, — протянул лавочник. — Всю зиму греется под твоим боком, а ты даже имени ее не знаешь? Ха-ха-ха!

— Гаврила Ипполитович, у нас в доме только одна женщина — Наталья, но она не ваша, и не моя, ничья она не жена. О ком же ведете речь?

— Да о ней же, о Наталье Григорьевне! Да, она моя жена, моя баба! Столько лет кормлю ее, от голодной смерти спас — она моя, слышишь, моя! Пристав продал ее мне, кучу денег отвалил. А ты, дикарь, осмелился увести ее от меня! И поплатишься за это...

— Покупают скотину, а Наталья — человек.

— Я купил ее... Знай, у меня столько денег, что могу с потрохами купить всех людей, собак и лошадей в округе! А ты, паскуда, позарился на мое добро... Аль запоматывал, что в тайге живешь? Здесь свои, таежные, законы: грянул выстрел — и к утру косточки твои растащут волки... А спросит кто — потрясу звонким кошельком над ухом пристава, и все шито-крыто... Кому ты нужен, кто станет искать тебя, бездомного бандита! Ну, баста! Порешу тебя сейчас...

Ахсартаг не на шутку перепугался. Неужели вот так глупо помереть придется! И когда! На пороге свободы! Нет, нужно перехитрить этого ревнивого борова.

— Но ведь я не виновен перед вами, уважаемый, — мягко начал он.

— Не виновен, говоришь? Небось, полные штаны накладал... Ночами с Наталкой-то, чай, легче было, а? Она ведь баба, что надо!

— Богом клянусь, чиста моя совесть!

— Заткни глотку! Раньше она сама прибегала, чуть живот с голодухи сведет, а нынче... Объявился ты, прохвост, и она за версту теперь меня обходит... Однако, хватит языками молоть, нет на земле нам двоим места!

Лавочник занес дубину над головой и с силой спустил ее. Но Ахсартаг отклонился и палка просвистела рядом. Парень рванул за ноги врага, и неуклюжий толстяк ткнулся лицом в землю. Ахсартаг схватил дубину.

Гаврила Ипполитович вскочил, даже не утерев крови из разбитой губы, вытащил из-за пояса нож.

— Я выпущу тебе кишки, басурманин! — прошипел он и стал надвигаться на Ахсартага. Но тот, сделав ловкое движение, ударил дубиной лавочника по голове. Мужик взревел диким голосом, и тут горец пе-

рехватил его руку с ножом, свернул ее, нож выпал из разжавшегося кулака. Толкнул что было сил лавочника, и тот кулем свалился наземь, а сам подобрал оружие и, тяжело дыша, утирая кровь, сочившуюся из раны на голове, уселся на кучу валежника. Подождал, пока, крихтя и охая, встанет Гаврила Ипполитович.

— Ну как, приятель, больно?

— Твоя взяла, сукин сын... — лавочник в бессильной злобе сплюнул сквозь зубы. — Эх, хлопнул бы тебя из ружья, и делу конец, ан нет, дурья моя башка, погудорить захотелось, — он ударил себя кулаком по голове.

— Ну, так я сделаю это, — Ахсартаг уже держал в руках ружье, которое его хозяин прислонил к валежику. — Собаке — собачья смерть! — над тайгой прогремел выстрел.

— Караул, убивают! — завопил лавочник, ваясь на спину. Раскинул руки и ноги, закрыл глаза.

Это рассмешило Ахсартага. Он подошел к нему и крикнул:

— Вставай, падаль! И жизни, и смерти твоей — грош цена. Но помни: если что-нибудь подобное повторится — шутить не стану.

Лавочник медленно открыл глаза, расширившиеся от ужаса. Лицо его было покрыто мертвенной бледностью.

— Дарю тебе жизнь... Ахсартаг не пачкает своих рук в крови подобных тебе... Вставай, говорю, домой отправляться пора!

— Под... подшутил... по... по... поиздевался, — заикаясь, бормотал до смерти перепуганный Гаврила Ипполитович.

— Погоди, еще не то тебе будет, когда жена узнает, кобель паршивый!

Ахсартаг к полуночи доставил незадачливого ревнивца в деревню.

VII

Появление в лавке дородной Марфы Ивановны вместо Гаврилы Ипполитовича говорило о том, что дела у него незавидные. Сельчане шушукались, что ла-

вочник провалился в медвежью берлогу и «хозяин» вывалял его, да так, что тот чудом ноги унес. Другие уверяли, что жена, прослышав о какой-то бабе, с которой, якобы, путался Гаврила Ипполитович, ошпарила мужа кипятком, и с того слезла вся кожа... Ахсартаг слушал эти сплетни и посмеивался в усы.

Но когда через неделю лавочник, сгорбившийся, тяжело опирающийся на палку, вышел на завалинку погреться на солнышке, толкам и пересудам пришел конец. Все сошлись во мнении, что Гаврила Ипполитович болел лихорадкой — такое у него было желтое и осунувшееся лицо.

Однако вскоре он совсем поправился и однажды под вечер появился в доме Василия.

Наташа сидела у окна, зашивала воротник рубашки Василия. Мужчин дома не было. Под предлогом охоты, они ушли на рассвете к Дзангу, прихватив с собой ружья.

Гаврила Ипполитович, не проронив ни слова, вошел и присел у печи.

— Что ж вы не здороваются, руки не подаете? — покосилась на него Наталья. — Знать не знала, что вы такой тихоня...

— Наталья Григорьевна, заради вас я пришел...

— Что-то не помню, разве приглашала?

— Уйдем отсюда, Наташа, — шагнул он к ней. — Разговор у меня к тебе...

— Кончились наши разговоры, любезный, шли бы вы к себе.

— Не дури, послухай...

— Что у вас есть сказать мне, ваше благородие, аль не все давно сказано-пересказано?

— Люблю тебя, Наташа... Наталья Григорьевна...

— Вы? Меня? Ха-ха-ха! Вот умора! Старая развалина, а знаете ли вы, что такое любовь? Любить-то могут те, у кого сердце человеческое, а у вас — зверя лютого... А зверь — он разве понимает, что такое любовь?

— Я говорю правду... Нет мне без вас жизни...

— Вот что, дражайший Гаврила Ипполитович! Отправляйтесь-ка подобра-поздорову к своей женушке, иначе я позову сюда Марфу Ивановну, и достанется вам по первое число!

— Не жена она мне, уйду от нее... На тебе женюсь. Кончится твой срок — уедем отсюда. Денег у меня — лопатой гребь... Заживем на славу!..

— Ах, как славно все задумано... Самую малость только упустили: меня забыли спросить, согласна ли я?

— Отчего ж не согласиться-то! Еды-питья будет вдоволь, в злато-серебро наряжу, дом будешь иметь, мужа...

— Если бы все сытые были счастливыми, то самыми счастливыми были бы те свиньи, что в вашем накуте хрюкают...

— Чего ж тебе еще надо? Пойдут дети — слава богу, коли нет — и на то воля божья... Словом, возвращайся ко мне. Не желаю, чтобы ты оставалась в одной комнате с мужиками, да еще с этим окайнным басурманином...

— Приказываете, будто я впрямь жена вам.

— Будешь скоро...

— Вы так думаете?

— А как же!

— Вон отсюда, с глаз моих долой, ирод, жених чертов! — не выдержала Наталья.

— Сдурела баба... Какая муха тебя укусила? Аль была какво голодать-то? Отъелась, знать под боком того шайтана кавказского...

— Еще одно худое слово о нем — глаза тебе выцарапаю!

— Хе-хе-хе! Уж не втюрилась ли?

— Всю жизнь бы отдала, чтобы быть с ним хоть неделю... Да что поделаешь, не любит он меня...

— Во-во! А я что твержу? Не все такие добрые, как я. Никто не хочет гулящую брать в жены-то... Только я свихнулся, старый козел...

— Фу, какой же вы омерзительный!

— Когда уйдешь отсюда?

— Никогда! И вообще, что вам за дело до этого?

— Я женюсь на тебе, Наталья.

— Тыфу ты! Все сызнава... Сил моих больше нет! На уйдете вы отсюда или попру я вас поганой метлой прочь из избы?

— Не смей! Ты беды ищешь!

— Уйди по-хорошему, Гаврила Ипполитович, богом послан, худо будет!..

— Шлюха каторжная! Угрожать мне вздумала!

Кровь бросилась в лицо Натальи. Она схватила таз с помоями и выплеснула их в лицо лавочнику.

— Старый боров! Большого ты не заслуживаешь!

— У-у, сука... — взвыл он и схватил женщину за волосы. Она закричала. Отворилась дверь, и вошел Василий.

— В чем дело? Что тут происходит? — он оторвал лавочника от Натальи. — Простите, Гаврила Ипполитович, но пробовать силу на женщине недостойно мужчины.

— А ты еще откуда выискался?

— Я пришел в свой дом, но ты-то что здесь делаешь?

— Твой дом? Ты, стало быть, хозяин, а я — ничего?! Ух, против царя идете, мерзавцы! Нет здесь вашего дома, бунтовщики! Царь сослал вас сюда, чтобы остудить ваш пыл сибирской стужей, а вы здесь мутите, да?! Р-растопчу, как улиток, р-разотру в порошок, вот так! — у лавочника даже пена на губах выступила.

— Не ори! И не угрожай. Здесь никто тебя не испугается.

— Души ваши выну! Всю зиму кормлю тебя, надеюсь, что обучишь грамоте парня моего, а он как был неучем, так и остался. Баста! Не подходи к нему близко, крамольник чертов!

— Я и без того решил не ходить больше к вам, Гаврила Ипполитович, — сдержанно произнес Василий. — Пень как ни пинай, все пнем останется... А эту женщину не трожь! Не думай, что она беззащитна.

— Посмотрим же, кто кого! — пригрозил лавочник и хлопнул за собой дверь.

— Ну и скотина же...

— Извел он меня вконец... Было, да... Напивался пьяный, вваливался ночью, грозился порешить... Мне было голодно, одиноко... Как теперь быть? Боюсь я его...

— Довольно его бояться... Ты теперь не одна.

Наталья с благодарностью поглядела на Василия и неожиданно спросила с тревогой в голосе:

— А где же Ахсартаг, ведь он ушел с вами?

— Остался у старика. Казбич не отпустил его.

Ахсартаг проснулся рано. Поеживаясь от утреннего мороза, наскоро оделся и вышел из дома. Его оглушил птичий гомон. Пернатые весело приветствовали рождение дня.

Он направился к околице. Поднялся на взгорок и огляделся. В тайге начиналась весна. Березы зазеленели первыми клейкими листочками. Разлапистые ели сбросили пожелтевшие иглы и робко примеряли нежно-фишашковый наряд. Растаял лед на реке, но местами еще сверкали на солнце глыбы — суровое напоминание о лютой зиме.

Ахсартаг присел на поваленное бурей дерево, задумался. Он любил оставаться наедине со своими мыслями... Вдруг со стороны леса послышались быстрые шаги. Пригляделся — Наташа бежит к нему:

— Ахсартаг, скорее, Василия жандармы уводят!

Прибежали домой. Во дворе два жандарма грубыми голосами препирались с Василием. По их словам Ахсартаг понял, что его друг — опасный преступник и должен быть сослан вглубь тайги.

Попросив разрешения у жандармов, Василий отозвал Ахсартага в сторону и сказал:

— Повидай Қазбича и скажи ему обо мне. Скоро, мол, дам о себе знать. Вели ему не менять местожительства, пока не будет указания из Питера. А ты, сынок, не оставайся здесь. При первой же возможности беги... Қазбич поможет тебе. Только, смотри, не вздумай домой отправиться — там тебя в два счета схватят. Уходи в большой город. Начнешь работать на заводе. Только там, среди рабочих, найдешь правду. Там научат тебя, как нужно бороться за свободу. И помни о книгах!.. Ну, давай прощаться... Может, свидимся...

Они крепко, по-мужски обнялись. Ахсартаг с удивлением ощутил, как у него зашипало в глазах, и плотный комок подкатил к горлу. Да и Василий как-то подозрительно отвернулся...

Наташа плакала, не таясь. Из широко распахнутых голубых глаз по щекам струились слезы, длинные ресницы слиплись...

Жандармы усадили Василия в лодку и поплыли вниз по течению, к северу.

Оставшись одни, Ахсартаг с Наташей почувствовали себя осиротевшими. Как много значил в их жизни этот спокойный, уверенный в себе человек!

Поздно вечером на пороге их дома внезапно возник Дзанг. Старик был весел, радостно приветствовал грустных хозяев, но сразу же помрачнел, узнав о высылке Василия.

— Жалкие трусы, боятся его, вот и запрятали потлужбе... Но я разыщу его!

Ахсартаг передал ему наказ Василия. Старик замолчал, погрузившись в глубокое раздумье.

— Не ждал я, что так скоро возьмутся за него, нам надо было переговорить, — словно про себя, забормотал старик.

— А где же ты был, отец? Три раза наведывался я, да все не заставал, — не удержался от упрека Ахсартаг.

— По твоему делу ходил, парень. Иль ты запомнил, что бежать собираешься? А без документов никак нельзя...

— Ну и как? — забилося сердце горца.

— Раздобыл, кхе-кхе... С большим трудом, но достал... Слишком много запросил этот обжора. За клочок бумаги — труды двух месяцев... Но зато сильная, ох, и сильная же бумага! Подумаем, как добираться будешь до чугулки. Пешком не дойдешь, в лодке — против течения не выгребешь... Во! Баржа нужна и пароход... Так, так... Сейчас прикинем... Недели через две-три баржа будет здесь... Купчина есть у меня на примете, он каждый год приходит сюда с баржей. А пароход оставляет у пристани в Медвежьей Берлоге... Здесь он закупает пушнину и через пару деньков возвращается обратно... М-мда, другой возможности пока не вижу... — бормотал старик как бы про себя, но Ахсартаг напряженно ловил каждое его слово.

— А как же я? — забеспокоилась Наташа.

— А? Что? Ты? Ах, да... Ты пока останешься со мною. Не стоит рисковать, тебе год-то лишь остался. А схватят — еще срок схлопочешь...

Прошло больше трех недель. Все это время Ахсартаг места себе не находил. Однажды над рекою, прибрежным лесом и Березовой Рощей разнесся низкий протяжный гудок. И сразу село наполнилось шумом и гамом. Обгоняя друг друга, все побежали к реке.

Ахсартаг вместе со всеми поспешил к пристани. К ней уже пришвартовалась большая баржа. Толстые веревки привязывали ее к огромным бревнам, вбитым в землю на берегу. Вскоре с баржи гуськом потянулись матросы с грузом товаров на плечах. Чего голько здесь не было! Мука в мешках и сахар, ткани и бутылки с водкой и вином в ящиках, спички и свечи, пилы и топоры и множество других вещей. Все это складывалось в больших парусиновых палатках на берегу. До обеда разгружали баржу, а потом началась купля-продажа.

Приход баржи для жителей Березовой Рощи был большим праздником. Вся их жизнь связана с нею. Баржа доставляет в таежную глушь одежду, пищу, домашнюю утварь... Все добытые за зиму шкуры пушных зверей селяне обменивают на городские товары. Те, кто побогаче, позажиточней, торгуются долго, норовя получить как можно больше за своих куничек, белок, лисиц, горностаев, соболей... А мужички победнее, сбывают свой товар за бесценок — бутылку-другую водки, никчемное барахлишко...

Торги разгорелись.

Ахсартаг не участвовал в ярмарке. Он сразу же поспешил к Дзангу, чтобы сообщить ему о прибытии баржи.

Старик будто и не удивился вовсе. Спокойно встал, натянул малахай, подпоясался веревкой и вышел наружу. Спустя короткое время он вернулся с несколькими тяжелыми кистетами. Золото! Они взяли эти мешочки, много шкурок и к вечеру были уже в Березовой Роще.

Деревня гуляла. Отовсюду слышалось нестройное пение, девичий перепляс под звуки гармошки.

Дзанг заночевал в доме Ахсартага. Утром он ушел на берег и до самого вечера вертелся возле хозяина баржи. Кавказцу не терпелось поскорее узнать о ре-

зультатах переговоров, но старик молчал. Почему так затягивается дело? Отчего так несговорчив купец?

Под вечер следующего дня, гуляя по берегу, Ахсартаг услышал чей-то тихий разговор в палатке. Прислушался. Сразу же разобрал глуховатый голос Дзанга. Ему возражал окающий бас купца.

— Возьмите его, Николай Петрович, не сомневайтесь... Заплачу, что положено.

— Да ну тебя, старик, хватит. Давеча едва беды избежал. Отродясь не терпел такого страха...

— Даю кучу кунных шкурок да три черных лисицы впридачу. ...Да золота пару мешочков... вдвое больше того, что за год наторгуете...

— Не, уволь...

— Богом прошу, не отказывайтесь... Родственник он мне, внучатый племянник... Молод. Горяч... Напорол беды, в ссылку попал... Жалко парня, пропадет здесь ни за грош... Согласитесь! Ну, хотите, встану на колени?

— Нет, старик, не проси.

Оба замолчали.

Ахсартаг стоял, не дыша. Ведь речь шла о его судьбе... Вот уперся чертов купчина, упрямый ишак — да и только!

— Что вы еще требуете, любезный?

Хозяин баржи словно воды в рот набрал. Ахсартаг чувствовал, что Дзанг начинает терять терпение. И вдруг купец сказал:

— Скажи, где золото добываешь...

— Говорил же вам, что не могу назвать места...

— Тогда и я не могу.

Снова наступило молчание. И Дзанг предпринял новую попытку:

— Вспомните, Николай Петрович, сколько добра я вам делал. Благодаря мне в позапрошлом году остался невредимым ваш пароход, иначе бандиты разнесли бы его. Вас самих от гибели спас... Выручая вас, заработал дырку от бандитской пули... А вы даже спасибо мне не сказали.

— Как так не сказал! Да за то, что ты мне жизнь спас, трех твоих бунтовщиков задарма вывез, аль памятовал?

— Но это вам ничего не стоило...

— Не стоило! Много ты знаешь... Одним жандармам платить денег не напасешься... А не дашь в лапу — шверх дном весь пароход перевернут.

— Вот я и предлагаю вам золото, дорогие шкурки — заплатите им.

— Ну — баста! Довольно языками чесать: иль покажешь золотую россыпь, иль забудь про меня со своими бунтовщиками. Вот тебе мое слово.

— Значит не согласен?

— Ни-ни...

— Хорошо, но не обижайся на меня, — повысив голос и переходя на ты, сказал Дзанг. — Сегодня ночью мои ребята перережут твоих людей. Отберут все добро, награбленное у людей... Но обещаю, что тебя не тронут... Это говорю тебе я, абрек Кассай, который наводил ужас на всех богачей Кавказа, разбойник Казбич, который бил стражников и приставов, как мух! Здесь, в Сибири, тоже известно мое имя, ты это хорошо знаешь... Что ж, воля твоя, прощай! Но пеняй на себя!

— Не губи меня, старик, пощади! — куда только девался густой бас купца, неужели этот петушиный вскрик принадлежит ему?

— Замолчи, жалкий трус!

— Простите, господин абрек, бес попутал... Согласен... возьму парня... беру... беру...

— То-то! Смотри у меня! Как бы в один прекрасный день не продырявилось дно твоего парохода — и крышка тебе! Понял, Николай Петрович?

— Понял... понял... А документ у него есть?

— А как же! Ну — по рукам! Забирай то, что я обещал. И помни: если хоть волосок упадет с его головы, не доставишь мальчика до места — забудь дорогу сюда. Все угрозы исполню. Ты знаешь моих джигитов — у них нет ни закона, ни бога...

— Нет, слово я всегда держу. В нашем деле нельзя иначе. А ты предупреди своих орлов-то, чтобы не трогали ничего...

— Добро, за это я ручаюсь!

— Уговор: племянника твоего беру в Медвежьей Берлоге, прямо на пароход... Добирайтесь туда, как знаете.

— Идет!

Ахсартаг ушел незамеченным.

Никто не спал в ту ночь. На берегу реки, у подножия сопки, нависшей над избушкой Дзанга, сидели рядышком Наташа и Ахсартаг. «Какая необычная ночь! — думалось горцу. — Вот в единоборстве со светом она отступит, и настанет новый день. День побега! Что сулит мне завтрашний день? Крушение еще одной мечты, или ее осуществление? Скорее бы пришло завтра...»

Исполненная суровой красоты местность расстилась вокруг. Волны с легким плеском набегали на низкий берег, с реки тянуло приятной свежестью. Луна, словно дева редкостной красоты сошла на берег и пощипывает свои серебряные кудри в мелкой воде, расчесывает их на гребнях волн. Где-то неподалеку ухал филин, недовольный ярким светом луны: то ли ночь, то ли день — не разберешь... Чутко дремал густой сосновый бор, сквозь частый подлесок которого не смог пробиться необычно яркий свет ночного светила.

Сегодня Ахсартаг с Наташей сходили в жандармское управление. Путь туда неблизкий — верст двадцать. Зимой, когда бушует пурга и лежит глубокий снег, жандармы редко навещают Березовую Рощу: ссыльные зимой редко пускаются в бега. Правда, некоторые пытались, но никто не добрался до места. Но летом ссыльные обязаны раз в неделю отмечаться в управлении. Да и жандармы время от времени заглядывают к ним.

По дороге из села, где находится жандармское управление, Ахсартаг с Наташей завернули к Дзангу. Старик уже ждал их. Он снаряжал земляка в далекий путь. Вот и сейчас он с чем-то возится на своем дворе при лунном свете. Плетет что-то... Ну, да, лапти для Ахсартага, вяжет из бересты.

Дзанг весь вечер был какой-то расстроенный. Все больше молчал. Чувствует Ахсартаг, что побег с одной стороны радует старика, а с другой — разлука ранит его сердце.

Но еще больше опечалена Наташа. Сидит она рядом с ним, не проронит ни слова, только время от времени тяжело вздыхает.

Ахсартаг искоса поглядел на нее и невольно залю-

бывался мягкими чертами красивого женского лица, облитого бледным светом луны. Он осторожно взял ее руку:

— Что же ты молчишь? Скажи хоть слово, ведь завтра в это время я уже далеко буду.

— Оттого мне и грустно, что тебя не будет. Как я смогу жить без тебя, милый?

— Старик не оставит тебя, не падай духом.

— Неужели не свидимся, Ахсартаг? — дрогнул голос женщины.

— Эх, Наташа, гора с горой не сходится, а человек с человеком... — попытался успокоить ее Ахсартаг.

— Может и права пословица, но не всегда так бывает... Да и тревожусь я за тебя, ой, тревожусь!..

— Не надо бояться, Наташа. Все будет хорошо. Вот увидишь. Давай-ка лучше поговорим о том, как будем жить завтра, через пятьдесят, а то и через сто лет.

— Не скажу, что будет через сто лет, но что завтра ночью вот эта улыбающаяся луна со мною вместе будет лить слезы — это точно...

— Не надо, Наташа, прошу тебя...

Она вдруг припала к его груди.

— Спасибо тебе, милый...

— За что?

— За все, за все... Особенно за то, что ты дал мне ощутить себя человеком... разбудил уснувшую совесть... честь... За то, что дал силу, смелость, вернул к жизни... Пока бьется в груди сердце, буду помнить твою доброту, твоё тепло... Спасибо, большое спасибо...

— Я тоже тебе благодарен, Наташа. И я тебя никогда не забуду... Правда, не знаю, как сложится моя жизнь, но что бы ни было — останусь человеком!

— Да хранит тебя бог! Как завидую я той, кто станет подругой твоей жизни... Эта женщина будет счастлива с тобой... Ты хоть изредка вспоминай обо мне...

— Наташа...

— Молчи... Знаю, что хочешь сказать. Наша любовь закована в кандалы, как мы сами. И нужно разбить эти оковы, — так говорит Василий, — чтобы любовь стала красивой и свободной...

— Верно говоришь, дочка, — они и не заметили,

как к ним подошел Дзанг. — Дай вам бог такой любви, как любили друг друга мы с женой. Но наша большая любовь умерла, не успев распуститься... Прав Василий: к любви нужно пройти сквозь горнило борьбы за свободу.

— Боюсь, отец, за Ахсартага...

— Все будет хорошо. А вот ты... Как только кончится срок ссылки, уедешь в Петербург. Там у меня много друзей из тех, кому я помог обрести свободу. Они найдут тебе работу, научат, каким путем добывать счастье...

— Да, отец...

Луна клонилась к закату. До утра оставалось немного, но Ахсартаг и Дзанг все еще сидели на берегу. Наташу они отправили спать, филин охрип и тоже задремал на ветке...

— Помни, сынок, в аул ты не должен заходить, — наставлял старик. — До твоего приезда жандармы пошлют депешу, и тебя схватят. Сразу же уходи в город. Не становись на путь мщения, ничего не добьешься... Поступай на завод, там ты скоро поймешь, что тебе надо делать. И еще. Обо мне ни слова дочери и зятю. Мертвеца не нужно откапывать... Помни мое слово, сынок: веками спящий народ скоро воспрянет от глубокого сна. Не за горами час возмездия, нужно быть к нему готовым. Я, наверное, не доживу до этого дня, но ты увидишь зарю свободы! Не повторяй моих ошибок, не борись в одиночку с врагами — одолеют они вас по одному, а всех вместе не сломит никакая сила. Сейчас-то я многое понял и потому отдаю тебе в руки свой нож мести... Сумей добыть счастье и себе и таким, как ты... Ну, а теперь пойдем, отдохнуть нужно перед дорогой. Путь у нас долгий и тяжелый. Дня три будем пробираться к Медвежьей Берлоге...

Занимался день, когда Дзанг с Ахсартагом берегом уходили вверх по течению реки. Наташа проводила их до излучины. Их прощальное объятие было крепким.

Она долго смотрела вслед Ахсартагу, будто он уносил с собой ее сердце.

— Господи, сохрани его в пути, не дай погибнуть! — помолилась она и опустошенная поплелась назад.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

I

Булатыко вышел на стук и замер от изумления: на пороге стоял Ахсартаг. Заросший густой грязной бородой, с всклокоченными давно нематыми волосами, в лохмотьях, едва прикрывавших продрогшее тело, но — живой Ахсартаг!

— Булатыко, прости, так поздно... Можно к вам? — со страданием и мольбой в голосе спросил ночной гость.

— Ахсартаг?! О, боже, ты ли это?! Ты жив?! Заходи в дом! — Булатыко схватил его за руку, втащил в комнату. — Хозяюшка, где ты? Смотри, кто к нам явился! — крикнул он в другую комнату, а сам принялся разводить огонь в очаге. — Какая неожиданность! Скинь-ка свои лохмотья да садись к огню. Эй, куда ты запропастилась, поторопись, говорю тебе!

Из соседней комнаты вышла наспех одетая Кыркыс.

— Горе моему очагу! Ахсартаг?! — бросилась она к нему.

— Кыркыс? — поразился Ахсартаг. — Это ты?.. Здесь?!

— Да, в прошлом году поженились...

— Смотри-ка, а я и не знал... Поздравляю, будьте счастливы!

— Жена, разговоры потом продолжим, а сейчас принеси поскорее мой бешмет, дай ему переодеться, гляди, насквозь промок...

Усталые глаза Ахсартага метались по комнате. С тревогой в голосе он спросил:

— А где Налкута?

Булатыко и Кыркыс словно воды в рот набрали.

— Я вас спрашиваю! — заволновался Ахсартаг. — С ней что-то случилось, да? Она здорова?

— Присаживайся к огню, я тебе все объясню, — обреченно сказал Булатыко.

Потрясенный рассказом, Ахсартаг сидел, низко опустив голову.

— Эх, если бы она знала, что ты жив, ждала бы до конца своих дней!.. Прости, Ахсартаг, мы не виноваты перед тобой — ни я, ни Налкута, — заключил Булатыко.

Ахсартаг поднял голову. Черты его лица вдруг заострились, глаза потеряли блеск, кадык судорожно двигался на заросшей шее. Он рванул ворот косоворотки и шагнул к двери.

— Куда ты, Ахсартаг? — растерялся Булатыко.

— Мне больше здесь делать нечего, — с трудом будто отрывая живую плоть, выговорил Ахсартаг.

— Никуда тебя не отпущу! — хозяин решительно встал перед гостем. — Да, Налкуты здесь нет, но здесь есть твой названный брат. Он ничем не провинился перед тобой, почему же ты обижаешь его?

— Эх, Булатыко, потеряла жизнь моя смысл, грош цена теперь ей... Какая мне разница, где провести ночь — под крышей ли, в лесу ли, все едино...

— Отдохни и расскажи, как ты жил эти годы. Ведь тебя посадили на год, а пропадали ты несколько лет...

— Не стерпел я издевательств начальника Горийской тюрьмы и ударил его. Ну, мне вкатили еще десять лет, сослали в Сибирь... Бежал я с каторги... У-у, лучше бы мне не возвращаться, не слышать этой черной вести, — застонал Ахсартаг.

— А что же слух о твоей гибели? Разбился, дескать, прыгнув с поезда на холу?

— Я прыгнул, но не разбился. Поймали меня и накинули еще срок... Снова бежал...

— Де-е-ла-а... — протянул Булатыко, покачав головой. — Ну, а дальше что намерен делать?

— Оставаться здесь мне нельзя. Искать будут... Впрочем, мне все равно деваться некуда.

— Может, ты хочешь повидать Налкуту?

— Не надо, Булатыко... Зачем вторично разбивать ее сердце?.. Прошу вас, никому ни звука обо мне...

— Где бы ты ни был, если тебе понадобится моя помощь, только кликни, тотчас же явлюсь.

— Спасибо, Булатыко, я верю тебе! Если что, я дам знать тебе... — Мужчины вернулись к огню.

— Скажи, Булатыко... за кого вышла замуж Налкута? — задал Ахсартаг вопрос, давно вертевшийся у него на языке, но который он никак не решался произнести вслух.

— За твоего односельчанина... Солыма...

— Ух, сын осла! — взревел, как раненый медведь, Ахсартаг. — Узнаю своего заклятого врага, но предья-

вить ему обвинение я не могу... Но ничего, скрестятся наши пути, и не миновать ему знакомства с моим кинжалом, хоть он и твой зять!

Рассвет уже занимался над аулом, когда Ахсартаг незаметно выскользнул со двора дома, в котором провёл ночь, и зашагал к перевалу.

II

— Выгляни-ка, Адзе, возле нашего сарая какой-то призрак маячит, — с кувшином, полным воды, прибежала испуганная Айса. — Спросила, чего ему надо, но он только сверкнул глазами.

Адзыбе пулей вылетел из комнаты.

— Кто там? — громко крикнул он в темноту.

— Это я, Адзыбе, — слабым голосом ответил призрак.

Голос его показался Адзыбе знакомым, и он быстро сбежал с балкона по лестнице во двор.

— Кто ты, как твое имя?

— Друг мой, не узнаешь ты меня уже... — глухо отозвался незнакомец.

— О, боже! Неужели Ахсартаг?!

— Он самый...

Друзья заключили друг друга в крепкие объятия.

— Каким чудом? С того света явился? Ну и ну! — не верил своим глазам Адзыбе. — Да чего это я раскулахтался, как наседка над цыплятами! Идем в дом!

— Это невозможно, Адзыбе. Беглый я... Из Сибири... Если схватят меня, и ты в беду попадешь...

— Пусть даже меня к стенке поставят, разрубят на куски, все равно не отпущу тебя! — с горячностью воскликнул Адзыбе. — Какой же я тебе друг, если не смогу укрыть тебя?

— Напрасные жертвы ни к чему. Лучше поговорим здесь, в сарае, с глазу на глаз, чтобы нам не помешали.

Расположившись на сеновале, мужчины вполголоса вели разговор.

— Скажи, Адзыбе, что стало с моей семьей? Где наш дом? Будто лавина смела его, даже следа не осталось.

— Твои родители живы и здоровы, — поспешная ус-

покоить друга Адзыбе. — Барсаг после того несчастья обменялся землей с Сольмом и переселился в низину.

— Где сын той несчастной женщины?

— Мальчик у меня. Сольм хотел забрать его к себе, но я не позволил.

— С чего это он так расщедрился?

— А черт его знает! После того, как тебя забрали, он так распинался в твою защиту, что и пылинке не давал пасть на твою честь... И об отце твоём позаботился... Налкуту... — Адзыбе запнулся.

— Знаю, продолжай...

— Налкуту взял в жены, получив согласие Барсага. В трудное время он помогал твоим старикам...

— Один бог знает, что он вынашивал в сердце... А как поживает Налкута?

— Как вышла замуж, все взаперти сидит. Любит она тебя по-прежнему, Ахсартаг, скажи лишь слово — как на крыльях, полетит за тобой, пожелаешь — со скалы в пропасть прыгнет! Пожалей ее, выкради и увези подальше отсюда...

— Куда?

— Об этом стоит подумать.

Опять помолчали.

— Где ты был столько лет? Говорили, умер...

— Умер, Адзыбе, но, как видишь, невредимым я вышел из могилы.

— Расскажи-ка о себе...

— ...Одним словом, прошел я по дорогам ада, Адзыбе. Сердце содрогается, как вспомню, какие кошмары мне пришлось вынести, — закончил свое тяжелое повествование Ахсартаг.

— Да, ты и вправду из страны мертвых возвратился, — глубоко вздохнул Адзыбе. — Но как ты думаешь жить дальше?

— Хоть и вернулся я живым, но опасность следует за мной по пятам...

— Скажи, чем я могу тебе помочь, и я сегодня же ночью уйду с тобой в абреки!

— В абреки? Э-э, нет... Кому мстить? Если бы я знал наверняка, кто источник всех наших несчастий, не раздумывая, придушил бы его. Подозреваю Сольма, но у него все концы в воду спрятаны, не ухватишься...

Помолчали.

— Адзыбе, мне нельзя задерживаться здесь. Завтра я буду уже далеко отсюда. Думаю добраться до Баку. План мой таков: подыщу работу, найду себе убежище и тогда уведу Налкуту. Если все пойдет гладко, я сообщу тебе. А пока, прошу тебя, приглядывай за моими родителями.

— Об этом просить не надо, Ахсартаг. Я и так всегда рядом...

— И еще: ни отцу с матерью, ни Налкуте не говори, что я жив. Однажды я уже умер для них, если им придется вновь хоронить меня, это будет слишком жестоко... Ну, прощай, мне пора...

— Я не отпущу тебя без тоста за твою счастливую дорогу!

— Не время, Адзыбе...

— Тогда возьми с собой.

— Это можно, — согласился Ахсартаг.

Адзыбе торопливо забежал в дом.

— Хозяюшка, а ну быстренько состряпай что-нибудь вкусное, но легкое, да сложи в узелок на дорогу.

Женщина вопросительно взглянула на мужа.

— Только не спрашивай меня ни о чем...

Ни слова не говоря, Айса принялась хлопотать и вскоре протянула Адзыбе узелок.

Адзыбе ласково обнял за плечи жену и сказал:

— Дорогая, помнишь, я тебе деньги дал, корову собирались купить?.. Дай-ка мне их...

Айса, не проронив ни слова, отперла сундук, вытащила из-под тряпья сверток и вручила его мужу.

Адзыбе поспешно вышел во двор. Ахсартаг нетерпеливо дожидался его под лестницей. Они молча прошли за околицу. В том месте, где ущелье начинало резко сужаться и тропинка круто уходила вверх по скалам, Ахсартаг остановился.

— Ну, а теперь возвращайся обратно.

— Я еще немного проведу тебя.

— Не надо.

— Что ж, будь по-твоему! Вот, держи, — Адзыбе сунул ему в руки узелок и сверток с деньгами. Это тебе на дорогу.

— Деньги? Зачем ты это делаешь?

— Они понадобятся тебе, дорога-то не на один день...

— Ну, будь здоров, друг мой!

— До свидания, Ахсартаг! С нетерпением буду ждать вестей от тебя.

— Жди, Адзыбе!

Друзья крепко, по-мужски, обнялись и расстались.

С растревоженным сердцем вернулся домой Адзыбе.

Айса ждала его с испуганным видом. Едва он переступил порог, как она кинулась к нему:

— Горе моему очагу, кто это был?

— Хозяюшка моя, нет у меня от тебя тайн, но то, что я тебе скажу, не должно выйти из нашего дома. Это был Ахсартаг.

— Кто? Ахсартаг?!

Женщина ахнула. Глаза от изумления чуть на лоб не полезли.

— Да, он из Сибири бежал.

— Как же тебе не стыдно, как ты мог отпустить его, даже в дом не позвав? — с упреками набросилась она на мужа.

— Так нужно было, Айса, — ласково сказал Адзыбе и прижал к груди жену.

III

Неожиданно для самого Солыма его замысел осуществился исключительно успешно. Он стал еще богаче, заполучив такую ценность, как красавица Налкута. Впрочем, его дом стал бы еще краше, если бы молодая жена выглядела более веселой, не хмурила бы без конца густые брови. Но Солым смирялся, понимая, что сердце ее навсегда принадлежит Ахсартагу, даже мертвому... Но в глубине души теплилась надежда, что со временем забудется первая любовь, и Налкута откроет сердце для него. Ждал, набравшись терпения. Настойчиво подбирал ключи к ней, но все его усилия оставались тщетными: Налкуту ничего не трогало, словно она отрезалась от окружающей ее жизни. Только все бледнее становилось ее лицо, да темнее круги под глазами.

Равнодушие жены выводило Солыма из себя. Пытался даже добиться ее расположения угрозами и поборами. Но и это ни к чему, не привело, наоборот, Нал-

кута совсем замкнулась в четырех стенах своих сокровенных дум.

Как-то раз Солым, возвратившись домой после попойки с Кази, затеял разговор с женой.

— Что ты все сидишь со скорбным видом, словно в нашем доме покойник? — раздраженно спросил он. — Улыбайся же хоть иногда!

— Зачем тебе мое притворство и вымученные улыбки? — ответила женщина.

— Знаю я, кто властелин твоих дум! Прощал до сих пор, терпел, но хватит с меня! Берегись! — рассвирепел Солым.

— Опомнись, Солым!

— Плевал я на него и на тебя тоже! Я привел тебя сюда не для того, чтобы ты оплакивала его здесь!.. Предупреждаю, если ты не выбросишь его из головы — пеняй на себя!

— Угрожаешь?.. Уйду я из этого ада!

Солым понял: еще одно слово — и она сдержит обещание. Сразу же изменил тон.

На следующее утро Ацырухс упрекнула Налкуту:

— Ты слишком дерзка с мужем, нехорошо это, невестка...

— А что мне делать? Он насильно моей любви добивается, а у меня ее нет, навеки другому отдана, — смиренно ответила Налкута.

— Не надо так говорить! Если он услышит, не миновать несчастья...

— Но он сам вынуждает меня говорить!

— Все равно, ты не открывай перед ним свою душу. Слышишь?

— Я не могу лгать...

— Да, невестушка, незавидное у тебя положение... Сердце у меня разрывается, глядячи на твои страдания, но ничем не могу тебе помочь. Но знай, если я тебе понадоблюсь — не стесняйся...

— Спасибо. Ты добра ко мне... Если бы не ты, не осталась бы в этом доме ни одного дня! А может, я не права?.. Женщина должна быть терпима к мужу... Да и... Не хочу кривить душой, старается он найти тропинку к моему сердцу. Но чем заботливее и ласковее он со мной, тем больше я его ненавижу. А за что — не знаю...

— Что посоветовать тебе?.. Одно лишь скажу: осте-

регайся его, опасен он... Рассердится — не жди пощады...

— Что может быть хуже?

— Понимаю тебя, Налкута, но коли такая судьба тебе уготована — надо терпеть...

Но Налкута не захотела терпеть. Солым становился все более несносным, и однажды, после того, как он, придравшись к какому-то пустяку, обрушил на нее град ударов, она в полночь убежала домой. Солым не стал ее преследовать. Куда деваться жене? Одумается и вернется к своему мужу. Довольно с него уговоров и ласк! Чем строже он с ней будет обращаться, тем скорее она возьмется за ум... Но Налкута почему-то не возвращалась к нему. И Солым махнул на нее рукой.

Как-то под вечер во дворе Солыма спешился редкий гость — Булатыко. Солыму нетрудно было догадаться, по какому делу тот к нему явился, и отвернулся, не поздоровавшись, будто не заметил вовсе.

Булатыко подошел к нему вплотную и произнес:

— Почему ты обидел мою сестру, Солым?

— Солым зря никого не обидит!..

— А про меня забыл, решил, что я мертв, и ее защитить некому?

— Никому нет дела до того, что происходит в моей семье! И тебе не позволю совать нос, понял? Живет со мной, а думает о сыне Барсага!.. Я не могу простить этого!

— Знал же, что она не изменит первому чувству, почему же взял ее, сделал женщину несчастной?

— По моей вине с ней ничего не случилось... Передо мной, мужем, она была нечиста...

— О ком ты это говоришь, ослиный недоносок?! Снова клеветешь?! — исказилось от гнева лицо Булатыко, и он наотмашь ударил зятя по переносице. Солым не удержался на ногах, попятился назад и рухнул наземь. — За кого ты меня принимаешь, сукин сын! Я вырву тебе глаза!

— А-а-а! На кого ты руку поднял, срамник! — Солым вскочил, выхватил из ножен кинжал, но в это время на него обрушился второй удар, в глазах потемнело, и он свалился под лестницу.

— Слушай, ублюдок! — Булатыко угрожающе склонился над ним. — Если узнаю, что обижаешь мою се-

стру, вот этим кинжалом перережу тебе горло! С другим парнем должна была она познать счастье, но ты все перевернул вверх дном, своими кознями убрал его с дороги... Знал бы я, что ты лжешь, перегрыз бы твою грязную глотку! А теперь, когда ты добился своего, измываться над моей сестрой вздумал? Не потерплю я этого, душу из тебя выну! Запомни, Солом! — Булатыко вскочил в седло и пулей вылетел со двора.

Долго не мог прийти в себя Солом, лежа под лестницей. Как посмел этот негодяй поднять на него руку среди бела дня в его же доме? Даже богу не прощает Солом своих обид, но как отомстить этому хлыщу? Силен он, подлец, в честном поединке не одолеть его... Нет, лучше упечь его куда-нибудь подальше... Слишком много он знает, становится на дороге, жди от него новых неприятностей...

Распираемый злобой, Солом поднялся, отряхнул пыль с черкески и только собирался войти в дом, как у порога его настиг голос Кази:

— Солом, прятаться нечего, выходи встречать гостя!

По опыту, знал Солом, что если Кази весел и снисходителен, жди от него какой-нибудь очередной пакости. Куда деваться Солому? Закон в руках Кази. Впрочем, эти руки, если их хорошо смазать, легко вертят закон, направляя его в нужную для него сторону... Хоть и ненавидит Солом Кази, но приходится признать, что староста защищает его интересы, и они одним миром мазаны... Вот и сейчас вломился к нему, несет, должно быть, дурную весть.

— Ну, что хорошего скажешь?

— Сын Барсага, Ахсартаг, бежал из Сибири...

— ?!

— От начальства из Гори пришла бумага. Приказывают схватить его и заковать в кандалы.

— Чего же ты ждешь? Хватай!

— Тебя жду...

— Что тебе нужно от меня?

— Тот, кто сумел добраться сюда из Сибири, не станет, как глупый буйвол, прошибать дверь рогами... Капканом его, как лису, надо ловить. Капкан нужно установить где-нибудь в укромном месте, а тому, кто будет расставлять его, нужно поднять настроение... Так

что, раскошеливаясь... — сквозь желтые зубы процедил Кази.

— Сколько?

— Для начала — тысячу.

— Это много!

— Он тебя на мушке держит, не забывай...

Дрожь пробрала Солыма.

— Ну, так как?

— Согласен, — потрянул головой Солым.

— Да хранит тебя господь!.. Вот что я хочу тебе еще сказать...

— Выкладывай!

— Если он сразу же сюда притопает — попадет в мой капкан. Но он может к отцу заявиться, хотя я не очень-то верю в это. Мне кажется, что он не знает пока, что его невеста вышла замуж, и прямоком направится в Уалвазкау. Мне говорили, что они с Булатыко побратались. Если споется он с этим разбойником, твоим шурином, — пропал ты! Слышал я, будто ты обижаешь свою жену, в прошлый раз я сам застал ее в слезах... Так что догадайся сам... Ну, я все сказал. Отсчитай-ка мне мое жалованье, и я пойду ставить капкан. И предупреждаю: дойдет до ушей твоей жены то, что я тебе сказал, не сдобровать тебе!..

Заперев за Кази калитку, Солым задумался. Прав старый мошенник: если Ахсартаг объявится в этих краях, то прежде всего явится к Булатыко. Там он застанет Налкуту, ему, конечно, все расскажут, и тогда Солым погиб. Булатыко дал понять, что он догадывается о его злодеяниях, но заявить об этом во всеуслышание он пока не решает. Но теперь, выведенный из себя его обращением с Налкутой, да еще приободренный возвращением Ахсартага, он беспощадно расправится с ним. Пока это не произошло, нужно миром все уладить.

Наутро Солым помчался в Уалвазкау. Булатыко отказался впустить его в дом. Тогда Солым обратился за помощью к почтенным родственникам Булатыко, чтобы они убедили брата Налкуты простить ему его ошибку. Неожиданно и Налкута поддержала его (она опасалась, как бы между мужем и братом не вспыхнула кровавая распря). Солым бросился в ноги жене и шурина, и они простили его.

Налкута возвратилась в мужний дом. Солыма слов-

но подменили. Он стал мягким, ласковым. Никогда больше Налкута не слышала от него грубого слова. После того, однажды он как-бы невзначай заметил ей:

— Хозяюшка, ты бы привела к нам в дом этого сиротку, я о сыне Хасаны говорю... Люди видели, как я просил об этом, когда хоронили его мать. Но Адзыбе не отдал его мне... Ахсартаг, царствие ему небесное, не был чужим для тебя... Пусть ребенок у нас живет. Нет, я не хочу сказать, что Адзыбе и Айса за ним плохо смотрят, они делают для него все, что могут, но... Словом, у нас он будет и лучше накормлен и лучше одет. Подумай, и если ты согласишься, то приведи малыша...

Налкута не могла взять в толк, почему вдруг надумал Солом приютить сироту. С чего это он так забеспокоился о нем? Он-де и питается впроголодь, и ходит в лохмотьях... Прежде он об Ахсартаге и слышать не хотел, а сейчас сам упомянул о нем... Что все это значило? Не найдя ответа, она обратилась к Ацырухс.

— Одному богу известно, какие козни он опять замышляет... — задумалась мачеха Солома.

— В чем провинился бедный мальчик?..

— Не знаю, не знаю... Только одно мне твердо известно: если Солом тебе делает доброе дело, жди, что завтра он тебе же перережет горло!..

Кто-кто, а Ацырухс слишком хорошо знала коварный и беспощадный нрав Солома. О многих его злодеяниях ей было известно. Опасаясь навлечь на себя его гнев, она совсем замкнулась, только изредка общалась с невесткой. Поняла Ацырухс, что Солом не зря решил взять к себе в дом сына Хасаны. Но сказать твердо об этом Налкуте она не осмелилась. Только и смогла выдать из себя:

— Воля твоя, поступай, как знаешь...

IV

И Налкута привела маленького Бабе. Адзыбе был против, но женщина, стоя на коленях, так горячо молила его отдать ей сиротку, что он уступил.

— Заклинаю тебя твоими родителями, — говорила Налкута, — дай мне Бабе. Моя жизнь после Ах-

сартага лишилась смысла, пожалей меня. Может, этот мальчик оживит мое сердце... Буду растить его, как родное дитя, ничего не пожалею для него... Не обижай меня!..

Кто-то, а Адзыбе хорошо знал, как любила Налкута Ахсартаса, любила даже мертвого. Маленький мальчик был для нее воспоминанием об Ахсартасе — и он согласился.

Маленький Бабе преобразил всю жизнь Налкуты. К ней вернулась былая веселость, она стала оживленной и радостной.

Расчет Сольма оказался верным. Малыш разбудил в жене угасшие чувства, вернул ее к жизни. Для Сольма ребенок был средством воздействия на Налкуту, и потому он ничего не жалел для него. Из поездок он неизменно возвращался с гостинцами для Бабе и жены, нянчился и играл с мальчиком. Наблюдая это, Налкута день ото дня все теплее относилась к мужу. Она многое простила ему за то, что Сольм, как она считала, из любви к Ахсартасу и Хасане, заставил ее взять в дом Бабе, и сердце ее постепенно смягчилось.

Сольму удалось, наконец, подобрать ключик к Налкуте, и теперь он с головой ушел в хозяйственные дела.

В тот день Сольм был в приподнятом настроении: пастухи без потерь пригнали его отары из Кизляра.

Почти вдвое увеличились его отары. Новый пастух, которого он нанял минувшей осенью, оказался на редкость сноровистым и честным парнем.

— Я доволен твоей работой. Ты заслужил награду: выбери себе любую овцу из отары, — сказал он батраку.

— Спасибо, Сольм, за подарок! Да приумножит бог твои стада, но если ты желаешь отблагодарить меня, то дай мне вместо овцы пшеничного ячменя. Осенью я оставил отца в большой нужде...

Сольм охотно согласился, зная, что его доброта обернется для него весомой прибылью.

— Хорошо, мальчик, хорошо... Приходи завтра утром, и я отмерю тебе зерна. Да, у тебя же коня нет, а много ли унесешь руками? Одолжу тебе коня, съез-

ди, повидайся с отцом! Только прошу, не задерживайся, как бы с овцами беда не приключилась...

— Спасибо, большое спасибо, Солым! Век буду помнить твою доброту!

На другое утро Солым отправился куда-то по делам и перед отъездом предупредил Ацырухс:

— Если в мое отсутствие придет пастух, отмерь ему две четверти ячменя и дай коня.

После завтрака пришел пастух. Постучался в калитку. Ацырухс выглянула на стук.

— Прости, госпожа, мне Солым нужен.

— Солыма дома нет.

— Эх, что же мне делать? Я ваш пастух, он мне вчера кое-что пообещал...

— Не тревожься, парень, я сейчас все улажу. Он меня предупредил. Идем-ка со мной...

— Да отблагодарит тебя бог, госпожа!

Они вошли в амбар. Наполнили оба кармана старого рифтага¹ ячменем, и тут глаза Ацырухс скользнули по лохмотьям юноши, сквозь которые местами проглядывало голое тело. Сердце наполнилось жалостью к нищему батраку.

— Прости меня, парень, но откуда ты родом?

— Издалека я, из Хампалгома...

— В этом ущелье много аулов. Ты из какого?

— Из Хардисара.

Женщина вздрогнула.

— Из Хардисара? Кто твой отец?..

— Долат.

— Кто? — глаза Ацырухс странно блеснули.

— Долат... Малдзигов Долат.

У Ацырухс внутри все сжалось в комочек.

— Сколько тебе лет?

— Этой весной минуло двадцать.

— А как звать тебя?

— Таймураз...

Неожиданно отодвинулось в сторону суровое, обожженное студеным ветром степей, лицо пастуха, и на его месте выплыло из забытого прошлого пухлое детское личико, с покрасневшими от натужного плача глазками. Вот Ацырухс, молодая, свежая Ацырухс,

¹ Рифтаг — переметная сума.

склонилась над младенцем, поцеловала нежную щеку и, прихватив узелок с нехитрыми пожитками, шагнула за порог жалкой лачуги... Надрывно заплакал ребенок... Не выдержала, бросилась обратно к люльке...

— Дитя мое! — простонала она. Внезапно видение исчезло, в глазах стало темно, как ночью в погребу, и женщина без чувств упала на мешок с зерном...

Первое, что увидела она, придя в себя, были встревоженные глаза Налкуты. Юноши в амбаре не было.

— Куда делся пастух?

— Сел на коня и уехал в сторону ущелья...

— О, господи, за что ты так прогневался на меня? — стенание вырвалось из груди Ацырухс.

— Горе моему очагу, что случилось? — растерянно спрашивала Налкута.

— Ничего, ничего, невестушка, я просто так...

— Умоляю, не скрывай от меня, вижу, что с тобой неладно!

— Да, неладно, ох неладно! И мне нужен твой совет...

— Говори, — Налкута обратилась в слух.

Сели рядышком две женщины, и Ацырухс поведала снохе всю горестную историю своей жизни.

— Вот и вся моя жизнь, невестка... А сегодня я внезапно узнала в нашем пастухе своего сына, мою молитку, которого оставила плачущим в люльке, моего Таму... Таму, мой единственный, мой дорогой, — струились по щекам женщины слезы позднего раскаяния.

Ацырухс вызывала в Налкуте двойственное чувство. Невестке казалось, что свекровь почему-то побаивается ее и, стремясь не вызывать ее гнева, всеми силами старается угодить ей. Оттого она и выглядела то жалкой, то, наоборот, таила в себе какую-то угрозу. Да и отношения между Солымом и Ацырухс мало походили на отношения между матерью и сыном. Не было у них ни откровенных бесед, ни желания поделиться радостью и горем. Каждый жил сам по себе, замкнувшись в собственной скорлупе, правда, под одной крышей.

Узнав поближе Налкуту, Ацырухс прониклась к ней состраданием. Ведь у молодой невестки, как и у нее, жизнь сложилась далеко не так сладко, как грезилось в девичьих мечтах... И она стала откровеннее с Налкутой, но никогда до конца не раскрывала своей души. И вот сейчас перед Налкутой вдруг предстала страшная картина жизни женщины, ставшей ее свекровью. И столь тяжела была участь ее, что по сравнению с ней бремя Налкуты казалось несравненно легким. Теперь Ацырухс стала ей близка и понятна. Обнялись женщины, и Налкута не сдержала слез.

— Плачь, невестушка, плачь, давай вместе прольем слезы над нашей загубленной жизнью... над нашим безрадостным завтра... Плачь, мое солнышко! Хоть и родились мы, чтобы жить в этом мире, но жизнь обернулась для нас пыткой и вместо роз расстилает перед нами одни шипы...

V

Тяготы жизни слишком рано превратили Долата в немощного старика... Бремя пережитых лет вырыло на его лице глубокие морщины, согнуло спину, лишило былой силы руки и ноги... Не может он уже справиться с тяжким трудом землепашца. Вся надежда его на единственного сына Таймураза, который взвалил на свои юношеские плечи всю тяжесть домашних забот, а Долат лишь помогает ему. Да и женщины в доме нет, а кто не знает, как трудно в доме без женщины? Пятнадцать лет минуло, как Долат похоронил свою мать... После Ацырухс он так и не женился, и все домашние дела — и мужские и женские — взял на себя. Теперь, с божьей помощью, сын вырос, скоро женит его Долат. Молодая невестка возьмет на себя дела по хозяйству, а отец сможет и отдохнуть наконец. Таймураз помолвлен с красивой и работающей девушкой по имени Айса, но отец ее словно решил восполнить свою бедность большим калымом. Долат сам не богаче отца Айсы, все ему достается потом и кровью, где же ему собрать столько добра, сколько требует отец невесты? Слава богу, Таму нанялся в бат-

раки и расплатится за калым через два-три года... И тогда Долат перестанет беспокоиться за сына.

Когда Таймураз явился домой с полным рифтагом ячменя, радости Долата не было предела.

— Господи, хвала тебе, вот теперь мы как-нибудь выкрутимся! — воскликнул он, но заметив, что на осунувшемся лице сына лежит печать чрезмерной усталости, всполошился.

— Мальчик, по твоему лицу видно, что ты очень тяжелую работу выполняешь...

— Да, нелегкая моя работа, бабá. Овец в отаре много... Для такого стада нужно два пастуха... За это Сольм прибавляет мне две овцы в год.

— Да будет проклят тот, кто сотворил бедного человека! Эти две овцы нас не спасут от нищеты, не надрывайся ты на этой непосильной работе!..

Наступило молчание.

— Хозяин не обижает тебя?

— Нет, хорошо работаю, он мною доволен...

Разговор почему-то не клеился.

— Сегодня утром, когда я собрался домой, — заговорил, наконец, Таймураз о главном, — мать хозяйина отмеривала мне ячмень. Вдруг, порасспросив меня, кто я и откуда, она закричала не своим голосом «Дитя мое!» и упала в обморок... Ума не приложу, в чем дело...

Долат задумался.

— С барынями тебе якшаться нечего. Кроме несчастья, они тебе ничего дасть не смогут. Остерегайся господ! Обходи их стороной...

Наутро Таймураз ушел обратно в Тедотикау.

Ацырухс с большим нетерпением ждала его возвращения. Ей казалось, что давно утерянное счастье вернулось к ней через столько лет, и только она хотела дотронуться до него, как оно вдруг исчезло. Сотни и сотни раз перебирала она в уме: что ей делать, как откаться ему, а вдруг он не поймет и не простит ее?

Нет, пусть лучше он ничего не узнает. Так ему будет спокойнее. Зато Ацырухс сделает для него все, что будет в ее силах, ничего не пожалеет для своего сына... Так думала Ацырухс...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

I

В сизом дыму, грохоте молотов и лязге металла тонут рабочие Тифлиссских железнодорожных мастерских. Отсветы багрового пламени пляшут на их блестящих от пота мускулистых плечах и спинах, яркие снопы искр, вылетающие из-под молотов, на миг выхватывают из полумрака суровые лица и воспаленные глаза.

— Дзинг-дзинг! Дзинг-дзинг! — звонко бьют молоты.

— Аф-лаф! Аф-лаф! — часто дышат огромные меха.

— Палх-палх! Палх-палх! — бурно клокочет жидкий металл в железоплавильных печах.

В эту симфонию напряженного труда вплетается и звон молота Ахсартага. Вот уже около года каждое утро входит он через железные ворота во двор мастерских вместе с сотнями призрачных теней, расплывающихся в зыбком свете нарождающегося дня. Невыспавшиеся, с опавшими от вековой усталости плечами, они бредут к своим горнам, чтобы до вечерней зари таскать железо, махать молотом, раздувать меха...

Тяжелая, изнуряющая работа у Ахсартага, а жалованье скудное. Да еще плата за угол, который он снимает в сыром подвале на одной из кривых улочек Тифлиса, да еще бесконечные штрафы, так что к концу месяца на еду остаются жалкие гроши. Временами возникает мысль найти другую работу... Но нелегко оставить друзей, которых он приобрел здесь. Такие же бедняки, как и он, но зато в любой миг на них можно положиться. На работу он устроился благодаря им, оформился под чужим именем и фамилией.

Когда он ночью ушел из Тедотикау и пешком добрался до Гори, в поезде неожиданно встретил Илара, приятеля отца. Ахсартаг рассказал ему о своих мытарствах, ничего не утаив.

Илар, немало испытавший на своем веку, умудренный жизненным опытом человек, крепко задумался и, наконец, спросил:

— Какой-нибудь документ у тебя есть?

— Какой может быть документ у беглого каторжника? — удрученно ответил Ахсартаг.

— В таком случае тебе в Баку нельзя ехать... Без документов тебя на работу не примут, среди незнакомых людей тебе будет трудно скрываться, и ты снова в Сибири очутишься.

— Что же мне делать? — уныло спросил Ахсартаг.

— Я тебе помогу. В железнодорожных мастерских Тифлиса, где я работаю, у меня есть хорошие товарищи. Вместе с ними что-нибудь придумаем.

И Ахсартаг остался в Тифлисе. Товарищи Илара раздобыли ему паспорт, отвалив кому-то в полиции порядочный куш. Ахсартаг начал новую жизнь под чужой фамилией, став рабочим железнодорожных мастерских.

Илар считал своим долгом помогать, чем мог, сыну своего друга Барсага. В мастерской они работали рядом, и старый рабочий охотно делился тайнами своего ремесла с новичком.

Высокий, широкоплечий — крестьянская кость — Илар ловко орудовал своими сильными, как рычаги, руками. Его мощный торс казался отлитым из бронзы, кожа на лице испещрена оспинами от искорок раскаленного металла. Брови и усы в рыжих подпалинах от постоянного соприкосновения с огнем.

Ахсартагу трудно было в первые дни работать наравне с Иларом. Пот ручьями катил с него, из груди вырывалось прерывистое дыхание. Но с каждым днем он все увереннее входил в ритм труда, движения его стали размереннее и экономнее.

Илар жил в темном подвале с женой и тремя дочерьми. Когда семья бывала в сборе, в комнатухе нельзя было повернуться. Ахсартаг не хотел стеснять своих радушных хозяев и, несмотря на их возражения, не остался жить у них. Подыскал себе жилье неподалеку. Хотя, какое это было жилье? Полутемная клетушка с затянутым паутиной окошком. Но удобства мало заботили Ахсартага. Ничему он не радовался, да и огорчения не трогали его сердца.казалось, все застыло у него внутри: мечты, желания, чувства.

Поздно вечером, разбитый от усталости, возвра-

шался он в свою каморку, сел на табурет у окна и глядел куда-то вдаль, пока ночная мгла не покрывала неровный булыжник мостовой и на узкой грязной улочке не стихал шум шагов последнего загулявшего прохожего.

Вот и сегодня, придя с работы, сел он у окна. За пыльным треснутым стеклом крупные снежинки лениво кружились в воздухе мохнатыми бабочками и устилали своими белыми трупиками мостовую, крыши приземистых домов, каменные ограды. Снег вызвал в Ахсартаге воспоминания о родных горах, о Тедотикау. В памяти возник отчий дом. Вот у окна сидит его мать, Фардыг, и смотрит, как неистовый ветер гоняет по двору клубы снега. Отец примостился у очага и подкладывает в огонь поленья...

А снег все падает и падает... Как сейчас сердце Ахсартага сковывает ледяной холод, так, должно быть, застыли и сердца его гыцци и баба... Как давно он их не видел!

Испокон веков так заведено природой, что после зимы приходит весна. Но никак не приходит весна к Ахсартагу... Весна... Как он любил ее приход! В эту пору природа, словно невеста, облачается в свой красивый наряд, веселее шум водопадов, звонче пение птиц, обилие цветов на лугах...

Но сорван беспощадной рукой Солыма цветок, который расцвел для Ахсартага. В этот момент Налкута, должно быть, хлопочет в теплом богатом доме мужа, а может быть, сидит, как и он, пригорюнившись, у окна и смотрит, как снежинки одна за другой умирают на земле. Знает Ахсартаг, что жизнь Налкуты сложилась не по ее желанию... Для нее тоже никогда не наступит весна, потому что она, как и Ахсартаг, похоронила в своем сердце все надежды... похоронила навеки...

Верит Ахсартаг: узнай Налкута, что жив он, что ее обманули, растопила бы своей нерастроченной любовью снега, залегающие между ними, и пришла бы к нему...

Как знать, может, он и не прав, что скрывается от нее... Но нет, нельзя Налкуте дважды потерять его: он беглый каторжник, и жизнь его постоянно на волоске держится...

Можно было бы похитить Налкуту, но куда скрыться с нею? Не такое уж легкое дело — выкрасть чужую жену, да еще такого сильного врага, как Солом, тут без кровопролития не обойдется... Новое горе доставил бы он своей любимой, матери и отцу. Они и без того немало выстрадали... Этот страх связал ему руки, и он бежал от новых бед.

Однажды в сердце Ахсартага блеснул слабый проблеск надежды, и мысли его потекли по новому руслу.

Случилось это во время обеденного перерыва в мастерской. Один из его новых товарищей, грузин Сандро, оглянувшись по сторонам, шепнул на ухо Ахсартагу:

— Ты, парень, что-то грустишь... Знаю, Илар мне рассказывал о твоих злоключениях. Помочь тебе ничем не могу, но... есть книжка о том, как избавиться от страданий таким беднякам, как ты... Если бы ты выучился читать, я бы одолжил тебе ее... Удивительно хорошая книга!..

— Я немного умею разбирать слова, — отозвался Ахсартаг. — На каторге один русский, Василием его звали, обучил меня азбуке.

— Ну, что ж, тогда после работы поводи меня...

Вечером, когда они вышли за ворота мастерских, Сандро вынул из-за пазухи тоненькую книжку и незаметно сунул ее Ахсартагу, настрого предупредив:

— Смотри, чтобы никто не обнаружил ее у тебя, не то снова очутишься в Сибири!

В эту ночь Ахсартаг так и не смог заснуть. При слабом свете свечи до рассвета читал, водя пальцем по строчкам, удивительную книгу, которая, как сказал Сандро, грозила ему каторгой.

Многого он не понял в книге, но одно крепко взяло его за душу: жизнь построена на несправедливости, одни трудятся в поте лица, а другие пожирают их плоды. Эту мысль не раз высказывал его товарищ по каторге Василий, революционер, кажется, так он себя называл. Василий рассказывал ему об ужасных условиях жизни рабочих на больших фабриках и заводах России, о виновниках страданий и голода крестьян...

Ахсартаг очень хорошо знал о бедственном положении безземельных крестьян, ощущал в себе ог-

ромное желание помочь им, но тогда он еще не имел ни малейшего представления о жизни промышленных рабочих. Слушая рассказы Василия, он сравнивал участь нищих и бесправных рабочих с обездоленным существованием горцев в родном ауле. В Тедотикау нет никого богаче Солыма и Хунцела, но даже у них нет столько земли, чтобы прокормить на ней всех бедняков аула. А хозяева заводов и фабрик владеют таким богатством, что, захоти они, все их рабочие могли бы жить безбедно и счастливо. Но, где там!.. Они предпочитают жить в роскоши, транжирить огромные деньги на развлечения и заморские безделушки, высасывая кровь из тысяч и тысяч мужчин, женщин, подростков...

А эта книжка учит уму-разуму, показывает путь к справедливости, зовет к свержению алдаров и фабрикантов. В ней рассказывается о сказочной жизни, когда люди станут равны, не будет богатых и бедных, и каждый человек сможет стать хозяином своей судьбы... Вот такая волшебная книга...

И Ахсартаг готов бороться за эту прекрасную жизнь. Одно неясно Ахсартагу: кто должен повести рабочих и крестьян на битву? Согласится ли обездоленный люд подняться без оружия, подставить свою шею под карающий меч царской власти? А кто же будет управлять рабочими и крестьянами после того, как они перебьют всех хозяев? Как можно без хозяев, без начальства, кто-то же должен быть над теми, кто работает? А если одни будут работать, а другие — распоряжаться, то какое же это равноправие?!

Окончательно запутался в своих мыслях Ахсартаг. На следующий день он задал эти вопросы Сандро.

— Об этом здесь нельзя говорить, — шепотом ответил тот. — Среди нас есть доносчики... Вечером приходи ко мне, потолкуем...

II

Давно заснули вповалку на одной кровати дети Сандро. Его жена Кето сидит у остывшей печки, сгорбилась, задремала от усталости. Но не рвется нить беседы между хозяином и гостем. Ахсартаг задает

все новые и новые вопросы, а Сандро обстоятельно отвечает на них.

В ту ночь Ахсартаг многое узнал. Люди, подобные Василию, например... Это революционеры, которые посвящают свою жизнь борьбе за интересы бедняков, призывают их сбросить с трона царя, чтобы построить новую жизнь...

— Ну, на сегодня хватит!.. Завтра нам рано вставать, на работу идти... Вот тебе другая книга, когда прочитаешь ее, снова приходи ко мне, — поднялся со стула Сандро, когда старые ходики на стене показывали уже начало новых суток.

С тех пор Ахсартаг привязался к Сандро. Шло время. Он с жадностью прочитывал книги и газеты, которые неизвестно откуда добывал Сандро. Каждый раз у него возникали вопросы, часто он сталкивался с непонятными словами, а то и с целыми страницами в нелегальной литературе, и его друг всегда просто и ясно объяснял ему все. Так постепенно, подобно тому, как закаливается сталь, шло политическое возмужание Ахсартага.

Жизнь теперь обрела для него иные краски. Слово спал он все эти годы, а теперь пробудился, расправил плечи, скованные цепями, и надежда растопила его заледеневшее сердце. Нет, не исчезла из жизни Ахсартага весна, она еще придет, красивая и желанная. Но ждать ее надо, не сложа руки, а, засучив рукава, идти к ней навстречу по тернистому пути.

В сознании вчерашнего крестьянина и сегодняшнего рабочего постепенно зрело понимание того, что причина его страданий — не бог, не злой рок, даже не подлая клевета, а, как говорил Сандро, общественный строй, прогнивший до основания. Это общество настроило людей друг против друга, породило хищников типа Солыма и хозяев железнодорожных мастерских, которые безжалостно пьют кровь народа. Царь — на их стороне, их защитник и покровитель. Подобно своре волков, гонят они людей к пропасти, и нет спасения, пока не рухнут устои этого общества.

Ахсартаг обладал природным умом и сметливостью. Воспитательные усилия Барсага и Хасаны давали всходы на благодатной почве. Юноша вырос нетерпимым к насилию и самоуправству, лжи и лести.

Ахсартаг рано понял, что жизнь построена на несправедливости, но неграмотному горцу трудно было разобраться в причинах этого. Впервые на вопрос, почему в этом мире самые жирные и лакомые куски достаются тем, кто лишь баклуши бьет, ответил ему русский друг Василий во время задушевных разговоров долгими зимними ночами в Сибири. Тогда-то и забрезжил в его мозгу слабый свет знаний, а в эту тифлисскую зиму благодаря Сандро знания его обогатились. Путаница в его голове все больше уступала место стройному и ясному мышлению.

И, наконец, наступил день, когда его сознание окрепло настолько, что Сандро решился свести Ахсартага с революционерами, которые тайно действовали среди рабочих.

Подпольщики часто собирались то на одной, то на другой квартире, обсуждали экономические требования рабочих, разрабатывали тактику стачечной борьбы, читали запрещенную литературу. На одном из таких собраний Ахсартаг познакомился с рабочим-революционером Сергеем Богохваловым, который снабжал группу нелегальными книгами, журналами и газетами, встретился с опытным подпольщиком Ваню Нинуа. От Богохвалова Ахсартаг впервые услышал о большевиках, их вожде Ленине. На собраниях подпольной группы Ахсартаг узнал, что в войне с Японией гибнут тысячи солдат. Страна обнищала. Трудящиеся больше не в силах выносить гнет царского самодержавия, и в крупнейших городах страны разгорается пламя революционной борьбы. Потрясенный, узнал он о том, что в далеком Петербурге пролилась кровь рабочих, коварно обманутых царем: мирное шествие трудящихся, требовавших мира и хлеба, было расстреляно солдатами.

Подпольный революционный комитет на своем очередном собрании вынес решение: объявить всеобщую политическую стачку рабочих Тифлиса в знак протеста против расстрела рабочих в Петербурге.

Забастовку готовили скрытно и тщательно. И вот настал назначенный день. С утра во дворе Главных железнодорожных мастерских стали собираться рабочие, но никто не приступал к делу. Полиция Тифлиса была поднята на ноги. Стачечникам грозили тюрьмой,

но никто, за исключением нескольких предателей, даже близко не подошел к станкам. Толпа рабочих, подобно горной реке, выплеснулась на улицу, неся поднятые плакаты с требованиями улучшения условий труда и повышения заработной платы.

В помощь полицейским были вызваны казаки, и манифестацию задушили в потоках крови... Жандармы схватили организаторов забастовки. Среди них был и Сандро.

Кто-то предупредил Ахсартага, что в его камере побывали сыщики, произвели обыск, унесли с собой какие-то книги, и он не пошел к себе.

Больше месяца он скрывался.

В тот год пламя революционной борьбы поднялось высоко. То в одном, то в другом городе России и ее национальных окраин вспыхивали забастовки и стачки рабочих. Пошатнулся фундамент самодержавия. Готовились к вооруженному восстанию. Российская социал-демократическая рабочая партия приняла решение направить своих представителей в деревню для пропагандистской работы среди крестьянства с тем, чтобы подготовить его к всеобщему вооруженному восстанию.

В числе этих посланцев был и молодой большевик Ахсартаг.

III

Поздно вечером в ворота дома Булатыко кто-то осторожно постучал.

Булатыко играл с маленьким сынишкой. Услышав стук, опустил ребенка на пол и вышел на балкон.

— Кто там? — окликнул он.

— Булатыко, это я, — глухо ответил незнакомец.

Булатыко сбежал по лестнице и открыл калитку.

— О, боже, Ахсар... — вскрикнул он, но гость зажал ему рот рукой.

— Тс-с-с, тише, заклинаю памятью родителей, не называй меня этим именем... Не Ахсартаг я теперь, называй меня Кассай.

Булатыко посмотрел на него непонимающим взглядом.

— Позже объясню тебе все. Скажи мне только одно... Помнишь, несколько лет назад, когда мы виделись в последний раз, ты сказал: если тебе когда-нибудь понадобится моя помощь, двери моего дома будут открыты для тебя. Если ты теперь думаешь иначе, я найду пристанище в другом месте...

— Ты оскорбил меня, — обиделся Булатыко.

— Прости, я не хотел этого...

— Идем в дом, здесь не место для разговоров!

Ахсартаг вслед за Булатыко вошел в комнату.

— О, боже, ты совсем не похож на себя! Вот уж и седина в бороде появилась... Где ты был, почему не известил нас о себе? — вне себя от радости, Кыркыс забросала его вопросами.

— Хозяюшка, попотчуй гостя, а уж потом расспрашивай его, — разводя огонь в очаге, заметил Булатыко.

Кыркыс юркнула в соседнюю комнату, и вскоре оттуда раздалось пошлепывание по ситу, — хозяйка просенвала муку.

Вдруг сердце Ахсартага вздрогнуло. Ему пригрезилось, что там, у корытца с тестом, возится не Кыркыс, а Налкута... Ахсартаг сидит у огня, отогревается с дороги, а Налкута хлопчет над ужином для него... Перед глазами встали картины прошлого. Сколько радостных часов провел он здесь, возле своей ненаглядной... Самым счастливым человеком на свете считал он себя, не подозревая, какая нелегкая судьба уготована ему!..

Булатыко не стал мешать Ахсартагу, углубившемуся в воспоминания. Устал, наверное, надоело ему прятаться в лесах и скалах, вот и вспомнил, должно быть, минувшие беззаботные и счастливые дни. Жизнь абреков на волоске держится, смерть преследует их по пятам... Жалость и сострадание к этому горемыке сжали сердце Булатыко. Не напрасно, знать, он явился к нему. Какая-то беда подстерегает его, и понадобилась помощь названного брата. Что ж, Булатыко ничего не пожалеет для него, даже жизнь свою готов отдать... В его горькой судьбе есть и доля вины Булатыко: не соверши он преступления, сестра его вышла бы замуж за Ахсартага, и они оба были бы счастливы. Все эти годы не притупляется в Булатыко острое ощущение ви-

ны перед Налкутой и Ахсартагом. И теперь, когда Ахсартагу понадобилась его помощь, Булатыко сделает все, что только в его силах.

— Не пойми мои слова превратно, — не выдержал затянувшегося молчания Булатыко, — но я хотел бы поскорее узнать, что я должен для тебя сделать?

— Только одно — спрятать меня, — спокойно ответил Ахсартаг.

— Ты один?

— Да, один.

— А где же твои товарищи?

— Товарищей пока у меня нет, первым будешь ты. Булатыко не понял, но продолжал спрашивать:

— Против кого же ты будешь бороться?

— Против царя, против Солыма и Кази, против Хунцела и твоего деда Борсы...

— Как же мы справимся с ними вдвоем?

— Мы не одни, все угнетенные люди будут с нами заодно!

— Да, но все они вряд ли согласятся стать абреками!

— Зачем абреками? Я пришел сюда не для того, чтобы абреком стать...

— Зачем же тогда?

— Для справедливой мести!

— Что-то я никак не пойму тебя, Ахсар... тьфу, Кассай!

Ахсартаг попытался объяснить.

— Булатыко, я не абрек. Я пришел просить тебя о помощи не для того, чтобы вместе угнать чужой скот или всадить в кого-нибудь кинжал... Я пришел по более опасному делу. Путь, который я выбрал для борьбы против твоего зятя и деда, против тех, кто наживается на непосильном труде бедняков, этот путь, в случае неудачи, грозит нам виселицей и каторгой, а если мы победим, приведет к счастью и равноправию для всех угнетенных...

— Почему ты выбрал меня своим товарищем?

— Потому что я верю тебе, знаю, что ты поможешь мне!

— Спасибо, что доверяешь мне, но ты что-то очень уж опасные речи ведешь... Уж не из бунтовщиков ли ты?

— Да, из них. Рабочие Тифлиса направили меня сюда.

В комнату вошла Кыркыс, неся перед собой фынг с уаливаками и аракой в кувшине.

— Поужинайте, а потом будете продолжать свои разговоры, впереди — длинная ночь, — улыбнулась Кыркыс.

Мужчины сели за стол.

* * *

В Тедотикау все упорнее просачивались слухи об удивительных делах, происходящих на свете. Рассказывали, будто где-то в равнинных селах бедняки выступили против своих алдаров. Отказались платить им подати, нести гужевою повинность, вырубают алдаровы леса, жгут их усадьбы. А тех, кто пытается помешать им, убивают на месте.

Поговаривали, что из города приехал какой-то человек по имени Кассай, наделенный необычайной силой и умом. Он появляется то в одном ауле, то в другом, проводит тайные собрания, настраивает людей против царя и алдаров. Его, дескать, преследует пристав с отрядом стражников, но он ловко выскальзывает из их рук. Недавно, говорят, полицейский начальник настиг его в ауле Худисан. Но люди спрятали Кассая. Пристав потребовал, чтобы его выдали. Крестьяне отказались. Тогда начальник принялся хлестать плетью старейшину аула. Вдруг откуда ни возьмись Кассай налетел на пристава и в мгновение ока вышиб его из седла. Люди, увидев, что пристав валяется в пыли, бросились на стражников и отобрали у них оружие.

Рассказывают еще, что недавно алдар со своими прихвостнями приехал в Сохтыкау собирать подати. Они врывались в дома тех, кто не мог заплатить, силой отбирали жалкие пожитки у людей и оскверняли цепи над очагами.¹ Кассай, узнав об этом, устроил засаду в узкой горловине ущелья. Подкараулил алдара со свитой и награбленным добром, перебил всех до

¹ Цепь над очагом в доме осетина считалась священной.

единого, а скот, зерно, продукты и домашнюю утварь раздал обратно беднякам.

Слухи об уме, отваге и мужестве Кассая с каждым днем все ширились и обрастали новыми подробностями. О нем говорили, как об избавителе горцев от непосильного гнета, славили чуть ли не как нарта Сослана.¹ Молодежь готова была идти за ним в огонь и воду.

В Тедотикау ждали Кассая. Он собирается, якобы, отобрать земли Хунцела и Солыма и раздать их беднякам аула.

У Адзыбе из головы не выходил Кассай. Кто он такой? Взглянуть бы на этого прославленного человека. Однажды вечером во дворе Адзыбе появился племянник Цоры, молодой человек из Уалвазкау по имени Асланбек.

— Адзыбе, если ты не занят, пойдем завтра вместе на охоту, а?

Неожиданное предложение Асланбека вызвало у Адзыбе какое-то подозрение. Какая весной охота, когда звери отощали после зимы, да и зачем ему понадобилось искать себе напарника за тридевять земель, из другого ущелья. Однако согласился, и они условились о месте встречи.

Ранним утром следующего дня два охотника отправились в сторону Гладкого ледника. Не доходя до перевала, Асланбек присел на траву.

— Адзыбе, посидим, отдохнем немного.

— Не время отдыхать, Асланбек, надо успеть добраться до ледника, пока солнце не поднялось, — отказался Адзыбе, зная, что сейчас последует откровенный разговор. И не ошибся:

— Садись! Будто ты не знаешь, что в это время года никто не охотится... За другим я тебя позвал...

— Что тебе понадобилось? — сердце тревожно забилось в предчувствии.

— Кое-кто хочет тебя видеть.

— Где он?

— У нас.

— Почему же ты привел меня сюда?

— Так было нужно, чтобы никто не заподозрил.

— Кто он, что ему нужно от меня?

¹ Нарт Сослан — герой осетинского народного эпоса.

— Кассай...

— Кассай? — вздрогнул Адзыбе. — Откуда он меня знает?

— Знает... Да и ты его знаешь!

— Клянусь, я только слышал о нем, но в глаза не видел!

— Погоди клясться, скоро все поймешь...

В сумерках вошли в аул. Когда Асланбек свернул к дому Габо, Адзыбе настороженно спросил:

— Почему мы идем туда?

— Он там.

Адзыбе страсть как не хотелось встречаться с Булатыко. С того случая на празднике Рагдзуар, когда этот задира повздорил с Ахсартагом, Адзыбе сторонится его. Но ничего не поделаешь, надо идти... Скрепя сердце, он шагнул за Асланбеком.

Булатыко с чем-то возился во дворе, время от времени бросая настороженный взгляд в темноту. Он поздоровался с прибывшими и ввел их в дом.

— Ну, Асланбек, оставляю гостя на твое попечение. А меня вы извините, я ненадолго покину вас, — сказал хозяин и вышел.

Адзыбе с недоверием поглядел вслед Булатыко, и это не ускользнуло от взгляда Асланбека.

— Днем Кассай скрывается, ведь его ищут повсюду... Но он скоро придет, — объяснил он.

Булатыко вышел ненадолго. Пока Кыркыс расспрашивала Асланбека о своем дяде Цоре, он вернулся в сопровождении незнакомого мужчины.

Асланбек тотчас вскочил, и они с незнакомцем радостно приветствовали друг друга.

— Я выполнил твою просьбу, — указывая на Адзыбе, сказал Асланбек.

Лишь сейчас Адзыбе смог рассмотреть вновь прибывшего. Перед ним стоял молодой еще человек, но в бороде его пробивалась седина. Вокруг глаз разбежались морщинки, лоб и переносицу изрезали глубокие борозды. Жизнь отложила на его лице свои метки, видать, немало покатала его меж своих жестких ладоней. Густые усы двумя тяжелыми снопами свисали под тонким, с горбинкой носом. «Так вот он какой, легендарный Кассай», — подумал Адзыбе.

Незнакомец проникательно глядит на Адзыбе, слов-

но читает его мысли. «Кто же он, почему так смотрит на меня?» — тревожно соображает Адзыбе.

Адзыбе бросило в жар.

— Не узнаешь меня? — тихим голосом спросил Кассай.

— Нет, я не знаю тебя...

— Эх, а еще друг называется! — мгновенно изменив голос, воскликнул Кассай, и Адзыбе вздрогнул, словно молнией пораженный.

— О, мой создатель!.. Ахсартаг!.. — вскричал он, заключил мужчину в свои крепкие объятия.

Друзья долго не могли оторваться друг от друга.

— Чтоб ты сгинул, устал я ждать тебя все эти годы!.. Где ты пропадал столько лет? — набросился на него Адзыбе, когда они, наконец, высвободились из дружеских объятий. — Ну, выкладывай, откуда ты взялся, где был, что делал?

— погоди, чуть позже...

После ужина, во время которого Булатыко то и дело выходил на балкон, чтобы всмотреться и вслушаться в темноту, Адзыбе и Ахсартаг заперлись в сарае. Прилегли на свежескошенное сено.

Пряный запах свежего сена приятно щекотал ноздри, наполняя спокойной радостью Ахсартага. Ему вспомнились безоблачные дни его юности, когда, работая на клочке сенокоса братьев Бесоловых, он так любил состязаться с косарями Солыма. А как приятно было отдыхать, привалившись натруженной спиной к живительной прохладе только что скошенной травы, и провожать взглядом белоснежные облака в небе, уносясь мысленно вслед за ними в неведомые миры! Ах, если бы он мог и сейчас растянуться на этом сене и, никого не опасаясь, заснуть крепким сном. Боже, как давно это было... Теперь он чаще не в небо смотрит, пытаясь разгадать свою судьбу, а на землю, всю в рыжих пятнах от пота и крови, твердо зная, что ему и его товарищам предстоит отмыть эту землю, чтобы завтра на ней расцвел цветок счастья для всех поработанных народов. А для того, чтобы выполнить эту тяжелую и опасную работу, ему нужны верные боевые товарищи, на которых смело можно было бы положиться в минуту опасности.

И Ахсартаг нашел себе таких преданных друзей среди земляков. Это — Асланбек, Булатыко, Дзамболат.

Илас и многие другие. В этом ущелье у него в каждом ауле есть верные люди. А вот теперь прибавился еще и Адзыбе, друг его юности...

Он не рисковал появляться в родном ауле, опасаясь, что его могут узнать. Не решался нанести душевную травму Налкуте, матери, отцу. Один раз он для них уже умер, каково им будет хоронить его вторично? А путь, на который он встал, чреват неожиданностями... А если он так изменился, что его узнать трудно? Нужно проверить. Послал за Адзыбе. Изменил голос. Даже друг не узнал его. Теперь дорога в родной аул открыта.

— Ну, говори, чего ты замолчал. — Адзыбе толкнул Ахсартага в бок локтем.

— Ты, должно быть, хочешь знать, где я был столько лет? Слушай! — Ахсартаг устроился поудобнее на боку и вполголоса рассказал о своих мытарствах.

— Так ты и есть Кассай? — Адзыбе, видимо, не все до конца понял.

— Я, Кассай, и прошу, забудь мое имя! Ахсартаг умер несколько лет назад, и незачем его откапывать. Нет больше наивного и доверчивого Ахсартага. Вместо него появился Кассай, у него открыты глаза, он знает дорогу к свету и хочет помочь своему народу, таким бедным обездоленным крестьянам, как ты, выйти на светлую дорогу и обрести свободу... Пришло время отомстить тем, кто заставлял страдать трудящихся людей... Вот, например, Солым... Ну, чем вы хуже этого кровопийцы? Почему он должен помыкать вами?

— Наверное, так богу было угодно, — тяжело вздохнул Адзыбе.

— Нет, Адзыбе, бог тут не при чем. Виноваты в этом чудовищные законы жизни. Надо разрушить до основания эту жизнь, чтобы построить новый, свободный мир, где люди будут равноправны, где не будет алдаров и батраков!

В темноте, настоенной на аромате сена, наступила тишина. Ее нарушил возбужденный голос Адзыбе:

— Опасное дело ты затеваешь, друг! Прольется кровь...

— Да, Адзыбе, прольется. Свободу нельзя добыть без боя! Через потоки крови проляжет дорога к светлому будущему, но там, где упадет один — в строй вместо него встанут двое! Другого выхода нет, Адзыбе... И нам

нужно сделать выбор: позорная жизнь под ярмом солов и хунцелов или достойная смерть на поле боя, — увлеченно говорил Ахсартаг. Он рассказал Адзыбе о бедственном положении городских рабочих, о том, что они готовятся к вооруженному восстанию против царя, а для этого им необходима помощь крестьян. Он приехал в родные горы для того, чтобы поднять жителей ущелий на борьбу, и ему нужна поддержка Адзыбе.

Внимательно слушал Адзыбе, слушал и не верил своим ушам. Его давнишний друг, с которым ели и спали вместе, вместе играли и впервые познали нелегкий крестьянский труд, ради дружбы с которым он, не раздумывая, бросился бы со скалы, этот друг казался ему совсем другим человеком. И неведомо было Адзыбе, откуда столько ума и душевной силы почерпнул Ахсартаг, в каком горниле закалялась его ясная мысль, его непреклонная решимость посвятить себя освобождению горцев от ига алдаров и чиновников. Но Адзыбе чувствовал, что друг его идет по опасному пути и ему на этом пути нужно опереться на преданных людей. Что ж, он готов подставить свое плечо...

— Я еще не все понимаю своим коротким умом, но сердцем чувствую, что ты большое дело задумал. Не знаю, чем кончится твой путь... Но куда бы он не привел тебя, я готов следовать за тобой. Скажи, что я должен делать?

— Хочу встретиться с нашими односельчанами.

— Что может быть легче этого?

— Нет, это не такое легкое дело, как тебе кажется. Прежде тебе надо переговорить с теми, на кого ты можешь положиться. Объясни им, зачем я приехал. Затем, не мешкая, следует раздобыть оружие. Повсюду народ поднимается на борьбу, вы тоже должны быть готовы. А мое настоящее имя никто не должен знать. Для всех я Кассай. Может быть, потом, когда наше дело победит, Ахсартаг воскреснет из мертвых...

— Положись на меня, Ахсартаг. Молодежь Тедоти-кау будет на твоей стороне. Они и так бредят твоим именем... А о родителях не беспокойся, я рядом с ними.

— Как там маленький сын Хасаны?

— Он у Налкуты... Умолила меня, бедняжка, отдать ей ребенка. Дорог он мне, говорит, как память об Ахсартаге...

Наступила недолгая пауза.

— Как живет Налкута?..

— Нет уж прежней Налкуты, иссушило ее горе... Кстати, этот петух, ее брат... Неприятен он мне... Не понимаю, почему ты скрываешься у него?

— Здесь безопасно.

— Неужели ты более надежного места не нашел? Не верю я ему, он недалеко ушел от Солыма...

— Нет, Адзыбе, ты не знаешь Булатыко. Правда, я замечаю, что его постоянно терзает раскаяние за какой-то проступок в прошлом. Ты знаешь, он очень помог мне. Благодаря ему, удалось сплотить молодежь нескольких аулов, поднять ее на борьбу за наше дело. Он очень смел и решителен, только вот никак не могу разгадать его тайну...

В щелях сарая забрезжил бледный рассвет. Где-то на краю аула пропел горластый вестник нового дня. За дощатой стеной слышался звук шагов.

— Это Асланбек, собирайся. Никто не должен видеть, что мы вышли отсюда... А меня ждут сегодня в Фасрагкау,

На околице аула их пути разошлись.

IV

Едва дворовых построек коснулся розовый свет утренней зари, как Булатыко осторожно приотворил дверь сарая. Не застав там своих ночных гостей, он ничком упал на сено.

Булатыко нужно было собраться с мыслями. Всю эту ночь он провел в мучительных кошмарах. Давно уже терзает его раскаяние за тяжелые грехи, которые он взял на душу в бытность пустоголовым мальчишкой. Хотя и прошло много лет, но боль от этого не притупляется, лишает его ночами сна. Особенно нестерпимой боль эта стала после того, как Ахсартаг вновь объявился в родных горах.

Невозможно представить, что он, Булатыко, вот этими руками убил собственного отца... Но нет, ему не приснилась та страшная ночь, когда ненависть, раздутая в нем Солымом, втокнула его в комнату спящего больного отца... Совесгь все громче говорит в нем. Все чаще прес-

ледует Булатыко призрак Габо, звучит в ушах голос отца: «Что ты натворил, мальчик, позор, позор!». Булатыко убегал от этих видений, но разве можно убежать от самого себя? Терзаемый кошмарами, он кидался на кладбище и падал на могилу отца, бился в отчаянии, моля о прощении:

— Прости, бабá, прости! Дьявол похитил мой разум, сделал отцеубийцей!

Но кто же был тем дьяволом, толкнувшим его на чудовищное преступление? Солом. Только Солом был источником всех его несчастий. Слишком поздно раскусил его Булатыко, понял, какой жалкой игрушкой был он в руках этого опасного хищника, плетущего одну за другой все новые сети для своих невинных жертв. Но страшно, омерзительно страшно было ему признаться в своем преступлении, вырвать тем самым ядовитое жало змеи... И, спасая себя, Булатыко принес в жертву Налкуту и Ахсартага. Одно преступление потянуло за собой второе...

Не щадит себя Булатыко. Выворачивает наизнанку свою душу, словно стремится очистить ее. Но он знает, что есть только один путь к очищению.

Жертвами злобы и ненависти пали Габо, Хасана и Зарина. Ходят еще по земле Налкута и Ахсартаг, но жизнь их друг без друга не лучше смерти. Хороша жена у Булатыко, но он и этому не рад, насладиться счастьем ему мешает горькая судьба сестры... И вот теперь вернулся из страны мертвых Ахсартаг. Отвергнутый, изгнанный из жизни, вынужденный скрываться, Ахсартаг доверился ему, сделал соратником по борьбе... а он... он таит от него свой грех!..

Ну, какой из него друг? Ах, если бы Ахсартаг вместо того, чтобы назвать его побратимом, всадил в его сердце нож, было бы гороздо лучше для него, чем жариться вот так на медленном огне самоистязания. А какой он парень, Ахсартаг! Булатыко готов в любую минуту за него идти на смерть. Он уже помог кое в чем Ахсартагу, но это было лишь желанием хоть частично искупить свой грех...

Ахсартаг пришел в их ущелья, чтобы мстить всем врагам — Солому, Борсе, другим кровопийцам... И молодежь — Булатыко сам видел это — готова следовать за Кассаем хоть на край света. Нет, только два истинных

друга у него на свете: Ахсартаг и Асланбек. Перед Асланбеком совесть его чиста, но перед Ахсартагом... Нет, нет, надо поскорее облегчить душу от непосильного груза, который совсем придавил его к земле!..

— Булатыко-о! Куда ты пропал? Скотину пора выгонять! — слышался голос Кыркыс, и Булатыко оторвался от тягостных дум.

Прошло несколько дней. Как-то к полуночи в Уалвазкау пришли Ахсартаг с Асланбеком. На околице они пожелали друг другу доброй ночи и расстались. Усталый Ахсартаг один побрел к дому Булатыко. Перемахнул через плетень и, не желая беспокоить хозяев в столь поздний час, прямоком направился к сараю. Зарылся в сено, расслабил сведенные усталостью мышцы, закрыл глаза...

Вдруг у входа слышались чьи-то крадущиеся шаги. Дверь медленно отворилась. Пальцы Ахсартага сжали рукоятку револьвера.

— Ахсартаг, ты спишь? — услышал он голос Булатыко.

— Нет еще, — мгновенно расслабившись, ответил он.

— Прости, друг, что не даю тебе отдохнуть, но у меня к тебе важный разговор...

— Конечно, Булатыко, садись рядом.

Булатыко пристроился на сене так, что его губы приходились на уровне уха Ахсартага. «Должно быть, не зря он такое неурочное время выбрал для разговора», — подумал Ахсартаг, и сон как рукой сняло.

— Пусть не удивляет тебя, что я так поздно пришел к тебе, — заговорил, наконец, Булатыко. — Вот уже три ночи я подкарауливаю тебя, а ты все не идешь...

— Что такое, случилось что-нибудь? — встревожился гость.

— Ахсартаг, я не таков, каким кажусь тебе... Ошибся ты, оказав мне доверие, — превозмогая себя, проговорил Булатыко.

— Не понимаю тебя, дружище!

— Сейчас поймешь. Слушай... Только прошу, пока не закончу, не перебивай меня, — мучительно подбирая слова, начал Булатыко. С горечью рассказал о том, как много лет его терзает запоздалое раскаяние.

Ахсартаг, ничем не выдавая своего волнения, слушал его.

— Прости, друг мой, виноват я перед тобой, — дро-

жал голос Булатыко, — слишком рано я сбился с пути, а виноваты в том дед и дяди... И в мыслях у меня не было поднять руку на родного отца, но Солом... О-о, этот Солом! Откуда мне было знать, что он коварно обманывает меня, что все это он делает для того, чтобы Налкута досталась ему?! Правда, позже я понял это, но увы, слишком поздно... Не могу простить себе, что, зная о его намерениях, не помчался, сломя голову, предупредить тебя, а позволил спеленать себя по рукам и ногам, как младенца... Грязная сплетня о тебе — тоже «заслуга» Солома. Боялся он открытой встречи с тобой, вот и ужалил исподтишка... Сколько раз я порывался убить его, но каждый раз сдерживал себя ради Налкуты... Вот в таких страданиях и влачу я свое существование, чуть рассудка не лишился... Ты приехал, и мои мучения усилились... С сердцем, полным доверия, пришел ты ко мне, к своему побратиму, а я ношу в сердце предательство... Нет, не другом следовало назвать меня, а жалким трусом, не верить мне надо, а застрелить, как собаку! — казнился Булатыко. — Ты удивительный человек, Ахсартаг, и не такой тебе нужен товарищ... Ты пойми меня правильно, я не прощения пришел просить, знаю, что не достоин твоего великодушия, но ты должен знать, наконец, имя того, кто явился причиной всех твоих несчастий!.. Вот тебе моя исповедь, вынеси мне свой суровый приговор... Я с радостью приму смерть от тебя!..

Булатыко смолк, но Ахсартаг не сразу подобрал слова для ответа. Скрипнув зубами, он с трудом заговорил:

— Да-а, страшные вещи ты мне рассказал, Булатыко... Давно ищу я виновника горя, обрушившегося на мою семью. Впрочем, я догадывался, откуда тянет смрадом... Слишком поздно ты рассказал мне, слишком поздно...

— Я сам это не сразу понял, Ахсартаг. Эх, кабы знал я, что ты не умер, не выдал бы сестру за этого дракона... Я готов пожертвовать собой ради тебя и счастья Налкуты!..

— Нет, нет, друг мой, ни я, ни твоя сестра уже не будем счастливы... Наше счастье осквернено грязными руками...

— Я виноват, только я, — дрожал от сдерживаемых рыданий голос Булатыко. — Убей меня, избавь от страданий!..

— Успокойся, Булатыко! Что было, то быльем поросло. Не поднять из могилы ни Хасаны, ни его жены, нельзя оживить и твоего отца... И все же я благодарен тебе за то, что нашел в сердце столько мужества, чтобы рассказать мне о страшной тайне. Но об одном прошу — никто не должен знать о нашем разговоре... особенно Налкута...

— Нет, Ахсартаг, нет, пока я этого собачьего сына не отправлю в могилу, не найду покоя!

— Таких, как Солым, много. Убьешь одного, другой продолжит его черные дела. Нужно уничтожить чудовище, порождающее уродов, подобных Солыму. Это чудовище — царь и его чиновники, судьи, полицейские... Сегодня они пьют кровь из нас и таких же обездоленных, как мы, а завтра примутся за наших детей! И чтобы этого не произошло, нужно уже сегодня готовиться к великой битве, отрубить раз и навсегда голову этому чудовищу!

— Ты только говори, что мне делать, Ахсартаг, говори — и вот тебе в помощь мои руки!

— Когда понадобится твоя помощь, я позову тебя! А сейчас возвращайся в дом, рассвет уж близок.

После ухода Булатыко сон так и не вернулся к Ахсартагу. Вновь ожили в нем страдания минувших дней... Подтвердились его давние подозрения, что нора, из которой выползла подлая клевета, находилась в богатом доме Солыма. Но как поздно он узнал об этом! Жаль, не вернуть уж того, что было.... Лишь одно согревало душу Ахсартага, вселяло в его сердце крохотный лучик надежды — маленький мальчик Хасаны...

V

Звонко цокают подковы коня по извилистой каменистой тропе. Поздно ночью выехал Солым из кошары. Хоть и не любит он ездить по ночам, останавливается обычно там, где настигает его темнота, но сегодня он был вынужден изменить своему правилу. Взбунтовались пастухи, и страх за собственную жизнь погнал его домой, по темной — ни зги не видать — дороге.

Подумать только, батраки, жалкие голодранцы, которых он за людей не считал, потребовали увеличения жалованья! Разумеется, Солым не согласился, наоборот,

пригрозил отправить их на каторгу в Сибирь. И тогда Таймураз, этот молокосос, которого Солом может раздавить на ногте, как букашку, вдруг рванулся, побледнел от ярости и поднес кулак к носу Солома:

— Кончается твое время, старый волк! Скоро Кассай придет сюда, — и не жди тогда пощады!

При упоминании о Кассеае лицо Солома покрылось мертвенной бледностью. Так вот на кого они надеются, вот кто позволил им поднять их дурацкие головы! О Кассеае Солом слышал уже не раз. Рассказывали, что Кассай с товарищами ходит по аулам и подбивает крестьян на выступления против царя и богатых людей. Слышал Солом и о той истории с приставом, и о засаде на дороге, и о тайных собраниях... Вот кто его истинный враг, и хотя Кассай еще не появлялся в Тедотикау, в душе Солома уже гнездится страх перед ним... Солом еле сдержался, чтобы не расправиться с пастухами. Вместо этого он пообещал им увеличить жалованье, сел на коня и выехал в ночь.

На небе ни звезд, ни луны. Темно, хоть глаз выколи. Тропа крутая, извилистая, одно неосторожное движение, оступился конь и — пусть с твоим врагом случится то же самое... Но куда опаснее было оставаться в пастушьем шалаше, с чабанами, они и так лютыми зверями глядели на него.

И вот теперь он едет домой, опустив поводья, предоставив коню самому нащупывать дорогу. Сердце Солома распирает злоба на этих оборванцев, на Кассая, на все на свете...

Чувствует Солом каждой клеточкой своего тела, что зреет какая-то большая беда, которую надо бы предотвратить, но не знает, как это сделать. Единственная надежда на царя и чиновников, но они ведут себя так, словно ничего не происходит. И Казим пожмает плечами, когда Солом пытается заговорить с ним о своих опасениях...

Но ведь новости идут и идут со всех сторон. Правда, в их ауле пока все спокойно. Только вот... Что-то стали шептаться эти голодранцы, а на нихасе слова «свобода», «братство», «равноправие» так и вертятся на языках мужчин. А стоит ли придавать значение этим разговорам? Вот царь, должно быть, устал от войны с Японией, наберется сил, и достаточно будет одного удара бича,

чтобы высунувшиеся из болота жабы шлепнулись обратно в грязь... Так успокаивал себя Солом, но мысли о Кассеае снова и снова лезли в голову.

Кассай... Кто же он такой? Как выглядит человек, который помутил разум этих голодранцев, имя которого не сходит с их языков?

К середине ночи добрался он до окраины аула. Завернул за угол крайней сакли и отпрянул, успев натянуть поводья: в нескольких шагах от него прошли два силуэта, о чем-то вполголоса разговаривая. Заметив всадника, они смолкли и, не сговариваясь, повернули на дорогу, ведущую к перевалу.

Солом заметил это и подумал: «Слишком часто что-то стали шататься по ночам эти попрошайки. Не к добру это... Надо проследить за ними».

Он спрыгнул с коня, привязал его к дереву и, крадучись, последовал за теньями. Полуночники, как предполагал Солом, сделали небольшой крюк по тропе и вернулись в аул, свернули на боковую улочку, потом на другую и, осмотревшись, юркнули в ворота дома Адзыбе. Во дворе послышался и тотчас же оборвался лай собак.

«Эге-ге, у Адзыбе что-то происходит», — забеспокоился Солом. Схоронился у плетня, превратился в слух. Ждать пришлось недолго. Из тьмы вынырнуло еще несколько силуэтов и исчезло за той же калиткой.

Сомнений больше не оставалось: в доме Адзыбе тайное сборище. Нужно во что бы то ни стало узнать, о чем там говорят. Но как проникнуть туда? Солом осторожно прокрался огородом к окну в задней стене дома, уцепился ногами за карниз, подтянулся и заглянул внутрь. Окно было занавешено куском холста, но в нижнем углу ткань чуточку не доставала края рамы, оставляя узенькую щель. Вот в этот глазок и впился Солом. Видит — комната полна молодежи из их аула. Окружили невысокого бородача, слушают его, затаив дыхание, а потом говорят все вместе, о чем-то спорят... Как бы услышать их разговоры?.. Солом напряг слух, приложил ухо к невидимой глазу щели между створками, задержал дыхание, и услышал:

— Товарищи, пришло время великой мести!.. Так станем же все вместе против наших заклятых врагов — царя, алдаров, ненастных кровопийц, таких как

Солым и Хунцел! Отберем у них власть, отнимем земли и раздадим беднякам, объявим свою власть, власть трудящихся! Построим новую жизнь, при которой все будут равны, а земля, скот, лес — все будет принадлежать народу!..

Незнакомый мужчина все говорил и говорил, но Солым уже не слышал его. Все его тело, скрючившееся под окном, начала бить лихорадка. Никогда еще он так зримо и осязаемо не ощущал большей беды, неотвратимо надвигавшейся на него... Но кто этот человек, так яростно точащий нож для него, ведь он его не знает и никогда даже в глаза не видел? Откуда в нем такая ненависть?

«Бунтовщик!» — осенило Сольма, и он в сердцах выругался. «Прежде чем ты придешь отбирать мои земли, я успею закрыть твой поганный рот!» Забыв в злобе, что висит на карнизе, Солым схватился за кобур, но вытащить револьвер не успел. Не удержавшись одной рукой, он рухнул на камни под стеной. От боли в пояснице перехватило дыхание, но он не мог даже позвать на помощь.

На шум откликнулась собака Адзыбе. Ее яростный лай подхватили соседские псы, и вскоре распростертый на земле Солым чуть не оглох от бешеного лая.

— Кусай, кусай! — науськал их кто-то, и собаки набросились на Сольма. Попал Солым в переплет! И позвать никого на помощь не может, и сил нет вырваться из их цепких зубов... Кое-как отбивается от озверевших псов. «Гибну!» — промелькнуло в голове, и эта мысль придала ему силы. С трудом удалось сесть, оперевшись на стену.

— Хватай! Держи! Вор! Вор! — сквозь оглушительный лай слышал Солым.

— Вор! Мошенник! Бейте его! Бейте! — Сольма ослепила вспышка выстрела, пуля ударила в каменную кладку, посыпался град острых осколков.

— Это я, черти, вы убьете меня! — завопил что было мочи Солым.

К нему подбежали люди.

— О-о, да это Солым! — изумился кто-то, осветив его окровавленное лицо фонарем. — Какой дьявол принес сюда?

— Конь мой запропастился, вот я и вышел поис-

ать его, — сразу нашелся Солом. — Да отгоните вы проклятых псов, чтобы они подошли.

Собак оттащили.

— У тебя что, языка нет, почему не позвал на помощь? Крадешься ночью, как вор...

Задыхаясь от злости, притаился Солом домой. Не раздеваясь, как был в разодранной, вывалянной в грязи одежде, так и повалился на постель. Ломило спину, болели искусанные руки, саднило лицо, но не это сейчас беспокоило его. В ушах стоял не захлебывающийся от ярости лай собак, а спокойный и сильный голос этого бородача. Огромный страх внушал этот голос...

В эту бессонную, полную тревоги, ночь впервые задумался Солом о жизни своей, о днях минувших и о будущем своем. Его прошлое, — сплошная вереница обгаренных кровью, озаменованных предательствами дней. Что явилось причиной того, что Солом встал на этот путь? Звериное время, звериные обычаи... Да что звери! Даже они не могут состязаться в изощренной жестокости с человеком по имени Солом. Кто научил его этому, кто впервые преподавал урок? И на это есть ответ у Солома: отец его Дотти и мачеха Ацырухс. Без опыта и сноровки он отважился схватиться с ними. И зубы маленького волчонка оказались крепче: недостаток опыта вполне восполнили коварство и хитрость, заложенные в нем от природы... Оторвал он их друг от друга и сожрал поодиночке. Что ж, если бы не они, так, наверняка, они его... С той поры и поселилась в нем жажда крови, и никак не может он утолить ее...

Погубил, стер с лица земли дом Хасаны. В ад превратил жизнь семьи Барсага. А зачем? Во имя чего? Все ради нее, Налкуты. Не вздумал бы Ахсартаг взять ее в жены, жил бы себе припеваючи со своим дядей Хасаной. А раз стал поперек дороги Солому — пеняй на себя! Не винит себя Солом в этом, просто сметает он со своего пути препятствия, как камень с тропы, вот и все!.. А Калимат, женщина с пылким сердцем? И сейчас он частенько вспоминает о ней и искренне жалеет ее, бедняжку. Впрочем, она сама во всем была виновата. Покрепче бы держала язык за зубами...

Несметны богатства Солома. Его слава одного из самых состоятельных людей в ущелье перешагнула го-

ры. Всю жизнь он карабкался по лестнице этой славы с обгабренными кровью невинных жертв руками, добрался до большой высоты, полон сил взбираться еще выше, но... явился некто Кассай, и сотрясаются стены его благополучия.

Никогда еще Солом не был так напуган, как сейчас... Какой-то липкий страх преследует его, сковывает разум. Вдруг с ним случится самое ужасное, кому тогда достанется все его добро? Налкута бездетна. Видит бог, не он повинен в этом. Были же у него дети, Калимат родила, но, жаль, не сохранил Солом их... Был бы сейчас у него взрослый сын, опора дома. Да что сожалеть о том, чего не вернешь!.. А с Налкутой Солом явно маху дал. Столько лет живет с ней, а она мало того, что не родила ему наследника, так еще держит на запоре свое сердце... Нет, надо порвать с ней, пора привести в дом другую жену, а то, глядишь, и поздно будет заводить ребенка... А Налкута что-то слишком уж возится с этим ублюдком Хасаны. А Ацырухс! Души не чает в этом грязном батраке Таймуразе... Черт разберет, что у них на уме! Действительно, с чего это старуха так привязалась к пастуху, то тайком, то открыто обхаживает его? И вот, пожалуйста, результат — сегодняшнее поведение этого гаденыша... Как он посмел поднести кулак к его лицу! Нет, это козни мачехи, наверняка она настраивает своего любимчика против Солома, исподтишка роет чужими руками ему могилу. Но не таков Солом, чтобы терпеть это! Завтра же он выгонит их обоих из дому!

Прогнать нужно и выродка Хасаны. Вырастет — ничего хорошего от него не жди. За добро черной неблагодарностью ответит...

Да, но кто же был тот бородатый незнакомец? Ох, не нужно было ему выслеживать заговорщиков в одиночку, надо было бежать за Казии, бить тревогу... А теперь жди беды... О, боже, успокой растревоженную душу Солома!

Измученный жуткой ночью, Солом задремал лишь под утро. Проснулся от крика за окном:

— Эй, Солом, в канцелярию зовут тебя!

— Что за собака лает у нас во дворе?! — раздраженно крикнул он Ацырухс. — Скажи, болен Солом!

— Второй раз присылают за тобой... Я не хотела

будить тебя, — нехотя ответила женщина. — Говорят, какой-то Кассай пришел, народ созывает...

При упоминании о Кассе Солом подскочил в кровати. Казалось, жизнь покинула его тело. Глаза остекленели, лицо покрылось восковой бледностью. Не сразу справился с собой, потом быстро оделся, пристегнул к поясу кинжал, сунул за пазуху револьвер и выскочил вон из дому.

Спустя некоторое время от родника пришла Налкута, неся на плече кувшин с водой.

— Ацырухс, — взволнованно заговорила она, — что это происходит с Соломом? Только что встретился он на улице с Таймуразом, и, как злые собаки, вцепились они друг в друга... Если бы я не подросла вовремя, обагрились бы их кинжалы кровью!..

— Горе моему очагу! — царапая щеки, запричитала Ацырухс. — Что случилось с этими мужчинами?!

— Сама диву даюсь...

— А почему мой мальчик чуть свет пришел в аул? И где он сейчас?

— Он тоже пошел к канцелярии.

— Ой, чувствует мое сердце, не к добру все это! Поверь мне, невестушка, что-то будет... Пойду-ка и я следом за ними, как бы этот злодей ничего худого не учинил!..

Ацырухс отшвырнула метлу, которую все еще держала в руках, и поспешила в канцелярию.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

I

Аул напоминал потревоженный муравейник. Люди отовсюду сбегались во двор канцелярии. Чуть свет от двора ко двору разнеслась весть: в аул прибыл знаменитый Кассай и хочет поговорить с народом. Мужчины и женщины побросали свои дела, устремились на сход. Каждому не терпелось повидать и послушать самого Кассая, о котором по ущельям кочевали легенды.

Увидев, что народ стекается во двор канцелярии, и узнав, по какому поводу, Кази вскочил на коня. Надо срочно известить власти о появлении бунтовщика в Тедотикау! Не успел он стегнуть лошадь, как перед ним, словно из-под земли, вырос Адзыбе с каким-то юношей,

— Ну, нет, Кази, тебе не удастся скрыться! У нас с тобой особый разговор. Слезай с коня! — парень схватил лошадь под уздцы.

— Прочь с дороги, голодранец! — взревел Кази. — Я здесь хозяин! А ты мне не указ!

— Кому говорят, слезай?! — зазвенел властный голос Адзыбе. — Да, ты был хозяином, но твое время кончилось, и сегодня ты будешь держать ответ перед народом!

— Я держу ответ только перед царем, с голодранцами мне не о чем говорить! Прочь с моей дороги, не то моя плеть заплещет по вашим спинам! — Кази замахнулся, но опустить руку не успел. Кто-то молниеносным ударом выбил его из седла, и тучное тело шмякнулось на землю.

— Поднимайся, свиное рыло! Много раз твоя плеть плясала на наших спинах, а теперь подставляй свою!.. Да-а, счастье твое, что я моложе... — полные ненависти глаза Адзыбе сверлили расprostертого в пыли старосту. — Залезай в свою нору и не вздумай носа высунуть из нее, пока не прикажу. Знай, что дула нескольких ружей следят за тобой!

Понял Кази, что беда, приближение которой он давно чувствует, настигла его, и он покорился. Кряхтя, поднялся, отряхнул пыль и поплелся в канцелярию. Запер за собой дверь и принялся наблюдать в окно за происходящим во дворе.

Ищет Кази среди людей своих сторонников, но глазу не на ком остановиться, кроме писаря Дзиу. Тот стоит в стороне, ухватившись правой рукой за рукоятку кинжала, а левой подбоченившись, словно на картине, но опущенный взгляд устремлен в землю.

Стекаясь во двор, люди сразу же делятся на несколько групп. Старики рассаживаются под чинарами вокруг Дзакко, молодежь о чем-то оживленно переговаривается в нижнем углу двора, отдельной кучкой тесняется, кутаясь в шали, женщины.

Стариков Кази не боится. Но горящие глаза парней, быстрые движения, исполненные уверенности и силы, пугают его. Не может найти себе места староста, мечется из угла в угол по канцелярии, ставшей для него тюрьмой...

Снова выглянул в окно. Ого! Пришли даже Соломы

с Хунцелом, заняли свои места рядом с Дзакко. Хунцел всегда прячет глаза под мохнатыми бровями, но взгляд Солыма выдает его смтение. Хоть и держится внешне непринужденно, видно, что пришел он сюда не по своей воле, как бывало прежде. Глаза его рыскают по лицам людей, обшаривают все закоулки двора, но не находят того, кого ищут...

Вдруг все зашевелились, задвигались. В воротах показался незнакомый мужчина в окружении молодежи. Лицо скрыто в густой бороде, из которой выступают лишь тонкий нос, высокий лоб, да открытый взгляд темных глаз.

— Кассай! — заколотилось сердце Кази, рука скользнула к поясу, ухватилась за рукоятку кинжала и замерла.

Кассай обошел старейшин, поздоровался с каждым за руку. Старики подвинулись и освободили для него, гостя, место рядом с Дзакко, но тот отказался от этой чести, будучи много моложе старейшин. Он встал среди молодежи. В гробовой тишине, внезапно наступившей, как это бывает перед бурей, люди не в силах были оторвать глаз от Кассая.

Видит Кази: возле бунтовщика появился Адзыбе, они о чем-то пошептались, потом Адзыбе решительно пересек двор, взбежал на крыльцо, раздался стук в дверь.

— Кази, выйди, люди ждут тебя! — послышался его властный голос.

— Мне не о чем с вами говорить! — со злостью крикнул староста.

— Открой дверь, иначе я ее разнесу в щепки! — зазвенел голос Адзыбе, и тотчас же послышался треск двери. Понял Кази, если заупрямится, дело обернется для него еще хуже. Отодвинул задвижку и вышел на крыльцо. Ощупал людей ненавидящим взглядом из-под нахмуренных бровей, шагнул к старейшинам и присел, по обычаю, возле Дзакко.

Адзыбе остался на крыльце канцелярии. Он поднял руку, требуя тишины.

— Люди добрые, сегодня к нам приехал почетный гость из Тифлиса, посланец таких же бедняков, как и мы. Имя его — Кассай. Послушаем его, узнаем, какой наказ передают нам наши городские братья!

— Пусть говорит! Послушаем! — задвигались люди.

— Нет! — вскочил на ноги Кази, метнувшись в сторону Ахсартага остервенелый взгляд. — Нет! Нельзя! Пока не представит документ от высших властей, он не имеет права выступать перед народом!

— Пусть говорит!

— Нет у него права!

— Каждый может говорить и слушать!

Все смешалось. Отдельные голоса потонули в общем гуле. Дзакко неторопливо поднялся, опираясь на палку, взобрался на крыльцо, обвел взглядом людей и остановился на Кази. Легкий ветерок шевелил снежную бороду сельского патриарха. Все смолкли.

— Кази, ты представитель власти, мы это знаем. Мы всегда слушаем тебя, хотя твои слова и не всегда приятны... Но мы все же слушаем тебя! А сегодня дай нам послушать нашего гостя. Ты же знаешь, что от гостя никогда никто не требует предъявлять права на разговор... И потом, ты забываешь, что если ты нам запретишь говорить здесь, мы соберемся в другом месте — вся недолга. Так что пусть он говорит, не надо браться его речей... Мы ведь тоже люди, и у нас есть голова на плечах, сумеем разобраться, что к чему...

— Он бунтовщик, Дзакко, и место его не здесь, а на виселице! — распалился пуще прежнего Кази. — Он из тех, кто народ на погибель толкает!

— Он еще ничего не сказал, а ты... Мы не такие глупые, чтобы не понять его слов, — резко оборвал его Дзакко, потом повернулся к Ахсартагу. — Гость, пожалуйста, скажи нам свое слово, мы слушаем тебя!..

Кази открыл было рот, чтобы продолжить спор, но Дзакко повелительно протер к нему свою палку и приказал:

— Садись и слушай! Если он, как волк, станет кидаться на тебя, мы не дадим тебя съесть...

По толпе прошел смешок. Кази сердито шлепнулся на место.

Ахсартаг медленными шагами поднялся на крыльцо. Молча обвел взглядом притихших людей и негромко начал:

— Люди добрые, уважаемые старейшины, братья и сестры! Прошу прощения за то, что отнимаю столь дорогое для вас время. Но я сочел важным поручением

пришел к вам от ваших братьев, рабочих Тифлиса. Не будет чести ни вам, ни мне, если я не получу от вас ответа, вернусь к ним с пустыми руками...

— Говори, говори, мы слушаем тебя!.. — Дзакко одобрительно кивнул.

— Я начну с того, что сказал Кази. Он не дает мне права говорить, не дает потому, что он начальник. А начальники и хозяева отняли у нас, бедных людей, не только земли, но и нашу свободу, наши права, навесили замки на наши сведенные голодом рты! Закрыли нам рты потому, что боятся, как бы люди, узнав правду, не спросили у Кази и ему подобных: а что ты за птица, кто дал тебе право мучить и притеснять людей?!

— Царь мне дал права! Я — слуга царя!

— Царь? Пусть кто-нибудь из вас скажет, что он видел царя, что царь помог ему в трудный час, согрел вниманием, обласкал! Ну, что? Кто может сказать это?

— Оставил бы нас в покое, а без его помощи мы обойдемся! — подал кто-то голос из толпы.

— Нет, уважаемый, не оставит он тебя в покое! — откликнулся Ахсартаг. — Задушит он тебя новыми поборами! Царь и алдары для того и существуют, чтобы пить кровь таких обездоленных, как ты!

— Оскорбляешь царя! Не прошу! — Кази схватился за кобуру, но кто-то вырвал револьвер из его руки.

— Слушай-ка, прислужник царя! — Ахсартаг вонзил в старосту свои острые глаза. — Тебя государь поставил здесь лишь для того, чтобы ты мучил этих бедных людей, но ведь никто из них тебя не выбирал, да никому ты и не нужен, только смердишь и горе сеешь!

— Он защитник закона, что ты привязался к нему? — примирительно сказал Солом.

— Защитник? Вот это да! Да ведь он гнет закон в любую сторону, стоит только подбросить ему кусок пожирнее. Не защитник он, нарушитель закона!

— Надо избрать другого старосту! — крикнул кто-то из группы молодежи.

— Верно говоришь! Люди сами должны выбрать из своей среды представителя власти, выбрать человека, которому доверяют, кто будет бороться за справедливость, защищать их интересы! — одобрил Ахсартаг.

— Выберем Дзакко, он умный и справедливый, — предложили из толпы.

— Правильно, пусть старейшина будет и старостой! — раздалась возгласы.

— Люди добрые, — встал Дзакко. — Я очень благодарен вам за то, что вы доверяете мне! Быть ответственным за аул, принимать справедливые решения — очень почетно, но я прошу, не выбирайте меня. Стар я уже... В Тедотикау много честных людей помоложе меня...

— Соглашайся, Дзакко, соглашайся! А сын Сосе, учитель Акко, у тебя писарем будет!

— Не отказывайся, Дзакко!

— Другого нам не нужно!

— Достойнее тебя нет! — заговорили люди.

— Курманов, отдай Дзакко печать и ключи от канцелярии! — обратился к Кази Адзыбе. — А ты, писарь, сдай свои дела Акко. Баста! Ваша песенка спета!

— Я представитель власти, назначенный царским наместником, и освободить меня от должности может только он! — Кази оглядел крестьян в надежде найти среди них поддержку, но наткнувшись на ненавидящий взгляд сотен устремленных на него глаз, понял, что все рухнуло, и в бессильной ярости задрожал его голос: — Вы совершаете насилие над представителем власти, и царский гнев испепелит вас! Запомните мои слова!

Солым до этого времени сидел, как на иголках, хмуро переводя взгляд с одного на другого. Чувствовал, что симпатии народа на стороне Кассая, и если он вставит хоть словечко в защиту Кази, то гнев людей обратится против него самого.

И не столько односельчане были ему страшны, как этот Кассай. Твердый, смелый взгляд, властный, решительный голос, веские, точные слова этого бунтаря обрушивались на Сольма, подобно обвалу в горах, и он корчился от почти физической боли в сердце. Ни дать ни взять волк, попавший в капкан. Кто этот Кассай? Ко всему вдобавок Сольма не покидало мучительное ощущение, что он где-то уже видел этого человека. Ну, конечно, это тот самый бородач, который подстрекал молодежь отобрать земли Сольма!.. Но он как будто знал этого горлана и раньше... Животный страх одолел Сольма, заложил ему уши и застлал глаза. Как же

это он вчера сплеховал, упустил такую возможность убить Кассая!.. Нельзя простить себе этого... Вдруг Солым ощутил на себе пристальный взгляд Кассая, и душа его окончательно ушла в пятки. «Не иначе, сейчас за меня примется!» — мелькнула мысль.

Но о чем это так галдят вокруг? Солым оторвался от своих мыслей и оглянулся. Наткнулся на устремленный на него взгляд Кази, казалось, умолявший его: «Да, где же ты, постыдись, поддержи меня, иначе мы оба погибнем!» Солым понял, что пламя не на шутку разгоралось и, словно головой в омут, бросился на вырuchu Кази:

— Мои дорогие односельчане, наши мудрые уважаемые старейшины! — полилась из его уст сладкая речь. — Где же ваше благоразумие, родные вы мои?! Что вы делаете, вы же против бога идете, ой, накликайте беду на наши бедные жалкие головы! Вы встали на гибельный путь... Кого вы слушаете, кому верите? Кто этот бродяга, бунтовщик? Почему идете за ним без оглядки? Вы же умные люди! Неужели не понимаете, что завтра сюда придут казаки и превратят ваши нищие сакли в груды серой золы, потопят вас в реках крови, а оставшихся в живых погонят в тюрьмы? От имени великого и справедливого бога обращаюсь я к вашему разуму: пожалейте своих голодных детей, измученных жен и матерей! Настанет час великого возмездия, и исчезнет с лица земли весь наш род — от мала до велика! Люди добрые, очнитесь, дьявол втерся в доверие к вам, гонит вас к пропасти! Не слушайте его! Бейте его, бейте, иначе мы погибнем!

Истерическая проповедь Солыма устрасила многих. Знали люди, что их выступление против царя и его чиновников, ничего хорошего им не сулит, да еще Солым, словно ткнул их лицом в лужу. Будто молния поразила людей, обмякли они, устремив очи долу.

— Верно сказал Солым, — нарушил, наконец, молчание Хунцел. Он встал с места, опираясь крючковатыми пальцами на набалдашник своей палки. — Выступить против царя страшнее, чем против бога. Послушаем Солыма. Он человек умный, бывалый... Пусть простит меня гость, но не его дело вмешиваться в наши дела и учить нас уму-разуму! По мне, делать так, значит совершать злодеяние! Если старосту нам самим нужно выбрать,

мы сами же и выберем его. А тебе, гость, здесь распоряжаться нечего!.. Ты уйдешь, а завтра на наши головы обрушится суровая кара. Оставь нас, не сбивай с толку молодежь, и без того задыхаемся от бедности, так не прибавляй нам новых страданий... Не слушайте его, люди добрые, своим языком он на нас беду накличет!

Сход распался на части. Одни, громко вопя, поддерживали Солыма, другие обступили Ахсартага, не давая к нему прикоснуться, третьи стояли, как в воду опущенные, в полной растерянности. Ахсартаг почувствовал, что успех его дела положен на весы, и если чаша Солыма хоть чуточку перетянет, то он проиграл...

— Люди добрые! — решительно начал он, перекрыв своим сильным голосом шум толпы. — Вот Солом и Хунцел говорят: пойдем против царя — кровавый дождь прольется на наши головы. А скажите мне, люди добрые, когда не лилась ваша кровь, когда вы засыпали без страха за завтрашний день, без мыслей о куске хлеба? А ваши дети!.. Накормили ли вы их хоть раз досыта? Скажите мне, видели ли вы хоть раз сухими глаза ваших жен и матерей? Мог ли кто-нибудь из вас — я не говорю о Соломе и Хунцеле — когда-нибудь передохнуть от бремени алдаровых податей, повинностей царю и откровенных поборов царских чиновников? И вы никогда не свалите с себя это ярмо беспросветного рабства, если послушаете сейчас Солома и Хунцела!

— Тебе нет никакого дела до нашего аула! Мы сами разберемся в своих делах, а ты проваливай отсюда! — крикнул Солом. — Ты жаждешь нашей крови, бунтовщик, а мы тебе не позволим пролить ее! Заткни свою поганую глотку и убирайся отсюда подобру-поздорову!

— Солом, ты печешься о крови односельчан, но у тебя самого руки по локоть в ней! И не только руки, но и лицо, и совесть твоя, по самое горло сидишь ты в мерзости! — это прямое обвинение явилось для Солома словно выстрелом. — Люди добрые, Солом выставляет себя вашим защитником и радетелем, а скажите мне, кому из вас он сделал что-нибудь хорошее? Его стадам и отарам тесно на пастбищах, а кому из вас он хоть крохой помог в трудную минуту?

— Мои земляки знают меня, не раз помогал я им в нужде! Не выйдет, подстрекатель, не удастся тебе натравить их против меня! — вспыхнул от ярости Солом.

— Да, ты даешь им кусок, но потом вынимаешь его обратно вместе с потрохами! Где твоя совесть? Коварством и ложью ты стал обладателем лучших пашен и бесчисленных стад! Чем хуже тебя эти честные труженики, которые едва могут прокормить свои семьи, тогда как ты давишься от жира! Ишь ты, благодетель какой выискался! Нет, Солым, кончилось твое время, поцарствовал влать, а теперь — крышка тебе! Сегодня же твои стада и отары, твои пашни и пастбища будут розданы этим людям — истинным владельцам твоих награбленных богатств! И пусть они же судят тебя своим праведным судом за все твои злодеяния!

Солым пытался еще оправдаться, но Ахсартаг не давая ему слова вымолвить, окончательно сразил его новым обвинением.

— Люди еще не знают, что ты убийца, иначе они тебя давно сбросили бы с самой высокой скалы! — подняла забрало Ахсартаг.

— Кто? Я? Убийца?! Ах ты, дерьмо собачье, кого ты оскорбляешь?! Не прощу!! — стал рваться к нему Солым.

— Ты! Убийца Хасаны! Убийца Зарины! Ты — убийца своего отца!

Солым взревел, как раненый медведь:

— Клевета! Кто видел, пусть выйдет и скажет!

— Я скажу! — словно гром небесный грянул, раздался голос из толпы. Все окаменели. Солым затравленным взглядом пошарил по лицам, отыскивая того, кто выпустил в него смертельную стрелу. Вдруг ноги его подкосились. Из группы молодежи выступил вперед Булатыко.

— Люди добрые! — спокойно и решительно начал Булатыко. — Виноват я перед вами в том, что знал, из-за кого погибла семья Хасаны, по чьей милости умер на каторге Ахсартаг, знал — и молчал...

— Кто же это, Булатыко, назови его сейчас! — зазвенел голос Адзыбе.

— Солым! — Булатыко уставил палец в перекошенное злобой лицо. — Вот тот негодяй, который прикидывается честным и чистым, заботливым и радетельным, а на деле — это хищное чудовище! Моя сестра была помолвлена с Ахсартагом. Этот изверг тоже метил на нее и, чтобы отстранить с пути соперника, он оклеветал его!

Грязная сплетня, пущенная им, унесла в могилу несколько человек!..

— Врешь, ослиный недоносок! Сам задушил своего отца, а меня пытаешься обвинить в смертных грехах! — Сольм, словно змея, на которую наступили ногой, приготовился ужалить.

— Это тоже случилось из-за твоего языка, и я вырву его! — Булатыко ведром ринулся на Сольма.

— погоди, Булатыко, — схватил его за руки Адзыбе. — Дай до конца распутать клубок! Сольм, повернись лицом к народу и признайся во всех своих злодеяниях!

— Мне не в чем признаваться, — по бледному лицу Сольма стекали капли пота. — Все знают, как близко к сердцу я принял эту ужасную трагедию, сам похоронил Хасану и Зарину. рашу их ребенка в своем доме... Вы видите, как я отношусь к отцу Ахсартага, Барсагу... Этот сын осла, мой шурин, не может мне до сих пор простить, что я заплатил за его сестру не такой большой калым, как ему хотелось бы... Вот потому и обливает меня грязью при всем честном народе!..

Все это время Ацырухс себя чувствовала, словно на горящих углях. Она стояла среди женщин, в стороне, и все, происходившее перед ней, повергало ее в жуткий страх. Она пришла сюда, опасаясь за Таймураза, но увидев, что сыну ничего не угрожает, осталась стоять, заслушавшись речей незнакомого бородатого человека. А ведь верно он говорит, видать, умный и смелый парень этот Кассай! Когда он принялся за Сольма, женщина почувствовала странное облегчение, словно освобождалась от тяготившего ее долгие годы груза. Кассай, будто распахнул настежь двери тайника, сделал то, что никак не решалась сделать она.

Лютую ненависть питает к Сольму Ацырухс. Извел он ее, запугал до полусмерти... И вдруг появляется смельчак, отважившийся выступить против того, кого она считала несокрушимой твердыней хитрости и коварства, и загоняет его в западню, как дикого, кровожадного зверя.

Но изо всех сил отбивается зверь, и чувствует Ацырухс, как иссякают силы храбреца-охотника, все меньше стрел остается в его колчане... Надо помочь ему, иначе снова ускользнет от расплаты ее душегуб! Словно какая-то сила подняла ее и бросила в гущу толпы,

в середину двора. Ацырухс остановилась перед Солымом.

— Люди добрые! Правду сказал Булатыко. Кровь пролилась по вине моего пасынка!.. Он посеял смертельную рознь между семьями Хасаны и Барсага. А сделал он это с помощью Калимат. Эта несчастная женщина была покорным орудием в его грязных руках. Он обещал жениться на ней, но гнусно обманывал ее, заставляя ее служить его кровавым замыслам... Калимат, царствие ей небесное, поняла свою ошибку, призналась Кази, а тот опустил концы в воду, задушил ее на мельнице... За это Солым щедро отблагодарил его... Клянусь богом, могу присягнуть на алтаре, чистую правду говорю!.. Своими ушами слышала разговор Кази с Солымом... Виновата я перед вами, что столько лет молчала, боялась я его, изверга... А сейчас вот не боюсь... Не позволю ему скрыть его черные дела... Судите его, люди!.. — от волнения Ацырухс не могла больше выговорить ни слова.

Все! Рухнула последняя надежда... Не избежать уж сурового суда народа... Солым выхватил кинжал и в отчаянном броске метнулся к Ацырухс.

— У-у-у, шлюха! — взвыл он и замахнулся кинжалом. Но Булатыко в мгновение ока оказался между ними, и острое лезвие кинжала по рукоятку ушло в его живот. Солым отпрыгнул в сторону, но в воздухе его настиг кинжал Адзыбе, и Солым упал на землю рядом с Булатыко.

Все смешалось во дворе канцелярии. Взметнулись кинжалы, визг женщин слился с грозными криками мужчин. О Кази позабыли. Незамеченный никем, он выбрался из гудящей толпы и, обогнув канцелярию, со всех ног кинулся к спасительному ущелью.

* * *

Булатыко похоронили с большими почестями. Над его могилой Ахсартаг произнес речь. Он говорил, что Булатыко пал жертвой чудовищных сил, движущих обществом, что эти черные силы скоро исчезнут и настанет новое время, когда все люди будут равны и не останется места обману, подлости, всему тому, что лишает жизнь ее ярких красок... Много слов утешения было ска-

зано Кыркыс и Налкуте. Жители и Тедотикау, и Уалваз-кау клялись, что не оставят семью Булатыко без помощи, что принесут себя в жертву ради светлой, безоблачной жизни всех детей...

Налкута не вернулась в опостылевший ей дом Со-лыма. Забрала Бабе и вновь поселилась в отцовском доме, где хозяйкой теперь была Кыркыс.

Никто не пошел за дрогами, на которых Ацырухс отвозила прах пасынка на кладбище, никто не горевал о Солыме. «Собаке — собачья смерть!» — рассудили люди и не позволили Ацырухс похоронить Солыма на сельском погосте. Таймураз вырыл за сараем яму и, опустив в нее наспех сколоченный гроб, засыпал землей. По мертвецу и могила...

Ахсартаг ушел из дома, в котором поселилась Налкута, и теперь приходил ночевать к Адзыбе. Любовь молодежи к нему усиливалась с каждым днем. Ахсартаг и Адзыбе занялись распределением земель Солыма между бедняками аула. Кассай стал вождем крестьян ущелья, они готовы были следовать за ним хоть на край света. Боевая группа, сформированная из молодежи разных аулов ущелья, начала обзаводиться оружием.

Весть о волнениях в Тедотикау докатилась до начальника Горийского уезда. Не мешкая, он выслал в горы Осетии казачий карательный отряд. Казаки прибыли в Чреба и стали готовиться к операции. Социал-демократическая организация Чреба сумела предупредить Ахсартага.

Кассай собрал командиров аульских подразделений и сообщил им о полученном известии.

— Товарищи, наши друзья из Чреба передают, что казаки не сегодня-завтра будут здесь. Как будем действовать? Есть только два выхода: или сложим оружие, или окажем сопротивление. Выберите любой путь добровольно:

Ребята задумались. Адзыбе попросил слова:

— Кассай, не зря говорится: под ножом охать поздно. Да, наши отряды еще слабы и малочисленны. Но люди пробудились от глубокой спячки, их грудь вдохнула желанный ветер свободы! Поведи их за собой!..

— Свобода добывается кровью, ты сам говорил это. Кассай! — встал Асланбек. — Когда ты впервые осветил нам путь к свободе, мы поняли, что путь этот тернист

и опасен, и, не колеблясь, встали на него. Нет, Кассай, не свернем с него мы и сейчас!

— Кассай, сынок, — заговорил, наконец, и Дзакко. — Ты взял на себя ответственность за людей, окрылил их мечтой о свободе, вдохнул в них веру в себя... Нельзя лишать людей надежды, иначе жизнь их теряет смысл... Обратного пути нет, Кассай!.. Знаю, борьба будет жестокой, беспощадной, многие семьи потеряют кормильцев, но я так скажу: чем жить в ярме, уж лучше принять смерть в бою за свободу! Не хмурь чело. Не тревожь сердце страхами... Народ пойдет за тобой. Ты поведешь их на битву за вековую мечту горцев. И те, кому дорога свобода, без оглядки пойдут за тобой! А кто испугается, тот нам не годится в товарищи... Не медли, Кассай! Надо известить аулы, поднять людей, чтобы встретить врага в нашем ущелье пулей и клинком... Да хранит вас святой Уастырджи!

На том и порешили. Командиры вскочили на коней и гонцами тревоги полетели по извилистым тропам ущелья.

II

Завтра будет бой. Вряд ли кто из повстанцев останется в живых после кровопролитного сражения, которое разыграется в этом ущелье. И уже, конечно, не минует пуля и Кассая...

Ахсартаг хорошо понимал это. Знал, на что идет, на что поведет завтра доверившихся ему людей. Да и они это знали... И выбрали для себя путь, единственный путь к свободе!..

Так думал Ахсартаг, прищпоривая коня по дороге в Уалвазкау. Он решил в последний раз взглянуть на Налкуту и маленького сына Хасаны.

Бабе оседлал палку, взял в руку прутик и скачет по двору, нахлестывая своего ретивого «скакуна». Ахсартаг спрятался под деревом за воротами и сквозь редкий плетень наблюдал за игрой мальчика. Неожиданно мысли его, будто порывом ветра, унеслись в прошлое, в далекую невозвратимую пору детства. Он тоже, как маленький Бабе, любил играть в «наездника». Оседлает, бывало, вот так же «коня» и гоняет из двора отца во

двор Хасаны. В обеих семьях знал он привет и ласку, и трудно сказать, кто любил его больше — гыцци или Зарина, баба или Хасана. Как безмятежны были дни его детства, да и юность, пожалуй, и как все это разом кончилось от этой чудовищной клеветы... «О, Хасана, Хасана, как долго ты мечтал о ребенке! И вот оно передо мной, твое прелестное дитя... Брови, глаза — Зарины, а сложение — отца. Играй спокойно, мой мальчик, играй и пусть ничто не омрачит твоего детства... Пока тяжесть жизни не легла на твои неокрепшие плечи, пока не исхлестали тебя жизненные вьюги, наслаждайся невинными забавами... Впрочем, я уверен, что тебе не придется, подобно мне, испытать всю горестную чашу страданий, ибо не за горами новая жизнь... И поверь, мое маленькое солнышко, твой двоюродный брат, Ахсартаг, принесет в жертву свою жизнь ради твоего светлого будущего! Может быть, я больше не увижу тебя, но когда ты станешь большим, тебе расскажут обо мне...»

Малыш разыгрался. Его «скакун» носил «всадника» по всему двору. Ахсартаг улучил момент, когда наездник подскочил к воротам, и мальчик очутился в крепких объятиях незнакомого бородатого дяди. Бабе испугался и собрался зареветь, но увидев, что дядя радостно улыбается, с простодушным интересом уставился на него.

— Ты хочешь наших кур украсть? — осведомился малыш, восседая на руках Ахсартага.

— Ну, что ты! Это воры крадут, а я ведь не вор, — серьезно ответил Ахсартаг.

— Зачем же ты спрятался за воротами? — все еще с недоверием спросил Бабе.

— Я не прятался, просто смотрел, как ты скачешь на своем коне.

— У меня скакун резвый, гыцци подарила мне.

«Он называет Налкуту матерью», — подумал Ахсартаг и сердце его замерло.

— Ты очень любишь гыцци?

— Да, очень!

— На сколько?

— На полный рифтаг!

— Не больше? — рассмеялся Ахсартаг.

— Что, не веришь? Гыцци меня тоже любит на целый рифтаг. Сама сказала мне сегодня, когда «скакуна» дарила: ты, говорит, дороже мне, чем рифтаг золота!

— Я тебе настоящего коня подарю, мой маленький брат.

— Правда? А где твой конь?

— Вон он, на улице, привязан к плетню.

Мальчик сполз с рук Ахсартага и выскочил на улицу. Спустя миг влетел обратно с искрящимися от счастья глазами.

— Ты правду сказал? Подаришь мне его?

— Что удивительного в том, что я хочу подарить коня такому славному парню, как ты?

— А плетъ свою ты тоже подаришь мне?

— Ну, конечно! Чем же ты будешь коня погонять? На, держи...

Мальчик запрыгал на месте от радости, потом со всех ног помчался к дому, крича на весь двор:

— Кыркыс, Кыркыс! Посмотри, что мне гость подарил! И конь, что на улице, тоже мой!

На его радостный вопль из комнаты выскочила Кыркыс в наспех наброшенной на плечи черной шали. Бабе бросился к женщине.

— Кыркыс, можешь подержать, настоящая, совсем настоящая плетка! И конь тоже настоящий, живой! Все он подарил, вот этот гость!

Кыркыс взглянула на ворота и увидела в них Ахсартага. Набросила шаль на голову.

— Мальчик, перестань шалить, отдай гостю плетъ!

— Он подарил ее мне, — мгновенно наполнились глаза слезами. — Правда, дядя?

— Да, мое солнышко, да. Я подарил тебе плетъ. И коня подарил, — подтвердил Ахсартаг.

— Моя плетка, моя! — мальчик принялся бегать по двору, размахивая хлыстом.

— Эх, горемычные твои родители, не успели нарадоваться своему счастью, — вздохнула Кыркыс, глядя вслед Бабе.

— Да, будь неладна судьба бедняка, — подхватил Ахсартаг. — А что, Кыркыс, Налкуты нет дома?

— Нет, ушла недавно на кладбище. После смерти Булатыко она безутешна, каждый день ходит на погост. Я и свое горе забыла, глядя на нее, несчастную. Даже велела вырыть могилу для тебя, как будто ты в ней похоронен, и оплакивает всех вместе — тебя, отца и

брата... Вот горе горькое-то, а? Зайди в дом, Ахсартаг, может, она скоро вернется.

— Кыркыс, времени у меня мало. Мне возвращаться пора.

— Булатыко любил тебя, как брата, как же ты можешь уйти, не помянув его? — с упреком сказала женщина.

Не смог отказать Ахсартаг и следом за хозяйкой вошел в комнату.

Пока Кыркыс готовила пищу, Ахсартаг осматривал комнату. Когда-то здесь все принадлежало Налкуте. А сейчас это вещи Кыркыс... Но в основном здесь ничего не изменилось. Здесь, в этих стенах, расцветал цветок их безграничной любви...

Но как это было давно! Ахсартагу кажется, что не годы — тысячелетия пролегли между теми безмятежными днями и его теперешней суровой жизнью. Интересно, узнай Налкута, что сидит сейчас в этой комнате не чужой человек Кассай, а ее воскресший из мертвых Ахсартаг, что бы она сделала?.. Одна осталась она на белом свете. Никого у нее нет, никто не ждет ее, никто не приласкает... Единственная отрада — маленький Бабе... После смерти отца Налкута тоже осталась одна в доме, но тогда она жила надеждами на встречу с ним, ее любовью. А теперь у нее не осталось даже надежды... Вот с минуты на минуту растворится дверь, и она войдет. Ах, если бы мог он сейчас, как бывало когда-то, приласкать свою Налкуту, если бы мог поцелуями осушить ее слезы! Но нет, это невозможно... И не надо думать об этом... Завтра он уходит в бой, в ожесточенный бой за свободу. Сгорело в огне жестокости и подлости счастье его и Налкуты, и нужно до основания разрушить эту жизнь, чтобы не топтала грязными ногами счастье людей свора алдаров и богачей!..

Никто не знает, что сулит ему завтрашний день. Может смерть? Что ж, он готов принять ее... Но пусть сегодня не оживут ее крылатые надежды, ее чистые, светлые желания, чтобы завтра не умерли с ним вновь. Не вынести такого удара пострадавшему сердцу Налкуты...

Отворилась дверь соседней комнаты, из нее вышла Кыркыс, неся в одной руке поднос с уаливаками, в другой — кувшин араки.

Ахсартаг помянул добрым словом Булатыко, сказал слова утешения смахнувшей с ресниц слезу вдове, потом приступил к главному:

— Кыркыс, у меня никогда не было сестры. Впервые от тебя я узнал тепло сестринской ласки и заботы. Будь же мне названной сестрой! Огромное, страшное горе обрушилось на тебя — осталась ты вдовой с малыми сиротами, но прошу тебя, как сестру, найди в себе силы поддержать ту, которая несчастнее тебя. Никому другому, кроме тебя, я не могу поручить Налкуту. Она одна-одинешенька на всем белом свете, одна с малышом на руках. Будь и для нее сестрой, Кыркыс, не дай ей пасть духом, не покидай ее и не отпускай никуда от себя. Вот моя просьба, Кыркыс.

— Ты тоже мне дорог, как брат, Ахсартаг. Люблю тебя не меньше, чем Асланбека, и просьба твоя для меня закон. Но почему ты попросил меня об этом? Чудак, Налкута ведь мне не чужая! Мы с золовкой сгорели в одном огне, и теперь дороги наши переплелись... А в Бабе и я души не чаю. Не тревожься за них, Ахсартаг!

— Спасибо, сестричка, спасибо...

— А теперь у меня к тебе просьба есть, Ахсартаг.

— Я сделаю все, что только в моих силах!

— Чудовищная несправедливость, что Налкута не знает правды о тебе. Она, как живой труп. Свежая рана, панесенная гибелью брата, не так болит в ней, как старая. Днем она хоронит тебя, а ночью разговаривает, как с живым. Особенно ее потрясло то, что виновником всех ее страданий оказался Солом... С тех пор она сама не своя... Не может простить Булатыко, что скрыл правду от сестры, отдал ее за этого негодяя... Уходит она поплакать на могилу Булатыко, а оплакивает тебя. Не могу я больше, Ахсартаг, видеть ее страдания, да умру я за тебя, откройся ей! Пожалей ее, не бери греха на душу, брат мой!

— Кыркыс, пойми меня, мне самому нелегко... Но так лучше для Налкуты. Ты сама скоро поймешь, почему... Дело, за которое я взялся, опасно, и трудно сказать, не придется ли снова оплакивать меня...

— Понимаю тебя, брат мой, людей под свою защиту взял... Знаю я о твоих делах, мне Булатыко и Асланбек о них говорили... Боюсь я за вас, ох, боюсь!..

— Да, Кыркыс, рискованное дело мы затеяли... Но славная смерть лучше, чем позорная жизнь. Разве не достойнее мужчины умереть в честном бою за свободу, чем влачить, подобно волам, ярмо рабства? И потом, сестра, мы ведь в бой идем не ради безрассудной гибели. Нет, Кыркыс, нет! Просто мы согласны умереть за то, чтобы исчезли с лица земли все темные силы, чтобы над нашими горами взошло солнце свободы и согрело наш бедный народ, чтобы Кыркыс, Налкута и все другие женщины избавились от унижительных вековых адатов и получили права наравне с мужчинами! Эх, какой прекрасной будет наша завтрашняя жизнь, но прежде нужно расправиться с тиранами и мучителями. И прошу тебя, сестра моя, не надо оплакивать тех, кто отдаст свои жизни ради счастливого будущего наших детей... Это гордая смерть, и о героях надо будет песни чести и славы слагать...

— Что тебе сказать, Ахсартаг? Известно, женский ум короток, и не все, что ты говоришь, я понимаю, но сердцем чую: великое дело ты делаешь... Да сопутствует тебе всегда Уастырджи! Только об одном прошу тебя: мой брат Асланбек с тобой идет по опасному пути, береги его.. Если с ним что-нибудь случится, два наших дома останутся без кормильца...

Ахсартаг поднялся. У самых ворот лицом к лицу столкнулся с Налкутой. Сердце Ахсартага бешено заколотилось, ноги стали ватными, все тело налилось слабостью, он не мог шагу ступить. На мгновение встретился взглядом с Налкутой, едва не вскрикнул, но взял себя в руки, и отступил в сторону, пропуская ее.

— О, Кассай, это ты! — смущенно проговорила Налкута. — Ты уже уходишь?..

— Тороплюсь я, извини...

— Спроси-ка его, спроси, гыцци, — завертелся между ними Бабе. — Гыцци не верит, что ты мне коня подарил. Скажи ей...

— Твой он, мой ангел, твой, — поцеловал Ахсартаг пахнущую солнышком головку мальчика. — Только будь осторожен с ним, чтобы не лягнул тебя...

— Мой конь, мой Арфан! — запрыгал от восторга Бабе и с ликующими криками помчался делиться радостью со сверстниками.

— Ой, зачем ты это сделал, Кассай? Ты ведь все

время в разъездах, тебе самому... — забеспокоилась Налкута.

— В моем деле лучше ходить пешком...

— О, нет! Кыркыс, оседлай-ка коня Булатыко!.. Кассай моему брату был другом, конь будет памятью о нем...

Кыркыс, не говоря ни слова, скрылась в хлеву и вскоре вышла, ведя под уздцы оседланную лошадь.

— Вот тебе конь моего брата! Пусть мчит он тебя по верным дорогам, никогда не споткнется под тобой, не подведет в трудную минуту! — пожелала Налкута и вложила в руку Ахсартага уздечку. — Дай бог, чтобы ты никогда не раскаялся, что согласился взять этого коня.

— Спасибо, Налкута!.. Оставайтесь вы все здоровы! Не приведи господи вам вновь хлебнуть горя!..

Ахсартаг одним махом вскочил в седло. Налкута во все глаза глядела на него. Очертание спины, посадка, манера как-то косо, по-особому, взлетать в седло, взмах правой рукой, взгляд, брошенный через плечо, показались Налкуте до ужаса знакомыми. А когда Кассай, прежде чем прищипорить лошадь, погладил ее ладонью левой руки, у Налкуты подкосились ноги. Это жест Ахсартага! Ни у кого больше она не замечала такой привычки... А эти характерные движения рук, ладная спина, уверенная посадка в седле!

«О, пресвятая богородица, кто этот странный человек? Как он похож на...» — не решалась даже мысленно произнести его имя Налкута.

— Кассай, погоди-ка! — сдавленно крикнула она, но конь уже рванул с места, и до Налкуты донесся лишь цокот его копыт.

— Кыркыс, моя Кыркыс, кто этот человек? — порывисто крикнула она, схватившись за горло.

— Кассай. Ты же знаешь его, друг Булатыко, — как можно спокойнее ответила Кыркыс, но по лицу Налкуты поняла, что женщина что-то заподозрила.

— Когда они стали друзьями? И зачем он приходил сюда? — все больше терялась в догадках Налкута.

— Почему ты меня расспрашиваешь? — будто удивилась Кыркыс.

Налкута, словно освободившись от наваждения, глухо застонала.

— Он мне показался похожим на кого-то...

— Ох, несчастная, все еще о нем думаешь?

— Думаю, Кыркыс, думаю, не перестая никогда думать... — с болью проговорила Налкута.

— Не убивайся так, родная. Наверное, нас обоих проклял бог, — обняла она золовку. — Идем-ка в дом, у тебя ведь с утра во рту маковой росинки не было.

Тысячу раз Налкута сравнивала в мыслях Кассая и Ахсартага, тысячу раз старалась убедить себя, что внешне схожих людей много, но сердце не желало внимать доводам здравого смысла. С каких это пор вдруг Кассай стал другом Булатыко? И почему Кассай, появившись в этих краях, решил остановиться именно у Булатыко, человека, не пользовавшегося особым доверием крестьян? Ну, ладно, должно быть у него были на то свои причины, но почему Кассай прячет от нее глаза? В тот раз, когда она впервые увидела его, произносящего над могилой Булатыко пламенную речь, ей ни разу не удалось встретиться с ним взглядом... А голос... Глухой, сильный, но с едва уловимыми знакомыми интонациями... И вот сегодня вторая встреча. О, боже, кто-то околдовал Налкуту!..

До позднего вечера не покидали ее мучительные мысли, и, когда не осталось сил выносить это страдание, Налкута упала перед Кыркыс на колени.

— Кыркыс, моя Кыркыс, заклинаю тебя именем твоих родителей, не скрывай от меня ничего! Скажи, умоляю, скажи, кто этот Кассай? — дрожа всем телом, молила Налкута.

— Разрушился мой очаг, несчастная, что ты делаешь, встань! — бросилась поднимать ее Кыркыс.

— Не встану, пока ты мне не скажешь правды. Пожалей меня, горемычную!

— Ничего не знаю, ничего не ведаю, — как заведенная, твердила Кыркыс.

— Знаешь... Знаешь! Во имя всех святых молю тебя, не скрывай, скажи! Скажи!..

«Что же делать? Ведь я же дала слово Ахсартагу! Но я не могу больше выносить ее страдания, не могу, не могу! Скажу!..»

— Это...

— Кто?! — Налкута вцепилась в руку Кыркыс.

— Это Ахсартаг, твое закатившееся солнце... Вернулся из страны мертвых...

— О, боже! Я знала, знала, что он жив! Как жестоко обошлись со мной! — вырвался из груди Налкуты протяжный стон, и она лишилась чувств.

С огромным трудом удалось Кыркыс вывести Налкуту из глубокого обморока. Но женщина долго не могла оправиться. Словно оборвалось что-то в ней, только время от времени горестно стонала:

— Как вы безжалостны! Как вы жестоки!

Кыркыс понимала, что это от неожиданной радости. Но радость легче пережить, чем горе. И Кыркыс ласково и терпеливо ухаживала за Налкутой и вскоре смогла уже рассказать ей все, что знала сама об Ахсартаге. Объяснила, что он скрывался от любимой, чтобы вторично не причинить ей страданий, опасался, что она не выдержит, если потеряет его вновь, а сейчас он занят очень опасным делом, и его жизнь под угрозой.

— ...Он щадил тебя, скрывался. Даже родители его не знали правды...

— Куда он ушел? Зачем ушел? Скажи, Кыркыс! Я пойду к нему! — Налкута схватилась за шаль.

— Налкута, моя Налкута, я не знаю, куда он ушел! Потерпи, он сам придет скоро, — встала в дверях Кыркыс.

— Нет, Кыркыс, нет! Если даже камнями меня заваляшь, в цепи закуешь — все равно уйду к нему! Я должна быть рядом с ним, ведь ему угрожает опасность!

Тщетны были усилия Кыркыс удержать золовку. Ночная мгла поглотила Налкуту.

III

Казачьи конники скачут по извилистой тропе, повторяющей все причудливые изгибы бурной горной речушки. Карательный отряд под командованием ротмистра Нетудыхаты спешит к Березовому ущелью, чтобы потопить в крови взбунтовавшиеся аулы. Ротмистр на белом донском скакуне время от времени оборачивается назад и подбадривает конников:

— Быстрее, хлопцы, быстрее!

Неспокоен бывалый ротмистр. Тропа, чем дальше в горы, тем уже и круче. Оступится ненароком лошадь — поминай как звали. Не приведи господи в такой теснине столкнуться с врагом, одна дорога отсюда — в могилу. Скорее, скорее надо пройти опасное место, выйти на простор, там будет где разгуляться казачьему коню и нагайке... Нет, не хочет ротмистр встречаться с неприятелем в складках гор. Здесь нарушаются все правила военной науки, враг может появиться и справа, и слева, и сзади, и даже сверху. Как назло, направили служить на Кавказ в такое время, когда эти дикие народы зашевелились. Впрочем, горцы всегда были известны своей непокорностью, много крови испортили они царской власти... В родных скалах быстры, как серны, смелы, как барсы, зорки, как орлы. Много рассказов об отваге и мужестве горцев слышал ротмистр от своего отца Ивана Петровича, полковника царской армии, который сражался в этих горах еще против прославленного бунтаря Шамиля.

Узнав, что сыну вышло предписание служить на Кавказе в подчинении наместника, полковник прислал своему отпрыску письмо, скорее напоминавшее инструкцию о действиях войск в горных условиях, чем отцовское наставление. Старый вояка предостерегал сына от встречи с неприятелем в узких ущельях и вблизи аулов, где бойцами становятся даже старухи и дети, а оружием — камни... Немалых трудностей стоило ротмистру подняться по лестнице чинов, и вот теперь он должен доказать, что достоин нового повышения. Отец... Он тоже карабкался к высотам, и, как знать, может, и дослужился бы до генерала, если бы в одном из боев не лишился ноги. Добился бы тогда, наверное, лучших условий для сына. Тьфу! И чего они без конца бунтуют? Впрочем, сейчас не только Кавказ, вся Россия бурлит и клоочет. Даже станицы Кубани — оплот царя — и те беспокойны.

Интересно, что за личность Кассай, главарь повстанцев? По рассказам проводника Кази, он очень опасен. Послан, дескать, из Тифлиса подпольной революционной организацией баламутить горских крестьян-бедняков. Знает тертый вояка, что таких горлопанов чернь слушается. В надежде получить кусок хлеба эти оборванцы готовы идти за ними даже на смерть... Чувствует

Нетудыхата, что схватка с повстанцами будет нелегкой...

Впрочем, карательные операции, подобные той, которую он со своими орлами сегодня проведет, ротмистр осуществлял не раз. Все чаще и чаще за последние годы службы в Грузии ему приходится подавлять бунты, задушит эту гидру и на сей раз. Только скорее бы выбраться из этого проклятого ущелья.

— Вперед, братцы, вперед! — снова подбодрил он казаков.

Всадники пришпорили коней, из-под копыт брызнула во все стороны речная галька. Эскадрон вскоре очутился в самой узкой части ущелья. Скалу в этом месте словно надвое разрубил мечом сказочный великан: отвесные стены уходили круто вверх так близко друг от друга, что небо над головой виднелось с ладонь шириной. Гигантские глыбы нависали над расщелиной, готовые сорваться от малейшего толчка.

Тропа стала совсем узкой — двум коням не разъехаться. Внизу с диким грохотом катила вспененные воды река.

— Ваше благородие, еще немного — и мы у цели, — Кази попытался успокоить капитана, но голос его потонул в свисте ружейных пуль.

Склоны мрачного ущелья ощерились стволами, извергавшими огонь. Гулкое эхо раскатывало шары ружейных залпов, смешиваясь с ревом потока. Дикая теснина превратилась в крошечный ад, в гигантскую мясорубку, перемалывавшую на пяточке земли сотни людей и лошадей.

Вот она, опасность, о которой предупреждал отец ротмистра!

— Назад! — зычно крикнул он.

Но обратного пути уже не было. Казаки оказались в каменном мешке, и с каждой минутой петля на нем затягивалась. Ни вперед, ни назад не могли вырваться они из теснины и, сраженные меткими выстрелами, один за другим падали с коней в бурлящий поток.

На скалах заняла боевые позиции ударная группа повстанческой армии Кассая — лучшая молодежь ущелья Саджилком. Скрытые в расщелинах, недостижимые для противника, они поливали свинцом карательный отряд, от которого уже осталась половина.

— Берегите патроны! — приказал Ахсартар, и с вершины скалы ринулась вниз лавина камней.

Грохот каменного обвала, ржание лошадей и вопли казаков слились в дикую какофонию. Вот оно, возмездие, за совершенные злодеяния! Сколько бедняцкой крови пролил карательный отряд ротмистра Нетудыхаты, скольких матерей и детей оставил он без кормильца и без крова!.. Настигло его проклятие несчастных людей, и нет ему спасения!

По дороге сюда Нетудыхаты с вожделием представлял, как эта горная река к вечеру окрасится кровью повстанцев, и вот розовая пена срывается с бешеного потока на уступах, но это кровь его казаков. Нет, никому из них не выбраться из этой западни!.. Вот уж меньше половины отряда осталось, а с головы противника даже волосок не упал.

Гремят выстрелы со скалы, и кажется, будто это стреляют сами скалы. В горах и скалы воюют: со свистом срываются вниз огромные камни, обрушиваются на головы карателей. Никто из них не сидит уже в седле, а оставшиеся в живых попрятались за выступами скал и беспорядочно палят по откосам.

Чует Кази, что не выбраться ему живым из этого ада. Пора спасать шкуру!.. Короткими перебежками, хоронясь за камни и трупы лошадей, подбирается к реке. Замирает на краю обрыва и стремглав бросается в ревущий поток. Река тащит его, нещадно колотя о валуны, но в одном месте, где течение ослабевает, Кази удается выкарабкаться на берег. Укрывшись в кустах, он перевязывает свои раны и неперерез через горы отправляется обратно в Чреба.

— Вперед! — взмахнул рукой ротмистр, и с кучкой оставшихся в живых всадников ринулся под градом пуль и камней к выходу из теснины.

Но за поворотом они наткнулись на резерв повстанцев, и им ничего другого не оставалось, как сдаться в плен.

Весть о том, что красный отряд Кассая разбил карательный отряд, пронеслась, подобно молнии, из аула в аул, из ущелья в ущелье. Горцы воспрянули духом: это была их первая победа в борьбе за свободу. В сердцах бедняков вспыхнула надежда. Люди шли друг к другу с поздравлениями.

Радовались одержанной победой бойцы Кассая. Но Ахсартаг и его друзья понимали, что враг не смирится, появится снова с гораздо большими силами, и поэтому готовили себя к суровым кровопролитным боям. Арсенал повстанцев пополнился за счет оружия казаков, добытого в сражении. Карабины достались самым метким стрелкам.

Солнце закатилось за горы. Темнота поглотила ущелье, скрыв от мира следы жестокой битвы.

Ахсартаг выставил дозор на перешейке ущелья и дал отдых бойцам до следующего утра.

Но враг не появился на другое утро, не пришел и на третье. Разведчики возвращались из Чреба с сообщением, что в гарнизоне все тихо, казаки ведут себя так, словно ничего не произошло.

Это известие не успокоило, а, наоборот, насторожило Ахсартага. Он послал гонца в Чребский комитет партии за инструкциями. Но посланный не вернулся. Отправил другого бойца, но и тот как в воду канул.

В неизвестности и бездействии прошло несколько дней. Повстанцы томились в ожидании. Боевой дух, стремление испробовать свои силы в схватке с врагом, горячившее кровь молодежи в первые дни мятежа, постепенно исчезали, уступая место тоске по семьям, по заждавшейся работе. По ночам они стали уходить домой, не возвращаясь в лагерь до рассвета. Стояла пора козьяйственных работ.

Падение дисциплины среди повстанцев серьезно заботило Ахсартага. Стало ясно, что либо нужно поднять все аулы и разом ударить по врагу, либо распустить бойцов.

Он не мог взять на себя ответственность за наступление, но и отпустить повстанцев по домам означал провал великого дела, на которое он поднял этих людей.

Нет, нельзя обмануть надежды бедняков, поднявшихся с оружием в руках на битву за светлое будущее!.. Народ проснулся, оторвался от долгой спячки, оглянулся вокруг и увидел ясным взором всю чудовищную несправедливость окружающей жизни. Люди потянулись к нему, разбудившему их, позвавшему за собой на великую битву, — и нельзя подрывать их веру.

А вера в Кассая крепла день ото дня. Весть о том, что он раздал земли Хунцела и Сольма беднякам, затем разбил наголову казаков, разнеслась по горам, и народ устремился к нему.

Один за другим приходили к нему бедняки из разных аулов, женщины и мужчины, юные и старейшины, все, кому надоело жить в рабстве и в кого вселилась надежда на избавление. Они просили его явиться в их аул, отнять земли у богатеев и раздать беднякам, как сделал он в Тедотикау. Они спрашивали Кассая, платить ли им подати алдару или нет, вернут ли деньги обратно тем, кто уже внес свою мзду? И каждому надо было дать обстоятельный ответ, подбодрить, обнадежить... А на многие вопросы Кассай и сам не знал ответа и в таких случаях говорил:

— Вот победим врагов, соберемся и все вместе решим, как сделать по справедливости...

Пять дней, только пять дней прошло с того момента, как сладостный ветер свободы расправил веками стиснутую грудь обездоленного народа, зажег светом надежды хмурые глаза людей, вселил в них отвагу и мужество, заставил их гордо вскинуть головы...

Но куда подевались гонцы Ахсартага? Почему молчит подпольная организация Чреба? Нельзя медлить, нужно наладить связь с большевиками! Но кого послать? Асланбека! А если и его?.. После долгих раздумий он все же остановил свой выбор на Асланбеке и вызвал его к себе.

— Асланбек, меня волнует, что наши гонцы не возвращаются... Тебе нужно будет попытаться установить связь с революционным комитетом в Чреба и как можно скорее узнать, что нам делать дальше. Пребывать в бездействии уже нельзя... Не зря, должно быть, пригнали казаки... Ну, иди! Будь осторожен!..

— Жди меня послезавтра. Я пойду другой дорогой...

Они обнялись.

Опустился вечер. Бойцы расположились на отдых. То там, то тут вспыхивала песня. Кто-то принес из аула фандыр, и в вечерней прохладе по притихшему ущелью разносились мелодичные звуки и задумчивая песня...

Ахсартаг вместе с Адзыбе обошли посты, посидели с бойцами у костров. Везде беззаботное и веселое

настроение. В одной группе то и дело раздавались взрывы смеха. Подошли поближе. Молодежь Тедотикау окружила бывшего батрака Солыма, Таймураза. Парень рассказывал что-то очень смешное, за раскатистым хохотом слушателей невозможно было разобрать его слов.

— Пора, Адзыбе, отдохнуть и нам, — сказал Ахсартаг.

Они отошли, не замеченные бойцами.

— Адзыбе, неспокоен я что-то за наших дозорных, как бы снова не разбежались по домам, — озабоченно сказал Ахсартаг.

— Иди, приляг, а я еще раз обойду посты, — откликнулся Адзыбе и растворился во тьме.

Полная луна залила бледным светом склоны ущелья, придав кустам и деревьям причудливые очертания. Ахсартаг широко шагал к шалашу, построенному для него ребятами. Не дойдя до него, услышал за спиной что-то легкие шаги. Резко обернулся.

В нескольких шагах от него замер незнакомый паренек.

«Опять он!» — подумал Ахсартаг. Вот уже четвергую ночь ходит за ним по пятам этот невысокий юноша. Кто, как зовут его, откуда он — ничего о нем не знает Ахсартаг, только знает, что с наступлением ночи шуплая тень незнакомца вновь заскользит за ним. Днем паренек исчезает и Ахсартагу ни разу не удалось его повидать при солнечном свете. Вчера юноша заснул, свернувшись калачиком у входа в шалаш, а утром его уже не было среди повстанцев. Ахсартаг решил, наконец, заговорить с таинственным преследователем, не имеющим, впрочем, никаких дурных намерений.

— Что тебе нужно, парень? — спросил он.

— Ничего! — неотчетливо произнес юноша.

— Почему же, в таком случае, ты ходишь за мной?

— Я охраняю тебя.

— От кого? — улыбнулся Ахсартаг.

— От врагов...

— Ты? — не смог сдержать смеха командир. — И кто же поручил тебе быть моим телохранителем?

— Никто!..

— Гм!.. А где же ты днем бываешь?

— Дома.

— Почему?
— Отсыпаюсь за ночь...
— Вот это да! Почему же ты заснул вчера ночью?
— решил позабавиться Ахсартаг.
— Накануне днем не удалось поспать...
— Удивительный ты парень, ей богу! Идем-ка со мной! — командир положил было руку на плечо юноши, но тот отпрянул. — Идем в шалаш, поспи немного.
— Нет, сегодня я спал...
— Н-да! Как же тебя зовут?
Паренек помедлил с ответом. Потом нехотя выдал:
— Ахсартаг...
Командир вздрогнул.
— Ахсартаг?.. Хорошее имя... Так как, зайдешь в шалаш?
— Нет!
— Ну, что ж, уходи домой!
— Не прогоняй меня! Мне хочется быть рядом с тобой...
— Или войди в шалаш, или марш домой! Ясно?
Юноша подумал немного и безропотно нырнул в шалаш.
— Вот так-то! Бери бурку и устраивайся...
Паренек закутался в бурку и растянулся на ветках хвоя.

Не слышны стали звуки фандыра, умолкли песни. Под мягкой периной лунного света заснули горы. Тишину ночи нарушало лишь уханье филина да ровный гул воды на перекатах.

Не мог заснуть Ахсартаг, одолеваемый беспокойными мыслями. Почему молчит Чреба? Что замышляет враг? Куда подевались гонцы? Нет, так и не смог он найти ответ на мучившие его вопросы. Лишь под утро глаза его смежились.

IV

Ахсартага разбудил тревожный крик Адзыбе:
— Казаки! Казаки! Кассай, скорее наверх!
Командир рывком вскочил и пулей вылетел из шалаша.

— Где они?!

— Дозорные из ущелья подали сигнал тревоги! — взволнованно объяснил Адзыбе.

— Поднимай всех! — застегивая на ходу ремни, приказал Ахсартаг и поспешил к огненным позициям на вершине скалы.

Солнце уже довольно высоко стояло в небе, когда в теснине ущелья показались казаки. Они ехали так медленно, что можно было подумать, будто их заставляют двигаться под угрозой смерти. Дотащившись до горловины, где в прошлый раз на них обрушились повстанцы, конники остановились, словно выжидая, что вот-вот оживут скалы и извергнут на них град свинца и камней. Но красные бойцы не шелохнулись в ожидании приказа открыть огонь.

Вдруг от неприятельского отряда на дне ущелья отделилось какое-то странное облачко, и по горам пронесся грохот пушечного выстрела. За ним другой, третий... От скал брызнули камни.

Ахсартаг сообразил, что казаки намереваются пробить себе путь пушками, но надеялся, что это невозможно, и выжидал, пока они подойдут поближе, чтобы обрушить на них лавину камней.

Но казаки почему-то не двигались с места. Только снаряды один за другим разрывались на склонах, вздымая фонтаны камней и земли.

— Тревога! Они обошли нас сзади! — услышал Ахсартаг звонкий голос юноши, своего добровольного телохранителя.

Бойцы, чье внимание целиком было поглощено действиями наступающих на дне ущелья, разом обернулись и обомлели: с тыла, из густой чащи леса, прячась за густым кустарником, к ним подкрадывались казаки. Еще немного и они приблизятся на расстояние выстрела.

Понял Ахсартаг, что не обошлось без предательства. Только обитатели этих мест знали потайную тропу через высокий перевал, большим крюком петлявшую по опасным кручам и осыпям. Без проводника казаки ни за что на свете не отважились бы воспользоваться этим малохоженым путем. Командир повсюду выставил караульных, откуда только можно было ожидать нападения, но никак не мог допустить, что враг изберет са-

мый сложный и рискованный путь. «Ах, какое безрассудство!» — терзал себя раскаянием Ахсартаг.

Красный повстанческий отряд был разделен на две части глубоким ущельем, на дне которого засели каратели. Адзыбе командовал теми сотнями, которые сидели в засаде на противоположной стороне пропасти. Ахсартаг возглавлял бойцов на этой стороне, где с тыла ударили казаки. Так что атаку врага придется отбивать с вдвое меньшими силами. Что ж, надо принять бой! Надо как можно дольше продержаться!

— Товарищи! Подлый предатель указал врагу путь, и казаки у нас за спиной! Будьте стойки, орлы! Пусть царские холуи узнают силу рук раба, стремящегося к свободе! К бою, друзья! — сильный голос Кассая взбудрил бойцов.

В мгновение ока они заняли наиболее выгодную позицию и взяли на прицел наступавших казаков. Каратели, прижимаясь к земле, все ползли и ползли вперед. Возбужденные близостью врага, красные бойцы с нетерпением ждут приказа, но Кассай выжидает.

Неприятельская цепь все ближе и ближе. Вдруг один из них, по-видимому, офицер, поднялся во весь рост и крикнул:

— За мной, в атаку!

Казаки вскочили и со штыками наперевес, с криком «Ура!» ринулись на укрепления повстанцев.

В то же мгновение молчавшие доселе камни, за которыми укрылись горцы, ожили и извергли первый шквал огня. В передних рядах наступавших образовалась брешь. Казаки бросились на землю и, прикрывшись камнями, открыли ответный огонь. Однако, убедившись, что их пули не достигают цели, вновь поднялись в атаку.

Их снова встретил огненный вихрь. Опять несколько казаков упало, но, подгоняемые есаулом с револьвером в руке, казаки снова и снова шли лавиной на красный отряд Ахсартага. Вот уж первые ряды врагов совсем близко...

— За мной! — поднял Ахсартаг своих бойцов и с саблей наголо погнал перед собой синеглазого, с густыми пшеничными усами, казака.

Группа Адзыбе сидела в засаде на другой стороне ущелья. При первых выстрелах оттуда, где залегли бойцы Ахсартага, Адзыбе не сразу сообразил, что там происходит. Но перестрелка нарастала, и стало ясно: стряслась беда. Наконец, кто-то крикнул с той стороны:

— Казаки обошли нас сзади! Следи за ущельем!

Крик еще не стих в расщелинах скал, как в глубине ущелья началось движение. Казаки на конях поскакали вперед, к самому перешейку, видимо, стремясь сходу преодолеть контролируемое повстанцами пространство. Одновременно несколько пушечных снарядов разорвалось на скалах вблизи бойцов, и трое из них были тяжело ранены картечью и осколками камней.

— Бейте их! Не давайте прорваться! — приказал Адзыбе. И вновь горцы прибегли к своему испытанному оружию: с вершины скалы на казаков обрушилась лавина камней. Но, видимо, артиллерия врага пристрелялась, снаряды рвались все ближе и ближе, поливая красных бойцов смертоносным дождем, не давая им головы поднять. Те из конников, кто успел проскочить до лавины горловину ущелья, подгоняя лошадей, мчались вверх по тропе на выручку к казакам, схватившимся в рукопашном бою с повстанцами.

— Прорвались гады! За мной, на помощь к Касаю! — Адзыбе знал, какая беда ожидает Ахсартага, и впереди своих бойцов помчался в обход ущелья на ту сторону, где шел кровопролитный бой.

Красные бойцы смяли атаку первой цепи казаков, уложив кого пулей, а кого ударом кинжала. Но вслед за первой волной из лесу хлынула вторая. Одержав первый успех, повстанцы воспрянули духом и смело ждали приближения казаков. Завладев карабинами убитых врагов, бойцы открыли огонь по наступающим, не дожидаясь их приближения. Грохот выстрелов покрыл предсмертные вопли карателей...

Не выдержав столь решительного отпора, казаки отступили в лес. Как раз в этот момент на поляну, где шла битва не на жизнь, а на смерть, влетела группа конных казаков, прорвавшихся через «ворота» в ущелье, и с обнаженными шашками, с раскатистым «Уррра!»

устремились на красных бойцов, не успевших перевести дух после успешно отбитой атаки. Окрыленные неожиданной подмогой, отступившие было пешие казаки повернули обратно. Так, внезапно отряд Ахсартага оказался зажатым с двух сторон в тиски. Сверкающие на солнце казачьи шашки готовы были обрушиться на них.

— Бой, последний бой ради свободы! — крикнул Ахсартаг своим ребятам и, укрывшись за большим валуном, стал хладнокровно посылать в наступающих пулю за пулей. Вот один казак вылетел на полном скаку из седла, вот другой, зацепившись ногой за стремя, поволочился по земле. Друзья Ахсартага последовали его примеру, и казаки один за другим стали сваливаться с коней.

Но поредели и ряды красного отряда Кассая. Над глубоким ущельем схватились в смертельном бою прислужники жестокого царя и алдаров, державших в цепях трудовой люд, и рабы, осмелившиеся разорвать эти цепи, готовые принять смерть ради грядущей свободы.

И битва эта не на жизнь, а на смерть...

...Один из казаков верхом на коне догоняет паренька, который охранял Ахсартага ночью. Вот уже занесена его рука с шашкой над головой юноши, еще миг — и сталь с размаху врежется в живое тело. Но сталь опередил свинец... Пуля, пущенная Ахсартагом, поразила верзилу-казака, и он кубарем перелетел через голову своего коня и грохнулся о камни. Кассай не успел проследить за юношей. В этот миг противники сошлись и завязался рукопашный бой. Перед глазами Ахсартага мелькнула знакомая фигура, и он лицом к лицу столкнулся с Кази.

— А-а-а, тварь, так это ты привел казаков по тайной тропе! — налились кровью глаза Кассая.

Кази выхватил кинжал, приготовившись защищаться. Ахсартаг ринулся на него, но Кази отбил бросок. Понял Ахсартаг, что не так-то легко будет быстро разделиться с предателем, решившим, видимо, дорого продать свою подлую жизнь, и пошел на хитрость. Когда Кази размахнулся, готовясь обрушить на него удар, Ахсартаг увернулся. Грузный староста не удержался, Ахсартаг ловко подставил ногу, и Кази растянулся во весь рост. Вот тут-то сабля Кассая и настигла его.

— Собаке — собачья смерть! — произнес он, и тут

до его слуха донесся крик паренька, вырванного им недавно из когтей смерти.

— Кассай, пришел Адзыбе с бойцами!

Ахсартаг резко обернулся, но в этот миг из леса раздался одиночный выстрел, и он пошатнулся.

— Адзыбе, друг мой, бей их!.. Рази гадов! — слабым голосом крикнул он и упал наземь.

— Горе моему очагу, его убили!.. — вдруг уловили его уши голос неизвестно откуда взявшейся женщины и в глазах его потемнело.

Группа Адзыбе стремилась прорваться сквозь заслон казаков и прийти на помощь Кассая, но каратели не давали ей возможности подняться на высоту, где уже стихал бой. Несколько бойцов все же добралось до вершины и, орудуя кинжалами, пробивали себе путь сквозь вражеский строй. Но казаки разбили их на мелкие группы и окружили цепью.

Понял Адзыбе, что нет никакой надежды разорвать эту цепь, и стал теснить двух казаков к краю скалы.

Но замысел его не удался, шашка врага пришлась ему по ключице.

«Вот она, моя смерть! Но погибну не один...» — затрепетала мысль в голове. Он тигром бросился на казаков, и три тела, слившись в единый клубок, полетели с вершины скалы на гранитное дно глубокого ущелья...

Многие из его друзей, видевшие героическую смерть Адзыбе, поступили так же. Многих ненавистных врагов они отправили в страну мертвых, но и сами погибли.

Стихли ружейные выстрелы, смолк звон стали. Над полем боя долго не расходился густой пороховой дым. Окровавленное око солнца устало взирать на страшные следы недавнего побоища и закатилось за горы.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

I

До самого утра не умолкал душераздирающий вой собак, повергая в жуткий страх жителей окрестных аулов. Накануне до них долетал отдаленный грохот пушек, потом пальба прекратилась, и наступившая тишина еще больше усилила тревожное предчувствие беды.

Кыркыс, как и все женщины Уалвазкау, была объята страхом. Ей все мерещилась гибель брата. Тревожилась она и за Налкуту. Неделью назад, в ночь, бросилась та искать Ахсартага, и с той поры нет о ней ни слуху ни духу. Где она, что стало с ней?

Протяжно, с надрывом воют псы. Предвещают, должно быть, страшную беду. Волнуется Кыркыс, места себе не находит. Время от времени выбегает во двор, чудится ей чей-то далекий зов, прислушивается к темноте, но ничего, кроме воя собак, не может уловить. В тревоге возвращается в дом.

Время перевалило за полночь. Не смыкает глаз Кыркыс. Петухи пропели вторую зарю, когда с улицы донесся цокот лошадиных копыт. Женщина напрягла слух. Цокот затих у ворот ее дома. И тотчас же в калитку постучали. Кыркыс испуганно вскочила и рывком бросилась к воротам. Распахнула калитку и застыла, как громом пораженная. На улице стояли два коня. На одном из них сидел некто, держа вторую лошадь под уздцы. Поперек седла свешивалось, наподобие рифтага, чье-то тело.

— Кто ты? — спросила насмерть перепуганная Кыркыс.

— Это я, Кыркыс, — вполголоса ответил всадник, и она узнала Налкуту.

— Горе обрушилось на мой очаг!.. Кто это?

— Это... он...

Кыркыс торопливо отворила ворота, впустила коней, и женщины с большой осторожностью сняли с седла чуть живого, без сознания, мужчину и, сгибаясь под непомерной тяжестью, внесли в горницу... Увидев при свете лампы мертвенно-бледное, без кровники, лицо Ахсартага, Кыркыс стала причитать, царапая себе щеки:

— Разрушился мой очаг, какое несчастье стряслось с нами?!

— Страшная беда пришла в наши горы, Кыркыс. Лучшие парни ущелья погибли под пулями и шашками казаков. Камни в Чертовом ущелье обагрились кровью... — едва переводя дыхание, рассказывала Налкута. — С превеликими трудностями, с божьей помощью мне удалось вынести его с поля боя...

— Горе мне, а что стало с братом моим Асланбеком? — разразилась рыданиями Кыркыс.

— Асланбека с ними не было... Вчера Кассай отправил его в Чреба, он до сих пор еще не вернулся... Скорее беги за своим дедом, он мастер ухаживать за ранами!..

Кыркыс вся в слезах выбежала за ворота.

Налкута зачерпнула воды из кадки и промыла лицо Ахсартага. Раненый застонал, слегка приоткрыл глаза и глухо спросил:

— Где я?.. Куда делись эти подлые псы?.. Это ты, мой маленький... брат.. Ахсартаг?.. — и вновь потерял сознание.

— Ахсартаг, свет моих очей! Ты бросил меня одну на растерзание хищникам, но я тебя не оставляю, не отдам смерти! О, святая богородица! О, великий Уастырджи! Не лишите вы его своего покровительства, приютите под своим крылом!.. — в исступлении, молилась женщина.

На пороге, словно поднятые по тревоге, стояли в полной готовности Кыркыс и старый Дотти.

* * *

Рассвело. Кровавая заря залила вершины гор. Весть о разразившейся трагедии за ночь облетела все аулы. И двинулось все ущелье от мала до велика к месту неслыханного несчастья. Те из красных бойцов, кому ранеными чудом удалось спастись, скрылись в лесу, а их мертвых товарищей подобрали родные и близкие и, рыдая и стеная, несли на плечах в печальные аулы.

Казалось, горы содрогнулись от плача людей, скалы разрывались от жалости к женщинам, рвавшим на себе волосы и царапавшим щеки.

Своих убитых собрали и казаки. Вырыли для них общую могилу и похоронили. Похоронили далеко от родных домов, опустили в могилу, не оплаканных матерями и женами.

Казаки отправили в Чреба тяжелораненных повстанцев, затем обошли все аулы ущелья, разграбили жалкие сакли бедняков и предали их огню, связали мужчин, встретившихся на пути, и тоже отправили в тюрьму, и лишь после этого свернули в другое ущелье.

Ушли, чтобы сеять всюду страх, чтобы задушить в самом зародыше ростки свободы, потопить в крови революцию.

II

По едва приметной тропке, скрытой в зарослях от посторонних глаз, спешит обратно Асланбек. Вчера весь день он разыскивал в Чреба членов бюро социал-демократической организации, но никого из них ему не удалось найти. А сегодня к обеду он узнал от верных людей, что всех подпольщиков три дня назад арестовали. Рассказали, что схватили и тех связных, которых Касай послал в Чреба. В Кехвском ущелье они попали в руки разведчиков-казаков. Узнал Асланбек также, что позавчера ночью большой отряд казаков с пушками проследовал из Гори в сторону гор, даже не остановившись в Чреба. Асланбек понял все и поспешил обратно.

Солнце уже цеплялось за острые пики вершин, когда тропинка привела его к крутому спуску на дорогу, вьющуюся по дну узкого ущелья. Только приготовился он начать спуск, как увидел в теснине группу людей. Пригляделся. Несколько конных-казаков конвоировали связанных мужчин. Сердце Асланбека заныло. Кто эти люди? Куда их ведут казаки? Надо помочь пленникам!

Не раздумывая, бросился вниз, к дороге. На выступе скалы над дорогой спрятался в густом кустарнике и стал ждать их приближения. Вот они появились... Спереди и сзади арестованных едут на конях два вооруженных казака. Конвоируемых человек двадцать, руки связаны за спиной, лица в кровоподтеках и ссадинах, одежда в кровавых пятнах и грязи. Вглядевшись, Асланбек узнал некоторых из них... Ясно, что в горах произошло кровопролитие... Асланбек взвел курок револьвера. Когда ехавший в авангарде казак поравнялся с ним, Асланбек выстрелил ему в грудь, и каратель свалился с седла. Второй казак, не разобравшись откуда стреляли, принялся беспорядочно палить по склонам, но и его настигла пуля Асланбека.

Медлить было нельзя. Одним прыжком выскочил он из своей засады на дорогу, подбежал к пленникам и одну за другой разрезал кинжалом веревки на их ру-

ках. Вдруг сзади послышался цокот копыт. Это казаки, сопровождавшие группу и, видимо, где-то замешкавшиеся спешили к тому месту, откуда раздавались выстрелы. Но Асланбек к тому времени уже освободил всех арестованных и скрылся вместе с ними в лесу над дорогой. Подскакавшие казаки обстреляли заросли, но беглецов и след простыл.

Убедившись, что опасность миновала, Асланбек принялся расспрашивать спасенных о событиях в горах. Мужчины поведали ему горькую повесть о битве.

Словно тисками сдавило сердце Асланбска, задрожал он с головы до ног, кровь вскипела в жилах, в глазах помутилось: «Где я был, когда моих товарищей рублили казаки? Наконец, он решился спросить:

— Кто остался в живых?

— Неизвестно. Многих недосчитались на поле боя, может, в лесу скрылись от казаков, — высказал кто-то предположение.

— А Кассай?

— Его тело не нашли среди убитых... Не нашли и Адзыбе...

С тяжелым сердцем встал Асланбек. Шел, едва передвигая ноги, углубившись в тягостные мысли. Шел к дому, не различая дороги.

III

Три дня организм Ахсартага вел титаническую борьбу со смертью. Старуха с косой то маячила на пороге комнаты, где Налкута и Кыркыс хлопотали над раненым, то подходила к самому изголовью кровати, охлаждая своим ледяным дыханием лицо и руки Ахсартага. В борьбе между жизнью и смертью победила жизнь: молодое сильное тело Ахсартага выкарабкалось из костлявых рук смерти.

На рассвете четвертого дня больной приоткрыл глаза. Первое, что он увидел, были два огромных глаза Налкуты, до краев наполненных тревогой и нежностью. Они светились, эти глаза, светились, как угольки... А Ахсартаг-то думал, что они навеки погасли, столько в них было раньше неизбывной тоски, серой, как зола. Но кто-то раздул золу, и вновь засверкали, засветились

угольки родных глаз! Сколько счастья в них, сколько радости!.. Смотрит Ахсартаг в глубину счастливых глаз и думает, что хоть и потерял их когда-то, но всегда, на каждом шагу его трудной, полной опасности и риска, жизни, ему светил их добрый, ласковый взгляд... Смотрит Ахсартаг, не может оторвать взгляда, и неясно, то ли грезится ему это, то ли видит очи любимой наяву...

— О, пресвятая богородица, о всемогущий Уастыр-джи, как благодарна я вам, что не дали ему умереть, не оставили без вашего покровительства, — слышит Ахсартаг чей-то страстный шепот. Это она... Налкута!..

Взгляд его нехотя отрывается от сверкающих в предрассветных сумерках угольков, скользит по лицу. В когда-то иссиня-черных волосах серебрятся нити, на левую щеку выбилась из-под шали непокорная прядь. Лицо слегка увяло, вокруг глаз разбежались лучиками морщинки, губы, некогда манившие его свежестью, высохли, шепчут и мелко трясутся. Дрожат и пальцы левой руки на щеке Ахсартага. Он повернул голову и при-ник к ее ладони губами.

— Ахсартаг, мое потерянное солнце!..

— Налкута!.. — вырвалось вместе со стоном из уст Ахсартага имя, которое тысячи и тысячи раз все эти годы повторял он в душе.

И оба замолчали. Казалось, иссякли слова, которые они столько лет берегли друг для друга, храня в душе надежду, что когда-нибудь их доведется произнести вслух.

— Как ты изменился, Ахсартаг, — первой нарушила молчание Налкута.

— И ты уж не та, Налкута...

Снова пауза.

— Что стало с нашими товарищами?

— Многих уже нет в живых...

И опять тягостное молчание. Ахсартаг закрыл глаза. Налкута поняла, что он страдает в душе, переживая гибель друзей. Наконец, он заговорил:

— Кто принес меня сюда?

— Я... — не сразу ответила Налкута.

Перед его глазами возник образ того странного паренька, его добровольного телохранителя, и Ахсартаг чуть не подскочил в кровати.

— Так это была ты?!

— Да, я... Лежи, лежи!

— Спасибо, любимая!.. — горячо воскликнул Ахсартаг, снова прижав ее ладонь к своим губам.

Дверь медленно отворилась, и в комнату на цыпочках вошел Асланбек.

— Асланбек, друг мой! — рванулся к нему Ахсартаг, радостно сверкнув глазами.

— Лежи, не двигайся, у тебя плечо раздроблено! — уложила его обратно Налкута, затем вышла из комнаты, оставив мужчин наедине.

Какое-то время они не начинали разговора. Потом Асланбек рассказал ему о том, что узнал от спасенных им крестьян.

— Погибли наши лучшие друзья, Ахсартаг, погибли с мечтой о счастье, — со слезами в голосе закончил свой рассказ Асланбек.

— Да, Асланбек, пали в бою наши друзья, но не погибло дело, за которое они отдали свои молодые жизни! Весть о нашей борьбе, подобно грому, прогремела по всему Ирыстону и разбудила наш угнетенный народ от векового сна. Свобода достается кровью... И пусть сегодня наша борьба потерпела неудачу, завтра она приведет нас к победе, — убежденно говорил Ахсартаг. — Я прошу тебя, разузнай, кто из красных бойцов остался жив. Передай им, чтобы укрылись до поры до времени в надежном месте, спрятали оружие. Пусть царские прихвостни превратили в пепел Березовое ущелье, но под слоем пепла остались горящие угли. Скоро, очень скоро налетит буря, сметет пепел, и вновь вспыхнет пламя борьбы за свободу! А пока нужно беречь силы, готовить их для новой битвы... А память павших товарищей будет вечно жить в наших сердцах!

— Эх, если бы у нас было сил побольше, мы бы им показали!.. — гневно ударил кулаком по колену Асланбек.

— Да, Асланбек, еще не весь народ пошел за нами. Но многих уже разбудил гром нашей борьбы, и завтра они встанут в наши ряды...

С чашкой теплого молока в руках вошла в комнату Кыркыс.

— Отложите пока ваши разговоры... Пора завтракать Ахсартагу. Да и ты, Асланбек, наверное, голоден...

Похоронив Солыма, Ацырухс осталась одна. Налкута, забрав маленького Бабе, ушла жить в дом своего отца. Не видать что-то и Таймураза, ее дитя, плоть от плоти ее, в мыслях о котором проводит она бессонные ночи, терзаясь в душе от бессилия открыться ему. С той поры, как похоронила она с его помощью Солыма, он избегает ее. Где он сейчас, не случилось ли с ним какая беда?

Вот уже четыре дня Тедотикау в глубокой скорби. Редко в какой семье не похоронили отца, брата или сына, редко какой дом не осквернили казаки... Женщины ходили от одного дома в другой, от одного покойника к другому. Сколько слез они пролили, сколько душераздирающих причитаний сложили по умершим! Потом каждая семья похоронила своего покойника, и все вместе устроили по ним общие поминки.

Казаки пощадили только дома Солыма и Хунцела, а остальные либо разрушили, либо предали огню...

Осталась Ацырухс в огромном пустом доме одна. Одна, как перст, никому не нужная, всеми забытая. А как она стремилась завладеть всем этим добром, стать полновластной хозяйкой большого дома! С той поры, как впервые переступила она этот порог, богатства Солыма удвоились. И вот теперь она хозяйка всего его добра, может распоряжаться им, как ей вздумается. Но не нужно ей ничего, лишь бы целым и невредимым вернулся к ней ее сын, Таймураз...

Но мальчик все не являлся. Где он, где искать его? Быть может, и он попал в эту ужасную бойню? Не истекает ли он сейчас где-нибудь кровью, а может, некому предать его тело земле?

Эта мысль повергала в жуткий страх Ацырухс, ноги подкашивались под ней. Всю ночь не сомкнула глаз Ацырухс. В отчаянии ожидала рассвета, чтобы отправиться на розыски сына, найти его живым или мертвым.

Чуть забрезжил рассвет, как в проеме двери встал Таймураз. Едва не падая от изнеможения, давно небритый, в измазанной кровью одежде, он остановился в дверях, словно не решаясь войти. Юноша похудел, щеки ввалились, усталые глаза были прикрыты воспаленными веками...

— Горе моему очагу! Мальчик, что с тобой? — бросилась к нему Ацырухс. — О, боже, твоя одежда в крови! Уж не ранен ли ты?

— Так, немного оцарапался, ничего серьезного, — с трудом раздвигая запекшиеся губы, улыбнулся Таймураз.

— Ты был с теми?..

— Да...

— Зачем ты пошел, мальчик, а если бы и тебя?..

— Разве я хуже других, чтобы прятаться?

— Ну, заходи, отдохни...

— Спасибо, мне идти надо...

— Никуда я тебя не отпущу! Заходи, слышишь? Смени одежду, умойся, поешь, — Ацырухс схватила Таймураза за руку и силой втащила в комнату. Прошла к сундуку, открыла тяжелую, окованную медью крышку и вынула из него новую одежду — бешмет и черкеску. — Сбрасывай свое тряпье и надень-ка вот это!

— Ацырухс, не упрашивай, не одену, — наотрез отказался юноша. — Мне от Солыма ничего не нужно.

— Надень, солнышко мое, не Солыма эти вещи. Мы с Налкутой их сшили для тебя. Ты обидишь меня, если откажешься...

— Ну, коли так, — спасибо, — согласился Таймураз и неуверенно взял из рук Ацырухс одежду.

Позавтракали. Отдохнув и подкрепившись, Таймураз собрался уходить.

— Прости меня, Ацырухс, и спасибо за все. Материнскую ласку я впервые от тебя узнал... Ты и Налкута были добры ко мне... Если бы не вы — давно убежал бы от Солыма. Но вы скрашивали мое рабское существование, ради вас я терпел его издевательства и несправедливый гнев. Но теперь я должен уйти...

— Куда? — вздрогнула Ацырухс.

— Домой, к своему старому больному отцу. Не откажи мне в просьбе... Жалованье... Поверь, если бы нам с отцом жилось хоть чуточку легче, не стал бы я заговаривать об этом... Но сама знаешь, сколько чего нужно больному...

— Ты отвернулся от меня... На кого же ты меня бросаешь?.. — краска схлынула с лица женщины.

— Появится другой батрак... В это трудное время много стало нашего брата! И потом... Не стану скры-

вать от тебя... Я был с теми, кто выступил против царя. Казаки разыскивают меня. Так что мне лучше поскорее убираться отсюда подобра-поздорову...

Ацырухс слушала, и земля уходила из-под ее ног. Ее последняя надежда в одинокой старости тоже исчезла.

— И ты тоже... покидаешь меня... — слышался ее сдавленный стон, и она словно окаменела. Тщетно Таймураз еще что-то говорил ей, напрасно ожидая ответа. Женщина уставилась взглядом в угол, безучастная ко всему, лишь временами раздавался тяжкий вздох.

Осталась одна на старости лет никому не нужная больная женщина. Произошло то, чего она страшилась больше всего на свете... Несколько лет назад, когда у Солыма появился новый батрак, она неожиданно узнала в нем своего сына. Ожила в ней большая материнская любовь, но ей так и не довелось приласкать свое дитя... Чувства матери пробудились в ее сердце, всколыхнулись, словно волны в бурю, и раскаяние за грехи юности смешалось с огромной нежностью к этому парню. Как хотелось ей обнять, прижать к сердцу вновь обретенное дитя, приласкать своего мальчика, назвать сыном!.. Но она вынуждена была сдерживать свои порывы, чтобы — не приведи господи! — Солым ничего не заподозрил. Она боялась сказать правду Таймуразу. Какими глазами посмотрит на нее сын, которого много лет назад оставила плачущим в люльке?.. Не услышала мать первого слова сына, не увидела его первых шагов, не бросалась на помощь к нему, когда он звал свою гыцци... Знала мать, что сын не простит ей этого, и не осмеливалась раскрыться ему. И вот теперь он уходит. Может быть, навсегда... О-о, не увидит она его больше никогда и унесет свое горе в могилу!

«О, пресвятая богородица! В чем я провинилась перед тобой, за что расплачиваюсь такими страданиями на старости лет? С кем поделиться своим горем, кто поймет меня, кто простит?..»

Оторвалась Ацырухс от своих мрачных дум, обвела взглядом комнату. «Ушел!..» — испугалась женщина и поспешно вышла на балкон. Таймураз прибирал двор. Ацырухс поняла, что юноша напоследок решил помочь ей. «Какой он чуткий и добрый мальчик!» Рыдания сжали ей горло.

«Нет, я не отпущу его... Пусть узнает правду! Может, простит... Если же нет — пусть разорвется мое сердце, и сын своими руками похоронит меня», — решила, наконец, Ацырухс и медленными шагами подошла к Таймуразу.

— Таму, присядь-ка возле меня.

— Сейчас, я пока управлюсь с домашними делами, тебе легче будет, — не прерывая работы, сказал юноша.

— Оставь... Пусть все сгорит здесь... Мне нужно поговорить с тобой...

— Слушаю тебя...

Юноша присел на скамью.

Волнуется Ацырухс, не знает, с чего начать. Таймураз терпеливо ждет, понимает, очевидно, что на сердце у женщины большое горе...

— Таймураз, солнышко мое, послушай, что я тебе скажу... Мой рассказ покажется тебе неправдоподобным... Но, прошу тебя, ...пока не закончу, ни о чем не спрашивай меня.

— Я слушаю тебя, Ацырухс.

— Давно это было... В ауле жили двое молодых людей, влюбленных друг в друга. Были они бедны, но счастливы, а любовь скрашивала нужду. Вскоре у них родился мальчик, и радости их не было границ. Не долго продолжалось их счастье. Нищета вынудила женщину бросить на произвол судьбы беспомощного ребенка и поехать в Тифлис. Там она нанялась в услужение к богачам. Жалкие гроши, что зарабатывала она униженным трудом, отсылала мужу, чтобы семья не умерла с голоду...

Ацырухс рассказывала горькую повесть своей жизни, глотая жгучие слезы. Ничего не скрыла она от сына... Рассказывала обо всем, что пережила она за двадцать с лишним лет своей жизни, исповедовалась в своей трудной судьбе... Жизнь растоптала ее, отняла стыд и честь, швырнула на свалку, но она нашла в себе силы бороться, не сдалась, поднялась вся в синяках и в последний раз завязала смертный бой с миром, построенным на коварстве и лжи... Но вновь она споткнулась о жестокость Со́лыма, подорвала здоровье и скоро сведет счеты с этой подлой жизнью... Все эти страдания она бы безропотно сносила, если бы другое горе не точило ее сердце...

Тут Ацырухс запнулась. Слезы выступили у нее на глазах.

— Другое горе? Что может быть горестнее того, что ты пережила? — удивленно спросил Таймураз.

— О, по сравнению с тем, что ты сейчас услышишь, все предыдущее покажется тебе пустяком... Однажды я встретила того ребенка, которого много лет назад покинула грудным младенцем... С той минуты раскаяние терзает меня... Не решаюсь открыться ему...

— Почему?

— Не знаю, простит ли меня сын... А если даже и простит, то как загладить свою вину перед ним? Вот, скажем, ты... Ты бы простил? — неожиданно обратилась она к Таймуразу с вопросом, который столько времени не давал ей покоя.

Лицо юноши странно потемнело. Не сразу спросил:

— А почему ты меня спрашиваешь об этом?

— Хочу знать, как бы ты поступил на его месте.

Таймураз задумался. Молчание затянулось, и он заметил, что подбородок Ацырухс начал подрагивать. Глаза затуманились...

— Я бы простил, — наконец, сказал он. — Но меня все же интересует, почему тебе так нужно было узнать мое мнение?

— Потому что, потому что... мой сын...

— Где твой сын? Кто он? — сердце Таймураза заколотилось.

— Сидит возле меня.... — Ацырухс не договорила, в глазах ее потемнело, и она потеряла сознание.

— Я?! — сердце Таймураза оборвалось.

Ацырухс пришла в себя на мягкой постели. Открыла глаза и видит: Таймураз сидит возле кровати и твердой шершавой ладонью гладит сухие пальцы матери. Ацырухс чувствует тепло сильной мужской руки и кажется ей, будто живительный бальзам залечивает раны ее изболевшегося сердца. Слишком рано она потеряла своего сына и слишком поздно его обрела вновь...

— Гыцци! — вдруг услышала она тихий голос Таймураза. О, господи, да к ней ли обращено это слово? «Гыцци!» — в ее сознании голос сына крепнет, и вот уже звенит во всю мощь это чудесное слово: «Гыцци!» «Мать», «Мама!». Впервые в жизни ее назвали так, и назвал сын, ее родной Таму! Теперь она не одинока,

есть у нее защита и утешение. «Гыцци, гыцци...» Ацырухс не могла насладиться звуками голоса, произносящего это слово. Слезы теплыми ручьями текли по ее морщинистому лицу...

— Гыцци, что было, то прошло... Не мучай себя больше, — услышала она ласковый голос сына. — Только нищета повинна в твоих мытарствах. Хвала всевышнему, что я нашел тебя! Теперь я больше никому не позволю обидеть тебя.

— Мой дорогой, единственный, радость дней моих!.. — бормотала она, покрывая его лицо поцелуями.

С детских лет мечтал Таймураз о том, что было у большинства ребят — о материнской ласке, о внимательных материнских глазах, заботливых руках... И матерью и отцом был для него Долат. Ни разу не слышал он от отца слова упрека женщине, бросившей его с младенцем на руках. С самых ранних лет отец внушал сыну, что мать отправилась в большой город за хлебом и, когда мальчика особенно нестерпимо мучил голод, он ждал, что отворится дверь их убогой сакли и войдет гыцци с караваем душистого хлеба. И маленький Таймураз переставал плакать, успокоенный прекрасным видением, но — увы! — мать все не шла... Таймураз подрос. Однажды отец сказал ему, что мать умерла в городе и больше никогда не придет к ним. Так и остался жить в его душе образ матери, нарисованный ребяческим воображением. Повстречавшись впервые с Ацырухс в доме богача Солыма, почувствовав ее доброту и заботу, он откликнулся на ее доброжелательность искренним чувством участия. Но чем дальше, тем больше Таймураз замечал, что мачеха господина как-то особенно ласкова с ним, по-матерински ласкова... И вот сейчас он в глубине души несказанно рад тому, что эта добрая женщина оказалась его матерью!..

Нет, не осуждает он свою гыцци! Тяжелую, до краев наполненную страданиями, жизнь прожила она вдали от семьи... Нет, не порицает он ее, а жалеет... Понимает, что проклятая нужда была причиной несчастий Ацырухс, и дает слово бороться против рабства — зла, лишившего его материнской ласки, заставившего мать идти по адским кругам, по кремнистым тропам.

— Гыцци, моя ненаглядная гыцци, как много мне хочется сказать тебе, но сейчас для этого нет времени, — утешал он Ацырухс. — Товарищи ждут меня.

— Никуда я тебя не отпущу, мой мальчик, ты останешься здесь со мной, — мать еще крепче прижалась к груди сына. — Вот тебе дом, добро...

— Гыцци, все это добро добыто кровью народа и слезами голодных детей. В этом доме кусок не полезет мне в горло, — ответил Таймураз.

— Но это и мой труд, здесь сломалась моя сила, здесь потеряла я здоровье...

— А что же будет с отцом?

Ацырухс задумалась. Действительно, что станет с ним? Кто останется в одинокой старости с Долатом? Ведь он отдал всю жизнь своему сыну и сумел выстоять, поставить на ноги сына...

— Верно, нельзя оставлять отца... — согласилась она.

— Идем домой, гыцци, идем со мной. Этот дом проклят богом. В нашей сакле нам будет лучше, чем в этих хоромах...

Перед глазами Ацырухс встало полустершееся из памяти воспоминание о бедной лачуге, в которую она когда-то вошла невесткой... Как близки и дороги ей были бедные углы их сакли. Лежит, должно быть, в своем убогом жилище Долат, ее Долат, дороже которого, казалось, нет никого на свете... Лежит один, больной, неухоженный, и даже некому воды подать ему... Как молил он вернуться ее домой, когда в последний раз виделись они в Тифлисе! Простил он ей проступок, но молодая Ацырухс не могла после всего возвратиться в семью. Как она сожалела об этом безрассудстве!.. С какой же совестью она теперь вернется домой? Как покажется ему на глаза?

— Нет, мой мальчик, нет, виновата я перед твоим отцом...

— Мой отец, гыцци, после тебя так и не женился. Видел я, как он страдал без тебя. Все эти годы он жил одной надеждой, что ты вернешься. Не бери греха на душу... Твое возвращение будет для него, как луч солнца, который согреет его в старости. Пойдем, — положив руки на плечи матери и глядя ей прямо в глаза, просил Таймураз.

-- Хорошо... Пойду, мое дитя...

— Будь готова к вечеру. Вернусь с пастбища и тронемся в путь. А сейчас я пойду, попрощаюсь с друзьями, — он взял шапку и быстро сбежал по лестнице. В воротах обернулся, помахал ей рукой:

— Жди меня, гишци!

Поздно вечером, когда аул затих, с четырех сторон занялся огнем богатый дом Солыма. Люди сбежались на пожар и в оцепенении глядели, как языки пламени лизали стены и крышу, пока на пепелище не осталась лишь обгорелая каменная кладка стен. Ацырухс нигде не было видно, и селяне решили, что она подожгла дом и сама тоже сгорела в нем.

Исчезли и бесчисленные стада Солыма. Исчезли вместе с пастухами, но никто не горевал из-за них, и никто не стал разыскивать их...

V

В укромном месте, в стороне от Тедотикау, жили уединенной жизнью Барсаг и Фардыг. Давно уже отделились они от людей. Чудовищное несчастье, обрушившееся на их семью, клевета, ославив фамилию Бесоловых, отторгла стариков от людей. Не стали они ходить в аул ни к столу веселья, ни к поминальной трапезе, опасаясь, что кто-нибудь неосторожным словом разбередит их незажившие раны. Барсаг, конечно, ни на минуту не допускал, что слух об Ахсартаге и Зарине — правда, но поди и докажи каждому свою правоту. Так и жили они, кормясь своим трудом. Адзыбе помогал им чем мог, старался не оставлять их без внимания... От горя и забот слишком рано побелели их головы, согнулись спины, угас блеск глаз.

Три года назад, в полночь, к ним неожиданно явился Кази со стражниками. Обыскали всю саклю, перевернули все вверх дном, но так и не сказали, что ищут. После налета в течение двух месяцев их жилище было под неусыпным наблюдением стражников.

Несчастные старики потеряли покой. Сердцем почувствовали, что какая-то беда опять подстерегает их, но Кази не сказал им ни слова.

Однажды ночью разразилась гроза. Ливень обрушился на ущелье, засвистел пронизывающий ветер. Стражник, приставленный караулить дом, промок на-

сквозь, озяб и, постучавшись в дверь, попросил пустить его погреться у огня.

Гость есть гость, и Фардыг с Барсагом приняли стражника в меру своих скромных возможностей. После ужина женщина умоляюще обратилась к нему:

— Заклинаю тебя именем своих родителей, скажи, что за несчастье опять угрожает нам?..

Стражник отмалчивался, но когда Фардыг упала перед ним на колени, он не выдержал мольбы расплакавшейся женщины и раскрыл тайну:

— Только смотрите, чтобы никто не узнал о том, что я скажу! От начальства пришла бумага: ваш сын бежал из Сибири...

Муж с женой стояли, как громом пораженные.

— О, господи великий! — подкосились ноги Фардыг. — Но ведь давно уже известно, что он умер!..

— Да жив он, говорю же...

— Жив, жив Ахсартаг!.. Да отблагодарит тебя небо за нас, хороший ты человек! Твоими устами да мед пить! — от всей души благодарила гостя старая Фардыг.

— Ваш сын был парнем что надо... Впрочем, в его делах я ничего не смыслю. Но если появится он здесь, предупредите его, пусть не показывается на глаза никому...

Стражникам надоело зря караулить одинокую саклю, и они оставили Барсага в покое. Но Кази, не успокоившись, часто навещал их в неурочное время... Но в конце концов и он перестал ходить к ним.

С той поры надежда прочно поселилась в маленьком доме. Когда по ночам за стеной раздавался какой-нибудь шум, Барсаг и Фардыг вздрагивали, настораживались, выходили во двор, вглядывались в темноту, но тот, кого они ждали с таким нетерпением, все не шел.

И вот недавно Адзыбе принес радостную весть. Рассказал, что клеветника Солыма, по вине которого погибли Хасана, Зарина и Ахсартаг, вывели на чистую воду. Разоблачили его брат Налкуты Булатыко и Ацырухс.

Распутался дьявольский клубок, погубивший семью Барсага. Так вот кто запятнал честь его семьи! И сказал он слова, которые давно берег для такого дня:

— Я знал, что рано или поздно правда станет известна вам, люди!

В тот день, надев свою лучшую одежду, Барсаг пришел в аул. Впервые за последние годы он появился на ныхасе. Мужчины поздравляли его, радовались вместе с ним, а кое-кто стыдливо отводил глаза...

Много удивительного узнал в тот день Барсаг от своих односельчан. Узнал, что какой-то Кассай приехал из Тифлиса и раздал беднякам земли Солыма и Хунцела. Власти прислали казаков наказывать крестьян за бунт, а Кассай вместе с молодежью в теснине ущелья разбил отряд карателей наголову, не оставив в живых ни одного врага. И сейчас он сидит там, над ущельем, ожидая новые отряды казаков...

Воротился Барсаг домой с улыбкой в седых усах и крикнул жене:

— Э-э, хозяйюшка, чудеса творятся на свете, удивительные вести я принес! Послушай-ка, — и он поведал Фардыг все, что узнал на ныхасе.

— А кто этот Кассай?

— Его, говорят, из Тифлиса прислали... Сказывают, недюжинного ума и силы этот человек...

— Пусть господь даст ему долгих лет жизни на радость родившей его матери, — благословила незнакомого героя Фардыг.

Но вскоре до них дошла страшная весть о гибели молодежи аула в схватке с карателями. Говорили, что с ними погибли Адзыбе и Кассай. А потом в Тедотикау прискакали казаки и сравняли аул с землей.

На отшибе стояла их сакля, и казаки, торопясь в другие аулы, обошли ее стороной.

Погоревали вместе со всеми стариками и женщинами аула и Барсаг с Фардыг. Общее горе подкосило бедных стариков.

Прошло около месяца.

Однажды ночью, как обычно, старики сидели со своими печальными мыслями. Где сейчас их сын? Если он бежал из Сибири, то куда же девался, почему не пришел домой, как он мог забыть родителей? Скорее всего, его уже нет в живых, иначе он давно навестил бы их...

— Хозяйюшка, сегодня поминальный день, — состря-

пай-ка лаузы¹, помянем наших покойников, — заметил муж жене.

Фардыг встала у корыта с тестом.

Вскоре лаузы были готовы. Накрыла фынг, Барсаг поднял рог с аракой:

— О, господи, большое горе обрушилось на наши горы... Воздай же по заслугам нашим угнетателям, поразь ты их своим гневом за жестокость и бессердечие! А вам, лучшие парни аула, цвет нашего ущелья, царствие небесное, да будет земля вам пухом. Царствие небесное тебе, Адзыбе, ты нам был, как сын родной, и любили мы тебя, как свое дитя... Царствие небесное и тебе, Кассай, ты принес себя в жертву ради счастья людей, и пусть твои дела и имя твое никогда не забудутся в народе... Царствие небесное и тебе, Хасана, вместе с женой стали вы жертвой подлого навета... Царствие небесное и тебе, Ахсартаг, сын мой...

В этот миг в ворота постучали. Барсаг прервал свой печальный тост.

— Хозяюшка, поддержи-ка рог, кто-то стучится, — муж сунул сосуд с аракой в руки растерявшейся жене и вышел во двор. — Кто там?

— Гости! — раздался из темноты незнакомый голос.

— Гость дарован богом, что ж, заходи, коли с миром пришел!

Незнакомец следом за Барсагом вошел в дом.

— Добрый вечер! — приветствовал гость, переступив порог. — Извините, что так поздно побеспокоил вас.

— Ты не беспокоишь нас, добрый человек, а большую честь оказываешь. Живем мы по-стариковски в этой берлоге, никого не видим, никто не жалуется к нам, — сказала Фардыг и засуетилась. — Будь добр, присядь поближе к фыngu.

— Простите меня, но вы, может быть, не знаете меня. Я — внук Додти из Уалвазкау.

— Уж не Дзабега и Хадизат ли сын?

— Он самый.

— Асланбек, дитя мое, как я не узнала тебя сразу, — обняла Фардыг гостя. — Какой бог тебя прислал в это позднее время?

— Еще раз прошу прощения, что пришел в такой

¹ Лаузы — блины, пекутся к поминальному столу.

неурочный час, но меня привело важное дело. Я принес вам радостную весть, которая согреет ваши исстрадавшиеся сердца.

— Да будь ты всегда посланцем счастья, дитя мое. Мы слишком заждались радостных вестей, все горе и горе навещает нас... Мы слушаем тебя, Асланбек.

— Слышал я, будто Ахсартаг жив, — осторожно начал Асланбек.

— От кого ты слышал, да стану я жертвой за тебя? — вздрогнула Фардыг.

— Говорили мне, недавно видели его...

— Где? — мать бросилась к гостю.

— Вы слышали о Кассеае? Говорят, что это Ахсартаг...

Муж и жена остолбенели.

— И опять господь прогневался на нас! Не повидав родителей, сошел он в могилу! О, горе мне! — запричитала старуха.

— Нет, он не умер.

Барсаг чувствовал в глубине души, что Асланбек явился не зря, и сердце его замерло в ожидании известия, но гость все тянул.

— О, вестник счастья, скажи мне откровенно, где он?!

— За воротами. Но не один, а с Налкутой...

Мать рывком бросилась к калитке. За калиткой стояли Ахсартаг и Налкута.

— Дети мои! — успела она вскрикнуть и замерла в объятиях сына.

С большим трудом удалось успокоить Фардыг.

— О, каким же ты безжалостным оказался, как ты мог не показаться на глаза своей матери, я ведь все очей проплакала по тебе, — сокрушалась она.

— Прости, гыцци, иначе я не мог поступить. Боялся, что если второй раз придется тебе хоронить сына, то не выдержишь. Прости... — Ахсартаг повернулся к отцу. — Баба, ты поймешь меня. Позорное пятно легло на меня. И я не мог показаться людям на глаза, пока не смыл с себя эту гадость и не восстановил твое доброе имя... Я не мог иначе, и вы простите меня!..

— Здравствуй, сын мой!

— Отец! — мужчины крепко обнялись.

— Барсаг, Фардыг, вот ваша невестка, Налкута, вы

потеряли ее когда-то, как и своего сына... Простите нас, мы не так хотели бы просить вашего благословения, но судьба распорядилась иначе, и не наша в том вина... Благословите и поздравьте нас!

— О, да стану я жертвой за вас! О, святая богородица, как ты осчастливила нас на старости лет! Налкута, дитя мое, я издали любовалась тобой, не смея приблизиться, — радости матери не было границ.

Около недели Ахсартаг и Налкута провели в доме родителей. Но вечером Ахсартаг объявил:

— Гыцци, баба, простите нас, мы бы очень хотели остаться здесь навсегда, но сейчас это невозможно... Меня преследуют, если поймают — каторги не миновать. Мы должны уйти отсюда.

— Нет, нет! Не отпущу! — задрожала несчастная мать.

— Да, гыцци, нам надо идти... Ты ведь сама знаешь, что нам нельзя оставаться.

Барсаг понимал, что сын его вышел на большую дорогу, и хоть не во всех его делах разбирался, но сердцем чувствовал: сын не сойдет уже с этого опасного, но благородного пути.

— Пусть уходят, хозяйюшка, им виднее... Пожелаем им доброго пути...

Эпилог

Небо на востоке заалело, когда по гребню склона поднялись на перевал три всадника: Ахсартаг, Асланбек и Налкута с маленьким Бабе.

Перед тем, как скрыться за перевалом, путники остановились и последний раз бросили взгляд вниз — туда, где в объятиях скал сиротливо приютилась одинокая сакля.

— Дорогие родители, ждите нас! — помахал рукой Ахсартаг. — Мы вернемся и принесем с собой весну, весну счастья и свободы! Мы непременно вернемся!.. Ждите нас, люди!

Будто подожженное, запылало небо там, откуда вставало солнце. Всадники повернулись лицом к востоку, залюбовались величественной картиной рождения нового дня и, тронув коней, поспешили навстречу заре.

1968—1969 гг.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая	5
Часть вторая	249

Владимир Михайлович Гаглойты

ПРОБУЖДЕНИЕ

РОМАН

ვლადიმერ მიხეილის ძე გაგლოთა

გამოღვიძება

რომანი

გამომცემლობა „ირისტონი“, ცხინვალი, 1973

Редактор *И. В. Голова*
Худож. редактор *А. Д. Ванеев*
Техн. редактор *В. А. Тедеева*
Корректор *Н. С. Петова*

Сдано в набор 11. IV 1973 г. Подписано к печати 10. VIII 1973 г.
Формат бум. 84x108¹/₃₂. Усл.-печ. листов 26,1. Уч.-изд. л. 26,2. Тираж
50.000 экз. ЭТ 00957. Заказ № 695. Цена 86 коп.

Издательство «Ирыстон», г. Цхинвали, ул. Ленина, 3. Типография
№ 10 Государственного комитета Совета Министров Грузинской
ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли,
г. Цхинвали, ул. Московская, 5.

